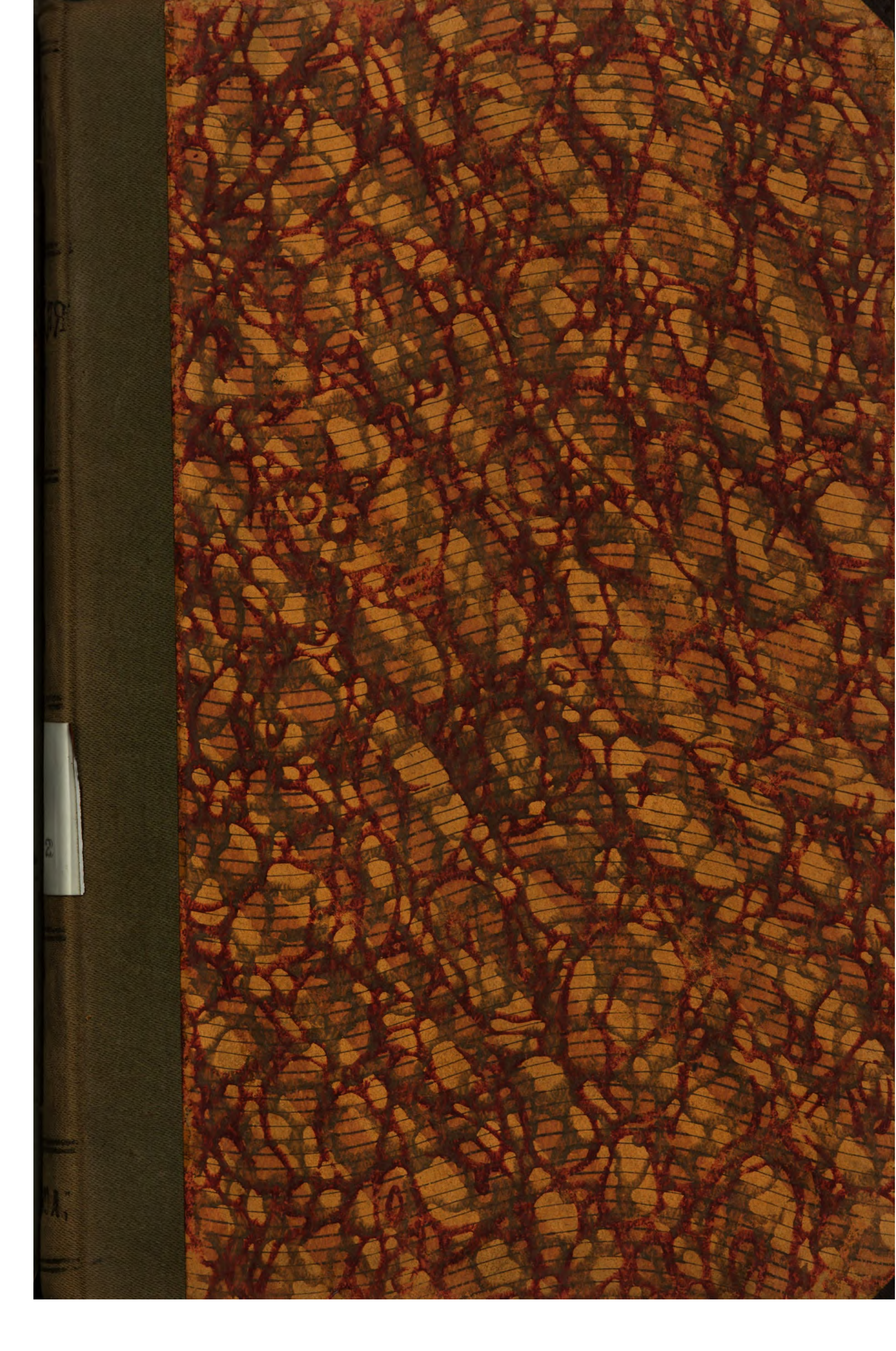
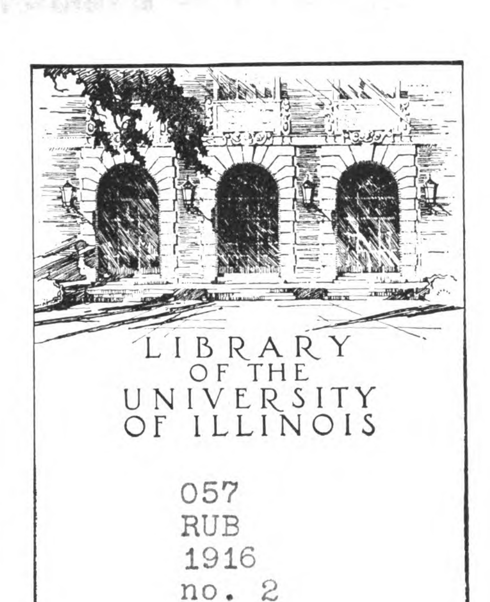

Русскія Записки

1916 г.

№ 2. ФЕВРАЛЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. ВЪ СУГРОБАХЪ . . . . С. Матвѣева.
2. КРЫМСКІЙ ЧАБАНЪ. Стихотвореніе. . . . Зинаиды Тулубъ.
3. КАПЛИ ВЪ МОРѢ. I. ВѢСТОЧКА. II. ТИХІЯ ДУШИ. . . . . Н. Киселева.
4. СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦѢНКА ВЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. . . . . А. Чекина.
5. У ВРАТЪ САМАРІИ. . . . . Уильяма Дж. Локка.
6. СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ. . . . . Н. Олигера.
7. СТИХОТВОРЕНІЕ. . . . . П. Радимова.
8. О МАКСИМѢ ГОРЬКОМЪ. . . . . А. Дермана.
9. ВНУТРЕННЯЯ ЛѢТОПИСЬ . . . . А. Петрищева.
10. МОБИЛИЗАЦІЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА. . . . . Гр. Шрейдера.
11. ИЗЪ АНГЛІИ. . . . . Діонео.
12. ДОРОГОВИЗНА ЖИЗНИ И УЧАЩАЯСЯ МОЛОДЕЖЬ . . . . А. Кауфмана.
13. ИНОСТРАННАЯ ЛѢТОПИСЬ . . . . . . Н. С. Русанова.
14. ЛИТЕРАТУРА И ВОЙНА . . . . Е. Сталинскаго.
15. БИБЛІОГРАФІЯ.
16. ОБЪЯВЛЕНІЯ

№ 2 ФЕВРАЛЬ

Русскія Записки

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

№ 2.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Акц. Общ. „СЛОВО“, ул. Жуковскаго, № 21—23, соб. д.
1916.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. **Въ сугробахъ.** *С. Матвѣева.* . . . . 1—21
2. **Крымскій чабанъ.** Стихотвореніе. *Зинаиды Тулубъ.* 21
3. **Капли въ морѣ. I. Вѣсточка. II. Тихія души.** *Н. Киселева.* . . . . 22—37
4. **Субъективная оцѣнка въ политической экономіи.** (Изъ новѣйшихъ теченій экономической мысли). **А. Чекина.** . . . . 38—59
5. **У вратъ Самаріи.** Романъ *Уильяма Дж. Локка.* Пер. съ англійскаго *З. Н. Журавской* (Продолж.). 60—103
6. **Собачья жизнь.** Повѣсть. *Николая Олигера.* (Продолженіе). . . . . 104—144
7. **Стихотвореніе.** *П. Радимова.* 144
8. **О Максимѣ Горькомъ.** *А. Дермана.* . . . . 145—179
9. **Внутренняя лѣтопись.** I. Циркуляръ о дороговизнѣ. «Наблюдательная дѣятельность». — II. Губернскія совѣщанія и земства.—III. Циркуляръ о дороговизнѣ въ городскихъ управленіяхъ.—IV. О перемѣнѣ на посту предсѣдателя совѣта министровъ. *А. Петрищева.* . . . . 180—209
10. **Мобилизація промышленности и классовая борьба.** (Письмо изъ Италіи). *Гр. Шрейдера.* . . . . . . 210—228
11. **Изъ Англіи.** *Діонео* . . . . 229—254
12. **Дороговизна жизни и учащаяся молодежь.** (По анкетѣ петроградскихъ высшихъ женскихъ курсовъ). *А. Кауфмана.* . . . . 255—273
13. **Иностранная лѣтопись** 1. Что такое патріотизмъ «глупцовъ»? Ллойдъ - Джорджъ и «Таймсъ» о Германіи.—2. Государственная необходимость и права личности. — 3. Цензура во Франціи. — 4. Положеніе дѣлъ въ началѣ 20-го мѣсяца войны. *Н. С. Русанова.* . . . . 273—298
14. **Литература и война.** (Письмо изъ Франціи). *Е. Сталинскаго.* . . . . 298—323

15. **Библіографія.**
Вл. Лидинъ. Трынъ-трава.—Записки Оли Петровой.—О. Генри. Сердце Запада.—И. П. Василенко. Очерки по исторіи Западной Руси и Украины.—В. Герье. Расцвѣтъ западной теократіи.—Ник. Сухановъ. Наши лѣвыя группы и война.—Самозащита.—Григорій Ландау. Польско-еврейскія отношенія. — Сборникъ великорусскихъ частушекъ. — Ф. Клейнъ. Парижскіе дѣтскіе сады.—А. А. Поповъ. Популярныя таблицы по исторіи философіи.—Б. А. Рославлевъ. Земскій народный театръ и передвижная условная сцена.—Его же. Каталогъ драматическихъ пьесъ и списокъ театральнаго инвентаря для училищной народной сцены.—Новыя книги, поступившія въ редакцію . . . . 324—348
16. **Объявленія.**

Въ сугробахъ.

Учитель Василій безостановочно шагалъ изъ угла въ уголъ, а сторожиха Степанида лежала на печи.

Каждый день подъ вечеръ начинала разыгрываться вьюга и бушевала всю ночь. Всю ночь тревожно и однообразно стучала оторвавшаяся доска на крышѣ и сипѣло въ углахъ, щеляхъ и пазахъ новаго одинокаго дома училища, стоявшаго окнами въ поле.

Съ самаго Рождества дуло каждый день.

Подъ вечеръ, какъ только разбѣгутся ребятишки и наступитъ тишина, уже слышно, какъ шаритъ вьюга за стѣной, а въ окна видно, какъ по мертвенно-бѣлому полю, по наструганному насту, быстро несетъ, курится и дымитъ поземка. Учитель начинаетъ маршировать безостановочно, а Степанида все лежитъ на печи.

Баба молодая, здоровая, Степанида лежитъ и гнусавымъ голосомъ жалуется на свои болѣзни. То у ней поясницу ломитъ, то въ крыльцахъ, въ суставахъ—либо ломитъ, либо стрѣляетъ.

— Тягчитъ чего-то... быдто какъ облако наваливаетъ... къ погодѣ опять, што-ль... Межъ папоротковъ опять чего-то... И все быдто спать хочу.

Степанида охаетъ, бормочетъ, вьюга гудитъ, швыряетъ въ окна сухимъ морознымъ снѣгомъ, а учитель Василій все ходитъ, все ходитъ.

И такъ каждый вечеръ, а вечера длинные, съ годъ...

— Даве вздремнула малость,—гнуситъ Степанида,—и вижу, прости Господи мои согрѣшенія—быдто сонъ: лѣзешь ты ко мнѣ быдто на печь и лѣзешь... Я... тово, и такъ, и этакъ: пусти, говорю... А чего я съ тобой, съ охальникомъ сдѣлаю... Проснулась и думаю: я одна тутъ съ тобой да ночь глухая, что хочешь ты со мной, то и сдѣлаешь. Вонъ ты какой быкъ воловый!

Учитель сурово хмурится, посылаетъ на печь Степанидѣ черта и опять маршируетъ.

— И—то сказать: я—баба молодая, немужняя, а баба безъ мужика, что горшокъ безъ покрышки...

Учитель Василій Знаменскій совсѣмъ еще молодой человѣкъ.

— Все ходитъ, все ходитъ,—не унимается Степанида, заглядывая съ печи,—хоть бы присѣлъ. Самоваръ нѣшто поставить!

Закуритъ учитель; постоитъ, прислушается... Надѣнетъ тулупчикъ и выйдетъ. Выйдетъ и сразу попадетъ во тьму кромѣшную...

Зашвыряетъ ему лицо снѣгомъ, насыплетъ за воротникъ, распахнетъ и затреплетъ полами тулупчика—не скоро ихъ поймаешь, а кругомъ—хаосъ! Въ свѣту изъ оконъ школы снѣгъ несетъ полосами, строитъ косы и ходитъ по острымъ хребтамъ бѣлый дымъ столбомъ. Со стороны кладбищенской рощи гулъ идетъ, густой, раскатистый. Съ колокольни падаетъ въ воющій мракъ рѣдкій грустный звонъ. Точно важнаго покойника хоронятъ. Долго плыветъ густой струнный звукъ, — словно голосъ большого старика, одинокаго грустнаго человѣка,—замирая задумчиво, не то рядомъ, не то очень далеко.

Село внизу подъ горой.

Сдѣлаетъ учитель нѣсколько шаговъ безъ всякой надобности, завязнетъ въ первой же косѣ и воротится домой.

Снѣгъ все валилъ и валилъ, сугробы все росли и росли. Особенно скучно было въ праздники.

Сходитъ Знаменскій къ обѣднѣ—въ церковь онъ ходилъ не только по обязанности, но еще съ дѣтства привыкъ и любилъ ходить — сходитъ и сидитъ затѣмъ дома, не зная, куда дѣвать себя.

Подъ вечеръ пойдетъ, пройдется вдоль села, помѣряетъ сугробы. Въ селѣ избы еще съ осени спрятались въ солому и завалины; теперь ихъ занесло по самыя крыши. Сугробы росли и снизу и сверху, свисали съ крышъ и завивались кудрявымъ карнизомъ. Отъ дворовъ косы протянулись поперекъ улицы до самой дороги. Не очень разгуляешься по улицѣ вдоль села.

Увязая на дорогѣ, пройдетъ учитель вдоль села въ одинъ конецъ, потомъ въ другой. Въ концахъ, и въ томъ, и въ другомъ — поле, а съ поля низомъ несетъ жгучій вѣтеръ—духъ захватываетъ! По дорогѣ съ вѣшками въ кудрявомъ инеѣ мужики ѣдутъ, полозья визжатъ, точно имъ нестерпимо больно, въ саняхъ увязанныя неуклюжія куклы. Холодно. Запахнется учитель поплотнѣе и пойдетъ домой.

Четыре мѣсяца онъ живетъ въ селѣ, а знаетъ четыре

дома, не болѣе: Канифатовыхъ, Егора Иванова, молодого о. Павла и стараго о. Петра—вотъ и все. Это самые большіе дома въ селѣ.

Ходилъ онъ знакомиться однажды на Рождествѣ и не любитъ вспоминать объ этомъ.

Вонъ направо въ порядкѣ широко вылѣзаетъ изъ сугробовъ дворъ Канифатовыхъ—церковнаго старосты. Именно не домъ, а дворъ. Въ селѣ такъ и говорятъ: „идтить къ Канифатовымъ на дворъ". Домъ большой, но кажется только пристройкой подъ бокомъ у огромнаго двора, покрывшаго, растопырясь, какъ курица цыплятъ, амбары, кладовыя, погреба... Остались въ памяти тутъ вездѣ огромные замки, желѣзные болты, засовы, окованные сундуки, теплые бараньи мѣха, тулупы, шубы, крупные, широкіе, бородатые люди—богатырское племя.

Учителя позвали въ горницу. Въ горницѣ полы были промыты до сіянія, по полу половики, вдоль стѣнъ огромные сундуки и печка съ золотыми разводами. На столъ подавали дѣвицы, обѣ такія пышныя, что все на нихъ казалось узко такъ у нихъ и выпирало—вотъ - вотъ лопнетъ и, казалось именно отъ нихъ въ горницѣ жарко. Стрѣляли глазами онѣ и хихикали, а Знаменскій съ большимъ достоинствомъ пощипывалъ тамъ, гдѣ могли бы быть усы, и никакъ ни одного слова не могъ придумать, чтобы начать разговоръ. Ничего не придумавъ, онъ ловко щелкнулъ крышкой портсигара и хотѣлъ закурить, но какъ разъ въ это время вошла широкая, какъ печь, старуха, важная и хмурая. Посмотрѣла пристально на портсигаръ и произнесла:

— Эт-та што такое?—Взяла изъ рукъ портсигаръ и выбросила всѣ папиросы въ печку. — Съ этимъ, молодецъ, къ намъ не ходятъ!

А дальше было еще хуже.

— Молодой ты парнишка, а набаловался. Безъ отца, безъ матери живешь на своей волѣ, вотъ поучить тебя и некому: взять бы за вихры да отмотать хорошенько—не балуйся, не балуйся, не соси дрянь!.. Такъ-то, голова — два уха... Поучить некому да и пожалѣть, видно, некому: вонъ пальтишко-то какъ истрепалъ, а подъ рукавомъ никакъ порвалъ?.. Скинь, дѣвки тебѣ живымъ манеромъ зачинятъ.

Учитель Василій тогда настолько растерялся, что самъ покорно снялъ свой пиджачишко и сидѣлъ красный, какъ клюква, улыбаясь и бормоча какія-то нелѣпости.

„Улыбаюсь, какъ дуракъ, чертъ меня подери!"

Прямо напротивъ Канифатовыхъ большой колодецъ и домъ Егора Иванова Дудкина—попечителя школы. Это уже

домъ, а не дворъ; домъ расписаный, какъ вяземскій пряникъ. Онъ отодвинулъ отъ себя окружающій хламъ, отступилъ немного назадъ и всталъ на просторѣ, какъ франтъ на гуляньѣ. И Канифатовы, и Егоръ Ивановъ чѣмъ-то торгуютъ, учитель не зналъ чѣмъ, но уже слышалъ, что домъ и дворъ между собой не въ ладахъ.

Тогда, на Рождествѣ, выскочивъ съ зашитой прорѣхой отъ Канифатовыхъ, онъ прямо пошелъ къ Егору Иванову. Неизвѣстно, собственно, зачѣмъ пошелъ, такъ ужь — понесло и поплылъ. Здѣсь былъ совсѣмъ иной міръ. Егоръ Ивановъ жаловался на „нервное настроеніе“, поминутно нажималъ кнопку звонка, висѣвшаго надъ столомъ въ видѣ кисточки и напоилъ учителя коньякомъ. Богъ знаетъ, что это за коньякъ былъ, но послѣ него у учителя двѣ недѣли голова болѣла, а тогда, выйдя отъ Егора Иванова, онъ по сугробу сзади забрелъ на чью-то повѣть, провалился на дворъ—чуть его собаки не загрызли — и попытался затесаться къ о. Павлу...

Хуже всего былъ визитъ къ о. Павлу.

Въ селѣ только у о. Павла не замерзаютъ окна, а у о. Петра и у всѣхъ прочихъ православныхъ какъ залубянѣютъ съ первыхъ морозовъ, такъ и не оттаиваютъ вплоть до весны. О. Павелъ—молодой, строгій, ученый священникъ, носитъ сіяющіе тугіе воротнички и манжеты съ запонками. Къ нему нельзя войти такъ — просто, здорово живешь, а нужно позвонить, и мужики подолгу дергаютъ за ручку звонка, потому что ужь очень осторожно дергаютъ. У о. Павла молоденькая попадья и есть піанино.

И Знаменскій тогда, держась за косяки на крыльцѣ о. Павла, дергалъ за ручку звонка и, кромѣ того, стучалъ кулаками и говорилъ по-французски.

Его однако не пустили.

Попадья хохотала за дверью, а онъ говорилъ: „мадамъ, силь ву пле же ву при увриръ ля портъ“. Потомъ пѣлъ: „На воздушномъ океанѣ безъ руля и безъ вѣтрилъ“...—Фу, идіотство!—Проходя мимо свѣтлыхъ оконъ о. Павла, онъ и теперь закрываетъ лицо воротникомъ тулупчика.

Но это не все. Семенъ и Матюха, братья Семичевы, притащившіе его домой, разсказывали, что взяли его подъ окнами стараго о. Петра. Будто бы онъ сидѣлъ въ незапряженныхъ порожнихъ саняхъ и кричалъ: „Н-но! Эй, берегись!“

Этого онъ ужь совершенно не помнитъ, можетъ быть, такъ и было, а, можетъ, они и врутъ.

Послѣ этого злополучнаго выступленія учитель Василій ни къ кому ни ногой.

Изъ простого народа учитель знаетъ только этихъ братьевъ Семичевыхъ да Кобозева. Семена Семичева знаетъ еще потому, что именно на его худую повѣть онъ забрелъ тогда сзади по сугробу отъ огородовъ и еще потому, что у Семена всѣхъ дольше горитъ огонь въ избѣ — онъ сапожникъ, работаетъ по вечерамъ и мужики отъ скуки каждый вечеръ набиваютъ его избу. Степанида говоритъ: „Притонъ у него".

А Кобозевъ приходилъ къ учителю подстригаться подъ польку. Это—человѣкъ упрямый, самолюбивый, съ толстой угреватой шеей и короткими толстыми ногами, бывшій военный писарь. Онъ поетъ басомъ, прямымъ и толстымъ, какъ бревно, и управляетъ хоромъ на клиросѣ, чѣмъ непомѣрно гордится. Учитель отказался подстригать, потому что не умѣлъ, но Кобозевъ, кажется, не повѣрилъ этому и, вдобавокъ, они поспорили и разошлись, не понравившись другъ другу. Рѣчь зашла о сотвореніи міра. Учитель сказалъ, что о сотвореніи міра въ семь дней нужно понимать не просто, а иначе... Ученые, братъ, давно доказали, что отъ сотворенія міра прошло, можетъ быть, сто тысячъ лѣтъ или больше и что человѣкъ, можетъ быть, произошелъ отъ обезьяны... Онъ такъ и сказалъ, „можетъ быть",—но Кобозевъ почему-то обидѣлся и было ушелъ, хлопнувъ дверью и проворчавъ— „самъ ты, братъ, обезьяна!" Потомъ воротился и спросилъ

— А какъ же—поется: „Тебе на водахъ повѣсившаго всю землю неодержимо"? Значитъ, ты и этого не признаешь?

Потомъ они какъ-то сейчасъ-же перешли на пѣніе. А какъ перешли на пѣніе, то раскричались такъ, что у Степаниды на печи въ поясницу вступило.

Все это было еще на первыхъ порахъ около Рождества. Съ тѣхъ поръ только ребята торятъ тропу отъ села къ школѣ. Каждое утро ребята натопчутъ веселый узоръ и вокругъ школы, но къ вечеру его занесетъ вьюга. Село спитъ въ сугробахъ, а училище стоитъ окнами въ поле и время тянется медленно-медленно, и все будто вечера да ночи, день, точно прорѣха въ черномъ покрывалѣ неба,—ночь ее быстро зашьетъ.

Вечеромъ, слушая, какъ тревожно и однообразно стучитъ оторвавшаяся доска на крышѣ и сипитъ вѣтеръ въ щеляхъ пазовъ, учитель ходитъ изъ угла въ уголъ, а Степанида жалуется на свои болѣзни:

— Въ боку чего-то... и въ крыльцахъ вотъ... И все быдто спать хочу...

Въ углу звучно рукомойникъ капаетъ, въ другомъ углу забытая стопка книгъ... Что же изъ этого?.. Конечно, учитель Знаменскій, какъ и всякій молодой учитель, собирался за-

няться самообразованіемъ но... еще не собрался... Ходитъ онъ, ходитъ, возьметъ тетрадь съ нотами, собственноручно имъ переписанную, уйдетъ въ классную комнату, гдѣ такъ пусто и гулко, сядетъ спиной къ печкѣ, стукнетъ камертономъ по большому пальцу, послушаетъ тонъ и запоетъ канту—сочиненіе одного епископа, очень популярную въ той семинаріи, гдѣ онъ учился, называющуюся „Житейское море“.

II.

Однажды учитель Василій отобралъ четырехъ мальчиковъ съ хорошими голосами, назвалъ двоихъ дискантами, а двоихъ—альтами и по вечерамъ въ классной комнатѣ у печки сталъ ихъ учить пѣть хоромъ то, что поютъ на клиросѣ въ церкви.

Очень скоро они выучили и „Господи помилуй“—простое и „Господи помилуй“—тройное, и „Тебѣ Господи“, и „Подай Господи“. Выходило такъ хорошо, что мальчишки пришли въ восторгъ, даже Степанида слѣзла съ печи, послушала и одобрила:

— Быдто на струнахъ или на музыкѣ какой!

Рѣшили продолжать дальше.

Конечно, учителю и въ голову не приходило, какія послѣдствія можетъ имѣть эта затѣя, началъ заниматься просто такъ, отъ скуки.

А однажды пришли съ ребятами Семенъ и его братъ Матюха. Братья несмѣло потоптались у порога, повертѣли въ рукахъ шапки и оба вразъ сказали:

— Такъ что, Васильичъ, къ твоей милости... Припусти и насъ. Съ ребятами желаемъ... на счетъ пѣнья. Сдѣлай милость, поучи. Матюха вотъ и я, оба желаемъ.

— Братъ, значитъ, и я,—подтвердилъ Матюха.

Учитель былъ радъ. Братья были самые усердные пѣвчіе на клиросѣ подъ командой Кобозева.

— У Матюхи голосъ толстый, а у меня какъ бы пожиже,—пояснилъ Семенъ.

Учитель приложилъ блестящую стальную палочку къ уху и заставилъ братьевъ по-очередно тянуть за нимъ— „а—а“, поднимаясь вверхъ, точно по лѣстницѣ. Потомъ сказалъ, что у Семена теноръ, а у Матюхи—басъ.

— Слышь, Матюха, у меня кенарь, а у тебя, стало быть, басъ... Помни!

Началось ученье. Братья съ усердіемъ изо всѣхъ силъ голосили гнусаво и уныло. Учитель сердился, стучалъ камертономъ о парту, „проводилъ“ то одного, то другого и взывалъ:

— Пѣть надо, а не кричать! Нужно подобрать голосъ, сжать его! Слушай меня: ре-си-соль... Гляди на мѣру! Разъ, два... Низишь! Низишь—я говорю!..

Объяснилъ, что такое—ре-си-соль, что такое—мѣра. Понимали туго. Мальчишки смѣялись, Степанида вмѣшивалась съ печи:

— Ахъ, супостаты... Какъ вопятъ, какъ вопятъ! Инда виски заломило. Выдумалъ тоже: нѣшто можно нашихъ мужиковъ на разные голоса выучить...

— Степанида, прошу васъ не вмѣшиваться!—сердито кричалъ учитель.

Дѣло было трудное и поздно вечеромъ мужики ушли обезкураженные и печальные.

Но на другой день они явились еще раньше и на третій—такъ же. И вотъ, когда, на третій вечеръ, учитель наконецъ соединилъ ихъ, и большихъ, и мальчиковъ вмѣстѣ, задалъ тонъ и они запѣли неожиданно гармонично, стройно и плавно,—Семенъ, слыша, какъ мужественно и струнно въ строѣ голосовъ звучитъ басъ Матюхи, захлебнулся счастливымъ смѣхомъ и покатился на полъ, задравъ лапти, хохоча и всхлипывая:

— Васильичъ!.. Неужто это мы?.. А? Мать честная!.. Умру! Неужто это мы!

И всѣ хохотали, глядя на Семена.

А разошлись счастливые.

Мужики и ребята бѣжали въ село подъ гору и подъ ногами у нихъ взвизгивалъ морозный снѣгъ. Бѣжали и перекликались:

— Ре, си, соль!—кричали ребята.

— До, соль, ми!—откликался Семенъ, точно маленькій.

Внизу несла и дымила поземка, а небо было ясное, тихое, темно-синее, блестѣлъ на небѣ новенькій серпикъ мѣсяца и горѣли яркія морозныя звѣзды.

III.

Черезъ нѣсколько дней Семенъ привелъ еще Комлева и Кузьму. Вообще съ этихъ поръ вьюга уже не успѣвала заносить тропу отъ села до школы.

Кузьма пѣлъ на клиросѣ басомъ, но учитель нашелъ у него теноръ, и Кузьма, хотя и обидѣлся, но остался; за то у Комлева оказался настоящій здоровенный басъ.

Выучили мелодичную граціозную „Господи помилуй" подъ названіемъ „Птичка", (другая „Господи помилуй" называлась „Лодочка") и учитель сталъ объяснять ноты.

Матюха былъ молчаливый парень, онъ терпѣливо и невозмутимо одолѣвалъ всѣ трудности, только похлопаетъ

глазами на свирѣпый окрикъ учителя, да вытретъ подъ носомъ и опять затрубитъ. Но Семенъ совершенно потерялъ голову.. Такія слова, какъ терція, кварта, квинта, аккордъ, діэзъ, бемоль, миноръ, мажоръ, колдовали Семена,—живыя, волшебныя слова. Ихъ выдумали ученые люди, а теперь зналъ и онъ. Каждое слово въ головѣ у Семена поетъ и развертывается въ глазахъ, точно полоса разноцвѣтной матеріи, скажешь—мажоръ, сейчасъ передъ глазами желто-красно-коричнево-черная полоса поплыветъ. Диво!

Лицомъ Семенъ—какъ въ старину писалось: носъ вскоросъ, сухощавъ, осколковатъ, опрятный мужикъ въ новенькихъ лаптяхъ.

Первымъ дѣломъ Семенъ купилъ бумаги и завелъ себѣ такія же тетради, какъ у учителя. Дома онъ ихъ линевалъ и переписывалъ. Такъ какъ столъ дома былъ всегда занятъ, то онъ писалъ на лавкѣ. Стоя на колѣняхъ на полу, онъ съ самозабвеніемъ выписывалъ эти удивительные крючки, точки, рогульки и закорючки. Потомъ и Матюха, и Кузьма, и Комлевъ стали писать ноты.

Послѣ этого однажды въ школу заявились двѣ бабы.

— Вотъ что, родимый: прогони ты нашихъ мужиковъ, сдѣлай милость! Не смущай ты ихъ, дураковъ, Христа-ради!— Ну, виданое-ли, статочное-ли дѣло имъ твои ноты? Тутъ хозяйство—туда-сюда надо... сапоговъ паръ десять починки ждутъ, въ углу валяются, а они ноты пишутъ!.. Пишутъ-пишутъ да заголосятъ оба вразъ, да руками начнутъ размахивать, да ногами притоптывать—хоть изъ дому бѣги!

— Мой-то—жаловалась Семенова жена—весь полъ въ чернилахъ уводилъ, пишучи, рубашку себѣ перепачкаетъ и рожа, посмотришь, у дурака вся въ чернилахъ... Сдѣлай милость, прогони!

Учитель разсказалъ объ этомъ братьямъ.

— Женщины необразованныя, Василій Васильичъ, и разсуждаютъ по-своему... А что касается нашихъ дѣловъ крестьянскихъ, такъ ихъ никогда не передѣлаешь, всю жизнь дѣлай и не передѣлаешь.

— Такъ мы же больше по ночамъ пишемъ,—откликнулся Матюха.

Выучили еще нѣсколько мелкихъ пьесъ. Дѣло шло все успѣшнѣе. Учитель присоединилъ еще двухъ мальчиковъ и пришли Яковъ Петровъ и Моховъ. Яковъ Петровъ мужикъ серьезный и достаточный, но книгочетъ, любящій выписывать каталоги. Онъ сначала все пристраивался сбоку, несмѣло заглядывая въ ноты, точно большой съ малыми ребятами, но приходилъ всѣхъ раньше.

Теперь всѣ почтительно держали ноты въ рукахъ. Попробовали спѣть Херувимскую—„Царскую“ и спѣли.

Теперь и вокругъ школы сугробы были примяты и истоптаны. Каждый вечеръ теперь подъ окнами слушали, висли на ставняхъ и въ окна заглядывали, къ стекламъ прижимались круглыя рожи со сплющенными носами.

Однажды зашелъ урядникъ.

— Ма-ае пачтеніе-съ! Совершенно случайно... Иду мимо, и—дай, думаю, заверну-съ...—говорилъ онъ, отряхивая снѣгъ съ папахи.—Пѣніемъ занимаетесь? Дѣло ха-орошее-съ... Не могу не одобрить... Это, такъ сказать, ноты...

Покурилъ, полистовалъ ноты и ушелъ. Только, уходя, воззрился на Семена и замѣтилъ:

— Ты, братецъ, тоже здѣсь... присутствуешь? Очень ты сталъ задаваться, братецъ...

Семенъ только подмигнулъ ему вслѣдъ.

— Проходи, не засть... Это Кобозевъ Дема старается—я знаю... И дурашный же мужикъ! Я съ нимъ разругался, Васильичъ, и на крылосъ не встаю... Не могу теперча, нѣтъ моего терпѣнья! Дурью воротятъ, а не слушаютъ. Я говорю—не такъ.—Нѣтъ—такъ.—Не такъ.—Такъ.—Я говорю—наука. Покорись, Дема...—А плевать мнѣ на твою науку,—говоритъ—я на слухъ лучше спою, чѣмъ иной по наукѣ.—Самоумный мужикъ.—Ладно,—говорю—увидимъ тамъ. Теперя онъ противъ насъ зло имѣетъ, потому—подозрѣваетъ...

Замѣтно было, что что-то притаилось у Семена на умѣ.

Разучивали они псаломъ „Хвали, душе моя, Господа“. Это была пріятная, волнующая сердце, работа. Мелодія сама вела голоса и легко переходила изъ тональности въ тональность, то тихая, сладко-печальная, то ликующе-молитвенная, свѣтлая и затѣмъ хвалебно-величественная, когда звуки разростались широко и крѣпко. Всѣмъ нравились и слова: „не надѣйтеся на князи и на сыны человѣческіе—въ нихъ же нѣсть спасенія“... А музыка толковала слова сердцу.

Семенъ пѣлъ, вытянувъ шею, поблѣднѣвъ отъ наслажденія.

Когда кончили и воцарилась тишина, этотъ самый Семенъ вздохнулъ, вытеръ потный лобъ и сказалъ:

— Ахъ, братцы, еслибы мы этакъ-то спѣли въ церкви?

Мысль эта была, видимо, уже всѣмъ знакома. Грѣшный бѣсъ тщеславія показывалъ свои рожки.

И учитель Василій только сказалъ:

— Собственно, какъ же?.. На клиросѣ занято.

— Занято на правомъ, а мы на лѣвомъ.

IV.

И закипѣла работа.

Долго ли, коротко ли готовились, но готовились усердно, и, наконецъ, въ воскресенье назначено было выступленіе.

Богъ знаетъ какими путями, но не только въ селѣ, а и во всемъ приходѣ знали о готовящемся выступленіи. Знали и ждали.

За это время пѣвчіе совсѣмъ отбились отъ своихъ домашнихъ дѣлъ и много терпѣли отъ бабъ. Но всѣхъ больше досталось Семену. Баба у него горластая, перецъ баба, и отъ хлопотъ, волненій и непріятностей дома онъ даже похудѣлъ. Наканунѣ Семенъ совсѣмъ не ложился спать и перебудилъ пѣвчихъ часа за два до заутрени.

Сошлись предварительно всѣ въ школѣ. Молча постояли толпой, потоптались нерѣшительно, покашляли, поправляясь, приглаживая волосы холодными дрожащими руками. И точно не ждали, точно внезапно упало съ колокольни къ заутрени—бо-омъ!—даже вздрогнули всѣ.

Семенъ забралъ ноты подъ мышку, перекрестился и тихо сказалъ:

— Съ Богомъ, братцы.

Рѣшительно шагнулъ за порогъ, а за нимъ и всѣ потянулись гуськомъ поперекъ сугробовъ прямо къ освѣщенной паперти.

Церковь была полна. Народу пришло столько, сколько, кажется, никогда не бывало.

Передъ ними разступились по обѣ стороны до самаго клироса' и сотни глазъ впились — любопытные, изумленные, веселые, лукавые, хмурые—всякіе. Жалятъ, колютъ, слѣпятъ, точно игольчатый острый снѣгъ въ лицо, даже ноги путаются. Впереди Семенъ—въ новыхъ лаптяхъ, волосы смазалъ, въ рукахъ — ноты... Сзади учитель, не зная куда дѣвать свои глаза, а въ головѣ нелѣпая мысль: „а если воротиться да удрать?"

Встали на лѣвомъ клиросѣ.

И на правомъ было необычайно много людей. Сразу было видно, что правые рѣшили не уступать ни въ какомъ случаѣ и Кобозевъ хотѣлъ показать себя. Всѣ знали, кромѣ развѣ учителя, что предстояла борьба и соперничество. И уже намѣчалось раздѣленіе симпатій. Изъ боковыхъ вратъ ободряюще смотрѣлъ на лѣвыхъ о. Павелъ, поправляя свои очки и манжеты. Подошелъ, поздоровался за руку съ учителемъ Егоръ Ивановъ въ хорьковой шубѣ и всталъ впереди всѣхъ, но у лѣваго клироса. Тогда какъ старенькій о. Петръ шмыгалъ большими калошами около правыхъ и

шептался съ Кобозевымъ и—тоже впереди всѣхъ,—стоялъ у праваго клироса огромный и хмурый, какъ копна осенью, Канифатовъ въ бараньемъ тулупѣ.

Улеглась тишина, выжидающая, настороженная.

Наконецъ, изъ темнаго алтаря раздался тихій возгласъ о. Петра. И въ ту же минуту на правомъ дружно гаркнули. И слишкомъ поспѣшно, и слишкомъ громко.

Учитель взмахнулъ камертономъ и тотчасъ же, точно серебряныя струи брызнули по мутному потоку, потекло и покрыло прозрачной рѣкой пѣніе съ лѣваго мутный потокъ правыхъ.

Точно свѣжѣй и свѣтлѣй стало въ темной церкви.

Такого пѣнія еще не слыхали въ этихъ стѣнахъ и для самихъ лѣвыхъ оно здѣсь по-новому звучало.

— То-то,—мысленно адресовалъ Семенъ Кобозеву,—говорилъ—покорись!

Пѣли все больше на два клироса, и плавное пѣніе съ лѣваго, то замирая высоко подъ куполомъ, то расширяясь до самыхъ дальнихъ угловъ церкви, какъ будто не прерывалось, все покрывая—прозрачное, легкое, стройное.

Слишкомъ старались на правомъ: неумѣренно громко и слишкомъ поспѣшно гаркали.

— Эка,—точно возъ дровъ грохнетъ!—усмѣхался Семенъ мысленно.

Показали себя, когда пѣли ирмосы.

На встрѣчу рубленой скороговоркѣ съ праваго, поплыло тихое, какъ вздохъ, гармоничное пѣніе лѣвыхъ, а басы Матюха и Комлевъ рокотали октавами, какъ горохомъ сыпали; потомъ они же отличились,—приподняли, да такъ высоко и крѣпко грянули, что всѣ поглядѣли вверхъ—не балка ли треснула.

Въ заключеніе лѣвые спѣли легкую, свѣтлую—„Видѣхомъ свѣтъ истинный“, а за обѣдней за причастнымъ—„Царю Небесный“, пьесу, стоившую имъ многодневныхъ трудовъ.

Эта торжественная пѣснь, можетъ быть, благодаря приподнятому настроенію, была спѣта въ нѣсколько быстромъ темпѣ и прозвучала, пожалуй, слишкомъ торжественно, даже бравурно. Голоса мальчиковъ порхали, точно веселыя птички, подзванивали, какъ колокольчики, а басы бушевали, гремѣли, ухали. Не слѣдовало бы такъ.

Послѣ обѣдни, когда народъ неторопливо, но густо, потекъ изъ церкви, старые старики, Антипа и Силантій, встали на встрѣчу людямъ, стукнули оба врозь длинными падогами и подали голосъ:

— Стойте, православные! Погодите! Желаемъ слово сказать...

Сейчасъ же за ихъ спинами застучали падогами и другіе старики и обозначились, кромѣ того, кое-кто изъ правыхъ, Канифатовъ, а сзади его и Кобозевъ, яко тать.

— Желаемъ мы спросить, што у насъ такое, православные, храмъ Божій, или камедь, или кіатръ какой?.. Разносятъ, хоть пляши! Што это такое? Не подобаетъ! Не желаемъ мы!

— Не подобаетъ!—кричали за спинами.

— А командиръ ихъ, поглядѣли бы вы, старики, учитель этотъ самый,—подливалъ масла въ огонь кто-то изъ правыхъ,—руками махаетъ, ногами притоптываетъ!.. какъ журавь на болотѣ!

— Не подобаетъ! Не желаемъ! Зовите батюшку сюда! Зовите отца Петра!

— Позовите, пожалуйста, отца Павла!—распорядился въ свою очередь Егоръ Ивановъ, живо подвернувшійся здѣсь, и сталъ доказывать старикамъ тихимъ голосомъ:

— Разсуждаете вы, папаши, позвольте вамъ сказать, безъ всякаго понятія, можно сказать, зря, по темнотѣ своей, какъ вамъ ваши мозги дозволяютъ. Я вамъ задамъ одинъ вопросъ: какъ же теперя въ столичныхъ городахъ, въ первѣйшихъ соборахъ у первосвященнѣйшихъ владыкъ,—вездѣ поютъ пѣвчіе по нотамъ? И даже поютъ ужасно весело?.. И, наконецъ того, огромнѣйшіе купцы, первѣйшіе генералы, присутствующіе персоны, можно сказать, особы, слушаютъ и—ничего? А вы—нестоющіе старики, деревенскіе люди, можно сказать, лапти и—выражаетесь?!. Вонъ батюшка идетъ, онъ вамъ разъяснитъ...

Изъ церкви поспѣшалъ о. Петръ, а за нимъ и о. Павелъ.

— Успокойтесь, успокойтесь, умоляю васъ!—засуетился о. Петръ, шмыгая большими калошами.—Сущую правду... Сущую правду... я приму мѣры, приму мѣры!

А серьезный и строгій о. Павелъ сказалъ слѣдующее:

— Православные! Господу Богу подобаетъ, какъ пѣснь покаянія и скорби, такъ и пѣснь свѣтлая—радости и веселія. Молитвенная пѣснь есть наше обращеніе къ Богу, выраженіе нашихъ чувствъ...

Умная голова о. Павелъ, философъ, хорошо и долго онъ говорилъ; но, когда кончилъ, старики стукнули палками и опять за свое.

— Не желаемъ мы!

— Не желаете...—О. Павелъ подумалъ и обратился къ толпѣ:—Но, можетъ быть, другіе желаютъ?

— Всѣ желаемъ!—откликнулись голоса.

— Раздѣлить народъ?

— Раздѣлить, сущую правду... Отдѣлить овцы отъ козлищъ. Разступитесь, православные, на двѣ стороны—одесную и ошую, сущую правду... Не желающіе — направо, а желающіе—налѣво; за лѣвыхъ то-есть!

Тотчасъ же влѣво отхлынуло большинство.

— Воистину лѣвыхъ больше, сущую правду... Возлюбите миръ, старики, и идите съ Богомъ домой.

И старики стали расходиться, но не миръ, а ожесточеніе унося въ сердцахъ.

— Бараны строптивые и козлы бодливые, сущую правду!—напутствовалъ о. Петръ.

V.

На другой день была оттепель, ночью подвалило много пухлаго, сырого бѣлаго снѣгу, а рано утромъ бабы, выйдя за водой къ колодцу, перепугались и позвали мужиковъ. На улицѣ, у большого колодца, что напротивъ хмураго двора Канифатовыхъ и веселаго дома Егора Иванова, стояло два огромнѣйшихъ чудовища. Одно было похоже на козла, другое—на барана, тѣмъ болѣе, что у козла была пристроена льняная борода, а у барана—настоящіе бараньи рога; у козла же вмѣсто рогъ торчали двѣ большія сосульки. Кромѣ того, на дощечкахъ углемъ у изваяній имѣлись надписи: на фигурѣ съ бараньими рогами значилось—„Баранъ—Демьянъ строптивый“, а у козла—„Козелъ—Семенъ бодливый“. Слѣплены они были изъ снѣга, неизвѣстно кѣмъ, ночью.

Вышли мужики, высыпали ребятишки и цѣлый день хохотали и ухали вокругъ изваяній. Самъ Канифатовъ вышелъ на крыльцо, и Егоръ Ивановъ подходилъ, ухмыляясь—руки въ карманахъ.

Ухали еще больше, когда выступилъ Кобозевъ съ оглоблей и принялся разрушать животныхъ.

— Го, го, го! Кобозевъ стражается! Не робь, Дема! Вдарь! По рогамъ-то его! Дѣйствуй! Го, го, го!

А въ слѣдующее воскресенье успѣхъ лѣвыхъ былъ еще болѣе полный.

Семенъ уже гордо несъ свои ноты, а народъ передъ нимъ съ уваженіемъ разступался. Оглядывая съ клироса море головъ, онъ умилялся:

— Міру-то, міру-то, Господи, видимо-невидимо!

И пѣлъ, закрывъ глаза и вытянувъ шею, надрывая свой слабый сиповатый тенорокъ.

А правымъ еще болѣе не везло, они смѣшались на „Вѣрую“. Кобозевъ не хотѣлъ дать пѣть „Вѣрую“ лѣвымъ, не

хотѣлъ пѣть такъ, какъ оно поется на обоихъ клиросахъ почленно, а захотѣлъ все спѣть на правомъ „такъ, и не хуже, чѣмъ по нотамъ", и былъ наказанъ. Гдѣ-то что-то онъ слышалъ и что-то похожее они—правые — наладили, спѣлись. И вотъ, начавъ недружно „вразбродъ", они свысили, занесли и, чѣмъ дальше, тѣмъ выше, тенора стали недоносить, кричали всѣ врозь, окончательно всѣ разбрелись, разстроились и умолкли на „Чаю воскресенія мертвыхъ"... Только кто-то одинокій крикнулъ высочайшей фистулой, испугался своего голоса и умолкъ.

Послѣ этого они, правые, могли видѣть, какъ поползли къ нимъ съ лѣваго клироса и со всѣхъ сторонъ усмѣшки, обидныя и ехидныя, какъ змѣи.

А послѣ всего на виду у всѣхъ выступилъ Егоръ Ивановъ господинъ Дудкинъ, щелкнулъ бумажникомъ и подалъ лѣвымъ четвертной билетъ:

— Жертвую на ноты! Потому—цѣню и считаю долгомъ... Мы не какъ другіе прочіе.—И вызывающе посмотрѣлъ на Канифатова.

— Мы всегда можемъ соотвѣтствовать. Старайтесь, ребята,—сказалъ Канифатовъ, но ничего не далъ.

Было около половины поста и вьюжный февраль мѣсяцъ; но какъ будто и погода мягче стала, и сугробы въ селѣ всѣ притоптали — жизнь въ селѣ приподнялась и забурлила, какъ рѣка въ половодье.

Теперь не только въ школѣ, но и у Кобозева до полуночи въ окнахъ яркій свѣтъ. И въ школѣ, и у Кобозева теперь каждый вечеръ спѣваются, а подъ окнами возится веселая толпа—слушаютъ. И въ другихъ избахъ кой-гдѣ по селу до полуночи красненькій глазокъ глядитъ во тьму—дожидаются запоздавшихъ на спѣвкахъ пѣвчихъ.

Появились перебѣжчики и измѣнники, напримѣръ, перешли съ праваго къ лѣвымъ Локтевъ и Степанъ, но за то пересталъ ходить въ школу Кузьма и открыто сталъ на сторону правыхъ дьяконъ Евграфъ. Развѣдчики донесли, что Канифатовъ коротко сказалъ Кузьмѣ:—„Или переходи на правый, или—нѣтъ тебѣ пряжи!" И отъ бани отказалъ— „мойся, гдѣ хочешь!" И дьякона подговорилъ тоже Канифатовъ. Развѣдчики доносили, что дьяконъ Евграфъ устраивалъ спѣвки съ правыми:—„вродѣ на манеръ регента онъ у правыхъ". Канифатовъ купилъ дьякону камертонъ:

— Точно ключъ, вотъ что гайки завертываютъ, много больше твоего, Васильичъ! Дьяконъ учитъ тоже—ха-ха!—по нотамъ, по крюкамъ, по „Обиходу" значитъ. Тянутъ, тянутъ...

Вообще Канифатовъ и Егоръ Ивановъ рѣшительно встали

одинъ—за правыхъ, другой—за лѣвыхъ. Какъ только Егоръ Ивановъ узналъ о случаѣ съ Кузьмой, онъ призвалъ Кузьму и сказалъ: „Бери у меня пряжу и въ баню ходи ко мнѣ—мойся сколько хочешь!

Только теперь учитель Знаменскій узналъ, что въ селѣ мужики вяжутъ рыболовныя сѣти на Канифатова и на Егора Иванова, что Канифатовъ даетъ имъ пряжу и хлѣбъ и крупу, но и Егоръ Ивановъ даетъ и хлѣбъ, и крупу, соперники они. Кромѣ того, Канифатовъ—церковный староста, но и Егоръ Ивановъ хочетъ быть церковнымъ старостой...

Началось раздѣленіе между людьми въ селѣ и, къ сожалѣнію, все обострялось. Плугъ вражды проводилъ все болѣе глубокую борозду. Правые да лѣвые, точно два снѣжныхъ кома, какъ тѣ, изъ коихъ озорники слѣпили козла да барана, чѣмъ дальше, тѣмъ больше росли и къ нимъ приставали все новые и новые слои. Добро—мужики, но—бабы, ребята!.. И они раздѣлились и враждовали.

Носятся ребята стайками и кричатъ:

— Эй, вы—правы, бараны сопливые (такъ они передѣлали крылатое слово „строптивые“)! Выходи на войну!

А стайка правыхъ отвѣчаетъ:

— Козлы шелудивые!

Ужь давно сложена „пѣсня“. Неизвѣстно кѣмъ. Вотъ она, хотя и не въ полномъ видѣ:

„Какъ у насъ-то во приходѣ,
Замятня идетъ въ народѣ.
Разъ на паперти церковной
Собрался народъ грѣховный,
Встали стары старики,
Оперлись на падоги,
Въ одинъ голосъ закричали,
Падогами застучали:
„Никакихъ не надо нотъ,
Пусть одинъ Демьянъ поетъ“!.. И т. д.

И бабы раздѣлились... Конечно, куда мужики, туда и бабы,—это ужь извѣстное дѣло, а за зиму въ темнотѣ и тѣснотѣ избъ межъ сугробами у бабъ и безъ того накопилось другъ за дружкой, Боже мой, сколько всякихъ недоимокъ! Какъ не принять этакое къ сердцу, когда на сердцѣ и безъ того накипѣло; сердце, какъ большой чирій...

— Умны... Умны больно! Все по-своему хотятъ!

— По-твоему бы, чай? Ты больно умна!

— Все не такая дура, какъ ты!

— Отъ дуры слышу!..

И затѣмъ поминалось родство, свойство, предки и потомки до седьмого колѣна.

Совершенно разстроился бабій взаимный кредитъ—какъ это бываетъ и вообще у воюющихъ. По-доброму, по-хорошему, бывало, бабы постоянно ходили занимать по сосѣдству то мучки, то масла, то заплату для штановъ. Теперь не ходили. И произошла исторія съ колодцемъ... Обыкновенная исторія.

Большеводки Канифатовы бабы придумали... Придумали и сняли бадью у своего колодца:

— Чтобы не было ходу къ нашему колодцу ни Семичихѣ, ни Матюшкиной Матренѣ, ни другимъ прочимъ-нотнымъ!

Хорошо. Какъ только объ этомъ узналъ Егоръ Ивановъ, сейчасъ же:

— Пожалуйте, бабы, къ моему колодцу, позвольте васъ просить! У меня вода тоже мокрая.

А на другой день Канифатовы бабы вытащили изъ своего колодца паръ пять изношенныхъ лаптей, старое колесо и дохлаго пѣтуха. Кто это сдѣлалъ, — неизвѣстно. Сдѣлали ночью.

Кричали, ругались Канифатовы бабы на все село. Но колодецъ пришлось святить. Позвали, конечно, о. Петра, а не Павла.

VI.

Въ великомъ посту напѣвы прекрасные, трогательные. Народу шло и ѣхало даже и изъ другихъ приходовъ. По пустыннымъ полямъ слухи быстро и далеко разносятся, а храмъ Божій—единственное мѣсто, гдѣ не говорятъ о кормахъ, нуждѣ и болѣзняхъ. Выберется баба изъ избы, вылѣзетъ изъ глубокихъ сугробовъ и встанетъ въ церкви въ сторонкѣ налѣво, какъ и полагается бабѣ; стоитъ и видитъ, какъ много бабъ живетъ въ избахъ и есть еще хуже ея, о, гораздо хуже...

Вспомнитъ, что надъ ними, — бабами, не только худыя крыши да холодныя небеса, но еще Богъ, котораго слова любви и милосердія провозглашаютъ здѣсь и поютъ ангельскими голосами такъ хорошо, стройно на лѣвомъ клиросѣ.— Слава тебѣ, Господи! Но... какъ только придутъ на умъ лѣвые, такъ вспомнятся и правые—и Сема, и Дема, и все прочее... Ахъ, грѣховодники, прости, Господи, мои согрѣшенія.. Вонъ у Демы—онъ стоитъ съ краю, видно — даже шея покраснѣла отъ натуги...

Но уже всѣ въ церкви смотрятъ налѣво, а не направо.

— То-то-ти-то-томъ!—слышится съ лѣваго, и разливается стройное побѣдное пѣніе.

Именно, побѣдное; не чувства мира и непротивленія воодушевляютъ этихъ людей, а чувства борьбы и одолѣнія. Таковы люди.

У правыхъ дѣла плохи, кажется, самъ Кобозевъ это сознаетъ. Пѣли „Покаяніе“ и спутались; разбрелись кто въ лѣсъ, кто по дрова и остановились. Стыдъ! Дотянулъ онъ, Кобозевъ, кое-какъ одинъ. Народишко—дрянь, малодушный, то одинъ, то другой, смотришь, прячетъ свою рожу на лѣвомъ клиросѣ, сбѣжитъ, а стыдно все-таки. Дьяконъ Евграфъ либо забылъ, либо и прежде не зналъ, но онъ только сбилъ съ напѣтаго ладу... Да опять же, нынче нѣшто понимаютъ старый Обиходъ! Имъ надо „музыку“... Эхма! Кобозевъ одинъ за всѣхъ трубитъ своимъ толстымъ, прямымъ, какъ бревно, басомъ, но не сдается, хотя даже похудѣлъ.

А лѣвые „Покаяніе“ спѣли за причастнымъ, и народишко рты разинулъ и уши развѣсилъ.

Вечеромъ Кобозевъ велѣлъ бабѣ завѣсить окошки фартуками и поскорѣе уложить ребятъ спать. И, когда она ихъ уложила, разложилъ свѣжій листъ бумаги, выловилъ мухъ изъ чернильницы и сѣлъ писать.

„Его Преосвященству, Преосвѣщеннѣйшему Никодиму Епископу Н-скому и кавалеру“.

И послѣ длиннаго вступленія писалъ далѣе:

„Оная личность, именующая себя учителемъ Знаменскимъ, тѣмъ не менѣе неоднократно произносилъ разныя вредныя слова изъ своей головы, а именно: что объ сотвореніи міра въ священномъ писаніи неправильно написано, опровергалъ чудеса и святыя мощи и при этомъ въ Бога не вѣруетъ и, болѣе того, присовокупляетъ, что человѣкъ отъ обезьяны произошелъ; а также, присутствуя со своей шайкой негодныхъ и нелѣпыхъ людишекъ на лѣвомъ клиросѣ передъ престоломъ алтаря, руками махаетъ и ногами притопываетъ и выдѣлываетъ разныя тому подобныя фигуры“.

Кобозевъ вытеръ вспотѣвшій лобъ, подумалъ и смѣло приписалъ; „Живетъ со своей прислугой Степанидой, съ которой совершаетъ прелюбодѣянія“. Подумалъ и еще приписалъ, не предполагая, что послѣдней припиской только дѣло портитъ: „А въ этой шайкѣ еще состоятъ—нашъ іерей о. Павелъ Мироновъ и житель нашего села Егоръ Дудкинъ, желающій быть церковнымъ старостой, и они производятъ развратъ въ народѣ“.

Окончивъ произведеніе, онъ ходилъ съ бумагой къ Канифатовымъ. Тамъ одобрили, но велѣли написать еще становому: „шайка, молъ, и народъ, молъ, смущаютъ“.

— Такъ и валяй: народъ, молъ, смущаютъ... Это всего вѣрнѣе. Пущай у нихъ за ушами нѣсколько почешутъ! Ты можешь; ничего: у тебя есть мозги.

— Можемъ малость,—скромно согласился Кобозевъ.— Тутъ, тово—не только для того, чтобы шапку надѣвать.

И спалъ эту ночь онъ отлично, сномъ человѣка, закончившаго свой день не безъ пользы для себя.

А ночью еще ему приснился отличный сонъ. Идутъ будто бы лѣвые, Семка, учителишка и вся шайка, идутъ съ горы отъ училища, идутъ прямо напрямикъ, чтобы имъ провалиться, по насту черезъ оврагъ, занесенный снѣгомъ вровень съ краями. Только подумалъ—„чтобы имъ провалиться", какъ они—ухъ!—и провалились всѣ какъ есть и вмѣстѣ съ нотами. И сейчасъ же ихъ снѣгомъ завалило и съ краями заровняло.

Вотъ какой хорошій сонъ!

Но, увы, только сонъ. А на яву—и на другой, и на третій, и на четвертый день Кобозевъ видѣлъ, какъ шли изъ училища Сема, Матюха и Кузьма и съ нотами, но не черезъ оврагъ напрямикъ, а какъ слѣдуетъ, по дорогѣ, поскрипывая новенькими лаптями и задирая носъ. А мужики имъ кланялись: „Семену Иванычу! Кузьмѣ Васильичу! Наше почтеніе! Какъ поживаете?".

— Черти сѣрые, лапти! Погоди, вотъ вамъ почешутъ за ушами!

Бабы донесли, что братья Семичевы купили себѣ по брюкамъ и по калошамъ, хотятъ ходить—брюки на выпускъ. Сема будто бы сталъ молоко хлебать (въ постъ!), говоритъ, что для голоса онъ это.

Этого никакъ невозможно было терпѣть!

Въ селѣ только и разговоровъ слышно, что про учителя. Его расхваливаютъ, кланяются, въ гости зовутъ... А онъ разгуливаетъ по селу, выступаетъ, грудь выпятитъ, руки въ карманы и... Журавль долгоногій!—Стрекоза п-поганая!—И Кобозевъ отворачивался, чтобы не видѣть учителя.—Н-невозможно терпѣть!

Но онъ терпѣлъ и ждалъ.

Дѣйствительно, вскорѣ по селу разнеслось, что въ училище становой пріѣзжалъ. Книжки у учителя пересмотрѣлъ, на чердакъ лазилъ и все спрашивалъ, гдѣ учитель вещи свои хранитъ. Но у учителя никакихъ вещей, кромѣ книжекъ да гитары, и не было. Такъ и уѣхалъ обратно, ничего учителю не сдѣлавъ.

Потомъ вскорѣ еще по селу прошелъ слухъ... Теперь всякихъ слуховъ, толковъ и пересудовъ по селу—туча! Пріѣзжалъ благочинный и—прямо къ о. Павлу. И вотъ, болтали, что кто-то будто прошенье написалъ, донесъ на о. Павла, что онъ съ кухаркой живетъ... Вотъ-на! Чего сплели. И—про учителя: будто онъ о. Павла обезьяной на-

зывалъ и слова произносилъ. И про Егора Иванова было написано. Благочинный съ о. Павломъ будто бы только прочитали прошеніе да посмѣялись. И только...

„Такъ и есть—смазали, значитъ, хорошенько,—съ огорченіемъ подумалъ Кобозевъ. Эхъ-хе-хе... Но до чего все переврутъ, подлыя!“

Въ этотъ вечеръ онъ, какъ волкъ, бродилъ по задамъ села, смотрѣлъ на ярко освѣщенныя окна училища и грозилъ туда кулакомъ; потомъ посмотрѣлъ на здоровенный кулакъ свой, остановился и задумался... Въ этотъ вечеръ созрѣло новое рѣшеніе.

Въ сумерки въ горницѣ у Кобозева собрались немногочисленные, но за то вѣрные сторонники и друзья его—послѣдніе правые.

— Вотъ что, братцы!.. Взмѣсимъ бока Семкѣ и учителишкѣ?!

И Кобозевъ грянулъ по столу кулакомъ для понятности.

Всѣ сразу согласились, а Гаврила басъ проворчалъ:

— Ишь когда хватился. Это надо было съ самаго начала—я говорилъ...

Обсудили и рѣшили учителя, Сему и Матюху накрыть, когда они пойдутъ изъ училища со спѣвки. Уходятъ они послѣ всѣхъ, поздно, учитель обыкновенно провожаетъ братьевъ и прогуливается потомъ по селу. Спрячутся они за банями у моста и, когда учитель и братья поравняются, ничего не подозрѣвая,—они и накроютъ ихъ тутъ у моста.

Планъ былъ хорошъ, еслибы... на другой же день этотъ самый басъ Гаврила не пересказалъ обо всемъ въ училищѣ, не пришелъ бы проситься, чтобы его приняли на лѣвый клиросъ. Но онъ пересказалъ.

Лѣвые рѣшили въ свою очередь принять бой—они могутъ выставить превосходныя силы. Придумали контръ-маневръ: вечеромъ большинство пойдетъ со спѣвки обычнымъ порядкомъ, но изъ села воротятся задами и со всей осторожностью займутъ позицію подъ прикрытіемъ бань же, но съ другой стороны моста, и будутъ ждать въ засадѣ. А учитель, Сема и Матюха выйдутъ, какъ всегда, послѣ, какъ будто ничего не зная. Какъ только на нихъ нападутъ, выскакиваетъ засада и бросается въ бой.

Такъ и произошло все, какъ разсчитали.

Вечеромъ спускался пухлый снѣжокъ и было тепло, темно и глухо.

Учитель, Сема и Матюха вышли позже, большинство же во главѣ съ Кузьмой, ушедшее раньше, уже сидѣло въ это

время въ засадѣ. Шли, и учитель съ Матюхой вполголоса спорили.

— Иди сзади, Васильичъ,—уговаривалъ Матюха—не можешь ты по этой части, корпусъ у тебя мелкій и ноги тонкія—жидокъ ты... Онъ дастъ тебѣ одну и повредитъ членъ. Не суйся ты, пожалуйста!

— Пожалуйста, Матвѣй, не спорьте! Вы не смотрите, что я мелкій, у меня очень развитые мускулы, въ пылу борьбы я могу даже изуродовать человѣка. И, пожалуйста, не мѣшайте мнѣ; я примѣню къ нему только одинъ пріемъ англійскаго бокса и брошу его на землю... Увидите, онъ полетитъ у меня!..

Только они поравнялись съ банями, на нихъ и бросились... Все произошло въ одну минуту.

Учитель Знаменскій выскочилъ впередъ, сдѣлалъ выпадъ по правиламъ бокса, но поскользнулся въ старыхъ калошахъ и упалъ. Кобозевъ, размахнувшійся, чтобы срѣзать его однимъ ударомъ, потерялъ равновѣсіе, запнулся объ него и тоже упалъ, и въ ту же минуту Матюха уже сидѣлъ верхомъ на немъ и рычалъ:

— Корись!

Изъ-за бань летѣла засада и орала:

— Бей! Лупи! Лови ихъ!

Раздалось нѣсколько хлесткихъ оплеухъ, и правые, видя такой оборотъ дѣла, бѣжали.

Кобозевъ свирѣпо боролся, пыхтѣлъ, захлебывался, втиснутый въ снѣгъ, а Матюха крѣпко сидѣлъ на немъ и побѣдно рычалъ:

— Врешь!.. Тпру! Не уйдешь! Корись! К-корись, говорятъ!

— Н-не по-ко-рю-юсь!

— Корись, а то к-кишки выдавлю!

Учитель весь въ снѣгу бѣгалъ вокругъ нихъ и взывалъ:

— Ради Бога, Матвѣй, полегче! Не повредите ему грудную клѣтку. Умоляю васъ!

— К-корись!

— Не покорюсь!

— Корись, сдѣлай милость! Экой упорный человѣкъ!—убѣждалъ Сема.

— Пожалуйста, коритесь, Демьянъ!—взывалъ учитель.

— П-пусти!

— Корись!

Демьянъ пересталъ возиться, и оба они тяжко пыхтѣли.

— Пусти!.. Ч-чертъ съ вами, корюсь...

И Кобозевъ покорился.

Въ этотъ же вечеръ они пили чай въ училищѣ всѣ вмѣстѣ, а въ слѣдующее воскресенье уже пѣли на правомъ клиросѣ.

Говорятъ, ставъ правыми, лѣвые стали хуже пѣть.

С. Матвѣевъ.

Крымскій чабанъ.

Нѣжнѣй лепечутъ листья... въ полуснѣ
Нѣжнѣй поетъ усталая цикада.
Въ горахъ свѣжо. Сѣрѣя при лунѣ,
Въ кошарѣ сбилось дремлющее стадо.

Костеръ чуть свѣтитъ. Пепельный туманъ
Лежитъ въ долинѣ. У корней маслины,
У огонька, заснулъ старикъ-чабанъ,
Подъ грязною, изодранной овчиной.

Яйла къ лунѣ возноситъ свой узоръ,
Сѣрѣютъ взгорья росною полынью,
Да сонный вѣтеръ тянетъ изъ-за горъ
Душистою, соленою теплынью

Зинаида Тулубъ.

КАПЛИ ВЪ МОРѢ.

I.

Вѣсточка.

Въ большомъ домѣ купца Сипаева шумно готовились къ свадьбѣ. Отъ парадной двери по всей лѣстницѣ постлали праздничный половикъ съ красными каймами. Зажгли по стѣнамъ лампы съ жестяными тарелками, накурили по всѣмъ комнатамъ монашками и душистою французскою бумажкой. Шаферъ два раза пріѣзжалъ изъ церкви и пролеталъ сквозь толпу съ возгласами, то „пардонъ!" то „извиняюсь!" Разъ оказалось, что забыли вѣнчальныя свѣчи, въ другой разъ, что у невѣсты откололась фата, и она стоитъ на паперти и ждетъ булавокъ.

На кухнѣ повара додѣлывали бланманже въ видѣ яичекъ въ крутую. Пріѣзжіе официанты въ грязныхъ перчаткахъ щипали за рукава деревенскихъ горничныхъ и спрашивали, почемъ матерія. Самъ отецъ семейства, купецъ Сипаевъ принесъ цѣлую стопу посуды, поддерживая ее бородой, и, бросившись назадъ, сказалъ глухо и строго:

— Перебей мнѣ!

Въ пустомъ залѣ, гдѣ стояли длинные столы съ приборами, гармонистъ налаживалъ звонкую гармонію, пробовалъ, каково въ ладахъ и забористы-ли переливы. Какая-то тайно пробравшаяся нищенка дважды подходила къ порогу и кланялась въ залъ такъ низко, что видѣла одни кончики своихъ рыжихъ валенокъ. Но, замѣтивши, что въ залѣ пусто, оба раза со вздохомъ снова отходила къ сторонкѣ и пригорюнивалась.

Въ холодныхъ сѣняхъ застывали наспѣхъ послѣднія желе и заливныя, откуда торчали рыбьи хвосты и головы. Уже темную толпу около яркой церкви тронуло колыханіемъ и зашелестѣло все:

— Идутъ! идутъ!

Уже потащили пріѣзжіе оффиціанты къ столамъ севрюгу съ хрѣномъ и со сметаной, уже растянулъ гармонистъ всѣ сафьяновые мѣхи, уже давно сдунуло куда-то тайно пробравшуюся нищенку. Какъ вдругъ въ это самое время правитель дома, проходя буфетною комнатой, остановился, тупо поглядѣлъ на столы и поднялъ трясущуюся руку ко лбу.

— Что такое?—прошепталъ онъ:—Быть не можетъ!

Но чего не могло быть, какъ разъ и было. На самомъ дѣлѣ, ни на одномъ столѣ не было ни одной селедки. Купецъ Сипаевъ бросился въ ту половину, гдѣ жилъ онъ со своей Ивановной. Ивановна сидѣла на стулѣ посерединѣ комнаты и мирно помаргивала глазами на свое новое сѣрое платье въ крупныхъ огурцахъ—словно вся сивая въ яблокахъ. Въ комнатѣ стоялъ тотъ самый ералашъ, какой оставляютъ послѣ себя невѣсты: картонки, щипцы, локоны, юбки и кофточки.

— Труба!—сказалъ купецъ Сипаевъ Ивановнѣ.—Тѣсто! Гдѣ селедки-то? Свѣчка!

— Батюшки!—блѣднѣя, осѣнила себя Ивановна широко крестомъ.—Навожденье!

И, пока отецъ семейства перебиралъ разные домашніе предметы, Ивановна смекала, какъ быть. До города было не близко, и не оставалось ничего, какъ послать въ село старуху Силантьевну. А гулъ о селедкахъ уже пошелъ по всему дому, и та самая нищенка, которая пропала гдѣ-то со страху, вновь воскресла и побѣжала по скрипучему снѣгу къ старухѣ Силантьевнѣ.

Силантьевна ничего не дѣлала, готовая къ брачному пиршеству, въ ясной желтой кофтѣ съ отличными зелеными разводами. А старикъ ея, дѣдъ Лопатычъ, въ замѣчательной кубовой рубахѣ, прочесывалъ стальнымъ гребнемъ сивую бороду. Тутъ же за столомъ внучка съ увлеченіемъ шипѣла носомъ на сѣрую бумагу, по которой выводила хитрыя каракули.

Узнавши отъ нищенки, какая въ ней надобность, Силантьевна тутъ же натянула на прекрасную кофту свою дрянной сарафанъ, на сарафанъ—пальто, на пальто—дипломатъ, на дипломатъ—тулупъ, посмотрѣла, нельзя ли еще чего, да ужь больше ничего не было. Вспомнивши про свадьбу, внучка юркнула въ свой тулупчикъ и замелькала маленькими валенками къ церкви.

Дѣдъ Лопатычъ съ древнимъ работникомъ тряхнули оба въ точности подобными сѣдыми кудрями, взяли по рукавицамъ и, словно два лика иконописныхъ, пошли заклады-ть саврасаго. Стояла снѣжная непогода, крутило и вверху

и внизу. Луна давно взошла, но не было видно ея за тучами, и только чуть-чуть брезжилъ слабый свѣтъ ея среди бѣлой мути.

Сѣла Силантьевна въ дровни съ трудомъ, но прочно.

— На почту чтобы заверни,—сказалъ дѣдъ Лопатычъ.—Не пронесись.

— Пронесусь-ли? Толкуй!—отвѣчала какъ надо и хорошо Силантьевна.

— Ну, съ Богомъ! Хвощи кнутомъ!.. Нахвастывай, говорю. Оглохла, старая.

Дома праздничный Лопатычъ и посидѣлъ, и походилъ. Поглядѣлъ въ глухое окошко: темно, только въ сторонѣ красно сіяетъ жаръ и пламя у церкви. Попробовалъ зѣвнуть—удалось, зѣвнулъ въ другой разъ. Сказалъ громко:

— Совсѣмъ глуха стала старуха. Выхвощи, говорю, лошадь, такъ и того не слышитъ.

Послѣ этого совсѣмъ уже нечего стало дѣлать, и бѣда, до чего сдѣлалось томительно.

— Локтіонъ, а Локтіонъ!—закричалъ съ тоски Лопатычъ:—Не видать еще старухи?

— Никакъ нѣтъ. Не видать,—сказалъ хмуро съ печи работникъ, пробуждаясь.

Еще посидѣлъ Лопатычъ и затянулъ опять:

— Локтіонъ, а Локтіонъ!

А на волѣ понеслись отъ церкви лошади, играя яркими шлеями и наборомъ, въ розанахъ и красныхъ лентахъ.

Запѣли согласно полозья тонкими голосами, и туманный звонъ колокольцевъ отдался по всѣмъ избамъ сквозь морозныя стекла. Уже ревѣлъ гармонистъ въ залѣ, уже пошелъ гость, пропахшій въ церкви ладономъ и воскомъ, уписывать горячіе пироги, уже кое-гдѣ притопнуло, кое-гдѣ присвистнуло,—когда появилась, наконецъ, на столѣ первая селедка, а за нею, словно за первой ласточкой, полетѣли другія и сдѣлали весну.

— Селедочки?—упрямо угощалъ гость Ивановну.

— Нѣту-съ,—отвѣчала Ивановна.—Нескусныя онѣ.

Прямо передъ собою въ зеркалѣ видѣла она свою прическу съ сѣрымъ комочкомъ на маковкѣ, какую сдѣлалъ ей настоящій городской парикмахеръ. Прическу такую она находила уродливой, но сидѣла съ гордостью.

— Какая мода нынче настала—думала она только, дивясь.

А Силантьевна, сдавъ селедки, терпѣливо снимала съ себя дома свои семьдесятъ семь одежекъ.

— Ну?—сказалъ ей Лопатычъ.

— Какъ же,—отвѣчала Силантьевна.

— Неужто?

Но Силантьевна не стала больше разговаривить, а, загнувши свою ясную кофту, прямо вытащила письмо. Дѣдъ Лопатычъ съ перепугу насилу нашарилъ на полочкѣ сальные очки свои, кривые и на веревочкахъ. Натащивши на носъ эту дрянь, разобралъ онъ, препинаясь, что написано письмо Силаеву и идетъ изъ военной стороны.

— Сторона-ль, сторонушка! Отъ внучка ли Васильюшки!— завела-было Силантьевна.

Но дѣдъ не далъ ей разойтись и началъ расшифровывать, выговаривая знаки.

— „Любезные наши родители Иванъ Васильевичъ и Марфа Митревна! Точка“,—повезъ онъ по складамъ и застопорилъ.

Оба поглядѣли другъ на друга.

— Что жь такое?—сказалъ дѣдъ.

— Такъ это онъ,—утѣшила старуха:—шутку спутилъ Читай ужь, читай.

— „Въ первыхъ строкахъ сего моего письма посылаю вамъ отъ Господа Бога здоровья, запятà, по низкому поклону и наилучшая пожеланіе. Сторона наша глухая и лихая, запятà, такъ что когда у деревни вчерась поймалъ нашъ унтеръ телка, то сильно встосковался по нашемъ телочкѣ“.

— Оно самое, правильно!—захохоталъ Лопатычъ и тутъ же строго повернулся къ старухѣ.—Давала ли телку молока-то вечеромъ?

— Давала! Ты не тяни, Богъ съ тобой!

— Я не тяну. „И еще, какъ вспомню я про лошадишку нашу, да про овцу Машку, да какъ крыли мы сарай соломой, такъ тоже очень стоскуюсь. Всѣ тропы тропочки въ умѣ исхаживаю, всѣ-то столбики да прясла облюбую“.

Читалъ дѣдъ Лопатычъ и видѣлъ, что все такъ, все хорошо, оно самое. И мерещились въ головѣ дальніе края чужестранные, въ которыхъ Богъ знаетъ что творится. И такъ чудесно было чувствовать, что онъ дома, на родной сторонѣ, и вѣетъ снѣгомъ за окномъ родимая метель.

На свадьбѣ все пило, ѣло и шумѣло. Не ѣлъ одинъ посажёный отецъ—ему докторъ запретилъ ужинать. Онъ ходилъ сегодня въ земскую больницу, и на лицѣ у него теперь было сіяніе. Пестрое море головъ колыхалось, словно на базарѣ.

— Братецъ папашинъ захудалый!—представилъ свадьбѣ дѣда Лопатыча бойкій хозяйскій реалистъ.—Самъ крестится и кланяется, самъ ложится и встаетъ. Ложкой щи хлебаетъ.

Но дѣдъ Лопатычъ сѣлъ за брачное пиршество истово и пріобщился къ трапезѣ достойно. Письмо было тутъ, за пазухой новой рубахи, а вокругъ былъ домъ и родимая сторона. И словно бы недавній разговоръ былъ на душѣ съ

бѣлымъ, тихимъ внучкомъ Васильюшкой, отличный разговоръ, жаркій такой, любовный очень.

Но только-что откушалъ дѣдъ Лопатычъ вязиги и не успѣлъ еще добраться даже до горяченькой сомовинки, какъ всунулась въ зальце Машуткина головенка и помигала дѣду безволосой бровью: выйди, молъ, дѣдушка—вызываютъ

Вышелъ дѣдъ и нашелъ за дверями Ивана Васильевича. Силаева. Тотъ только-что кому-то отмахнулъ поклонъ и насаживалъ шапку на голову. Что-то нехорошее сразу же почуялось дѣду Лопатычу.

— А вѣдь письмецо-то мое будетъ,—сказалъ Иванъ Васильичъ странное слово.

— Откуда?

— Очень просто. Силантьевна взяла, а только это не обозначаетъ. Почтарь ошибкой выдалъ.

— Нѣтъ,—сказалъ Лопатычъ и сильно испугался.

Вытащили письмо, натащили на свѣтъ.

— Извольте адрестъ—указалъ Иванъ Васильичъ.

На адресѣ было написано внятно: Силаеву, а не Сипаеву, и письмо начиналось съ Ивана Васильича. Дочитали все.

— Вотъ,—сказалъ Васильичъ,—и овца Машка у насъ есть, и сарай мы крыли. Дозвольте.

Дѣдъ Лопатычъ не вспомнилъ, чтобъ онъ крылъ сарай но овца Машка и у него была, даже двѣ цѣлыхъ.

— Никакъ нѣтъ,— сказалъ онъ и сталъ по швамъ.

— Какъ?

— Не рѣшаюсь!

— Да вѣдь явственность. Любезные наши родители. Вотъ.

Дѣдъ Лопатычъ помигалъ глазами, подумалъ, поколебался. Но опять тряхнулъ волосами и сунулъ письмо за пазуху.

— Не могу,—сказалъ онъ:—цѣльный годъ ждалъ. Неужто же послѣ цѣльнаго года? Никакъ нѣтъ.

Тутъ сталъ мигать глазами Иванъ Васильичъ, а пока онъ мигалъ, Лопатычъ давай пятиться отъ двери, пока не доткнулся до стула.

— Хорошо-съ,—сказалъ въ зало Иванъ Васильичъ.— Приду завтра. Достигну.

Но дѣдъ Лопатычъ по прежнему уже сидѣлъ за трапезой честно и возвышенно. Ничего онъ не слушалъ больше, а взялъ горяченькой сомовинки, и такая свадьба расцвѣла въ самой душѣ!

II.

Тихія души.

I.

По всѣмъ праздникамъ Анцыферовъ садился чай пить къ окну, клалъ передъ собою краюху чистаго житнаго хлѣба, такъ, чтобы всѣ видѣли ее, и, прищурившись, сильно свысока смотрѣлъ на проходящихъ. Это былъ истинный богачъ, завтракающій краюхой хлѣба. Большой избой своей онъ тоже былъ весьма доволенъ и постоянно чинилъ въ ней что-то и прилаживалъ—изба была сильно старовата и все разваливалась. Любилъ Анцыферовъ и свои деревянные шкафики, разставленные по стѣнамъ обѣихъ верхнихъ комнатъ. Шкафчики эти достались ему отъ помѣщицы, у которой онъ покупалъ, когда еще былъ совсѣмъ молодымъ, лѣсъ на избу, и достались, благодаря умѣнью выторговать ихъ, почему и были столь дороги, хотя стояли безъ надобности. Особенностью ихъ было то, что они имѣли самооткрывающіяся дверцы—стоило по комнатамъ пройти побыстрѣе, какъ всѣ они раскрывались настежь. Анцыферовъ чинилъ ихъ ежедневно, но починить, видно, было нельзя. Особенно пріятенъ былъ Анцыферову большой шкафъ, въ который онъ пряталъ посуду. Раньше это былъ барынинъ туалетъ съ затѣйливой рѣзьбой. Но Анцыферовъ велѣлъ плотнику рѣзьбу сломать, а сверху надставить широкую деревянную колоду съ дверцами.

По праздникамъ Анцыферовъ надѣвалъ желтую ситцевую рубаху и люстриновые штаны.

— Не любитель я ходить оборваннымъ по праздникамъ— говорилъ онъ, любуясь собой.

Одѣвшись такъ, Анцыферовъ спускался внизъ, гдѣ онъ держалъ чайную лавку. Рахитичный мальчишка Федулка сейчасъ же, сломя голову, подавалъ ему на черномъ подносѣ толстую кривую чашку и пару чайниковъ, и Анцыферовъ опять принимался за чай. Если случались посѣтители, онъ любилъ громко восхититься дорожками въ помѣщичьемъ саду, посыпанными песочкомъ, хотя дорожки эти казались ему смѣшными. Или любилъ сказать, что въ Россіи мало церквей и народъ плохо удовлетворяетъ свои религіозныя потребности,—эти потребности онъ вычиталъ гдѣ-то въ газетѣ, и, видимо, онѣ сильно поразили его своей газетной тупостью. Но, что бы Анцыферовъ ни говорилъ, всякій, взглянувшій на лицо его, могъ прочесть первое и главное:

— Мнѣ хорошо.

Случилось въ чайной разъ необыкновенное событіе—въ нее заѣхалъ акцизный надзиратель и спросилъ себѣ чаю. Анцыферовъ пошелъ наверхъ, надѣлъ яркую рубаху и люстриновые штаны и снова спустился внизъ.

— Я Анцыферовъ—сказалъ онъ акцизному.

— Ну, такъ что?—удивило того.

— Больше ничего—отвѣтилъ Анцыферовъ и сѣлъ напротивъ пить чай.

Но, оказывается, акцизный пріѣхалъ тогда наложить на Анцыферова штрафъ за безпатентную продажу водки. Анцыферовъ самъ не пилъ и водкой не торговалъ, развѣ только два раза въ день подносилъ по чайному стакану водовозу Совѣ, который безъ этого не могъ возить воду. Анцыферовъ все выслушалъ отъ акцизнаго, на основаніи чего онъ привлекается, и сказалъ:

— Мы не согласны.

— Все можетъ быть—отвѣтилъ акцизный, и Анцыферовъ сталъ совсѣмъ спокоенъ.

Но черезъ нѣкоторое время пріѣхалъ за штрафомъ становой.

— Какъ же получается?—сильно удивился Анцыферовъ.

— Надо заплатить,—отвѣтилъ становой.

— Погожу три дня съ половиной—сказалъ Анцыферовъ, вычисливши.

Онъ тутъ же собрался и пошелъ пѣшкомъ въ городъ. Тамъ онъ подавалъ прошеніе во всѣ присутственныя мѣста и даже доходилъ до консисторіи. Вернувшись домой, онъ опять занялся своей парой чая внизу.

— Ихняя взяла, — сказалъ онъ всѣмъ, и сталъ послѣ этого немедленно прикапливать деньги на новый штрафъ.

Когда дѣлать было нечего, онъ выходилъ на дворъ и игралъ съ дворовымъ щенкомъ. Онъ свертывалъ комочкомъ тряпочку, пряталъ ее и совалъ щенка носомъ во всѣ углы.

— А гдѣ шершъ?—говорилъ онъ.—Ищи шершъ!

Если щенокъ находилъ тряпочку, онъ пряталъ ее въ другое мѣсто.

— Анкоръ, еще анкоръ!—кричалъ онъ тогда.

II.

Въ самый зной въ чайную лавку зашелъ башмачникъ продавать дамскіе прюнелевые башмаки. Анцыферовъ отобралъ пару.

— А доброта ихняя какъ?—справился онъ.

— Носомъ носи, не износишь—вяло и темно пошутилъ мастеровой.

— А на ногахъ?

— Чего на ногахъ?

— Ногами ежели?

— Не износишь—махнулъ рукой башмачникъ и совсѣмъ упалъ духомъ.

Башмаки онъ отдалъ дешево. Анцыферовъ поднялся наверхъ и пошелъ на кухню. Оказывается, у него тамъ была Марья, женщина бѣлокурая, веснущатая, курносая и мягкая. Она была чуть не вдвое моложе Анцыферова, сидѣла въ новомъ бѣломъ платкѣ съ красными горошками и глядѣлась въ мутное зеркальце. Мухи густо шумѣли надъ ея головой, липко садились на лицо, и она лѣниво отгоняла ихъ полною бѣлою рукой.

Анцыферовъ поставилъ башмаки на столъ передъ Марьей и пріятно улыбнулся.

— Башмаки вамъ позвольте, — ласково сказалъ онъ. — Прюнелевые.

Марья надѣла башмаки—они были въ самую пору. Марья прошлась и обрадовалась.

— Съ обновкой васъ. Нижайшее,—поздравилъ Анцыферовъ и поклонился.

— Маменькѣ показать,—сказала Марья и расцвѣла, какъ маковъ цвѣтъ.

— А спрыски?

Поговоривши столь отрывисто, но совершенно другъ друга понявши, оба спустились внизъ и запили обнову чаемъ съ сахаромъ и лимономъ. Потомъ Анцыферовъ взялъ полосьмушки чаю, фунтъ баранокъ, покрестился на черный образъ и оба вышли на улицу.

Тихая рѣка за дворами ударила въ глаза раскаленнымъ свѣтомъ. Была суха, какъ порохъ, высокая трава, въ неподвижномъ воздухѣ стоялъ густой дурманъ отъ высыхающей мяты и болиголова. Надъ коноплями, такими блестящими, словно были онѣ изъ зеленаго воска, вились стайками бѣлыя бабочки, а за ними, надъ далью желтыхъ хлѣбовъ, все уже было пустынно и недвижимо. И глухо было все, безгласно, только два ключика въ тѣнистомъ оврагѣ у рѣки звенѣли наперебой чистымъ стекломъ — одинъ чуть потоньше, другой чуть потолще, да гдѣ-то на лугу звякнулъ разъ коровій бубенецъ.

У воды стоялъ въ длинной рубахѣ и съ голыми бѣлыми ногами сильно высокій рыбакъ Макаръ. Голова у него была такъ черна и курчава, что казалось, будто онъ въ новой барашковой шапкѣ. Онъ держалъ въ рукѣ длинный сакъ,

на сѣткѣ котораго нависла зеленая тина и, блестя, сбѣгала капельками вода.

Марья, проходя мимо, приподняла юбку, чтобы видны были башмаки. Макаръ задумчиво посмотрѣлъ на ея круглыя ноги, а Анцыферовъ махнулъ ему рукой и крикнулъ:

— Ступай обновку спрыскивать! Къ ейной мамашѣ!

Макаръ молча положилъ сакъ на траву и сталъ надѣвать штаны.

Анцыферовъ съ Марьей тронулись дальше. На той сторонѣ, на крутомъ берегу свѣтился подъ солнцемъ бѣлый березничекъ съ широкими ровными полянами. Отсюда видно было, какъ въ березничкѣ ползали, словно красныя Божьи коровки, дѣвки и бабы, собирая грибы, а по полянамъ похаживалъ маленькій охотничекъ, пострѣливалъ бѣлымъ дымкомъ, словно изъ хлопушки, и собачка у него была не больше фарфоровой. Съ этого берега на всю эту картину смотрѣлъ дѣдъ Ивашко. Когда охотничекъ поровнялся съ какимь-то бѣлымъ платочкомъ и они приклеились другъ къ другу, дѣдъ Ивашко почесалъ сзади штаны и зѣвнулъ со скукой.

— Ныньче онъ съ Аленкой—громко сказалъ самъ себѣ дѣдъ Ивашко и засмѣялся:—Хи-хи-хи!

Что дальше будетъ, дѣду Ивашкѣ становилось совсѣмъ незанимательно. Интересно было только посмотрѣть, съ кѣмъ охотникъ будетъ ныньче, и для этого дѣдъ каждый день выходилъ на рѣку.

— Дѣдъ Ивашко!—закричалъ ему Анцыферовъ,—пойдемъ спрыски спрыскивать. Къ евонной мамашѣ!

Онъ указалъ на Марью. Марья приподняла юбку и молча замигала сѣрыми глазами на дѣда. Дѣдъ посмотрѣлъ ей на ноги и тоже молча помигалъ глазами.

— Нынче башмакъ первый сортъ. Ну - ну,— сказалъ онъ громко.—А что плочено?

— Три семь гривенъ.

— Га-га!—заоралъ дѣдъ.—Денежки!

Онъ вдругъ любезно согнулся дугой.

— Спасибо на приглашеньи. Сейчасъ будемъ. Хи-хи-хи!

Онъ пошелъ тутъ же за ними сзади. Больше по дорогѣ не попалось никого. Одинъ мальчишка Филатка сидѣлъ въ тѣни подъ ивовымъ кустикомъ, гдѣ чистая вода прозрачно отливала на солнцѣ свѣтло-желтымъ цвѣтомъ, и съ замираніемъ вытаскивалъ на удочкѣ изъ-подъ широкихъ листьевъ одного за другимъ серебряно-зеленыхъ окуней.

— Много-ль натаскалъ?—спросилъ Анцыферовъ.

— Шесть да подлещикъ,—съ пренебреженіемъ плюнулъ Филатка.—Не отвяжешься отъ нихъ, чертовъ!

— Много-ль просишь?

Филатка не зналъ, какая цѣна его рыбѣ, и сказалъ жадно:

— Давай три копѣйки. А то ужь двѣ.

— Съ банкой?

— Нѣтъ, не съ банкой. Съ этой, какъ его... Ну, съ банкой.

Анцыферовъ купилъ и понесъ жестяную банку. Рыба заходила веселѣе, замахалъ и Филатка веселѣе удочкой надъ водой.

Тропинка снизу пошла завиваться наверхъ мимо огородовъ съ красными и лиловыми шапками маковъ, съ кудрявыми головами капусты, съ тонкими, блѣдными усиками гороха, нанесенными по высокимъ тычинамъ, словно сквозной орнаментъ рукой искуснаго художника, мимо трухляваго погреба съ низкой земляной крышей, на которой глубоко въѣдались въ землю два камня, начинавшіе какимъ-то чудомъ давать изъ себя зеленую траву. За погребомъ темно и прохладно смотрѣли растворенныя настежь ворота у косого дворика, желтая смола свѣтилась въ щеляхъ мутнымъ янтаремъ и одинокій пѣтухъ стоялъ задумчиво посрединѣ на одной ногѣ. За кривымъ дворикомъ была такая же кривая изба, съ завалинкой, съ выпиравшими по бокамъ сѣдыми бревнами, съ нагнувшейся трубой, на которой стоялъ чугунокъ безъ дна. На завалинкѣ жарилась сѣрая перина, и мухи, какъ лакомое кушанье, облѣпили ее черными кругами, сомкнувшись тѣсно головами.

Анцыферовъ постучалъ баранками въ желтое стекло.

— Покорнѣйше прошу, мамаша!—сказалъ онъ.

— Нѣкоторые изъ жуликовъ!—закричалъ дѣдъ Ивашко и тонко засмѣялся.

Въ окнѣ показался старушечій щербатый носъ въ крупныхъ ямичахъ и морщинисто улыбнулся. Всѣ вошли въ избу и увидѣли, что Макаръ уже сидитъ на лавкѣ и трубой запускаетъ въ потолокъ дымъ махорки. На столѣ свиститъ хорошо прозеленѣвшій самоваръ и приготовлена сборная посуда безъ ручекъ и носковъ. Тутъ же сѣрый сахаръ, источенный словно давними непогодами, и топленое докрасна молоко съ толстой черной пѣнкой. За чаемъ начались пріятные, душевные разговоры. Макаръ priналегъ на свое ремесло.

— Всѣ думаютъ, оно дешевое,—сказалъ онъ.—А оно не дешевое. За налима которые господа могутъ сильную копейку заплатить. „Ахъ, скажутъ, налимъ! Пожалуйте мнѣ, нѣтъ, пожалуйте мнѣ“. Изъ-за него другой разъ вотъ какъ холодомъ озябнешь!

— Какъ больше налимовъ, такъ больше денегъ,—отвѣтилъ Анцыферовъ, усиленно подумавши.—Мы думаемъ, налимъ и налимъ, а онъ вонъ куда влечетъ!

Отъ такой длинной рѣчи Анцыферовъ даже вспотѣлъ.

— Приходила Фекла, говоритъ, генеральша-то померла,—сказала и старуха свою мысль. — Вотъ тебѣ и господа! Здрассте!

— Генеральша померла!—поразился дѣдъ Ивашко.—Ахъ, чортъ! Царство ей небесное! А сыну-то наплюнуть, ходитъ по тому бережку съ ружьецомъ. Дуетъ изъ двухъ стволовъ. Хи-хи-хи!

Марья сидѣла и помалкивала. Ей было совсѣмъ не до разговоровъ. Обнова коломъ стояла въ головѣ и не давала никакого покоя. Она все поднимала платье и ставила башмакъ то на носокъ, то на пятку—и такъ, и этакъ было великолѣпно. Макаръ тоже сталъ понемногу замолкать—обнова, видимо, и его стала сильно притягивать. Онъ смотрѣлъ на Марьины полныя ноги, сожмуривши черные глаза, и размышлялъ, размышлялъ о чемъ-то. Тряхнетъ головой, пуститъ густо носомъ мычанье и опять ушелъ въ свою думу.

Чай пили неторопливо и истово, до семи потовъ и до самаго свѣтлаго вечера. Галки и вороны стали слетаться съ полей на деревья и крыши, и въ тихой деревнѣ отъ нихъ вдругъ поднялся такой шумъ, словно бы весь народъ высыпалъ на улицу и удвоился въ числѣ. Потянуло съ заката влагой, холодкомъ и запахомъ медовыхъ пряниковъ отъ клевера и болиголова.

Макаръ, допивши послѣднюю чашку, вздохнулъ всей мѣдной грудью своей, поцапалъ ногтями жесткіе волосы сверху и сказалъ зачѣмъ-то:

— Эхъ, скоро мнѣ во солдатчину!

Онъ поблагодарилъ за угощеніе и ушелъ. Стали разбредаться и другіе.

Свѣтлый вечеръ все яснѣлъ и дѣлался прозрачнѣе. Перестали дрожать стеклянныя марева надъ травами, улеглась знойная мгла, сѣрая, застилавшая глаза, и вдругъ открылись взору самыя далекія дали, открылись такъ, словно были тутъ, около, и показали, какая есть ширь и раздолье въ Божьемъ мірѣ. Даже засвѣтилась гдѣ-то за лѣсами и холмами тоненькая колоколенка въ городѣ, чуть совсѣмъ ужъ не на краю земли.

Анцыферовъ, и то остановился на берегу, на верху тропочки и заглядѣлся за рѣку.

— А это, должно, будетъ Михалково,—сказалъ онъ, ука-

зывая на колокольный крестъ, и покачалъ головой. — Экое видѣнье! Десять верстовъ, а какъ на ладошкѣ.

— Зачѣмъ?—возразила Марья.

— Понятно. А что?

— Это Болотово,—безо всякаго удивленія отвѣтила Марья.

— Бацъ! — осердился Анцыферовъ.—До Болотова тридцать съ концомъ, дурында!

— А вонъ Михалково, — спокойно указала пальцемъ на другой крестъ Марья.

Анцыферовъ обернулся туда и, точно, увидѣлъ, что Михалково именно тутъ, и колокольня его торчитъ уже совсѣмъ подъ самымъ носомъ.

— Ну-ну!—повертѣлъ онъ только головой.

Налюбовавшись, они съ Марьей почувствовали сильный аппетитъ, заторопились домой и плотно поужинали тамъ щами и кашей. Марья тутъ же завалилась спать. Она такъ влюбилась въ башмаки, что положила ихъ себѣ подъ подушку, и они ей долго еще не давали заснуть. И долго еще слышала она, сквозь тонкую дремоту, какъ Анцыферовъ возился на дворѣ со щенкомъ и говорилъ:

— А гдѣ шершъ? Ищи шершъ!

III.

Кудлатый Макаръ, выйдя изъ избы, тоже долго постоялъ надъ высокимъ берегомъ и еще разъ хорошенько вздохнулъ. Но дома, похлебавши мурцовки, онъ не легъ спать, а началъ готовиться къ ночной рыбной ловлѣ. Онъ отсвѣтлилъ крупной шкуркой зубья остроги, тронутые густо ржавчиной, нащипалъ кривымъ ножомъ ворохъ тонкой березовой лучины и прочистилъ каганецъ отъ давней смолы и золы. Еще натопилъ въ горшкѣ надъ грудкомъ изъ хвороста вару и вымазалъ носъ у лодки.

Ночи стояли отличныя. Луна появлялась на небѣ какъ-то только днемъ, вмѣстѣ съ солнцемъ, и, простоявши въ голубомъ небѣ весь день легкою пушинкой, пропадала. Но часъ-другой ночью была отмѣнная темнота...

Макаръ научился такъ осторожно макать весло въ воду, что совсѣмъ не слышно было, идетъ ли лодка. Только яркій „лучъ“ на носу, вонзившійся во тьму длинной свѣтоносною стрѣлой, двигался надъ лодкой и подъ нею. На глубокой водѣ ничего не видно было, кромѣ „луча“ этого, да круглыхъ звѣздъ небесныхъ, да развѣ еще какихъ-то тоненькихъ блѣдныхъ иголочекъ, которыя тянулись съ темнаго дна наверхъ на бѣлыхъ ниточкахъ. Но лодка пошла по

мелкому мѣсту, огибая могучіе черные камыши, подъ дномъ зашуршали листья и стебли, открылась широкая и чистая песчаная отмель, и передъ глазами ярко и ясно, какъ на ладони, вдругъ засверкали камушки и ракушки и каждое зерно песку. Застыла недвижимо стайка бѣленькихъ плотичекъ, тѣсно и дружно спавшая подъ подводнымъ листикомъ. Замерли на темномъ камнѣ два солидные леща, словно широчайшія лица, покосившись во снѣ на сторону. Безпечный вьюнъ веревкой висѣлъ наверху, мертво опустивши книзу хвостъ и голову. Ракъ, разметавшись, откинулъ изъ-подъ камня нелѣпую клешню. Всѣ раковинки безбоязненно открыли свои створки и высунули наружу по толстой слизистой ногѣ.

Потомъ „лучъ" освѣтилъ длинную, пятнистую змѣю, вытянувшуюся въ ложбинкѣ и засунувшую одну голову въ какую-то черную дыру. Змѣя такъ и носила боками, такъ и раздувала печенками, словно загнанная лошадь, и думалось, вотъ-вотъ захрапитъ на всю рѣку.

Макаръ пропустилъ лещей и хитро подъѣхалъ къ змѣѣ съ головы. Острога его, какъ сама собой, шурша вонзилась въ воду, молніей ударила змѣѣ въ спину и вмѣстѣ съ ней снова вылетѣла въ лодку, словно на резинкѣ.

— Ежели ты налимъ, такъ и говори, — сказалъ весело рыбѣ Макаръ.—Другого не надо.

Онъ тутъ же погасилъ „лучъ" и уже шумно заплескалъ весломъ къ берегу.

Но дома Макаръ опять не легъ спать. Онъ вывелъ лошадь, разостлалъ ей на спинѣ пустой мѣшокъ, закинулъ налима за плечи и, погоняя, затрусилъ по дорогѣ въ городъ.

Блѣдный разсвѣтъ тронулъ уже черное небо густымъ синимъ свѣтомъ. Внизу надъ кругозоромъ чернота загорѣлась раскаленно-бѣлой полосой. Утро вставало такое же ясное, какъ и прошлый вечеръ.

Но уже вновь плыли по полямъ хрустальныя марева и колыхалась сквозь нихъ дымная трава, сожигаемая сухимъ пламенемъ, когда Макаръ подъѣхалъ къ городу. Не смотря на зной, народъ по городу валилъ валомъ. Весь городъ былъ окутанъ голубою гарью, тонкою и ѣдкою. За городомъ во всѣ стороны вновь шли луга и лѣса и тамъ гдѣ-то, въ тайникѣ зеленаго моря, уже цѣлую недѣлю горѣло и дымилось что-то, наполняя землю чаднымъ туманомъ. Ходили темные слухи о многихъ десятинахъ погибшаго строевого лѣса, удивительнаго торфа, тучной травы, а народъ, то ахая, то пугаясь, то радуясь чему-то, валилъ трубой по городу. Хитрый мужиченко привезъ на площадь возъ мху и сталъ всѣмъ говорить, что весь мохъ погорѣлъ и что къ

осени нечѣмъ будетъ конопатить избы. Какъ ни было это все интересно Макару, онъ не запутался въ толпѣ. Было дѣло посерьезнѣе. Да и жирный налимъ началъ подтаивать на его горячей спинѣ и на солнцѣ, превращаясь въ балыкъ. Макаръ заворотилъ въ первую рыбную лавку и брякнулъ рыбу о стойку. Съ толстымъ продавцомъ, отдувавшимъ изъ-за зноя печенью не хуже налима, дѣло было слажено въ два вопроса:

— Много-ль ломишь?

— Что всучишь?

Потомъ всѣ видѣли, какъ Макаръ слонялся по ситцевому ряду, выбиралъ себѣ платокъ и надъ каждымъ долго стоялъ въ глубокой задумчивости и водилъ пальцемъ по узору. Какъ ни какъ, къ вечеру онъ все же выбрался изъ города, и по спинѣ ему вмѣсто налима нашлепывалъ маленькій сверточекъ на веревочкѣ.

Пріѣхалъ онъ въ деревню совсѣмъ позднею ночью, чуть не передъ самымъ свѣтомъ и въ эту вторую ночь опять не пошелъ спать. Вмѣсто этого онъ подворотилъ къ Анциферовой избѣ и всю ночь простоялъ у воротъ, словно древній рыцарь какой, держа все время лошадь въ поводу, чтобы не фыркала.

А когда настало утро и пастухъ заигралъ на рожкѣ, а сонная Марья, томно потягиваясь, погнала такую же томную корову, Макаръ вдругъ блеснулъ передъ ея глазами всѣми цвѣтистыми узорами новаго платка, изумилъ, восхитилъ и потрясъ ее до глубины всего женскаго серца. Пока Марья соображала, за что на нее сыплется столько счастья, онъ ухитрился безглагольно обнять ея теплое тѣло и поцѣловать въ самыя уста. Только послѣ уже Марья смекнула, потупилась было и отстранилась. Но Макаръ наново изловчился притиснуть ее къ себѣ.

Сдѣлавши такъ, Макаръ не сталъ надоѣдать и отправился высыпаться. А Марья долго еще стояла въ воротахъ, потупившись, то вспыхивая краской, то волнуясь радостью. Корова сама ушла въ росистое поле и дневное свѣтило теплымъ краснымъ холмомъ пошло кверху изъ-за туманной рѣки надъ мокрою сизою травою.

IV.

Стояла душная, тяжелая ночь и Анциферовъ все никакъ не могъ уснуть. Палило тѣло жаромъ какія-то козявки липко ползали по потной кожѣ и все было неудобно, все не такъ. Въ сѣромъ полусумракѣ надвигалась гроза и

окна были наглухо закрыты, чтобы, спаси Богъ, не проникль внутрь дома молнія. За окномъ отъ далекихъ молній то зажигался темный лѣсъ, то свѣтло, какъ день, вспыхивала вода, то показывалась въ воздухѣ чья-то соломенная крыша. Въ дурманной головѣ Анцыферова вертѣлись тягостно какія-то безалаберныя слова, ходили чьи-то недобрые слухи и ничего нельзя было осмыслить. Вдругъ онъ почувствовалъ, что Марья осторожно поднимается и хочетъ перелѣзть черезъ него.

— Что? Куда ты?—пролепеталъ онъ коснѣющимъ языкомъ

Марья вдругъ застыла, словно вся обомлѣла.

— А?—сказалъ онъ, открывая глаза.—Кто?

— Лампадку,—прошептала Марья.—Вотъ лампадку поправить.

Она, дѣйствительно, пошла къ лампадкѣ, поправила и опять полѣзла за него. Анцыферовъ закрылъ глаза, сталъ вникать въ какой-то нехорошій слухъ и разгадалъ было его, но вдругъ уснулъ.

Проснулся онъ раннимъ-раннимъ утромъ. Только что встало солнце. Онъ протянулъ руку за спину, Марьи уже не было.

— Эка!—сказалъ онъ вслухъ и выглянулъ въ окно, лежитъ ли корова подъ навѣсомъ.

Корова лежала,—видно, еще не сгоняли.

— Хлопотлива,—сказалъ онъ опять вслухъ и сталъ обуваться.

Онъ вышелъ на улицу и посмотрѣлъ противъ свѣта. Утро было тихое-тихое и солнце слабое и легкое. Въ утренней тиши только одна галка кричала гдѣ-то пронзительно.

— Ка! ка!

Ночью, видно, прошелъ небольшой дождикъ, потому что все сверкало каплями, и было совсѣмъ свѣжо. Надъ рѣкой еще ходилъ туманъ, но уже стояла столбиками проснувшаяся мошкара и вода дрожала синими кругами отъ гулявшей поверху рыбы.

Анцыферовъ хозяйственно обошелъ избу, перешелъ мокрую дорогу, оставляя на ней бѣлые слѣды, и побрелъ глухою тропинкой межъ двумя высокими пряслами къ овинамъ, Вспомнился прежній ясный вечеръ, и захотѣлось посмотрѣть, какъ-то теперь видать Михалково съ Болотовымъ.

За пряслами по боку канавы шла зеленая стѣна бурьяна, вся въ розовыхъ цвѣтахъ татарника и репейника, а подъ нею на травѣ Анцыферовъ вдругъ увидалъ Марью. Она лежала, обнявшись съ Макаромъ. Широкія глаза ея съ дикимъ ужасомъ смотрѣли на него, и, казалось, одни были на лицѣ. Анцыферовъ остановился и глубоко задумался.

— Такъ,—сказалъ онъ, наконецъ.

Лицо Марьи стало блѣдно и темно. Она сѣла на травѣ, за нею поднялся и Макаръ.

— Эка!—сказалъ опять Анцыферовъ и мотнулъ головой. Блѣдныя губы Марьи зашевелились безъ голоса. Анцыферовъ показалъ на голову.

— Платокъ,—сказалъ онъ и косо улыбнулся.—А много-ль платитъ?

— Незаплатно,—прошептала Марья.

— Эка! — сказалъ Анцыферовъ. — Такъ нельзя. Проси деньги.

Марья помертвѣла и опять безъ голоса зашевелила губами.

— Асъ?—спросилъ Анцыферовъ.

— Не знаю, много-ль.

Анцыферовъ дѣловито задумался и сталъ считать.

— Проси ты съ него,—размышлялъ онъ.—Проси съ него рубль съ четвертью.

— Позвольте рубль съ четвертью,—деревяннымъ шопотомъ повторила за нимъ Марья.

— Отъ!—сказалъ Макаръ растерянно.—А у меня одинъ купонъ. Думалъ, въ солдатчину.

— Когда идтить?—справился Анцыферовъ.

— Завтрашній день.

— Давай купонъ,—согласился Анцыферовъ.—Остатки и Богъ не взыщетъ. Прощай, Макаръ!

— Прощайте-съ!

Макаръ поклонился и пошелъ по полю. Анцыферовъ взялъ Марью за руку и повелъ домой. Дома онъ разбудилъ Федулку и велѣлъ разогрѣвать кубъ, потомъ ущипнулъ мякишъ отъ хлѣба и приклеилъ купонъ къ спинкѣ кровати.

Послѣ этого вышелъ на крылечко и долго и сладко щурилъ глаза на яркое солнышко и любовался, какъ оно играетъ и дрожитъ на небѣ сквозь легкую росу, идущую къ небу. А, когда кубъ закипѣлъ, онъ крикнулъ въ домъ, какъ всегда по утрамъ:

— Марьюшка! Къ парѣ чаю.

Марья сошла внизъ босикомъ и простоволосая. Анцыферовъ указалъ ей глазами на ноги и на голову и сказалъ ласково:

— Носи, ничего. Я ничего, носи.

Послѣ чаю онъ ходилъ въ поле поглядѣть на хлѣба, на рѣку, на овины,—прошелъ даже по той тропочкѣ между ивовыми пряслами. А вечеромъ, какъ ни въ чемъ не бывало, сѣлъ на крылечкѣ, и въ домѣ слышно было, какъ онъ покрикивалъ:

— Анкоръ! Еще анкоръ!

Н. Н. Киселевъ.

Субъективная оцѣнка въ политической экономіи.

(Изъ новѣйшихъ теченій экономической мысли).

I.

Въ такіе періоды общественной и политической неустойчивости, какой въ настоящее время переживается Европой, научное мышленіе пріобрѣтаетъ особенно большое значеніе своей практической, прикладной стороной. И дисциплина, призванная освѣщать „повседневную хозяйственную жизнь человѣка“,—политическая экономія—не является исключеніемъ изъ этого правила. По самой природѣ своей предназначенная служить, по опредѣленію Адама Смита, руководствомъ по „обезпеченію обильнымъ доходомъ или средствами существованія населенія... и... снабженію государства или общества доходомъ, достаточнымъ для публичныхъ службъ“, она необходимо играетъ въ нынѣшнемъ конфликтѣ строго практическую роль. Къ ея теоретическимъ построеніямъ приходится прибѣгать въ поискахъ отвѣта на сложные и жгучіе вопросы текущей хозяйственной жизни, какъ уже поставленные передъ участниками войны, такъ и вырисовывающіеся въ грядущемъ, въ результатѣ вліянія общеевропейскаго пожара на народное хозяйство.

Но въ то время, какъ, вообще говоря, подобное подчиненіе научнаго мышленія практическимъ задачамъ момента не требуетъ предварительной провѣрки его завоеваній (поскольку такая провѣрка не производится естественно въ процессѣ ихъ утилизаціи), въ области экономическаго мышленія дѣло обстоитъ далеко не такъ. Въ этой области за послѣдніе годы наблюдалось такое существенное броженіе, что самыя задачи политической экономіи начинаютъ ставиться по иному.

До сихъ поръ, исходя изъ представленія о фактахъ хозяйственной дѣятельности человѣка, какъ о фактахъ, которые принадлежатъ къ категоріи явленій исключительно внѣшняго міра, экономическая мысль видѣла законную область экономическаго

анализа и обобщеній въ изученіи процессовъ производства и распредѣленія богатства. Начиная съ Адама Смита, направившаго экономическое мышленіе на этотъ путь своимъ трудомъ о „природѣ и причинахъ богатства народовъ", политическая экономія концентрировала все свое вниманіе на образованіи и распредѣленіи именно богатства и притомъ богатства формальнаго, т. е. реализуемаго на торговомъ рынкѣ. Дж. Стюартъ Милль, не смотря на то, что онъ „внесъ въ экономику замѣтный элементъ гуманизма" (по выраженію Маршалля), считалъ, какъ извѣстно, что „объектомъ политической экономіи является богатство", которое „состоитъ изъ всѣхъ полезныхъ и пріятныхъ предметовъ, обладающихъ мѣновой цѣнностью" [1]). Карлъ Марксъ, показавшій анализомъ „товарнаго фетишизма", что экономическія отношенія представляютъ собой „общественныя отношенія между лицами изготовляющими продукты", не сдѣлалъ изъ этого логическаго вывода о необходимости поставить въ центрѣ экономической науки изученіе такихъ отношеній и слѣдовалъ точно также за схемой анализа хозяйственной жизни, данной Рикардо. Правда цѣлью политической экономіи всегда было не столько изслѣдованіе механизма накопленія и распредѣленія богатства, сколько опредѣленіе тѣхъ условій хозяйственной жизни, при которыхъ „нація будетъ обслуживаться предметами первой необходимости и удобствами хуже или лучше" (А. Смитъ); другими словами, этой цѣлью являлось опредѣленіе условій экономическаго *благосостоянія* населенія, чѣмъ въ науку привносился элементъ этической оцѣнки хозяйственныхъ процессовъ. Но исходный методологическій принципъ ограничивалъ степень примѣненія такой оцѣнки. Наступленіе капиталистическаго способа производства, съ которымъ совпало зарожденіе политической экономіи, какъ науки, превратило живого хозяйственнаго агента, личность, въ простой придатокъ сложнаго производственнаго аппарата, покупаемый, подобно всѣмъ остальнымъ частямъ этого аппарата, на рынкѣ, а значительную и все возростающую часть предметовъ первой необходимости и удобствъ ввело въ круговоротъ товарнаго обращенія, переведя ихъ въ категорію формальнаго богатства. Тѣмъ самымъ открывалась возможность производить учетъ прямой роли человѣка въ хозяйственныхъ процессахъ путемъ оцѣнки положенія лишь абстрактной экономической категоріи „труда", а не живой личности; изученіе условій обезпеченія за населеніемъ средствъ существованія превратилось въ изученіе механизма капиталистическаго распредѣленія и производства, т. е. распредѣленія и производства той части продуктовъ народнаго хозяйства, которая проходила предварительно стадію товарнаго обращенія, прежде чѣмъ прійти къ своей конечной цѣли — по-

---

1) „Principles of Political Economy", изд. 1848 г., стр. 1 и 10.

требленію. Вмѣстѣ съ тѣмъ и критеріемъ для оцѣнки экономическихъ явленій стало уже не нѣсколько туманное понятіе „благосостояніе", а конкретное, поддающееся измѣренію денежными эквивалентами и потому точное, понятіе „богатство", а это богатство начало приниматься за реальное содержаніе самого „благосостоянія". Знакъ равенства между богатствомъ и благосостояніемъ продолжаетъ ставиться и до нашего времени. Политическая экономія—утверждаетъ, напр., проф. Маршалль—„изучаетъ ту часть индивидуальной и соціальной дѣятельности, которая тѣснѣе всего связана съ достиженіемъ *благосостоянія* и использованіемъ матеріальныхъ средствъ къ нему. *Такимъ образомъ она является... наукой о богатствѣ*" [1]). „Методологическій принципъ, лежащій въ основѣ экономической науки—читаемъ мы у другого современнаго автора—и отличающій ее отъ остальныхъ общественныхъ наукъ, состоитъ въ утилизаціи опредѣленной мѣры, именно денегъ" [2]), которыми и измѣряется экономическое благополучіе.

Но въ періодъ, непосредственно предшествовавшій войнѣ, всѣ эти, служившія отправнымъ пунктомъ для экономической мысли и считавшіяся стоящими внѣ критики, положенія политической экономіи подверглись существеннѣйшему пересмотру, причемъ критика не ограничилась тезисами классической политической кономіи,—что было начальнымъ моментомъ броженія, сказавшимся въ появленіи марксизма, ученій исторической школы и школы предѣльной полезности, — а подвергла переоцѣнкѣ и ученія позднѣйшихъ политико - экономическихъ направленій. Разработанная Стэнли Джевонсомъ въ Англіи и К. Менгеромъ въ Австріи теорія предѣльной полезности, напр., выводящая мѣновую цѣнность уже не изъ затраченнаго на производство товаровъ общественно-необходимаго труда (какъ это дѣлали классики и К. Марксъ), а изъ „дифференціала потребительной цѣнности", то есть изъ разницы въ степени полезности для участвующей въ обмѣнѣ личности различныхъ количествъ мѣняемаго продукта—была серьезно видоизмѣнена работами особенно американскихъ представителей этой школы, во главѣ съ проф. Кларкомъ. Германская историческая школа, отрицавшая за экономикой право и даже возможность широкихъ обобщеній и настаивавшая исключительно на изученіи эволюціи національныхъ хозяйственныхъ формъ для опредѣленія условныхъ и временныхъ законовъ экономической жизни,—считается теперь уже выполнившей свою роль созданіемъ совершенно новой отрасли науки о народномъ хозяйствѣ, экономической исторіи. Наконецъ, и въ марксизмѣ произошелъ весьма значительный изломъ, замѣтный по ослабленію его вліянія въ экономической литературѣ соціализма.

Процессъ же пересмотра теоретическаго багажа политической

---

[1]) Alfred Marshall, „Principles of Economics". Лондонъ, 1910, стр. 1.
[2]) A. C. Pigou, „Wealth and Welfare"; Лондонъ, 1912, стр. 8.

экономіи вылился—и не могъ, естественно, не вылиться—въ разнообразіе направленій, въ какихъ экономическая мысль двигалась въ поискахъ новыхъ истинъ. Даже терминологія экономической науки потеряла теперь свою былую четкость и общепринятость. Представители школы предѣльной полезности, напр. оперируютъ, наравнѣ съ терминомъ „предѣльная" (marginal) полезность, терминами „полезность финальная", „дифференціальная" (quotal, т. е., собственно, полезность частнаго)и т. д. Той безусловной гегемоніей, какой до 70-хъ годовъ прошлаго вѣка обладало ученіе Рикардо, при такихъ условіяхъ не располагаетъ, разумѣется, ни одно изъ теперешнихъ теченій экономической мысли. И уже одного этого отсутствія слитности и единства въ новѣйшихъ политико-экономическихъ направленіяхъ было бы достаточно, чтобы сдѣлать необходимой попытку подвести хотя бы нѣкоторые итоги результатамъ броженія, прежде чѣмъ положеніями политической экономіи можно было бы воспользоваться практически.

Отличительной чертой всего броженія, придающей ему извѣстное единство, не смотря на разнообразіе направленій, былъ бунтъ противъ торжествовавшей до того методологіи науки о народномъ хозяйствѣ, реакція на тѣ пріемы изслѣдованія хозяйственной жизни, съ помощью которыхъ политическая экономія ранѣе пыталась освѣтить природу народнаго хозяйства. Хотя было бы безусловнымъ преувеличеніемъ сказать, что поиски новыхъ методовъ покрываютъ собой всю дѣятельность экономическаго мышленія нашего времени, тѣмъ не менѣе сложный характеръ явленій хозяйственной жизни и очевидное отсутствіе возможности примѣнить къ ихъ изученію тѣ же логическіе пріемы, какими научное мышленіе оперируетъ въ другихъ областяхъ познанія, обусловливаютъ то, что работа современной политической экономіи въ значительной мѣрѣ сводится къ выработкѣ особыхъ пріемовъ, особой методологіи, съ помощью которыхъ она могла бы возвести свое теоретическое зданіе. Уже у Дж. Ст. Милля историкъ политической экономіи можетъ отмѣтить нѣкоторыя колебанія, характерныя для подобнаго роста значенія методологическихъ проблемъ, колебанія—Ингрэмъ даже говоритъ о смѣнѣ позицій—по отношенію къ методологіи классиковъ. А по мѣрѣ того, какъ критика ученій классической школы мало-по-малу приводила къ попыткамъ совершенно покинуть ея схемы, проблемы политико-экономической методологіи пріобрѣли огромный удѣльный вѣсъ, какъ въ общихъ экономическихъ трактатахъ, такъ и въ спеціально посвященныхъ имъ работахъ.

Поиски же новыхъ пріемовъ изученія народнаго хозяйства неизбѣжно должны были привести экономическую мысль къ попыткамъ использовать съ этой цѣлью данныя науки о познаніи. Какъ бы то ни было, новѣйшія теченія науки о хозяйствѣ не могли избѣжать прямого вліянія гносеологическихъ концепцій,

отыскивающихъ теперь освѣщеніе „отдѣльныхъ сторонъ современнаго абстрактнаго научнаго мышленія въ цѣльной природѣ человѣка".

Даже у такихъ выдающихся представителей „традиціонализма", ближе всѣхъ другихъ школъ стоящаго къ политико-экономическому классицизму, какъ А. Маршалль и Ш. Никольсонъ, встрѣчаются признанія, что „мы не можемъ избѣжать учета прямой роли человѣка въ производствѣ [1]), что „само богатство трактуется (политической экономіей), какъ дающее удовольствіе и требующее усилій, а не какъ нѣчто, обладающее вѣсомостью, протяженностью или другими физическими признаками, что оно, другими словами, оцѣнивается съ субъективной точки зрѣнія" [2]). Что же касается менѣе связанныхъ „традиціонализмомъ" представителей экономической мысли, то у нихъ еще болѣе рѣзко выражено осужденіе односторонней, не принимающей въ разсчетъ всю сложность человѣческихъ желаній, стремленій и ощущеній, трактовки хозяйственныхъ проблемъ. Одинъ изъ выдающихся теоретиковъ математико-психологической школы, какъ въ Англіи теперь предпочтительно называется школа предѣльной полезности, вполнѣ, напр., опредѣленно ставитъ основными методологическими вѣхами для экономиста положенія, согласно которымъ „экономическія отношенія образовываются подъ давленіемъ всей суммы человѣческихъ цѣлей и импульсовъ, и никоимъ образомъ не покоются на одной только эгоистической или себялюбивой основѣ", и „гипотеза, будто экономическія отношенія могутъ быть... взяты отдѣльно отъ общихъ соціальныхъ отношеній, слишкомъ расходится съ фактическимъ положеніемъ вещей, чтобы быть пріемлемой" [3]). Американская же вѣтвь этой школы, въ лицѣ своего главы, проф. Кларка, давно уже выработала взглядъ, по которому „цѣльность, неразрывное единство общества представляетъ собой первичный экономическій фактъ" и поэтому всѣ экономическія концепціи—какъ „цѣнность", „полезность", „трудъ", „капиталъ", „рента" и т. д.—являются вмѣстѣ съ тѣмъ и соціологическими концепціями, т. е. включаютъ въ себѣ и біологическій, и психологическій, и цѣлый рядъ другихъ моментовъ.

Это обстоятельство—то, что новѣйшія теченія экономической мысли сливаются воедино у методологическихъ истоковъ, что всѣ они, по крайней мѣрѣ, формально, признаютъ одни и тѣ же или

---

[1]) A Marshall, loc. cit., стр. 139.

[2]) J. Shield Nchkolson, Elements ot Political Economy"; Лондонъ, 1906, стр. 6. Никольсонъ, равно какъ и др. экономисты, употребляетъ терминъ „human", буквально—„человѣческій", „свойственный человѣку", что точнѣе всего можетъ быть передано словомъ „субъективный".

[3]) Philip H. Wicksteed, „The Common Sense in Political Economy"; стр. 169—170.

почти одни и тѣ же принципы политико-экономической методологіи,—имѣетъ исключительно огромное значеніе. Оно указываетъ, что политическая экономія постепенно начала отказываться отъ основныхъ своихъ посылокъ, на основаніи которыхъ она ранѣе дѣлала свои теоретическіе выводы: привнесеніе субъективнаго элемента предполагаетъ не только признаніе необходимости считаться съ личностью, какъ центромъ хозяйственной жизни, но и измѣненіе того угла зрѣнія, подъ которымъ разсматриваются задачи науки о народномъ хозяйствѣ.

Но въ современной экономической литературѣ, наряду съ признаніемъ невозможности изолировать экономическія явленія, брать ихъ внѣ, такъ сказать, ихъ соціальнаго и психическаго контекста, все еще продолжаетъ наблюдаться стремленіе противопоставить подобному признанію отрицаніе его практической цѣлесообразности. Изъ характера экономическихъ отношеній, какъ отношеній между людьми, многими экономистами дѣлается выводъ, что наука о хозяйствѣ должна быть съужена до изученія одного лишь механизма производства и распредѣленія путемъ отказа отъ широкихъ обобщеній. Такъ, Маршалль, сознавая, что „ростъ человѣчества въ численности, въ здоровьѣ и силѣ, въ познаніи, способностяхъ и богатствѣ характера является цѣлью всѣхъ нашихъ наукъ“, оговаривается, что „въ своемъ общемъ видѣ изученіе этого роста, если и принадлежитъ, то только къ заключительной части трактата объ экономикѣ, да, собственно говоря, неумѣстно и здѣсь“. „Функціей анализа и дедукціи въ экономикѣ—добавляетъ онъ—является въ такомъ случаѣ выковка не нѣсколькихъ длинныхъ цѣпей умозаключеній, а правильно и тщательно обработанныхъ короткихъ цѣпей и простыхъ связующихъ звеньевъ“ [1],—въ силу чего онъ даже предпочитаетъ обобщающему термину „политическая экономія“ менѣе широкій и болѣе скромный терминъ „экономика“. Точно также и у другихъ современныхъ экономистовъ не трудно было бы найти иллюстраціи того, что экономическая мысль, формально признавъ необходимость субъективнаго начала въ политической экономіи, сдерживаетъ себя въ практической утилизаціи этого метода и потому не доводитъ до конца логическихъ выводовъ изъ своихъ формальныхъ допущеній.

Исключеніе изъ этого правила составляетъ одна лишь работа, вышедшая въ самый почти канунъ войны,—книга извѣстнаго англійскаго экономиста Джона Гобсона, „Work and Wealth, a human valuation“. Гобсонъ точно также исходитъ изъ сознанія, что мы „не можемъ изолировать полностью факторы какой бы то ни было органической или соціальной проблемы и даже узнать о неудачѣ

[1]) A. Marshall, loc. cit. стр. 139 и 773.

нашихъ попытокъ изолировать ихъ“ [1]). Но, вмѣсто того, чтобы, подобно подавляющему большинству представителей науки о хозяйствѣ, сложить оружіе передъ перспективой введенія въ эту науку учета роли личности въ производствѣ и вліянія на нее производственныхъ процессовъ, онъ настаиваетъ на необходимости такого „изученія (народнаго хозяйства), которое не ограничивалось бы подборомъ фактовъ, укладывающихся въ таблицы и діаграммы, а принимало бы въ разсчетъ болѣе гибкіе и пластическіе факты, выявляющіеся всегда при ближайшемъ знакомствѣ съ жизнью человѣка въ качествѣ главныхъ факторовъ всякой дѣятельности [2]). Съ точки зрѣнія Гобсона, эта позиція для экономиста даже неизбѣжна. „Спеціальное и раздѣльное изученіе разнообразныхъ проблемъ—говоритъ онъ—должно быть... подчинено руководству и направляющей волѣ нѣкоей общей концепціи, которая вынуждена принимать въ разсчетъ всѣ экономическіе факторы и операціи, оцѣнивая ихъ съ помощью единаго критерія *субъективно желательнаго*. Подобное обобщеніе и подобное примѣненіе этого единаго критерія оцѣнки равно необходимы и въ научной интерпретаціи экономическаго или промышленнаго міра, и въ сознательномъ творчествѣ въ пользу соціально-экономическаго прогресса... Самый скромный собиратель фактовъ долженъ подходить къ нимъ, лишь предварительно вооружившись вопросами, гипотезами, методами классификаціи, каждый изъ которыхъ предполагаетъ пріятіе принциповъ, выведенныхъ болѣе общимъ мышленіемъ“ [3]). На этомъ основаніи онъ и полагаетъ, что одного анализа механизма производства и распредѣленія формальнаго богатства недостаточно, что въ политическую экономію необходимо внести то, что онъ называетъ „human valuation“, „человѣческой (субъективной) оцѣнкой“,—оцѣнкой въ освѣщеніи, какое дается интересами личности. Его книга и является опытомъ подобной „субъективной оцѣнки“ народнаго хозяйства.

Но одно уже то, что работа Гобсона занимаетъ изолированную позицію въ современной наукѣ о хозяйствѣ, не позволяетъ принять его выводовъ и посылокъ безъ предварительнаго критическаго разбора этихъ послѣднихъ. „Economic Journal“, разбирая его книгу, высказалъ убѣжденіе, что, при всемъ своемъ несомнѣнномъ интересѣ, она выходитъ за предѣлы экономики. Такимъ образомъ руководящій періодическій органъ Англіи въ области экономическаго мышленія, самъ придерживающійся отнюдь не ортодоксальныхъ взглядовъ на задачи политической экономіи, призналъ незаконной попытку Гобсона дать „субъективную оцѣнку“ народнаго хозяйства. Другими словами, о предѣлахъ примѣненія въ

1) John Atkinson Hobson, „Work and Wealth, a human valuation“, Лондонъ, 1914, стр 323.

2) ibid, стр. 246.

3) ibid стр. 1—2

политической экономіи „субъективной оцѣнки“ еще приходится спорить, что, разумѣется, характерно для переживаемаго экономическимъ мышленіемъ періода броженія, но что вмѣстѣ съ тѣмъ побуждаетъ и присмотрѣться къ попыткѣ Гобсона дать такую оцѣнку.

II.

Исходной посылкой „субъективной оцѣнки“ въ политической экономіи, является положеніе, что при всякомъ анализѣ народно-хозяйственныхъ проблемъ необходимъ учетъ не только прямой роли личности въ хозяйствѣ, но и вліянія на нее тѣхъ или иныхъ условій выработки, распредѣленія и потребленія продуктовъ общественнаго производства. Уже изъ такого опредѣленія этой посылки слѣдуетъ, что субъективная оцѣнка вовсе не исключаетъ потребности въ изученіи механизма производства и распредѣленія формальнаго богатства (что ставитъ своей цѣлью „абстрактная“ политическая экономія) или эволюціи хозяйственныхъ формъ (чѣмъ опредѣляется сфера политико-экономическихъ изысканій по ученію исторической школы). Напротивъ, эта оцѣнка въ свою очередь можетъ быть умѣстна только по выясненіи природы народнаго хозяйства въ его „статикѣ“ и „динамикѣ“—точно такъ же, какъ біологическимъ обобщеніямъ необходимо предшествуетъ накопленіе фактовъ физіологіи и анатоміи, ботаники и зоологіи. Гобсонъ, предлагая „субъективную оцѣнку“ народнаго хозяйства, дѣлаетъ это лишь послѣ того, какъ предварительное изученіе „Эволюціи современнаго капитализма“ и „Индустріальной системы“—такъ озаглавлены его предшествующіе труды—привело его къ сознанію, что необходимо расширить рамки политической экономіи и освѣтить „субъективныя цѣнности“ экономической жизни. „Общая концепція субъективнаго благосостоянія, по его признанію, является туманной и не обладаетъ субстанціей, покуда не будетъ накопленъ и воспринятъ тотъ матеріалъ, собираніе котораго управляется этой концепціей“ [1]).

Эта зависимость оцѣнки отъ анализа вытекаетъ, конечно, изъ самой природы научнаго мышленія. Изслѣдователь подходитъ къ фактамъ избранной имъ области съ извѣстными общими гипотезами и убѣжденіями, которыя заставляютъ его искать въ этихъ фактахъ опредѣленную общность, позволяющую группировать ихъ, и опредѣленную закономѣрность ихъ взаимоотношеній, констатируемую въ научныхъ законахъ. По мѣрѣ же накопленія и обработки фактическаго матеріала, для него становятся очевидными сильныя и слабыя стороны первоначальныхъ „рабочихъ“ гипотезъ, которыя, въ свою очередь, претерпѣваютъ въ результатѣ

1) ibid, стр. 2.

этого соотвѣтствующія видоизмѣненія, покуда степень достовѣрности и обоснованности обобщеній не даетъ основаній для признанія ихъ уже прочно установленными научными законами. Въ настоящее время это можно считать безспорнымъ гносеологическимъ пріемомъ, а потому и въ экономическомъ мышленіи вполнѣ закономѣрна взаимная провѣрка анализа хозяйственной жизни опредѣленнымъ критеріемъ и этого послѣдняго—данными анализа.

Другое дѣло—можно ли вводить *въ самую область экономическаго мышленія выработку такого критерія оцѣнки*, можно ли считать прямой задачей экономиста не только накопленіе данныхъ научнаго опыта въ сферѣ строго экономическихъ явленій и оцѣнку ихъ съ помощью произвольно выбраннаго имъ и обычно зависящаго отъ общаго его міровоззрѣнія мѣрила, но, въ равной мѣрѣ, попытку обосновать и оформить это мѣрило какъ данными политико-экономическихъ изысканій, такъ и данными другихъ отраслей науки о человѣкѣ. Именно въ этомъ вопросѣ и расходятся современныя теченія экономической мысли. Гобсонъ высказывается въ пользу необходимости выработки такого критерія. Его книга представляетъ собой не столько даже опытъ „субъективной оцѣнки" народнаго хозяйства, сколько именно попытку создать въ процессѣ этой оцѣнки и съ помощью итоговъ научной мысли вообще конкретный критерій „субъективнаго благосостоянія" Самъ онъ неоднократно оговаривается, что „нашей цѣлью будетъ, насколько это окажется посильнымъ, *формулировка прочныхъ правилъ* для изученія различнаго рода конкретныхъ... продуктовъ, взятыхъ въ процессѣ ихъ производства и потребленія—съ тѣмъ, чтобы открыть содержащійся въ нихъ элементъ издержекъ и выгодъ [1]". За то, какъ мы знаемъ, иного взгляда придерживается подавляющее большинство экономистовъ. Мы уже познакомились отчасти съ основаніями для такого взгляда, когда мы говорили о стремленіи экономистовъ скорѣй сузить, чѣмъ расширять сферу политико-экономическихъ обобщеній. Эти основанія сводятся къ тому, что „наша наука—наука не нормативная, а позитивная. Она имѣетъ дѣло не съ тѣмъ, что *должно* случиться, а съ тѣмъ, что *склонно* случиться. Отсюда слѣдуетъ, что она не можетъ сама по себѣ давать какіе-нибудь рецепты реформъ... Отсюда слѣдуетъ и то, что экономика и этика оказываются связанными другъ съ другомъ. Практическое общественное творчество требуетъ ихъ обѣихъ. Первая является служанкой послѣдней". [2]) Иначе говоря, выработка опредѣленныхъ критеріевъ оцѣнки хозяйственныхъ явленій переносится въ область нормативной науки—этики, а на долю политической экономіи приходится задача снабженія ея фактическимъ матеріаломъ. Между ними существуетъ связь, но чисто

---

[1]) Ibid. стр. 34.

[2]) „Economic Science in relation to Practice", by A. C. Pigou, Лондонъ, 1908, стр. 13—14.

формальная. Экономистъ, пытающійся ввести въ свои построенія „нормативную" оцѣнку, узурпируетъ тѣмъ самымъ привилегію философа, выводящаго постулатъ желательнаго и должнаго, и потому обязанъ ограничиться строго „объективнымъ" анализомъ. А разъ отвести экономической наукѣ подобную подчиненную роль, то вмѣстѣ съ тѣмъ отпадаетъ и потребность въ сложномъ учетѣ цѣльной природы человѣка, въ качествѣ особаго критерія „субъективной оцѣнки". Въ этомъ случаѣ мѣсто широкихъ обобщеній въ политической экономіи должно занимать констатированіе частныхъ условій проявленія опредѣленнаго экономическаго факта или образованія несложныхъ причинныхъ соотношеній между явленіями хозяйственной жизни. Для подобныхъ же обобщеній вовсе, на первый взглядъ, не нужно считаться съ цѣльной природой человѣка, такъ какъ опасность серьезныхъ ошибокъ не велика.

Фикція „экономическаго субъекта", которая вводила личность въ хозяйственные процессы только въ качествѣ преслѣдующаго узкую личную выгоду существа („не отъ благости мясника, пивовара или пекаря, а отъ соблюденія ими своихъ собственныхъ интересовъ ожидаемъ мы нашъ обѣдъ",—говорилъ авторъ фикціи, А. Смитъ)—эта фикція считается, конечно, современной экономической мыслью безусловно нежизненной и искусственной: „она была неуспѣшной и даже не проводилась послѣдовательно, потому что экономисты, въ сущности, никогда не трактовали экономическаго субъекта, какъ вполнѣ эгоистическое существо"— утверждаетъ, напр., А. Маршалль. Но тотъ же Маршалль, стремясь ограничить сферу обобщеній въ политической экономіи ради того, чтобы избѣжать выработки особаго критерія для учета роли личности въ хозяйствѣ, вынужденъ формулировать положеніе, отчасти возстанавливающее такую фикцію. „Самый прочный мотивъ въ повседневной хозяйственной жизни,—читаемъ мы у него,— представляетъ собой желаніе платы, являющейся матеріальнымъ вознагражденіемъ за трудъ. Плата можетъ быть израсходована эгоистически или альтруистически, на благородныя или порочныя цѣли. Здѣсь именно и вступаетъ въ силу разнообразіе человѣческой природы. Но движущая сила хозяйственной активности выражается опредѣленной суммой денегъ". Маршалль считаетъ даже возможнымъ свести *всѣ* мотивы къ одному знаменателю—къ денежной оплатѣ труда. „При прочихъ равныхъ условіяхъ,—говоритъ онъ — люди предпочтутъ занятіе, въ которомъ имъ не приходится пачкать рукъ, которое обезпечиваетъ имъ хорошее соціальное положеніе и т. д.; и такъ какъ эти выгоды почти равно привлекательны для большинства, хотя и не для всѣхъ, конечно, въ одинаковой степени, то ихъ привлекательная сила можетъ быть вычислена и измѣрена денежной заработной платой, которую люди считаютъ эквивалентной такимъ преимуществамъ [1]". Аналогично

[1]) A. Marshall, loc. cit. стр. 14 и 22.

и Кэйнсъ, признавая, что „въ опредѣленіи хозяйственной активности человѣка въ различныхъ случаяхъ оперируютъ и иные мотивы, кромѣ желанія богатства", считаетъ нужнымъ „пренебречь ими, такъ какъ ихъ вліяніе неправильно, невѣрно и капризно [1])".

Разумѣется, поскольку рѣчь идетъ о томъ, должна или не должна политическая экономія *прямо* предписывать нормы „общественнаго поведенія", разграниченіе функцій экономики и этики не требуетъ особой защиты. Но вопросъ о томъ, насколько вообще мыслимо въ самомъ процессѣ анализа предупредить „нормативную" оцѣнку и насколько такая оцѣнка будетъ научной безъ предварительнаго учета роли личности въ хозяйственныхъ процессахъ и ихъ вліянія на нее. Если оцѣнка зависитъ отъ данныхъ анализа, то не окрашиваются ли эти данныя въ значительной мѣрѣ безсознательной, почти не поддающейся контролю самого изслѣдователя, склонностью его разсматривать ихъ сквозь призму своего общаго міровоззрѣнія? И если окрашиваются, то не происходитъ ли извѣстное превращеніе „позитивной" науки въ науку, если и не нормативную, то во всякомъ случаѣ освѣщающую подъ опредѣленнымъ угломъ зрѣнія явленія хозяйственной жизни, т. е. придающую своимъ теоретическимъ построеніямъ характеръ *косвенныхъ* предпосылокъ для общественно-экономическаго творчества въ направленіи опредѣленныхъ идеаловъ.

Въ этомъ отношеніи останавливаетъ на себѣ вниманіе наличность несомнѣннаго субъективизма во всѣхъ тѣхъ построеніяхъ политической экономіи, которыя отличаются наибольшимъ внѣшнимъ объективизмомъ. Въ экономической литературѣ теперь считается прочно установленнымъ тотъ фактъ, что, при полной увѣренности въ своемъ безусловномъ объективизмѣ, классики „давали не фотографію дѣйствительности, а субъективную интерпретацію ея" [2]). Они подходили къ экономической жизни, какъ это отмѣтилъ Маршалль, съ „молчаливымъ предположеніемъ, будто весь міръ состоитъ изъ биржевиковъ и промышленниковъ". Всѣ же недочеты классической политической экономіи прямо вытекаютъ изъ этого подчиненія экономистовъ классической школы примитивному субъективизму. Послѣдній „повелъ ихъ по неправильному пути въ вопросѣ объ отношеніяхъ между различными промышленными группами. Онъ заставилъ ихъ говорить о трудѣ, какъ о товарѣ, лишилъ ихъ возможности понять точку зрѣнія рабочаго и заставилъ упустить изъ виду его человѣческія страсти, его инстинкты и привычки, симпатіи и антипатіи, его классовыя вражду и спаянность, его невѣжество и отсутствіе у него воз-

---

[1]) John U. Keynes, „The Scope and Method of Political Economy", Лондонъ, 1904, стр. 15—16. Ср. также стр. 119.

[2]) „La Méthode et la Conception de l'Economie Politique dans l'Oeuvre de J.-B. Say" par Edgard Allix, Revue d'Histoire des Doctrines économiques et sociales, N 4, 1911, стр. 326.

можности свободнаго и сильнаго проявленія своей индивидуальности. Они такимъ образомъ приписали силамъ спроса и предложенія гораздо болѣе механическую и правильную дѣятельность, чѣмъ наблюдающаяся въ реальной жизни; и они формулировали такіе законы о нормахъ прибыли и заработной платы, какіе не были правильны даже въ современныхъ имъ англійскихъ условіяхъ" [1]). Этотъ „порочный субъективизмъ" сказался и тѣмъ, что никто не придерживался болѣе послѣдовательно, чѣмъ это дѣлали классики, убѣжденія, будто экономическое благосостояніе эквивалентно формальному богатству, будто каждое повышеніе въ суммѣ послѣдняго поднимаетъ соотвѣтственно и первое. Разсматривая экономическую жизнь сквозь призму своего классового субъективизма, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ являясь ближайшими участниками процесса накопленія формальнаго богатства (Рикардо былъ, какъ извѣстно, крупнымъ биржевымъ маклеромъ), они и не могли иначе смотрѣть на вещи. Для нихъ „общество" ограничивалось тѣми, кто „создавалъ" формальное богатство,— вполнѣ въ согласіи съ тенденціей капитализма превратить личность, не располагающую капиталомъ, въ простой придатокъ производственнаго механизма,—и потому ростъ богатства, явно повышавшій благосостояніе этого ограниченнаго круга лицъ, считался ими ростомъ благосостоянія и общества. Въ ихъ построеніяхъ такимъ образомъ мы находимъ несомнѣнный элементъ привходящихъ соображеній, безъ которыхъ эти построенія не были бы вовсе созданы, но учетъ которымъ экономистами не производился и наличность которыхъ ими даже не сознавалась. Объективная форма въ классической политической экономіи только прикрывала собой окрашенную субъективизмомъ сущность.

Но такой безсознательный или наполовину осознанный субъективизмъ совершенно, разумѣется, неудовлетворителенъ. По самой природѣ своей онъ слѣпъ и не можетъ провѣрить своихъ осковныхъ посылокъ. Избираемыя имъ мѣрила, съ помощью которыхъ оцѣниваются данныя политико-экономическаго научнаго опыта, диктуются не продуманными выводами изъ изученія общей природы „хозяйственнаго субъекта", а исключительно соображеніями, случайно складывающимися въ ходѣ личнаго опыта изслѣдователя. И если общее міровоззрѣніе послѣдняго въ состояніи внести опредѣленные коррективы, давая болѣе или менѣе прочную базу для теоретическихъ обобщеній въ области экономическихъ фактовъ, за то велики и шансы, что такая база окажется недостаточно отвѣчающей реальному положенію вещей или что экономистъ, для большей своей „объективности", предпочтетъ, поскольку возможно, не считаться съ ней. Это особенно

[1]) A. Marshall, loc. cit., стр. 762—763.

приложимо, конечно, къ тѣмъ широкимъ обобщеніямъ, какія производились въ области экономическаго мышленія классиками, К. Марксомъ и нѣкоторыми другими позднѣйшими экономистами, и нѣсколько менѣе къ частнымъ обобщеніямъ, на необходимости ограничиться которыми настаиваютъ Маршалль и его ученики. Но, не говоря уже о томъ, что вопросъ о предѣлахъ законности обобщеній рѣшается далеко не единодушно современной экономической мыслью, самъ Маршалль считаетъ нужнымъ снабдить свои „короткія цѣпи умозаключеній“ „связующими звеньями“, представляющими собою, не смотря на свою относительную „простоту“, уже значительно болѣе широкія обобщенія. А разъ такъ, то очевидно, что для обезпеченія научности построеній политической экономіи выработка опредѣленнаго критерія субъективной оцѣнки не только допустима, но и настоятельно необходима.

Заслугой работы Гобсона является именно то, что она впервые выводитъ экономическую мысль на путь исканій этого критерія оцѣнки фактовъ хозяйственной жизни. Гобсонъ находитъ, что разъ хозяйство „покоится на... полуинстинктивныхъ, животныхъ функціяхъ, предназначенныхъ для удовлетворенія органическихъ потребностей—личныхъ и общественныхъ“ [1]),—то и мѣриломъ для оцѣнки этого хозяйства должно быть то, что онъ называетъ „органическимъ благополучіемъ“. Подобный критерій важенъ для экономиста потому, что онъ позволяетъ ему „избѣжать двухъ ошибокъ, свойственныхъ механической трактовкѣ экономической науки,—трактовкѣ, которая подчиняетъ личность коммерческому богатству“. Онъ „заставляетъ разсматривать производственныя усилія, идущія на выполненіе производительной работы, и удовлетвореніе, вытекающее изъ потребленія какого-либо продукта, не какъ, съ одной стороны, объективныя издержки производства, а съ другой—субъективную потребительную цѣнность, но въ ихъ общемъ значеніи въ жизни производителя и потребителя. Иначе говоря, „онъ принуждаетъ насъ оцѣнивать каждый актъ производства и потребленія съ точки зрѣнія общаго вліянія этого акта на жизнь и характеръ хозяйственнаго агента“, т. е. даетъ тотъ политико-экономическій учетъ этого вліянія, необходимость котораго платонически сознается современными теченіями экономической мысли, а въ дѣйствительности отводится въ сторону, благодаря отсутствію соотвѣтствующихъ методовъ этого учета.

Этотъ критерій „органическаго благополучія“ представляетъ собой такимъ образомъ прочную руководящую нить при изученіи народнаго хозяйства. Разъ въ каждомъ экономическомъ актѣ человѣка содержится или должно, по органической природѣ его, содержаться извѣстное гармоническое сочетаніе

---

1) Hobson, loc. cit., стр. 13.

экономическихъ мотивовъ и функцій съ мотивами и функціями иного порядка (по Гобсону—„спортивными, артистическими, религіозными, общественными и политическими"), то такое сочетаніе является точной мѣрой „добра" и „зла" экономическихъ условій общественной жизни. Въ тѣхъ случаяхъ, когда гармонія нарушена въ силу дѣйствія опредѣленныхъ условій, которыми обставлено выполненіе хозяйственныхъ актовъ, мы имѣемъ дѣло съ яснымъ субъективнымъ минусомъ хозяйственной жизни, съ пониженіемъ субъективной цѣнности этихъ актовъ. Обратно—въ случаѣ, когда такая гармонія соблюдена, мы имѣемъ дѣло съ субъективнымъ плюсомъ, съ повышеніемъ субъективной цѣнности.

Посмотримъ однако, какое конкретное содержаніе Гобсонъ вкладываетъ въ предложенное имъ въ качествѣ критерія субъективной оцѣнки понятіе „органическаго благополучія".

III.

„Уясняя происхожденіе хозяйства,—читаемъ мы въ работѣ Гобсона—мы найдемъ, что оно покоится на томъ, что кажется намъ полуинстиктивными, животными функціями, предназначенными для удовлетворенія органическихъ потребностей—личныхъ и общественныхъ". Разслѣдуя же эти органическія функціи, лежащія въ основѣ хозяйственной активности человѣка, мы сразу же наталкиваемся на крайне важный фактъ—именно на то, что въ каждое органически-полезное усиліе природа вложила опредѣленное чувство физическаго или психо-физическаго удовольствія. Охота, борьба, спариваніе, уходъ за дѣтьми и защита ихъ—всѣ дѣянія, обладающія „выживательной цѣнностью" или біологической цѣлесообразностью—надѣлены сопутствующимъ чувствомъ удовольствія въ качествѣ приманки для ихъ выполненія" [1]). Роль такого чувства сказывается въ каждомъ почти хозяйственномъ актѣ человѣка присутствіемъ въ немъ „пѣсни и другихъ ритмическихъ дѣйствій"... Нагляднѣе всего это сказывалось въ „танцахъ, которые въ примитивномъ обществѣ являлись почти неизмѣнными спутниками всѣхъ важныхъ предпріятій—войны, охоты, сбора жатвъ—и которые все еще сохранились до самаго послѣдняго времени и у насъ въ праздникѣ жатвы (Harvest Home)". Извѣстно также то чувство удовлетворенія, съ какимъ связано окончаніе часто „въ мукахъ рожденной" работы композитора, художника или писателя—и родственное ему чувство гордости хорошо выполненной работой, являющееся достояніемъ нерѣдко даже работника, занятаго въ капиталистическомъ предпріятіи и выполняющаго работу не по воль-

1) Hobson, loc cit., стр. 21.

ному выбору, если только условія его работы не чрезмѣрно тягостны и позволяютъ вылиться въ опредѣленную форму его иниціативѣ, индивидуальному творчеству и т. п.

Этотъ фактъ наличности въ каждомъ экономическомъ актѣ элемента удовольствія даетъ возможность понять сущность „органическаго благополучія", какъ состояніе сознанія хозяйственныхъ агентовъ. Конечно, въ современномъ развитомъ хозяйствѣ связь удовольствія съ хозяйственной дѣятельностью проявляется иначе, чѣмъ въ примитивномъ экономическомъ бытѣ. Въ немъ наблюдается безграничное разнообразіе и сложность хозяйственныхъ процессовъ, между актами производства и потребленія находятся огромные интервалы времени, наконецъ, „производитель" зачастую оказывается лишеннымъ возможности участвовать въ потребленіи произведеннымъ имъ продуктовъ. Соотвѣтственно, казалось бы, понятіе „органическое благополучіе" должно быть видоизмѣнено такъ, чтобы его можно было примѣнять не только къ простымъ хозяйственнымъ функціямъ, но и къ сложному обиходу капиталистическаго хозяйства. Но, по существу, органическое благополучіе диктуется не формами хозяйства, а болѣе прочными и малоизмѣнчивыми чертами душевнаго строя участниковъ хозяйственныхъ процессовъ. Если вѣрно, что психологія благополучія рѣзко отличается по степени сложности, когда мы анализируемъ душевное состояніе негра на Ямайкѣ, съ одной стороны, и современнаго англійскаго квалифицированнаго рабочаго—съ другой, то не менѣе вѣрно, что различіе сводится къ степени, а не качеству. Въ конечномъ счетѣ, удовлетвореніе разнообразныхъ потребностей приводитъ въ обоихъ случаяхъ къ ощущенію благополучія, хотя это ощущеніе достигается въ одномъ случаѣ проще и скорѣе, а въ другомъ—болѣе сложнымъ путемъ и медленнѣе. И точно также для ощущенія неблагополучія предпосылки въ обоихъ случаяхъ одинаковы и заключаются въ несоразмѣрности, съ точки зрѣнія личности, затраты энергіи и ея результатовъ.

Критерій „органическаго благополучія", въ примѣненіи къ явленіямъ хозяйственной жизни, сводится поэтому къ тому, чтобы взвѣшивать каждое такое явленіе на вѣсахъ „желательнаго" или „субъективно-желательнаго". Но что такое „субъективно-желательное"? Ставя знакъ равенства между „органическимъ благополучіемъ" и „субъективно желательнымъ", мы легко впадемъ въ ошибку, такъ какъ это равносильно объясненію одного понятія другимъ, въ свою очередь еще требующимъ объясненія. Полагаться на то, что субъективно-желательное есть въ дѣйствительности вѣрная руководящая нить, значило бы сознательно идти на такую ошибку, такъ какъ имѣется столько оттѣнковъ „субъективно-желательнаго", сколько и субъектовъ. „Возьмите краснокожаго индѣйца или негра племени Банту, уведите его изъ относительно устойчивой и простой естественной обстановки и по-

грузите его въ водоворотъ жизни современнаго европейскаго города—и вы окажетесь лицомъ къ лицу съ физической и моральной катастрофой. Почему? Потому что давленіе животныхъ желаній или чувства гордости и любопытства, регулируемыя дѣеспособными „табу" въ той примитивной жизни, откуда онъ взятъ, въ новой обстановкѣ проявятъ себя безудержно. „Табу" цивилизованнаго общества въ равной мѣрѣ плохо приноровлены къ эмоціональному строенію его природы и по своей новизнѣ и сложности не вполнѣ понятны ему" [1]). Столкновеніе „бѣлой цивилизаціи" съ „отсталыми народностями" всегда фатально для послѣднихъ, порождая полную деградацію ихъ; „огненная вода", сифилисъ и т. п. послѣдствія столкновенія—результатъ въ значительной мѣрѣ распада туземной жизни подъ разъѣдающимъ вліяніемъ высшей культуры—обусловливаютъ физическое и моральное вырожденіе. Между тѣмъ несомнѣнно, что спиртные напитки можно бы считать „субъективно-желательнымъ" моментомъ въ жизни Остяка или другого дикаря, хотя злоупотребленіе ими безусловно расходится съ представленіемъ объ „органическомъ благополучіи" этого дикаря. Слѣдовательно, необходимо опредѣлить, *какой* критерій „субъективно-желательнаго" можно приравнять нашему понятію „органическое благополучіе". Гобсонъ поэтому особенно настойчиво подчеркиваетъ, что „наша задача... заключается не въ переводѣ денежныхъ цѣнностей или конкретныхъ благъ, къ которымъ онѣ относятся, на языкъ принятой средней желательности, а въ переводѣ на языкъ такой желательности, которая отвѣчала бы наилучшему критерію желательнаго, словомъ... на языкъ нашихъ человѣческихъ идеаловъ личной и общественной жизни" [2]).

Но наши идеалы являются продуктомъ нашей реакціи на конкретную обстановку. Стало быть, для точнаго представленія о сущности критерія „субъективно-желательнаго" или, что то же „органическаго благополучія" требуется попутный анализъ народно-хозяйственной жизни въ свѣтѣ этого субъективнаго критерія. Гобсонъ сознаетъ это и оттого неоднократно и ссылается на то, что „природа и цѣнность критерія органическаго благополучія станутъ яснѣе въ ходѣ его практическаго примѣненія". Но въ такомъ случаѣ самъ критерій не обладаетъ, очевидно, постояннымъ, неизмѣннымъ характеромъ, а, напротивъ, отличается непрочностью, находящейся въ прямой зависимости отъ уровня нашего знакомства съ хозяйственной жизнью, отъ конкретныхъ преходящихъ формъ послѣдней, отъ роста, наконецъ, общественно-экономическаго самосознанія въ нѣдрахъ даннаго соціальнаго быта. Не подрываетъ ли это его цѣнности? Не слѣдуетъ ли даже признать ненаучными попытки освѣтить народное хозяйство съ

[1]) Hobson, loc. cit., стр. 129.
[2]) Ibid., стр., 33.

помощью столь очевидно неопредѣленнаго метода анализа и оцѣнки? Едва-ли въ наше время, когда гносеологическія концепціи сваливаютъ научный законъ съ его пьедестала „вѣчнаго" и „непреложнаго" и низводятъ его до ступени „практически-полезной теоремы", цѣнность которой пропорціональна ея пригодности въ качествѣ практическаго руководства,—возможно дать положительный отвѣтъ на эти вопросы. Только наивный реализмъ, убѣжденный въ абсолютной непоколебимости и объективно существующей конкретности найденныхъ научнымъ мышленіемъ и оформленныхъ въ научные законы соотношеній, можетъ требовать, чтобы наука давала вѣчные, пригодные для всѣхъ случаевъ и всѣхъ условій, законоположенія. Всѣ вообще экономическіе законы въ настоящее время разсматриваются точно такъ же, какъ математика разсматриваетъ теоремы Эвклида: въ нихъ экономическая мысль видитъ исключительно практически цѣлесообразное констатированіе опредѣленныхъ условныхъ соотношеній, наблюдающихся между анализируемыми явленіями. На этомъ основаніи у экономистовъ школы предѣльной полезности создалось даже убѣжденіе, что ученіе этой школы „положило конецъ всякимъ попыткамъ найти „законы" для нашего поведенія въ экономическихъ отношеніяхъ, такъ какъ *„такихъ законовъ нѣтъ"* [1]).

Очевидно, такимъ образомъ, что измѣнчивый характеръ критерія „субъективно-желательнаго" нисколько не можетъ служить основаніемъ для отрицанія за нимъ научности. Наученъ ли онъ или ненаученъ,—можетъ быть показано только путемъ примѣненія его въ ходѣ анализа и оцѣнки хозяйственной жизни. Если, какъ въ этомъ убѣжденъ Гобсонъ, субъективная оцѣнка народнаго хозяйства, оцѣнка его въ освѣщеніи нашихъ идеаловъ субъективно-желательнаго, обладаетъ крупной практической цѣнностью, то и научный характеръ критерія будетъ установленъ безспорно.

Но слѣдуетъ помнить, что политическая экономія—наука не „нормативная", а „позитивная". Критерій субъективно-желательнаго въ ней является не предпосылкой нормированія „общественнаго поведенія", не исходнымъ принципомъ при опредѣленіи *должнаго* въ хозяйственной жизни (хотя мѣстами Гобсонъ выражается настолько двусмысленно, что создаетъ и обратное впечатлѣніе), а лишь своего рода прожекторомъ, направляющимъ сильный лучъ свѣта на эту жизнь и позволяющимъ увидѣть содержащееся въ ней зло и благо. Его примѣненіе въ процессѣ историко-экономическаго мышленія сводится къ анализу народнаго хозяйства и взвѣшиванію каждаго экономическаго факта на вѣсахъ нашихъ идеаловъ органическаго благополучія, другими словами, къ учету,

---

[1]) P. H. Wicksteed, „The Scope and Method of Political Economy", Economic Journal, мартъ 1914, стр. 8—9.

субъективныхъ плюсовъ и минусовъ, заключенныхъ въ этомъ фактѣ.

Мы не можемъ, разумѣется, полностью прослѣдить ходъ такого анализа, произведеннаго въ своей солидной работѣ Гобсономъ,— тѣмъ болѣе, что Гобсонъ считаетъ „очевидно невозможнымъ" даже для себя детальное изученіе всего народнаго хозяйства въ субъективномъ освѣщеніи. Остановимся поэтому на той части его, которая въ состояніи, сама по себѣ взятая, дать нѣкоторое представленіе о „природѣ и цѣнности" критерія „субъективно-желательнаго",—именно на учетѣ субъективныхъ плюсовъ и минусовъ въ методахъ экономическаго вознагражденія различныхъ хозяйственныхъ агентовъ, обычно трактуемыхъ въ качествѣ „земли", „труда" и „капитала". Отысканіе законовъ такого вознагражденія всегда къ тому же являлось главной задачей политической экономіи. Вокругъ вопроса о рентѣ, заработной платѣ и прибыли наростаютъ всѣ остальныя ея проблемы и рѣшеніе этого вопроса обусловливаетъ общій характеръ экономической концепціи. Если такимъ образомъ критерій органическаго благополучія въ состояніи дать болѣе вѣрное рѣшеніе его, чѣмъ это достигается привычными пріемами анализа и оцѣнки, то его „природа и цѣнность" будутъ для насъ установлены и безъ дальнѣйшаго освѣщенія всего народнаго хозяйства.

Возьмемъ поэтому въ качествѣ отправнаго пункта трудовую теорію цѣнности. „Земля", согласно этой теоріи, даетъ собственнику ея „ренту", подъ видомъ платы за пользованіе ею, состоящую изъ разницы въ естественномъ плодородіи различныхъ участковъ земли или различныхъ затратъ труда и капитала на одномъ и томъ же участкѣ ея; „капиталъ" располагаетъ прибавочной цѣнностью, являющеюся продуктомъ неоплаченнаго труда, а послѣдній пользуется вознагражденіемъ, соотвѣтствующимъ его „издержкамъ производства", т. е. стоимости поддержанія достаточнаго притока дѣеспособныхъ рабочихъ къ капиталистическимъ предпріятіямъ. Основаніемъ для критики такого распредѣленія общественнаго продукта между хозяйственными агентами служитъ то обстоятельство, что творцомъ цѣнности является всего лишь одинъ агентъ, вознагражденіе котораго далеко не соотвѣтствуетъ полному продукту его. Отсюда вытекаетъ осужденіе права собственности на средства производства, какъ условія реализаціи данной системы распредѣленія.

Но, какъ извѣстно, схема трудовой теоріи цѣнности, стройная по внѣшности, не чужда противорѣчій. Она до очевидности не покрываетъ собой существа наблюдающейся въ капиталистическомъ строѣ системы распредѣленія и требуетъ отъ своихъ защитниковъ оговорокъ и поправокъ, нерѣдко подрывающихъ самую схему. Это особенно вѣрно по отношенію къ закону поземельной ренты, неудовлетвореніе которымъ служило первоначальнымъ

толчкомъ къ выработкѣ позднѣйшихъ схемъ. Экономическую мысль всегда смущало то обстоятельство, что реальная арендная плата, т. е. вознагражденіе собственника земли за утилизацію ея, опредѣляемое по закону дифференціальной ренты размѣромъ различія между плодородіемъ различныхъ участковъ, никогда не совпадаетъ съ этимъ различіемъ и въ опредѣленныхъ, случаяхъ получается даже съ участковъ, находящихся на границѣ обработки, т. е. *вовсе не дающихъ дифференціальной ренты*. К. Марксъ прибѣгъ поэтому къ коррективу въ видѣ теоріи абсолютной ренты. Съ его точки зрѣнія случай несовпаденія дѣйствительности съ теоріей дифференціальной ренты указываетъ на наличность въ народномъ хозяйствѣ еще дополнительной ренты, которую онъ называетъ абсолютной. Эту ренту, говоритъ онъ, „*производитъ сама земельная собственность*“. Но тѣмъ самымъ вся теорія трудовой цѣнности, по которой цѣнность товара, за вычетомъ продукта естественнаго плодородія земли, является продуктомъ одного лишь общественно-необходимаго труда, невольно ставится имъ подъ сомнѣніе, ибо институтъ собственности на землю (а, слѣдовательно, въ большей или меньшей мѣрѣ, всякій вообще институтъ собственности) превращается при такомъ допущеніи изъ условія *реализаціи* ренты (или прибавочной цѣнности) въ *источникъ* или творца ея.

Такой результатъ мыслимъ только въ силу механическаго объективизма, съ которымъ экономическая мысль подходитъ къ проблемѣ ренты и который не позволяетъ увидѣть существо данной экономической категоріи. Поэтому совершенно иначе рѣшается вопросъ о дифференціальной рентѣ и „вознагражденіи“ землевладѣльца съ помощью критерія „органическаго благополучія“. Естественное плодородіе земли даетъ человѣку, прилагающему свои усилія къ обработкѣ ея, часть продукта совершенно безболѣзненно, безъ затраты соотвѣтствующей энергіи, и потому обезпечиваетъ ему непропорціонально большой излишекъ благополучія; сущность дифференціальной ренты и заключается въ томъ, что этому излишку не соотвѣтствуютъ „субъективныя издержки“ (жертвы со стороны личности). Отъ этого излишка личности легче всего отказаться, при условіи, что въ противоположномъ случаѣ доступъ къ землѣ будетъ для нея закрытъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ, когда экономическое благополучіе можетъ быть достигнуто относительно легче затратой энергіи не въ земледѣліи, земледѣлецъ въ состояніи сбить арендную плату *ниже* дифференціальной ренты. Но при обратномъ условіи собственнику обезпечивается не только разница въ естественномъ плодородіи различныхъ участковъ земли, а также и *дополнительная пропорція продукта земли*, соотвѣтствующая уже интенсивности спроса на наихудшій участокъ и опредѣляемая степенью (дифференціаломъ) нужды въ ней арендатора, который стремится возможно полнѣе реализовать свое „органическое благо-

получіе". Институтъ собственности не создаетъ, иначе говоря, никакой ренты, онъ только ее *реализуетъ* въ качествѣ источника дохода для собственника земли, а рента состоитъ изъ опредѣленной суммы жертвъ со стороны земледѣльца, насколько уплата ренты сопряжена для него съ лишеніемъ его не только продукта естественнаго плодородія земли, но и части продукта его личнаго труда.

Аналогично, вся теорія трудовой цѣнности пріобрѣтаетъ болѣе полный видъ въ освѣщеніи, какое дается критеріемъ органическаго благополучія. По этой теоріи цѣнность является продуктомъ общественно-необходимаго труда. Но что такое общественно-необходимый трудъ и что такое процессъ, какимъ онъ создаетъ мѣновую цѣнность,—это остается обычно открытымъ вопросомъ, по поводу котораго въ экономической литературѣ возникало всегда не мало споровъ. Мы узнаемъ только, что этотъ трудъ представляетъ собой извѣстную среднюю затрату производительной энергіи, нужную для производства требующихся рынкомъ продуктовъ. Въ этомъ случаѣ онъ рисуется объективными издержками производства, учетъ которымъ производится по числу часовъ работы, и наше представленіе о немъ не идетъ дальше этого внѣшняго факта. Поэтому и конкретная роль труда въ образованіи цѣнности не поддается констатированію иначе, какъ въ формѣ опредѣленія продолжительности рабочаго дня. Примѣненіе же критерія органическаго благополучія вскрываетъ передъ нами сущность того процесса, которымъ трудъ создаетъ мѣновую цѣнность, и даетъ конкретное представленіе о природѣ той затраты энергіи, какая подводится подъ понятіе „общественно-необходимаго труда". Производство при этомъ оказывается связаннымъ не съ объективными, а съ субъективными издержками, пропорціональное отношеніе которыхъ къ получаемому въ силу затраты энергіи результату и опредѣляетъ собой степень общественной необходимости труда.

Въ самомъ дѣлѣ, далеко не всякій трудъ создаетъ мѣновыя цѣнности, которыя поддаются опредѣленному учету по количеству вложенной въ нихъ энергіи. Примѣръ этому—чистое творчество, мѣновая цѣнность продукта котораго иначе зависѣла бы, согласно Рикардо, отъ „количества труда, необходимаго первоначально для производства ея". Не соотвѣтствуетъ также затратѣ энергіи и равняющаяся нулю мѣновая цѣнность результатовъ труда, приложеннаго въ различнаго рода спортивныхъ упражненіяхъ. Только тотъ трудъ пріобрѣтаетъ значеніе мѣрила цѣнности, *который затраченъ производительно и можетъ быть затраченъ повторно въ процессъ производства одного и того же продукта*, безусловно необходимаго для органическаго благополучія общества въ цѣломъ и каждаго члена его въ отдѣльности. Это же разграниченіе важно потому, что оно проливаетъ свѣтъ на характеръ общественно-необходимаго труда. Импульсъ къ творческой работѣ или къ спорту

является въ значительной мѣрѣ имманентнымъ, порожденъ личными склонностями, которыя обусловлены жизненными процессами здороваго организма; органическое благополучіе послѣдняго немыслимо безъ опредѣленной траты энергіи, которая въ силу этого не только не является субъективнымъ ущербомъ, но, напротивъ, представляетъ собой огромную субъективную цѣнность и поэтому никогда не нуждается въ особыхъ стимулахъ для своего проявленія. Истинному художнику или писателю, какъ творцу, совершенно безразлично, реализуетъ ли что-нибудь продуктъ его творчества на торговомъ рынкѣ или нѣтъ. Для него важенъ самъ процессъ творчества, реализаціи своего „я", и лишь постольку могутъ его интересовать условія сбыта какого-либо продукта его творчества, поскольку эти условія даютъ ему возможность дальнѣйшаго творчества. Производительный трудъ, съ другой стороны, самъ по себѣ не въ состояніи увлечь и заинтересовать личность. Для нея онъ — необходимость, степень нежелательности которой обратно пропорціональна полезной реализаціи такой затраты энергіи. Мало того. „Постольку, поскольку трудъ состоитъ изъ спеціализированной рутины, поглощающей главную сумму производственной энергіи, онъ является врагомъ органическаго здоровья. Онъ враждебенъ ему двояко—лишая личность, во-первыхъ, возможности упражнять свои другія способности, а, во-вторыхъ, перегружая и деградируя рабскимъ повтореніемъ единственную утилизируемую способность" [1]). Созданіе мѣновой цѣнности сопряжено такимъ образомъ съ реальными жертвами со стороны личности, съ „субъективными издержками". Личность беретъ на себя эти издержки потому, что иначе не можетъ быть обезпечено органическое благополучіе ни ея самой, ни общества въ цѣломъ. И хотя въ процессѣ производительной затраты энергіи можетъ содержаться опредѣленный элементъ удовлетворенія, гордости своимъ умѣніемъ и т. п.,—все же безъ внѣшняго стимула, безъ того результата труда или его рыночнаго эквивалента, который ожидается производителемъ, эта затрата энергіи не имѣла бы мѣста. Наличность же такого стимула превращаетъ понятіе „общественно-необходимый трудъ" въ *конкретную сумму субъективныхъ издержекъ, необходимыхъ общественной организаціи для обезпеченія органическаго благополучія и точно соотвѣтствующихъ суммъ матеріальныхъ средствъ этого благополучія, которыя получены такой цѣной.*

Но въ условіяхъ данной формы народнаго хозяйства соотношеніе между затратой субъективныхъ издержекъ и результатомъ ея для органическаго благополучія далеко не соблюдается въ системѣ распредѣленія общественнаго продукта. Поэтому и степень субъективной цѣнности такой формы существенно мѣняется. Гар-

---

[1]) Hobson, loc. cit., стр. 62.

монія, наблюдающаяся во всѣхъ случаяхъ вполнѣ добровольнаго и контролируемаго самой личностью труда, замѣщается дисгармоніей, которая *усугубляетъ значеніе въ хозяйственной жизни субъективныхъ издержекъ*. По мѣрѣ замѣщенія свободы труда принужденіемъ къ нему, сознаніе, что болѣзненная затрата энергіи компенсируется соотвѣтствующимъ повышеніемъ органическаго благополучія, исчезаетъ и замѣщается своей противоположностью,—что сказывается необходимостью усилить дѣйствіе внѣшнихъ стимуловъ. Рабы, подъ кнутомъ выполняющіе предписанную имъ работу, крѣпостные, юридически прикрѣпленные ко „двору" или „землѣ" собственника, и рабочій, вынужденный идти на фабрику перспективой голода,—представляютъ собой различныя ступени въ образованіи, подъ вліяніемъ принятой системы распредѣленія общественнаго продукта, дополнительныхъ субъективныхъ издержекъ. Въ примѣрѣ рабскаго труда мы находимъ возможный максимумъ такихъ издержекъ при минимумѣ субъективной цѣнности хозяйственныхъ процессовъ. Современный рабочій, въ особенности, когда предпріятіе придерживается „экономіи высокой заработной платы", уже ближе стоитъ къ уравненію субъективныхъ издержекъ производства и субъективной цѣнности его (отсюда — извѣстный соціальный „консерватизмъ" рабочихъ данной категоріи). Но прибавочная цѣнность, получаемая, благодаря институту собственности, на средства производства, представляетъ собой все же колоссальное прибавленіе къ субъективнымъ издержкамъ народнаго хозяйства. И капиталистическій строй внесъ въ хозяйственную жизнь еще дополнительныя условія органическаго неблагополучія. Усиленіе рутинности и монотонности производственныхъ функцій, полное отсутствіе инниціативы въ выборѣ характера и темпа работы, — все это, очевидно, требуетъ отъ личности жертвъ своей индивидуальностью, полнѣйшее выраженіе и развитіе которой служитъ существенной предпосылкой всякаго благополучія. Все это компенсируется, конечно, большей продуктивностью затраты каждой данной единицы энергіи, но эта компенсація не реализуется для рабочаго полностью, а идетъ преимущественно либо на освобожденіе имущихъ (и отчасти также отбросовъ общества) или, какъ ихъ называетъ Гобсонъ, „безработныхъ" классовъ населенія отъ потребности работать, либо же на свойственное капитализму непропорціонально огромное образованіе общественнаго капитала. Послѣдній же, какъ это видно по обслуживающей войну индустріи, зачастую предназначенъ просто на просто къ уничтоженію...

А. Чекинъ.

У ВРАТЪ САМАРІИ.

Романъ Уильяма Дж. Локка.

Пер. съ англійскаго З. Н. Журавской.

VI.

— Ну, и скучный же вечеръ предстоитъ вамъ, моя дорогая!—со вздохомъ сказала м-ссъ Фаркгарсонъ.

Онѣ сидѣли въ гостиной, по обѣ стороны камина, поджидая гостей къ обѣду.

— Почему?—спросила Клитія.

— Да, вѣдь, это все явятся ископаемыя съ фигурами, вродѣ амфоръ, и лицами, какъ древнія монеты. По всей вѣроятности, тутъ дѣйствуетъ какой-нибудь законъ ассимиляціи. И разговариваютъ они такъ, какъ будто ничего нѣтъ новаго подъ солнцемъ.

— Да вѣдь, и вправду, мало.

— Будто? Поживаете—увидите. Во всякомъ случаѣ, на свѣтѣ есть убійства и разводы, и новыя картины, и конецъ девятнадцаго вѣка. Какъ можетъ людямъ нравиться жить за тысячу лѣтъ назадъ отъ своей эпохи,—хоть убейте, не пойму. Ну, да вы сами увидите. У всѣхъ у нихъ видъ такой, какъ будто ихъ выкопали изъ могилъ, кромѣ Джорджа, да и тотъ среди нихъ смотритъ такъ, какъ будто его не удосужились похоронить. Счастье еще, что у всѣхъ слабые желудки и они рѣдко обѣдаютъ внѣ дома, а не то бы они таскались сюда каждую недѣлю.

— Но вѣдь съ ними придутъ и жены,—въ видѣ утѣшенія сказала Клитія.

— Бѣдняжки! Онѣ всѣ смотрятъ такими утомленными отъ вѣчнаго сидѣнья надъ корректурами съ множествомъ удареній и значковъ надъ невозможными буквами и нелѣпыхъ рисунковъ, изображающихъ птицъ и животныхъ. Вы знаете вѣдь, не всѣ археологи такіе, какъ мой Джорджъ.

— Такого, какъ Джорджъ, другого нѣтъ на свѣтѣ!

— Онъ-то еще слава Богу.—М-ссъ Фаркгарсонъ удобнѣе расположилась въ креслѣ.—Но, все-таки, самое лучшее быть самой себѣ госпожей. Не выходите замужъ, моя дорогая; оставайтесь независимой... Вы знаете, одна изъ этихъ древностей собирается что-то читать. Пожалѣйте меня, душечка

— Кажется, и меня вѣдь тоже нужно пожалѣть.

— Ахъ! вы молоды—васъ все это можетъ позабавить. А меня ужъ нѣтъ.

Рѣчь шла о собраніи кружка археологовъ у м-ра Фаркгарсона. Члены Совѣта разъ въ мѣсяцъ, по очереди, обѣдали другъ у друга; члены общества приходили вечеромъ, „для разговоровъ", какъ, слегка взрагивая, говорила м-ссъ Фаркгарсонъ. Обыкновенно кто-нибудь читалъ рефератъ; затѣмъ слѣдовали пренія, отъ которыхъ наиболѣе разговорчивые уклонялись, предпочитая болтать между собой, по угламъ. Клитіи никогда еще не случалось бывать на такихъ собраніяхъ, съ однороднымъ составомъ участниковъ. Въ домѣ ея друзей собиралась обыкновенно самая разношерстная публика, и разговоръ шелъ обо всемъ, перескакивая съ предмета на предметъ, повитый голубоватымъ дымомъ сигаретокъ. Но на этотъ разъ м-ссъ Фаркгарсонъ попросила Клитію прійти помочь ей—„бросить хоть одинъ яркій бликъ среди сѣрыхъ руинъ". Клитія ожидала много забавнаго отъ этого непривычно-чопорнаго вечера.

Она сказала объ этомъ м-ру Фаркгарсону, когда онъ сошелъ въ гостиную. Онъ засмѣялся, наклонивъ свою долговязую, нескладную фигуру, и выразилъ надежду, что миссъ Давенантъ не упуститъ случая расширить свои знанія. Профессоръ Петерикъ прочтетъ докладъ о Гетскомъ *ауреусѣ* типа Когенъ № 11—Клитія незамѣтно переглянулась съ хозяйкой дома—и будетъ демонстрировано нѣсколько рѣдкихъ монетъ. Онъ надѣется, что миссъ Давенантъ сумѣетъ оцѣнить это и будетъ на высотѣ положенія. Нумизматика—не такой предметъ, о которомъ можно болтать всякій вздоръ.

— Моя жена можетъ превращать нашъ домъ каждое воскресенье въ какой-то караванъ-сарай—тѣмъ стыднѣе для нея, хотя она сидитъ и улыбается, какъ ни въ чемъ не бывало. Но дважды въ годъ я утверждаю свою личность и тогда домъ этотъ становится чиннымъ и респектабельнымъ. Такъ что на сегодня папироски изгоняются, миссъ Давенантъ. Въ этомъ костюмѣ я строгъ и непреклоненъ,

— Вамъ онъ очень къ лицу,—сказала Клитія.

Онъ самодовольно оглядѣлъ себя, охотно принимая лесть за чистую монету—такъ ужъ созданъ человѣкъ. Для такихъ

вечеровъ онъ всегда облекался въ шевровые сапоги съ квадратными носками, высокій, сплошь застегнутый жилетъ съ протянутой поперекъ цѣпью изъ старинныхъ монетъ, и длинный сюртукъ съ бархатнымъ воротникомъ, на концы бѣлаго отложного воротника рубашки завязывалъ, какъ галстукъ, подъ бородой.

— Я гораздо больше люблю его въ бархатной курткѣ,— сказала м-ссъ Фаркгарсонъ.—Поди переодѣнься, Джорджъ,

Но Джорджъ грустно покачалъ головой. При обсужденіи Гетскаго *ауреуса* онъ долженъ быть одѣтъ подобающимъ образомъ.

Явились гости, числомъ семеро, и всѣ спустились внизъ, въ столовую. Клитія сидѣла между профессоромъ Петерикомъ, маленькимъ румянымъ человѣчкомъ, лысымъ и, видимо, любителемъ покушать, и молодымъ священникомъ, который велъ ее къ столу. Она такъ долго оставалась внѣ всякаго соприкосновенія съ церковью, что теперь на нее точно пахнуло затхлымъ воздухомъ Дурдльгема. Священникъ былъ высокій, строгій, съ усталымъ лицомъ человѣка заработавшагося, страшно серьезный,—ужь, конечно не изъ тѣхъ, кого можно было бы пригласить на воскресные журфиксы въ этомъ домѣ, на которыхъ царила полная непринужденность и лозунгомъ которыхъ было: „Fays ce que vouldras"— притомъ единственный неженатый изъ гостей. Остальные, включая и профессора, явились съ женами, что составляло три почтенныхъ, пожилыхъ четы. М-ръ Ванситтартъ былъ прославленный египтологъ. Это объ его женѣ, увядшей, съ усталыми глазами женщинѣ, м-ссъ Фаркгарсонъ такъ трогательно говорила, жалѣя ее за ея вѣчное сидѣнье надъ корректурами. М-ссъ Петерикъ увлекалась литературой и обожала знаменитостей. Она только и говорила, что о своихъ знаменитыхъ друзьяхъ. М-ръ Фаркгарсонъ учтиво слушалъ ее, не забывая исправно кушать. Третья супружеская чета были Чайдеры, англичане, долго жившіе въ Индіи и лишь подъ старость получившіе возможность вернуться на родину и отдаться цѣликомъ тому, что оба страстно любили: она— тихой семейной жизни, онъ—археологіи, въ которой онъ, впрочемъ, былъ дилетантомъ. Она была цвѣтущая и веселая; онъ—бронзовый и сморщенный. Оба говорили, не умолкая на свои любимыя темы. Сосѣдъ Клитіи, его преподобіе Викторъ Трегернъ, чрезвычайно интересовался нумизматикой. „Признанный авторитетъ,—шепнулъ Клитіи хозяинъ дома.— Здорово задастъ Петерику, если тотъ проврется".

Клитія понятія не имѣла о нумизматикѣ. Она не знала разницы между *„мойдуромъ"* и *„безантомъ"* и не просила разъясненій у своего сосѣда. Она предпочитала разспраши-

вать его объ его приходѣ въ сѣверной части Лондона, большомъ и очень бѣдномъ. Вначалѣ разговоръ не вязался; потомъ немного оживился общими усиліями. У каждаго было свое завѣтное, что онъ пряталъ отъ другого, чутьемъ угадывая, что это было бы ему не по душѣ. Трегернъ, идя сюда, оставилъ дома мысли о своемъ приходѣ, и весь свой интересъ сосредоточилъ на прославленномъ „ауреусѣ", ни капельки не интересовавшемъ Клитію; та, въ свою очередь, благоразумно поступала, какъ поступалъ иногда великій Ки-Пи-Ю, другъ Конфуція, складывавшій свои принципы и прятавшій ихъ за пазуху. Каждый смутно угадывалъ индивидуальность другого и оба говорили съ живостью, стараясь заинтересовать другъ друга и понравиться другъ другу, сквозь встрѣчные токи взаимной антипатіи.

Профессоръ съ м-ссъ Фаркгарсонъ бесѣдовали на тему о женской неправоспособности. Профессоръ разглагольствовалъ о святости призванія женщины. Взгляды м-ссъ Фаркгарсонъ были болѣе матеріалистическими. Она еще въ ранней юности отрѣшилась отъ иллюзій относительно дуба и плюща, которой профессоръ продолжалъ держаться:

— Нѣтъ, нѣтъ, профессоръ, вы меня не убѣдите,—говорила она.—Мужчина идетъ своей дорогой, женщина—своей. Если пути ихъ совпадаютъ,—тѣмъ лучше: тогда они могутъ помочь другъ другу; если они расходятся,—тѣмъ хуже. Притомъ же я не могу себѣ представить ничего болѣе несноснаго и раздражающаго для мужчины, какъ если жена всюду ходитъ за нимъ слѣдомъ, какъ собака. Не удивительно, что нѣкоторые мужчины колотятъ своихъ женъ.

Трегернъ услыхалъ эту фразу и спросилъ у Клитіи:

— И вы такъ думаете?

— Разумѣется. Мы съ м-съ Фаркгарсонъ, вообще, полныя единомышленницы. И относительно женщинъ—самыхъ передовыхъ взглядовъ. Надѣюсь, вы не думаете, что у женщины есть призваніе? Думали ли вы когда-нибудь о томъ, какъ это ужасно: жить, стараясь воплотить въ дѣйствительности лживый идеалъ, и притомъ даже не свой.

— Всѣ мы должны стремиться къ идеалу. Можетъ быть, онъ и лживый—я не знаю. Во всякомъ случаѣ, онъ высокъ и достоинъ того, чтобы къ нему стремились.

— Это уже іезуитство. Какъ же можетъ женщина уважать себя, если она все время знаетъ, что обманываетъ окружающихъ, хотя бы и ради высокой цѣли?

— Силясь заставить другихъ повѣрить въ себя, она въ концѣ концовъ сама въ себя увѣруетъ.

— Вы не находите, что это нѣсколько — недобросовѣстно?

— Не думаю. Вѣдь и мое призваніе управляется тѣмъ же принципомъ. Многіе становятся служителями церкви, не будучи, по натурѣ, пригодными для духовнаго званія. Но усилія, которыя имъ въ силу ихъ профессіи приходится дѣлать для того, чтобы нравственно поднять другихъ, въ концѣ концовъ повышаютъ нравственный уровень ихъ самихъ.

— Это, можетъ быть, и вѣрно, но это вовсе не доказываетъ правильности самого принципа. Притомъ же, это двѣ вещи разныя. Вступая въ церковь, человѣкъ беретъ на себя извѣстныя обязательства, извѣстный родъ дѣятельности. Женщина же, вступая въ міръ, точно такъ же, какъ и мужчина, отнюдь не обязуется дѣлать что-нибудь опредѣленное. Тотъ и другая заботятся лишь объ одномъ—объ утвержденіи своей личности. Они могутъ итти разными путями—тутъ играетъ роль разница пола, но конечная цѣль у обоихъ одна и та же.

— Какая же?

— Взять отъ жизни возможно больше.

— Ну, это уже ересь.

Улыбка, сопровождавшая эти слова, задѣла Клитію, но она сдержала себя, промолчала и повернулась къ другому своему сосѣду, профессору. М-ссъ Фаркгарсонъ, до тѣхъ поръ удачно лавировавшая между рифами и мелями археологіи, видимо, потерпѣла крушеніе въ бесѣдѣ съ полковникомъ Чайдеромъ. Клитія изумлялась, слыша, какъ ея пріятельница съ апломбомъ разсуждаетъ о древнихъ монетахъ и латинскихъ надписяхъ и выдвигаетъ цѣнность коллекціи Джорджа, съ едва уловимыми насмѣшливыми нотками, предназначавшимися исключительно для слуха Клитіи. М-ссъ Чайдеръ съ увлеченіемъ разсказывала египтологу объ устройствѣ своего дома, о своихъ сыновьяхъ и о томъ, какъ трудно выдержать экзаменъ на офицера. Ей хотѣлось, чтобъ и ея сыновья служили въ арміи и чтобъ они рано женились. И она совѣтовалась съ м-ромъ Ванситтартомъ, какъ совмѣстить несовмѣстимое.

Клитія снова повернулась къ Трегерну.

— Вы часто здѣсь бываете? Я почти членъ семьи и, однакоже, еще ни разу не встрѣчалась съ вами.

— Я разъ только всего и былъ здѣсь, по такому же поводу и почти въ томъ же составѣ общества. Общій конекъ и общій интересъ могутъ сближать самыхъ разнородныхъ людей.

— Жаль, что у насъ съ вами нѣтъ общаго конька,— замѣтила Клитія, бросивъ ему лукавый взглядъ.

— А, можетъ быть, и есть. Вы главнымъ образомъ чѣмъ занимаетесь?

— Пишу картины—этимъ и живу.

— Значитъ, художница? Въ какомъ же родѣ?

— Пишу людей—такъ называемые жанровые сюжеты:—уличная жизнь—бѣднота.

— Бѣднота? Вотъ видите: и у насъ съ вами есть нѣчто общее.

— Можетъ быть... Но и тутъ, боюсь, мы работаемъ въ разныхъ направленіяхъ.

— Вы много времени проводите среди бѣдняковъ?--хорошо изучили ихъ жизнь?

— Не особенно; я ихъ вижу больше съ внѣшней стороны, съ точки зрѣнія художницы. Мнѣ хотѣлось бы заглянуть глубже.

Сѣрые глаза пастора вспыхнули на мигъ.

— Вамъ хотѣлось бы поработать для нихъ и среди нихъ?

— Съ цѣлью изученія ихъ—да, но не съ цѣлью ихъ моральнаго усовершенствованія.

— Одно обыкновенно ведетъ къ другому.

— Въ такомъ случаѣ, я рисковать не стану,—отвѣтила она, смѣясь.

Часъ спустя гостиная наполнилась гостями, приглашенными на вечернее засѣданіе—по большей части мужчинами.

— Женщины археологи--рѣдкость. Чувства, которыя въ нихъ вызываютъ реликвіи прошлаго, весьма далеки отъ чисто научнаго изслѣдованія,—вкратцѣ пояснилъ м-ръ Фаркгарсонъ Клитіи. Та разсмѣялась, вспомнивъ, какъ, еще недавно, онъ обвинялъ женщинъ въ томъ, что у нихъ слабо развито воображеніе, и упрекнула его въ непослѣдовательности.

— Непослѣдовательность—основной принципъ искусства жить,--возразилъ онъ и, бросивъ эту эпиграмму, отошелъ къ другимъ гостямъ.

Мужчины стояли группами, бесѣдуя о личныхъ дѣлахъ или же разглядывая коллекціи монетъ, разложенныхъ на отдѣльныхъ столикахъ, подъ мягкимъ свѣтомъ затѣненныхъ абажурами лампъ. Профессоръ одинъ стоялъ возлѣ камина, нетерпѣливо покашливая: ему хотѣлось поскорѣй начать свой рефератъ. Разговаривали вполголоса, держались чопорно—все это было такъ не похоже на обычную простоту и непринужденность, царившія въ этой гостиной. И мужчины всѣ были иного типа — по большей части, въ лѣтахъ, степенные. М-ссъ Фаркгарсонъ, урвавъ минутку

отдыха отъ своихъ хозяйскихъ обязанностей, присѣла возлѣ Клитіи.

— Дайте вздохнуть минуту. Я предпочла бы, чтобъ мужчины курили, а то у нихъ такой убитый видъ, но Джорджъ говоритъ, что этого нельзя. Ну-съ, дорогая моя, разскажите мнѣ немножко о себѣ; я цѣлую вѣчность не видала васъ, кромѣ пяти минутъ передъ обѣдомъ Что вы все это время подѣлывали?

— Ничего особеннаго—работала. Ахъ да, впрочемъ, есть новое—новая дружба.

— Кто же она такая?

— Не *она*, а *онъ*.

— Откуда же онъ взялся? — М-ссъ Фаркгарсонъ изумленно подняла брови.

— Повидимому, съ неба свалился—и какъ разъ во время, чтобы потушить пожаръ у меня въ комнатѣ — онъ живетъ какъ разъ надо мной въ мансардѣ...

— Клитія! Вы должны быть осторожны. Кто онъ такой? Какъ его имя?

— Каролина, — произнесъ за ея кресломъ голосъ ея мужа:—ты, кажется, еще не знакома съ м-ромъ Кентомъ?— позволь тебѣ представить...

Клитія вся вздрогнула отъ неожиданности. Возлѣ нея стоялъ Кентъ, иной и странный, тоже немножко смотрѣвшій филистеромъ въ длинномъ черномъ сюртукѣ. На обожженной рукѣ у него была перчатка.

Въ разговорѣ выяснилось, что м-ръ Кентъ давно ужъ интересуется нумизматикой. Приглашеніе м-ра Фаркгарсона онъ получилъ въ музеѣ, такъ какъ личный его адресъ былъ тому неизвѣстенъ. Клитіи пріятно было встрѣтить его здѣсь. Онъ болѣе другихъ гостей гармонировалъ съ обычными традиціями этого дома. Впрочемъ, разговаривать имъ много не пришлось — у каждаго были здѣсь свои обязанности. Притомъ же всѣ усаживались или располагались поудобнѣе на уже занятыхъ мѣстахъ—это означало, что профессоръ Петерикъ скоро начнетъ свой рефератъ.

Онъ говорилъ о монетѣ, недавно пріобрѣтенной имъ,— предварительно она обошла всю гостиную для ознакомленія съ ней собравшихся—и утверждалъ, что это лучшій и болѣе красивый экземпляръ, чѣмъ въ коллекціи Кайлю. Фигура Кастора рядомъ съ лошадью, безъ древне-римскаго шлема, на оборотной сторонѣ, какъ онъ утверждалъ, была портретомъ злополучнаго со-властелина. Надпись на лицевой сторонѣ доказывала, что монета — Гетская. По этому поводу онъ прочелъ цѣлое научное изслѣдованіе объ *ауреусѣ*, прослѣдивъ его происхожденіе и измѣненія въ вѣсѣ, кото-

рымъ онъ подвергался, до временъ Юстиніана, установившаго для него предѣльный вѣсъ. Цитировалъ Петискуса, Экkеля, много ученыхъ авторовъ. Читалъ спокойно, благодушно, съ полной вѣрой въ факты и въ непреложность своихъ выводовъ.

Клитія вздохнула съ облегченіемъ, когда онъ кончилъ. Время отъ времени, въ продолженіе чтенія, она встрѣчалась глазами съ Кентомъ, сидѣвшимъ на другомъ концѣ комнаты, и ей чудилось, что глаза его свѣтятся лукавою усмѣшкой. Часъ тому назадъ она издѣвалась надъ нумизматикой, этой сухой и пыльной наукой, которая никого не можетъ интересовать, кромѣ ископаемыхъ людей, — теперь она чувствовала превосходство надъ собой всѣхъ прочихъ, чувствовала себя отодвинутой въ разрядъ женщинъ, отъ которыхъ никто и не ждетъ, чтобъ онѣ могли интересоваться чистою наукой. И ей было немножко досадно и на Кента, и на всѣхъ археологовъ. Но, когда начались пренія, она съ видимымъ интересомъ начала прислушиваться къ нимъ, подавъ добрый примѣръ м-ру Ванситтарту, который усѣлся рядомъ съ ней и началъ занимать ее разговоромъ. На самомъ дѣлѣ, ей хотѣлось только посмотрѣть, приметъ ли участіе въ преніяхъ Кентъ. У него, повидимому, было много знакомыхъ среди этой публики и всѣ здѣсь относились къ нему съ уваженіемъ. И это почему-то было пріятно Клитіи, разсѣяло ея неясный страхъ, что Кентъ можетъ оказаться незначительнымъ и никому неизвѣстнымъ. Послѣ его перваго визита въ мастерскую, она уже нѣсколько разъ встрѣчалась съ нимъ одинъ разъ они случайно съѣхались на станціи Слонъ-Скверъ и вмѣстѣ дошли до дому. Отношенія простыхъ знакомыхъ быстро принимали дружескій оттѣнокъ. И теперь ей было интересно посмотрѣть на него въ другой обстановкѣ. Наше представленіе о людяхъ очень мѣняется въ зависимости отъ тѣхъ условій, при которыхъ мы ихъ видимъ. Но и въ гостиной Кентъ, не смотря на необычный свой костюмъ, держалъ себя почти такъ же, какъ и въ студіи, и говорилъ съ мужчинами приблизительно такъ же, какъ и съ нею. Вотъ онъ встаетъ, проситъ слова. Всѣ слушаютъ съ большимъ вниманіемъ; Кентъ немногословенъ, но всѣ его возраженія дѣльныя.

— Ну, что жь, сдаюсь,—м-ръ Кентъ авторитетъ по этой части,—говоритъ профессоръ, и это выходитъ у него очень мило.

И это Клитіи было пріятно слышать. Неожиданно она замѣтила, что радуется, казалось бы, безъ всякихъ основаній, и съ живостью повернувшись къ м-ру Ванситтарту,

который не выказывалъ особеннаго интереса къ преніямъ, завела съ нимъ рѣчь объ искусствѣ. Вскорѣ къ нимъ присоединился Трегернъ, прося позволенія представить друга. Такимъ манеромъ около Клитіи образовалась небольшая группа и на время она перестала обращать вниманіе на Кента.

Тѣмъ временемъ м-ссъ Фаркгарсонъ, проложивъ себѣ дорогу сквозь гущу черныхъ сюртуковъ, увела Кента въ уголокъ, чтобъ побесѣдовать съ нимъ безъ помѣхи. Ей интересно было приглядѣться къ новому „пріятелю“ Клитіи.

— Итакъ, вы живете въ одномъ домѣ съ Клитіей Давенантъ? И даже спасли ее отъ огня, если не ошибаюсь? Разскажите мнѣ толкомъ, какъ это было.

Кентъ вкратцѣ разсказалъ ей, какъ онъ потушилъ загорѣвшіяся занавѣси, упомянувъ и своемъ визитѣ въ мастерскую, и о дальнѣйшихъ своихъ встрѣчахъ съ Клитіей. Встрѣча съ ней сегодня здѣсь была для него пріятнымъ сюрпризомъ.

— Какого же вы мнѣнія о ней?—спросила его м-ссъ Фаркгарсонъ. — Мой вопросъ, по всей вѣроятности, покажется вамъ страннымъ, но, если вы будете бывать у насъ, вы убѣдитесь, что всѣ мы тутъ говоримъ странныя вещи.

— Вродѣ миссъ Давенантъ?

— Вы это уже замѣтили? Ну, такъ какъ же вы ее находите?

— Искренно вамъ отвѣтить или такъ, какъ принято?

— Еслибъ я не ждала отъ васъ искренняго отвѣта, я бы не стала спрашивать.

Кентъ подумалъ минутку, гладя бороду. У него не было готоваго отвѣта, который могъ бы удовлетворить его.

— Не знаю. Она слишкомъ сложна для того, чтобы опредѣлить ее въ двухъ словахъ. По-моему, она ближе къ мужчинѣ, чѣмъ какая-либо другая изъ знакомыхъ мнѣ женщинъ.

М-ссъ Фаркгарсонъ усмѣхнулась про себя съ высотъ своей женской мудрости, — это было такъ восхитительно невѣрно, такъ до нелѣпости непохоже на Клитію, и, однакоже, ей понравилось, что Кентъ сказалъ такъ. Искренно заблуждаться относительно женщинъ — это вѣрный путь разбудить въ женщинѣ жалость, а, слѣдовательно, и сердце. И потому, вмѣсто того, чтобы поправить его, она его поощрила.

— Почему вы это находите?

— Во-первыхъ, потому, что съ ней можно говорить, какъ съ мужчиной. У нея есть собственныя мысли и она не боится ихъ высказывать. Вообще, она совсѣмъ не похожа

на женщинъ, которыхъ обыкновенно приходится встрѣчать.

— О, да. Конечно, непохожа. Она цѣликомъ nouveau jeu. Когда мнѣ хочется подразнить ее, я ей говорю, что, въ конечномъ счетѣ, это все то-же—vieux jeu, но она не вѣритъ. — А вы не находите, что она очень красива? — неожиданно перебила себя м-ссъ Фаркгарсонъ.

— Красива?—нѣсколько смутился Кентъ.—Да, кажется. Я какъ-то объ этомъ не думалъ, не обратилъ вниманія. — Онъ отклонился въ сторону, чтобы видѣть Клитію, сидѣвшую въ центрѣ небольшой группы мужчинъ:—да, вѣрно, она очень красива.

И, дѣйствительно, Клитія была очень красива въ этотъ вечеръ. На ней было простое платье изжелта-бѣлаго шелка, падающее мягкими, прямыми складками, съ открытымъ лифомъ, безъ всякой отдѣлки, кромѣ стараго кружева у ворота, и никакихъ украшеній, кромѣ античнаго серебрянаго ожерелья, мягко подчеркивавшаго нѣжныя линіи шеи. Но эта изящная рамка еще выгоднѣе оттѣняла яркость ея красокъ. Синіе глаза, каштановые волосы, отливающіе золотомъ и багрянцемъ, скрученные небрежнымъ узломъ на затылкѣ изящной маленькой головки и заколотые широкой серебряной стрѣлой, сами по себѣ замѣняли всѣ украшенія.

— Она, дѣйствительно, очень красива—поразительно!— повторилъ Кентъ.

М-ссъ Фаркгарсонъ съ улыбкой поглядѣла на него.

— Ну, и оригиналъ же вы, м-ръ Кентъ! подумать только— быть знакомымъ съ Клитіей Давенантъ и не обратить вниманія на ея наружность!

— Я—страшный медвѣдь,—сказалъ Кентъ.—Моя сестра всегда мнѣ это говоритъ, а братья и сестры обыкновенно говорятъ другъ другу правду. Конечно, я обратилъ вниманіе на внѣшность миссъ Давенантъ и восхтился ею,—какъ художникъ; но въ ея обществѣ я никогда не чувствовалъ что говорю съ хорошенькою дѣвушкой, сознающей свою красоту. Она, повидимому, и сама не думаетъ о томъ, что можетъ производить впечатлѣніе своею внѣшностью. Это-то мнѣ въ ней и нравится.

М-ссъ Фаркгарсонъ незамѣтно перевела разговоръ на другія темы. Ей понравился Кентъ и она рѣшила ближе познакомиться съ нимъ. Человѣкъ, который могъ оцѣнить Клитію и въ то же время не плѣниться ею, какъ мужчина, былъ, несомнѣнно, чудакомъ, а м-ссъ Фаркгарсонъ обожала чудаковъ.

Было уже поздно и число гостей рѣдѣло. Нѣсколько энтузіастовъ задержалось возлѣ стеклянныхъ ящиковъ съ

старинными монетами, сравнивая ихъ съ другими видѣнными или же съ своими собственными. Въ томъ числѣ и Трегернъ. Онъ долго, одиноко и задумчиво, разглядывалъ монеты Джорджа, потомъ поймалъ на ходу Кента, который направлялся къ Клитіи—онъ цѣлый вечеръ не видѣлъ ея, такъ какъ добросовѣстно слѣдилъ за рефератомъ и за преніями—и поставилъ на его разрѣшеніе какой-то очень сложный и запутанный вопросъ. Оба нагнулись надъ столомъ, разбирая стершуюся надпись на монетѣ. Когда Кентъ, наконецъ, освободился Клитія уже исчезла. Ему оставалось одно—тоже уйти.

— Если вы ничего не имѣете противъ общества богемы и такихъ вечеринокъ, на которыхъ логика и здравый смыслъ отсутствуютъ и каждый говоритъ и дѣлаетъ, что ему нравится,—совсѣмъ въ другомъ родѣ—чѣмъ сегодняшній вечеръ, сказала ему на прощанье м-ссъ Фаркгарсонъ—мы будемъ очень рады видѣть васъ по воскресеньямъ.

Въ швейцарской онъ увидѣлъ Клитію, уже одѣтую и дожидавшуюся кеба. Она привѣтливо улыбнулась ему. Въ бѣлой войлочной шляпѣ и макинтошѣ—новомъ—его фигура показалась ей такой знакомой. Они поболтали минутку, пока швейцаръ не доложилъ, что извозчикъ у подъѣзда.

— А вы какъ намѣрены добраться до дому?—спросила она уже на тротуарѣ.

— Пѣшкомъ.

— Да вѣдь дождь идетъ. Хотите, подвезу?

Онъ отворилъ для нея дверцу кареты, придержавъ ея платье, чтобъ оно не запачкалось о грязныя колеса, но медлилъ отвѣтомъ. Онъ, собственно, собирался нанести, по обыкновенію, ночной визитъ своимъ друзьямъ въ Южномъ Кенсингтонѣ, а Клитія подумала, что онъ колеблется потому, что не знаетъ, удобно ли ему воспользоваться приглашеніемъ. И засмѣялась слегка вызывающе, комфортабельно располагаясь въ уголкѣ. Въ этомъ задорномъ смѣхѣ была даже нѣкоторая доля кокетства.

— Конечно, если вы находите, что для васъ полезнѣе идти пѣшкомъ, подъ дождемъ, чѣмъ ѣхать со мной въ экипажѣ...

Промежутокъ между одной и другой фразой былъ очень коротокъ,—Клитія едва успѣла сѣсть,—но Кентъ, все-таки, почувствовалъ, что онъ былъ нелюбезенъ.

— Если вы, дѣйствительно, ничего не имѣете противъ, я буду вамъ очень признателенъ,—сказалъ онъ извиняющимся тономъ, садясь рядомъ съ нею.

Въ концѣ концовъ, соображалъ онъ, прокатиться съ Клитіей отнюдь не непріятно, а Уизера Ферфакса онъ

можетъ увидать и завтра. Онъ не нашелъ ничего особеннаго въ томъ, что Клитія предложила подвезти его, и откровенно сообщилъ ей причину своихъ колебаній.

— А я было подумала...—вотъ видите, какого я высокаго мнѣнія о васъ...

— Что же вы подумали?—Въ свѣтѣ газоваго фонаря, мимо котораго они проѣхали, передъ нимъ освѣтилось на мигъ ея улыбающееся лицо.

— А вотъ и не скажу. Надо васъ немножко помистифицировать. Это будетъ моей маленькой местью.

Такъ онъ и не добился отъ нея объясненія.

Это совмѣстное возвращеніе еще больше сблизило ихъ. Въ извозчичьей кареткѣ такъ удобно разговаривать. Кучеръ, все равно что не существуетъ; три стѣнки и верхъ экипажа составляютъ какъ бы временное un chez soi. Внѣшній міръ такъ близокъ и, въ то же время, вы отдѣлены отъ него. Даже унылые скверы съ рѣдкими фонарями, тускло мерцающими въ туманѣ, и мокрыми черными деревьями, въ верхушкахъ которыхъ шумитъ налетѣвшій вѣтеръ, съ тощими домами,—тюрьмами душъ, ревниво и угрюмо стерегущими своихъ жильцовъ, не нагоняютъ на васъ такого унынія, какое они неизмѣнно нагоняютъ на впечатлительнаго пѣшехода. Экипажъ все время тарахтитъ, и это мѣшаетъ серьезной систематической бесѣдѣ, но поощряетъ обмѣнъ отрывистыми, интимными фразами. Вольный вѣтеръ, дующій вамъ въ лицо, быстро мелькающія передъ вами фигуры и предметы—все это веселитъ и возбуждаетъ, даже въ дурную погоду и въ самой скучной мѣстности. Быстро, какъ видѣнья, проносятся мимо васъ ярко освѣщенныя кафэ, съ столиками, вокругъ которыхъ, подъ висячими лампами, густо толпится публика;—трактиры, изъ отворенныхъ дверей которыхъ вырывается смѣшанный говоръ голосовъ;—прохожіе на тротуарахъ съ бѣлыми пятнами вмѣсто лицъ; омнибусы, всѣ какъ одинъ, грузно громыхающіе, съ немногими дремлющими пассажирами;—еще быстрѣй мелькающія лица ѣдущихъ на встрѣчу, волнующія воображеніе своей неуловимостью—цѣлая фантасмагорія жизни, какъ будто даже не реальной и, однакоже, задѣвающей въ насъ какія-то основныя струны.

Клитіи даже жалко стало, когда экипажъ остановился у знакомаго подъѣзда, рядомъ съ лавкой, надъ которой въ темнотѣ смутно чернѣла надпись: *„Гуркинсъ, зеленщикъ“*. Во время этого ночного переѣзда въ ней такъ много всплыло на поверхность чисто женскаго, оттѣснивъ и артистку, и ненавистницу готовыхъ формулъ, и неутомимую искательницу скрытаго смысла жизни,—ребяческаго, дурашливаго

шаловливаго, и она предстала передъ Кентомъ въ новомъ свѣтѣ, не лишенномъ прелести и однакожь заставившемъ его усумниться въ ней:—а, можетъ быть, и она „въ основѣ глупа“, какъ всѣ другія женщины,—любимое его слово.

Но, когда дверь захлопнулась за ними и узкій, тускло освѣщенный, съ спертымъ воздухомъ корридоръ, ведущій къ темной лѣстницѣ, сразу вернулъ Клитію къ дѣйствительности, она снова вызвала обычную свою независимость мысли и поступковъ. Иначе, простившись съ Кентомъ на площадкѣ и найдя свою комнату неосвѣщенной, она не позвала бы его назадъ, чтобы зажечь для нея лампу, а затѣмъ не пригласила бы посидѣть и поболтать еще немножко. Онъ былъ пораженъ этимъ переходомъ къ обычному ея простому и товарищескому тону и, полусознательно доискиваясь причины, приписалъ давешнее свое впечатлѣніе иллюзіи, созданной темнотой и разсѣянной свѣтомъ.

— Вы курите, я знаю,—сказала Клитія, сбрасывая накидку на диванъ.—Вамъ, навѣрное, до смерти хочется курить? Что вы курите: сигары, папиросы?

— О! Трубку, — радостно отвѣтилъ онъ, моментально опуская руку въ карманъ.

Клитія принялась раздувать огонь въ каминѣ, но онъ совсѣмъ погасъ и усилія ея были тщетны.

— Дайте, я попробую,—сказалъ Кентъ, становясь на колѣни рядомъ съ нею:—не всѣ знаютъ, какъ это нужно дѣлать.

Онъ зажегъ спичку и бросилъ на уголья; скопившіеся газы мгновенно вспыхнули и черезъ минуту разгорѣлся веселый, яркій огонекъ.

Это былъ пустячный инцидентъ, но оба впослѣдствіи единодушно признавали, что онъ скрѣпилъ ихъ дружбу и товарищескія отношенія.

VII.

Дружба между Клитіей и Кентомъ постепенно крѣпла и росла. Съ каждымъ днемъ прибавлялась новая тоненькая ниточка, связывавшая ихъ крѣпче,—такая тоненькая, чуть замѣтная, что прошло много времени прежде, чѣмъ они поняли, какъ крѣпки связывавшія ихъ узы. Вначалѣ это была просто взаимная симпатія, пріятное сознаніе, что вы понемногу проникаете въ чужую душу, обычное взаимное притяженіе двухъ натуръ, разныхъ, но болѣе или менѣе дополняющихъ одна другую. Въ книгѣ Новыхъ Формулъ Клитіи значилось, что искренняя дружба между мужчиной и женщиной бодритъ и краситъ жизнь. Правда, въ своей

гордости и молодомъ задорѣ она не допускала мысли, что въ такой дружбѣ каждый даетъ другому то, чего ему недостаетъ: мужчина—силу, женщина—кротость и ласку; эта общепринятая теорія была для нея непріемлема, но за то она горячо отстаивала другую истину—что въ такой дружбѣ каждый даетъ другому элементы силы, равные по степени, но разные по качеству, вслѣдствіе разницы пола. Еслибы кто-нибудь намекнулъ ей, что ея болѣе слабая женская натура инстинктивно, не смотря на полную эмансипированность и горделивую независимость, тянется къ болѣе сильной мужской, которая можетъ ей служить опорой и защитой, она искренно возмутилась бы; амазонка, сидѣвшая въ ней, возстала бы во всеоружіи. Въ Кентѣ она нашла человѣка, съ которымъ она могла встрѣчаться на почвѣ полнаго равенства, не ограничиваемаго предразсудками и соціальными перегородками, не смущаемаго призраками пола. Она была, однакоже, въ достаточной степени женщиной, чтобы чутьемъ уловить въ Кентѣ нѣкоторую робость, вытекавшую изъ недостаточнаго знанія новаго друга и все время заставлявшую его держаться насторожѣ, не смотря на замѣтное влеченіе къ Клитіи; и потому, давъ ему почувствовать, что это влеченіе взаимное, Клитія вовсе не раскаивалась,—наоборотъ, скорѣй гордилась тѣмъ, что сумѣла перенести ихъ отношенія въ высшую плоскость, въ которой поступки людей мѣрятъ болѣе высокимъ масштабомъ.

Такимъ образомъ вѣчно - женское еще разъ обмануло себя, принявъ природу за то, что оно называло „тонкимъ искусствомъ жить“.

Кентъ, съ своей стороны, не пытался анализировать чары, изо дня въ день тянувшія его въ мастерскую. Предложенную дружбу онъ принялъ съ чистымъ сердцемъ и отвѣчалъ на нее такъ же искренно, какъ она была предложена. Для него стало такимъ же естественнымъ забѣжать на минутку въ мастерскую, передъ тѣмъ, какъ подняться къ себѣ на чердакъ, по возвращеніи домой со службы, изъ музея, какъ и ворваться въ полночь въ Южно-Кенсингтонскій „монастырь“. Эта дружба вносила въ его жизнь разнообразіе, новый интересъ, укрѣпляла его любимыя надежды, бодрила, заражая чужой энергіей. Пріятно было очутиться снова въ хорошо знакомой по совмѣстной жизни съ отцомъ и милой сердцу атмосферѣ художественной работы. Пріятно было, что есть о чемъ думать и чего ждать, идя домой—слѣдить за тѣмъ, насколько приблизилось къ завершенію за день работы новое художественное произведеніе. Постепенно онъ привыкъ, по своему, грубовато и отечески добродушно, критиковать работу Клитіи, указывая на шероховатости, не-

правильности, давая полезные совѣты. Постепенно и съ Винифредъ у него установились отношенія почти братскія, и она тоже изо дня въ день ждала его прихода, чтобы застѣнчиво раскрыть передъ нимъ свою миніатюрную картинку и съ краской признательности на щекахъ выслушать его ласковую похвалу.

Онъ приходилъ обыкновенно уже послѣ чая, въ сумерки, когда посуда была убрана, дневной трудъ оконченъ, и оставался посидѣть еще немного послѣ ухода Винифредъ, торопившейся на семейный ужинъ, назначенный на полчаса раньше обѣда Клитіи. И эти коротенькіе полчаса, проводимые вдвоемъ, наединѣ, незамѣтно для обоихъ вносили болѣе тонкіе штрихи въ дружескую интимность, еще немножко подвинувшуюся впередъ за предыдущій часъ общей товарищеской болтовни. Слово за словомъ, тамъ намекъ, или воспоминаніе, здѣсь неожиданная вспышка, выяснили Кенту честолюбивые замыслы Клитіи и борьбу, которую ей пришлось вынести въ прошломъ. Чуткимъ слухомъ онъ уловилъ въ ней нотку разочарованія. Она еще не сдѣлалась большой художницей и вызывающе заявляла, что этого никогда и не будетъ.

— Конечно, не будетъ,—замѣтилъ онъ однажды,—если для васъ ваше искусство будетъ только ступенькой къ жизни.

Она приняла къ свѣдѣнію эти слова и возмутилась ими, порѣшивъ въ ближайшемъ будущемъ доказать ему, что онъ неправъ. И для нея также выяснились за это время его надежды и стремленія, и она удивлялась полному отсутствію эгоизма, съ которымъ онъ отдавалъ свою жизнь дѣлу, которое не могло принести ему ни славы, ни извѣстности, и ничего изъ тѣхъ вещей, за которыми гоняется большинство.

Однажды онъ привелъ Клитію и Винифредъ къ себѣ на чердачекъ и, какъ ребенокъ, радовался, показывая имъ сокровища своего музея. Винифредъ похвалила его за чистоту, царившую въ его мансардѣ. Онъ сконфуженно сознался, что предъ ихъ приходомъ онъ „немножко прибралъ здѣсь"—на это у него ушло все воскресенье. У него было множество рисунковъ, по большей части доставшихся ему въ наслѣдство отъ отца,—въ особенности любовно показывалъ онъ коллекцію старинныхъ гравюръ, жалуясь, что теперь уже ни у кого нѣтъ такой четкости рисунка, и громя продажность современнаго искусства. Онъ совѣтовалъ Клитіи изучать старинныхъ мастеровъ для своихъ иллюстрацій къ книгамъ — они научатъ ее сдержанности, отвлеченности...

— Впрочемъ, кто теперь цѣнитъ Дюрера и Бема! — со-

крушенно вздохнулъ онъ, со смиреніемъ коллекціонера, который и не ждетъ, что другіе поймутъ его страсть.

Клитія тихонько засмѣялась, сочувствуя его энтузіазму. Истинный художникъ не можетъ не любить старыхъ мастеровъ. Но въ Клитіи артистическіе импульсы вѣчно враждовали и между собой, и съ обстоятельствами, и съ нею самой. И потому она вовсе не желала подражать стариннымъ гравюрамъ. Она пересмотрѣла заглавія книгъ на полкахъ, взяла двѣ-три прочесть, по выбору и рекомендаціи Кента, постояла въ смущеніи передъ его научною библіотекой и спросила, нельзя ли поглядѣть на его работу. Кентъ вручилъ ей нѣсколько рукописей, которыя она перелистала и, безпомощно покачавъ головою, молча вернула ему. Въ нихъ, очевидно, было вложено уйма труда и преданности дѣлу, но для нея это была китайская грамота. Затѣмъ оглядѣла живописно убранныя стѣны комнаты, представлявшія странный контрастъ съ отсутствіемъ хотя бы маленькаго коврика на полу и каминомъ безъ рѣшетки. Это равнодушіе къ маленькимъ удобствамъ жизни поразило ее. Было очевидно, что Кентъ любитъ и цѣнитъ искусство, но искусство въ слишкомъ разрѣженной атмосферѣ, гдѣ ей, Клитіи, было бы трудно дышать. Ей хотѣлось повѣсить занавѣси на эти окна, — на нихъ не было даже и шторъ—постелить ковры на полу, скрасить комнату драпировками, растеніями, зеленью; не мѣшало бы и кресло у камина; это и съ эстетической точки зрѣнія было бы красивѣе, и съ физической пріятнѣе для отдыха. Винифредъ, болѣе простая, болѣе женщина, сразу взяла вѣрную ноту.

— Почему вы не попросите свою сестру подарить вамъ какія-нибудь хорошенькія вещицы въ вашу комнату — ея работы?

— Она и такъ ужь массу надарила мнѣ.

— Гдѣ же онѣ?

Кентъ посмотрѣлъ на нее, сконфуженно улыбаясь.

— Боюсь, что я даже не помню — кажется, гдѣ-то въ ящикѣ—полный ящикъ доверху.

— Ну, знаете, ваша комната страшно похожа на васъ,— выговорила она нерѣшительно и понижая голосъ. — Вамъ обоимъ недостаетъ одного и того-же.

Недогадливый Кентъ понялъ ея слова въ томъ смыслѣ что она упрекаетъ его за недостатокъ братскихъ чувствъ

Тѣмъ временемъ картина Клитіи, которую она писала „только для себя“, съ маленькаго натурщика Джека, постепенно выростала въ болѣе законченное и болѣе честолюбивое произведеніе. По совѣту Кента, художница смяг-

чила нѣсколько первоначальную грубость изображенія, но отъ этого картина не проиграла; проблема, заключавшаяся въ ней, была поставлена рѣзко и ярко. Теперь Клитія уже подумывала, окончивъ картину, послать ее на выставку; поэтому Джекъ иногда еще появлялся въ мастерской. Винифредъ въ концѣ концовъ не утерпѣла и занялась имъ, пытаясь „очеловѣчить“ его при помощи книгъ съ картинками, сказокъ и простой бесѣды, но Клитія только качала головой: болѣе опытная въ жизни и болѣе матеріалистка, она была убѣждена, что всѣ усилія ея кроткой подруги ни къ чему не приведутъ. Однако Винифредъ все же узнала больше о домашней жизни мальчика, чѣмъ могла этого добиться Клитія. Съ обѣими онъ былъ угрюмъ и рѣзокъ, но съ Винифредъ болѣе цинично откровененъ. Все, что онъ разсказывалъ о себѣ, только усиливало первоначальное впечатлѣніе отъ его личности. Иногда онъ ходитъ въ школу, иногда не ходитъ—какъ ему заблагоразсудится. Спитъ въ одной комнатѣ съ матерью; на ѣду набрасывается, какъ волченокъ — жаль, ѣда-то не всегда бываетъ, — но дома чувствуетъ себя только на улицѣ. Однажды ему предложили мѣсто—мальчикомъ въ фруктовую лавку, но регулярная работа показалась ему черезчуръ обременительной и онъ отказался отъ мѣста. Притомъ же хозяинъ немилосердно билъ его.

На счетъ отца онъ ничего не зналъ, да и не огорчался этимъ. По его мнѣнію, вполнѣ достаточно для мальчика и одного родителя, который вѣчно докучаетъ наставленіями: того нельзя—того не дѣлай. Ему нравилось ходить въ студію, потому что тамъ было уютно и тепло; и, кромѣ того, ему всякій разъ за сеансъ давали шиллингъ, на который можно было купить табаку для себя и для товарищей.

Однажды утромъ Джекъ явился раньше обыкновенія, нашелъ дверь незапертой, а студію пустой. Онъ вошелъ, распахнувъ дверь, причемъ она отъ сквозняка—окно было тоже открыто—съ силой захлопнулась. Еслибъ онъ слышалъ, какъ стукнула, падая, отскочившая ручка, его послѣдующее поведеніе, быть можетъ, было бы инымъ. А такъ онъ обошелъ всю комнату, лѣниво поглядывая на картины, полежалъ на полу у печки; никто не шелъ, и ему стало скучно. Онъ всталъ, закрылъ окно и снова обошелъ мастерскую, уже болѣе внимательно приглядываясь ко всему. Нашелъ коробку папиросъ на столикѣ и сунулъ ихъ въ карманъ; пошарилъ въ стѣнномъ шкафу — вытащилъ оттуда нѣсколько кусочковъ сахару и сладкихъ сухариковъ. И все-таки никто не шелъ, что было отнюдь не удивительно, такъ какъ хозяйка мастерской еще не завтра-

кала. Больше грабить было нечего и Джекъ отъ скуки началъ разглядывать уже знакомыя ему картины. Особаго восторга онѣ ему не внушали; наоборотъ, онъ относился къ нимъ довольно презрительно; единственная, которой онъ неподдѣльно восхищался—или, вѣрнѣй, передъ которой онъ благоговѣлъ, какъ всякій варваръ благоговѣетъ передъ своимъ изображеніемъ, былъ его собственный портретъ. На эту онъ могъ смотрѣть и любоваться ею безъ конца.

Онъ снялъ со стѣны маленькое, разрисованное зеркальце и, усѣвшись на скамеечку передъ картиной, принялся сравнивать портретъ съ оригиналомъ. Онъ видѣлъ, что сходство не полное, и, какъ обезьяна, долго гримасничалъ передъ зеркаломъ, пока не вызвалъ на своемъ лицѣ выраженія, запечатлѣннаго Клитіей на полотнѣ. Разсмѣялся отъ удовольствія, почесалъ затылокъ, тряхнулъ черными кудрями и пошелъ искать другихъ занятій. Остановился передъ мольбертомъ Винифредъ и сдернулъ парусину, покрывавшую его. Картина „той, другой“ мало интересовала его; ей онъ не придавалъ значенія. Но, на бѣду, настроеніе обезьянничать еще сидѣло въ немъ и ему пришло въ голову: почему бы и мнѣ не попробовать порисовать.

Онъ влѣзъ на табуретку Винифредъ, взялъ въ одну руку ея палитру, какъ она это дѣлала, просунувъ грязный большой палецъ черезъ отверстіе въ бѣломъ фарфорѣ, взялъ пучокъ кистей и, обмакнувъ одну изъ нихъ въ остатки китайскихъ бѣлилъ, попытался нарисовать нѣсколько анемоновъ. Получились только пятна бѣлой краски, но самый процессъ рисованія чрезвычайно заинтересовалъ его. Черезъ нѣсколько минутъ весь холстъ былъ покрытъ бѣлыми пятнами работы Джека. Затѣмъ однообразный бѣлый цвѣтъ началъ надоѣдать ему; остальныя краски на палитрѣ показались ему блеклыми — тогда онъ взялъ палитру Клитіи, болѣе роскошную, и началъ размазывать картину полосами краснаго и желтаго. Упиваясь яркостью этихъ двухъ цвѣтовъ, онъ быстро водилъ кистью, замазывая все бѣлое и громко смѣясь съ какимъ-то дьявольскимъ злорадствомъ. Затѣмъ, какъ настоящая обезьяна, или фоксъ-террьеръ, одержимый инстинктомъ разрушенія, взялъ ножикъ и въ нѣсколькихъ мѣстахъ проткнулъ имъ полотно.

Съ минуту онъ любовался своею работой; затѣмъ, уже какъ человѣкъ, сообразивъ, какія могутъ быть послѣдствія, рѣшилъ удрать. Но, къ большому своему неудовольствію, убѣдился, что ручка двери отвалилась, когда онъ съ силою захлопнулъ дверь, и что онъ запертъ въ этой комнатѣ, пока кто-нибудь не придетъ и не отворитъ дверь снаружи.

Съ минуту онъ подождалъ, стоя въ раздумьѣ посерединѣ комнаты. Потомъ аккуратно прикрылъ парусиной изуродованную картину, положилъ палитры и кисти на прежнее мѣсто и, какъ собачка, свернулся калачикомъ у печки, въ ожиданіи событій.

Немного погодя за дверью раздался шорохъ, отъ котораго замерло, потомъ часто забилось сердце Джека, и въ комнату, напѣвая, вошла Клитія. Она удивилась, найдя здѣсь мальчика; онъ что-то буркнулъ, чтобъ объяснить свое присутствіе, а она была въ хорошемъ настроеніи и удовольствовалась этимъ. Напѣвая, она быстро и легко расхаживала по мастерской, перемѣняя воду въ цвѣтахъ, прибирая тамъ и сямъ. Пришелъ мальчикъ изъ лавки внизу съ анемонами Винифредъ, которые на ночь ставили въ холодное мѣсто, чтобъ они дольше продержались; Клитія поставила ихъ около мольберта Винифредъ. Джекъ слѣдилъ за нею, поглядывая на дверь и измѣряя глазами разстояніе.

— Ты куда?—вдругъ вскричала Клитія, обернувшись и замѣтивъ, что ея модель крадется къ двери.

Джекъ страшно боялся Клитіи. Эти большіе темно-синіе глаза были такіе властные. У него никогда не хватало храбрости выдержать ея взглядъ. Онъ снова усѣлся возлѣ печки. Клитія нѣжно оправляла анемоны, снимая увядшіе листочки и продолжая мурлыкать себѣ подъ носъ. Потомъ, ничего не подозрѣвая, подняла парусину, чтобы поглядѣть на работу Винни, и отшатнулась назадъ съ крикомъ ужаса и негодованія. Одинъ взглядъ на Джека объяснилъ ей все.

— Ахъ ты, чертенокъ!—воскликнула она, сверкнувъ глазами, и, схвативъ съежившагося отъ испуга мальчишку за воротъ, потащила его на лѣстницу.

Кентъ только-что спустился съ лѣстницы—онъ направлялся въ музей. Шумъ борьбы застигъ его у выхода и онъ вернулся посмотрѣть, въ чемъ дѣло.

— Что случилось?—спросилъ онъ, самъ беря мальчика за шиворотъ и отстраняя Клитію.

— Что случилось? Подите посмотрите. Надо позвать Винифредъ. Винни! Винни!

Она распахнула дверь въ гостиную. Выбѣжала Винифредъ, держа въ рукахъ перчатки, которыя она только что сняла.

— Этотъ мальчишка—этотъ чертенокъ...—закричала Клитія. И обѣ онѣ выбѣжали въ мастерскую.

Кентъ уже стоялъ передъ изуродованною картиной, не выпуская Джека, который бился въ его рукахъ, силясь вырваться. Съ минуту Винифредъ растерянно смотрѣла на

картину, ничего не понимая. Потомъ горькая истина дошла до ея сознанія и она, вся побѣлѣвъ, прислонилась къ стѣнѣ,

— Ради Бога, уберите вонъ этого сквернаго мальчишку и убейте его, м-ръ Кентъ! — гнѣвно вскричала Клитія.— Убейте его! переломайте ему кости. Такая гадость! Это прямо нечеловѣческая гнусность!

— Я ему задамъ — будетъ помнить! — свирѣпо молвилъ Кентъ, таща мальчишку къ двери.

Но Винифредъ мотнула головой, откашлялась и удержала Кента за руку.

— Не бейте его—я не могу этого вынести.

— Вздоръ, Винни. Сядь!—крикнула Клитія.—Уберите его скорѣе, м-ръ Кентъ; не то я сама исколочу его.

Кентъ трясъ мальчишку, пока у него не застучали зубы и злое личико изъ смуглаго не сдѣлалось багровымъ. Винифредъ все еще цѣплялась за его руку.

— Не надо! Не надо! Онъ все равно, что маленькій звѣрекъ. Онъ не вѣдаетъ, что творитъ. Еслибъ вы даже убили его — развѣ это вернетъ мнѣ мою картину? Это было бы только местью. А я не хочу мстить. Ахъ, прогоните же его! Пусть онъ уйдетъ...

И, отвернувшись отъ Кента, она заплакала и, рыдая припала къ плечу Клитіи.

— Миссъ Марчпэнъ права,—медленно выговорилъ Кентъ, взглянувъ на Клитію.—Отпустимъ этого чертенка. Эй, ты, проваливай! И если я когда-нибудь увижу тебя по близости этого дома,—я кликну полисмена.

Мысленному взору маленькаго негодяя мгновенно представился темносиній мундиръ, готовый, какъ гроза, обрушиться на его голову. Уличные мальчишки всѣ до смерти боятся полисменовъ. Джекъ вздрогнулъ, дернулся въ сторону отъ Кента, который разжалъ руки, метнулъ дерзкій, злорадный взоръ на Клитію—и стрѣлой помчался къ двери.

Клитія, обнявъ рукою станъ подруги, успокаивала ее, перемежая слова утѣшенія съ вспышками самоукоровъ и неправеднаго гнѣва. Когда Джекъ скрылся, она было рванулась вслѣдъ за нимъ, но Винифредъ удержала ее.

— Какъ вы смѣли отпустить его? — вскричала Клитія, перенося свой гнѣвъ на Кента.—Еслибъ не вы, я бы такъ его проучила, что онъ бы до самой смерти помнилъ. Сдѣлать такую гнусность и уйти безъ наказанія! я заявлю полиціи.

— Нѣтъ, нѣтъ,—шептала Винифредъ.

— Непремѣнно заявлю. Есть же исправительныя заведенія для такихъ дѣтей. Сходите и позовите полисмена, м-ръ Кентъ. Хоть эту-то услугу вы можете мнѣ оказать.

— Я бы не сталъ этого дѣлать. Ему это не принесетъ

никакой пользы и миссъ Марчпэнъ тоже. Сюда онъ больше не посмѣетъ явиться, и я бы вамъ совѣтовалъ не водить больше въ вашу студію такихъ натурщиковъ. Когда сыну плоти и дьявола попадается въ руки дѣло духа, духовное всегда страдаетъ.

— Я не желаю слушать поученій,—сухо сказала Клитія.

— Мнѣ очень жаль, если я васъ оскорбилъ, миссъ Давенантъ. Я искренно сочувствую миссъ Марчпэнъ и скорблю объ ея утратѣ и готовъ сдѣлать все на свѣтѣ, чтобы помочь ей или вамъ... А затѣмъ, будьте здоровы.

Въ этотъ день Кентъ особенно усердно работалъ въ музеѣ. Утреннее происшествіе взволновало его. Онъ сознавалъ, что поступилъ правильно, послушавшись Винифредъ и пощадивъ „чертенка“, но въ то же время смутно жалѣлъ, что ему пришлось пойти наперекоръ желанію Клитіи. И, чтобы обо всемъ позабыть, углубился въ работу. Кончилъ онъ раньше обыкновеннаго и, выходя, въ швейцарской столкнулся съ Уизеромъ.

— А я за тобой. Идемъ въ клубъ обѣдать,—заявилъ маленькій, гномообразный человѣчекъ.—Дома у насъ весенняя уборка комнатъ и вся квартира пропитана запахомъ чистоты и невинности. Грину и Ферфаксу нравится это; они говорятъ, что это полезно для здоровья. Я лично предпочитаю дышать пылью, накопившейся за зиму. Но все равно приходится это терпѣть, только я въ такіе дни обыкновенно удираю изъ дому и намѣренъ прихватить тебя.

— Что-жъ, пойдемъ,—сказалъ Кентъ.—Я готовъ потратить на тебя часть своего вечера, чтобы помѣшать тебѣ провести его менѣе невинно. Ты во-время пришелъ, а то бы не засталъ меня; я уже собирался уходить.

Полисменъ у дверей почтительно откозырялъ Кенту, когда тотъ вышелъ изъ подъѣзда.

— Ему слѣдовало бы отдать честь мнѣ,—замѣтилъ Уизеръ.—Изъ насъ двоихъ болѣе респектабельный видъ у меня.

Кентъ добродушно засмѣялся и перекинулъ ясеневую трость изъ одной руки въ другую; обѣ были безъ перчатокъ. Контрастъ между щегольскимъ костюмомъ Уизера и его собственнымъ, мѣшковатымъ и небрежнымъ, казался ему очень забавнымъ.

— Хочешь, я пойду сзади?—предложилъ онъ, повторяя знакомую и старую шутку.

Они спустились съ лѣстницы и перешли черезъ дворъ, гдѣ весело летали голуби, грѣясь въ лучахъ вечерняго солнышка. Когда они дошли до рѣшетки, золоченыя копья

которой горѣли на солнцѣ, Уизеръ обернулся и съ минуту глядѣлъ на хмурую громаду зданія музея.

— Мнѣ этотъ музей всегда представляется старымъ брюзгой съ вѣчно слезящимися глазами и унылымъ лицомъ, словно все время думающимъ о смерти и инфлюэнцѣ. Надо будетъ какъ-нибудь на-дняхъ развить эту мысль и использовать ее для статьи.

— Да, потому, что такъ, какъ есть, въ сыромъ видѣ, она многаго не обѣщаетъ,—въ видѣ поощренія замѣтилъ Кентъ.

Они пошли по Оксфордъ-Стритъ и затѣмъ внизъ по Шефтсбери-Авеню. Здѣсь, проходя мимо фотографіи, они замѣтили на выставкѣ группу мужчинъ и женщинъ съ необыкновенно самодовольными лицами, „надменно улыбающихся и безвкусно одѣтыхъ", какъ охарактеризовалъ ихъ Уизеръ. Внизу стояла подпись: „Парнассъ Общества Взаимнаго Усовершенствованія". Уитеръ зашелъ въ фотографію и купилъ снимокъ, въ качествѣ „памятника поразительной человѣческой глупости". Въ комфортабельной курилкѣ Клуба Молодыхъ Космополитовъ на Сентъ-Джемсъ-скверѣ Уизеръ, разглядывая фотографію, лежавшую у него на колѣняхъ, произнесъ по поводу ея цѣлую рѣчь.

— Посмотрите на нихъ,—говорилъ онъ, утопая въ большомъ покойномъ креслѣ.—Милая старая Филистія! Когда же Всемогущій выполнитъ свое обѣтованіе и одолѣетъ ее? Взаимное усовершенствованіе! — по принципу островитянъ Марка Твэна, которые зарабатывали себѣ скудный кусокъ хлѣба тѣмъ, что брали другъ у друга бѣлье въ стирку. Всѣ эти трогательныя дамы и кавалеры, навѣрное, принадлежатъ къ какому-нибудь кружку домашнихъ чтеній. Я прошлымъ лѣтомъ гостилъ у Брауновъ; однажды я пригласилъ младшую дочку сыграть со мной партію въ теннисъ. Она съ ужасающей торжественностью отвѣтила, что сейчасъ она не можетъ,—она идетъ къ себѣ „часокъ почитать". Это произвело на меня впечатлѣніе: „вотъ умница!", подумалъ я и все время представлялъ себѣ ее въ святилищѣ ея дѣвичьей комнатки благоговѣйно вчитывающейся въ святыя строки св. Ѳомы Кемпійскаго или блаженнаго Августина. На другой день въ этотъ же часъ я засталъ ее читающей отчетъ о дѣятельности земледѣльческой коммиссіи за 1831 годъ. Ну, конечно, удивился: на кой чертъ ей читать это? Что же, ты думаешь, она отвѣтила? — Что у нея теперь часъ чтенія, а это единственная „серьезная" книга, которую она нашла въ библіотекѣ. Романы, стихи, ежемѣсячники,—все это для нея запретное—табу. Я освѣдомился:

неужели же она считаетъ Джорджа Мередита или Данте пустыми болтунами? Она не знаетъ навѣрное, но все же серьезными ихъ не считаетъ. Спаси Господи, что за дѣвица!

— Какой ты злой!—засмѣялся Кентъ.—Совсѣмъ, какъ моя пріятельница, миссъ Давенантъ. Та тоже вѣчно громитъ филистеровъ. Одолжи мнѣ эту фотографію, я покажу ей,— это ее позабавитъ; можетъ быть, кое-чему и научитъ.

Уизеръ отдалъ ему снимокъ, но Кентъ, поразмысливъ немного, вернулъ его.

— Нѣтъ, лучше какъ-нибудь въ другой разъ. Сейчасъ я еще не увѣренъ, какъ сложатся дальше наши отношенія; сегодня утромъ мы повздорили.

Уизеръ поднялъ брови и лѣниво оглянулся на Кента.

— Ты заинтересовалъ меня, другъ Джонъ. Развѣ и Саулъ въ числѣ пророковъ? Ну, выкладывай.

Кентъ въ общихъ чертахъ передалъ ему, что произошло утромъ въ студіи.

— Какъ видишь, вышло нѣчто вродѣ ссоры,—заключилъ онъ.

— Ничего, образуется,—сказалъ Уизеръ,—если только она дорожитъ тобой. А если нѣтъ, не стоитъ и жалѣть о ней. Не обращай вниманія. Ничто такъ не полезно женщинѣ, какъ маленькое оказанное ей пренебреженіе. Crede experto. Что касается даннаго случая, ты, конечно, былъ неправъ. Тебѣ слѣдовало исколотить до смерти этого дьяволенка. Но для женщины неважно, права она или не права; для нихъ это не имѣетъ значенія.

— Это, быть можетъ, и справедливо относительно женщинъ, за которыми ты ухаживаешь, но Клитія Давенантъ не такова.

— Ахъ, голубчикъ, всѣ онѣ одинаковы,—всѣ до единой.

— Просто ты не встрѣчалъ женщины, съ которой бы можно было говорить на чистоту, какъ съ другомъ,—какъ будто она мужчина.

— Нѣтъ, дружище, не встрѣчалъ и не жалѣю объ этомъ. Если женщина такая, что съ нею надо держать себя, какъ съ мужчиной, такъ кой же толкъ мнѣ въ томъ, что она женщина?

— Ты болтаешь такъ, только, чтобы болтать,—съ оттѣнкомъ строгости замѣтилъ Кентъ.—И самъ знаешь, что болтаешь вздоръ. Богу извѣстно, женщины, вообще, довольно-таки нелѣпыя существа, но все же не для того же только онѣ созданы, чтобы флиртовать съ ними, объясняться имъ въ любви и тому подобныя нелѣпости. Это же скука тошнотворная. И, когда ты встрѣчаешь дѣвушку, выдающуюся по уму и по своимъ стремленіямъ, естественно, ты доро-

жишь ея дружбой и отъ души жалѣешь, если поссоришься съ ней.

— Такъ,—пробормоталъ маленькій человѣчекъ, внимательно разглядывая свои безукоризненные ногти.—Оказывается, культивируемъ ли мы у себя въ саду лиліи добродѣтели или розы порока, все равно, всякій изъ насъ пришитъ къ чьей-нибудь юбкѣ. Ничего не подѣлаешь,—пойдемъ сыграемъ партію на бильярдѣ передъ обѣдомъ.

Кентъ не взялъ съ собою смѣшной фотографіи, а Уизеръ, чтобъ не таскать съ собою неуклюжій пакетъ, не умѣщавшійся въ карманѣ, послалъ его себѣ домой по почтѣ, что было очень характерно для него. Проходя мимо комнаты Клитіи, Кентъ замѣтилъ, что дверь открыта и въ комнатѣ темно. Очевидно, Клитіи не было дома; еслибъ она рано легла спать, она затворила бы дверь, такъ какъ спальня ея выходила въ гостиную. Онъ грустно вздохнулъ, самъ не зная, о чемъ, потому что, если бы изъ-подъ двери и виднѣлась полоска свѣта, говорившая о присутствіи хозяйки комнаты, онъ все равно не постучался бы. Онъ медленнѣй обыкновеннаго поднимался по лѣстницѣ, думая о происшедшемъ утромъ. При тускломъ свѣтѣ газа на площадкѣ, онъ замѣтилъ у своей двери картину безъ рамы, повернутую лицомъ къ стѣнѣ, а на полу возлѣ нея письмо. На конвертѣ смѣлымъ, округленнымъ почеркомъ, — почеркомъ Клитіи, — была надписана его фамилія. Онъ распечаталъ письмо и прочелъ:

„Вы были правы. Извиняюсь. Въ знакъ моей искренности, дарю вамъ эту картину.

К. Д.“.

Кентъ повернулъ картину. Это былъ портретъ Джека, предназначавшійся для выставки.

Онъ внесъ его въ комнату и поставилъ на столъ. Картина представляла странный контрастъ съ безмятежно спокойнымъ кавалеромъ Вуллета, висѣвшимъ надъ нею; яркость красокъ, реализмъ изображенія били въ глаза рядомъ съ холоднымъ классицизмомъ блѣдныхъ и чистыхъ реликвій прошлаго, украшавшихъ стѣны. Эта дисгармонія была такъ непріятна, что Кентъ самъ повернулъ картину къ стѣнѣ, но тотчасъ же устыдился, выругалъ себя дуракомъ и опять поставилъ ее, какъ слѣдуетъ. Потомъ зажегъ лампу, потушилъ газъ и усѣлся писать за кухонный столъ, одинъ уголъ котораго служилъ ему письменнымъ.

Дверь комнаты оставалась открытой. Въ домѣ царила тишина; лишь изрѣдка поскрипывали лѣстница и перила. Снизу, съ улицы, слабо доносился чуть слышный стукъ

экипажей. До этого дня Кентъ не замѣчалъ, какое абсолютное безмолвіе господствуетъ по вечерамъ въ этомъ спокойномъ домѣ. Кукушка на часахъ въ его спальнѣ закуковала вдругъ съ такой отчетливостью и внезапностью, что онъ невольно вздрогнулъ. Двѣнадцать—только? Если Клитія у знакомыхъ или гдѣ-нибудь въ театрѣ, она скоро должна вернуться. Онъ машинально перелистывалъ документы, повременамъ дѣлая выписки и все время чутко прислушиваясь, не остановится ли экипажъ у подъѣзда. Нѣсколько разъ слухъ обманывалъ его и онъ выходилъ на площадку—послушать, не идетъ ли Клитія. Потомъ опять садился за работу. А, можетъ быть, она дома и давно ужь въ постели,—но почему же дверь отворена? Онъ силился убѣдить себя, что она сейчасъ вернется; ему страшно хотѣлось увидѣть ее поскорѣе. То, что предсказанія Уизера оправдались такъ скоро, смущало его. Если бы не насмѣшливые комментаріи друга, онъ отнесся бы къ откровенному признанію Клитіей своей неправоты такъ же просто, какъ онъ самъ все дѣлалъ просто, и нашелъ бы его вполнѣ естественнымъ и не обусловливаемымъ никакими другими мотивами, кромѣ добраго отношенія и здраваго смысла. Но что, если ея поступокъ вытекаетъ только лишь изъ „прирожденной женской глупости", за которую самъ онъ жалѣлъ женщинъ, а Уизеръ увѣрялъ, что презираетъ ихъ?

Наконецъ, у подъѣзда несомнѣнно остановился экипажъ. Кентъ вышелъ на площадку. Стукнула входная дверь. Внизу скрипнула лѣстница; зашелестѣло платье. Это была Клитія. Среди мертвой тишины, царившей въ домѣ, отчетливо слышно было, какъ чиркнули спичкой. Кентъ подождалъ минутку и—спустился внизъ.

Клитія, не снимая накидки и шляпы, читала при свѣтѣ свѣчи изъ спальни, письмо, пришедшее съ вечернею почтой.

— Могу я войти,—на одну минуту?

— Разумѣется,—хоть на двѣ. А знаете, у меня самой мелькала мысль, что я увижу васъ по возвращеніи.

— Въ самомъ дѣлѣ? Какъ я радъ; это меня успокаиваетъ; я боялся, что вы меня сочтете,—какъ бы это выразиться?—назойливымъ за то, что я дожидался васъ и вотъ, теперь врываюсь къ вамъ, въ такой поздній часъ.

— Вы меня ждали? Какъ вы добры! Я не заслуживаю этого.

— Я чувствовалъ потребность поблагодарить васъ за ваше письмецо—и за картину.

— Да. Значитъ, мы снова друзья, м-ръ Кентъ?

Она гордо, но смѣясь, взглянула на него и протянула руку безъ перчатки.

— Ну, вотъ. Я очень дурно обошлась съ вами сегодня утромъ, — благодарите Винифредъ за то, что она выяснила мнѣ всю непристойность моего поведенія. Но, право же, я была внѣ себя. Такъ мнѣ обидно стало, что работа моей милой дѣвочки испорчена и по моей винѣ, что я перестала владѣть собой. Мнѣ кажется, когда человѣкъ былъ неправъ, самое лучшее для него, — сознаться въ этомъ своимъ друзьямъ.

— Это самое разумное,—подтвердилъ Кентъ.—И я горжусь тѣмъ, что вы причисляете меня къ своимъ друзьямъ.

Клитія посмотрѣла на него, какъ-то странно усмѣхнулась, чуть-чуть, уголками губъ, и граціознымъ женственнымъ движеніемъ подняла обѣ руки, чтобы вынуть булавки изъ шляпы. Этотъ взглядъ и эта поза на мигъ смутили Кента. Но тотчасъ же она успокоила его.

— Я судила по себѣ. Мнѣ была пріятна наша дружба,— я чувствовала, что и вамъ тоже,—и мнѣ жалко было потерять ее; иначе я бы не стала „унижаться", какъ говорятъ иные.

— Не будемъ больше говорить объ этомъ,—великодушно сказалъ Кентъ.—Разъ мы гордимся тѣмъ, что сумѣли стать выше условностей обычая, мы должны умѣть подняться и надъ условностями чувства. Сознаюсь, весь этотъ день я былъ очень разстроенъ, миссъ Давенантъ, и не могу вамъ выразить, какъ я тронутъ былъ вашимъ письмомъ. Далеко не каждая женщина способна написать его.

— И я бы не каждому мужчинѣ написала его—въ этомъ вы можете быть вполнѣ увѣрены.

И такъ они разстались.

Такимъ образомъ минутная ссора была улажена и отношенія ихъ еще больше скрѣпились новымъ сознаніемъ взаимной зависимости, болѣе активнымъ чувствомъ товарищества. Пренебрегая условностями, они теперь вмѣстѣ ходили въ театры, на концерты, на выставки. Кентъ сопровождалъ Клитію на воскресные журфиксы м-ссъ Фаркгарсонъ, гдѣ онъ нашелъ радушный пріемъ въ кругу литераторовъ и артистовъ, хорошо знавшихъ его покойнаго отца. М-ссъ Фаркгарсонъ называла ихъ „Орестейя и Пиладъ", тѣмъ самымъ какъ бы санкціонируя ихъ товарищескія отношенія. Домой они обыкновенно возвращались вмѣстѣ, большую часть дороги пѣшкомъ, когда погода была хороша и ночи теплыя и ясныя. На недѣлѣ, по вечерамъ, когда Клитія бывала дома, Кентъ приносилъ къ ней въ комнату свою рукопись и справочники и работалъ у нея въ то время, какъ она рисовала, читала или занималась рукодѣльемъ и

починкой. По внѣшности это была дружба чистѣйшей воды—ничего больше. Они способны были часами сидѣть въ одной комнатѣ, не обмѣнявшись словомъ—отличный пробный камень. Постепенно Клитія заинтересовалась работой Кента, выяснила себѣ ея цѣль и значеніе и могла теперь говорить съ нимъ о ней интимно, хотя самая сущность работы оставалась для нея непонятной, какъ для всякаго неспеціалиста. И она отдыхала, видя его за работой, такого яснаго и терпѣливаго; его присутствіе давало ей ощущеніе бодрости и покоя. У нея появились сомнѣнія относительно законченности ея собственнаго плана жизни—стоитъ ли жить только для искусства, можетъ ли оно дать полное удовлетвореніе? До того сознаніе своей независимости, свободы, постепеннаго накопленія знаній глушило тревогу невѣдѣнія, безсознательно жившую въ ея дѣвичьемъ сердцѣ, почти удовлетворяло ея запросы. Теперь она стала заглядывать дальше. Еще не знавшая страсти, она не представляла себѣ, насколько любовь можетъ скрасить и осмыслить жизнь, но все же порою смутно мечтала о любви; въ умѣ ея мелькали догадки, просвѣты—и только. Тайна жизни, казалось ей, можетъ быть постигнута только борьбой; ее можно вырвать изъ путаницы жизненнаго лабиринта только личнымъ подвигомъ, жертвой, самоотверженіемъ. Быть можетъ, Кентъ и правъ былъ, обвиняя ее въ томъ, что она искусство дѣлаетъ ступенькой для жизни, а не самодовлѣющей цѣлью.

Кентъ, какъ истый мужчина, и притомъ болѣе добросовѣстный, чѣмъ большинство мужчинъ, и не догадывался о такомъ ея самоуничиженіи. Съ того дня, какъ она, послѣ тяжкой борьбы съ собой, послала ему покаянное письмо, онъ смутно чувствовалъ, что онъ во многихъ смыслахъ нуженъ ей, что она какъ бы зависитъ отъ него, и помогалъ ей просто, искренно, ни о чемъ не разспрашивая, польщенный и согрѣтый новой для него искоркой тщеславія, разгорѣвшейся въ его душѣ. Онъ проповѣдывалъ ей свою обычную доктрину, весьма простую.

— Работайте, пока вамъ хочется и нравится работать. Любите свою работу ради ея самой. Пусть передъ вами стоитъ высокая цѣль; но радость вѣдь въ достиганіи, а не въ конечномъ достиженіи. Если же всѣ ваши мысли будутъ сосредоточены на цѣли, ваша работа будетъ тревожна и мучительна.

Она слушала, возмущалась, возражала, покорялась, не утрачивая своего гордаго безстрашія. Да, соглашалась она: онъ здраво разсуждаетъ. Подчиняться здравому смыслу и

поступать согласно его указаніямъ ни для кого не унизительно. Кентъ уговорилъ ее кончить портретъ Джека.

— Это лучшее изъ всего, что вы до сихъ поръ сдѣлали. Это настоящая—хорошая работа. Кончить его недолго. А потомъ, потомъ пошлите его на выставку.

Онъ призвалъ на помощь Винифредъ, съ ея ласковой убѣдительностью,—и картина была окончена. Кентъ рѣшительно отказался взять ее себѣ. У нихъ съ Клитіей вышелъ по этому поводу жаркій споръ. Ея подарокъ и дружба дороги, но ея слава и ея жизненные интересы еще того дороже. Копію онъ возьметъ съ удовольствіемъ. Кончилось тѣмъ, что она уступила. Картина была принята жюри, произвела сенсацію и была продана за 120 фунтовъ. Клитія была „лансирована“.

VIII.

Настало лѣто. Клитія уѣхала съ Фаркгарсонами за границу, посмотрѣть старинные города Нормандіи и Бретани, Кентъ присоединился къ нимъ въ Сенъ-Мало и провелъ съ ними мѣсяцъ своего отпуска. Это было такимъ серьезнымъ отступленіемъ отъ его установившихся привычекъ—обыкновенно онъ каждый годъ проводилъ отпускъ въ Норвегіи, въ одинокихъ скитаніяхъ пѣшкомъ, безъ багажа, только съ дубинкой и ранцемъ за спиною,—что Уизеръ серьезно встревожился.

— Въ слѣдующій разъ ты проведешь отпускъ со мной,— объявилъ онъ.

Но, зная, какъ его пріятель друженъ съ Клитіей, и зная самое Клитію,—онъ не разъ бывалъ съ Кентомъ въ мастерской, вначалѣ изъ любопытства, чтобы поглядѣть, съ какой-такой „бабешкой“ подружился Кентъ, потомъ просто потому, что ему тамъ понравилось—онъ, если у него и были какія-либо догадки и скептическія соображенія по этому поводу, не далъ этого замѣтить другу. Онъ только улыбнулся Кенту, прощаясь съ нимъ, своею странною, насмѣшливой полуулыбкой, и беззвучно хихикнулъ, когда дверь захлопнулась за его широкоплечею фигурой.

Кентъ не жалѣлъ о Норвегіи. Всѣ его дни были полны очарованія, незнаемаго дотолѣ. Факгарсоны были удивительно пріятные спутники: Каролина веселая, насмѣшливая, привыкшая быть въ обществѣ мужчинъ и превосходно изучившая ихъ; Джорджъ—покладистый, одинаково готовый и валяться на солнышкѣ съ трубкою въ зубахъ, лѣниво перебрасываясь коротенькими фразками съ женой, не мѣшая Кенту и Клитіи гулять однимъ, и предпринять съ Кентомъ антикварную экскурсію въ какую-нибудь старинную кельт-

скую деревушку. Клитія словно расцвѣла на солнышкѣ и на досугѣ и стала болѣе женственной, что, однакожъ, ничуть не подрывало уваженія къ ней Кента. Нѣтъ, онъ не жалѣлъ о Норвегіи. Онъ даже почти рѣшилъ больше не ѣздить туда, а вмѣсто того обойти пѣшкомъ всю Бретань. Съ перваго же утра, съ той минуты, когда онъ, съ парохода, медленно пробиравшагося по узенькому рейду Сенъ-Мало, увидалъ Клитію, поджидавшую его на пристани, онъ полюбилъ эти мѣста. Высокій городской валъ, изъ-за котораго выглядывалъ только рядъ зеленыхъ ставень и крыши, а еще выше, надъ ними, шпицъ собора, просвѣтъ охраняемыхъ часовыми воротъ, въ которыя видна была узкая улица, мощеная булыжникомъ, пестрая отъ синихъ блузъ, красныхъ платковъ и желтыхъ клеенокъ, разложенныхъ у дверей лавокъ; на набережной лотки разносчиковъ у подножья крѣпостной стѣны, защищавшей ихъ отъ вѣтра; суетливая толпа смуглыхъ бретонцевъ, матросовъ, грузчиковъ и таможенныхъ солдатъ въ зеленыхъ мундирахъ; и въ этой веселой рамкѣ—Клитія, такая розовая и свѣжая въ легкомъ лѣтнемъ платьѣ,—вся эта картина врѣзалась ему въ память, какъ нераздѣльное цѣлое, странно и пріятно волновавшее его.

Они сидѣли на пескѣ—нигдѣ въ мірѣ, кажется, нѣтъ такого чистаго и мелкаго песку, какъ здѣсь, въ часы отлива,—бѣжавшаго широкой золотой дугой отъ угрюмыхъ бастіоновъ Сенъ-Мало къ бѣлымъ домикамъ Парамэ, среди несчетнаго множества туристовъ и купальщиковъ, наблюдая типы парижанъ и англичанъ. Кентъ покуривалъ трубочку Клитія зарисовывала въ свой альбомъ оригинальные типы и костюмы. Три дня, проведенные здѣсь, прошли очень пріятно.

Не смотря на то, что публика здѣсь самая банальная, въ Сенъ-Мало все же есть особое, присущее только ему, суровое очарованіе, котораго не забыть тому, кто здѣсь хоть разъ побывалъ. Какой-то онъ весь устойчивый, замкнутый, вызывающій. Высокія стѣны ревниво оберегаютъ его съ трехъ сторонъ, а море съ четвертой, отъ всякихъ попытокъ усовершенствованія и расширенія. Это чуть ли не единственный изъ хорошо населенныхъ городовъ, который совершенно не ростетъ. Покидая его для того, чтобы продолжать путешествіе, Кентъ живо почувствовалъ это очарованіе, хоть онъ и привыкъ уносить болѣе веселыя впечатлѣнія отъ городовъ, которые онъ видѣлъ до того. Затѣмъ они побывали въ Долѣ, съ его темнымъ гранитнымъ соборомъ, словно высѣченнымъ въ скалѣ; въ вознесшемся на гранитной стремнинѣ надъ Рансъ Динанѣ, гдѣ покоится

въ драгоцѣнной ракѣ сердце Дюгесклена; въ Бріэ, Пэмполѣ, такъ трогательно описанномъ Пьеромъ Лоти; въ Марле и всѣхъ прочихъ вплоть до Бреста, съ его огромнымъ портомъ и сильнымъ вѣтромъ съ Атлантическаго океана. Для Кента это путешествіе было непрерывнымъ наслажденіемъ. Нѣтъ въ мірѣ страны, которая бы болѣе Бретани изобиловала всякаго рода стариной, источенной временемъ и непогодами; тамъ старинная часовня, выстроенная изъ неотесанныхъ гранитныхъ глыбъ; здѣсь безформенное придорожное Распятіе, воздвигнутое какимъ-нибудь набожнымъ крестоносцемъ на склонѣ изрытаго дождями холма и обнесенное рѣшеткой для того, чтобъ оно не заросло дрокомъ и верескомъ; дальше группа огромныхъ камней—жертвенникъ друидовъ; въ домахъ старинныя закопченныя вышивки, дѣдовская рѣзьба по дубу, мѣдныя блюда repoussé грубой кустарной работы—на каждомъ шагу тысячи предметовъ, интересныхъ для антикварія въ этой угрюмой, сѣрой странѣ. Да и не вся она угрюмая. Нѣтъ-нѣтъ, да и врѣжется въ сѣрый ландшафтъ яркой полосою поле, засѣянное желтой полевою рѣпой; въ садахъ алѣютъ румяныя яблоки, изъ которыхъ дѣлается сидръ. Высокіе каштаны вокругъ стараго феодальнаго замка, изъ-за которыхъ чуть виднѣются заостренные, какъ стрѣла, фронтоны, перевѣшиваются черезъ высокую ограду надъ дорогой. Крестьяне и понынѣ ходятъ въ живописномъ національномъ костюмѣ бретонцевъ — шляпа съ кисточкой, вышитая коротенькая куртка, короткіе панталоны у мужчинъ, бѣлый чепчикъ и пышная юбка у женщинъ, такъ что красочныхъ пятенъ достаточно. Прибой у берега будто вспыхиваетъ гнѣвнымъ свѣтомъ, разбиваясь объ утесы, а вокругъ островковъ взбиваетъ бѣлую пѣну на голубомъ фонѣ воды. А старинныя рыбачьи деревушки смотрятъ такъ, какъ будто это обломки крушеній, выкинутые на берегъ и любовно пригрѣтые старой церковью, обвѣтренной отъ непогоды, вокругъ которой они сгруппировались.

Втеченіе нѣсколькихъ дней послѣ отъѣзда изъ Динана Кентъ замѣчалъ перемѣну въ Клитіи. Она была сдержаннѣй, задумчивѣй обыкновеннаго. Потомъ опять стала прежней, веселой и жизнерадостной, словно сбросила съ себя бремя тяготившей ее навязчивой идеи. Дѣло въ томъ, что въ Динанѣ разыгрался неизвѣстный Кенту инцидентъ, взволновавшій дѣвушку до глубины души.

Ея спальня въ отелѣ, какъ и всѣ другія комнаты въ томъ же этажѣ, выходила на небольшой балкончикъ, отдѣленный желѣзною рѣшеткой отъ сосѣднихъ балконовъ. Однажды утромъ, въ то время, какъ она одѣвалась, вниманіе

ея привлекли голоса въ сосѣдней комнатѣ. Ея окно, большое, до полу, было отворено, какъ и окно въ сосѣднемъ номерѣ, и слова долетали совершенно отчетливо.

— Такъ, значитъ, это твое послѣднее слово?—спрашивалъ, по-французски, женскій голосъ, жалобный, молящій; въ немъ слышались слезы.

— Да, послѣднее, — отвѣтилъ другой голосъ, грубый, мужской.—Ну, будетъ, будетъ! Пожалуйста, безъ сценъ. Я ухожу, потому что мнѣ такъ угодно. Ты надоѣла мнѣ. Что ты можешь возразить на это?

— Но я люблю тебя, люблю тебя, Арманъ!

— Ба!—засмѣялся мужчина.—Всѣ вы это говорите. Вотъ тебѣ обѣщанная тысяча франковъ. Получай.

Клитія, невольно подслушавшая этотъ разговоръ поспѣшила закрыть окно. Звуки перешли въ невнятный шепотъ за стѣной. Немного погодя, дверь комнаты захлопнулась и въ коридорѣ раздались тяжелые шаги.

Часа два спустя, она сидѣла въ салонѣ отеля, просматривая газеты и отъ нечего дѣлать глядя въ окно, на рыночную площадь. Кентъ и Фаркгарсонъ пошли вдвоемъ бродить по городу, осматривая памятники старины; Каролина у себя въ комнатѣ писала письма. Клитія была одна. Неожиданно дверь отворилась и на порогѣ показалась молодая женщина, почти дѣвочка. Она шагнула впередъ и, увидавъ Клитію у окна, остановилась въ нерѣшимости — идти ей дальше или нѣтъ. Клитія быстро вскинула на нее глаза и поймала взглядъ, въ которомъ, какъ ей показалось, свѣтилась мольба.

— Войдите же, мадемуазель!—съ улыбкой пригласила она.

Молодая женщина пролепетала: „Мерси“, вошла, притворила за собой дверь и, усѣвшись на выцвѣтшій диванъ у стѣны, начала перелистывать старый иллюстрированный журналъ. Клитія продолжала читать „Фигаро“. Неожиданнo до слуха ея долетѣло всхлипыванье. Она обернулась. Женщина, закрывшись газетой, плакала, сжимая въ рукѣ измятый, мокрый платочекъ. Клитія встала и направилась къ двери. Но въ дверяхъ обернулась и увидала, что женщина повалилась лицомъ въ подушки и рыдаетъ. Клитіи стало жалко ея. Она подошла и ласково коснулась рукой ея плеча

— Мадемуазель?

Молодая женщина вздрогнула, подняла хорошенькое заплаканное личико и грустно поглядѣла на Клитію большими голубыми глазами; губы ея вздрагивали.

— У васъ горе?—сказала Клитія.

— О, мадемуазель, какъ вы добры! — воскликнула бѣд-

няжка.—Oui je suis bien malheureuse. Но вамъ нельзя со мною быть. Вы барышня изъ общества, воспитанная, а я, merci, мадемуазель; вы ничего не можете для меня сдѣлать.

Голосъ женщины показался Клитіи знакомымъ. Гдѣ она могла слышать его—и недавно? Мгновенно ей вспомнился отрывокъ разговора, случайно слышанный ею сегодня утромъ. Женщина снова зарылась лицомъ въ подушки. Низко-вырѣзанный воротъ платья, какъ любятъ носить француженки, открывалъ изящную стройную шейку, на которую кокетливо ниспадало нѣсколько шаловливыхъ локоновъ изъ-подъ гладко зачесанныхъ кверху свѣтлыхъ волосъ. Фигурка у нея была совсѣмъ юная, хрупкая, такая трогательная въ этой позѣ отчаянія и одиночества.

Клитія съ удивленіемъ смотрѣла на нее, сердце ея часто билось. Дѣвичій стыдъ толкалъ ее бѣжать; умъ взрослой женщины совѣтовалъ остаться возлѣ плачущей. Никогда еще ей не случалось завѣдомо для себя быть вблизи одной изъ этихъ отверженныхъ—ни, тѣмъ менѣе, разговаривать съ нею. Ей припомнилась циничная фраза мужчины—и стало больно и противно до тошноты. Вспомнился умоляющій женскій голосъ: „Mais je t'aime, je t'aime, Armand"... и вся душа ея всколыхнулась состраданіемъ къ обиженной женщинѣ.

— Я не прошу, чтобъ вы сказали мнѣ, какое у васъ горе,—ласково начала она. — Но все же поговорить-то, вѣдь, можно, а? Быть можетъ, вамъ легче будетъ—я вѣдь тоже женщина,—однихъ лѣтъ съ вами...—Клитія запнулась, не находя нужнаго слова:—и, быть можетъ, не такъ ужь хорошо воспитанная—во всякомъ случаѣ, женщина.

— О, мадемуазель! вы не понимаете. Такая жизнь... — она выразительно повела плечами.—Въ концѣ концовъ, и къ этому можно привыкнуть, но когда при этомъ еще любишь. А!

— Не стоитъ онъ вашей любви,—вскричала Клитія.— Онъ негодяй—я знаю, что онъ негодяй...

Женщина быстро подняла голову.

— Вы его знаете? Вы знаете Армана? Ахъ, нѣтъ; вы это такъ сказали, наудачу. Да, онъ подлый и жестокій, но все же я люблю его. Мадемуазель, какая вы добрая, какая ласковая! Не всякая стала бы разговаривать со мной. Вы позволите мнѣ посидѣть здѣсь немножко, возлѣ васъ? Ah mon Dieu! вы не можете себѣ представить, какъ это обидно— никогда-никогда не имѣть возможности поговорить съ женщиной, которую можешь уважать и которая не предастъ тебя; тогда остается уважать только мужчинъ, а они насъ презираютъ. Да и они тоже, — ихъ можно любить, но они такіе подлые, грубые, эгоистичные...

— Есть и среди мужчинъ хорошіе.

— Можетъ быть,—женщина вытерла глаза и теперь поправляла растрепавшіеся волосы, — можетъ быть, но намъ не часто приходится съ ними сталкиваться. О, мадемуазель, я знаю, что мнѣ не слѣдовало говорить вамъ, кто я такая, но, когда вы положили мнѣ руку на плечо, мнѣ показалось, что возлѣ меня добрая сестра изъ монастыря—Клитія невольно улыбнулась этому сравненію—и я была такъ тронута...

— Я тоже должна сдѣлать вамъ одно признаніе,—ласково прервала ее Клитія. — Сегодня утромъ я подслушала невольно—наши комнаты рядомъ...

— А! такъ это вы захлопнули окно?

— Да. Такъ что я знаю, мадемуазель—по крайней мѣрѣ, я могу судить. Вы теперь, значитъ, совсѣмъ однѣ?

Женщина пожала плечами.

— Что подѣлаешь? Онъ уѣхалъ—придется и мнѣ уѣхать. Одной здѣсь не очень-то весело.

— Куда же вы поѣдете?

— Въ Парижъ. Среди лѣта! Это тоже не весело. И всѣ поймутъ, qu'il m'a plantée là. Но вѣдь какъ-нибудь жить-то надо. Вамъ хорошо—вамъ, честнымъ женщинамъ!..

Она продолжала болтать, цинично и въ то же время простодушно, какъ всѣ подобныя ей, забывая въ своей потребности излиться, что передъ нею—англійская барышня и притомъ хорошо воспитанная. Она подробно разсказывала о своей неудачной любви, о своей жизни въ Парижѣ, о своихъ кредиторахъ, о томъ, какъ гадки женщины въ ея кругу и какъ грубы мужчины. Клитія слушала ее съ ужасомъ и состраданіемъ. Она была такъ еще молода, парижская грязь не успѣла прилипнуть къ ней, и, однакоже, она уже привыкла къ ужасу своей жизни, какъ къ чему-то, что само собою разумѣется, и лишь въ рѣдкіе моменты просвѣтлѣнія постигала весь этотъ ужасъ. Эта тоже не признавала общепринятыхъ формулъ, была изъ тѣхъ, кто ихъ не признавалъ еще во времена блудницы Раавъ, пріютившей у себя соглядатаевъ. Но какъ она хрупка, какъ слаба для такой борьбы одной противъ всѣхъ! Чѣмъ она кончитъ?.. Никогда еще Клитія не заглядывала такъ глубоко себѣ въ душу...

Неожиданно француженка вскочила съ дивана.

— Простите меня, мадемуазель. Не слѣдовало мнѣ такъ съ вами говорить. Я совсѣмъ забыла. Теперь вы сами видите, что не въ вашей власти помочь мнѣ; спасибо и за то, что посидѣли со мной. Не смѣю задерживать васъ дольше. Adieu, мадемуазель, и спасибо вамъ; тысячу разъ благодарю васъ. Никогда васъ не забуду.

Она направилась къ двери. Клитія тоже встала и подошла къ ней, слегка покраснѣвъ, но съ ласкою во взглядѣ.

— Хотите пожать мнѣ руку?

Женщина быстро вскинула на нее глаза и вдругъ схватила протянутую руку, стиснула ее въ своихъ и торопливо поцѣловала два раза подрядъ. И выбѣжала изъ комнаты.

Клитія вернулась на прежнее мѣсто у окна и снова стала смотрѣть на рынокъ. Но видѣла не много: слезы застилали ей глаза и скатывались по щекамъ.

Она не разсказала даже м-ссъ Фаркгарсонъ объ этомъ инцидентѣ, но сохранила память о немъ въ своемъ сердцѣ, какъ тайное и странное откровеніе жизни—какъ нѣчто драгоцѣнное, таинственное, жуткое. Во время общей прогулки въ этотъ день она была странно молчалива. Кентъ добродушно подтрунивалъ надъ ея унылымъ видомъ. Она разсѣянно улыбалась, ссылаясь на головную боль, но по временамъ вздрагивала, припоминая слышанное. Втеченіе нѣсколькихъ дней это преслѣдовало ее: то ей мерещились заплаканные голубые глазки, то сквозь черты француженки словно просвѣчивало грубое пьяное лицо матери Джека. И въ ушахъ назойливо звенѣлъ вопросъ: „Не это ли и есть та сторона жизни, которую мужчины такъ старательно скрываютъ отъ женщинъ?"

Но Клитія была молода и сильна; въ жилахъ ея текла здоровая, горячая кровь. Бодрящій соленый вѣтеръ съ моря и веселый, искренній смѣхъ друзей скоро разогнали тягостныя впечатлѣнія, помѣшали имъ принять болѣзненную форму и постепенно острота боли притупилась, болѣе или менѣе слилась съ другими жизненными опытами. Клитія опять повеселѣла и, какъ прежде, наслаждалась своимъ путешествіемъ, къ нескрываемому удовольствію Кента, который уже начиналъ побаиваться, не сердится ли она на него, не задѣлъ ли онъ ея чѣмъ-нибудь, самъ того не замѣтивъ.

Онъ ни о чемъ не спрашивалъ ее до возвращенія ихъ изъ Сенъ-Мало въ Саутгэмптонъ. Вечеромъ онъ нашелъ ее въ укромномъ уголкѣ на верхней палубѣ, притащилъ коверъ, усадилъ ее въ раскидное кресло, укуталъ пледами. Большинство пассажировъ уже разошлось по каютамъ. Они были почти одни. Голоса двухъ мужчинъ, сидѣвшихъ напротивъ, доносились неясно въ темнотѣ. Все было тихо, кромѣ немолчнаго шума волнъ, который на морѣ замѣняетъ тишину.

— Вамъ не жаль, что это кончилось?—спросила Клитія; ея почти не было видно изъ-подъ шалей.—Ничего особен-

наго мы не видѣли, но все-таки это было очень пріятно—есть о чемъ вспомнить.

— Радость про запасъ, на черный день?

— Какъ вы поэтично выражаетесь!

— Это все Уизеръ. Въ юности онъ былъ поэтомъ. Вы бы не подумали этого о немъ, не правда ли? Я всегда думалъ, какъ это прекрасно—быть поэтомъ. Во всякомъ случаѣ, здѣсь это выраженіе вполнѣ умѣстно.

— И мы ни разу не поссорились, — задумчиво продолжала Клитія, — хотя пословица и говоритъ: „если хочешь потерять друга, поѣзжай съ нимъ путешествовать". Впрочемъ, я, вообще, не думаю, чтобъ я могла съ вами поссориться. Вы окутали себя броней такого неуязвимаго превосходства...

— Метафора не изъ удачныхъ. Однако продолжайте.

— Не стоитъ стараться для такой нелюбезной аудиторіи.

Кентъ засмѣялся:—Да изъ-за чего же намъ ссориться? Каждый изъ насъ признаетъ за другимъ право имѣть свое собственное мнѣніе; что же касается поступковъ, то, еслибы вамъ захотѣлось пойти направо, а мнѣ налѣво, я, по всей вѣроятности, уступилъ бы и предоставилъ вамъ идти, куда вамъ хочется,—еслибъ только это не противорѣчило здравому смыслу.

— А если-бы противорѣчило? Еслибъ мое желаніе было идіотски глупое?

— Быть можетъ, я пошелъ бы съ вами, чтобы уберечь васъ отъ бѣды.

— Спасибо,—прошептала тронутая Клитія.

Наступило краткое молчаніе. Кентъ попыхивалъ своею трубкой. На огонекъ подошелъ Джорджъ Фаркгарсонъ, только что вышедшій на палубу и ощупью разыскивавшій ихъ.

— Вы что же, всю ночь намѣрены сидѣть здѣсь?

— По крайней мѣрѣ, большую часть ночи,—отозвалась Клитія.

— Кентъ удобно васъ устроилъ?

Клитія сладко потянулась, отвѣчая утвердительно, и Фаркгарсонъ, пожелавъ имъ доброй ночи, исчезъ во мракѣ.

— Кстати, о ссорахъ,—помолчавъ, началъ Кентъ.—Вы знаете, одно время—такъ втеченіе нѣсколькихъ дней—мнѣ казалось, что вы за что-то сердитесь на меня—послѣ отъѣзда изъ Динана. Было это?

Словно кто-то ледяной рукой дотронулся до сердца Клитіи. Ахъ, зачѣмъ онъ такъ безтактенъ!

— Зачѣмъ вы мнѣ напомнили объ этомъ?—вскричала она.—Единственное непріятное за все время нашихъ стран-

ствій. Тамъ, въ Динанѣ, у меня была встрѣча, которая разстроила меня. Я была очень непріятна—да? Это не имѣло ни малѣйшаго отношенія къ вамъ, дорогой другъ.

— Простите мнѣ, если я задѣлъ больное мѣсто. Оказывается, въ такихъ вещахъ мнѣ еще многому надо учиться. Хотите, условимся, что вы всегда будете говорить мнѣ, если я чѣмъ-нибудь задѣну васъ? Ваша дружба стала для меня такой дорогой и цѣнной, что при одной мысли о томъ, что я рискую утратить ее, я—какъ бы это выразиться?—ну, словомъ, это было бы для меня непереносно. Я не часто говорю такъ, какъ сейчасъ—вообще, я не мастеръ выражать свои чувства—но, когда я говорю такія вещи, это значитъ, что я такъ думаю и чувствую. Вѣрьте мнѣ.

Клитія протянула руку, обтянутую перчаткой, и слегка дотронулась до его плеча. Она тоже чувствовала, что и онъ ей до извѣстной степени дорогъ и нуженъ. Волна нѣжности прихлынула къ ея сердцу, когда она повернула голову, чтобы отвѣтить:

— Вѣдь и я только что назвала васъ „дорогимъ другомъ“. И я сказала это отъ души. Вы слишкомъ честный, слишкомъ искренній, чтобъ оскорбить меня. Если я что-нибудь скажу или сдѣлаю вамъ наперекоръ, это будетъ значить, что я неправа и сама сознаю это. А такъ какъ здраваго смысла во мнѣ все же нѣкоторая доля есть, то я потомъ и пожалѣю объ этомъ. Но только вы не требуйте отъ меня, чтобъ я каждый разъ извинялась,—хорошо? Такъ ужь и знайте напередъ, что, если я васъ обижу, потомъ, навѣрно, пожалѣю и извинюсь въ душѣ.

— Вы всегда изображаете себя хуже, чѣмъ вы есть,—возразилъ Кентъ.—Такъ мало людей, которые знаютъ, какая вы. Фаркгарсоны, я, Винифредъ—да и всѣ тутъ. Я хотѣлъ бы быть съ вами всюду, гдѣ вы будете, и всѣмъ говорить, чтобъ они вамъ не вѣрили, и объяснять, какая вы...

— Будетъ! будетъ!—смѣясь, вскричала Клитія.—Вы заразились отъ французовъ привычкой говорить любезности. О, нѣтъ; я самая обыкновенная,—ни дурная, ни хорошая. Видите ли, еслибъ у меня было кого любить, по-особенному, и кто бы любилъ меня, можетъ быть, я и выказала бы себя иною, чѣмъ теперь. Но до сихъ поръ у меня не было даже случая проявить себя не эгоисткой. Не даромъ говорятъ, что случай создаетъ святыхъ, какъ онъ создаетъ воровъ.

Кентъ задумался, не находя нужныхъ словъ для отвѣта, а, когда придумалъ ихъ, прошло ужь слишкомъ много времени, чтобы отвѣчать. И они снова замолчали—но молчаніе не тяготитъ друзей, когда они знаютъ, что симпатизируютъ другъ другу. Клитія первая заговорила.

— Какъ вы думаете, могли бы вы вести такой разговоръ съ другомъ-мужчиной?

— Нѣтъ—то-есть—вѣрнѣе, нѣтъ. А что?

— Такъ. Мнѣ пришла въ голову одна мысль...

XIX.

Долгіе осенніе мѣсяцы смѣняли другъ друга, внося не много новаго въ жизнь Клитіи и Кента. Клитія продолжала писать небольшія жанровыя картинки, но хотя въ кисти ея и чувствовалось теперь больше увѣренности, сдержанности, болѣе глубокое проникновеніе въ изображаемую жизнь, теперь онѣ уже не удовлетворяли ея. Она ощущала въ себѣ опредѣленный запросъ на искусство болѣе высокое, съ болѣе широкимъ захватомъ, болѣе отвѣчающее на болѣе тонкіе и въ то же время болѣе волнующіе импульсы въ ея душѣ.

— Мнѣ хотѣлось бы создать что-нибудь такое, что могло бы жить,—говорила она Кенту,—что-нибудь такое, во что бы я могла вложить всю свою душу—посмотрѣть на него, когда кончу, и сказать: „Ну“, вотъ, теперь мнѣ больше некуда идти: все, что я перечувствовала, о чемъ мечтала,—все это выражено здѣсь“.

— Въ тотъ день, когда вы скажете это, вы перестанете быть артисткой.

— Можетъ быть. Но попытаться я должна. И не могу найти сюжета.

— Погодите. Если этому суждено быть, это сдѣлается само собой.

Клитія ждала, но сюжетъ не подвертывался. А у нея тѣмъ временемъ набралась куча заказовъ, и на картины, и на иллюстраціи отъ книжныхъ магазиновъ. Жизнь ея была полна, насколько можно заполнить жизнь работой. Винифредъ, какъ и прежде, аккуратно каждый день приходила работать въ студію, внося тепло и ласку. Она провела лѣто на морскомъ берегу, съ двумя маленькими братьями, которымъ она на свой счетъ устроила каникулы, и вернулась порозовѣвшая, веселая, съ кучей разсказовъ о своихъ приключеніяхъ, о забавныхъ выходкахъ дѣтей, о курьезныхъ типахъ, которыхъ она встрѣтила. Она жалѣла только объ одномъ—что ея милой Клитіи не было съ нею.

— И хорошо, что не было!—вскричала Клитія.—Я бы утопила въ морѣ этихъ ужасныхъ мальчишекъ, Реджи и Артура.

— О нѣтъ, этого ты бы не сдѣлала. Они такіе милые. И они прямо-таки обожаютъ тебя. Развѣ они не милые?

— Ахъ ты, божья коровка! у тебя всѣ милые,—смѣялась

Клитія, цѣлуя горячую смуглую щечку.—Послушать тебя такъ въ мірѣ лучше нѣтъ дѣтей, а они шалуны отчаянные. Когда они придутъ сюда пить чай?

Приглашеніе на чай въ мастерской всякій разъ было праздникомъ для сестеръ и братьевъ Винифредъ. Они и въ самомъ дѣлѣ обожали Клитію, которая сочувствовала ихъ презрѣнію ко всѣмъ условностямъ, рисовала съ нихъ уморительныя карикатуры, глядя на которыя они помирали со смѣху, или усаживалась вмѣстѣ съ ними на коверъ у камина и болтала съ ними всякій вздоръ, который такъ любятъ дѣти. Если въ это время въ студію заходилъ и Кентъ, радость была полная. Ребята обступали его, тормошили, завладѣвали имъ всецѣло и вели его представить Клитіи, въ качествѣ любимой игрушки, которую они всюду берутъ съ собою. Онъ тоже любилъ эту веселую возню и рѣдко пропускалъ такіе „чаи“, если только была возможность раньше обыкновеннаго уйти изъ музея. Ему нравилось видѣть Клитію среди дѣтей. Съ ребенкомъ на колѣняхъ она казалась ему мягче и женственнѣе даже Винифредъ. Однажды онъ сказалъ ей это; она засмѣялась, покраснѣла и такъ низко наклонила голову, что ея темно-рыжіе волосы коснулись кудрявой черной головки Реджи.

Иногда въ студію заглядывалъ и Трегернъ, молодой священникъ, съ которымъ Клитія познакомилась у Фаркгарсоновъ, на обѣдѣ нумизматовъ. Однажды Клитія и Кентъ встрѣтили его въ галлереѣ Бондъ-Стритъ передъ выставкой картинъ импрессіонистовъ, Дегаза и Монэ. Видъ у него былъ усталый и больной. На ихъ разспросы онъ отвѣтилъ, что вынужденъ былъ перейти изъ своего прихода въ сѣверной части Лондона въ другой, менѣе трудный, близь вокзала Викторія. И, такъ какъ теперь онъ живетъ неподалеку отъ миссъ Давенантъ,—быть можетъ, она разрѣшитъ ему посѣтить ея мастерскую и посмотрѣть ея картины. На выставкѣ онъ видѣлъ „Джека“ и пришелъ въ восторгъ отъ него. Клитія охотно назвала ему свой „день“, когда онѣ съ миссъ Марчпэнъ „дома“ для своихъ друзей, и выразила надежду, что онъ посѣтитъ ихъ. Онъ зашелъ и, очевидно, нашелъ удовольствіе въ безпечной болтовнѣ подругъ, которая была такимъ пріятнымъ отдыхомъ послѣ разговоровъ съ прихожанами, такъ какъ вскорѣ сталъ обычнымъ посѣтителемъ. Возможно, что бархатные каріе глаза привлекали его больше, чѣмъ онъ рѣшился бы признаться, даже самому себѣ. Какъ бы то ни было, въ концѣ года онъ купилъ, черезъ посредство торговца, двѣ хорошенькихъ картинки Винифредъ.

Дни становились все короче, свѣтлыхъ рабочихъ часовъ все меньше и наконецъ, настало время Клитіи нанести обычный свой рождественскій визитъ въ Дурдльгэмъ. Она съ прошлаго года не была тамъ, и стосковалась сердцемъ по знакомымъ лицамъ и голосамъ своихъ родныхъ. Быть можетъ, думала она, теперь, когда она стала постарше, ея отецъ и сестры уже не считаютъ ея образъ жизни такимъ противоестественнымъ и грозящимъ въ финалѣ нравственнымъ банкротствомъ. Письма, которыя она получала изъ дому за послѣднее время, были ласковыя, добрыя. М-ссъ Блазеръ жаждала увидѣть свою дорогую Клитію вновь въ кругу семьи, а Джэнетъ трогательно писала о пустомъ стулѣ за обѣденнымъ столомъ. Клитія разсчитыввла провести праздники тихо, но пріятно. Бунтовать теперь не изъ-за чего; пора борьбы прошла, и она можетъ, не боясь утратить свою независимость, войти любовно во всѣ интересы своихъ близкихъ. Порою и въ ея душѣ звучали болѣе нѣжныя струны, грустно напоминавшія о сладости домашняго уюта и жизни среди любимыхъ и любящихъ тебя людей. Какъ всякій человѣкъ, она безразсудно стремилась къ тому, чего у нея не было. Своей свободной независимой жизни художницы она бы никогда не бросила, но еслибъ можно было внести въ нее больше уюта и тепла. Въ такомъ настроеніи она особенно цѣплялась за Винифредъ, любя ее больше всего за то, что она вносила въ ея комнаты на Кингсъ-Родъ ароматъ кроткой женственности. Вотъ съ какими чувствами и настроеніями она поѣхала въ Дурдльгэмъ.

Первые дни послѣ отъѣзда Клитіи Кентъ, по обыкновенію, упорно и добросовѣстно работалъ. Но постепенно онъ утратилъ интересъ къ работѣ и смутно почувствовалъ, что весь укладъ его жизни перевернулся изъ-за отъѣзда Клитіи. И зачѣмъ она уѣхала!

Однажды вечеромъ онъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ передъ грудой корректуръ, но медлилъ взяться за перо. Настроеніе у него было угнетенное. Это было совершенно новое для него ощущеніе, которое и удивляло его, и сердило, какъ первый неожиданный приступъ подагры. Онъ всталъ, прошелся по комнатѣ. Огонь въ каминѣ почти погасъ; лампа накоптила, и вся комната была полна ѣдкаго чада. Открыть окно—немыслимо: въ стекла хлесталъ дождь и мокрый снѣгъ. Кентъ постоялъ минутку, глядя, какъ дождевыя капли снаружи стекаютъ внизъ по стекламъ. Потомъ нетерпѣливо повернулся къ книжнымъ полкамъ и картинамъ, надѣясь въ нихъ обрѣсти утѣшеніе. Но и онѣ смотрѣли на него недружелюбно, словно коря его за грязный, безъ единаго коврика полъ, за неубранную посуду на столѣ и по-

тухшій огонь въ каминѣ. Онъ подбросилъ углей въ каминъ, раскурилъ трубку, присѣлъ къ столу и задумался.

Кентъ не былъ склоненъ къ самоуглубленію. Онъ былъ слишкомъ поглощенъ внѣшними интересами жизни для того, чтобы постоянно копаться въ самомъ себѣ, и такое копанье въ себѣ всегда осуждалъ, какъ эгоистическое и нездоровое занятіе. Но теперь это странное уныніе и ощущеніе утраты вынудили его попробовать разобраться въ себѣ. Прежде всего, какъ подобаетъ трезвому матеріалисту, онъ рѣшилъ провѣрить, вполнѣ ли онъ здоровъ (среди матеріалистовъ есть философы, которые всѣ настроенія приписываютъ печени, только что не считаютъ ее сѣдалищемъ привязанностей, какъ полагали древніе, затѣмъ перебралъ всѣ маленькія дѣловыя непріятности, какія у него были за послѣднее время, задумался о тщетѣ жизни вообще... Еслибъ онъ разсуждалъ логично, онъ понялъ бы, что такое сужденіе о жизни—результатъ, а не причина его душевнаго разстройства. Но Кентъ не разсуждалъ логично. Да и немногіе умѣютъ разсуждать логично, когда дѣло идетъ о крупныхъ фактахъ душевной жизни, ибо въ области земного счастья „въ логикѣ нѣсть спасенія". Постепенно истина осѣнила его и онъ понялъ, что ему недостаетъ товарища, въ обществѣ котораго онъ втеченіе года проводилъ всѣ свои досуги. Недостаетъ Клитіи. Впервые, съ тѣхъ поръ, какъ онъ вышелъ изъ дѣтства, онъ чувствовалъ, что надъ нимъ до извѣстной степени имѣетъ власть женщина. Никогда до этого дня онъ не сознавалъ всей силы едва уловимаго вліянія, которое, исчезнувъ, оставило его такимъ разбитымъ, неспособнымъ ни мыслить, ни работать. Вначалѣ ему казалось, что все дѣло только въ нарушеніи привычекъ, въ томъ, что машина, хорошо смазанная и работавшая гладко, вдругъ дала проскачку. Порѣшивъ удовольствоваться такимъ разъясненіемъ, онъ снова взялся за работу и нѣкоторое время усердно правилъ корректуру. Но вскорѣ мысли его снова стали разбѣгаться. Попытка заставить себя работать противъ воли не привела ни къ чему, кромѣ еще болѣе сильной усталости.

Съ досады онъ швырнулъ на столъ свой карандашъ и вмѣстѣ со стуломъ повернулся къ огню. Очевидно, ему недостаетъ самой Клитіи—хотя она всего лишь женщина. Однакожъ, не смотря на такое презрительное отношеніе къ женщинамъ, ему все время представлялась милая комнатка Клитіи и сама Клитія, сидящая напротивъ него, ея изящная рука съ ниспадающимъ кружевомъ у кисти, утонувшая въ шелку волосъ. Почему она не пишетъ? Хоть бы открытку прислала!.

Да, безусловно, ему недостаетъ ея. Но странно, что изъ-за этого могла опротивѣть работа. Кентъ недоумѣвалъ. Одно было для него ясно—оставаться въ одиночествѣ онъ сейчасъ не въ состояніи. Онъ накинулъ на себя свой непромокаемый плащъ и, бросивъ работу, поплелся на другой конецъ города, въ „монастырь“.

Дома онъ засталъ одного Уизера. Ферфаксъ и Гринъ обѣдали въ гостяхъ. Уизеръ же былъ слишкомъ лѣнтяй и сибаритъ, чтобы выходить изъ дому въ такую сырость. Онъ лежалъ въ халатѣ, на кушеткѣ, придвинутой къ огню, и читалъ французскій романъ. Его миніатюрная фигурка казалась до нелѣпости крохотной и высохшей въ этой просторной одеждѣ. Ласково кивнувъ гостю, онъ вкратцѣ объяснилъ, почему онъ одинъ дома, и, пока Кентъ шарилъ въ знакомомъ углу, разыскивая пару туфель, хранившихся тамъ спеціально для него, продолжалъ читать.

— Налей-ка мнѣ немного виски, старина,—попросилъ онъ, не поднимая головы.—Я вотъ ужь часъ умираю—хочу виски, а самому лѣнь встать.

Кентъ, какъ всегда, исполнилъ просьбу друга и налилъ стаканчикъ для себя.

— Ахъ ты, лѣнивецъ!—ласково пожурилъ онъ, располагаясь въ большомъ креслѣ.—Какъ ты ухитряешься дѣлать свою работу?

Уизеръ засмѣялся.

— Я думалъ, что объ этомъ ты не станешь спрашивать.

Въ „монастырѣ“ принято было думать, что Уизеръ ровно ничего не дѣлаетъ и получаетъ жалованье въ своей канцеляріи только за внѣшность и тонъ джентльмена. На дѣлѣ, подобно многимъ лѣнивымъ, но способнымъ людямъ, онъ обыкновенно выполнялъ въ нѣсколько часовъ работу, на которую другому, заурядному, понадобился бы цѣлый день.

Уизеръ сладко потянулся и закурилъ папироску.

— Читалъ ты это?—спросилъ онъ, показывая свою книгу. Это была „Жестокая загадка“ Буржэ.

Кентъ кивнулъ головой.

— Пробовалъ читать какъ-то вечеромъ, поджидая васъ. Только мнѣ скучно показалось. Мнѣ вообще скучно читать такія книги.

— Можетъ быть, въ этомъ и не книга виновата. Скучной я ея не нахожу.

— Это все такое выдуманное. Я не вѣрю, чтобъ настоящая человѣческая жизнь была такой. Не могутъ люди въ наше время дѣлать альфой и омегой своей жизни животную страсть.

— Почему именно въ наше время?

— Да потому, что условія жизни не позволяютъ этого. У дикаря инстинкты грубые, свирѣпые — и то онъ только изрѣдка удовлетворяетъ ихъ, когда умъ его не занятъ войной и охотой ради добыванія пищи. Страсть еще можетъ царить въ какой-нибудь варварской странѣ—ну, при какомъ-нибудь восточномъ дворѣ, что ли, гдѣ людямъ больше не о чемъ и думать. Но въ цивилизованныхъ странахъ ее вытѣсняютъ другіе всепоглощающіе интересы. Темпъ жизни слишкомъ ускоренный, чтобъ оставалось время заниматься этимъ.

— А женщины, надъ которыми ты всегда подтруниваешь, называя ихъ пустоголовыми?

— И онѣ также заняты,—хоть бы пустяками,—по крайней мѣрѣ, большинство изъ нихъ; но даже, когда онѣ и ничѣмъ не заняты, вѣдь не животныя же онѣ. А та женщина, про которую здѣсь написано, просто напросто животное.

Уизеръ какъ-то странно поглядѣлъ на него.

— Глупости ты болтаешь, старина. Еслибъ она была животнымъ и ничего больше, не сталъ бы заниматься ею такой тонкій психологъ, какъ Буржэ. Въ томъ-то и загадка, что въ почти идиллическую любовь врывается нежданно приступъ животной страсти.

— Чушь! Ничего тутъ нѣтъ, кромѣ самаго шаблоннаго и пакостнаго адюльтера.

— Ого! Если ты переносишь вопросъ на эту плоскость, я молчу.—Уизеръ пожалъ плечами.—Я думалъ, что у насъ здѣсь взгляды нѣсколько болѣе передовые.

Кентъ сердито попыхивалъ трубкой.—Ты знаешь, что я не то хотѣлъ сказать. Дѣло не въ законности или незаконности связи, а въ томъ, что мнѣ претитъ это вѣчное спариваніе мужчинъ и женщинъ. Пфуй! Скоро будутъ писать романы о любви на пастбищахъ.

— Еслибъ я умѣлъ писать по-французки, я бы попробовалъ,—сказалъ Уизеръ.—Это было бы интересно.

— Слишкомъ ужь много объ этой гадости пишутъ и говорятъ. До тошноты. Это унизительно для человѣчества.

— Согласись, однако, что и въ жизни это часто бываетъ,—возразилъ Уизеръ, улыбаясь своей загадочной улыбкой и глядя вверхъ, на кольца дыма, которыя онъ пускалъ изъ своей папироски.

— Послушай, Уизеръ. Я все-таки болѣе высокаго мнѣнія о человѣчествѣ. Ты свѣтскій человѣкъ; ты называешь себя циникомъ и аморалистомъ—это твое любимое словечко. А я отлично знаю, что это только слова, что, въ сущности, ты милѣйшій и добрѣйшій человѣкъ. Но какъ же ты, такой

интеллигентный, можешь сочувствовать всей этой животности?

Уизеръ бросилъ папироску и, нагнувшись впередъ, положилъ руку на колѣни Кенту.

— Голубчикъ мой, — въ голосѣ его зазвучали необычно серьезныя нотки, — я знаю свѣтъ и люблю его, знакомъ, хотя бы шапочно, и съ Дьяволомъ, и съ Плотью. И мужчинъ недурно знаю, а ужь, что касается женщинъ,—сколько ихъ меня ласкало!—должно быть, потому, что я такой малышъ. Гулливера вѣдь тоже ласкали фрейлины при Бробдиньягскомъ дворѣ. Женщинъ я превосходно изучилъ и говорю тебѣ, дружище, что въ каждомъ и въ каждой изъ насъ сидитъ Звѣрь—у иныхъ съ большой буквы, у другихъ съ маленькой. Нѣтъ такого человѣка, еще живого и съ горячей кровью въ жилахъ, надъ которымъ иной разъ не верховодило бы плотское начало. Ты вотъ увѣряешь, что Буржэ пишетъ нездоровые и выдуманные романы. А загляни въ газеты, въ отдѣлъ происшествій. Мало развѣ пасторовъ дотолѣ безупречнѣйшаго поведенія, убѣгающихъ отъ женъ съ кухарками, и добродѣтельныхъ женщинъ, разбивающихъ и собственную жизнь и счастье мужа ради какого-нибудь подлеца-атлета?—совсѣмъ, какъ римскія патриціанки съ ума сходили изъ-за цирковыхъ гонщиковъ, правившихъ колесницами. Милый человѣкъ, да вѣдь это все—Животное, то самое Животное, которое можетъ всю жизнь дремать въ груди старой дѣвы и на шестидесятомъ году бросить ее въ объятія ея лакея. Какъ же иначе объяснить такія вещи?

— Я и не пытаюсь объяснять. Просто я не интересуюсь этимъ. По-моему, все это—мозговыя болѣзни, которыя надлежитъ изучать физіологу, точно такъ же, какъ убійство и самоубійство. Не вѣрю я въ возможность этого въ нормальной повседневной жизни.

Наступила долгая пауза, прерванная просьбой Уизера подбросить углей въ каминъ и выполненіемъ Кентомъ этой операціи. Затѣмъ Уизеръ снова взялся за книгу, а Кентъ продолжалъ курить трубку. Неожиданно первый поднялъ голову.

— А какъ ты полагаешь,—зачѣмъ люди женятся?

Кентъ слегка вздрогнулъ.—Какъ смѣшно! Я самъ только что задалъ себѣ этотъ же вопросъ. Не знаю: изъ-за денегъ, чтобъ не быть однимъ, чтобы имѣть семью,—мало ли почему люди дѣлаютъ глупости. Почемъ я знаю?

— А я вотъ всегда былъ увѣренъ, что ты первый изъ насъ женишься,—просто отъ нечего дѣлать,—лукаво пошутилъ Уизеръ.

— Я?! — воскликнулъ Кентъ, съ жестомъ отвращенія.— Мнѣ жениться?—бросить свою работу, производить на свѣтъ дѣтей, которыхъ мнѣ нечѣмъ кормить? Быть обязаннымъ ласкать и цѣловать и нѣжить женщину?..

— Ну, этого ты можешь и не дѣлать,—еще лукавѣе засмѣялся Уизеръ.—Можетъ быть, она и будетъ разсчитывать на это, но, разумѣется, легко утѣшится блаженствомъ чисто духовнаго общенія.

Кентъ хотѣлъ-было возразить, но въ это время возвратились отсутствовавшіе докторъ Ферфаксъ и Гринъ.

— Какъ я радъ, господа, что вы вернулись! — радостно воскликнулъ Кентъ. — Уизеръ тутъ все время распространялся на свою любимую тему; я ужь готовъ былъ возненавидѣть его.

— Онъ—безнравственный мальчишка,—сказалъ докторъ, бросая свое пальто на свернувшагося калачикомъ на софѣ Уизера:—карманный Мефистофель. Онъ у насъ тутъ вродѣ домового... — Фу, какая тоска обѣдать въ гостяхъ! — прибавилъ онъ, зѣвнувъ, и, потянувшись, грузно опустился на кушетку въ ногахъ Уизера.—Напрасно я пошелъ. Сидѣлъ бы лучше дома.

— И я жалѣю, что ты не остался дома,—сказалъ Кентъ.— Ну, давайте сыграемъ хоть одинъ роберъ. А то поздно уже.

Но въ эту ночь Кентъ ушелъ домой съ новой тревогой въ сердцѣ, которая полъ ночи не давала ему уснуть.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ.

Повѣсть.

(Продолженіе).

V.

Воздѣланная земля, какъ человѣкъ, который живетъ на ней, нуждается въ отдыхѣ и снѣ; море, которое тоже питаетъ немало людей, никогда не устаетъ. И зимой оно проявляетъ даже еще больше дѣятельности, чѣмъ въ душные лѣтніе дни. Покрытое туманомъ, изсѣченное холоднымъ дождемъ, оно шумитъ и сердится и безъ устали гложетъ крутыя туфовыя скалы у маленькаго порта Сорренто. Предполагается, впрочемъ, что зимы здѣсь очень мягки: такъ нужно содержателямъ отелей. Въ комнатѣ съ окнами на югъ и съ паровымъ отопленіемъ, дѣйствительно, даже въ самые скверные дни можно себя чувствовать довольно сносно. Но тотъ, у кого нѣтъ ни пріюта, ни пищи, все-таки съ грустью будетъ вспоминать о лѣтнемъ теплѣ.

Послѣ изгнанія изъ дома Пасквале Неро обосновался въ порту, не изъ какихъ-нибудь особо глубокомысленныхъ соображеній, а только потому, что здѣсь и теперь, въ зимнее время, было шумно и людно. А онъ успѣлъ уже убѣдиться, что въ пустынномъ мѣстѣ, можетъ быть, меньше враговъ, но за то и меньше пищи. И тамъ совсѣмъ невозможны счастливыя случайности, вродѣ потерянной иностранцемъ тартинки или говяжьей кости, выброшенной изъ окна отельной кухни.

Первое время Неро приходилось очень туго. Онъ не успѣлъ еще выработать въ себѣ полезныхъ навыковъ бродяги и, кромѣ того, былъ очень нездоровъ. Его жгла лихорадка, онъ испытывалъ постоянную жажду и стрѣляющія боли во всемъ тѣлѣ, а нога, поврежденная камнемъ карабинера, опухла, почти не сгибалась и лишала собаку обычной подвижности. Еслибы инстинктъ жизни, жизни во

что бы то ни стало, не былъ заложенъ въ немъ такъ глубоко и прочно, онъ, можетъ быть, подумывалъ бы о желанной смерти, особенно въ тѣ дни, когда приходилось устраиваться на ночлегъ съ совсѣмъ пустымъ желудкомъ. Но понемногу лапа поджила, хотя легкая хромота такъ и осталась на всю жизнь, прошла и лихорадка, а желудокъ приспособился къ самой разнообразной пищѣ.

И Неро даже продолжалъ крѣпнуть и развиваться. Глаза стали смотрѣть зорко и проницательно, уши всегда были чутко настороженны, а носъ жадно втягивалъ воздухъ. Но въ общемъ его наружность измѣнилась далеко не къ лучшему и хвостъ онъ чаще пряталъ между ногъ, чѣмъ свертывалъ веселымъ колечкомъ.

Наверху, на вѣнцѣ огромной сѣрой скалы, гдѣ вплотную одинъ къ другому стояли отели, было слишкомъ много карабинеровъ, муниципальной стражи и разнаго другого народу, наблюдавшаго за порядкомъ и чистотой. Тамъ въ каждой бродячей собакѣ видѣли отъявленнаго преступника и туда Неро показывался только по вечерамъ. Дни онъ всегда проводилъ въ порту.

Тамъ пахло отъ рыбачьихъ лодокъ и сѣтей смолой и рыбой, а отъ матросскаго кабачка — прогорклымъ оливковымъ масломъ. И тамъ жилъ и кормился у неугомоннаго моря веселый и добродушный народъ, который привыкъ къ морскому простору, не любилъ ссориться изъ-за мѣстъ и не огорчался, если лишній кусокъ съ его тарелки попадалъ къ тому, кто въ немъ очень нуждался,—все равно, къ нищему или къ собакѣ. Правда, шутки ихъ были слишкомъ грубы. Одинъ разъ они такъ себѣ, отъ нечего дѣлать, чуть не утопили Неро въ помойномъ ведрѣ, но за то потомъ наградили его за испытанныя страданія отличнымъ кускомъ сала. А главное—верхніе господа, наблюдавшіе за порядкомъ, не очень-то любили соваться сюда, къ морю. Здѣсь никто не мѣшалъ грѣться на солнцѣ среди боченковъ или цѣлыми часами сидѣть подъ окномъ кабачка въ ожиданіи подачки.

Въ сытые дни Неро спалъ много и крѣпко и, когда ему грезился Пасквале, жалобно взвизгивалъ во снѣ. Образъ стараго Руффо съ костылемъ въ рукахъ заставлялъ его просыпаться съ сердитымъ ворчаньемъ. Глядя, какъ онъ вздрагиваетъ и визжитъ, не открывая глазъ, два рыбака крупно поспорили по вопросу о томъ, можно ли вообще допустить у собакъ наличность души.

— Ты видишь, она безпокоится и, слѣдовательно, видитъ какой-то сонъ. А развѣ можно видѣть сны, не имѣя души?

— Гдѣ это видано, чтобы у собаки была душа? Это даже противно религіи...

— Вы послушайте! Если онъ зажигаетъ петарды въ день престольнаго праздника, такъ уже и воображаетъ, что смыслитъ что-то въ религіи... Смотри, сейчасъ она оскалила зубы, какъ будто улыбается... Убей меня Богъ, если она не видитъ сейчасъ чего-нибудь вродѣ фаршированной курицы!

— Хорошо, вотъ я спрошу падре Антоніо... Посмотримъ тогда, позволитъ ли онъ тебѣ по прежнему носить фонарь въ пасхальной процессіи...

— Разумѣется, ты всегда работалъ лучше языкомъ, чѣмъ руками... Недаромъ у тебя такія дырявыя сѣти...

— Ты видѣлъ у меня дырявыя сѣти?

Тутъ споръ принялъ такой оборотъ, что Неро проснулся и поспѣшно убѣжалъ. Гнѣвъ проявлялся въ порту такъ же шумно, какъ и веселье. Но веселье теплилось всегда, скрашивая суровый трудъ жизни, а гнѣвъ вспыхивалъ и сгоралъ быстро.

Кромѣ рыбачьихъ судовъ, къ маленькому молу часто приставали также и легкія барки и фелуки, занимавшіяся перевозкой товаровъ по мелкимъ портамъ побережья. Среди матросовъ этихъ барокъ попадалось много жителей Амальфи, благородной республики, промышлявшей когда-то доблестнымъ разбоемъ,—красивыхъ и смѣлыхъ молодцовъ, которые съ перемѣной вѣковъ должны были перемѣнить ящики золота на ящики мандариновъ, а яркій атласъ и бархатъ—на мѣшечный холстъ. Когда не было подходящаго груза или затягивались переговоры съ отправителями, барки и фелуки застаивались подолгу, а матросы проводили время въ кабачкѣ и въ дешевой ночлежкѣ. Жители Амальфи относились свысока къ мѣстнымъ рыбакамъ, а рыбаки звали матросовъ голоштанными герцогами. И такъ какъ тутъ вопросъ шелъ уже о національной чести, то случалось, что дѣло доходило до ножей. При этомъ столы и скамейки перевертывались, пролитое вино производило впечатлѣніе цѣлаго моря крови, а ломти хлѣба и блюда съ кушаньемъ сыпались на полъ. Тутъ уже нужно было только не зѣвать и не подвертываться подъ ноги. Каждая хорошая драка обезпечивала Неро провизіей дня на четыре. Онъ наѣдался такъ, что готовъ былъ лопнуть, а то, чего не могъ одолѣть сразу, припрятывалъ въ укромныя мѣста.

Съ наступленіемъ тепла жить стало легче. Всѣ отели были переполнены, иностранцы поглощали невѣроятныя количества всякой провизіи и кухонныя плиты въ отеляхъ накалялись докрасна. Рогъ изобилія, въ видѣ огромнаго ино-

страннаго кошелька, опрокинулся надъ всѣмъ побережьемъ и за пиршественнымъ столомъ нерѣдко находилось мѣсто и для такого ничтожнаго созданья, какимъ была маленькая бродячая собака. Неро позволялъ себѣ даже нѣкоторую разборчивость, и бывали времена, когда онъ съ отвращеніемъ смотрѣлъ на такую питательную вещь, какъ свѣжія рыбьи кишки, спокойно предоставляя ихъ прожорливымъ чайкамъ.

За зиму онъ окончательно сложился и сдѣлался вполнѣ взрослой собакой. Отъ прежнихъ мальчишескихъ повадокъ ничего не осталось, хотя и теперь, въ благопріятную минуту, Неро не прочь былъ повеселиться. Иногда кто-нибудь изъ рыбаковъ терялъ свой красный вязаный беретъ, а Неро подхватывалъ его въ зубы и носился взадъ и впередъ по берегу. Онъ хорошо различалъ добрыхъ и злыхъ и зналъ, съ кѣмъ можно было пошутить. Напримѣръ, онъ терпѣть не могъ сторожа при казенномъ сараѣ, гдѣ хранились запасные буйки и разныя другія принадлежности мореходства, хотя сторожъ велъ себя очень тихо и скромно. И въ то же время Неро не испытывалъ никакого страха передъ шумными моряками изъ Амальфи. Среди нихъ онъ насчитывалъ даже двухъ или трехъ настоящихъ друзей, которые часто гладили его, почесывали за ушами и дѣлились кускомъ хлѣба. А казенный сторожъ всегда норовилъ исподтишка дать собакѣ хорошаго пинка въ бокъ.

По набережной, отъ мола къ экипажной дорогѣ или къ лифтамъ, соединяющимъ отели съ берегомъ, часто проходили группы иностранцевъ, и нѣкоторые изъ этихъ иностранцевъ, особенно худощавыя пожилыя дамы, вели на цѣпочкахъ или ленточкахъ своихъ болонокъ и левретокъ. И Неро, наблюдая за ними съ какой-нибудь безопасной позиціи, начиналъ теперь испытывать странное двойственное чувство. Прежде всего, конечно, онъ глубоко презиралъ этихъ слишкомъ сытыхъ, слишкомъ чистыхъ и, разумѣется, слишкомъ глупыхъ собаченокъ. Но, съ другой стороны, сердце его сжималось въ какой-то страстной тоскѣ и почти неодолимое желаніе влекло его подойти поближе. Впрочемъ, жизнь уже обучила Неро обуздывать свои желанія. По большей части, онъ ограничивался только тѣмъ, что на почтительномъ разстояніи провожалъ иностранныхъ собакъ до предѣловъ порта.

Страстная тоска однакоже не проходила, она только принимала другія формы, наполняла душу Неро неудовлетворенностью и жаждой чего-то новаго. Маленькій Соррентинскій портъ показался ему слишкомъ тѣснымъ, а жизнь между моломъ и рыбачьей таверной — достаточно скучной. По цѣлымъ часамъ онъ просиживалъ теперь на самомъ

крайнемъ камнѣ мола и неподвижно смотрѣлъ вдаль. Мѣрный шумъ моря и сверканіе солнечныхъ лучей на мелкихъ волнахъ приводили его въ оцѣпенѣлое, лѣнивое состояніе, похожее на сонъ съ открытыми глазами. И въ этомъ снѣ наяву грезилось что-то еще не извѣданное.

Изъ глубинъ моря поднимались острова. Какъ длинное голубое облако, лежала Искія съ отдѣльнымъ оторваннымъ кускомъ—Прочидой. А въ проливахъ между материкомъ и островами съ грузной стремительностью проплывали пароходы, оставляя за собой сѣрую полосу дыма въ голубомъ небѣ и зеленую струю въ голубой водѣ. Съ лѣнивой граціей передвигались паруса торговыхъ и рыбачьихъ судовъ, въ полдень бѣлые, какъ комки снѣга, и ярко-алые на закатѣ.

Тамъ, куда они уходили и откуда приходили, была, должно быть, другая жизнь, другіе кабачки, другіе люди и другія собаки. Неро догадывался объ этомъ, потому что за время его пребыванія въ порту все одни и тѣ же матросы то уплывали на своихъ парусникахъ, скрываясь на горизонтѣ, какъ будто исчезая совсѣмъ, то возвращались изъ этого временнаго небытія. И каждый разъ они приносили съ собой какіе-то новые, еще не знакомые запахи.

По всей вѣроятности, міръ былъ великъ, и Неро, съѣдаемый весенней тоской, не прочь былъ познакомиться съ нимъ пошире. Въ его молодомъ организмѣ накопился избытокъ силъ и, такъ какъ о любви пока еще не приходилось мечтать,—этотъ избытокъ надо было приложить къ чему-нибудь другому.

Неро рѣшилъ отправиться на поиски новаго счастья.

Изъ друзей-моряковъ онъ съ особеннымъ довѣріемъ относился къ одному,—уже пожилому и чѣмъ-то напоминавшему покойнаго Пасквале. У матроса не было такой толстой шеи и пахло отъ него не черноземомъ, а смолой и ворванью, но у него были такія же жесткія, мозолистыя руки съ плохо сгибающимися пальцами, такой же хриповатый голосъ и, главное, такіе же добродушно-упрямые глаза съ мелкой сѣточкой морщинъ вокругъ вѣкъ и съ опущенными косматыми бровями.

Этотъ морякъ, должно быть, тоже считался хозяиномъ, какъ и Пасквале, онъ любилъ покричать и побравиться, и другіе моряки съ того же судна слушались его безпрекословно.

Когда фелука вернулась изъ какого-то длиннаго рейса, Неро встрѣтилъ ее веселымъ лаемъ и прыжками. Подпрыгнулъ такъ высоко, что лизнулъ старшаго моряка какъ разъ

въ колючій подбородокъ, а затѣмъ привѣтствовалъ и всѣхъ остальныхъ, но уже съ большей умѣренностью.

— Вотъ вѣдь какая памятливая собака!—удивился старшій и сейчасъ же полѣзъ въ карманъ, гдѣ у него завалялся кусокъ галеты.

Грузъ былъ сданъ благополучно, деньги за провозъ выплачены полностью. Старшій морякъ пришелъ въ отличное состояніе духа, и Неро получилъ разрѣшеніе явиться съ визитомъ на опустѣвшую фелуку. Онъ бойко перебѣжалъ по перекинутой съ берега къ кормѣ судна доскѣ, еще разъ высказалъ старшему, какъ умѣлъ, свои горячія чувства и вообще велъ себя такъ хорошо и чинно, что какъ-то невзначай оставленъ былъ на фелукѣ даже и ночью. Матросы и хозяинъ—всѣ вдоволь поѣли и выпили. Спали крѣпко.

Ночью бродяга, голодный и безпріютный, не лучше собаки, попытался стянуть съ палубы свертокъ каната. Но неподалеку, на пустыхъ мѣшкахъ, спалъ Неро—и поднялъ тревогу. Канатъ былъ спасенъ, а воръ наказанъ тутъ же на мѣстѣ.

— Положительно, этотъ песъ считаетъ меня своимъ хозяиномъ!—сказалъ старшій.—Онъ даже бережетъ мое добро. Придется, пожалуй, подарить ему ошейникъ!

До ошейника, впрочемъ, дѣло не дошло, такъ какъ для его покупки пришлось бы подниматься наверхъ, гдѣ были магазины, продававшіе иностранцамъ разныя ненужныя вещи, а морякъ уже принималъ грузъ для новаго рейса и весь день былъ занятъ по горло. За то въ этотъ день Неро не нужно было шнырять по всѣмъ закоулкамъ порта въ поискахъ костей и корокъ: онъ получилъ свой обѣдъ, вкусный и обильный, по-настоящему, въ большой глиняной чашкѣ съ чуть-чуть отбитымъ краемъ. Это значило, что онъ офиціально принятъ въ составъ экипажа.

Грузили молотую кукурузу и древесный уголь для Капри. Къ вечеру погода испортилась. Искія совсѣмъ пропала изъ виду, морская вода приняла грязный сѣрый оттѣнокъ, но грузъ былъ срочный, и старшій объявилъ своимъ матросамъ, что они отправятся завтра на разсвѣтѣ.

Эту ночь Неро, конечно, тоже провелъ на фелукѣ. Ночь была безпокойная и спалъ онъ плохо, хотя у мачты, за грудой мѣшковъ съ кукурузой, нашлось очень уютное мѣсто. Судно раскачивалось и скрипѣло, вѣтеръ свистѣлъ въ какихъ-то веревкахъ, которыя болтались и замахивались, какъ будто угрожали ударомъ. Тамъ, на берегу, пожалуй, было лучше, но собственная чашка для обѣда имѣетъ въ жизни очень большое значеніе и ради этой чашки можно кое-чѣмъ

поступиться. И вѣдь теперь стоило только хорошенько слушаться новаго хозяина, чтобы чувствовать себя избавленнымъ отъ незаслуженныхъ пинковъ и отъ утомительныхъ заботъ о завтрашнемъ днѣ.

И все-таки сытый и имѣющій собственный уголъ Неро не испытывалъ никакого особеннаго удовлетворенія. Должно быть, его мятущійся духъ ждалъ чего-то другого.

Послѣ безпокойной ночи, едва начало свѣтать, новый хозяинъ разбудилъ своихъ матросовъ. Они встали заспанные и злые, ворчали на погоду и кто-то сказалъ даже, что въ такую бурю ни одинъ добрый христіанинъ не выходитъ въ море, чтобы не соблазнять дьявола слишкомъ легкой добычей.

Неро съ трудомъ бродилъ по шаткой палубѣ, поджавъ хвостъ и опустивъ уши. Когда стали убирать доску, соединявшую судно съ берегомъ, онъ вдругъ почувствовалъ острое желаніе вернуться назадъ и подбѣжалъ къ борту, но было уже поздно. Между нимъ и берегомъ шумѣла полоса мутныхъ, пѣнистыхъ волнъ, которая все расширялась. И такимъ привлекательнымъ показалось теперь все надоѣвшее,—и кабачокъ, и казенный сарай, и каменная грядка мола. Пожалуй, Неро согласился бы уже отказаться сейчасъ отъ собственной чашки и питаться одними рыбьими кишками, только чтобы вернуться на берегъ. Его пугало, что судно шатается все сильнѣе, а берегъ уходитъ дальше и дальше. Онъ терпѣть не могъ соленой воды. Онъ разставилъ лапы, чтобы удержаться на скользкихъ мокрыхъ доскахъ, и жалобно взвылъ.

Тотъ самый матросъ, который говорилъ на счетъ добраго христіанина посмотрѣлъ недружелюбно на испуганную собаку и пробормоталъ себѣ подъ носъ:

— Плохая примѣта... И счастье наше, если дѣло не кончится покойникомъ...

Этого мрачнаго замѣчанія никто не слышалъ. Всѣ были заняты своимъ дѣломъ: тянули снасти, закрѣпляли паруса. Старшій морякъ стоялъ у руля и ругался такъ громко, какъ будто у него во рту помѣщалась небольшая скорострѣльная пушка. Все качалось, все шевелилось. Разные предметы вродѣ пустого боченка или куля съ углемъ, которые Неро привыкъ считать на берегу безусловно неживыми, здѣсь вдругъ пріобрѣли способность передвигаться съ мѣста на мѣсто, и не было ни одного маленькаго кусочка, на которомъ можно было бы отдохнуть отъ этой безтолковой пляски. Волна поднялась надъ бортомъ, перекинулась и сшибла Неро съ ногъ. Въ головѣ у него мутилось. Онъ кое-какъ поднялся и сползъ съ палубы внизъ.

Судно было хорошее, выдержало уже не одну бурю, но второпяхъ его нагрузили не совсѣмъ правильно и это теперь сильно затрудняло ходъ. Вѣтеръ дулъ съ сѣверо-запада и былъ почти попутный. Онъ дулъ порывисто и смѣнялся моментами затишья, когда мокрые паруса безсильно обвисали и хлопали, а волны обгоняли фелуку и такъ ударяли въ корму, что она скрипѣла по всѣмъ швамъ.

— Къ Марина Гранде не пристать!—сказалъ старшему одинъ изъ матросовъ.—Тамъ насъ сейчасъ же разобьетъ, какъ тухлое яйцо.

— Знаю и безъ тебя! Обойдемъ вокругъ западнаго мыса За островомъ будетъ совсѣмъ тихо. Это всего двѣ мили лишнихъ.

— А еслибы мы подождали до завтра...

— Такъ ты оставилъ бы въ кабакѣ весь свой заработокъ и все-таки погода была бы еще хуже!

Часа чезъ полтора фелука уже настолько приблизилась къ острову, что сдѣлалась хорошо видна густая и высокая полоса бѣлаго прибоя, а также кучка рыбаковъ на набережной Марина Гранде. Рыбаки изъ-за погоды не могли выѣхать на промыселъ и, отъ нечего дѣлать, смотрѣли на море Они видѣли, какъ фелука перемѣнила курсъ круче на юго западъ, такъ что должна была пойти прямо по вѣтру, и какъ верхній парусъ, не выдержавъ внезапнаго порыва, разорвался въ клочья. Судно сильно зарывалось носомъ.

— Это Луиджи изъ Амальфи!—сказалъ высокій, бѣлобородый рыбакъ Спадаро, тотъ самый, котораго вотъ уже лѣтъ двадцать рисуютъ художники во всѣхъ видахъ и положеніяхъ:—Я не видалъ другого такого же упрямаго и жаднаго человѣка!

VI.

Старшаго на фелукѣ и въ самомъ дѣлѣ звали Луиджи изъ Амальфи, и онъ, дѣйствительно, былъ довольно упрямъ и любилъ деньги, но, кромѣ того, еще двадцать поколѣній его предковъ,—немногимъ меньше, чѣмъ ихъ было у маркиза Джусти,—двадцать поколѣній родились и умерли моряками. Стало быть, Луиджи имѣлъ нѣкоторое право считать себя хозяиномъ моря и заставлять его подчиняться своей волѣ.

На этотъ разъ, однако, море пересилило.

Ничѣмъ не закрѣпленные большіе кули съ углемъ и мѣшки съ кукурузой отъ качки навалились на одинъ бортъ, и фелука дала сильный кренъ. Почти всѣ уцѣлѣвшіе паруса пришлось убрать, потому что они, все равно, въ концѣ концовъ не выдержали бы порывовъ бури или, еще хуже

могли перевернуть судно. А волна за волной била по кормѣ, какъ молотъ по наковальнѣ. Наковальня была слишкомъ слаба, а молотомъ управляла, должно быть, могучая рука гнѣвнаго бога бури. Вѣрившій въ примѣты матросъ теперь уже говорилъ громко, не смущаясь грозными взглядами хозяина:

— Вотъ что значитъ не слушать добрыхъ людей, да еще брать съ собой черную собаку...

А Неро изнывалъ въ трюмѣ, катался въ припадкахъ морской болѣзни и тщетно искалъ сухого мѣста, потому что соленая вода обильно просачивалась повсюду сквозь расшатанную обшивку. Нѣтъ, ужь пусть лучше голодъ и побои, и казенный сторожъ, и муниципальная стража, но только чтобы была твердая земля подъ ногами.

Наверхъ Неро не рисковалъ показать даже кончикъ носа. И вмѣсто манящей весенней тоски теперь овладѣлъ имъ жестокій смертельный страхъ. Еслибы сейчасъ ему поставили подъ носъ собственную чашку съ обѣдомъ,—онъ все равно не могъ бы проглотить ни кусочка.

Хозяинъ стоялъ у руля, упрямо сжавъ челюсти. За свою жизнь онъ избороздилъ вдоль и поперекъ все Средиземное море, заглядывалъ даже въ Смирну и въ Галлиполи,—и не хотѣлъ повѣрить, что опасность грозитъ ему на этомъ ничтожномъ переходѣ, который въ хорошую погоду легко продѣлываютъ дѣти, управляя легкимъ рыбачьимъ челнокомъ. Опасность заглядывала ему въ глаза, а онъ упорно отворачивался, и въ этомъ упорствѣ было больше гордости стараго республиканца - разбойника, чѣмъ трезваго разсчета каботажнаго шкипера.

Нужно было выдержать еще не больше получаса—и фелука войдетъ въ спокойную воду. Высокій хребетъ Капри сдерживаетъ сѣверную бурю лучше всякаго волнолома, и въ то время, какъ у Марина Гранде море кипитъ и бѣсится, — въ Марина Пикколa, на южномъ берегу, только легкая рябь покрываетъ затонувшіе фундаменты римскихъ построекъ. Но, кромѣ вѣтра, судну приходилось теперь бороться еще и съ теченіемъ. И, такъ какъ эти двѣ силы спорили одна съ другою, — волны плясали безтолково, не зная, кому подчиниться, обрушивались тамъ, гдѣ ихъ совсѣмъ нельзя было ожидать, и бросали старшему прямо въ лицо свои соленые плевки.

Накренившаяся фелука уже нѣсколько разъ подрядъ черпнула бортомъ и осѣла еще глубже. Въ трюмѣ нельзя было больше удержаться, и Неро, весь мокрый и облипшій, вылѣзъ на раскисшую груду кукурузныхъ мѣшковъ. Въ своемъ теперешнемъ видѣ онъ, дѣйствительно, немножко

похожъ былъ на третьесортнаго посланника его величества дьявола.

Суевѣрный матросъ началъ читать покаянный псаломъ. Луиджи погрозилъ ему кулакомъ.

— На мѣсто, скотина! Не отбивай хлѣбъ у поповъ...

Опасность, наконецъ, заставила его посмотрѣть ей прямо въ глаза, и, такъ какъ дѣло было проиграно, разбойничій духъ Луиджи предпочиталъ богохульствовать, а не молиться. Если Богъ не хотѣлъ помочь, такъ и не за что было ставить Ему свѣчку.

Почувствовавъ себя побѣжденнымъ, Луиджи сдался, но не безъ боя, и постарался сохранить то, что могъ,—жизнь свою и своихъ матросовъ. Конечно, еслибы возможно было спасти фелуку, пожертвовавъ матросами, онъ не задумался бы на счетъ выбора, но онъ зналъ хорошо, что въ стремнинѣ у самой западной оконечности мыса расшатанное полузатопленное судно ни въ какомъ случаѣ не выдержитъ—и пойдетъ ко дну.

Неро умиралъ отъ морской болѣзни и отъ страха, суевѣрный матросъ продолжалъ молиться. Остальные крѣпили обрывки парусовъ и выбрасывали за бортъ грузъ, чтобы хотя немного облегчить судно. Старый выругался крѣпко, длинно и такъ нехорошо, что даже затянутое тучами небо какъ будто потемнѣло еще сильнѣе. Потомъ онъ приказалъ переставить паруса и направилъ фелуку прямо къ берегу.

Лазурный островъ, на которомъ когда-то старый цезарь пытался создать земной рай, загородился отъ міра обрывистыми берегами, доступными всего только въ четырехъ или пяти мѣстахъ. Матросы видѣли передъ собой непрерывную полосу яростнаго прибоя и подумали, что хозяинъ сошелъ съ ума. Но хозяинъ лучше ихъ зналъ и море и берега. Онъ направилъ фелуку въ крошечную бухточку правѣе лазурнаго грота, отъ которой скалы поднимались сравнительно отлого, кончаясь въ водѣ чуть замѣтной песчаной отмелью. На эту отмель выбросилось судно и треснуло пополамъ.

— Готово! — сказалъ Луиджи. — Убирайтесь вонъ всѣ и лѣзьте поскорѣе наверхъ... Черезъ полчаса тутъ не останется и щепки!

И, когда матросы уже карабкались по скаламъ, стараясь уйти поскорѣе отъ своей могилы, старшій спряталъ въ карманъ всѣ судовые документы, поцѣловалъ прибитое къ мачтѣ мѣдное Распятіе и, выждавъ моментъ, когда волна прибоя откатилась назадъ, тоже прыгнулъ на берегъ. На камняхъ, куда уже не достигали волны, онъ оглянулся, чтобы еще разъ увидѣть свою погибшую фелуку. Прибой

грызъ ее, разрывалъ на куски, жадно глатолъ по частямъ. Изъ разорванныхъ мѣшковъ сыпался уголь, и загрязненная имъ вода была похожа на помои. Это былъ конецъ безславный и нелѣпый, и, не смотря на всю любовь къ деньгамъ, старшій морякъ думалъ теперь не о своихъ убыткахъ, а о своей потерянной морской чести.

Зрѣлище жалкой смерти было слишкомъ отвратительно. Луиджи хотѣлъ уже отвернуться отъ моря и карабкаться наверхъ вслѣдъ за матросами, когда замѣтилъ на полуразрушенномъ спардекѣ что-то маленькое, черное и какъ будто шевелившееся.

— Найденышъ остался! Ну, чертъ возьми... Если я принялъ его на бортъ, такъ я долженъ и доставить его на берегъ.

И Луиджи вернулся, хотя имѣлъ больше шансовъ потерять собственную жизнь, чѣмъ спасти собачью. Должно быть, въ этотъ моментъ онъ и не дорожилъ особенно жизнью и потому, не смотря на свои богохульства, остался цѣлъ и невредимъ: дьяволъ не захотѣлъ воспользоваться дешевымъ подаркомъ. Вскарабкавшись на палубу, Луиджи схватилъ Неро, но на обратномъ пути попалъ подъ волну, которая выкинула его на берегъ гораздо быстрѣе, чѣмъ онъ хотѣлъ бы. Нѣсколько мгновеній они оба—человѣкъ и собака—лежали рядомъ, оглушенные и разбитые. Человѣкъ оправился первый и перетащилъ собаку въ безопасное мѣсто. Неро не могъ двигаться самостоятельно и былъ едва живъ. Его сводило конвульсіями, потомъ вырвало водой и желчью, и тогда ему стало легче. Онъ приподнялъ голову и лизнулъ руку своего спасителя.

— Ну, дѣло наладится... Идемъ!

Такъ Луиджи и явился на пьяццу городка Капри, гдѣ огромная толпа уже окружила его матросовъ: весь мокрый, босой, безъ шапки и съ собакой въ рукахъ. Его угостили виномъ, а по пути уже и собакѣ дали теплаго супу, который окончательно воскресилъ Неро.

— Не хочетъ ли кто-нибудь взять этого пса?—спросилъ тогда Луиджи, вмѣсто того, чтобы излагать подробности происшествія.—Я только что спасъ его, но совсѣмъ не хочу держать у себя. Вѣдь возможно все-таки, что именно онъ навлекъ на насъ несчастье!

Зрители молча переглянулись. Нѣтъ, никто не хотѣлъ получить во владѣніе собаку, которая можетъ принести несчастье. Еслибы еще у нея былъ болѣе приличный видъ,— а то вѣдь это просто уродъ, лохматый, хромой и съ наполовину оторваннымъ ухомъ.

— Это очень умный песъ! — настаивалъ Луиджи. — И

прекрасный сторожъ! Недавно онъ накрылъ бродягу, который хотѣлъ утащить у насъ свертокъ каната.

Тутъ выступилъ впередъ очень изящный молодой человѣкъ,—управляющій нѣмецкаго отеля.

— Вы, конечно, отдаете собаку даромъ? Пожалуй, я согласенъ ее взять. Можетъ быть, она представитъ интересъ для путешественниковъ!

— Берите!

Такимъ образомъ Неро перемѣнилъ хозяина. Онъ пошелъ за изящнымъ молодымъ человѣкомъ безъ всякаго сопротивленія, потому что даже послѣ супа чувствовалъ себя очень неважно,—и не думалъ, чтобы впереди могло быть хуже того, что онъ уже пережилъ сегодня. Онъ навсегда получилъ отвращеніе къ морю, къ путешествіямъ и къ разнымъ несбыточнымъ стремленіямъ.

Онъ брелъ, опустивъ голову и тупо глядя на лакированныя пятки управляющаго. Ни новые люди, ни улицы полныя новыхъ запаховъ,—ничто его не занимало сейчасъ. Ему хотѣлось залечь куда-нибудь въ теплый, сухой уголъ и спать, спать безъ просыпу.

И онъ спалъ, но не такъ долго, какъ надѣялся.

За вечернимъ обѣденнымъ табльдотомъ его вызвали въ столовую, гдѣ доканчивавшіе дессертъ туристы, жильцы отеля, подвергли его подробному осмотру. А управляющій, который очень заботился, чтобы его кліенты никогда не скучали, объяснялъ во всеуслышаніе:

— Вотъ, господа, собака, спасенная во время сегодняшняго кораблекрушенія! Это именно та самая собака: она даже еще не совсѣмъ просохла.

— А-охъ!—хоромъ удивлялись туристы. — Это замѣчательно.

Старая дѣва спросила, поднимая лорнетъ къ глазамъ:

— Пудель или болонка?

— Нѣтъ, это простая мужицкая собака! — опредѣлилъ лейтенантъ запаса. — Но все-таки это очень интересно. Замѣчательно!

— Умѣетъ она служить?

— А ѣстъ она сахаръ?

— Страдала ли она морской болѣзнью?

— По ея виду замѣтно, что она пережила большія непріятности... Посмотрите, у нея соль на шерсти! И она, правда, до сихъ поръ еще мокрая. Замѣчательно! Колоссально!

Неро совсѣмъ не привыкъ къ благоустроеннымъ столовымъ и не зналъ, къ чему его обязываютъ приличія. Въ рыбачьихъ тавернахъ съ грубымъ каменнымъ поломъ доз-

волялось многое. Невинный въ своемъ невѣдѣніи, Неро тщательно обнюхалъ ножку стола и повелъ себя такъ, что старая дѣва уронила лорнетъ и поспѣшно отвернулась. За то лейтенантъ запаса пришелъ въ восхищеніе.

— Изумительно! Что за непосредственная собака!

Въ общемъ обѣдъ закончился очень весело. Никто не успѣлъ пожаловаться на слишкомъ костлявую рыбу или на кислое вино, и управляющій былъ очень доволенъ своимъ новымъ пріобрѣтеніемъ. Онъ долго жилъ въ Германіи, въ качествѣ кельнера, привыкъ къ общенію съ иностранцами, а потому былъ свободенъ отъ суевѣрій и смотрѣлъ на жизнь трезво.

Установился новый періодъ жизни Неро. Ему удѣлили уголъ въ чуланѣ и чашку для объѣдковъ. И, возстанавливая запасъ силъ, растраченныхъ во время катастрофы, онъ не стремился пока ни къ чему другому. Даже неохотно выходилъ со двора на улицу, опасаясь, какъ бы желѣзныя рѣшетчатыя ворота не захлопнулись во время его отсутствія и не оставили его опять безъ пріюта и пищи. Впрочемъ, сидя даже у самыхъ воротъ, онъ могъ видѣть направо и налѣво довольно широкую улицу съ магазинами, отелями и электрическимъ освѣщеніемъ, которая поражала своей чистотой и тишиной послѣ шумной и грязной жизни порта. На подоконникахъ и балконахъ нѣжились кошки. Всѣ собаки бѣгали въ ошейникахъ. Маленькіе, тощіе ослы таскали куда-то на своихъ спинахъ рыхлыхъ иностранцевъ. Въ общемъ это было самое подходящее мѣсто для отдыха.

Когда въ отель являлась съ утренняго парохода новая порція туристовъ, управляющій, прежде всего, разсказывалъ имъ, что это—отель самый старинный, самый солидный и притомъ же съ самыми умѣренными цѣнами. Конечно, онъ не отказываетъ въ пріемѣ англичанамъ, русскимъ и другимъ національностямъ, но все-таки онъ построенъ для нѣмцевъ, поддерживается нѣмцами, украшается нѣмцами. Управляющій показывалъ столовую, сплошь покрытую масляными фресками, гдѣ отдыхавшіе зимой художники изобразили нѣмецкое Рождество, нѣмецкихъ нимфъ и нѣмецкую Сирену. Потомъ приводилъ туристовъ въ одинъ изъ номеровъ, половину стѣны котораго занимала нарисованная на штукатуркѣ углемъ и сангвиной огромная голова Бисмарка съ трубкой.

— Работа художника Аллерса, который, какъ вамъ извѣстно, считается лучшимъ изобразителемъ нашего великаго желѣзнаго канцлера.

Потомъ въ саду туристы смотрѣли пальму,—самую старую и самую высокую. И тутъ же показывался Неро,

по уважительнымъ причинамъ лишенный теперь права входа въ столовую.

— Вотъ замѣчательная собака, которую ея хозяинъ спасъ во время недавняго кораблекрушенія! Когда мы ее взяли, она была еще мокрая. Ужасное кораблекрушеніе! Судно было разбито на мелкія части.

— Всѣ люди погибли?

— Всѣ поголовно! Осталась только эта собака.

— А какъ же вы говорите, что хозяинъ...

— Ну, да! Онъ сначала спасъ ее, а затѣмъ тоже утонулъ.

— Заморская?—спрашивалъ какой-нибудь тайный совѣтникъ, внимательно разглядывая Неро.

— Нѣтъ, я думаю. Скорѣе всего—мѣстная. Надо полагать—итальянская!

— Ага! Потому-то она такой скверной породы. Но это замѣчательно. Я не зналъ, что собаки тоже участвуютъ въ кораблекрушеніяхъ.

Потомъ Неро выводили на хорошо освѣщенную солнцемъ площадку, такъ, чтобы на заднемъ планѣ получилась пальма, и нѣсколько кодаковъ разомъ мигали своими круглыми зоркими глазами. Тотъ, кто не хотѣлъ самъ заниматься фотографіей, могъ купить открытку съ изображеніемъ Неро въ конторѣ отеля.

Итакъ, Неро былъ знаменитъ, даже не подозрѣвая, что его искалѣченнымъ ухомъ и свернутымъ въ колечко хвостомъ любуются гдѣ-нибудь въ Кенигсбергѣ или въ Мангеймѣ. Впрочемъ, онъ не испытывалъ на себѣ самомъ никакихъ особыхъ проявленій этой широкой славы. Управляющій относился къ нему только какъ къ одному изъ предметовъ обстановки, полезныхъ въ отельномъ обиходѣ, и заботился о немъ, во всякомъ случаѣ, меньше, чѣмъ о драгоцѣнномъ портретѣ Бисмарка. Ни разу онъ не приласкалъ его и не погладилъ, и даже не потрудился придумать ему какую-нибудь кличку, а звалъ его просто „собакой". Отельная прислуга была занята съ утра до ночи и ей просто некогда было обращать вниманіе на какого-то тамъ приблуднаго пса, если только онъ не вертѣлся подъ ногами и не мѣшалъ. Поваръ, злобный и мрачный сициліанецъ, кормилъ Неро объѣдками и потому долженъ бы былъ внушить собакѣ нѣкоторую привязанность, но и тутъ Неро могъ убѣдиться, что кость, брошенная съ ласковымъ словомъ, кажется вкуснѣе, чѣмъ цѣлая миска похлебки, сунутая съ презрительной бранью. У повара было два помощника. Эти молодые господа иногда развлекались, засовывая въ ротъ собакѣ горячіе, какъ огонь, каштаны, или мазали ей носъ крѣпкой горчицей.

И Неро, ничуть не заинтересованный въ своей славѣ, совсѣмъ не чувствовалъ себя счастливымъ. Тамъ, у моря, люди были лучше. Они тоже иногда давали пинки или скверно шутили, но за то не считали свою ласку чѣмъ-то такимъ, что нужно было заслужить особеннымъ подвигомъ. А когда они смѣялись и веселились, такъ любили, чтобы все окружающее принимало самое оживленное участіе въ ихъ весельѣ. Здѣсь, въ отелѣ, люди думали иначе.

Разъ въ недѣлю, для развлеченія иностранцевъ, управляющій устраивалъ танцовальный вечеръ. Вечеръ начинался съ выступленія наемныхъ танцоровъ, которые исполняли тарантеллу въ національныхъ костюмахъ, подъ аккомпаниментъ бубна, а иностранцы чинно сидѣли у стѣнъ и смотрѣли. Лакей разносилъ лимонадъ со льдомъ и дешевую марсалу въ маленькихъ стаканчикахъ.

— Замѣчательно!—говорили туристы, когда кончалась тарантелла.—Немножко однообразная музыка, но въ общемъ очень интересно. Они—настоящіе?

— Самые настоящіе!—успокаивалъ управляющій.—Я могу вамъ дать полную гарантію.

Послѣ тарантеллы за піанино садился таперъ и игралъ вальсъ. Управляющій дѣлалъ невѣроятно счастливое лицо и хлопалъ въ ладоши.

— Будемъ веселиться, господа!

Два или три туриста, изъ очень молодыхъ и легкомысленныхъ, приглашали дамъ и степенно кружились. Остальные сидѣли, какъ приклеенные, и мрачно пили холодный лимонадъ, отъ котораго дѣлались у нихъ судороги въ желудкѣ.

— Будемте же веселиться, господа!—настаивалъ управляющій и, какъ послѣдній рессурсъ, пускалъ въ ходъ отельныхъ горничныхъ. Горничныя были хорошенькія и вальсировали куда лучше тяжеловѣсныхъ нѣмокъ. Молодые люди начинали отдавать имъ явное предпочтеніе, дамы сначала просто обижались, а затѣмъ дѣлали надъ собою героическое усиліе и тоже пускались въ плясъ. Тутъ уже доходило до того, что кавалеровъ не хватало,—мужчины, преимущественно, страдали подагрой,—и тайная совѣтница кружилась съ гувернанткой профессора.

Управляющій восхищенно подпрыгивалъ и обливался потомъ.

Изъ большой комнаты, гдѣ происходило это семейное торжество, широкая дверь выходила въ садъ,—и, конечно, никогда не затворялась, чтобы освѣжить воздухъ. И однажды Неро, привлеченный шумомъ и музыкой, явился въ качествѣ зрителя. Сначала онъ скромно сидѣлъ у порога и таращилъ

глаза, недоумѣвая, почему это управляющій такъ много кричитъ и хохочетъ, а какой-то рыжій человѣкъ съ большими усами вертитъ на одномъ мѣстѣ горничную изъ верхняго коридора. Потомъ рыжій тоже началъ хохотать, и хохотала еще какая-то толстая женщина въ лиловомъ платьѣ, и тогда, наконецъ, Неро понялъ, что это — веселье.

Развѣвающаяся юбка горничной задѣла Неро по носу, длинныя ноги рыжаго продѣлывали передъ самыми его глазами какія-то диковинныя фигуры. Все это было слишкомъ соблазнительно. Неро туго закрутилъ хвостъ, стремительно вылетѣлъ на самую середину комнаты и оглушительно залаялъ. Затѣмъ онъ вцѣпился въ оборку горничной, описалъ вмѣстѣ съ нею широкій кругъ въ воздухѣ, оторвался и, очень довольный, покатился подъ ноги тайной совѣтницѣ. И управляющій не успѣлъ мигнуть, какъ тайная совѣтница уже лежала на полу, а вмѣсто благопристойнаго семейнаго вальса поднялось общее смятеніе. Рыжій господинъ съ длинными ногами лѣзъ на столъ и отчаянно кричалъ:

— Помогите, она взбѣсилась!

Мужъ тайной совѣтницы внимательно посмотрѣлъ на управляющаго.

По-настоящему, тутъ-то и должно было начаться настоящее веселье, всегда требующее большого шума, возни и безпорядка, но управляющій, подъ вліяніемъ уничтожающаго взгляда тайнаго совѣтника, повернулъ дѣло совсѣмъ иначе.

— Боже мой, какое несчастье!

Тайную совѣтницу бережно подняли и соединенными усиліями всей мужской половины общества перемѣстили на диванъ. Гувернантка дала ей понюхать нашатырнаго спирта, а управляющій тѣмъ временемъ занялся изгнаніемъ виновника несчастья. И Неро вылетѣлъ изъ комнаты въ садъ еще быстрѣе, чѣмъ появился. Огорченный и обиженный, онъ спрятался въ самомъ дальнемъ уголкѣ, за колючими кактусами, и просидѣлъ тамъ до полуночи, когда музыка затихла и танцы кончились.

VII.

Короли и народы, по мѣрѣ силъ и возможностей, дѣлаютъ исторію, ученые приводятъ ее въ порядокъ, а учителя преподаютъ въ школахъ. И только то, что попало въ школьный учебникъ, получаетъ патентъ на безсмертіе. Пройдутъ еще многія сотни лѣтъ, но Ѳермопильскій бой, римскій укрѣпленный лагерь, повозка Карла Великаго, объединеніе Германской имперіи ничего не утратятъ въ своемъ историческомъ значеніи. И управляющій отелемъ сможетъ

еще многіе годы показывать туристамъ нарисованную на штукатуркѣ голову Бисмарка, не опасаясь, что этотъ историческій символъ уже слишкомъ поблѣднѣлъ въ представленіяхъ зрителей.

Не плохо обстояло дѣло и съ пальмой,—самой старой и самой высокой на всемъ островѣ. Она даже не нуждалась въ помощи учебниковъ, потому что совершенно автоматически, въ силу одного только роста и старости, должна была пріобрѣтать съ каждымъ годомъ все большую извѣстность. Лишь бы только она не высохла. Но слава бѣднаго Неро держалась совсѣмъ не на такомъ прочномъ фундаментѣ. Конечно, тутъ не имѣло никакого значенія то обстоятельство, что управляющій, при своемъ изложеніи факта, вносилъ въ дѣйствительность нѣкоторыя поправки: настоящая исторія становится только еще доброкачественнѣе отъ разныхъ поддѣлокъ и украшеній. Вся суть въ томъ, что исторія Неро была именно не настоящая исторія. Ее никто не потрудился занести на пергаментную хартію. И она была хороша только до тѣхъ поръ, пока имѣла прелесть новизны.

Весна давно миновала, приближался іюль съ тропическими жарами и удушливымъ сирокко. Англичане и другіе путешественники, строго придерживающіеся сезоновъ, перекочевали далеко на сѣверъ, любовались теперь фіордами Норвегіи и даже ледниками Шпицбергена. Всѣ мѣстные отели и пансіоны скинули со своихъ цѣнъ пару-другую лиръ. У продавщицъ коралловъ и у проводниковъ былъ полный застой въ дѣлахъ. Утренній пароходъ ни разу не подходилъ къ острову пустымъ, но онъ привозилъ теперь только туристовъ второго сорта, — почти исключительно нѣмцевъ. Это народъ разсчетливый и терпѣливый, ради экономіи отлично мирящійся съ жарой и пылью. Управляющій отеля тоже слегка понизилъ цѣны, соотвѣтственно ухудшивъ столъ, но въ общемъ и теперь, въ мертвое время, его дѣла шли совсѣмъ не плохо.

Туристы пріѣзжали, осматривали достопримѣчательности и, договорившись относительно скидки, оставались недѣли на двѣ и даже больше. На портретъ Бисмарка они смотрѣли съ еще большимъ уваженіемъ, чѣмъ весенніе тайные совѣтники. Пивовары, отставные ландраты и ушедшіе на покой содержатели ссудныхъ кассъ вообще отличаются особой преданностью отечеству.

Къ пальмѣ они относились съ полнымъ одобреніемъ, хотя и жалѣли, что она не приноситъ финиковъ. Затѣмъ, въ подходящій моментъ, управляющій начиналъ:

— А вотъ, господа, замѣчательная собака, спасенная ея хозяиномъ во время ужаснаго кораблекрушенія...

Воображеніе ландратовъ и пивоваровъ работаетъ туго.

— Настоящее кораблекрушеніе?

— Да, да, ужасное! Судно было разбито въ мелкія щепки. И собака, когда мы ее взяли...

— А давно это случилось?

— Въ началѣ нынѣшней весны, неподалеку отъ того мыса, который...

— Ага... Завтракъ у васъ полагается въ половинѣ перваго?

Управляющій незамѣтно давалъ собакѣ хорошаго пинка въ бокъ. Если она представляетъ теперь такъ мало интереса, такъ нечего тутъ и вертѣться подъ ногами. Впрочемъ, теперь случалось нерѣдко, что въ нужный моментъ собаки просто не оказывалось дома, потому что Неро надоѣло быть упорнымъ домосѣдомъ. Ему было скучно, смертельно скучно, Отельная жизнь тянулась изо дня въ день безъ всякаго разнообразія, если не считать злостныхъ продѣлокъ помощниковъ повара. И, такъ какъ рѣшетчатыя желѣзныя ворота запирались только поздно вечеромъ, Неро спокойно уходилъ со двора, съ каждымъ разомъ все удлинняя свои прогулки. Онъ хорошо изучилъ маленькую пьяццу, висѣвшую, какъ полочка этажерки, высоко надъ виноградниками и моремъ,— и подолгу смотрѣлъ самъ, какъ отъ Марина Гранде къ этой пьяццѣ поднимаются скрипучіе вагончики канатной дороги. Затѣмъ онъ побывалъ на Пунта Трагара, гдѣ молодые люди, познакомившіеся во время путешествія, объясняются въ любви, а ихъ родители пьютъ марсалу, укрываясь подъ полотняной кровлей. Бѣгалъ и по дорогѣ въ Анакапри, заглядывая во всѣ попутные дворы, гдѣ ссорился съ кошками и, по старой привычкѣ, воровалъ обглоданныя кости. Съ этой дороги, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она, извиваясь подходила къ старинной лѣстницѣ, вырубленной въ скалѣ, виденъ былъ почти весь островъ,—такой маленькій среди необъятнаго моря, что его можно было принять за ставшій на якорь корабль. Но палуба этого корабля не качалась и не убѣгала изъ-подъ ногъ даже въ самую жестокую бурю, и на ней все-таки помѣстились цѣлыхъ два городка и двѣ портовыхъ деревушки со всѣми своими колокольнями, площадями, улицами и садами. И Неро совсѣмъ не находилъ теперь, что здѣсь было слишкомъ уже тѣсно,—а просторъ моря положительно вызывалъ въ немъ отвращеніе. Нѣтъ, достаточно и одной неудавшейся попытки. Отъ морскихъ путешествій Неро отказался навсегда, а доступная для изслѣдованій твердая земля была вся тутъ, передъ глазами. Тѣмъ лучше: по крайней мѣрѣ, нѣтъ никакого соблазна.

Однажды ночью началъ дуть сирокко. Надъ моремъ, съ

южной стороны, нависла странная, полупрозрачная мгла, непохожая на обычный влажный туманъ. И, когда взошло солнце, имѣвшее въ этотъ день тусклый и болѣзненный видъ—мгла не разсѣялась. Она только пожелтѣла и какъ будто поднялась еще выше. Эта мгла посылала на островъ знойные, сухіе вздохи,—дыханіе раскаленной Африки,—и цвѣты, не смотря на усиленную утреннюю поливку, завяли, ослы орали безъ перерыва, а кошки попрятались по заброшеннымъ цистернамъ, гдѣ все-таки было немножко прохладнѣе. Даже ящерицы, повидимому, чувствовали себя неважно, неподвижно лежали на камняхъ, открывъ рты, и не пугались, когда на нихъ падала тѣнь проходившаго мимо человѣка.

Туристы проснулись съ головной болью и съ тоской на душѣ, которую они не знали чѣмъ объяснить, такъ какъ не имѣли представленія о всѣхъ зловредныхъ свойствахъ африканскаго вѣтра. Всѣ они рѣшили единогласно, что море сегодня недостаточно синее, что на островѣ слишкомъ мало зелени, что у себя дома можно проводить свободное время нисколько не хуже и что южная Италія обязана своей славой только отельной рекламѣ и Бедекеру. Одинъ совсѣмъ уже налаженный бракъ внезапно разстроился, а у одного ландрата сдѣлался припадокъ грудной жабы.

Прибывшая съ утреннимъ пароходомъ новая партія нисколько не улучшила общаго настроенія. Пріѣзжіе только что отдали дань морской болѣзни и, по причинѣ волновавшей море широкой зыби, не посѣтили Лазурнаго грота. На островѣ невидимая воздушная пыль забиралась къ нимъ въ горло, а знойный вѣтеръ вызывалъ на тѣлѣ обильную испарину, которая сейчасъ же высыхала, смѣняясь непріятнымъ зудомъ и общимъ раздраженіемъ.

Портретъ Бисмарка? Да, ничего себѣ. Только напрасно художнику вздумалось воспользоваться для портрета стѣной. Вѣдь изъ-за этого комнату нельзя теперь даже какъ слѣдуетъ выбѣлить и она имѣетъ довольно грязный видъ. Лучше было бы нарисовать это попросту на бумагѣ и не въ такомъ большомъ масштабѣ.

Фрески въ столовой недурны, но зимой тутъ, навѣрное, ужасно сыро и холодно. А что касается пальмы, такъ ею совсѣмъ даже нечего хвастаться. Здѣсь вообще должны хорошо рости пальмы, потому что здѣсь тепло, даже слишкомъ тепло. Другое дѣло, еслибы такое дерево выросло гдѣ-нибудь на Унтеръ-денъ-Линденъ. Тогда его дѣйствительно стоило бы показывать.

Сирокко дулъ, не переставая, а по его напряженію и силѣ можно было надѣяться, что онъ прекратится еще не

скоро. Управляющій потерялъ свою обычную подвижность, а его высокій крахмальный воротникъ раскисъ и съежился. Увидѣвъ Неро, растянувшагося въ тѣни подъ виноградньмъ трельяжемъ, управляющій началъ было: — „А вотъ замѣчательная собака...“ но махнулъ рукой и уныло пригласилъ туристовъ завтракать. Никто не поинтересовался узнать, чѣмъ именно замѣчательна эта собака. На нее даже почти не взглянули.

Въ кухнѣ у повара-сициліанца атмосфера напоминала душныя сѣрныя копи его родины. Поваръ, въ почернѣвшемъ отъ сажи колпакѣ и въ передникѣ, надѣтомъ прямо на голое тѣло, топтался у плиты, мокрый и злой, ругался съ помощниками, обдавая ихъ брызгами слюны, и, чтобы поддержать въ себѣ необходимую бодрость, вынужденъ былъ усиленно подкрѣпляться глотками фалерно. Онъ упустилъ изъ виду, что сирокко вызываетъ неутолимую жажду, и, утоляя эту жажду все тѣмъ же виномъ вмѣсто воды, нѣсколько перешагнулъ за предѣлы бодрости. Въ результатѣ, жарившаяся къ завтраку большая рыба была безнадежно испорчена: одинъ бокъ у нея подгорѣлъ и превратился въ черный и горькій уголь. Пришлось спѣшно готовить яичницу для тѣхъ, кому не хватило рыбы, а это вызвало цѣлый бунтъ въ столовой. Одинъ торговый агентъ, намѣревавшійся прожить здѣсь двѣ недѣли, былъ такъ обиженъ, что заявилъ о своемъ немедленномъ отъѣздѣ. Управляющій прибѣжалъ въ кухню съ угрожающе сжатыми кулаками.

— Ты хочешь погубить отель, ты, ядовитая гадина, бандитъ и сынъ бандита?

— А вы, кажется, хотите, чтобы я за ваше поганое жалованье еще и позволялъ вамъ бить меня по мордѣ?

— Такъ вотъ я и буду марать объ тебя руки... Ты не стоишь даже моего плевка, животное!

Неро во время этой бесѣды вертѣлся у дверей кухни. Сициліанецъ былъ забывчивъ, особенно послѣ того, какъ подкрѣплялся фалернскимъ, и, чтобы не остаться при пустой чашкѣ, собакѣ всегда приходилось напоминать о своемъ существованіи. Уходя, взбѣшенный управляющій наткнулся на Неро и чуть не упалъ, поскользнувшись на грязныхъ каменныхъ плитахъ. И весь остатокъ своей злобы онъ выплеснулъ тутъ же, на порогѣ.

— Что здѣсь дѣлаетъ эта дрянь? Никакой пользы отъ нея, одно только постоянное безпокойство... Уберите ее сейчасъ же!

— Да, только вотъ и есть у меня время на то, чтобы гонять собакъ!—огрызнулся поваръ, перекладывая со сковороды на блюдо ю порцію яичницы. Послѣ объясненія

съ управляющимъ жажда начала томить его еще сильнѣе, а такъ какъ перепуганный Неро, во избѣжаніе осложненій, поспѣшилъ запрятаться въ самый темный уголъ, — миска такъ-таки и осталась пустой.

Къ вечеру сирокко не прекратился, а даже какъ будто задулъ еще сильнѣе. Люди, расположенные къ меланхоліи, начинали обдумывать свои предсмертныя письма, весельчаки тревожно ощупывали свою печень, и еще два или три предположенныхъ брачныхъ союза безнадежно разстроились. Желтая мгла прочно и неподвижно висѣла надъ полинявшимъ моремъ, а цвѣты блекли и раньше времени теряли свои лепестки. Одни только колючіе кактусы и остролистыя, толстокожія агавы, кажется, чувствовали себя отлично, потому что для нихъ сирокко было привычнымъ и милымъ отзвукомъ родины.

Неро тоже былъ грустенъ и золъ. Его характеръ вообще успѣлъ нѣсколько испортиться за время пребыванія въ отелѣ,—онъ утратилъ здѣсь свою непосредственность дикаря и въ то же время не успѣлъ еще пріобщиться къ благамъ культуры. Онъ совсѣмъ не хотѣлъ примириться съ пустой чашкой, а когда то же самое случилось и послѣ обѣда—окончательно разсердился.

Въ сущности, жить здѣсь прескверно и скучно. Обезпеченная пища искупаетъ многое. Можно даже терпѣть, когда барыни тычутъ зонтиками прямо въ глаза или выгоняютъ зачѣмъ-то на самый солнцепекъ изъ уютной тѣни, — но только, чтобы миска была полна до самыхъ краевъ. Къ вечеру Неро испытывалъ уже настоящій голодъ, который дѣлался еще нестерпимѣе отъ чувства обиды.

Хорошо, если пища сама не валится въ ротъ, такъ приходится промышлять ее, какъ умѣешь. Неро призвалъ на помощь свою старую опытность и, пользуясь темнотой, отправился на поиски. Ему не пришлось уходить слишкомъ далеко: изъ кладовой доносился цѣлый букетъ запаховъ, самыхъ разнообразныхъ, но одинаково соблазнительныхъ. Неро пробрался туда, никѣмъ не замѣченный и, не выбирая долго, стянулъ то, что лежало поближе. Это былъ большой, хорошо прожаренный телячій окорокъ, приготовленный для „карне фреддо“ къ утреннему завтраку. Неро трудился надъ нимъ до самой полуночи и почувствовалъ, что проглоченные куски уже останавливаются въ горлѣ,—но все-таки не могъ одолѣть всего. Остатки онъ бережно зарылъ на заднемъ дворѣ, за мусорной кучей, чтобы использовать ихъ въ удобную минуту.

Сытость и сирокко нагнали на него глубокій сонъ. Онъ

проснулся только поздно утромъ, когда одинъ изъ поварскихъ помощниковъ ухватилъ его за шиворотъ.

— Ну, разумѣется! У него до сихъ поръ вся пасть въ салѣ.

Неро хотѣлъ было вырваться, но поваренокъ держалъ крѣпко, да еще подозвалъ на помощь самого сициліанца.

— Смотрите, вотъ кто укралъ телятину!

Сициліанецъ медленно подошелъ и его опухшее лицо не обѣщало ничего хорошаго.

— Ага, укралъ телятину...

— И животъ у него вздутый, какъ бочка! Вы только попробуйте: онъ сразу сталъ на вѣрныхъ три кило тяжелѣе. Такая отличная телятина! Хватило бы всѣмъ на завтракъ и даже осталось бы еще для обѣденнаго салата.

— Укралъ телятину!—мрачно повторилъ сициліанецъ.— И еще послѣ того, какъ вчера случилась неудача съ рыбой? И теперь опять придется готовить яичницу? А телятина— три лиры за кило... Отлично!

Если считать только по одному сольдо за каждый ударъ плетью,—жестокой плетью, предназначенной для толстой ослиной кожи,—такъ и то Неро теперь съ лихвой расплатился за покражу. Онъ вырывался и визжалъ такъ неистово, что подъ конецъ совсѣмъ потерялъ голосъ, черная шерсть летѣла клочьями и дѣло кончилось бы совсѣмъ скверно, еслибы не вмѣшалась выскочившая на балконъ жилица. Она начала кричать какъ разъ тогда, какъ замолкъ измученный Неро, а ея крикъ сейчасъ же достигъ до чуткаго слуха управляющаго. Тотъ пришелъ, на ходу затягивая узелъ галстука и дожевывая утренній бутербродъ.

— Что тутъ такое?

— Вы обязаны немедленно прекратить истязаніе!—кричала съ балкона дама, стараясь кое-какъ прикрыться развѣвавшимися отъ вѣтра полами капота.—Я не могу допустить такого безобразія! Я буду жаловаться въ посольствѣ!

Неро, весь истерзанный и избитый, тихонько ползъ по землѣ, зажмуривъ глаза. Это было дѣйствительно, некрасиво, неприлично и совсѣмъ не оправдывало репутаціи тихаго семейнаго отеля.

— Чертъ бы васъ взялъ совсѣмъ!—зашипѣлъ управляющій.—Не могли вы найти другого мѣста съ вашей собакой?

— Но вѣдь она съѣла вашу телятину!—оправдывался сициліанецъ, запыхавшійся и багровый отъ возбужденія.— Цѣлый окорокъ отличной телятины, по три лиры за кило...

— Цѣлый окорокъ? Выгоните ее сейчасъ же! Вѣдь я уже приказалъ вамъ вчера, чтобы вы ее убрали! Отъ нея все равно уже нѣтъ никакой пользы... Она давно надоѣла

туристамъ, а теперь еще вздумала воровать... Выгнать немедленно!

Потомъ онъ повернулся къ жилицѣ, измѣнивъ выраженіе лица такъ быстро и рѣзко, какъ будто надѣлъ припрятанную въ карманѣ маску.

— Простите, пожалуйста, сударыня, это только маленькое семейное недоразумѣніе! Какая-то бродячая собака повела себя очень дурно и была наказана. Я страшно огорченъ, что это непріятное обстоятельство нарушило вашъ покой!

Одинъ изъ помощниковъ повара тѣмъ временемъ выволокъ Неро за рѣшетчатыя ворота и швырнулъ его на середину улицы.

— Убирайся, откуда пришелъ! Воровать телятину, а?

На улицѣ въ этотъ утренній часъ было пустынно. Самые усердные изъ иностранцевъ только еще готовились къ утреннему кофе. Продавщица коралловъ устанавливала свою передвижную лавочку, а аптекарь стоялъ на порогѣ своего заведенія въ одномъ жилетѣ и туфляхъ на босую ногу и сладко зѣвалъ.

Аптекарь равнодушно посмотрѣлъ на черную собаченку, которая, съежившись, юркнула въ переулокъ, и сказалъ продавщицѣ коралловъ:

— Въ отелѣ не поладили съ собакой... А сегодня, кажется, погода будетъ немножко свѣжѣе.

— Помоги Богъ... Совсѣмъ остановилась торговля съ этимъ сирокко.

За свою недолгую жизнь Неро не разъ уже подвергался побоямъ и незаслуженнымъ обидамъ, но ни разу еще его не били такъ больно и никогда еще онъ не чувствовалъ себя такимъ несчастнымъ и обиженнымъ, какъ въ этотъ отвратительный день, когда дулъ сирокко.

Пожалуй, не нужно было воровать или, въ крайнемъ случаѣ, слѣдовало ограничиться костью отъ вчерашняго бульона,—но, съ другой стороны, совсѣмъ уже лишнее изъ-за пустяка поднимать такую шумную исторію. Зачѣмъ было оставлять кладовую незатворенной? Если Пасквале хотѣлъ что-нибудь сохранить, такъ онъ пряталъ это подъ замокъ.

Неро зализывалъ ссадины, причиненныя ослиной плеткой, и свирѣпо заворчалъ на кошку, которая съ самыми мирными намѣреніями пробиралась вдоль забора. Въ эту минуту онъ ненавидѣлъ весь міръ—и, кажется, не смогъ бы хорошенько приласкаться даже къ самому Пасквале, еслибы тотъ неожиданно появился въ переулкѣ. Эта злоба помогла ему скоротать весь день, но, когда наступилъ вечеръ, пришлось задуматься надъ тѣмъ, что дѣлать дальше.

До сихъ поръ случалось такъ, что послѣ подобающаго

наказанія преступленіе сбрасывалось со счетовъ и затѣмъ можно было жить и грѣшить попрежнему. Неро не видѣлъ причины, почему бы теперь нужно было дѣйствовать иначе. Кромѣ того, вѣдь онъ никогда не напрашивался въ нѣмецкій отель. Его взяли сами, и тѣхъ, кто его взялъ, онъ волей-неволей призналъ за хозяевъ.

Когда наступилъ вечеръ, Неро спокойно отправился домой.

Сирокко кончался, трава сдѣлалась влажной отъ прохладной росы и, хотя спина собаки еще болѣла такъ, словно вся была изрѣзана на узкіе ремешки,—кромѣ злобы и обиды, выплыли теперь наружу и обычныя заботы. Напримѣръ, слѣдовало поскорѣе использовать тотъ остатокъ телятины, который былъ зарытъ за мусорной кучей: иначе имъ могутъ, пожалуй, воспользоваться сосѣдскія кошки. И, хотя Неро еще не былъ голоденъ, онъ ничего не имѣлъ бы теперь противъ чашки жидкой похлебки: это должно было подкрѣпить его силы.

Сициліанецъ только что покончилъ съ дневной работой и собирался провести остатокъ вечера на пьяццѣ, гдѣ всегда собирались для бесѣдъ почтенные граждане городка, когда замѣтилъ прошмыгнувшую въ ворота собаку. Онъ сейчасъ же подозвалъ своихъ помощниковъ.

— Смотрите, она вернулась!

— Въ самомъ дѣлѣ, она вернулась... Что за невиданное нахальство! И еще подбирается къ мискѣ...

Сициліанецъ опять взялся было за ослиную плетку, но одинъ изъ помощниковъ удержалъ его.

— Подождите, это не поможетъ! Вы исколотите ее до полусмерти, и все-таки она будетъ возвращаться сюда каждый разъ, какъ ей надоѣстъ шляться по улицамъ. Я знаю другое средство.

— Веревку на шею?

— Годится и это, но не такъ занимательно! И вѣдь не наше дѣло — уничтожать бродячихъ собакъ. Пусть за ними гоняется муниципія. Мы только разъ навсегда отвадимъ у нея охоту возвращаться сюда, вотъ и все!

Всѣ трое располагали сейчасъ достаточнымъ количествомъ свободнаго времени и обстоятельно принялись за дѣло. Помощникъ взялъ широкій, тяжелый ножъ, употреблявшійся для рубки костей, попробовалъ его пальцемъ и, найдя недостаточно острымъ, отточилъ на обломкѣ кирпича. Другой помощникъ приладилъ у каменнаго порога кухни деревянный чурбанчикъ. И, когда всѣ приготовленія были кончены, сициліанецъ запасся для приманки кускомъ сала и подозвалъ къ себѣ собаку.

— Иди сюда, миленькая! Ну, иди же смѣлѣе, толстопузикъ!

Но на сердцѣ у Неро было тревожно и отъ руки, такъ недавно осыпавшей его побоями, онъ и сейчасъ не ждалъ ничего хорошаго. И даже кусокъ сала не представлялъ собою ничего особенно привлекательнаго, но все-таки вѣжливость обязывала подчиниться. Неро приближался медленно, готовый каждое мгновеніе обратиться въ бѣгство, и пытливо всматривался въ казавшіеся добродушными глаза сициліанца.

— Да не бойся же, дурочка! Смотри, какой отличный кусокъ... Иди же...

Не такъ часто случалось, чтобы съ Неро разговаривали ласково. Въ концѣ концовъ онъ повѣрилъ, что его грѣхъ прощенъ и что поваръ желаетъ ознаменовать этой лаской наступившее перемиріе. Довѣрчиво подошелъ къ протянутой рукѣ, уже открылъ ротъ, чтобы взять кусокъ, но тутъ одинъ помощникъ внезапно схватилъ его и бросилъ на порогъ, а другой взмахнулъ только что отточеннымъ ножомъ. Деревянный чурбанчикъ съ трескомъ подпрыгнулъ и прямо на колѣни къ сициліанцу упалъ обрубокъ чернаго закрученнаго хвостика.

— Вотъ теперь она и не подумаетъ вернуться, будьте увѣрены!

VIII.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ на островѣ появился нѣмецкій художникъ, который писалъ самыя обыкновенныя картины съ темносинимъ моремъ и ярко-розовыми скалами, но появленіемъ своимъ произвелъ нѣкоторую сенсацію. Первыя двѣ недѣли за нимъ всюду слѣдовала довольно густая толпа мѣстныхъ жителей, рыбаковъ и мальчишекъ. Художникъ называлъ себя „человѣкомъ природы“, ходилъ босой и съ непокрытой головой и одѣвался въ длинный сѣрый халатъ, похожій на монашескую рясу. Кромѣ того, онъ не пилъ, не курилъ и ѣлъ только растительную пищу,

Еслибы онъ былъ итальянцемъ, то, разумѣется, мѣстныя власти, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, поставили бы ему на видъ неприличіе его поведенія и, въ случаѣ надобности, приняли бы строгія мѣры. Но онъ былъ иностранецъ и, стало быть, имѣлъ право носить халатъ вмѣсто пиджака и ходить босикомъ.

На островѣ слегка поворчали только немногіе, слишкомъ консервативные люди.

— Все-таки это не совсѣмъ прилично... Право же, у

него, кажется, нѣтъ ровно ничего подъ этимъ балахономъ,— даже штановъ!

Но и такихъ успокоилъ аптекарь, разъяснившій, что древніе римляне долгое время тоже обходились совершенно безъ брюкъ. Во всякомъ случаѣ, отъ „человѣка природы“ не было никакого вреда—и его оставили въ покоѣ.

Благодаря теплому климату, обилію покупателей картинъ и дешевизнѣ растительной пищи, первоначальный человѣкъ природы очень быстро размножился. Кромѣ мужчинъ, появились также женщины и дѣти, одѣтыя въ такіе же сѣрые балахоны, длинноволосыя, нечесаныя и достаточно грязныя. Одно такое семейство прожило цѣлый годъ въ гротѣ близь Фаральони, что было убыточно для домовладѣльцевъ, но очень нравилось туристамъ. Люди природы вошли въ инвентарь острова вмѣстѣ съ Лазурнымъ гротомъ, и почти никто не интересовался, почему собственно они ведутъ такой странный образъ жизни. Человѣкъ, пріѣхавшій первымъ, остался, повидимому, ихъ вождемъ и пророкомъ. И рисовалъ онъ, все-таки, тоже лучше всѣхъ другихъ: иные просто никуда не годились и должны были отдавать за пятьдесятъ лиръ большія картины, которыя по размѣрамъ отлично могли бы замѣнить коверъ.

Къ настоящимъ людямъ природы примыкали еще нѣкоторые, не вполнѣ раздѣлявшіе всю строгость ихъ принциповъ,—нѣчто вродѣ благочестивыхъ мірянъ, иногда ютящихся въ монастырскомъ флигелѣ. Пріѣзжіе туристы не обращали на нихъ вниманія, потому что по своей внѣшности они почти ничѣмъ не отличались отъ обыкновенныхъ людей. Мѣстные жители ихъ презирали, потому что они не приносили никакого дохода.

Одинъ изъ нихъ, мюнхенскій художникъ, жилъ въ маленькой лачужкѣ, прислонившейся къ развалинамъ Чертозы, уже полтора года—и за это время еще ничего не написалъ и не продалъ ни одного этюда. Другіе говорили про него, что онъ изучаетъ, набирается силъ и готовится къ великому. Хозяинъ лачужки подозрѣвалъ, что его квартирантъ надѣваетъ пиджакъ прямо на голое тѣло, а сандаліи на босую ногу только потому, что не можетъ купить бѣлья. Делегатъ общественной безопасности причислялъ художника къ вреднымъ анархистамъ. А самъ художникъ относился ко всѣмъ этимъ толкамъ совершенно равнодушно. Онъ ровно ничего не дѣлалъ, дважды въ день купался и разъ въ день ѣлъ макароны съ томатами. У него была большая русая борода, круглые очки, прикрывавшіе выпуклые бли-

зоркіе глаза, какъ крышка—кастрюлю, носъ луковицей и маленькая блестящая лысина на затылкѣ.

Однажды рано утромъ онъ возвращался съ купанья къ Чертозѣ и неторопливо шагалъ по узкой каменистой тропинкѣ среди виноградниковъ, роняя съ мокрой бороды капли соленой влаги. На перекресткѣ двухъ тропинокъ эти капли упали случайно на какую-то другую каплю, темно-красную и уже высохшую, которая отчетливо выдѣлялась на свѣтлой известковой плитѣ. Художникъ посмотрѣлъ на нее сквозь круглые очки и остановился, потомъ повернулъ голову направо и налѣво. Направо былъ путь къ Чертозѣ, а налѣво виднѣлись точно такія же капли, съ почти ровными промежутками испещрившія всю тропинку. Конечно, это была кровь. Художникъ немного подумалъ и повернулъ налѣво.

У конца тропинки, подъ грудой камней, служившей лѣстницей на верхній виноградникъ, онъ нашелъ какое-то черное существо съ бѣлой отмѣтиной на груди, больное и, видимо, раненое. Когда онъ хотѣлъ дотронуться рукой, существо злобно заворчало и попятилось, прижимаясь къ камню.

— Ага!—сказалъ художникъ.—Это собака.

Поправивъ на носу очки, онъ еще разъ осмотрѣлся кругомъ и увидѣлъ неподалеку сѣрый халатъ перваго „человѣка природы". Учитель сидѣлъ, свѣсивъ голыя кривыя ноги, на подпорной стѣнкѣ, передъ мольбертомъ, и писалъ видъ южнаго берега. Онъ смѣшивалъ и накладывалъ краски быстро и непрерывно, почти не справляясь съ натурой, потому что давно уже заучилъ наизусть этотъ многократно повторявшійся сюжетъ.

— Учитель!—позвалъ мюнхенскій художникъ.—Посмотрите сюда!

Учитель сложилъ кисти и палитру въ этюдникъ, всталъ и подошелъ.

— Что особеннаго нашли вы въ этой собакѣ? Она уже лежала здѣсь, когда я пришелъ на работу.

— Но посмотрите, учитель: она ранена и вся въ крови. Кажется... Да, конечно: какіе-то негодяи отрубили ей половину хвоста!

Учитель вздохнулъ и затянулъ потуже веревочный поясокъ своего халата.

— Я не рѣшился бы назвать ихъ негодяями, не узнавъ предварительно, какія побужденія ими руководили. Къ сожалѣнію, въ человѣкѣ заложена животная склонность къ злу. И мы можемъ вліять на другихъ, только совершенствуя самихъ себя и ни на минуту не забывая о вели-

кой самоцѣнности нашей собственной души. Надо подавить зло въ себѣ—и тогда зло вообще уничтожится. Затѣмъ я замѣчаю, что это очень некрасивая собака и что она ворчитъ при моемъ приближеніи. Слѣдовательно, она тоже исполнена зла. Нужно держаться отъ нея подальше!

— Она умретъ, если оставить ее тутъ безъ помощи!

— По всей вѣроятности, смерть была бы для нея истиннымъ освобожденіемъ. Но я не думаю, чтобы она умерла. Половина хвоста—это не такъ много!

Они постояли молча, разглядывая собаку, которая вся ощетинилась отъ страха и злобно скалила бѣлые зубы, потомъ учитель что-то вспомнилъ и сказалъ укоризненно:

— На этихъ дняхъ вы опять сидѣли въ кафе Моргано и пили вермутъ.

Очки мюнхенскаго художника потускнѣли. Онъ потупился и ничего не отвѣтилъ, а учитель продолжалъ, постукивая указательнымъ пальцемъ правой руки по ладони лѣвой:

— Если вы не можете совсѣмъ одолѣть своихъ порочныхъ страстей, такъ ужъ лучше бы вы пили пиво. Вермутъ дурно вліяетъ на мозговые центры и склоняетъ къ извращенному мышленію.

— Хорошее пиво здѣсь слишкомъ дорого! И даже подъ видомъ настоящаго мюнхенскаго они подаютъ какую-то мѣстную дрянь.

— Разумѣется, всѣ мѣстные жители—настоящіе мошенники! Я долженъ признать это, хотя и не люблю дурно отзываться о людяхъ. Ими руководятъ низкія страсти и нѣтъ почти никакой надежды, чтобы они когда-нибудь просвѣтились. Но тѣмъ болѣе вы не должны были тратиться на вермутъ. Обѣщайте мнѣ, что никогда больше не покажетесь у Моргано!

Вопросъ былъ поставленъ ребромъ, но мюнхенскій художникъ уклонился отъ прямого отвѣта. Онъ предпочелъ опять обратить вниманіе учителя на раненую собаку.

— Мнѣ кажется все-таки, что нельзя оставить ее здѣсь! Она очень страдаетъ.

— Лучше всего—не вмѣшивайтесь. Держитесь въ сторонѣ отъ всякаго жизненнаго зла. Иначе это зло заразитъ васъ самихъ и вы испытаете совершенно излишнія страданія. Проходите мимо, не оглядываясь, и стремитесь непрерывно къ своему идеалу.

— Все-таки я попробую ее вылечить!

Художникъ присѣлъ на корточки и рѣшительнымъ движеніемъ взялъ на руки Неро. Можетъ быть, онъ нечаянно

причинилъ ему боль, или просто собака была слишкомъ запугана и озлоблена, но только она яростно начала защищаться. Рукавъ пиджака въ одно мгновеніе былъ разорванъ отъ плеча до локтя, и на кожѣ художника выступила кровь изъ длинной царапины.

— Вотъ видите! — воскликнулъ учитель, поспѣшно отступая и прикрывая полами халата свои голыя ноги. — Можетъ быть, она бѣшеная? Вы заболѣете и умрете. Не слѣдуетъ бояться смерти, но преступно также рисковать жизнью, которая есть милостивый даръ Творца. Уходите подальше отъ зла, говорю я вамъ!

Но послѣ этой отчаянной вспышки Неро вдругъ успокоился, впалъ въ мертвенное равнодушіе и повисъ на рукахъ у художника безвольный и неподвижный, почти какъ трупъ. Его глаза слезились и были тусклы, кончикъ высохшаго сѣраго языка торчалъ изо рта. И при видѣ этой внезапной перемѣны учитель какъ будто немножко смутился и сказалъ болѣе мягко, направляясь къ своему мольберту:

— Уклоненіе отъ зла не исключаетъ, конечно, дѣлъ милосердія... Нужно только быть очень осторожнымъ, чтобы грязь жизни не коснулась просвѣтленной души. И, пожалуйста, не пейте больше вермута!

Онъ просунулъ большой палецъ въ отверстіе палитры и, выдавивъ изъ тубы большую дозу ультрамарина, принялся вырабатывать тѣни на крутомъ склонѣ Монте-Соларо. Тѣни были совсѣмъ не такія, какъ сейчасъ, потому что картина изображала вечеръ. Мюнхенскій художникъ неуклюже, какъ слонъ, и бережно, какъ женщина, понесъ собаку къ своей лачугѣ.

Въ этой лачугѣ было темновато и сыро, пахло гнилью, а по неровному земляному полу часто ползали жесткія коричневыя сколопендры. На окнѣ безъ рамы и стеколъ висѣла полинявшая зеленая тряпка, на деревянной койкѣ, поверхъ охапки соломы, былъ брошенъ дырявый пледъ, а въ углу валялся старый брезентовый чемоданъ вмѣстѣ съ пустой раскрашенной тыквой. Другой уголъ занимала маленькая плита точно такого же образца, какія встрѣчаются въ развалинахъ Помпеи, сложенная изъ булыжниковъ и обломковъ кирпичей. На плитѣ ржавѣла кастрюлька съ холодными остатками вчерашнихъ макаронъ. Больше въ лачугѣ ничего не было,—и, чтобы устроить въ свободномъ углу постель собакѣ, художникъ долженъ былъ позаимствовать часть соломы со своей собственной койки. Потомъ онъ взялъ тыкву, сходилъ къ источнику и принесъ воды. Такъ какъ не нашлось никакой посуды, кромѣ жестяной кастрюльки, художникъ выложилъ остатки макаронъ на краешекъ

плиты, налилъ изъ тыквы воды въ кастрюльку и поставилъ ее передъ Неро. Тотъ приподнялся и торопливо началъ глотать, захлебываясь отъ жадности.

Послѣ полудня въ лачугу заглянулъ еще одинъ „человѣкъ природы",—тотъ самый, который со своей женой и дѣтьми прожилъ цѣлый годъ въ гротѣ у Фаральони. Оттуда его выселила муниципія, и такъ какъ недавно онъ очень выгодно продалъ цѣлую серію картинъ, то занималъ теперь довольно уютную дачу.

— Какъ вы себя чувствуете, братъ мой?

— Благодарю васъ, очень хорошо! — отозвался мюнхенскій художникъ.

Человѣкъ природы долго хмурился, чтобы разсмотрѣть что-нибудь въ полумракѣ лачуги послѣ яркаго полуденнаго свѣта. И, когда, наконецъ, разглядѣлъ,— удивленно всплеснулъ руками.

— Что такое вы дѣлаете? Вы, кажется, ѣдите изъ одной посуды съ собакой?

— У меня нѣтъ ничего другого, а собака голодна!

— Это очень опасно, потому что вы можете заразиться глистами... И откуда вы взяли этого пса? Впрочемъ, мнѣ кажется, что я его знаю. Онъ жилъ въ отелѣ напротивъ аптеки и хозяева выдавали его за спасеннаго во время кораблекрушенія. Я подозрѣваю, что онъ служилъ тамъ цѣлямъ человѣческой алчности.

— Еслибы даже онъ служилъ настоящему преступленію, такъ и то онъ достаточно наказанъ!—кротко возразилъ мюнхенскій художникъ.—Посмотрите только на его хвостъ Я попробовалъ было наложить повязку, но ничего не вышло. Пожалуй, лучше всего будетъ предоставить дѣло самой природѣ.

— Да, да, возможно больше предоставляйте природѣ! Культурный человѣкъ отошелъ слишкомъ далеко отъ своей великой матери, и хотя домашнія животныя тоже заражены гнилью, но все-таки они стоятъ ближе къ природѣ. Когда я обрѣзалъ палецъ, мнѣ пришлось промывать сулемой и бинтовать рану. А собака, я думаю, обойдется и безъ повязки. Все-таки на вашемъ мѣстѣ я не сталъ бы съ ней возиться!

Обѣдъ былъ конченъ и художникъ поставилъ на мѣсто опустѣвшую кастрюльку. Неро облизалъ губы и отправился на свою подстилку, гдѣ улегся очень осторожно, оберегая опухшій обрубокъ хвоста и непріязненно посматривая на стоявшаго въ дверяхъ человѣка въ сѣромъ балахонѣ. Эти балахоны положительно ему не нравились. И въ человѣкѣ, который пріютилъ его, тоже было что-то непріятное, какой-

то чужой, слишкомъ острый, запахъ и неровныя пугающія движенія. Еслибы рана не болѣла такъ сильно, Неро, пожалуй, предпочелъ бы уйти и отдаться своимъ прежнимъ скитаніямъ.

Теперь онъ лежалъ смирно, прислушиваясь къ голосамъ художника и человѣка въ сѣромъ. И звукъ этихъ голосовъ тоже раздражалъ его: онъ былъ непонятенъ и враждебенъ.

— Не говорите мнѣ о культурѣ! — возражалъ художникъ.—Мнѣ кажется, что я ушелъ отъ нея дальше, чѣмъ вы. И мнѣ не нравится, что вы никогда не стрижетесь и носите такую странную одежду, такъ какъ все это совсѣмъ не доказываетъ, что вы отказались отъ культуры. Вы не можете ѣсть изъ одной чашки съ собакой, а я могу.

— Вы не имѣете никакого нравственнаго права осуждать насъ!—внезапно разсердился человѣкъ природы, но сейчасъ же подавилъ свой гнѣвъ и, чтобы успокоиться, мысленно сосчиталъ до пятидесяти. Потомъ онъ прибавилъ уже значительно мягче: — Учитель говорилъ мнѣ, что вы продолжаете посѣщать кафе и затемняете тамъ свой разумъ.

— Да, я былъ тамъ и, вѣроятно, пойду еще не разъ, когда будутъ деньги. Тамъ я вижу людей и стараюсь понять ихъ. Вѣдь, можетъ быть, всѣ мы ошибаемся. Глаза даны намъ для того, чтобы смотрѣть и искать ошибки.

— Здѣсь земляной полъ! — сказалъ человѣкъ природы только для того, чтобы перемѣнить тему разговора.—И отъ собаки у васъ разведутся блохи.

— Что же дѣлать? Придется только лишній разъ вытряхивать одежду. Вы видите, что у собаки отрубленъ хвостъ, и она останется у меня, пока не выздоровѣетъ. Люди, которые сдѣлали это, поступили отвратительно, но я знаю людей—очень культурныхъ людей, — которые поступали еще хуже, и вотъ потому-то я ненавижу культуру, Но, можетъ быть, я ошибаюсь... Я не увѣренъ... Вы, конечно, знаете, что такое вивисекція? Вѣдь объ этомъ вопросѣ одно время такъ много и такъ плохо писали. Такъ вотъ, довольно давно уже одинъ физіологъ, по имени Броунъ-Секаръ, отрубалъ голову собакѣ и возстановлялъ питаніе головного мозга при помощи крови, которую онъ предварительно освобождалъ отъ фибрина, чтобы она не могла свертываться. И голова нѣкоторое время продолжала жить. Она жила и чувствовала. А одинъ разъ физіологъ употребилъ для своего опыта собаку, которая долго жила въ лабораторіи и хорошо знала его, какъ хозяина. Она лизала его руки и послѣ обѣда онъ, можетъ быть, кормилъ ее сахаромъ. А потомъ онъ тоже отрѣзалъ ей голову. И, когда онъ

звалъ ее по имени, отрѣзанная голова поворачивала глаза въ его сторону. Я хотѣлъ бы встрѣтить этотъ взглядъ. Въ немъ, навѣрное, можно было прочесть многое.

— Вы подтверждаете нашу истину, что ложная наука только развращаетъ человѣчество.

— Да. И я ищу теперь какого-нибудь возраженія. Истиной не слѣдуетъ прикрываться, какъ теплой периной!

— И вы хотите выпустить изъ нея пухъ?—натянуто засмѣялся человѣкъ природы. Онъ не умѣлъ шутить и даже считалъ смѣхъ чѣмъ-то недостойнымъ свободнаго человѣка, но мюнхенскій художникъ вызывалъ въ немъ досаду.—Если истина разлетится по вѣтру, вы ее никогда больше не поймаете.

Изъ-подъ плиты на середину комнаты выбралась огромная сколопендра и, змѣевидно извиваясь, поползла къ выходу. Человѣкъ природы испуганно отскочилъ.

— Убейте ее! Она кусается...

И онъ искалъ камень, который можно было бы пустить въ ходъ, но художникъ тѣмъ временемъ взялъ двѣ палочки изъ связки растопокъ, защемилъ ими сколопендру и выбросилъ ее за окно.

— Я не люблю убивать безъ необходимости! Если животное ядовито, такъ это еще не значитъ, что оно не имѣетъ права на жизнь. Всякій защищается, какъ можетъ.

— У васъ очень странный характеръ, братъ мой!—пожалъ плечами человѣкъ природы.—Лучше оставьте всѣ это причуды. Иначе я буду бояться, что вы никогда не достигнете необходимаго нравственнаго совершенства.

Затѣмъ онъ ушелъ, направляя свой путь въ коммиссіонную контору, гдѣ выставлялись для продажи его картины и этюды. Владѣлецъ конторы бралъ цѣлыхъ тридцать процентовъ за коммиссію, но за то умѣлъ устраивать товаръ удивительно быстро и выгодно. Кромѣ того, онъ же поставлялъ для картинъ, въ случаѣ надобности, золоченыя рамы и упаковывалъ ихъ въ ящики для перевозки. Такимъ образомъ онъ освобождалъ человѣка природы отъ многихъ непріятныхъ хлопотъ.

Когда разговоръ, наконецъ, прекратился и тревожные звуки чужого языка перестали безпокоить Неро, онъ растянулся на своей соломѣ какъ можно удобнѣе, закрылъ глаза и уснулъ. Однако и во снѣ что-то продолжало его безпокоить и создавало тревожныя видѣнія, отъ которыхъ онъ вздрагивалъ и рычалъ. Ему чудилось, что поварской помощникъ опять гонится за нимъ съ огромнымъ тяжелымъ ножомъ или что морякъ Луиджи съ погибшей фелуки дер-

житъ его за шиворотъ надъ пѣнистымъ моремъ и собирается швырнуть въ пучину.

Затѣмъ легкое, но непрерывное вѣяніе воздуха разбудило его. Готовый ко всякимъ непріятностямъ, онъ вскочилъ и увидѣлъ, что бородатый человѣкъ сидитъ рядомъ на землѣ и отмахиваетъ отъ него жадныхъ зеленыхъ мухъ только что сорванной вѣткой эйкалипта. И въ бородѣ у него опять путались какія то прозрачныя капли, — можетъ быть, соленыя.

Это было непонятно, нехорошо. Лучше, еслибы бородатый ушелъ куда-нибудь. Онъ тревожилъ.

IX.

Когда наступалъ разгаръ сезона, въ кафе Моргано каждый вечеръ бывали заняты всѣ длинные столы и круглые маленькіе столики, а запоздавшіе тѣснились въ проходахъ, выжидая, когда освободится мѣсто. Тогда вся семья: предпріимчивый папа Моргано, и его добродушная жена, и сыновья, и наемная прислуга, — работали, не покладая рукъ, наливали, разносили, отмѣривали, не успѣвая вмахивать потъ съ лица. Ярко горѣло электричество, сверкали на стѣнахъ рекламы Сѣверо-Германскаго Ллойда и весело брякали по мрамору столовъ костяшки домино.

Въ лѣтнее затишье было просторнѣе. Собирались все больше постоянные жители, заглянувшіе на недѣлю и сдѣлавшіеся случайно старожилами острова. И такъ какъ внутри кафе теперь было душно, они предпочитали размѣщаться на просторной террассѣ, хотя туда проникала въ изобиліи уличная пыль. Большинство знало другъ друга въ лицо и по фамиліи, многіе здоровались и разбивались на отдѣльныя группы. И всѣ, за исключеніемъ случайныхъ туристовъ, чувствовали себя дома.

Туристы приходили изъ перворазряднаго отеля послѣ поздняго обѣда, въ отличныхъ смокингахъ и снѣжно бѣлыхъ сорочкахъ, медленно тянули кислое асти и смотрѣли по сторонамъ, знакомясь съ мѣстной жизнью. Но кромѣ семьи Моргано и его прислуги, здѣсь не было ничего мѣстнаго. И столъ, который занимали обычно перворазрядные смокинги, слылъ у завсегдатаевъ подъ названіемъ стола идіотовъ.

Были еще столы нѣмецкіе, англійскіе и русскіе. Выѣхавшіе на дачу неаполитанцы размѣщались, какъ попало, внося недовольство и безпорядокъ, а болѣе мелкія націи, вродѣ шведовъ, сербовъ и даже индусовъ, пристраивались къ великимъ. Порядочно выпивали только русскіе и нѣмцы

Остальные больше сидѣли за пустымъ стаканомъ и за безконечной партіей въ кости или въ карты.

Папа Моргано, расхаживая взадъ и впередъ, отечески слѣдилъ за кліентами. Его жена ласково улыбалась изъ-за прилавка. Они справедливо могли гордиться тѣмъ, что ихъ заведеніе собирало все, оживлявшее островъ. Сюда заглядывалъ по временамъ со своими друзьями даже одинъ изъ самыхъ давнихъ старожиловъ, знаменитый русскій писатель, портретъ котораго печатался въ путеводителяхъ по острову рядомъ съ портретомъ знаменитаго красавца рыбака Спадаро. Впрочемъ, при появленіи писателя смокинги собирались такой густой толпой у его столика и такъ внимательно смотрѣли ему въ ротъ, что писатель обычно очень скоро уходилъ домой, недовольный и разсерженный. Смокинги тоже были недовольны. Они успѣвали разсмотрѣть что у писателя еще довольно крѣпкіе зубы, — но и только.

Терасса освѣщалась плоховато, и мюнхенскій художникъ нашелъ тамъ почти совсѣмъ темный уголокъ, гдѣ хорошо можно было скрывать изорванный пиджакъ и запыленныя ноги въ протертыхъ веревочныхъ сандаліяхъ. И одни только его круглыя очки блестѣли въ темнотѣ, какъ глаза старой глупой совы.

Неро сидѣлъ подъ его стуломъ.

— Рюмку вермута съ содовой, Маріетта!

Получивъ заказанное, художникъ медленно выпивалъ пахучій горьковатый напитокъ, клалъ на подносъ три мѣдныхъ монеты по два сольдо, но не уходилъ, а только откидывался плечами къ спинкѣ стула и сидѣлъ такъ, пока не закрывалось кафе.

Когда Неро надоѣдало сидѣть, онъ ложился и свертывался калачикомъ все подъ тѣмъ же стуломъ. На его обрубленномъ хвостѣ розовѣлъ свѣжій шрамъ. Натура помогла такъ быстро, что жившій нѣкогда въ гротѣ человѣкъ природы сказалъ даже по этому поводу:

— Очень жаль, что мы, люди, сохранили нѣкоторые собачьи недостатки, но утратили собачьи достоинства! Мой палецъ болѣлъ пять недѣль, хотя я все время носилъ повязку.

И онъ хотѣлъ было погладить выздоровѣвшую собаку, но та отшатнулась съ предупреждающимъ рычаніемъ. Художникъ напрасно старался искоренить въ ея душѣ слѣпую ненависть къ сѣрымъ халатамъ: его горячія убѣжденія нисколько не помогли дѣлу. Неро вообще относился къ своему новому хозяину безъ надлежащаго почтенія и даже, пожалуй, въ глубинѣ души вообще не считалъ его настоящимъ хозяиномъ.

Разумѣется, этотъ бородатый человѣкъ пріютилъ его въ очень тяжелую минуту и сдѣлалъ ему много добра. Неро чувствовалъ за это къ бородатому глубокую благодарность, и, еслибы художнику грозила какая-нибудь бѣда,—безъ колебаній выступилъ бы на его защиту. Но съ другой стороны—въ художникѣ не хватало чего-то,—такъ, самаго пустяка, можетъ быть,—чтобы уравняться съ настоящими хозяевами вродѣ Пасквале или даже нѣмецкаго управляющаго. Неро любилъ его—и въ то же время чуточку презиралъ.

Бородатый былъ слишкомъ добръ. Онъ ни разу, даже легонько, не ударилъ собаки и не прикрикнулъ на нее строго. Можетъ быть, онъ просто не умѣлъ сердиться,—но вѣдь тогда немногаго стоила и вся его доброта. А когда человѣкъ отдаетъ собакѣ почти весь свой обѣдъ и самъ довольствуется какими-то крохами,—такъ это уже просто глупо. Неро перевидалъ на своемъ вѣку немало людей, и всѣ они поступали, какъ разъ наоборотъ. Слѣдовательно, бородатый былъ не совсѣмъ настоящій человѣкъ. Онъ слишкомъ мало возвышалъ себя надъ собакой.

Затѣмъ настоящій, хорошій хозяинъ, какимъ былъ, напримѣръ, Пасквале, постоянно былъ занятъ своимъ собственнымъ дѣломъ и только урывками обращалъ вниманіе на Неро. А бородатый ничего не дѣлалъ точно такъ же, какъ и самъ Неро, могъ цѣлыми днями лежать на одномъ боку и Неро могъ въ любой моментъ адресоваться къ нему со своими ласками. Это тоже не по-людски. Поэтому бывали минуты, когда Неро садился и принимался разсматривать художника съ искреннимъ, пытливымъ недоумѣніемъ. И художникъ пугался этого неподвижнаго вопрошающаго взгляда.

— Что съ тобой такое? Почему ты такъ на меня смотришь?

Въ душѣ у обоихъ зарождалась одинаковая смутная тревога.

Когда художникъ уходилъ купаться, Неро ждалъ его на высокомъ берегу, а если становилось скучно,—одинъ возвращался въ лачугу у Чертозы. Въ кафе онъ всегда оставался вмѣстѣ съ бородатымъ до самаго конца. Здѣсь было шумно, дымно, людно, пахло виномъ и табакомъ,—и все это навѣвало на Неро воспоминанія о портовой жизни въ Сорренто. И подъ стуломъ, среди шума и говора, такъ хорошо дремалось.

Художникъ приходилъ въ кафе всего только разъ въ недѣлю, иногда немного чаще. Остальные вечера онъ проводилъ дома, что-то читая или записывая при свѣтѣ тонень-

кой парафиновой свѣчки. Это, пожалуй, походило бы на работу, еслибы только художникъ не отрывался постоянно отъ своего занятія и не жегъ написаннаго подъ своей помпейской плитой.

А однажды днемъ онъ вдругъ взялъ уголь и намалевалъ на грязной, облупленной стѣнѣ своей лачуги какое-то мерзкое чудовище, какъ будто хотѣлъ создать обидную антитезу лысой головѣ Бисмарка съ трубкой на стѣнѣ отеля. Но чудовище было нарисовано все, цѣликомъ. У него была маленькая трехъугольная головка съ маленькими жадными глазками и огромной губастой пастью, руки съ суставчатыми желѣзными крючьями вмѣсто пальцевъ, узкая морщинистая грудь и жирная, пухлая утроба съ круглымъ пупкомъ, похожимъ на третій глазъ, самый большой и самый алчный. Художникъ старательно вырисовалъ всѣ подробности у фигуры,—даже такія, изъ-за которыхъ это изображеніе нельзя было бы показать ни одной порядочной женщинѣ. Чудовище опиралось на хилыя кривыя ноги съ бугорчатыми колѣнями. И оно выглядѣло такъ живо и ярко,—прямо на него падалъ свѣтъ изъ открытой двери,— что Неро встрѣтилъ его рожденіе пронзительнымъ лаемъ.

— Тебѣ не нравится?—удивился художникъ.—Развѣ ты что-нибудь понялъ?

И, польщенный этимъ неожиданнымъ успѣхомъ, онъ еще старательнѣе отдѣлалъ всѣ детали, зажегъ совсѣмъ живой блескъ въ алчныхъ глазахъ. Искусно оттѣненное брюхо такъ и выпирало изъ стѣны своей мягкой выпуклостью.

Это случилось уже много недѣль спустя послѣ того, какъ Неро потерялъ половину хвоста. Пришла зима, на Монте-Соларо выпадалъ снѣгъ, а въ лачугѣ было такъ холодно, что державшіе уголь пальцы мюнхенскаго художника посинѣли и опухли.

Теперь онъ не ходилъ въ кафе. Терасса была закрыта, а внутри было слишкомъ тѣсно и слишкомъ свѣтло. Учитель, мало проницательный, какъ большинство пророковъ, истолковалъ это иначе и, встрѣтившись съ художникомъ,— сказалъ ему поощрительно:

— Я замѣчаю, что вы, наконецъ, овладѣли вашими страстями! Радуюсь и хочу надѣяться, что вы не остановитесь на этой ступени, а будете подниматься все выше и выше.

— Да, я поднимаюсь!—согласился художникъ.—Но моя дорога пролегаетъ по горамъ и послѣ подъема слѣдуетъ спускъ. Хорошо еще, если я не упаду въ пропасть!

И, хотя учитель отговаривался неотложными дѣлами,— его мастерскую собирался посѣтить выгодный покупатель,—

художникъ повелъ его къ своей лачугѣ. Учитель осторожно подбиралъ полы сѣраго халата, такъ какъ позади шелъ Неро. Шелъ и ворчалъ, поднявъ кверху свой обрубокъ, какъ потрепанное боевое знамя. Художникъ широко распахнулъ дверь передъ гостемъ, и спокойный, бѣлый зимній свѣтъ упалъ на стѣнное изображеніе. Учитель въ ужасѣ поднялъ ладони вровень съ лицомъ.

— Что это за безстыдная гнусность?—Потомъ онъ всмотрѣлся внимательнѣе, стараясь не задерживать взгляда на слишкомъ откровенныхъ деталяхъ.—Я думаю, что вы хотѣли изобразить здѣсь духа зла, который порабощаетъ человѣческую душу и сѣетъ всюду зерна грѣха?

Художникъ покачалъ головой.

— Не слѣдуетъ несправедливо обижать даже самого дьявола! Въ этомъ отношеніи, пожалуй, правы здѣшніе итальянцы, которые боятся, но и любятъ его немногимъ меньше, чѣмъ Бога. Нѣтъ, я совсѣмъ не хотѣлъ задѣвать Духа Зла,—тѣмъ болѣе, что я представляю его себѣ обольстительно красивымъ. Я просто изобразилъ человѣка такимъ, каковъ онъ есть. Я снялъ съ него всѣ, рѣшительно всѣ покровы...—и художникъ искоса взглянулъ на сѣрый халатъ,—и обнажилъ сущность его природы.

— Это отвратительно! Это гнусно! Я боюсь, что вы успѣли уже безнадежно извратить свое вооображеніе.

— Нѣтъ, это только правдиво! Я лишилъ человѣка его лжи. И вотъ видите, какое у него самодовольное лицо. Онъ нисколько не стыдится. Онъ алченъ и похотливъ, онъ силенъ, какъ желѣзо, и въ то же время безсиленъ, какъ рахитичный ребенокъ. Это—ядро, сущность. Въ ученыхъ и въ поэтахъ, въ священникахъ и въ канатныхъ плясунахъ, въ тиранахъ и освободителяхъ запрятана эта одинаковая сущность, прикрытая разнообразной скорлупой. И, только признавъ это, вы, наконецъ, будете въ состояніи понимать людей и ихъ запутанную исторію... Природа? Вотъ ихъ природа! Справедливость, любовь, геній? Смотрите хорошенько! Вы все здѣсь найдете въ самомъ настоящемъ видѣ.

— Но я надѣюсь, что это не относится... То-есть вы, конечно, хотѣли изобразить здѣсь именно испорченнаго человѣка?

— Совсѣмъ нѣтъ. Увѣряю васъ, что это—любой, всякій человѣкъ. Совершенно безразлично, ходитъ ли скорлупа въ королевской мантіи или въ сѣрой рясѣ, грабитъ ли она на большой дорогѣ или продаетъ свои картины. Когда вы обнимаете свою жену, учитель, вы даете жизнь новому существу, вотъ точно такому же. Незачѣмъ закрывать на это глаза и незачѣмъ прятаться. На землѣ есть много

отвратительныхъ созданій, но человѣкъ — всѣхъ хуже. И такъ какъ жизнь есть зло, то вполнѣ понятно, почему человѣкъ сдѣлался господиномъ этой земной жизни. Вы можете наводить какой угодно лакъ на скорлупу. Это — дѣтское занятіе. Ничто не измѣнится и вы сами—тоже!

— Мнѣ кажется, что намъ не о чемъ больше говорить съ вами!—немного подумавъ, сказалъ учитель и брезгливо потеръ ладони о свой халатъ, какъ будто запачкался чѣмъ-то грязнымъ.—Вы произносите хулы на самое священное и отрицаете благодатную сущность души. Можно подумать, что въ вашемъ представленіи истинный человѣкъ природы именно таковъ, какимъ вы его нарисовали. Я даже оставляю въ сторонѣ ваше безстыдство. Намъ просто не о чемъ больше разговаривать! Вы пришли къ намъ, какъ волкъ въ овечье стадо.

— Да, я тоже такъ думаю!—согласился мюнхенскій художникъ. — Только повѣрьте мнѣ, что я не хотѣлъ васъ обмануть. Я обманывалъ самъ себя. И теперь я уѣзжаю съ острова, такъ какъ вамъ всѣмъ, навѣрное, было бы непріятно мое присутствіе здѣсь.

Художникъ уѣхалъ, конечно, не на томъ шикарномъ пароходѣ, который привозилъ и увозилъ туристовъ, а на другомъ, простомъ и грязномъ, который отчаливалъ отъ острова рано утромъ и имѣлъ дѣла только съ мѣстными жителями, провизіей и живностью.

Неро смотрѣлъ, какъ бородатый упаковывалъ свой брезентовый чемоданъ, уложивъ туда и дырявый пледъ, и кастрюльку, и даже неиспользованную пачку растопокъ вмѣстѣ съ парой книгъ и мелко исписанной бумагой. Тутъ было надъ чѣмъ призадуматься, — и Неро чувствовалъ, что жизнь опять ставитъ его передъ вопросомъ, отъ рѣшенія котораго въ ту или другую сторону зависитъ все его будущее.

Только что разсвѣло и у подножія скалъ еще не успѣла растаять ночная тѣнь, когда художникъ взвалилъ на плечо свой чемоданъ и взялъ въ правую руку палку изъ виноградной лозы. Дверь лачуги осталась открытой и человѣческая сущность провожала уходившаго своимъ тройнымъ взглядомъ. Въ помпейской плитѣ медленно остывалъ пепелъ

— Вѣдь ты не покинешь меня, бродяга? — спросилъ бородатый у Неро. Въ этомъ вопросѣ было больше надежды, чѣмъ увѣренности, и его тонъ непріятно подѣйствовалъ на собаку. За эти мѣсяцы она успѣла привыкнуть къ бородатому, примирилась съ его странностями и въ общемъ ей жилось, конечно, совсѣмъ не плохо. Но незачѣмъ спраши-

вать о томъ, что ясно само собою. Это только сбиваетъ съ толку.

Конечно, Неро не имѣлъ никакого представленія о томъ, куда именно направляется художникъ. Для него самого маленькій островъ былъ достаточно великъ и онъ вполнѣ разумно предполагалъ, что бородатый ограничится только перемѣной квартиры.

Они миновали Чертозу, прошли подъ висячимъ мостикомъ черезъ городской садикъ и вышли на дорожку Круппа, которая прямо изъ-подъ ихъ ногъ крутыми зигзагами сбѣгала къ морю. Дулъ обычный зимою трамонтано, и поэтому пароходы останавливались у южнаго берега, у Марина-Пиккола. Надъ моремъ держался легкій туманъ, но съ этой высоты хорошо были видны домики Марина-Пиккола со старой бѣлой часовней надъ самой водой и темное пятнышко парохода въ синевѣ моря, казавшагося отсюда совсѣмъ спокойнымъ. Художникъ остановился на минуту, чтобы переложить на другое плечо чемоданъ и въ послѣдній разъ окинуть взглядомъ островъ, на которомъ онъ прожилъ такъ долго. Неро прослѣдилъ за направленіемъ этого взгляда и обезпокоенно визгнулъ. Взглядъ смотрѣлъ слишкомъ далеко.

— Ты тоже привыкъ къ обогрѣтому мѣсту, бродяга? — усмѣхнулся художникъ.—Но вѣдь тебѣ, какъ и мнѣ, оно не принесло ничего хорошаго. Ты потерялъ хвостъ, а я — вѣру! Такимъ калѣкамъ, какъ мы съ тобой, не приходится быть особенно разборчивыми. Идемъ!

Они отправились внизъ по дорожкѣ, созданной прихотью развратнаго нѣмца, который щедро разбрасывалъ здѣсь свое кровавое золото. Изорванныя динамитомъ скалы еще не успѣли потускнѣть и вывѣтриться, мѣстами были совсѣмъ розовыя, какъ свѣжее мясо, съ ржавымъ краснымъ налетомъ, и походили на незажившія раны. Сложенныя на цементѣ стѣны поддерживали безопасную дорожку,—и художникъ съ сожалѣніемъ подумалъ о томъ времени, когда здѣсь, какъ говорили, была лишь запущенная тропинка, доступная только для козъ и мальчишекъ. Неро стремительно мчался внизъ, слегка прихрамывая и скрипя когтями по мелкому щебню, но на каждомъ поворотѣ круто останавливался, садился и ждалъ, пока подойдетъ бородатый. Потомъ прыгалъ на него и фамильярно теребилъ за рукавъ, стараясь такимъ легкомысленнымъ поведеніемъ разогнать свою тревогу и въ то же время развеселить бородатаго. Тотъ былъ ужасно скученъ. Лучше, когда люди смѣются. А художникъ удивлялся:

— Ты только что плакалъ, а теперь уже радуешься!

Вѣдь люди почему-то считаютъ ложь и обманъ своей исключительной привилегіей.

Когда спустились внизъ и мимо розоваго домика, гдѣ продавалось мѣстное вино, красное и бѣлое, вышли на самый берегъ съ влажнымъ твердымъ пескомъ и перевернутыми лодками,—вдругъ запахло водорослями и солью, а пѣна у камней показала, что море совсѣмъ не такъ спокойно, какъ представлялось сверху. Волны были широкія и набѣгали съ мрачной медленностью. Потомъ, отступая, вода кружилась среди скалъ пѣнистыми воронками, а водоросли шевелились, какъ живыя, и словно гонялись за крабами, опутывая ихъ своими цѣпкими шелковистыми прядями. Маленькая тартана, только-что вернувшаяся изъ плаванья, раскачивалась на якорѣ у оконечности каменнаго мола, и когда Неро посмотрѣлъ на верхушку ея тонкой мачты, рисовавшую въ небѣ затѣйливыя линіи—онъ сразу вспомнилъ Луиджи, шаткую палубу и кораблекрушеніе. И снова пережилъ всѣми нервами тотъ мертвящій ужасъ,—ужасъ смерти. Ему показалось, что даже и здѣсь, на берегу, отзывается это отвратительное волненіе, и, чтобы спастись отъ головокруженія, онъ поспѣшно забился подъ одну изъ перевернутыхъ лодокъ.

Художникъ въ это время подряжалъ рыбака, который долженъ былъ доставить его на чернѣвшій по близости пароходъ. Они сговорились съ двухъ словъ, бородатый бросилъ на дно лодки свой чемоданъ и обернулся, чтобы позвать собаку.

— Гдѣ же ты, бродяга?

У трубы парохода заклубилось бѣлое облачко и разрѣшилось хриплымъ ревомъ.

— Пора ѣхать, синьоръ!—торопилъ рыбакъ, ловко перебирая веслами на одномъ мѣстѣ, чтобы корма лодки не билась о камни.—Это уже второй!

— Сейчасъ... Я долженъ еще взять собаку.

И онъ пошелъ вдоль берега, растерянно заглядывая за каждый камешекъ, какъ будто его собака была размѣрами не больше обойнаго гвоздика. Онъ звалъ ее на всѣ лады, причмокивалъ и даже обѣщалъ угостить сахаромъ. Но Неро исчезъ, а лодочникъ за спиной повторялъ съ равнодушной настойчивостью:

— Пора ѣхать, синьоръ

Неро не хотѣлъ быть ни неблагодарнымъ, ни обманщикомъ. Однако же страхъ передъ новымъ морскимъ путешествіемъ пересилилъ всѣ его добрыя желанія. И, когда, наконецъ, его увидѣлъ бородатый, у Неро былъ видъ такой

жалкій и постыдно униженный, какъ будто онъ рѣшилъ покаяться сразу во всѣхъ своихъ порокахъ.

— Что же это такое? Неужели ты не хочешь? Развѣ ты оставишь меня? Вѣдь я не дѣлалъ тебѣ никакого зла...

Думая, что собака боится только прыгнуть въ лодку, художникъ хотѣлъ-было перенести ее на рукахъ, но Неро вырвался, какъ скользкая ящерица, и отбѣжалъ въ сторону. Такъ они простояли долгую минуту и смотрѣли другъ на друга. Это было очень тягостно, нестерпимо тягостно, и слѣдовало такъ или иначе выйти изъ этого сквернаго положенія. Неро рѣшился. Онъ съежился еще сильнѣе, поджалъ то, что у него оставалось отъ хвоста, и помчался со всѣхъ ногъ, не разбирая дороги, прочь отъ моря, отъ бѣлой часовни, отъ лодки, отъ мюнхенскаго художника.

— Пора ѣхать, синьоръ!—еще разъ повторилъ лодочникъ.

И бородатый уѣхалъ.

Н. Олигеръ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Хотите жить вы, и живите,
Дышите воздухомъ долины,
Но отъ себя не утаите,
Что онъ придетъ къ вамъ, часъ кончины.

И дню обманному не вѣрьте:
Ужь близки, алы и жестоки,
Закаты, вѣчные пророки
Всѣхъ ожидающей насъ смерти.

П. Радимовъ.

О Максимѣ Горькомъ.

I.

Давно отмѣчена въ Горькомъ исключительная неровность его творчества, громадная амплитуда между вершинами его достиженій и провалами. Не слѣдуетъ только забывать, что у Горькаго эта неровность имѣетъ особый характеръ. Даже среди самыхъ неудачныхъ у него рѣдко встрѣтишь произведеніе, въ которомъ не нашлось бы страницъ, запечатлѣнныхъ художественной силой. Съ другой стороны едва-ли самыя цѣнныя его вещи не заключаютъ въ себѣ противо-художественныхъ кляксъ, безвкусицы-какой-нибудь дешевенькой остроты, грубаго словца, олеографическаго пятна; послѣднихъ особенно много въ первыхъ пяти томахъ его разсказовъ. И это не только въ вещахъ крупныхъ, но и въ самыхъ короткихъ очеркахъ. Порою, натыкаясь на такія строчки, становишься въ тупикъ: какъ это самъ художникъ не возсталъ противъ подобныхъ искаженій и пятенъ, какъ онъ ихъ не почувствовалъ? Вотъ разсказикъ „Рожденіе человѣка". Онъ оставляетъ глубокое впечатлѣніе. Радостно изумляешься, какимъ образомъ на семнадцати маленькихъ страничкахъ умѣстилъ художникъ такое значительное содержаніе, съ какой покоряющей силой онъ просто и глубоко разрѣшилъ такое трудное и неблагодарное заданіе, какъ изображеніе родовъ женщины, одиноко бредущей по дорогѣ и получающей случайную помощь отъ проходящаго мужчины. Это описаніе достойно стать рядомъ съ описаніемъ родовъ Кити Левиной,—достойно, какъ и это послѣднее, сдѣлаться образцомъ для выясненія отличія художественнаго реализма отъ натурализма. Описаніе Горькаго даже трогательнѣе, ибо трогательнѣе самый мотивъ: у Толстого читатель чувствуетъ, какъ атмосфера любви и благополучія мягко охватываетъ не только мать, но и эту затеплившуюся жизнь. У Горькаго „рожденіе человѣка" происходитъ подъ кустомъ, на берегу моря, и мать, напившись чаю, бредетъ съ новорожденнымъ дальше...

И читатель чувствуетъ начало труднаго, тернистаго пути для этого „новѣйшаго орловца“, къ которому съ тревогой за него мать обращаетъ глаза, еще недавно затуманенные: теперь, „насквозь промытые слезами страданій, они снова были изумительно ясны, снова цвѣли и горѣли синимъ огнемъ неисчерпаемой любви“... Въ духѣ чистой красоты и любви, проникающей приведенныя строки, написанъ и весь разсказъ. И вдругъ, буквально ни къ селу, ни къ городу, въ описаніи волнующагося моря, авторъ, сравнивъ надувшіеся паруса турецкой фелюги съ толстыми щеками какого-то сухумскаго инженера, кидаетъ читателю ужасающій диссонансъ: „Любилъ онъ отправлять людей въ полицію и хорошо думать, что теперь его, навѣрное, уже давно до костей обглодали черваки могилы. Еслибы еще нѣсколькихъ знакомыхъ почтили они своимъ мягкимъ вниманіемъ“...

Невольно диву даешься: какъ не дрогнула рука автора помѣстить эти мелкія, къ ходу разсказа совершенно не относящіяся, грубыя слова рядомъ съ этими дивными глазами матери, цвѣтущими и горящими синимъ огнемъ любви! До конца разсказа не можешь отдѣлаться отъ ихъ рѣжущаго впечатлѣнія и—общій тонъ чудеснаго разсказа оказывается сильно испорченнымъ.

Столь же неровенъ Горькій въ діалогахъ его героевъ. Порою діалогъ у него до такой степени живъ, яркъ, характеренъ, что, не зная, кто говоритъ, читатель можетъ это отгадать по двумъ-тремъ фразамъ говорящаго. Одного чрезвычайно краткаго примѣра достаточно:

— Нѣтъ у тебя въ душѣ никакихъ вѣсовъ, братъ! Совсѣмъ ты не понимаешь, что хорошо, что плохо.

— Нѣтъ, я понимаю—вотъ ты хорошъ человѣкъ.

— А ты хорошаго меня обокрасть затѣялъ!

— Плохой—онъ самъ обокрадетъ.

Такъ и видишь передъ собою этого неосновательнаго, шатущаго человѣка, никогда ни въ чемъ не унывающаго и ничѣмъ не смущающагося.

И какъ послѣ этого оскорбляетъ часто встрѣчающаяся у Горькаго безжизненная словесная вязь, однотонная, однообразная, одинаковая у совсѣмъ разныхъ людей, сразу же ихъ обезличивающая, къ счастью—все болѣе рѣдкая въ послѣднихъ сочиненіяхъ. Егоръ Досѣкинъ, деревенскій революціонеръ, герой изъ „Лѣта“ обѣщаетъ: „сказать вамъ думы мои не умѣю складно—скажу просто“,—и тотчасъ начинаетъ говорить не просто: „Человѣкъ долженъ быть освобожденъ изъ плѣна земли своей“. Онъ же въ другой разъ: „Для того дѣла, которое затѣяно жизнью, какъ выходитъ по всѣмъ книгамъ и по нашему разумѣнію, самой вселенской хозяйкою жизнью, такъ?—ну, для этого дѣла нужны люди крѣпкіе, стойкіе, желѣзныхъ костей люди—вѣрно?“ Вотъ мать (изъ повѣсти, носящей то же названіе), женщина, хотя и проникнутая соціалистической идеей, но простая, едва грамотная, замѣ-

чаетъ (и тоже, какъ бы для оттѣненія неестественности, предупреждаетъ о своемъ маломъ пониманіи словъ): „Вдругъ люди стали родными... понимаю всѣхъ... словъ не понимаю, а все другое—понимаю... все!“—и, не понимающая словъ, мать продолжаетъ: „Ко всему несутъ любовь дѣти, идущія путями правды и разума; и все облачаютъ новыми небесами, все освѣщаютъ огнемъ нетлѣннымъ—отъ души, изъ глубинъ ея исходящимъ. Такъ совершается жизнь новая, въ пламени любви дѣтей ко всему міру. И кто погаситъ эту любовь, кто?...“ и т. д. Вотъ странникъ (отнюдь не специфическій, не святоша и не ханжа, а человѣкъ веселый и радостный): „связанъ и стѣсненъ человѣкъ въ дѣяніяхъ *своихъ*, извнѣ препятствуютъ ему всячески,—все хотятъ, чтобы онъ хлѣбъ и желѣзо добывалъ, а не живыя сокровища изъ нѣдръ духа *своего*. И не привыкъ еще, не умѣетъ онъ пользоваться всѣми *своими* (?), пугается мятежей духа *своего*, создаетъ чудовищъ и боится отраженій нестройной души *своей*—не понимая сущности ея; поклоняется формамъ вѣры *своей*—тѣни *своей*“...—прямо удручающая монотонность! И это витіеватое кружево плететъ писатель, который умѣетъ съ удивительной простотой и выразительностью изображать то, въ чемъ витіеватость укрѣпилась искони, и даже сдѣлалась какой-то необходимой составной частью,—молитву. Прочтите чудесную и трогательную молитву бабушки, простой женщины, изъ „Дѣтства“, и вы увидите, до какой высоты простого умиленія способенъ подняться Горькій.

Еще одинъ, весьма частый, порокъ въ писаніяхъ Горькаго—излишнія поясненія. Вотъ разыгрывается какая-нибудь выразительная сценка, или читатель присутствуетъ при достаточно краснорѣчивомъ монологѣ. Впечатлѣніе его опредѣлилось, выяснилось, но авторъ не отпускаетъ его отъ себя и принимается пояснять, что именно видѣлъ и слышалъ читатель, что долженъ онъ вывести изъ своихъ наблюденій, каковымъ обязано быть его впечатлѣніе. Читателю отъ этого только досадно, это мѣшаетъ, но авторъ, безъ всякаго смущенія, не устаетъ повторять тотъ же пріемъ. Вотъ юродивый, герой тонкаго разсказа „Нилушка“,—никакихъ сомнѣній эта яркая человѣческая фигурка въ читателѣ не вызываетъ, никакихъ неясностей здѣсь нѣтъ, смыслъ разсказа раскрывается образно, исподволь, легко и властно овладѣвая воображеніемъ и чувствомъ читателя. Совершенно понятно, что на этомъ стихійномъ Нилушкѣ, далекомъ землѣ, по которой онъ бродитъ, и близкомъ небу, куда онъ, чувствуетъ читатель, долженъ скоро улетѣть,—понятно, что на немъ отдыхаетъ душою несчастный, грязный обыватель жалкой слободы, гдѣ Нилушка проживаетъ. Но авторъ—тутъ какъ-тутъ со своимъ поясненіемъ, поясненіемъ правильнымъ, но совершенно излишнимъ: „Красавецъ Нилушка былъ необходимъ въ грязной, нищенской и боль-

ной жизни слободы, онъ оттѣнялъ и завершалъ собою ея ненужность, безсмысліе, безобразіе. Былъ онъ подобенъ яблоку, забытому на старой, кривой яблонѣ... Былъ онъ похожъ на картинку, единственную въ истрепанной, запачканной книгѣ"... и т. д. И всѣ эти слова и слова разжижаютъ только-что полученное впечатлѣніе, еще волнующее читателя своею свѣжестью, новизной, перспективой самостоятельной работы. И это примѣръ — еще изъ самыхъ терпимыхъ; бываетъ и похуже. Такъ, въ повѣсти „Мать" изображена сценка задушевнаго объясненія между рабочимъ Павломъ, его матерью и товарищемъ его по революціонной работѣ Андреемъ. Сцена сентиментальная, но это еще съ полбѣды. Вотъ товарищи и мать, расчувствовавшись, обнимаются и цѣлуются другъ съ другомъ,—и тутъ же начинаютъ, „объяснять" смыслъ только что прозвучавшихъ поцѣлуевъ:—„Не хорошо это—хвастаться, а, все же, словно мы почувствовали жизнь сейчасъ... настоящую, человѣческую, любовную жизнь!..—Да,—сказалъ Павелъ, взглянувъ на мать.—Все другое стало!—отозвалась она.—Горе—другое, радость—другая..." и т. д., и т. д. Въ той же повѣсти, уже другой герой, прослезившись въ умиленіи и желая „скрыть" слезы отъ матери Павла, прибѣгаетъ къ испытанному въ аналогичномъ случаѣ Андреемъ способу: „Николай быстро отвернулся въ сторону, вынулъ платокъ, громко высморкался и пробормоталъ:—„Схватилъ насморкъ, видите-ли"...

Бываетъ, наконецъ, еще и такъ (и это—самое худшее), когда впечатлѣніе читателя—одно, а авторъ пытается навязать ему нѣчто совершенно иное, нисколько несходное,—получается тягостное (и для впечатлѣнія отъ художественной вещи крайне вредное) недоумѣніе. „Около криницы блеститъ черная грязь, точно измятый бархатъ; двое молодцовъ, лѣтъ пяти и трехъ, оба безштанные, заголившись по поясъ, молча тискаютъ грязь желтыми ногами, точно желая вмѣстить во влажную массу красный блескъ солнца. Эта добрая работа очень занимаетъ меня, я смотрю на солидныхъ мальцовъ сочувственно, съ живымъ интересомъ—солнце и въ грязи на своемъ мѣстѣ, чѣмъ глубже въ землю проникнетъ оно, тѣмъ лучше и землѣ, и людямъ!" Можно чѣмъ угодно поручиться, что картинка, столь знакомая многимъ, ни мало не вяжется въ воображеніи читателя съ тѣмъ философскимъ выводомъ, какой автору угодно было къ картинкѣ приклеить. Болѣе того,—читатель чувствуетъ, что и у автора это поучительное и поучающее заключеніе родилось не при созерцаніи мальчишекъ, а позднѣе, въ кабинетѣ... И какая громадная качественная разница между теплой эмоціональной картинкой и этимъ громоздкимъ холоднымъ поученіемъ, хотя оно и говоритъ о солнцѣ.

II.

Вообще—нѣтъ ничего легче, какъ находить у Горькаго недостатки. При неровности его творчества—недостатки даже перестаютъ порою производить впечатлѣніе таковыхъ, перестаютъ казаться незаконными,—они получаютъ какое-то своеобразное право гражданства...

Какое? Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ собственно и заключается объясненіе, ради чего стоитъ заниматься обнаруженіемъ и опредѣленіемъ этихъ дефектовъ. Дѣло не въ самихъ недостаткахъ, а въ томъ, что видно позади нихъ, въ ихъ происхожденіи, въ ихъ причинной зависимости отъ коренныхъ свойствъ писателя. Чѣмъ они обусловлены, что они уясняютъ, что можетъ извлечь читатель если не прямо, то косвенно, даже изъ нихъ, изъ недостатковъ творчества Горькаго? Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, если они систематически повторяются, то, стало быть, не случайны же они.

При попыткѣ систематизировать промахи Горькаго получаются слѣдующія категоріи. Это во-первыхъ,—нарушенія тона и колорита повѣствованія вставками совсѣмъ чуждаго цѣлому тона и колорита, обычно—въ видѣ раздраженной или гнѣвной реплики въ сторону, либо въ видѣ сообщенія посторонней темѣ и читателю авторской мысли. Во-вторыхъ, —лишнія поясненія, разжижающія читательское впечатлѣніе. Въ-третьихъ,—витіеватая монотонность рѣчи тѣхъ персонажей, которые обычно сообщаютъ читателю, что думаетъ или чувствуетъ авторъ по тому или другому поводу, всего чаще—о жизни вообще, о смыслѣ ея, о нормахъ истины, о назначеніи человѣка и т. п. Наконецъ—въ четвертыхъ—манера иллюстрировать отвлеченное положеніе, публицистическую мысль, соціологическій аргументъ, вообще—нѣчто, добытое не въ процессѣ созиданія самаго художественнаго образа, но внѣшнее, постороннее послѣднему, нѣчто такое, словомъ, что образъ призванъ иллюстрировать, обосновать. Другими словами—это то, что принято называть тенденціозностью. Въ этомъ направленіи у Горькаго особенно много грѣховъ...

Однако тенденціозность его произведеній рѣдко бываетъ элементарна: рѣдко писателю не удается хоть въ отдѣльныхъ образахъ, хоть на отдѣльныхъ страницахъ, овладѣть своей разсудочностью, подчинить отвлеченно надуманную, „со стороны" привходящую идею, живому образу, кажущемуся порой воплощеніемъ этой идеи, въ то время какъ онъ—лишь послушный рабъ. Въ этомъ отношеніи произведеніемъ, особенно интереснымъ, достойнымъ самаго пристальнаго вниманія какъ тѣхъ, кого интересуетъ эволюція Горькаго, такъ и тѣхъ, кого занимаетъ вопросъ о роли тенденціозности въ творчествѣ,—является повѣсть „Мать", вещь въ иныхъ отношеніяхъ прямо изумительная, своего рода tour de

force „художественной тенденціозности“, одновременно иллюстрирующей двѣ враждебныя силы: художника надъ тенденціей и послѣдней надъ художникомъ. Въ повѣсти все надумано отъ начала до конца. Заданіе автора—невѣроятное по трудности, прямо какое-то головокружительное: показать полное перерожденіе неграмотной, всю жизнь битой, забитой пожилой бабы — въ сознательную и дѣятельную соціалистку, съ громаднымъ размахомъ революціоннаго интеллекта! И когда въ концѣ повѣсти оглянешься на эти сотни страницъ, то не столько удивляешься обилію среди нихъ тенденціозныхъ, сколько изумляешься тѣмъ чисто художественнымъ эмоціямъ, тѣмъ значительнымъ впечатлѣніямъ, какія заставилъ пережить авторъ читателя, изумляешься тѣмъ результатамъ, какихъ онъ достигъ, той живой водѣ, какую онъ добылъ изъ этой безнадежной скалы. Не вѣришь себѣ: да неужто меня волновала эта повѣсть, гдѣ всѣ, становясь революціонерами, становятся ангелами во-плоти, перерождаются по щучьему велѣнію, черезъ каждыя десять страницъ непремѣнно кто-нибудь съ кѣмъ-нибудь братски обнимается со слезами умиленія на глазахъ передъ этими самыми объятіями и ихъ подсказавшими чувствами и прекрасными мыслями о будущей правдѣ, породившей эти прекрасныя чувства...

Необыкновенно фальшиво! Совсѣмъ не такъ, какъ въ жизни! Въ высшей степени пригодно для пародій, для вышучиванія. Да, все такъ, но прочтите сцену, гдѣ, всю жизнь охваченная атмосферой грубости, зла, побоевъ, звѣрства, мать вдругъ получаетъ сдержанную ласку отъ сына, вкусившаго отъ сладости иныхъ, подлинно человѣчныхъ, отношеній и преображеннаго этимъ, получаетъ первый разъ въ жизни то, на что она вѣчно имѣла никѣмъ, за нею не признававшееся: право на уваженіе и любовь,—и вы забудете о томъ, что вся эта композиція—надумана, тенденціозна, разсчитана на то, чтобы продемонстрировать, какое чудо можетъ сотворить надъ человѣкомъ соціалистическая идея. Останется если не навсегда, то надолго, волнующее впечатлѣніе отъ этой сцены, когда мать, „вздрогнувъ, какъ обожженная его (сына) тихими словами, приложила руку къ сердцу и ушла, *бережно унося* его ласку“, словно видимую читателю у этого неизбалованнаго сердца.

Гораздо элементарнѣе поэтому тѣ примѣры тенденціозности у Горькаго, гдѣ онъ выступаетъ не съ крупными заданіями, дающими просторъ для проявленія одновременно и слабости и силы его, а съ тенденціозными частностями, порой ужъ ничѣмъ неприкрытыми въ своей изолированной надуманности. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ автору приходится волей-неволей заполнять чѣмъ-нибудь зіяніе между двумя событіями, не допускающими сліянія (напримѣръ—по хронологическимъ условіямъ), или вообще придумывать „связку“. Не слишкомъ это благодарное дѣло, но Горь-

кій черезъ эти пропасти порою перепрыгиваетъ слишкомъ ужъ непринужденно,—именно въ силу своей склонности къ разсудочности.

Надобно ему, напримѣръ, должнымъ образомъ подготовить тревожное настроеніе городка Окурова наканунѣ революціи. Путь для этого, конечно, не коротокъ: это не корреспонденція, общими характеристиками здѣсь не ограничишься, наростающую тревогу и безпокойство необходимо показать этому, по природѣ своей, Ѳомѣ невѣрующему, читателю. По той или иной причинѣ авторъ этого не можетъ сдѣлать (вѣроятно, не видитъ этого въ своемъ воображеніи), но схема не полна безъ такой „подготовки“, и онъ пишетъ:

„Въ общемъ городъ начиналъ жить, точно собираясь куда-то (это Окуровъ-то!), и мужья, на предложенія женъ купить то или другое въ виду зимы, отвѣчали неопредѣленно:—„Погоди! Еще неизвѣстно, что будетъ“. Читателю здѣсь предлагаютъ повѣрить, что въ 1905 году, не въ Москвѣ и не въ Питерѣ, а въ образцѣ захолустья, Окуровѣ, гдѣ „трое обывателей, выписавъ наиболѣе шумную газету, приняли озабоченный видъ политиковъ“, исчерпавъ, повидимому, контингентъ окуровскихъ читателей газетъ, такъ вотъ въ этомъ-то болотномъ захолустьи тревога и предчувствіе событій были столь велики и остры, что мужья препятствовали женамъ (повидимому, менѣе подверженнымъ тревогѣ) закупить на зиму продукты, ставить капусту, или бураки, или заготовлять картофель... Въ такую нехудожественность, правда, Горькій впадаетъ не слишкомъ часто, но аналогичные примѣры „иллюстрированія“ схемы, задуманной и надуманной, у него не рѣдки, хотя и не столь, повторяю, характерны, какъ приведенный.

III.

Выше было указано, что недостатки творчества Горькаго, помогутъ намъ точнѣе уяснить его лицо. И, какъ ни странно, попытка сведенія промаховъ Горькаго къ единой причинѣ, приводитъ насъ къ самому корню его творчества, къ той точкѣ зрѣнія, съ которой онъ видѣнъ весь, со всѣми своими достоинствами и недостатками, съ своими исканіями, колебаніями и эволюціей. Всѣ линіи творчества Горькаго, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ, какъ въ явленіяхъ его силы, такъ и въ промахахъ сходятся въ одномъ: въ глубокой *лирической природѣ* его творчества.

Это не было тайной и прежде, но послѣ „Дѣтства“ это уже не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. И если подъ этимъ угломъ зрѣнія пересмотрѣть все написанное Горькимъ,—законными, понятными, естественными и по-своему необходимыми представятся не только его достиженія, но и его провалы, всѣ тѣ отступленія его

отъ пути, который со стороны казался ему свойственнымъ, всѣ блужданія этого сильнаго таланта. Не матеріализмъ испортилъ Горькаго, какъ это казалось г. Философову, не отказъ отъ матеріализма его „исправилъ“, какъ это инымъ тоже казалось. И вообще вопросъ о „порчѣ“ въ примѣненіи къ Горькому есть вопросъ узкій, нехарактерный. Его промахи, повторяемъ, закономѣрны. Горькій не могъ остаться на позиціи первыхъ трехъ-пяти томовъ своихъ разсказовъ, на апоѳеозѣ Коноваловыхъ и бывшихъ людей,— не могъ не потому, что измѣнились условія русской жизни, но потому, что эта полоса была законнымъ выраженіемъ и воплощеніемъ лишь первой, молодой фазы его лирическаго темперамента. Онъ *долженъ былъ* отъ нея уйти *и долженъ былъ* прійти къ своему нынѣшнему фазису,—это не детерминизмъ заднимъ числомъ, а прямой выводъ изъ логики его писательской души. И между этими фазами, опять-таки, должна была лечь полоса шатаній, переходный періодъ неувѣренности и неяркости, ибо темпераментъ Горькаго-лирика не оставлялъ ему возможности „переждать“ этотъ періодъ въ молчаніи: онъ бы тогда никогда не кончился. Это былъ періодъ, когда авторъ *долженъ былъ* насильственно воплощать то, что стихійно этому процессу не поддавалось, долженъ былъ совершать скачки, создавать схемы и т. д.

Въ „Дѣтствѣ“ Горькаго читатели получили не только замѣчательную книгу, которая останется въ исторіи литературы и войдетъ въ обиходъ будущихъ поколѣній, не только рѣдкой значительности человѣческій документъ и не только, наконецъ, ключъ къ познанію внутренняго міра одного изъ крупнѣйшихъ художниковъ нашего времени, но и рѣдко встрѣчающуюся возможность прослѣдить ретроспективно, какъ то или другое произведеніе художника, тотъ или другой образъ, даже та или иная страница— выросли изъ опредѣленнаго реальнаго факта, дѣтскаго впечатлѣнія, житейскаго эпизода. Не кончать „Дѣтствомъ“, но начинать съ него надо ознакомленіе съ Горькимъ, ибо за что бы изъ написаннаго имъ впослѣдствіи ни взялся, всюду встрѣчаешь всходы посѣяннаго въ „Дѣтствѣ“, узнаешь его и по-иному начинаешь оцѣнивать и самые всходы...

Вотъ что читаемъ мы почти на первыхъ страницахъ „Дѣтства“:

Дѣдъ засѣкъ меня до потери сознанія, и нѣсколько дней я хворалъ, валяясь вверхъ спиною на широкой жаркой постели въ маленькой комнатѣ съ однимъ окномъ и красной, неугасимой лампадой въ углу передъ кіотомъ со множествомъ иконъ. Дни нездоровья были для меня большими днями жизни. Втеченіе ихъ я, должно быть, сильно выросъ и почувствовалъ что-то особенное. Съ тѣхъ дней у меня явилось безпокойное вниманіе къ людямъ и, точно мнѣ содрали кожу съ сердца, оно стало невыносимо чуткимъ ко всякой обидѣ и боли, своей и чужой.

А на послѣднихъ страницахъ „Дѣтства“, въ описаніи содруже-

ства ребятъ-ветошниковъ, таскавшихъ также дрова и тесъ изъ лѣсныхъ складовъ, авторъ замѣчаетъ:

„На мой взглядъ намъ жилось не плохо,—мнѣ эта уличная, независимая жизнь очень нравилась и нравились товарищи, они возбуждали у меня какое-то большое чувство, всегда *безпокойно хотѣлось сдѣлать что-нибудь хорошее* для нихъ“.

Эта выписки не указываютъ на лирическую природу впечатлѣній и психическихъ состояній Горькаго: она первична, какъ явленіе стихійное; но онѣ характеризуютъ окраску содержанія лиризма Горькаго, указываютъ и направленіе, и силу его напряженія.

IV.

Первые разсказы Горькаго почти сплошь проникнуты чувствомъ гнѣва, раздраженія, презрѣнія,—и это, конечно, ни мало не противорѣчитъ тому, что только-что было отмѣчено, какъ главное содержаніе авторской души. Давно и неоднократно было указано, что ненависть—не всегда только ненависть, что „кто живетъ безъ печали и гнѣва, тотъ не любитъ отчизны своей“, что ненависть подчасъ именно любовью-то и обусловлена. Въ примѣненіи къ Горькому это не нуждается даже въ длинныхъ доказательствахъ и только безнадежно близорукій не увидитъ, что злые (подчасъ и грубые) окрики Горькаго на тѣ или иные классы, группы людей, типы или сословія—порождены страданіемъ автора отъ созерцанія дурно устроенной, жестокой и несправедливой жизни. Многимъ импонировала дерзость Гришки Орлова, который мечталъ „встать выше всѣхъ людей и плюнуть на нихъ съ высоты... И сказать имъ: ахъ вы, гады! Зачѣмъ живете? Какъ живете?“ Но вѣдь корень дѣла не въ этой грубости и дерзости словъ, а въ чувствѣ автора; оно же, конечно, характеризуется этимъ „какъ живете?“ Это самое въ формѣ прямого исповѣданія выражено съ полной опредѣленностью и въ знаменитомъ „Читателѣ“, этомъ сильномъ моментѣ лирическаго раздумья писателя надъ своимъ назначеніемъ: „Человѣкъ становится только грудой костей, покрытыхъ мясомъ и толстой шкурой, эту скверную груду двигаетъ не духъ, а похоти. Онъ требуетъ вниманія—скорѣе! Помогайте ему жить, пока онъ еще человѣкъ!.. Что вы (т. е. умственные дѣятели, писатели въ данномъ случаѣ) вносите въ этотъ хаосъ мерзости? Какъ вы всѣ мелки, какъ жалки, какъ васъ много! О, еслибъ явился суровый и любящій человѣкъ съ пламеннымъ сердцемъ и могучимъ всеобъемлющимъ умомъ! Въ духотѣ позорнаго молчанія раздались бы вѣщія слова, какъ удары колокола, и, можетъ быть, дрогнули бы презрѣнныя души живыхъ мертвецовъ!..“

„Суровый“ поставлено здѣсь вполнѣ правильно рядомъ съ „любящій“, потому что одно обусловлено другимъ. Первые томы произведеній Горькаго насквозь проникнуты суровостью, рожден-

ной любовью. Сердце, чуткое къ обидѣ и боли, переполнено горечью отъ того, что вокругъ происходитъ. Люди влачатъ жалкое существованіе, но автору они дороже всего на свѣтѣ—такова эт антиномія, мучительная, но столь обычная. И тутъ намѣчается опредѣленная психологическая система отношенія къ людямъ. Отвернуться отъ нихъ, отъ ихъ позора, уродства и безобразія—авторъ не въ силахъ:—его любовь къ нимъ сильнѣе его отвращенія къ ихъ отрицательнымъ сторонамъ. Но съ другой стороны—невозможно питаться однимъ отвращеніемъ, созерцаніемъ тол ьк уродствъ. Необходимо найти что-нибудь, на чемъ могла бы душа отдохнуть, что не разрушало бы окончательно вѣры въ человѣка, что могло бы утѣшить сердце. Этого авторъ ищетъ не только безсознательно, но даже и съ полнымъ, яснымъ отчетомъ передъ самимъ собою. И, какъ ни странно это звучитъ, горьковскіе босяки и бывшіе люди долгое время и были для него своего рода нравственно-эстетическимъ убѣжищемъ, тѣми праведниками Содома, ради которыхъ можно щадить и грѣшниковъ. Такова, несомнѣнно, истинная причина всѣмъ извѣстнаго тяготѣнія Горькаго къ босяку. И если онъ ихъ пріукрашивалъ и романтизировалъ, то, разумѣется, не для того, чтобы сдѣлать ихъ пріемлемыми для читателя, а для себя, для своего сердца: плащи и перья на нихъ были прямымъ слѣдствіемъ его сравнительно повышенной ихъ оцѣнки, они были вполнѣ искренни у писателя. „Въ деревнѣ—пишетъ Горькій въ ту пору—почти такъ же невыносимо тошно и грустно, какъ и среди интеллигенціи. Всего лучше отправиться въ трущобы городовъ, гдѣ хотя все и грязно, но все такъ просто и искренно". Мало того, что просто и искренно,—здѣсь же, казалось автору, и ростки человѣческаго достоинства, свободной человѣческой личности, человѣческихъ отношеній, построенныхъ не на насиліи. Автору чуется, „что какія-то узы крови, неразрывныя и не остывшія за три столѣтія, до сей поры связываютъ этого босяка (Коновалова) со Стенькой (Разинымъ), и босякъ со всей силой живого, крѣпкаго тѣла, со всей страстью тоскующаго безъ „точки" духа, чувствуетъ боль и гнѣвъ пойманнаго триста лѣтъ тому назадъ вольнаго сокола". „Это общество бывшихъ людей—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ—имѣло одно великое достоинство въ немъ никто не насиловалъ себя, стараясь казаться лучше, чѣмъ онъ есть, и не возбуждая другихъ къ такому насилію надъ собой". Босякъ—свободолюбивъ не только безсознательно,—онъ высоко цѣнитъ свою босяцкую свободу, дорожитъ ею чуть не больше всего на свѣтѣ, во всякомъ случаѣ—больше сытости. „Люблю я, другъ, эту бродячую жизнь. Оно и холодно, и голодно, но свободно ужь очень. Нѣтъ надъ тобой никакого начальства... Самъ ты своей жизни хозяинъ... Наголодался я за эти дни, назлился... а вотъ теперь лежу, смотрю въ небо... Звѣзды мигаютъ мнѣ... ровно говорятъ:—ничего, Лакутинъ, ходи, знай, по землѣ и

никому не поддавайся... Н-да... И хорошо на сердцѣ"... И, наконецъ, самое послѣднее—самая высшая точка личности босяка,— это горчичное зерно иного соціальнаго строя, которое онъ несетъ въ себѣ. „Я—бывшій человѣкъ...—такъ? Я отверженъ—значитъ, я свободенъ отъ всякихъ путъ и узъ... Значитъ, я могу наплевать на все! Я долженъ по роду своей жизни отбросить въ сторону все старое... всѣ манеры и пріемы отношеній къ людямъ, существующимъ сыто и нарядно и презирающимъ меня за то, что въ сытости и костюмѣ я отсталъ отъ нихъ... и я долженъ воспитать въ себѣ что-то новое—понялъ? Такое, знаешь, чтобы мимо меня идущіе господа жизни вродѣ Іуды Петунникова при видѣ моей представительной фигуры—трепетъ хладный въ печенкахъ ощущали". Эта проповѣдь Аристида Кувалды, своего рода идеолога босячества и покровителя босяковъ, находитъ живой откликъ у послѣднихъ... Спустя нѣсколько лѣтъ, отъ идеологіи, отъ босяцкаго свободолюбія и способности къ новому строю отношеній—авторъ не оставилъ камня на камнѣ. Но въ то время, когда онъ писалъ эти строки, онъ не могъ, разумѣется, иначе, какъ съ глубокой симпатіей относиться къ этимъ „бывшимъ людямъ", открывавшимъ перспективу въ авторскомъ воображеніи людямъ будущимъ. И въ томъ, между прочимъ, также сказалось свойство Горькаго лирически воспринимать впечатлѣнія, что онъ долгое время вполнѣ добросовѣстно видѣлъ своихъ босяковъ не такими, каковы они на самомъ дѣлѣ. Горькій не придумывалъ, а вѣрилъ работѣ своего воображенія, когда влагалъ въ уста босяка Сережки („Мальва") возвышенный взглядъ на женщину: „Характера ея вамъ (т. е. деревенскимъ) не надо... А въ характерѣ-то и весь цвѣтъ у человѣка... безъ характера баба — безъ соли хлѣбъ". И если факты все-таки нарушали картину босяцкаго возвышенія надъ жизнію, то Горькій давалъ имъ отпоръ, какъ будто спеціально для этого принятой, теоріей возвышающаго обмана, столь излюбленной у этого писателя, проходящей красной нитью черезъ все его творчество, но особенно опредѣленной въ первой его половинѣ. Скажи о человѣкѣ, что онъ хорошъ, и онъ станетъ лучше, чѣмъ онъ есть. Повѣрь человѣкъ въ свое достоинство, и это уже украситъ его, нѣчто прибавитъ ему, и т. д., и т. д.

V.

Уже въ этихъ первыхъ томахъ разсказовъ Горькаго намѣтились черты его силы и слабости и происхожденіе этихъ чертъ изъ лирической природы его воспріятія жизни. Присмотримся къ разобраннымъ выше дефектамъ творчества Горькаго,—чѣмъ они обычно вызваны? Эти пятна злости и раздраженія, посторонніе общему тону повѣствованія,—развѣ это не крики и вспышки большого и нетерпѣливаго сердца, „чуткаго къ обидѣ и боли", сердца,

съ котораго точно кожу содрали? Горькій созерцаетъ величавую природу Кавказа, но созерцаніе это отравлено ядомъ негодованія противъ какого-то сухумскаго инженера, уже умершаго, но внесшаго въ жизнь зло и страданіе; и эта заноза должна быть выдернута, хотя бы и пришлось ради этого прервать свое созерцательное и возвышенное настроеніе, напоенное глубокой любовью къ человѣку. Горькій не можетъ сдержаться, онъ нарушаетъ равновѣсіе создаваемаго художественнаго произведенія, но онъ возстанавливаетъ равновѣсіе въ самомъ себѣ, нарушенное постороннимъ, привходящимъ впечатлѣніемъ, удовлетворяетъ требованія своей природы, природы безпокойнаго лирика.

У Горькаго герои часто выступаютъ съ поученіями, говорятъ отъ лица автора, говорятъ на одинъ манеръ. Но это потому, что Горькому всегда мало бываетъ только изобразить, — онъ почти всегда видитъ передъ собою опредѣленную житейскую цѣль, ему всегда необходимо кому-то, страдающему, помочь, кого-то уберечь отъ опасности, съ кѣмъ-то подѣлиться своими мыслями и чувствами, не дожидаясь, покуда естественнымъ процессомъ мысли преобразятся въ образы, а послѣдніе свободно лягутъ на бумагу. Горькій нетерпѣливъ. Если онъ вѣритъ, что спасеніе людей въ коллективизмѣ, то онъ тотчасъ долженъ подѣлиться этимъ съ читателемъ, долженъ ему это доказать. А такъ какъ такой „матери“, которая переродилась подъ вліяніемъ усвоенія соціалистическихъ идей, онъ не наблюдалъ и въ воображеніи еще не оформилъ, то онъ и влагаетъ въ ея уста свои собственныя слова. И то же продѣлываетъ съ какимъ-нибудь богоискателемъ, нашедшимъ, что богостроитель — это суть народушко, т. е. опять же коллективизмъ спасаетъ человѣка. „Мать“, „Лѣто“, „Городокъ Окуровъ“ и многія страницы другихъ произведеній —это все страницы авторскаго нетерпѣнія, порожденнаго все тѣмъ же тревожнымъ темпераментомъ лирика, страдающаго страданіями людей,

Невольно является коварная мысль: стало быть, любовь къ людямъ у автора является моментомъ отрицательнымъ, вреднымъ, подлежащимъ искорененію?

Еслибы это было и такъ, то, какъ бы оно ни было печально, пришлось бы все же принять истину, хотя и печальную. Къ счастью—это не такъ. Ибо противоядіе печальной мысли заключается въ томъ, что съ ущербомъ авторской любви ушли бы изъ его книгъ не только худшія, но и всѣ лучшія страницы, тою же любовью созданныя. Въ этомъ отношеніи писателя можно сравнить съ прекраснымъ музыкантомъ, который въ порывѣ страстнаго воодушевленія можетъ взять не ту ноту. Холодный исполнитель будетъ свободенъ отъ подобнаго рода промаховъ, но за то въ цѣломъ игра его никого не тронетъ. Ошибки отъ этого, однако, не перестанутъ быть ошибками. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, рельефно выступаетъ для насъ необходимость брать художника цѣ-

ликомъ, такимъ, каковъ онъ есть, не перекраивая по своему вкусу и усмотрѣнію.

VI.

Продолжимъ наши попытки понять стиль и творческіе пріемы Горькаго съ точки зрѣнія зависимости того и другого отъ лирической природы его дарованія.

До сихъ поръ этотъ анализъ пришлось, къ сожалѣнію, производить на промахахъ Горькаго; это имѣетъ свое основаніе: въ промахахъ порою элементарнѣе, рѣзче выступаютъ особенности нашего автора. Въ промахахъ писатель теряетъ власть надъ собою, какъ бы проговаривается, и эти обмолвки — характерны. Однако въ извѣстномъ смыслѣ художникъ, а особенно лирикъ,— постоянно „проговаривается", постоянно раскрываетъ себя, сообщая въ своихъ лучшихъ твореніяхъ болѣе сложную, тонкую и прекрасную форму тому, что въ промахахъ заключено въ формахъ грубыхъ и элементарныхъ. И потому вскрыть лиризмъ природы Горькаго-художника въ его лучшихъ вещахъ — труднѣе, но не невозможно.

Прежде всего лиризмъ этотъ сказался въ самой обычной своей формѣ—въ прямыхъ и неприкрытыхъ лирическихъ „отступленіяхъ" автора. Ихъ такъ много, они такъ привычны, что достаточно это явленіе отмѣтить и пойти дальше. Надобно лишь добавить, что тамъ, гдѣ прямо не говоритъ самъ авторъ, онъ почти всегда влагаетъ лирическое отступленіе въ уста какому-либо герою, не говоря уже о томъ, что всего чаще и самъ этотъ герой, и все произведеніе въ цѣломъ, и, наконецъ, серіи произведеній на одинъ мотивъ—суть лирика по происхожденію своему, т. е. предметомъ ихъ является въ сущности обращеніе автора къ людямъ съ призывомъ, обычно страстнымъ. Потребность въ такомъ призывѣ, ясно чувствуется, и послужила стимуломъ творческаго акта...

Чрезвычайно показательна для Горькаго какъ лирика, его манера обрисовки характеровъ, его пріемы изображенія. Во-первыхъ,—образъ у него и по внѣшности, и внутренне почти никогда не бываетъ разностороннимъ. Эволюція Горькаго принесла ему драгоцѣнный даръ видѣть зло безъ злодѣя и видѣть въ злодѣѣ—человѣка; но въ системѣ изображенія не нравственной стороны образа, а внѣшности, характера, темперамента его и т. д.—Горькій всегда сосредоточиваетъ вниманіе на главенствующей чертѣ, на общемъ впечатлѣніи. Онъ не лѣпитъ образъ черта за чертой, а обычно сразу кладетъ на бумагу то, что поразило его въ цѣломъ, что сообщило его лирическому впечатлѣнію ту или иную рѣзкую (почти всегда рѣзкую) окраску. Попробуйте, не перечитывая, воскресить въ своей памяти фигуры Челкаша, Артема, Каина, Мальвы, Проходимца, Изергили, Гришки Орлова, Коновалова, Аристида Кувалды, Ѳомы Гордѣева, и т. д., и т. д.,—вы

вспомните не столько тотъ или иной живой и многосторонній образъ съ игрою нравственной свѣтотѣни, со сложнымъ міромъ противорѣчій, наконецъ, со сложнымъ внѣшнимъ обликомъ,— сколько ту или иную рѣзкую, острую, отграниченную черту, не сливающуюся съ другими чертами, запечатлѣнную какою-либо господствующей страстью.

То же самое и въ позднѣйшихъ произведеніяхъ. Вотъ какъ, напримѣръ, воспринимаетъ Горькій внѣшніе образы встрѣчныхъ людей и изображаетъ много лѣтъ спустя въ „Дѣтствѣ“: „Лицо у него (дяди Петра) было плетеное, какъ рѣшето, все изъ тонкихъ кожаныхъ жгутиковъ, между ними прыгали, точно чижи въ клѣткѣ, смѣшные бойкіе глаза съ желтоватыми бѣлками. Сивые волосы его курчавились, бородка вилась кольцами; онъ курилъ трубку, дымъ ея—одного цвѣта съ волосами—тоже завивался, и рѣчь его была кудрява, изобилуя прибаутками“.

Еще изображеніе, изъ „Дѣтства“ же: „Учитель былъ желтый, лысый, у него постоянно текла кровь изъ носа; онъ являлся въ классъ, заткнувъ ноздри ватой, садился за столъ, гнусаво спрашивалъ уроки и вдругъ, замолчавъ на полусловѣ, вытаскивалъ вату изъ ноздрей, разглядывая ее, качая головою. Лицо у него было плоское, мѣдное, окисшее, въ морщинахъ лежала какая-то прозелень, особенно уродовали это лицо совершенно лишніе на мъ оловянные глаза, такъ непріятно прилипавшіе къ моему лицу, что всегда хотѣлось вытереть щеки ладонью“.

Это—образы дѣйствительности, а не воображенія: именно такими, стало быть, видѣлъ ихъ Горькій. Если же обратиться къ нимъ, то окажется, что всѣ черты перваго группируются вокругъ одной: кудрявости; всѣ черты учителя опять-таки слагаются вокругъ одной: какой-то заплеснѣвѣлости. Авторъ здѣсь не стилизуетъ сознательно, но безсознательно воспринимаетъ образы въ формѣ какъ бы стилизованной, съ рѣзкимъ преобладаніемъ одной черты, подавляющей всѣ остальныя. Это простирается до того, что въ поразительномъ, какомъ-то осязаемомъ изображеніи учителя мы находимъ даже прозелень въ морщинахъ. Откуда взялась она? Отъ общаго-же впечатлѣнія: лицо у учителя *мѣдное, окисшее*, а въ такомъ случаѣ невольно появляется уже и прозелень, какъ на окисшей натуральной мѣди.

Тѣми же пріемами изображаетъ авторъ и внутренній міръ своихъ героевъ. Въ „Дѣтствѣ“ — мать, бабушка, дѣдъ, дядья, отчимъ, мастера, сверстники; въ „Матвѣѣ Кожемякинѣ“—Матвѣй, отецъ его, Палага, постоялка, Шакиръ, Пушкарь и т. д., и т. д. — длинная вереница удивительно яркихъ фигуръ, рѣзко западающихъ въ душу—каждый изъ нихъ рѣзко отграниченъ именно какою-нибудь господствующей чертой характера, страстью, опредѣленнымъ стремленіемъ. Въ то время, какъ другіе художники достигаютъ индивидуализаціи своихъ героевъ ихъ *полнымъ* изо-

браженіемъ, всесторонней обрисовкой (манера эпическая), Горькій добивается того же результата сосредоточеніемъ на господствующей чертѣ, втягивающей и подчиняющей остальныя. Онъ стилизуетъ безсознательно, какъ лирикъ, потому только, что сама жизнь отлагаетъ въ его душѣ впечатлѣнія стилизованныя.

И то же самое наблюдается въ его пейзажахъ. Сравните послѣдніе съ пейзажами, напримѣръ, Тургенева, В. Г. Короленка—у нихъ всегда найдется мѣсто для детали, для малаго на фонѣ крупнаго, причемъ подробность выписана съ тою же любовной тщательностью, какъ и крупное. И только затѣмъ уже является замыкающій композицію лирическій охватъ въ формѣ нѣсколькихъ строкъ общаго авторскаго впечатлѣнія. Если послѣднее и предшествуетъ детальному описанію, то лишь какъ ключъ къ послѣднему.

Не то совсѣмъ у Горькаго. У него деталь вообще почти отсутствуетъ и самое описаніе есть не что иное, какъ матеріализованное и по большей части метафорическое изображеніе лирическаго впечатлѣнія, всегда почти болѣе характернаго именно общимъ своимъ смысломъ, чѣмъ своими элементами. „Незамѣтно плыветъ надъ Волгой солнце; каждый часъ все вокругъ ново, все мѣняется; зеленыя горы—какъ пышныя складки на богатой одеждѣ земли; по берегамъ стоятъ города и села, точно пряничные издали; золотой осенній листъ плыветъ по водѣ",—сильно, сжато, ярко, характерно, но обще.

Еще примѣръ: „Летитъ степью вѣтеръ и бьетъ въ стѣну Кавказскихъ горъ, горный хребетъ надулся, точно огромный парусъ и земля—со свистомъ—несется среди бездонныхъ голубыхъ пропастей, оставляя за собою изорванныя вѣтромъ облака, а тѣни ихъ скользятъ по землѣ, цѣпляются за нее, не могутъ удержаться и—плачутъ, стонутъ"...

Еще: „Волнистая равнина вся исхлестана сѣрыми дорогами и пестрый городъ Окуровъ посреди нея—какъ затѣйливая игрушка на широкой сморщенной ладони".

Описаніе храма въ богатой станицѣ: „Посреди станицы въ небо поднялась краснокирпичная церковь о пяти главахъ, съ колокольней надъ папертью; наличники оконъ оштукатурены и покрашены желтоватой краской—церковь какъ будто слѣплена изъ мяса, обильно прослоеннаго жиромъ, тѣнь ея тучна и тяжела: храмъ, созданный сытыми людьми большому спокойному Богу". Въ этомъ шедеврѣ художественной тенденціозности все выражаетъ лишь одно общее впечатлѣніе.

О томъ, въ какой мѣрѣ эта обобщенность изображенія характерна для Горькаго, говоритъ краснорѣчиво и то, между прочимъ, что именно эта черта въ немъ давно кинулась въ глаза читателю, давно усвоена литературой: недаромъ застряла въ ней манера, практикуемая весьма многими, начинать описанія рѣзкой нотой

вродѣ памятнаго „Море смѣялось“, гдѣ дальнѣйшее — простая аранжировка этого лирическаго мотива.

И ту же манеру вы встрѣтите у Горькаго, въ сущности, на каждомъ шагу, не только въ пейзажѣ или въ характеристикѣ,— таковъ онъ и въ массовой сценѣ, въ жанрѣ, въ бытовой картинкѣ. Прочтите описаніе работы булочниковъ въ „Хозяинѣ“, демонстраціи—въ „Матери“, замѣчательной картины исцѣленія болящей въ „Исповѣди“, многочисленныхъ описаній хорового пѣнія,—повсюду вы замѣтите это лирическое авторское впечатлѣніе, все насквозь проникающее, все формирующее и все родившее. Въ качествѣ заключительнаго штриха напомнимъ лишь одну коротенькую картинку просыпающагося захолустнаго городка: „Въ улицѣ, скрипя, отворялись ворота, хлопали калитки, гремѣли болты ставень, не торопясь, выходили люди—словно городъ, проснувшись, лѣниво кашлялъ и отхаркивалъ темные куски мокроты“.

Что-то грубое, ненужное есть въ этомъ сравненіи,—но вопросъ не въ этомъ, а въ ясно чувствуемой манерѣ автора и здѣсь все свести къ какому-то общему, въ данномъ случаѣ унылому, тягостному впечатлѣнію, къ которому все остальное въ цитированныхъ строчкахъ относится, какъ средство къ цѣли, какъ матеріалъ къ сооруженію...

Горькій нынѣ далъ возможность читателю провѣрить съ значительной точностью гипотезу о лирическомъ характерѣ его творчества, какъ опредѣляющей все остальное чертѣ. Эта возможность открылась въ „Дѣтствѣ“. Внимательное разсмотрѣніе этого замѣчательнаго произведенія убѣждаетъ насъ въ томъ, что оно почти совершенно лишено тѣхъ обычныхъ Горьковскихъ промаховъ, о которыхъ выше было говорено. Здѣсь всѣ говорятъ каждый на свой ладъ, сообразно со своей индивидуальностью. Здѣсь мы не встрѣтимъ (или почти не встрѣтимъ) этихъ досадныхъ поясненій читателю, ни мало въ нихъ не нуждающемуся. Здѣсь нѣтъ образовъ, которые играли бы роль резонеровъ, не смотря на то, что въ книгѣ—безконечно много всякихъ поученій: вся она въ сущности состоитъ изъ поученій—теоретическихъ, преподаваемыхъ ребенку бабушкой, дѣдомъ, матерью и многими другими, практическихъ — практикуемыхъ улицей, сверстниками и т. д.

Откуда же это отличіе „Дѣтства“ отъ *всего* остального, созданнаго Горькимъ? Оттого исключительно, что характеръ самаго произведенія властно ограничилъ автора, предоставилъ полный просторъ его силѣ и отнялъ всѣ возможности обычно грѣшить... Въ самомъ дѣлѣ: для сосредоточенной Горьковской силы крупныхъ характеристикъ, для порою могучаго, авторскаго лиризма, для его захватывающей любви и такой же ненависти, для его скорби о злѣ, причиняемомъ человѣку человѣкомъ,—для всего этого припоминаніе и изображеніе всѣхъ впечатлѣній бытія въ

„Дѣтствѣ“ являлось широкимъ полемъ. Могъ ли авторъ сильнѣе кого-либо любить, чѣмъ тѣхъ, кто первый научилъ его добру, состраданію, уваженію къ матери, къ человѣку? Могъ ли онъ сильнѣе ненавидѣть какое-либо зло, чѣмъ то, которое отравило его первоначальные годы? И могъ ли онъ въ чемъ-либо съ большей свободой отдаться лирическимъ движеніямъ своей души?

Съ другой стороны — „выдумывать“ и „надумывать“ онъ лишенъ былъ возможности. Какъ ни много проповѣдей и поученій въ книжкѣ,—каждая принадлежитъ опредѣленному живому лицу, каждая была слышана со своими опредѣленными особенностями, словами, оборотами и мыслями. И ужъ нельзя было заставить бабушку, или дѣда, или сверстника говорить то и такъ, что и какъ хотѣлось бы, мечталось бы автору.

И оттого они вышли всѣ живы, ярки и поучительны, не соблазняя автора еще болѣе ихъ „разъяснять“, т. е. портить. Да онъ и не могъ этого дѣлать хотя бы потому, что не чувствовалъ за собою права вмѣшиваться въ „постороннее дѣло“, становиться между читателемъ и лицомъ нѣкогда живымъ и ожившимъ нынѣ для читателя. Конечно, авторъ въ главномъ остался вѣренъ себѣ и здѣсь: онъ и здѣсь имѣетъ въ виду достиженіе опредѣленнаго блага для читателя, но средство для того онъ видитъ лишь въ одномъ: сообщить ему всю правду, какую онъ самъ знаетъ, — ни для возвышающаго обмана, ни для перенесенія (а не перевоплощенія) желаемаго въ сущее—здѣсь мѣста не остается: описавъ страшную, потрясающую сцену покушенія на жизнь вотчима, жестоко оскорбившаго мать автора воспоминаній, Горькій останавливается въ раздумьѣ: „Вспоминая эти свинцовыя мерзости дикой русской жизни, я минутами спрашиваю себя: да стоитъ ли говорить объ этомъ? И, съ обновленной увѣренностью, отвѣчаю себѣ: стоитъ; ибо это—живучая, подлая правда, она не издохла и по сей день. Это та правда, которую необходимо знать до корня, чтобы съ корнемъ же и выдрать ее изъ памяти, изъ души человѣка, изъ всей жизни нашей, тяжкой и позорной“.

Здѣсь все характерно: и лиризмъ обращенія, и указаніе на опредѣленную цѣль, которую авторъ всегда видитъ предъ собою, но путь достиженія цѣли предъ авторомъ по необходимости только одинъ: правда безъ всякихъ прикрасъ и самообмана, хотя и самаго возвышеннаго. Вотъ по какой причинѣ этотъ опытъ ограниченія автора отсѣкъ лишь его недостатки, не затронувъ достоинствъ. Онъ же, повторяю, косвенно даетъ указаніе и на подлинный, основной характеръ творчества Горькаго и на отдѣльныя его особенности, указаніе вполнѣ соотвѣтствующее тѣмъ выводамъ, какіе мы получили инымъ путемъ.

Къ сказанному необходимо добавить, что самъ авторъ какъ бы чувствуетъ эту власть соблазна надъ собою: исправлять злую

правду („правду-истину") правдой идеала, подсказываемой его сердцемъ („правдой-справедливостью"), но онъ чувствуетъ въ то же время, что въ данномъ случаѣ, то есть въ „Дѣтствѣ", это недопустимо: „оживляя прошлое,—пишетъ онъ—я самъ порою съ трудомъ вѣрю, что все было именно такъ, какъ было, и многое хочется оспорить, отвергнуть,—слишкомъ обильна жестокостью темная жизнь „неумнаго племени" (относится къ окружавшей автора средѣ). Но правда выше жалости".

Читатель изъ этого признанія имѣетъ случай убѣдиться въ томъ, какъ трудно бываетъ Горькому подчинить жалость правдѣ, отказаться отъ попытокъ „оспорить, отвергнуть" жестокости жизни...

VII.

Собственно, въ этихъ-то попыткахъ, при всемъ ихъ разнообразіи, и воплотилась эволюція творчества Горькаго. Въ корнѣ его отношеніе къ жизни и людямъ осталось то же на протяженіи всѣхъ его сочиненій; этотъ корень, какъ выше было указано,—любовь и состраданіе, съ которыми въ неразрывной связи находится и ненависть къ злу жизни. Ненависти Горькій отдалъ первые годы своего творчества, охватывающіе приблизительно томы I—V его сочиненій. Затѣмъ онъ сталъ отходить отъ этого настроенія, лишь время отъ времени отдаваясь вспышкамъ гнѣва и ненависти, чему и соотвѣтствуютъ вкрапленныя въ его позднѣйшія сочиненія отдѣльныя страницы и строки, постороннія по духу общему тону.

Почему Горькій такъ много вниманія и страсти удѣлилъ отрицательной сторонѣ жизни, почему онъ первоначально изображалъ ее какъ бы въ пароксизмѣ кипучаго озлобленія? Возможно, что рѣшающее значеніе имѣлъ здѣсь возрастъ. Съ одной стороны—зло кидается вамъ въ глаза, между тѣмъ, какъ нужно порою долго учиться наблюдать, чтобы разглядѣть во мглѣ русской жизни искры добра и красоты. Во-вторыхъ,—молодость вообще особенно нетерпѣлива, рѣзка, непримиримо-требовательна, и все это, конечно, не миновало и Горькаго, съ его громаднымъ темпераментомъ, съ исключительной чуткостью къ боли и обидѣ.

Психологія этого процесса рисуется слѣдующимъ образомъ: не любить людей авторъ не можетъ, но онъ видитъ, какъ они дурны. И поэтому онъ ихъ бичуетъ, и потому, что этимъ хочетъ ихъ исправить, и оттого, что эта стихійная любовь къ худымъ людямъ тяжела, какъ нѣчто навязанное, какъ бремя, котораго не можешь не нести. А отдыхъ отъ этой антиноміи слѣпого сердца и разума—въ босякахъ, съ ихъ измышленнымъ свободолюбіемъ и романтизмомъ.

Ослабленіе этой психологіи могло совершаться одновременно въ двухъ направленіяхъ: сквозь уродство жизни, т. е. людей (внѣ

людей авторъ находилъ до того много красоты) съ теченіемъ времени начинали просачиваться къ автору струи нравственной красоты, а въ то же время русская жизнь (и возрастъ) вносили все большее отрезвленіе въ отношенія автора къ босяку. Горькій постепенно мирился съ людьми и ссорился съ босякомъ.

Покончимъ сначала съ послѣднимъ вопросомъ. Вотъ какую краснорѣчивую страницу, не нуждающуюся въ какихъ бы то ни было комментаріяхъ, посвятилъ Горькій былому герою своего сердца—босяку въ разсказѣ „Губинъ“:

„... Русь изобилуетъ неудавшимися людьми, я уже не мало встрѣчалъ ихъ, и они всегда, съ таинственной силой магнита, притягивали къ себѣ мое вниманіе. Они казались интереснѣе, лучше густой массы обычныхъ уѣздныхъ людей, которые живутъ для работы и ради ѣды, отталкивая отъ себя все, что можетъ огорчить кусокъ хлѣба, все, что мѣшаетъ вырвать его изъ некрѣпкихъ рукъ ближняго. Угрюмо замкнутые, съ одеревенѣвшимъ сердцемъ и со взглядомъ, всегда обращеннымъ въ прошлое, или фальшиво добродушные, нарочито болтливые и будто бы веселые, но холодные изнутри, сѣрые люди, они поражали своей жестокостью, жадностью, волчьимъ отношеніемъ ко всему въ жизни. Въ плотной, скучной и жуткой массѣ этихъ зимнихъ людей неудавшійся человѣкъ очень рѣзко бросался въ глаза: онъ былъ—вдумчивѣй, живѣе, у него болѣе острое зрѣніе, онъ—умѣлъ заглянуть за скучные предѣлы обычнаго и привычнаго, у него ёмкая душа и всегда она хочетъ быть полной. Въ немъ есть стремленіе къ простору, онъ любитъ свѣтлое и самъ какъ будто свѣтится... Да, свѣтитъ, но чаще всего—обманчивымъ свѣтомъ гнилушки: присмотрѣвшись къ нему, понимаешь—съ досадой и горькой печалью,—что это лѣнтяй, хвастунъ, человѣкъ мелкій, слабый, ослѣпленный самолюбіемъ, искаженный завистью, а разстояніе между словомъ и дѣломъ у него еще глубже и шире, чѣмъ у зимняго человѣка, который, хотя и медленно, какъ улитка, но все же ползетъ куда-то по землѣ, тогда какъ неудачникъ вертится на одномъ мѣстѣ, точно безплодная старая дѣва передъ зеркаломъ...“

Этому новому взгляду на босяка соотвѣтствуетъ и рядъ изображеній его въ новомъ свѣтѣ, которыхъ мы здѣсь не станемъ разбирать. Отмѣтимъ лишь, что Горькій, вопреки тому, какъ это часто наблюдается, не отомстилъ босякамъ за свое былое ошибочное очарованіе желчнымъ и специфическимъ „разоблаченіемъ“,—босяки у него просто поставлены на свое мѣсто, возбуждая въ общемъ какъ разъ должныя чувства у читателя: горькое сожалѣніе о безплодно гибнущей силѣ.

Сложнѣе проходила другая сторона эволюціи—примиреніе съ людьми. Тутъ надобно прежде всего подчеркнуть, что Горькій нисколько не измѣнилъ своей оцѣнки того уродства и зла, какія проникаютъ людскія отношенія и искажаютъ образъ человѣка на землѣ. Не человѣкъ измѣнился въ глазахъ Горькаго, измѣнилось лишь отношеніе къ нему. Едва-ли не въ каждомъ маломальски значительномъ произведеніи своемъ Горькій со скорбью останавливается въ раздумьи передъ страшнымъ несоотвѣтствіемъ дѣйствительности и идеала человѣка. Въ „Матвѣѣ Кожемякинѣ“ онъ для этого прибѣгаетъ къ аллегоріи (не очень высокаго сорта

впрочемъ): „Человѣкъ, по имени Самсонъ, былъ (въ Окуровѣ) горбатъ, плѣшивъ, кривоносъ и шилъ картузы изъ старыхъ штановъ". Въ „Губинѣ" онъ говоритъ прямо: „Я смотрю на темное небо, на яркія звѣзды и, деревенѣя подъ тяжестью унынія, думаю: „Неужели небо и звѣзды для того, чтобы прикрыть эту жизнь? Такую?.. Развѣ для этихъ людей дана прекрасная земля!" Но всего убѣдительнѣе звучитъ эта не слишкомъ высокая оцѣнка человѣка въ разсказѣ „Рожденіе человѣка", гдѣ она лишена чувства злобы, высказана не только спокойно, но прямо ласково, примиренно, вполнѣ сознательно и убѣжденно: „Превосходная должность—быть на землѣ человѣкомъ; сколько видишь чудеснаго, какъ мучительно сладко волнуется сердце въ тихомъ восхищеніи передъ красотою! Ну, да—порою бываетъ трудно, вся грудь нальется жгучей ненавистью и тоска жадно сосетъ кровь сердца, но это—не навсегда дано, да и вѣдь самому солнцу часто очень грустно смотрѣть на людей: такъ много потрудилось оно для нихъ, а—не удались людишки..."

Но если такъ, то, во-первыхъ, въ какомъ направленіи совершилась перемѣна отношеній Горькаго къ неудавшимся людишкамъ; во-вторыхъ—что обусловило эту перемѣну? И прежде всего—такъ ли несомнѣнна и глубока самая перемѣна?

Послѣднее и всего легче, и всего труднѣе доказать. Дѣло въ томъ, что въ то время, какъ озлобленію свойственно проявляться въ отдѣльныхъ рѣзкихъ формулахъ, фразахъ и даже словахъ,—совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ философіей примиренія съ жизнью: она не въ отдѣльныхъ строчкахъ проявляется, но разлита повсюду, проникаетъ общую ткань произведенія, общій его смыслъ, тонъ и колоритъ. Изъ „Матвѣя Кожемякина", сборника „По Руси", „Дѣтства" и т. д. можно, конечно, извлечь и отдѣльные эпизоды, и тѣ или иныя фразы, въ которыхъ ясно сквозитъ отмѣченная выше примиренность, но все это слишкомъ блѣдно въ сравненіи съ убѣдительностью цѣлаго. Прочтите „Бывшихъ людей" или „Челкаша"—съ одной, „Нилушку" или „Матвѣя Кожемякина", или „Рожденіе человѣка"—съ другой стороны, и вы безъ всякихъ колебаній установите два совершенно различныхъ авторскихъ настроенія: одно—полное любовной ненависти къ дурно живущимъ людямъ, другое—полное любовной жалости за то же самое. Если ужь нужно установить эти полюсы, то вотъ двѣ короткія цитаты. Первая—изъ ранняго разсказа „Въ степи", его заканчивающая: „Никто ни въ чемъ не виноватъ, ибо всѣ мы одинаково—скоты":—грубо, опредѣленно жестко и почти безнадежно. Вторая—изъ поздняго разсказа „Женщина": „Го-осподи,—томится женщина, въ созвучіи съ тоскою самого автора—жалко всѣхъ... всю-то жизнь жалко, всю насквозь, всѣхъ людей..."—ни единой нотки озлобленія, или осужденія, чистѣйшая и громадной силы тоскующая жалость. А между тѣмъ

поводъ къ жалости и тоскѣ здѣсь тотъ же, что и въ первомъ случаѣ къ жестокому презрѣнію: несовершенство людей. Отсюда очевидна становится какъ самая перемѣна, такъ и ея направленіе, и намъ остается отвѣтить на вопросъ о причинахъ, ее обусловившихъ.

VIII.

Разумѣется, въ этомъ-то вопросѣ и заключается главный интересъ эволюціи Горькаго, ибо отвѣтъ на него долженъ раскрыть, такъ сказать, слагаемыя, элементы самого процесса.

На первомъ мѣстѣ здѣсь надо поставить то, что много разъ уже отмѣчалось нами: силу стихійной любви Горькаго къ людямъ. Въ формахъ ненависти къ злу она не могла длиться безпредѣльно и, по мѣрѣ утраты точки опоры въ босякѣ, спасавшемъ Горькаго отъ сплошного озлобленія, должна была пробить для себя новое русло. Въ разсказѣ „Калининъ“ мы читаемъ такой діалогъ: „Ты, видно, не очень любишь себѣ подобнаго-то?—спрашиваетъ авторъ у странника.—Возлюби ближняго твоего, яко собака палку,—отвѣтилъ онъ, а, помолчавъ, спросилъ:—за что его любить?—*Я тогда тоже не зналъ—за что*“,—отмѣчаетъ про себя авторъ.

Въ подчеркнутыхъ словахъ—драгоцѣнное признаніе: любовь не отрицается, она есть, но она слѣпа, любящій въ любимомъ еще не различаетъ ничего достойнаго любви. А между тѣмъ эти поиски оправданія своему чувству—самое обычное психологическое явленіе. Особенно, когда чувство разростается до поглощающихъ данную индивидуальность размѣровъ, до того, что „бываютъ такія минуты, когда всѣхъ людей чувствуешь какъ свое тѣло, а себя—сердцемъ всѣхъ людей.“

Пробиваніе русла и сводилось къ узнаванію „за что“, къ познанію достоинствъ даже худого человѣка. И, кажется, первымъ этапомъ въ этомъ направленіи, даже точнѣе—первымъ кристалликомъ, обросшимъ затѣмъ многими другими—было отношеніе Горькаго къ женщинѣ. Женщина никогда не встрѣчала у Горькаго столь суроваго, какъ мужчина, осужденія и укора; въ ней онъ всегда находилъ истинно-человѣчные элементы души и, вѣроятно, это было его отправной точкой въ поискахъ достоинствъ человѣка Не много писателей, для которыхъ женщина-мать была бы предметомъ такого культа, какъ у Горькаго. Это стало особенно ясно послѣ „Дѣтства“, гдѣ читатель обрѣлъ и источникъ этого религіозно-восторженнаго отношенія: бабушку, одинъ изъ самыхъ сильныхъ, трогательныхъ и въ то же время простыхъ и правдивыхъ образовъ женщины въ русской литературѣ. Въ томъ хаосѣ вражды, ненависти, злобы, жестокости, ужасовъ, которые въ совокупности составляли жизнь автора въ дѣтскіе годы, одна эта бабушка съ непостижимой силой. стойкостью, простотой и бод-

ростью отстаивала требованія правды и добра, съ кипучей любовью дѣятельно и ярко погашая собою, гдѣ и какъ только могла, огонь вражды и зла, горѣвшій вокругъ. „Это она—говоритъ авторъ,—стала на всю жизнь другомъ, самымъ близкимъ сердцу, самымъ понятнымъ и дорогимъ человѣкомъ,—это ея безкорыстная любовь къ міру обогатила меня, насытивъ крѣпкой силой для трудной жизни". Эта бабушка говорила ему: „Трудно человѣка родить, а бабъ не уважаютъ! Ты запомни: бабъ надо уважать, матерей то-есть"... Горькій „запомнилъ" совѣтъ, но принялъ его гораздо шире; и не въ совѣтѣ, конечно, дѣло (онъ только характерный знакъ), а въ живомъ примѣрѣ бабушки, женщины, быть можетъ, спасшей нѣкогда человѣка въ ребенкѣ, будущемъ писателѣ. Съ какимъ глубокимъ сочувствіемъ рисуетъ онъ стремленіе къ материнству, какъ къ правѣйшему праву, существующему на землѣ, съ какимъ негодованіемъ и скорбью обрушивается на попраніе этого права.

На исканіи женщиной удовлетворенія инстинкту материнства построенъ у Горькаго длинный рядъ эпизодовъ, и даже отдѣльныхъ разсказовъ, какъ, напримѣръ, „Женщина" въ сборникѣ „По Руси". И то же въ „Губинѣ", гдѣ авторъ пишетъ о женщинѣ, ночью крадущейся въ баню къ любовнику-регенту: „Я смотрѣлъ, какъ идетъ женщина къ своему дѣлу: это было красиво, точно сонъ". И то же въ страшной исторіи съ Палагой въ „Матвѣѣ Кожемякинѣ", и въ „Исповѣди" съ послушницей, и т. д. И то, что по отношенію къ женщинамъ чувствуетъ Матвѣй Кожемякинъ—чувствуетъ въ извѣстномъ смыслѣ и авторъ: „онѣ всѣ казались ему матерями, добрыми сестрами и невѣстами, которыя ожидаютъ жениха, какъ цвѣты солнца, всѣ онѣ стояли передъ нимъ кровно родныя ему". Характерно, что для воплощенія преображенной свѣтомъ новой правды души Горькій избралъ фигуру именно матери, такъ назвавъ и самую повѣсть и такъ же называя все время героиню, какъ бы подчеркивая, что она, какъ мать,—идетъ впереди всѣхъ другихъ своихъ свойствъ и сторонъ. И въ самой повѣсти нащупывается скрытая мысль автора—дать въ образѣ героини какъ бы мать новымъ людямъ, идущимъ на жертвы, строящимъ жизнь на праведныхъ основаніяхъ, но лишеннымъ въ большинствѣ матерей, безъ которыхъ красота ихъ жизни и подвига—не полна. Мать—и дополняетъ ее.

Слѣдующимъ по важности элементомъ примиренія послужили, на нашъ взглядъ, тѣ чуждые окружающему злу люди, которыхъ Горькій встрѣчалъ на своемъ жизненномъ пути. У Горькаго одинъ герой высказываетъ такое желаніе: „Я, понимаешь, такого бы человѣка хотѣлъ встрѣтить, чтобы снять мнѣ передъ нимъ шапку и сказать: „покорнѣйше васъ благодарю, что родились вы и живете!" Желаніе это—весьма распространено среди искателей правды вообще (этотъ же герой такъ объясняетъ его: „ты пойми:

есть хорошіе люди—все оправдано! И я оправданъ, и ты"), особенно сильно оно у испытавшихъ много зла. Горькій страстно ищетъ такого человѣка, и мы видѣли выше, какъ онъ, не находя въ жизни, лирически создаетъ суррогатъ если не совершеннаго, то хоть просто человѣка съ искрой Божіей въ обликѣ своемъ. Отсюда можно судить о силѣ впечатлѣнія, которое производили на него люди, дѣйствительно, особенные, отмѣченные свыше. Ихъ нѣсколько въ его произведеніяхъ, и среди нихъ намѣчаются двѣ разновидности: отщепенцы и блаженные. Долгое время Горькій не могъ воспѣть славы отщепенцу потому, что старательно воплощалъ въ своихъ произведеніяхъ начало коллективизма и все проповѣдывалъ гибельность отдѣленія „я" отъ цѣлаго („Исповѣдь", „Лѣто", „Мать" и т. д.). Но затѣмъ, когда онъ прошелъ черезъ разсудочный періодъ своей раціонализирующей беллетристики,—онъ отдалъ дань внутренней симпатіи къ людямъ, отдѣляющимся отъ окружающей среды не въ силу брезгливости или гордости, а просто, какъ явленія высшаго порядка, стихійно, даже не столько отдѣляющіеся, сколько средою отдѣляемые, а порою и удаляемые. Въ „Дѣтствѣ", чуждомъ теоретизированію, Горькій съ глубокимъ вниманіемъ остановился на одномъ такомъ отщепенцѣ и обрисовку образа этого человѣка и своихъ отношеній съ нимъ закончилъ многозначительными словами: „кончилась моя дружба съ первымъ человѣкомъ изъ безконечнаго ряда чужихъ людей въ родной своей странѣ,—лучшихъ людей ея..."

Можно думать, что образъ такого отщепенца явится въ ближайшіе годы исходнымъ пунктомъ для безпокойнаго сердца писателя.

Ту значительность которую должно было имѣть для подавленнаго окружающимъ зломъ автора явленіе, просто чуждое угрюмой средѣ, въ чемъ бы эта отчужденность ни выражалась, Горькій прекрасно изобразилъ въ „Нилушкѣ":

„Мимо окна моей комнаты плыветъ, подпрыгивая, прекрасная, въ золотыхъ кудряхъ, голова дурачка Нилушки, какъ будто сама земля любовно подбрасываетъ его. Онъ похожъ на ангела древняго письма съ южныхъ или сѣверныхъ вратъ старенькой церкви; его смуглое лицо закопчено дымомъ воска и масла; васильковые глаза свѣтятся неземною холодной улыбкой. Онъ въ розовой—ниже колѣнъ—рубахѣ, ступни ногъ у него черныя, въ цыпкахъ, тонкія икры стройны, бѣлы, какъ у женщины, и покрыты золотымъ пухомъ. Прыгая на одной ногѣ и улыбаясь, онъ взмахиваетъ руками,—широкіе рукава и полы рубахи взлетаютъ на воздухъ,—Нилушка точно теплымъ облакомъ окутанъ и поетъ дѣтскимъ голосомъ, пришептывая, заикаясь. Поетъ и весь свѣтится теплымъ свѣтомъ всему чужого веселья, легкій такой, пріятный, внутренно чистый, легко вызывающій добрыя улыбки, мягкія чувства. Когда онъ на улицѣ,—слобода живетъ тише, кажется благообразнѣе, люди смотрятъ на безумца болѣе ласково, чѣмъ на своихъ дѣтей, и кажется, что даже самымъ злымъ онъ близокъ и милъ. Летя въ золотисто-пыльномъ воздухѣ, его тонкая, стройная

фигурка, должно быть, всѣмъ одинаково напоминаетъ церковь, ангеловъ, Бога, рай".

Вы видите, что этотъ дурачокъ подымается здѣсь до степени символа нѣкоего благообразія, самымъ фактомъ своего существованія очищающаго уродливую, тяжелую атмосферу слободки. Именно таковъ смыслъ разсказа, его нравственная философія. И ошибочно было бы думать, что авторъ здѣсь изображаетъ лишь чувства слобожанъ, самому ему чуждыя,—нѣтъ, онъ даетъ понять читателю, что Нилушка, какъ явленіе, хотя бы и отрицательно чуждое злой атмосферѣ, уже eo ipso — спасающій фактъ; онъ — явленіе другого міра, напоминающее людямъ, что, кромѣ злобы, вражды, водки, страшныхъ жестокостей, — есть какой-то міръ красоты, безсознательно, но страстно всѣми взыскуемый... И нельзя не предположить съ большой долей увѣренности, что для автора этотъ Нилушка, какъ и отщепенецъ со страннымъ прозвищемъ „Хорошее дѣло" изъ „Дѣтства", должны были послужить нравственно-эстетическимъ прибѣжищемъ въ усталости отъ зла жизни и отчасти даже мостикомъ къ новому, болѣе примиренному, отношенію къ людямъ, все-таки не сплошь и не до конца безобразнымъ.

Быть можетъ, именно на такихъ встрѣчахъ Горькій и выучился извлекать затѣмъ изъ жизни осколки той же красоты, незамѣтно вкрапленные въ ея сѣрую толщу. Это было уже активнымъ шагомъ въ сторону примиренія съ человѣкомъ, и Горькій объ этомъ мимоходомъ говоритъ въ разсказѣ „Въ ущельѣ". Съ заразительной эмоціональностью это передано какъ-то отрывочно, въ фактахъ разнородныхъ и этимъ-то неожиданнымъ сопоставленіемъ ярко выражающихъ то важное, общее, и объединяющее, что въ нихъ заключено. Этотъ рядъ фактовъ, — подобно различнымъ „подготовительнымъ" воспоминаніямъ Тяпушкина въ очеркѣ Гл. Успенскаго „Выпрямила", даетъ въ совокупности то, что — если не выпрямило, то выпрямляло Горькаго...

Первый такой фактъ:

...Жилъ въ Казани студентъ, бѣлобрысый вятичъ, — однажды я слышалъ, какъ онъ сказалъ: — „Прежде всего я узнаю: есть Богъ или нѣтъ? Начинать нужно съ этого"... И больше ничего.

И затѣмъ авторъ продолжаетъ:

Тамъ же была акушерка Велихова, женщина очень красивая и — говорили—распутная; однажды она стояла на горѣ, надъ рѣкой Казанкой, за Арскимъ полемъ, глядя въ луга и на синюю полосу Волги вдали; смотрѣла туда долго, нѣмо и вдругъ, поблѣднѣвъ, радостно сверкая хорошими въ слезахъ глазами, вскрикнула тихо, но такъ, что всѣ слышали ея слова:— Нѣтъ, друзья мои!—поглядите же, какая земля наша милая, какая она прекрасная! Давайте, поклянемся передъ нею въ томъ, что будемъ честно жить!

Далѣе припомнилъ авторъ:

На Камѣ, высокій, русый молодецъ съ лицомъ озорника и хитрыми глазами любовался окружающей красотою, „все хмельнѣй становилась улыбка молодого—въ темной бородкѣ — лица, все ярче разгоралось оно радостью, и вдругъ, сорвавъ картузъ съ головы, парень сильнымъ размахомъ шлепнулъ его о воду золотой рѣки, закричалъ:—„Эхъ, Кама-матушка родная, люблю! Не сдамъ“!

Что эти картины дали автору, чѣмъ ободрили, что обобщаетъ ихъ? Студентъ своимъ неожиданнымъ заявленіемъ какъ бы указалъ автору, что подъ невидной оболочкой въ человѣкѣ русскомъ таится порою важное, серьезное, самое необходимое въ жизни. Акушерка Велихова показала, на какой сильный и чистый порывъ способенъ порою человѣкъ, отъ котораго совсѣмъ не ждешь этого. И молодецъ на Камѣ обнаружилъ своимъ восклицаніемъ способность къ внезапному взлету духа.

Все это въ цѣломъ ободряетъ автора, спасаетъ его отъ отчаянья, примиряетъ съ человѣкомъ: есть ростки — значитъ возможно и развитіе ихъ, и побѣда надъ противоположными, темными началами русской жизни. Они даютъ Горькому возможность и вспомнить, и попытаться примѣнить въ жизни обычай бабушки изъ „Дѣтства“: не задерживаться на злѣ сердцемъ, хотя и не закрывать на него глаза.

И въ результатѣ дѣйствія всѣхъ перечисленныхъ факторовъ—новое отношеніе къ жизни и людямъ, которое съ под купающимъ лиризмомъ авторъ выразилъ въ концѣ разсказа „Калининъ“: „Съ каждымъ днемъ все болѣе неисчислимы нити, связующія мое сердце съ міромъ, и сердце копитъ что-то, отъ чего все ростетъ въ немъ чувство любви къ жизни, вниманіе къ человѣку. Иду во тьмѣ, и самъ себѣ свѣчу; мнѣ кажется, что живой фонарь въ груди моей, краснымъ огнемъ горитъ сердце, и такъ жарко хочется, чтобы кто-то боязливый, заплутавшійся въ ночи—увидалъ этотъ маленькій огонь“...

И все-таки надо еще и еще разъ подчеркнуть, что Горькій и въ этомъ новомъ своемъ отношеніи къ людямъ не закрылъ глазъ на ихъ безобразіе и уродство. Но въ то время, какъ прежде эти уродства какъ бы запирали предъ нимъ тупикомъ перспективу жизни и факты зла ложились одинъ на другой все болѣе отягощающимъ грузомъ, — позднѣе авторъ научился иначе все это принимать и, казня зло, щадитъ человѣка, порой безсознательнаго его исполнителя и носителя, мысленно какъ бы обращаясь къ нему на манеръ своего героя дяди Марка: „Не стѣсняйся, братъ, видалъ я людей гораздо хуже тебя, говори все прямо!“ Уже не мечтаетъ авторъ объ уходѣ отъ людей, не ищетъ отдыха въ этихъ удаленіяхъ, какъ прежде, а просто заявляетъ: „Посѣяны звѣзды въ небѣ и земля — звѣзда; посѣяны люди на землѣ, и я среди нихъ, чтобы безстрашно ходить по всѣмъ дорогамъ, видѣть всякое горе, всю радость жизни и вмѣстѣ съ людьми пить медъ

и ядъ". Это, конечно, не фаталистическая покорность судьбѣ, а глубоко продуманное и прочувствованное, новое, смягченное и примиренное отношеніе къ людямъ, каковы они есть, хотя... и „не удались людишки"...

IX.

Все это сказалось подлиннымъ переворотомъ въ творчествѣ Горькаго, какъ въ формѣ, такъ и въ содержаніи его. Конечно, не сразу все это произошло и не въ одинъ день отлилось въ новые литературные факты. Но одно обстоятельство сообщило указанной перемѣнѣ дѣйствительно сильный и рѣзкій толчокъ, замѣтно ускорившій теченіе этого процесса, придавшій ему характеръ внезапности и даже значительно скомкавшій его, лишившій на нѣкоторое время признаковъ органичности. Это—событія 1904—1907 гг. Они шли какъ разъ въ направленіи эволюціи Горькаго и они, такъ сказать, соблазнили его. Онъ едва только успѣлъ начать внутренно перестраиваться съ тоновъ негодованія на тонъ жалости, только что сталъ учиться замѣчать въ толщѣ зла ростки добра и красоты, только что вступилъ на путь надеждъ и вѣры въ лучшее будущее человѣка и въ его способность къ перестройкѣ жизни на новыхъ началахъ,—какъ нахлынули событія, способныя вскружить голову человѣку съ менѣе романтической головой, менѣе лирическимъ темпераментомъ, чѣмъ Горькій. То, что рисовалось въ далекомъ будущемъ и оттуда манило воображеніе, — вдругъ придвинулось вплотную. И Горькій не отдѣлилъ экстренныхъ событій и экстренной психологіи людей того времени отъ обычнаго времени, обычныхъ событій и обычной психологіи. Онъ радостно увѣрилъ себя, что мечта близка къ осуществленію, и соотвѣтственно съ этимъ сталъ изображать и жизнь, и людей не въ свѣтѣ опредѣленнаго историческаго момента, но просто людей, какъ таковыхъ. Онъ ихъ не видѣлъ такими вокругъ себя, онъ не видѣлъ ихъ, повидимому, даже въ своемъ воображеніи (точнѣе—видѣлъ частично, а частично дополнялъ разсудочной работой, примѣры чего были выше приведены), онъ ихъ видѣлъ въ желаніи своемъ и—далъ помѣсь образа съ публицистикой, порою осиленной темпераментомъ художника, порою едва прикрытой. Въ сущности,—здѣсь повторилось то же, что и съ босяками, съ тою лишь разницей, во-первыхъ, что тамъ процессъ романтизаціи былъ медленнѣе и потому естественнѣе, и во-вторыхъ, — то не такъ кидалось въ глаза своимъ несоотвѣтствіемъ съ дѣйствительностью. Почему? Потому что самая среда босяковъ была чужда восхищавшимся ими читателямъ, принимавшимъ эти перья и плащи на вѣру. И кромѣ того, въ то время, какъ дерзость и мнимый протестъ романтизованныхъ босяковъ падалъ на почву предреволюціоннаго возбужденія, вызывая бурю сочувствія, публика, читавшая такія произведенія, какъ „Мать", „Лѣто" и др., — была

уже совсѣмъ иная. Это уже была публика усталая, какъ разъ тѣмъ и утомленная, къ чему авторъ призывалъ сочувственное вниманіе, публика съ устремленіемъ къ эстетизаціи, архаизиціи, къ проблемѣ пола, къ театрамъ ужасовъ, къ эстетическимъ самоубійствамъ, къ покаянію, близкому къ самооплеванію, къ насмѣшкѣ надъ вчерашнимъ днемъ, какъ надъ дѣтскимъ увлеченіемъ. Произведенія Горькаго казались упрямымъ приставаніемъ „кончившагося писателя", въ то время, какъ въ извѣстномъ смыслѣ можно было говорить о кончившемся читателѣ, — и порождаемое этими досадливыми напоминаніями о вчерашнемъ днѣ раздраженіе нашло удобный выходъ — отмахнуться отъ писателя, какъ выдохшагося...

Не станемъ задерживаться на этомъ переходномъ періодѣ творчества Горькаго,—онъ и менѣе интересенъ, чѣмъ другіе, и попутно былъ на своемъ мѣстѣ охарактеризованъ. Мы можемъ прямо перейти къ вопросу, какъ отразилась перемѣна въ отношеніи Горькаго къ человѣку на его главныхъ произведеніяхъ послѣдней эпохи.

Прежде всего надо отмѣтить появленіе въ галлереѣ его образовъ фигуръ положительныхъ въ прямомъ и простомъ значеніи слова. Ихъ необходимо отличать отъ тѣхъ прежнихъ героевъ, которымъ самъ авторъ, а часто и читатель, сочувствовали, даже относились къ нимъ съ симпатіей, но гдѣ все это имѣло характеръ относительный. Какой-нибудь Челкашъ или Аристидъ Кувалда самъ по себѣ былъ либо паразитъ, либо хищный волкъ, или еще что-нибудь въ томъ же родѣ. Но на людскомъ фонѣ, изображаемомъ Горькимъ, онъ былъ относительно пріемлемѣе, не столь удручалъ душу безнадежной сѣростью и оставлялъ хоть тѣнь надежды на будущее. Между тѣмъ въ послѣднихъ произведеніяхъ, и не только въ строго фактическомъ „Дѣтствѣ", но и въ созданіяхъ авторскаго воображенія, все чаще сталъ появляться образъ человѣка, подлинно положительнаго, не условно, а безусловно положительнаго. Таковы, напримѣръ, Палага, Пушкарь, Шакиръ изъ „Матвѣя Кожемякина", тамъ же дядя Маркъ, ребенокъ-акробатъ изъ разсказа „Мальчикъ", женщина-странница изъ разсказа „Женщина" и т. д. Притомъ надобно замѣтить, что въ изображеніи этихъ фигуръ чувствуется особенная какая-то авторская „охота", что ли, особенная заразительная эмоціональность, точно процессъ созданія этихъ образовъ былъ большимъ и веселымъ праздникомъ для автора.

Не менѣе характерно, что та же просвѣтленность сказалась не только въ изображеніи людей, но и въ эпизодахъ безличнаго характера, въ самомъ стилѣ наконецъ. Осталась эта склонность къ широкому лирическому охвату, но изъ него ушелъ (или почти ушелъ) колоритъ мрачности, тоски. Если онъ и появляется, то обычно въ сопровожденіи и другихъ, свѣтлыхъ элементовъ, всту-

пающихъ съ нимъ въ борьбу; духъ такой именно борьбы насквозь проникаетъ „Матвѣя Кожемякина“. Вдругъ появились у Горькаго подкупающія, прежде ему несвойственныя и невстрѣчаемыя, детали нѣжной и хрупкой красоты въ духѣ какъ бы Тургенева: „Работали плотники,—а въ городѣ печально и призывно пѣла мѣдь колоколовъ,—головы поднимались вверхъ, голубые глаза задумчиво тонули въ сѣроватой мглѣ, обнявшей городъ, и часто *топоръ, занесенный для удара, нерѣшительно, на секунду останавливался въ воздухѣ, точно боясь разрубить ласковый звонъ*“. Появились во множествѣ теплые эпитеты, ласкающія слова, оброненныя незамѣтно, не съ нарочитымъ стараніемъ, какъ чувствовалось еще не такъ давно („На днѣ“), а отъ избытка ихъ.

Далѣе, та же перемѣна сказалась въ трактовкѣ событій, въ сообщеніи имъ новаго смысла. Очень характерна въ этомъ отношеніи страшная исторія убійства мужемъ жены за сожительство ея съ пасынкомъ, описанная въ „Матвѣѣ Кожемякинѣ“. Трудно передать чувство ужаса и возмущенія, внушаемое этими страницами. Авторъ написалъ ихъ съ реализмомъ, поистинѣ безпощаднымъ, не скрыта, не затушевана ни одна страшная подробность, ни одинъ жестокій штрихъ. Но читатель, дойдя до конца, находитъ въ своемъ сердцѣ ужасъ передъ мракомъ русской жизни, горячую жалость къ жертвѣ, отвращеніе къ подлой жестокости, вообще—цѣлую гамму сложныхъ чувствъ, среди которыхъ отсутствуетъ одно; мстительная злоба къ фактическому убійцѣ бѣдной и милой Палаги. И не потому вовсе, что онъ умираетъ, не выдержавъ потрясенія, а потому, что въ его широкомъ и смѣломъ изображеніи читатель, безъ всякой указки со стороны автора, видитъ прежде всего человѣка, съ Ормуздомъ и Ариманомъ въ душѣ, отнюдь не злодѣя, а слѣпого носителя зла, навалившагося на него во мглѣ русской жизни, избравшаго его своею жертвой. Есть зло и есть должный ужасъ и отвращеніе къ нему, но нѣтъ злодѣя... Такое изображеніе стало возможно лишь въ результатѣ внутренняго просвѣтлѣнія, раскрывшаго передъ авторомъ глубокую перспективу средней человѣческой души, съ ея моремъ мрака и затерянными среди него островками, озаренными свѣтомъ—несомнѣннымъ, но робкимъ, вѣками подавляемымъ. Со свойственной Горькому досадною чертой договаривать за читателя необходимые выводы, онъ, правда, въ другомъ мѣстѣ и по другому поводу отмѣчаетъ значеніе и смыслъ этого свойства, заставляя своего Матвѣя Кожемякина записать въ дневникъ слѣдующее мнѣніе о соотвѣтственной манерѣ дяди Марка: „Хороша эта привычка у него—показывать при всякомъ случаѣ, что и за злымъ можетъ быть скрыто доброе начало, а всегда всему помѣха—человѣчья чугунная глупость“. У самого Горькаго это не только не привычка, но, напротивъ, полный разрывъ съ противоположной „привычкой“.

Въ подходѣ къ аналогичнымъ мотивамъ также сказалась раз-

ница между прежнимъ и новымъ Горькимъ. И не въ томъ только смыслѣ, что прежде Горькій смотрѣлъ на крестьянина, напримѣръ, сквозь очки опредѣленной теоріи, сообщая и рѣчи, и мыслямъ его извѣстный каноническій колоритъ, въ то время, какъ теперь рисуетъ его непринужденно, свободно и потому индивидуально. Характернѣе сказалась разница въ томъ, какъ Горькій, давая прежнюю внѣшнюю оболочку образу, открываетъ въ ней новое содержаніе. Такъ, въ повѣсти „Хозяинъ", онъ за обычными и привычными чертами хищника-эксплуататора, столь же рельефными въ повѣсти, какъ и въ прежнихъ вещахъ, показалъ читателю крайне интересныя черты національнаго порядка: отсутствіе бытовой прочности, устойчивой психологіи, вялость и растерянность души, недоконченность духовнаго скелета русскаго человѣка, зря гибнущую силу.

Особенно любопытно сравнить стараго Горькаго съ новымъ въ разсказахъ „Каинъ и Артемъ" и „Мальчикъ". Отъ перваго разсказа—хотѣлъ того авторъ или не хотѣлъ—уносишь такое впечатлѣніе: сила ужъ тѣмъ права, что она—сила; слабость ужъ тѣмъ виновата, что она—слабость. Каинъ не внушаетъ къ себѣ ни малѣйшаго уваженія, это—рабья, трепещущая душа, въ паническомъ страхѣ ищущая прислониться къ могучей фигурѣ Артема, но могущая лишь замутить ясность полумладенческой, полузвѣриной души исполина. А въ разсказѣ „Мальчикъ", авторъ подмѣтилъ въ душѣ еврея-акробата, собирающаго по улицамъ мѣдяки,—уже нѣчто противоположное: „въ немъ олицетворилось для меня именно мужество человѣка,—не гибкое терпѣніе раба, живущаго неясными надеждами, а мужество сильнаго, который увѣренъ въ побѣдѣ". Можно съ увѣренностью сказать, что лѣтъ десять-пятнадцать назадъ Горькій въ терпѣньи мальчика-акробата нашелъ бы скорѣе именно чувство раба, какъ нашелъ онъ его въ „Каинѣ".

Наконецъ, въ чемъ всего значительнѣе проявилась эволюція Горькаго, это въ его обращеніи къ темамъ и замысламъ, рѣзко отличнымъ отъ прежнихъ, и психологически невозможнымъ въ его первоначальномъ настроеніи. Таковъ рядъ его разсказовъ, но, что особенно важно,—таковы крупнѣйшія его вещи: „Матвѣй Кожемякинъ" и „Дѣтство".

Сначала нѣсколько словъ о послѣднемъ: почему, какъ мы убѣждены, Горькій не могъ бы и вздумать писать „Дѣтство" въ эпоху „Ѳомы Гордѣева", „Бывшихъ людей", „Супруговъ Орловыхъ", „Челкаша" и т. п.? Потому, что передъ нимъ встало бы непримиримое внутреннее противорѣчіе: его дѣтство исполнено безпощаднаго зла, уродства, вражды, но, разсудку вопреки, онъ любилъ людей, окружавшихъ его дѣтство. Это противорѣчіе потенціально могло существовать, но вызвать его было возможно лишь въ процессѣ опредѣленнаго философскаго обобщенія жизни, позволяющаго принять ее съ ея зломъ, найти для послѣдняго мѣсто, если не

оправдать, то понять его и отдѣлить отъ людей, которые его творили и которыхъ авторъ любилъ. Когда авторъ дошелъ въ своей внутренней эволюціи до соотвѣтственнаго психологическаго состоянія,—онъ приступилъ къ „Дѣтству", ничего не скрывая въ немъ, никому не мстя, давая свободный выходъ и своей скорби, и своей любви.

Равнымъ образомъ Горькій могъ написать и „Матвѣя Кожемякина", лишь нащупавъ добро сквозь толщу зла и безобразія. Что такое, въ сущности, „Матвѣй Кожемякинъ"? Это—перспектива средней души, съ ея сѣростью, тоскою, надеждами и порывами. Но вѣдь именно послѣдняго, то-есть порывовъ, Горькій долгое время и не замѣчалъ въ средней душѣ. Она существовала для него, какъ тяжелый, унылый фонъ, какъ засасывающая среда, какъ нѣкій безличный человѣческій студень. „Матвѣй Кожемякинъ" —продуктъ рѣзкой реакціи противъ такого настроенія. Онъ—какъ бы покаяніе въ грѣхѣ пренебреженія къ сѣрому, среднему человѣку, и надо признаться, что покаяніе это—блестяще въ цѣломъ, блестяще и глубоко, не смотря на многіе частные промахи. Теперь его цѣнятъ мало, но пройдутъ годы и романъ Горькаго займетъ подобающее ему мѣсто. Ибо это—одна изъ немногихъ въ русской литературѣ попытка изобразить психологію уѣзднаго человѣка, въ душу котораго просачиваются идеи міровοго значенія. Надо было проникнуться глубокимъ и сочувственнымъ вниманіемъ къ этой невзрачной жизни, чтобы такъ тонко подмѣтить это необычайно интересное и важное столкновеніе консервативнаго, бездумнаго, растительнаго, жестокаго уклада жизни съ идеями и формами жизни изъ другого міра, полнаго движенія, борьбы и рѣзкихъ перемѣнъ. И какъ хорошо, что художникъ показалъ это не въ препарированномъ видѣ, а въ цѣлокупности всѣхъ фактовъ и событій, отъ мельчайшихъ до крупнѣйшихъ, составляющихъ заурядную біографію простого, уѣзднаго человѣка, въ томъ, напримѣръ, зудящемъ безпокойствѣ, которое возбуждаетъ въ героѣ ссыльная женщина, „говорящая своему ребенку—пожалуйста и чистящая мѣломъ зубы"...

X.

Выше было указано, что эволюція творчества Горькаго воплощена въ тѣхъ или иныхъ попыткахъ „оспорить", „отвергнуть" уродливости русской жизни. На анализѣ этихъ попытокъ (которыя слѣдуетъ принимать въ широкомъ и не только прямомъ значеніи слова) мы подробно остановились. Мы видѣли, какъ Горькій всегда смотрѣлъ на жизнь сквозь личное чувство и въ какомъ направленіи совершался процессъ измѣненія, точнѣе—перекраски этого чувства.

Однако все это необходимо вернуть къ опредѣленному и единому источнику, ясно раскрытому самимъ авторомъ въ его „Дѣт-

ствѣ“, незамѣнимомъ путеводителѣ по прихотливымъ изгибамъ этой сложной души. Въ „Дѣтствѣ“ мы находимъ прообразъ той цѣли и тѣхъ стремленій и упованій, которыя опредѣлили путь эволюціи этого лирика.

Здѣсь уже много разъ отмѣчалось, какая ужасающая атмосфера окружала автора въ дѣтствѣ и какъ онъ, не смотря на это, не могъ не любить тѣхъ, съ кѣмъ онъ провелъ свое дѣтство. Вотъ, напримѣръ, дѣдъ,—тутъ возникаетъ психологическое противорѣчіе: жгуче ненавидящаго насиліе ребенка онъ подвергалъ систематическому и жестокому насилію. Но... авторъ любитъ его: таковъ слѣпой фактъ, не считающійся ни съ какими доводами. Однако можно ли обойтись безъ нихъ? Какъ можно любить такого истязателя? И можно ли жить съ нимъ? И какъ съ нимъ жить?

Читатель, вѣроятно, замѣтилъ уже, что точно такіе же по существу вопросы были выше поставлены, съ тою разницей, что вмѣсто дѣда-истязателя тамъ стоялъ весь русскій народъ, съ моремъ зла, въ которомъ онъ плаваетъ. И это—не случайное и не внѣшнее сближеніе. Лирикъ-Горькій въ оправданіи жизни вообще долженъ былъ начать съ оправданія жизни его окружавшей, съ той формулы, которая дала бы выходъ его личному чувству любви къ творящимъ зло близкимъ людямъ.

Только чрезъ свое личное чувство примиренія съ тѣнями близкихъ въ дѣтствѣ, только въ процессѣ обрѣтенія ростковъ добра тамъ, гдѣ долгое время для свѣжаго воспоминанія все должно было казаться сплошнымъ мракомъ злобы, среди которой безсильно задыхаются немногія добрыя жертвы—только такимъ путемъ лирикъ-Горькій и могъ научиться иными глазами глядѣть вокругъ себя, замѣчать новое, что дотолѣ ускользало изъ поля зрѣнія удрученнаго уродствомъ жизни глаза. И если Горькій написалъ (и могъ написать) „Дѣтство“ уже послѣ того, какъ въ новомъ духѣ и тонѣ написалъ рядъ произведеній, то это въ силу того, что изображать дѣтскіе годы въ новомъ свѣтѣ можно было лишь послѣ завершенія процесса переоцѣнки, послѣ того, какъ это внутреннее броженіе окончилось и новое вино отстоялось.

Здѣсь на помощь не могло и не должно было прійти воображеніе съ его подсказываніемъ,—здѣсь художнику нуженъ былъ безупречно чистый, никакихъ сомнѣній не возбуждающій, вполнѣ опредѣлившійся аспектъ внутренняго чувства,—чистый продуктъ воспоминаній, общій характеръ и смыслъ которыхъ прочно сложился въ душѣ. Вотъ почему (это, конечно, не болѣе, какъ гипотеза) Горькій долженъ былъ начать процессъ переоцѣнки цѣнностей съ фактовъ и людей дѣтства.

И, быть можетъ, оттого именно, что вопросъ общій выросъ у Горькаго изъ вопроса личнаго, что одно перешло въ другое, при чемъ корень былъ чрезвычайно интименъ, болѣзненно близокъ,—быть можетъ, именно этимъ въ значительной степени можно

объяснить ту скорбную горячность, полную уже какъ будто не писательской, а ближе—дружеской боли за людей и страстнаго желанія имъ помочь, какія пронидаютъ съ особенной силой послѣднія произведенія писателя. Въ связи съ этимъ сугубую силу пріобрѣтаетъ знаменательный возгласъ Горькаго въ одномъ изъ послѣднихъ разсказовъ: „самый тяжкій стыдъ и великое мученіе—когда не умѣешь достойно защищать то, что любишь, чѣмъ живъ;—нѣтъ для человѣка болѣе острой муки, какъ нѣмота его сердца"... Въ этихъ словахъ ключъ къ психологіи происходящихъ съ Горькимъ внутреннихъ перемѣнъ.

XI.

Можно ли, не гадая, но основываясь на опредѣленныхъ данныхъ, судить, укрѣпился ли Горькій на описанномъ выше базисѣ отношеній къ людямъ и жизни, или же послѣдній—лишь временный этапъ? Мы убѣждены въ послѣднемъ. Характернаго значенія намеки на это уже имѣются. Они мелькали еще въ „Хозяинѣ", въ послѣднихъ публицистическихъ статьяхъ нетерпѣливый авторъ уже излагаетъ и формулируетъ свои новыя сомнѣнія.

Эти новые мотивы можно (но съ существенной оговоркой) охарактеризовать. какъ новое разочарованіе автора въ національныхъ цѣнностяхъ—въ характерѣ русскаго народа. Образъ этого разочарованія и по духу, и по субъективнымъ мотивамъ, и по элементамъ своимъ—совсѣмъ не тотъ, что въ первоначальную пору творчества Горькаго. Въ отличіе отъ того времени Горькій видитъ ростки добра, и обильные, въ народѣ. Но, съ другой стороны, въ отличіе отъ средняго, разсудочнаго періода творчества, когда чуть не каждое произведеніе заканчивалось дифирамбомъ народу („Исповѣдь", „Лѣто" и т. п.), нынѣ Горькій со все возростающей тревогой всматривается въ самый характеръ этихъ ростковъ добра, въ ихъ силу, прочность, стойкость, въ ихъ различныя свойства.

Все чаще стали появляться у Горькаго типы людей съ недюжинными природными способностями, безплодно и безтолково гибнущими даже безъ борьбы. И авторъ все болѣе склоняется къ обобщенію этихъ гибельныхъ чертъ, къ приданію имъ національнаго характера. Русскій человѣкъ, по его мнѣнію, „точно не увѣренъ, что онъ — это именно онъ, и хочетъ, чтобы его самоличность была подтверждена со стороны, извнѣ". Въ разсказахъ и разговорахъ русскаго человѣка „слышишь не утвержденіе—Вотъ--я!—а вопросъ:—я ли это?.."

Наконецъ, въ рѣзкой и опредѣленной формѣ Горькій раскрываетъ свои сомнѣнія въ статьѣ въ сборникѣ „Щитъ". Здѣсь авторъ, на первый взглядъ, точно вновь обрѣтаетъ языкъ первыхъ своихъ разсказовъ, исполненныхъ тоски, озлобленія и ненависти:

При всей любви къ людямъ, при всей жалости къ нимъ, порою засты-

ваешь въ холодномъ отчаяніи и уже съ ненавистью думается: гдѣ же эта прославленная, широкая, красивая русская душа? Такъ много говорили и говорятъ о ней, но—гдѣ же, въ чемъ дѣйственно проявляется ея ширь, ея мощь, красота? И не потому ли широка душа эта, что совершенно безформенна? Можетъ быть, именно благодаря безформенности ея, всѣ мы такъ легко поддаемся внѣшнимъ давленіямъ, столь быстро и неузнаваемо искажающимъ насъ? Мы добродушны, какъ сами же говорили про себя. Но, когда присмотришься къ русскому добродушію, видишь его очень похожимъ на азіатское безразличіе... Гдѣ-то въ глубинѣ души русскаго человѣка—все равно, баринъ онъ или мужикъ—живетъ маленькій и скверный бѣсъ пассивнаго анархизма, онъ внушаетъ намъ небрежное и безразличное отношеніе къ труду, обществу, народу, къ самимъ себѣ... Люди шестимѣсячной зимы, туманныхъ мечтаній, мы любимъ красивыя сказки, но желаніе красивой жизни не развито у насъ. И когда въ плоскости лѣнивой нашей мысли является что-то новое, безпокоящее,—мы заботимся не о томъ, чтобы принять и довѣрчиво изучить новое, а чтобы поскорѣе загнать его въ темный уголъ души и похоронить тамъ,—пусть не мѣшаетъ привычному прозябанію въ безсильныхъ надеждахъ, сѣренькихъ мечтахъ.

Что отличаетъ разочарованіе, выраженное этими словами, отъ былого безотраднаго взгляда Горькаго на людей? Или и отличія-то нѣтъ никакого, и Горькій, переживъ временную фазу примиренія съ человѣкомъ, вновь ссорится съ нимъ, возвращается къ себѣ: прежнему, но ужь на этотъ разъ даже безъ романтическихъ босяковъ?

Это, конечно, не такъ. И еслибы Горькій употреблялъ слова и выраженія еще болѣе злыя и рѣзкія—и тогда было бы ясно, что это не простой возвратъ къ прошлому; безслѣдно пережитые кризисы — вещь психологически невозможная. И въ цитируемой статьѣ есть указаніе на ту незыблемую позицію, съ который авторъ посылаетъ свои обидныя и горькія слова по адресу русскаго человѣка,—эта позиція можетъ быть названа „презумпціей любви“ въ сужденіи о человѣкѣ и въ отношеніи къ нему, и отъ прежней любви Горькаго къ человѣку она существенно отличается тѣмъ, что та была—слѣпа, а эта, нынѣшняя—осознана. Это — все то же: „не удались людишки“, — но, какіе они ни есть, лучшихъ нѣтъ и они все-таки самое лучшее, что есть на свѣтѣ: „до поры,—пишетъ авторъ—пока мы не научимся любоваться человѣкомъ, какъ самымъ красивымъ и чудеснымъ явленіемъ на планетѣ нашей, до той поры мы не освободимся отъ мерзости и лжи нашей жизни. Съ этимъ убѣжденіемъ вошелъ я въ міръ, съ нимъ уйду изъ него и, уходя, буду непоколебимо вѣрить, что когда-то міръ признаетъ:—Святая святыхъ—человѣкъ!“

Это напечатано рядомъ съ выше приведенными тяжкими укорами Горькаго русскому человѣку и въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго психологическаго противорѣчія: авторъ научился и ужь не разучится различать добро среди зла, видѣть второе и раздувать искры перваго и любоваться все-таки этими искрами и тѣмъ единственнымъ существомъ, въ которомъ онѣ горятъ—человѣкомъ...

И ужъ новое разочарованіе Горькаго въ отличіе отъ перваго не будетъ огульнымъ и порой безпредметнымъ,—въ этомъ одно изъ главныхъ его отличій. Оно въ первую голову направлено противъ отмѣченной выше безформенности души русскаго человѣка; и самая окраска этого разочарованія—не та. Былое разочарованіе гнало Горькаго отъ людей, удручавшихъ его своею ничтожностью и ненужностью, къ романтизированнымъ босякамъ, нынѣшнее—только скрѣпляетъ его связь съ „неудавшимися людишками", страстнымъ желаніемъ сдѣлать ихъ лучше, выше, свѣтлѣе. Чѣмъ хуже былъ человѣкъ, встрѣчавшійся Горькому, тѣмъ дальше хотѣлось уйти отъ него, тѣмъ ближе старается онъ подойти къ нему сейчасъ, чтобы понять его, вскрыть причины его убожества и поскорѣе помочь.

Но думается, что теперь Горькій, если не оставитъ вовсе, то значительно умѣритъ примѣненіе того пріема, какимъ онъ долгое время старался воздѣйствовать на человѣка: изображеніе его пороковъ. Это черезчуръ тяжело для его любовнаго отношенія къ человѣку и это, по неоднократно выраженной имъ мысли,—бываетъ вредно: худое какъ бы внушается человѣку и укореняется въ немъ. Однако послѣ испытанныхъ разочарованій уже нѣтъ возврата и къ пріему прикрашиванія дѣйствительности и простого игнорированія уродливыхъ сторонъ жизни. И надо полагать, что Горькій обратится теперь къ пріему своей бабушки изъ „Дѣтства", попытается соблазнять людей образами красоты и добра, но уже не измечтанными, а добытыми изъ жизни, провѣренными тяжкимъ опытомъ суровой русской жизни и такимъ тяжелымъ испытаніемъ, какъ разочарованіе въ нѣкоторыхъ національныхъ свойствахъ русской души, долгое время казавшихся особенно прекрасными. И когда думаешь — не гадаешь, но соображаешь — кому же, какой разновидности суждено теперь стать „героемъ" Горькаго, его образцомъ положительнаго типа въ Россіи, то мысль невольно обращается въ сторону человѣка со страннымъ прозвищемъ „Хорошее дѣло", къ отщепенцу, о которомъ выше было говорено. Потому что самое страшное зло, какое разглядѣлъ Горькій въ душѣ русскаго человѣка, — это ея безформенность. И онъ, по противоположности, съ удовлетвореніемъ остановится только на душѣ оформленной, съ твердыми индивидуальными очертаніями, выдерживающей давленіе извнѣ, откуда бы оно ни исходило. И такова именно душа русскаго отщепенца. Надо уяснить хорошенько, что отщепилась-то она (мы имѣемъ въ виду, конечно, идейнаго отщепенца) именно въ силу твердой опредѣленности, въ силу оформленности своего внутренняго міра, противящагося подведенію подъ общій ранжиръ духовно и умственно-бытоваго уклада, ревниваго ко всякой оригинальности. И еще надо помнить, что русскій идейный отщепенецъ обычно ведетъ войну съ окружающими разомъ на два фронта:

за независимость своей личности и—сплошь да рядомъ—за благо тѣхъ, кто провозглашаетъ его отщепенцемъ. Помыслы отщепенца, какъ и указаннаго „Хорошаго дѣла“, обычно меньше всего направлены на удовлетвореніе личныхъ повышенныхъ требованій матеріальнаго свойства, и не во имя своего матеріальнаго благополучія эти люди отщепляются отъ среды. Это тѣ русскіе „индивидуалисты“, которые — сознательно или безсознательно — за собственный рискъ выдвигаютъ свою особу въ противовѣсъ обезформливающимъ тенденціямъ русской жизни, которые, утверждая свою личность среди моря безличности и податливости, служатъ какъ разъ окружающимъ, себѣ оставляя лишь удовлетворенность сознанія, что ихъ миссія—нужна Россія.

И, когда авторъ „Дѣтства“, произведенія, въ которомъ изображается, въ сущности, процессъ уничтоженія великихъ цѣнностей русской души малымъ уваженіемъ къ личности человѣка,—когда авторъ, нарисовавъ образъ отщепенца „Хорошее дѣло“, называетъ его „человѣкомъ изъ безконечнаго ряда чужихъ людей въ родной своей странѣ,—лучшихъ людей ея...“ — тогда видно становится, что это не обмолвка, а этапъ безпокойнаго исканія на пути къ ряду новыхъ образовъ. Они даютъ автору на этотъ разъ уже вполнѣ законное право, котораго онъ постоянно добивался, „оспорить“ зло русской жизни, оспорить противовѣсомъ добра, но не придуманнаго, а живого и реальнаго. И параллельно съ оформленной душой отщепенца уже не такъ тяжко будетъ правдиво рисовать безформенную душу средняго, сѣраго русскаго человѣка, медленно, съ безконечными остановками, но все-таки поддающагося очарованію и воздѣйствію перваго и укрѣпляющаго свою робкую личность. Думается, что этотъ психологическій процессъ и эти факторы его лягутъ въ основу будущихъ изображеній замѣчательнаго русскаго художника, въ своемъ лицѣ дающаго примѣръ рѣзкой индивидуальности, послушной лишь своимъ внутреннимъ велѣніямъ, слѣдующей въ развитіи лишь своимъ законамъ.

А. Дерманъ.

ВНУТРЕННЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

I. Циркуляръ о дороговизнѣ. „Наблюдательная дѣятельность".

Въ началѣ января газеты сообщили:

Министръ внутреннихъ дѣлъ разослалъ губернаторамъ циркулярную телеграмму, въ которой указываетъ, что Государю Императору благоугодно было высочайше повелѣть обратить вниманіе мѣстныхъ властей на необходимость въ настоящее время самой рѣшительной и планомѣрной борьбы съ возростающимъ въ странѣ взвинчиваніемъ цѣнъ на продукты первой необходимости. Во исполненіе высочайшей воли министръ поручаетъ губернаторамъ привлечь городскія и земскія самоуправленія къ этой работѣ, а также предложить всѣмъ чинамъ общей и жандармской полиціи усилить въ этомъ отношеніи свою наблюдательную дѣятельность („Кіевлянинъ, 4, I)."

Въ провинціи этотъ циркуляръ вызвалъ довольно сложное движеніе въ нѣкоторыхъ кругахъ и привелъ къ довольно сложнымъ результатамъ. Такъ какъ онъ совпалъ съ днями „новаго года", то и получилъ въ просторѣчіи названіе „новогодняго". Всего проще—предложеніе чинамъ полиціи усилить наблюдательную дѣятельность. Послѣ циркуляра, дѣйствительно, стали какъ будто сильнѣе ловить и наказывать такъ называемыхъ спекулянтовъ. Дошли даже до такихъ крайностей, какъ облавы на биржахъ, — въ январѣ эту мѣру особенно энергично примѣняли въ Москвѣ. Трудно однако не замѣтить, что наблюдательная дѣятельность этого рода приводитъ къ недоумѣніямъ. Ищутъ спекулянтовъ. Но не сочли нужнымъ предварительно опредѣлить, что должно считать недозволенной спекуляціей и кого, стало быть, рѣшено ловить. Просто велѣно всѣхъ окруженныхъ облавой задержать, а затѣмъ ужь чины полиціи, руководящіе облавой, должны по собственному разумѣнію опредѣлить, кто изъ задержанныхъ спекулянтъ и кто не спекулянтъ. На первый разъ все ограничилось передрягой, прискорбной для многихъ попавшихъ подъ облаву лицъ, и провѣркой „права жительства" у нѣсколькихъ евреевъ, задержанныхъ въ числѣ прочихъ. Но вполнѣ очевидно, что столь необдуманный методъ борьбы противъ „спекуляціи" открываетъ широкія воз

можности для злоупотребленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ остается сомнительной практически важная деталь:

— Спекуляція—обычный родъ занятій коммерсанта, предпринимателя, посредника. Границы дозволеннаго и терпимаго неизвѣстны. Но пусть даже тотъ или иной чинъ найдетъ эти границы по собственному разумѣнію. Пусть онъ не остановится передъ наложеніемъ каръ на мелкаго посредника и даже крупнаго коммерсанта. Спекулируетъ однако — въ широкомъ смыслѣ этого слова—и знать. И если судьба столкнетъ полицейскаго или администратора со спекулянтомъ высшаго полета,—не повторится ли исторія чеховскаго „Хамелеона"?

Жизнь быстро разъяснила эти сомнѣнія. Одновременно съ облавами въ Москвѣ рѣшено было обслѣдовать товарные склады банковъ. И при обслѣдованіи обнаружили кое-что достойное вниманія: свыше 300.000 пудовъ сахара, ускользнувшаго отъ муниципальныхъ учрежденій, регистрирующихъ поступленіе этого продукта въ Москву. По справкамъ оказалось, что найденный сахаръ принадлежитъ члену Государственнаго Совѣта, члену главнаго комитета земскаго союза, члену главнаго управленія „Краснаго Креста", члену центральнаго продовольственнаго совѣщанія при министерствѣ земледѣлія, гласному петроградской городской думы, сосницкому уѣздному предводителю дворянства, члену правленія общества сахарозаводчиковъ и сахарозаводчику камергеру графу В. А. Мусину-Пушкину. Ускользнувшіе было 300.000 пудовъ найдены какъ разъ въ моментъ остраго сахарнаго недостатка на московскомъ рынкѣ, вслѣдствіе транспортныхъ затрудненій. Естественно возникъ рядъ небезынтересныхъ вопросовъ. Какимъ образомъ гр. Мусинъ-Пушкинъ преодолѣлъ транспортныя затрудненія? Кто ему предоставилъ 300 вагоновъ? Когда? Какъ могли эти 300 вагоновъ ускользнуть отъ контроля подлежащихъ городскихъ учрежденій? Казалось бы, сюда устремится энергія, направляемая къ уловленію спекулянтовъ. Городское управленіе возбудило было вопросъ о реквизиціи найденныхъ запасовъ. Но столь же быстро обнаружилось, что спекулятивная дѣятельность гр. Мусина-Пушкина квалифицируется московской администраціей, во всякомъ случаѣ, осторожнѣе, чѣмъ такая же дѣятельность обыкновенныхъ купцовъ и предпринимателей. А разъ такъ, то зачѣмъ собственно облавы? Кого ищутъ? Стрѣлочниковъ?

Усиленная наблюдательная дѣятельность вызываетъ недоумѣнія и въ связи съ другими мѣрами, такъ или иначе имѣющими отношеніе къ спекулянтамъ. Одно изъ важныхъ средствъ спекуляціи, взвинчивающей цѣны,—взятки. Но мѣры противъ этого застарѣлаго зла получили какъ разъ въ январѣ ожидавшееся, но тѣмъ болѣе странное направленіе. Вопреки ясно выраженному мнѣнію обширныхъ и разнообразныхъ общественныхъ круговъ, совѣтомъ министровъ одобренъ для проведенія по 87 статьѣ ос-

новныхъ законовъ проектъ о наказуемости лиходательства и объ усиленіи наказанія за лихоимство. Производитъ впечатлѣніе формальная сторона: опять 87 статья. Не менѣе важно въ данномъ случаѣ и существо. По существу даже „Новое Время" (24. I) высказывало между прочимъ, слѣдующія соображенія:

Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда взяточники сажались на позорную скамью и выслушивали обвинительный приговоръ, это достигалось лишь благодаря тому, что тѣ, кто платилъ имъ взятки вольно или невольно, при допросѣ судомъ въ качествѣ свидѣтелей подъ присягой и съ напоминаніемъ о тяжкой отвѣтственности за лжесвидѣтельство удостовѣряли дачу ими взятокъ лихоимцамъ. Такія свидѣтельскія показанія—единственный способъ изобличенія взяточниковъ, такъ какъ взятокъ при постороннихъ свидѣтеляхъ не берутъ и въ полученіи ихъ расписокъ не выдаютъ. Если судъ лишится этихъ свидѣтелей, то за единичными исключеніями онъ будетъ лишенъ всякой возможности доказывать виновность взяточниковъ. А это именно и произойдетъ, какъ только лиходателей съ мѣстъ для свидѣтелей переведутъ на скамью подсудимыхъ. Скрыть правду будетъ необходимо и тѣмъ, и другимъ въ собственныхъ шкурныхъ интересахъ. Лихоимцы будутъ говорить, что они ничего не получали, а лиходатели,—что они ничего не давали. И тѣ, и другіе выйдутъ изъ воды сухими. Въ этомъ-то все и несчастье.

Не безразличны для оцѣнки усиленной наблюдательной дѣятельности и нѣкоторыя частныя мѣропріятія отдѣльныхъ вѣдомствъ. Такъ, „министерство земледѣлія обратило вниманіе на недостатокъ оборотныхъ средстъ у сельскихъ хозяевъ".

Въ ряду мѣръ къ пополненію ихъ оборотныхъ средствъ служитъ, между прочимъ, соловексельный кредитъ въ Государственномъ банкѣ. Признавая этотъ кредитъ въ предѣлахъ прежнихъ нормъ недостаточнымъ, управляющій министерствомъ земледѣлія обратился къ управляющему Государственнымъ банкомъ съ письмомъ, въ которомъ высказывается за желательность временно повысить предоставленныя нормы соловексельнаго кредита хотя бы на 50% существующаго размѣра („Русское Слово", 31. XII)

Министерство финансовъ, „приняло во вниманіе современное положеніе угольной промышленности донецкаго района, характеризующееся накопленіемъ громадныхъ запасовъ выработаннаго топлива при затруднительности установленія правильнаго вывоза запасовъ".

Въ виду этого совѣтъ Государственнаго банка постановилъ повысить принятыя въ настоящее время нормы ссуды подъ каменный уголь и антрацитъ до максимальныхъ, допускаемыхъ уставомъ банка предѣловъ,—т. е. до 75% оцѣнки товара, выводимой на основаніи мѣстныхъ рыночныхъ цѣнъ. („Приазовскій Край", 6. I).

Неизвѣстно, какимъ вѣдомствомъ обращено вниманіе, но принимаются мѣры и къ расширенію кредита для сахарозаводчиковъ [1])... Офиціальные мотивы вкратцѣ таковы: соловексельный

---

[1]) „Русское Слово", 19. XII.

кредитъ надо расширить для усиленія сельскохозяйственнаго производства, углепромышленникамъ прибавить—для увеличенія добычи топлива и т. д. Но суть не исчерпывается мотивами. Нѣтъ нужды вообще объяснять отрицательныя стороны привилегированныхъ кредитовъ, открываемыхъ отдѣльнымъ привилегированнымъ группамъ. Еще совсѣмъ недавно указывалось прискорбное вліяніе этихъ кредитовъ на хозяйственную жизнь при нынѣшнихъ исключительныхъ условіяхъ: тѣ же, напр., сельскіе хозяева, пользуясь усиленными ссудами, искусственно задерживаютъ зерно и домогаются повышенія цѣнъ. Официальныя лица и учрежденія не возражали, соглашались; было даже обѣщано принять мѣры. Но затѣмъ на нѣкоторыхъ министерскихъ постахъ одни лица смѣнили другихъ. И продолжается расширеніе привилегированнаго кредита отдѣльнымъ привилегированнымъ группамъ.

Ниже мы увидимъ, какъ сталкивается наблюдательная дѣятельность и съ нѣкоторыми рѣшеніями по вопросу о „твердыхъ цѣнахъ"... Но оставимъ мѣры полиціи. Интереснѣе предложенное циркуляромъ привлеченіе общественныхъ силъ. На этомъ основаніи созывались экстренныя губернскія совѣщанія. Кромѣ того, губернаторы обратились съ соотвѣтственными предложеніями къ городскимъ и земскимъ учрежденіямъ. Кое-гдѣ обращеніе совпало съ земскими сессіями. Мѣстами спеціально по данному поводу созваны чрезвычайныя земскія собранія. Къ сожалѣнію, вся эта работа протекала и протекаетъ внѣ вліянія прессы. Между тѣмъ съ ея результатами, вѣроятно, придется считаться въ дальнѣйшемъ.

II. Губернскія совѣщанія и земства.

Начнемъ съ губернскихъ совѣщаній, возникшихъ на основаніи „новогодняго" циркуляра... Составъ ихъ, примѣрно, такой: въ Кіевѣ были приглашены „предсѣдатели земскихъ управъ, городскіе головы, уѣздные исправники и другія лица"; въ Харьковѣ—„предсѣдатели земскихъ управъ, городскіе головы, предводители дворянства, нѣкоторые гласные губернскаго земства и городской (харьковской) думы, уѣздные исправники, полиціймейстеръ и участковые полицейскіе пристава города Харькова"; въ Смоленскѣ—„представители мѣстнаго самоуправленія и предводители дворянства"... По сравненію съ обычными губенскими совѣщаніями этого рода различіе такое: 1) нѣтъ традиціонныхъ „представителей" торговли и промышленности, 2) присутствуютъ, хотя и не вездѣ, чины полиціи до участковыхъ приставовъ включительно. Первая особенность, повидимому, не случайна: торговцы и промышленники предполагаемые виновники взвинченныхъ цѣнъ.

Присутствіе чиновъ полиціи тоже, какъ скоро увидимъ, не случайно.

Можно замѣтить любопытную особенность: одно значеніе имѣютъ эти совѣщанія въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ обязанности и права уполномоченныхъ центральнаго продовольственнаго совѣщанія при министерствѣ земледѣлія возложены на губернаторовъ, и другое—тамъ, гдѣ эти права и обязанности возложены на иныхъ лицъ. Беру свѣдѣнія объ экстренномъ совѣщаніи перваго рода—въ Смоленскѣ. Оно

состоялось подъ предсѣдательствомъ уполномоченнаго по продовольствію населенія губернатора К. А. Шумовскаго. Открывая совѣщаніе, К. А. Шумовскій огласилъ высочайшую телеграмму на имя министра внутреннихъ дѣлъ о борьбѣ съ дороговизною и вмѣстѣ съ тѣмъ ознакомилъ собраніе съ распоряженіемъ министерства внутреннихъ дѣлъ о привлеченіи къ продовольственному дѣлу представителей органовъ мѣстныхъ самоуправленій („Смоленскій Вѣстникъ“, 14. I).

На этомъ основаніи былъ предложенъ и принятъ, между прочимъ, слѣдующій планъ продовольственной организаціи въ губерніи. 1) Во главѣ стоитъ постоянное мѣстное совѣщаніе при уполномоченномъ центральнаго учрежденія, состоящаго въ министерствѣ замледѣлія; 2) изъ состава совѣщанія при уполномоченномъ выдѣляется особое бюро для разсмотрѣнія нѣкоторыхъ спеціальныхъ вопросовъ; въ бюро входятъ представители городскихъ и земскихъ управленій, кооперативовъ и торговцевъ; 3) при губернскомъ земствѣ учреждается продовольственный отдѣлъ; онъ ведетъ общегубернскія закупки, объединяетъ дѣятельность уѣздныхъ организацій и „подготовляетъ матеріалы для совѣщанія при уполномоченномъ“; 4) при уѣздныхъ земскихъ управахъ учреждаются „продовольственныя коммиссіи въ составѣ представителей земской управы, городского самоуправленія и кооперативовъ въ равномъ числѣ, двухъ представителей отъ торговцевъ и одного отъ больничныхъ кассъ, гдѣ таковыя имѣются“; 5) продовольственныя коммиссіи выдѣляютъ изъ своего состава бюро для разсмотрѣнія вопросовъ, связанныхъ съ разрѣшительной системой перевозокъ“... О „разрѣшительной системѣ перевозокъ“ намъ придется говорить ниже. А пока отмѣчу другое: продовольственная организація, построенная по этому плану, должна юридически состоять „при уполномоченномъ центральнаго продовольственнаго совѣщанія“; фактически она возникла согласно циркуляру министра внутреннихъ дѣлъ, полученному губернаторомъ, и „при губернаторѣ“ обречена дѣйствовать. Такъ какъ обязанности и губернатора, и уполномоченнаго совмѣщаются въ одномъ лицѣ, то эта двойственность можетъ казаться несущественной.

Но вотъ аналогичныя свѣдѣнія изъ Харькова. Здѣсь обязанности уполномоченнаго возложены не на губернатора. Послѣ нѣкотораго предварительнаго и—судя по сообщеніямъ

мѣстной прессы — довольно безсистемнаго обмѣна мнѣнія предсѣдатель — исправлявшій обязанности губернатора П. Н. Масальскій - Кошуро — предложилъ совѣщанію взять на себя учредительскія функціи и пробаллотировать слѣдующее его, предсѣдателя, предложеніе: „образовать подъ предсѣдательствомъ губернатора особое совѣщаніе изъ представителей города, земства и мѣстныхъ дѣятелей, безъ права рѣшающаго голоса, для рѣшенія продовольственныхъ вопросовъ и согласованія дѣйствій въ этомъ отношеніи“. Неожиданное предложеніе вызвало дебаты:

Б. И. Каразинъ считаетъ, что постановка этого вопроса преждевременна, пока онъ не разрѣшенъ высшими государственными установленіями. Какъ членъ особаго продовольственнаго совѣщанія, онъ полагаетъ необходимымъ уклониться отъ голосованія поставленнаго вопроса и оставить на это время залъ засѣданія.

П. А. Неклюдовъ (мѣстный уполномоченный центральнаго продовольственнаго совѣщанія). Я считаю, что настоящее собраніе некомпетентно рѣшать поставленный вопросъ... Завтра я могу собрать другое совѣщаніе безъ представителей полиціи, оно дастъ и другіе результаты. Я очень прошу не ставить на баллотировку этого вопроса и прошу занести мое особое мнѣніе въ протоколъ.

Предсѣдатель. Я 22 года служилъ въ судебномъ вѣдомствѣ, думаю, что знаю законы, и говорю, что ничего незаконнаго въ моемъ предложеніи нѣтъ... Я никогда не скрывалъ, что я правый по убѣжденіямъ, но въ этомъ я иду навстрѣчу общественнымъ желаніямъ. Губернатору трудно единолично рѣшать вопросы, и совѣщаніе должно помочь ему. Разъясняю, что чины полиціи приглашены на основаніи приказа министра внутреннихъ дѣлъ о привлеченіи ихъ къ этому дѣлу. У нихъ есть опытъ, наблюденія, они близко стоятъ къ этому дѣлу и будутъ полезны ему.

Д. И. Багалѣй (харьковскій городской голова) говоритъ, что онъ воздерживается отъ голосованія, такъ какъ находитъ, что учредительскія функціи не составляютъ права даннаго совѣщанія, тѣмъ болѣе, что его составъ и границы полномочій не выяснены.

П. А. Неклюдовъ. При мнѣ образовано одно продовольственное совѣщаніе. Если возникнетъ другое при губернаторѣ, возможны коллизіи Я предлагаю себя и коммиссію въ полное распоряженіе губернатора. Неужели подоплека дѣла—критика дѣятельности одного министерства другимъ?

Предсѣдатель. Я протестую противъ словъ П. А. Неклюдова. Никакой подоплеки нѣтъ. Даю слово дворянина, что, кромѣ полученной бумаги, я ничего не имѣю.

Положеніе ясное. На основаніи извѣстнаго закона, въ Харьковѣ существуетъ подъ предсѣдательствомъ г-на Неклюдова мѣстное продовольственное совѣщаніе, подвѣдомственное министерству земледѣлія. На основаніи циркуляра, юридическая сила котораго довольно неопредѣленна, предлагается учредить другое мѣстное совѣщаніе, подвѣдомственное черезъ губернатора министерству внутреннихъ дѣлъ. Фактически этимъ рѣшается вопросъ, по поводу котораго неоднократно высказывался А. Н. Хвостовъ, — вліяніе министра внутреннихъ

дѣлъ на продовольственную часть должно возрости. Но что будетъ въ смыслѣ организаціонномъ? Солидная группа земскихъ и городскихъ дѣятелей воздержалась отъ голосованія при баллотировкѣ поставленнаго г. Масальскимъ-Кошуро вопроса. Но еслибы воздержалась и болѣе солидная группа,—голоса чиновъ полиціи заранѣе обезпечивали губернаторскому предложенію большинство. Предложеніе и было принято.

Методъ тотъ же, какой недавно былъ примѣненъ въ центральномъ совѣщаніи о бѣженцахъ, гдѣ спорный вопросъ о роли вѣдомства и общественныхъ организацій рѣшенъ голосами эвакуированныхъ губернаторовъ. Но послѣдствія могутъ оказаться сложнѣе. Составъ губернскихъ совѣщаній довольно узокъ. Но это не обычныя совѣщанія, которыя выскажутъ мнѣніе о томъ, о чемъ спрашиваетъ начальство, и затѣмъ ждутъ, что скажетъ центральная власть. Тутъ—по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ—дѣйствуютъ иначе: прямо принимаютъ рѣшеніе и немедленно приводятъ въ исполненіе. Учреждаются какія-то постоянныя совѣщанія, создаются цѣлыя сѣти организацій. А въ какія отношенія станутъ онѣ къ существующимъ, предусмотрѣннымъ законами учрежденіямъ и что вообще можетъ выйти изъ погубернскихъ декретовъ, исходящихъ отъ погубернскихъ совѣщаній,—неизвѣстно.

Какъ будто есть нѣкоторыя гарантіи: участвуютъ земцы, участвуютъ городскіе дѣятели. Все-таки общественный элементъ. А въ сѣть организацій, создаваемыхъ или предполагаемыхъ къ созданію по уѣздамъ, привлекаютъ и представителей разныхъ группъ населенія, мѣстами, какъ въ Смоленской губерніи, даже рабочихъ (при посредствѣ больничныхъ кассъ). На примѣрѣ Харькова легко замѣтить, какъ неустойчива эта гарантія. Но она сомнительна и по болѣе глубокимъ причинамъ. Беру свѣдѣнія о губернскомъ совѣщаніи въ Курскѣ. Здѣсь губернаторъ, какъ и слѣдуетъ по циркуляру, обратился, между прочимъ, къ земствамъ и высказалъ при этомъ предположенія о нѣкоторыхъ конкретныхъ мѣрахъ. Курская губернская земская управа отвѣтила особымъ постановленіемъ, въ которомъ отказывается устраивать склады продуктовъ, отказывается содѣйствовать развитію и насажденію потребительскихъ кооперативовъ, за то признаетъ необходимымъ „выписать рабочихъ-китайцевъ". Когда это постановленіе было оглашено на губернскомъ совѣщаніи, вице-губернаторъ замѣтилъ:

Вѣроятно, курское земство не учло того факта, что Государь Императоръ призываетъ земскія и городскія управленія къ борьбѣ съ дороговизной. Онъ, вице-губернаторъ, когда разсылалъ обращеніе къ управамъ, не допускалъ, по крайней мѣрѣ, мысли, чтобы по существу такой высочайшей воли могли возникнуть какія-нибудь возраженія („Рѣчь", 23. I).

Губернатору представилась неясной связь между вопросомъ о мѣрахъ противъ дороговизны и выпискою рабочихъ изъ Китая:

Если—замѣтилъ онъ—въ Курскомъ уѣздѣ прибавится, положимъ, 5.000 китайцевъ, то цѣны отъ этого не упадутъ, а возвысятся (тамже).

Явленія, какъ-будто непонятныя курскимъ администраторамъ, можно бы разъяснить справками о земской дѣятельности нѣкоторыхъ другихъ губерній. Вотъ одна изъ такихъ справокъ. Въ началѣ января было созвано чрезвычайное земское собраніе въ Балашовѣ; оно кстати и разсмотрѣло поставленный циркуляромъ вопросъ о чрезмѣрномъ взвинчиваніи цѣнъ на предметы первой необходимости. А разсмотрѣвъ, приняло, между прочимъ, такое постановленіе:

Возбудить ходатайство о пересмотрѣ установленныхъ твердыхъ цѣнъ на рожь и овесъ, какъ несогласованныхъ съ себѣстоимостью этихъ хлѣбовъ, и просить очередное земское собраніе поддержать ходатайство объ установленіи предѣльной цѣны на рожь и овесъ до 1 р. 50 коп. за пудъ („Саратовскій Листокъ", 10. I).

Смыслъ же этого постановленія такой: саратовское губернское совѣщаніе о твердыхъ цѣнахъ (въ декабрѣ) опредѣлило цѣну на рожь 1 р. 10 коп. за пудъ. Въ Петроградѣ центральное продовольственное совѣщаніе подняло эту ставку до 1 р. 28 коп. Балашовскихъ земцевъ и повышенная цѣна не удовлетворяетъ,—и они просятъ поднять ее до 1 р. 50 коп. И это при обсужденіи вопроса о мѣрахъ борьбы противъ дороговизны.

Формально на губернскихъ совѣщаніяхъ, созванныхъ во исполненіе циркуляра, была и другая сторона: городскіе головы, официальные представители городовъ, какъ потребительныхъ единицъ. Но вотъ и еще справка:

Н.-Новгородъ. Состоялось созванное по предложенію губернатора чрезвычайное засѣданіе городской думы по борьбѣ съ дороговизной продуктовъ и спекуляціей. Гласный присяжный повѣренный Д. В. Серебровскій, рѣзко нападая на управу за ея бездѣйствіе въ борьбѣ съ дороговизной сказалъ, что городу Нижнему дальше идти некуда,—городской голова Д. В. Сироткинъ въ одномъ собраніи заявилъ публично: „Богъ послалъ намъ хорошій годъ, имъ надо пользоваться". Д. В. Серебровскій внесъ въ заключеніе предложеніе о замѣнѣ руководителей жизни города другими лицами („Русское Слово", 5 и 6 января).

Губернаторамъ при нынѣшнемъ обращеніи къ городскимъ думамъ во многихъ мѣстахъ пришлось еще разъ столкнуться и съ прямыми заявленіями, и съ фактами, подтверждающими, что при данномъ, крайне одностороннемъ, составѣ городского представительства интересы населенія городовъ охраняются, въ лучшемъ случаѣ, недостаточно. Это, конечно, старыя истины. Но именно потому, что онѣ старыя, нѣтъ основанія возлагать какія-либо особыя надежды на участіе городскихъ головъ въ губернскихъ совѣщаніяхъ.

Какъ отнеслись нѣкоторыя земства къ губернаторскимъ обраще-

ніямъ о борьбѣ съ дороговизной,—мною только что отмѣчено. Но, разумѣется, таково отношеніе лишь одного изъ земскихъ фланговъ,—именно того, гдѣ находятся куряне, балашовцы и иные крайніе защитники узкихъ групповыхъ интересовъ. На другомъ земскомъ флангѣ и отношеніе другое. Беру для примѣра напечатанный „Нижегородскимъ Листкомъ" (19, I) рефератъ о чрезвычайномъ — спеціально посвященномъ вопросу о дороговизнѣ — нижегородскомъ же уѣздномъ земскомъ собраніи. Здѣсь гласные говорятъ: „обязательно добиться того, чтобы цѣны упали". Здѣсь земская управа внесла цѣлый рядъ „пожеланій", направленныхъ къ тому, чтобы, съ одной стороны, повліять въ благопріятномъ смыслѣ на дѣятельность центральныхъ органовъ, съ другой, хоть сколько-нибудь упорядочить продовольственное дѣло на мѣстахъ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ „пожеланій":

Необходимо самостоятельное представительство въ центральномъ особомъ совѣщаніи при министрѣ земледѣлія земскихъ и городскихъ самоуправленій, если не отъ каждой губерніи, то, по крайней мѣрѣ, отъ важнѣйшихъ и наиболѣе типичныхъ по экономической структурѣ районовъ Россіи.

Необходимо предоставить земскимъ самоуправленіемъ избраніе кандидатовъ въ мѣстные уполномоченные предсѣдателя особаго совѣщанія.

Мѣстныя совѣщанія при уполномоченныхъ, назначаемыхъ предсѣдателемъ особаго совѣщанія и дѣйствующихъ единолично, не могутъ замѣнить дѣятельность мѣстныхъ общественныхъ органовъ по борьбѣ съ дороговизной... Необходимо образованіе особыхъ продовольственныхъ совѣщаній или комитетовъ съ волостными отдѣленіями или попечительствами и съ участіемъ кооперативовъ.

Общественный контроль долженъ обнимать всѣ стадіи частнохозяйственной дѣятельности въ области производства и торговли продовольственными продуктами.

Одни изъ этихъ пожеланій, быть можетъ, спорны, другія платоничны, третьи выражены слишкомъ общо. Но, во всякомъ случаѣ, это не то, что въ Курскѣ и Балашовѣ.

Обсужденіе поставленнаго вопроса на пермскомъ губернскомъ земскомъ собраніи завершилось посылкой телеграммы на имя пяти министровъ—внутреннихъ дѣлъ, военнаго, путей сообщенія, земледѣлія, промышленности и торговли. Въ этой телеграммѣ содержатся слѣдующія заявленія:

Пермское губернское собраніе признаетъ, что продовольствіе губерніи, поскольку оно находится въ зависимости отъ правильной работы мѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ, должно считаться совершенно необезпеченнымъ. На основаніи этого губернское собраніе постановило довести до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства, что, если не будетъ въ экстренномъ порядкѣ принято дѣйствительныхъ мѣръ для предоставленія Пермской и Омской желѣзнымъ дорогамъ возможности удовлетворить нуждамъ срочныхъ перевозокъ продовольственныхъ грузовъ, всему Уральскому краю угрожаетъ серьезное бѣдствіе, которое можетъ выразиться полной пріостановкой заводской дѣятельности по оборонѣ и вызоветъ, несомнѣнно, рѣзкіе эксцессы

со стороны лишеннаго продовольствія населенія горнопромышленныхъ районовъ („Новое Время", 28. I).

Мѣстный губернаторъ снабдилъ эту телеграмму такою помѣткою: „настоящее заявленіе губернскаго земскаго собранія нахожу соотвѣтствующимъ дѣйствительному положенію"... А разъ оно соотвѣтствуетъ дѣйствительности,—что можно сдѣлать мѣстными мѣрами?

Сколько я могу судить по газетнымъ свѣдѣніямъ, на отношеніи къ поставленному циркуляромъ вопросу земства какъ бы раскалываются на двѣ основныхъ группы. При первомъ взглядѣ можетъ казаться, что разграничительная линія совпадаетъ съ какимъ-то градусомъ географической широты: сѣверъ и югъ. Но, быть можетъ, правильнѣе сказать, что тотъ или иной характеръ отношенія къ дороговизнѣ зависитъ отъ степени обезпеченности мѣстными сельскохозяйственными продуктами: одно дѣло—губерніи, богатыя запасами и вывозящія свои сельско-хозяйственные продукты; другое дѣло—губерніи, которыя, по крайней мѣрѣ, въ данное время и при данныхъ обстоятельствахъ, ввозятъ и безпривоза не могутъ обойтись. Въ губерніяхъ вывозящихъ или способныхъ вывозить отношеніе земства къ дороговизнѣ въ общемъ болѣе вялое, болѣе формальное. Разумѣется, можно устроить склады, элеваторы, содѣйствовать развитію и размноженію кооперативовъ. Но все это способно нанести уронъ прибыли посредника, торговца, особенно мелкаго, и едва-ли поколеблетъ прибыль производителя-землевладѣльца. Въ губерніяхъ ввозящихъ земства относятся къ дороговизнѣ болѣе внимательно. Мѣстами даже очень внимательно. Но надо сказать, что и въ этихъ земствахъ всего охотнѣе обсуждаютъ мѣры, способныя подорвать или ограничить прибыль торговца и посредника, и не касаются или почти не касаются того, что можетъ ограничить прибыль сельскаго хозяина. Правда, среди пожеланій нижегородскаго земства выше отмѣченъ особый пунктъ о подчиненіи общественному контролю всѣхъ стадій производства и торговли продовольственными продуктами. Но пока онъ остается единственнымъ въ своемъ родѣ и къ тому же, поскольку рѣчь идетъ о производствѣ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, онъ остался не развернутымъ. Практическая программа развернутая земствами и ввозящихъ, и вывозящихъ губерній, въ общемъ довольно однообразна: ссуды изъ имперскаго продовольственнаго капитала, закупочныя операціи, содѣйствіе кооперативамъ, созданіе потребительскихъ и контрольныхъ организацій, возможно болѣе близкихъ населенію. Эту практическую программу нѣкоторыя земства — какъ и губернскія совѣщанія—осложнили мыслью, дальнѣйшія судьбы которой могутъ оказаться довольно прискорбными.

Мысль, пожалуй, модная. Впервые она предложена въ центральной петроградской коммиссіи по борьбѣ съ дороговизной

представителемъ земскаго союза П. Б. Струве въ видѣ особаго мнѣнія. Это особое мнѣніе г. Струве въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ было изложено такъ:

Разстройство транспорта въ полномъ объемѣ не можетъ быть устранено никакими, даже героическими усиліями, а при современномъ состояніи транспортнаго дѣла планомѣрное регулированіе перевозокъ возможно только путемъ введенія разрѣшительнй системы, покоящейся на томъ, что по соображеніямъ общественнаго потребленія и государственной необходимости къ перевозкѣ допускаются одни продукты и устраняются другіе. Эта система перевозокъ и ведетъ къ установленію твердыхъ цѣнъ и таксъ. Задача заключается не въ фантастической погонѣ за идеалами свободной торговли, невозможной въ условіяхъ суровой милитаризаціи всей народной жизни, а въ продуктивномъ согласованіи необходимыхъ мѣръ.

„Къ этому мнѣнію присоединился и представитель союза городовъ В. Г. Громанъ“... Мнѣніе выражено въ формѣ чрезвычайно общей, довольно неясной. Вопросъ о „разрѣшительной системѣ перевозокъ“ вообще не разработанъ. Тѣмъ не менѣе на мѣстахъ „ухватились“. Напр., среди „пожеланій“ нижегородской земской управы находимъ такіе пункты:

Въ цѣляхъ регулированія цѣнъ на торговомъ рынкѣ и устраненія недостатка продуктовъ по районамъ необходимо перейти отъ внѣочередной доставки грузовъ къ разрѣшительной системѣ по ордерамъ мѣстныхъ продовольственныхъ органовъ. При разрѣшительной системѣ перевозокъ въ интересахъ общественнаго потребленія и государственной необходимости къ перевозкѣ по желѣзнымъ дорогамъ допускаются одни продукты и устраняются другіе въ зависимости отъ системы подвоза, нормальнаго или спекулятивнаго движенія цѣнъ.

Разрѣшеніе на перевозку должно сопровождаться установленіемъ для лица, получившаго разрѣшеніе, обязательства продавать продукты по опредѣленнымъ цѣнамъ и подчиненіемъ этого лица опредѣленнымъ требованіямъ продовольственныхъ органовъ относительно распредѣленія продукта между торговцами и потребителями („Нижегородскій Листокъ“, 19. V).

Въ Н.-Новгородѣ только „пожеланія“. Смоленское губернское совѣщаніе выработало цѣлый рядъ правилъ. Обязательства для „лица, получившаго разрѣшеніе на перевозку“, въ Смоленскѣ опредѣлены буквально такъ же, какъ и въ Н.-Новгородѣ. Лицо же, которому необходимо что-либо подвезти къ „опредѣленному пункту“ или вывезти изъ него, должно обратиться съ просьбой о разрѣшеніи въ свою районную продовольственную коммиссію при уѣздной земской управѣ. Районная продовольственная коммиссія не сама разсматриваетъ такія просьбы, — онѣ передаются въ особое бюро. Затѣмъ, сколько можно понять изъ опубликованнаго плана организаціи, просьба съ заключеніемъ уѣзднаго бюро поступаетъ въ бюро продовольственнаго отдѣла при губернской земской управѣ. Отсюда передается на окончательное разрѣшеніе уполномоченнаго по продовольствію населенія. Уполномоченный разрѣшаетъ или не разрѣшаетъ перевозку. А, по правиламъ смоленскаго совѣщаніяво-первыхъ, разрѣшенія уполномоченнидохъ лжны

имѣть обязательную силу, во-вторыхъ, „помимо разрѣшенія уполномоченныхъ, никому не должны быть предоставляемы вагоны для перевозки продовольственныхъ грузовъ“ [1]). Въ Смоленской губерніи уполномоченнымъ по продовольствію населенія является губернаторъ. И такимъ образомъ, по капризному стеченію россійскихъ капризныхъ условій, гармонически сливаются въ стройное цѣлое проектъ министра внутреннихъ дѣлъ о предоставленіи губернаторамъ особыхъ правъ по распоряженію желѣзнодорожными перевозками и радикальное предложеніе представителей земскаго и городского союза о „разрѣшительной системѣ перевозокъ“. Именно эта гармонія въ сильной степени обезпечиваетъ реализацію обоихъ проектовъ,—хотя бы частичную по отдѣльнымъ губерніямъ, „въ видѣ опыта“, хотя бы такую, какая уже случилась съ предположеніями о „твердыхъ цѣнахъ“ на хлѣбъ: юридически онѣ не установлены, фактически уже дѣйствуютъ и привели, какъ увидимъ ниже, къ нешуточнымъ осложненіямъ и затрудненіямъ. Не трудно однако представить послѣдствія реализаціи при данныхъ условіяхъ.

Право разрѣшать перевозки должно быть связано съ обязанностью обезпечить достаточный подвозъ припасовъ. Но на мѣстахъ именно этой обязанности никто не желаетъ на себя взять. То же смоленское совѣщаніе „отнюдь не претендуетъ на уничтоженіе или отстраненіе на второй планъ частной торговли продовольственными продуктами“. Совѣщаніе считаетъ необходимымъ производить общественныя закупки продуктовъ, общественное распредѣленіе ихъ, образованіе „общественныхъ запасовъ съ цѣлью выпуска ихъ на рынокъ въ моменты острой нужды“, но—говорится въ принятомъ смоленскимъ совѣщаніемъ докладѣ, — „какъ бы ни были успѣшны въ смыслѣ общаго оборота операціи этого дѣла, онѣ будутъ весьма незначительны въ сравненіи съ общимъ оборотомъ торговли продовольственными продуктами въ губерніи“. Такъ же скромно опредѣляется задача продовольственныхъ работъ и нижегородскими земцами: „закупки общественныхъ организацій имѣютъ цѣлью восполнить недостаточность поставки продуктовъ частными торговцами и образованіе необходимыхъ запасовъ“. На первомъ планѣ частные торговцы. Главнымъ образомъ они должны поставлять и распредѣлять необходимое. Но, чтобы привезти, скажемъ, вагонъ муки изъ Курской губерніи въ Смоленскую, торговецъ, если слѣдовать плану смоленскаго совѣщанія, долженъ пройти такія мытарства. Въ Курской губерніи ему надо обратиться въ уѣздную продовольственную коммиссію съ просьбою о разрѣшеніи вывезти муку, а въ Смоленской—тоже въ уѣздную коммиссію съ просьбой о разрѣшеніи ввезти. Обѣ просьбы изъ уѣзднаго бюро пойдутъ въ губернское, изъ губернскаго къ уполномоченному или губернатору. Сколько времени понадобится на хожденіе

---

[1]) „Смоленскій Вѣстникъ“, 16 января.

по инстанціямъ? Что дѣлать, если въ Смоленскѣ разрѣшатъ ввезти (и, стало быть, получить вагонъ для погрузки), а въ Курскѣ запретятъ вывезти (а, стало быть, и грузить)? На бумагѣ какъ будто гладко: просьбы первоначально разсматриваетъ бюро продовольственной коммиссіи при уѣздной земской управѣ. Но если обязать всѣхъ торговцевъ, ввозящихъ въ уѣздъ и вывозящихъ изъ него, обращаться за разрѣшеніемъ, то не только бюро, а вся земская управа втеченіе одной—двухъ недѣль будетъ засыпана писаной бумагой. А что должно произойти въ губернскихъ бюро? И кто несетъ отвѣтственность, если вслѣдствіе мѣшкотности или путаницы разрѣшающихъ инстанцій населеніе цѣлыхъ районовъ окажется совсѣмъ безъ продуктовъ?

Возможны не только мѣшкотность и путаница. Есть нѣкоторый опытъ въ этомъ отношеніи. Пытались вѣдь установить подвозъ въ города не иначе, какъ по адресамъ или по удостовѣреніямъ городскихъ общественныхъ уравленій. И вышло не только то, что городскія управы завалены чрезвычайно сложными и крайне запутанными дѣлами о перевозкахъ. Появились подложныя удостовѣренія; возникли цѣлыя воровскія шайки для эксплуатаціи этого порядка. Повидимому, не совсѣмъ безгрѣшными оказались и городскія управы; по крайней мѣрѣ разслѣдованіемъ, произведеннымъ въ Н.-Новгородѣ,

выясняется, что выдача удостовѣренія на полученіе частными лицами вагоновъ внѣ очереди практиковалась городской управой въ самомъ широкомъ масштабѣ, при чемъ устанавливается, что вагоны требовались иногда для лицъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ торговлѣ („Русское Слово", 6. 1).

Неизвѣстно, наконецъ, какъ распорядятся правомъ вліять на разрѣшеніе или запрещеніе торговыхъ перевозокъ земцы, напр., курскаго типа. А распорядиться этимъ правомъ можно такъ, что частно-хозяйственная дѣятельность общественныхъ торговцевъ будетъ парализована, а у торговца не совсѣмъ обыкновеннаго, занимающаго положеніе, скажемъ—гр. Мусина-Пушкина, окажется исключительно легкій доступъ къ пользованію транспортными средствами государства.

Принципъ государственнаго вмѣшательства въ частно-хозяйственную дѣятельность безспоренъ. Но послѣдовательное примѣненіе этого принципа требуетъ извѣстныхъ условій и гарантій. Безъ гарантій и при данныхъ условіяхъ разрѣшительная система перевозокъ грозитъ прямо-таки катастрофическими результатами. Врядъ ли рискнутъ примѣнить ее повсемѣстно. Но за участь отдѣльныхъ губерній не поручишься. Могутъ, пожалуй, декретировать и привести въ исполненіе въ порядкѣ мѣстной иниціативы на основаніи чрезвычайныхъ полномочій того или иного мѣстнаго администратора.

III. Циркуляръ о дороговизнѣ въ городскихъ управленіяхъ.

Если оставить въ сторонѣ „разрѣшительную систему“ и нѣкоторыя общія пожеланія, то главные выводы земствъ о средствахъ борьбы противъ взвинчиванія цѣнъ можно свести къ двумъ положеніямъ: 1) организованность населенія, 2) оптовыя закупки уѣздными и въ особенности губернскими земствами.

Объ организованности шла рѣчь и въ городскихъ думахъ, къ которымъ обращались губернаторы, исполняя циркуляръ. Кое-гдѣ само начальство настаивало на томъ, чтобы „призвать населеніе“. Напримѣръ, въ Челябинскѣ, какъ сообщаетъ „Русское Слово“,

по предложенію губернатора, городская дума постановила образовать 5 участковыхъ продовольственныхъ коммиссій, на подобіе обывательскихъ комитетовъ, для наблюденія за исполненіемъ таксы и повѣрки наличныхъ запасовъ продовольствія. Составъ коммиссій будетъ сформированъ изъ обывателей города.

Можно бы порадоваться, еслибы не нѣкоторый опытъ. Судьба такого рода обывательскихъ организацій до сихъ поръ была частенько плачевна. Если онѣ бездѣйствуютъ,—то гибнутъ естественной смертью. А если развиваютъ дѣятельность, то неизбѣжно сталкиваются съ интересами сильныхъ группъ и съ волею властныхъ лицъ—и умираютъ подъ ударами извнѣ прежде, чѣмъ успѣли окрѣпнуть. Чтобы организованность населенія наладилась и окрѣпла, тоже вѣдь нужны извѣстныя условія.

Накопился у городскихъ управленій опытъ и по части закупокъ. Гласные, напр., самарской думы указывали, что разрозненныя закупки городовъ, заботы каждаго города о самомъ себѣ не достигаютъ и не могутъ достигнуть цѣли—устраненія продовольственныхъ невзгодъ и пониженія цѣнъ; наоборотъ, эти разрозненныя усилія лишь увеличиваютъ хаосъ и способствуютъ взвинчиванію цѣнъ.

Словомъ,—говорилъ гласный А. И. Чуриковъ—передъ нами вопросъ, разрѣшить который можетъ только Государственная Дума и всероссійскій городской и земскій союзы. Необходимо, отклонивъ отъ себя рѣшеніе этого вопроса, ходатайствовать о скорѣйшемъ созывѣ всероссійскаго городского и земскаго съѣзда по продовольственному дѣлу и созывѣ Государственной Думы.

М. С. Аѳанасьевъ. Я совершенно согласенъ съ тѣмъ, что рѣшеніе вопроса продовольствія не по плечу намъ. Но не по плечу оно и городскому и земскому съѣзду. Такой съѣздъ можетъ лишь подготовить сырой матеріалъ для Государственной Думы („Рѣчь“, 23. I).

Къ этому мнѣнію склонилось большинство гласныхъ и было постановлено возбудить ходатайство о скорѣйшемъ созывѣ Государственной Думы въ цѣляхъ болѣе дѣйствительной постановки вопроса о борьбѣ противъ дороговизны. Нѣсколько иначе—и едва

ли не правильнѣе—подошли къ оцѣнкѣ общаго положенія городскіе дѣятели въ Саратовѣ. Надо сказать,—здѣсь обращеніе къ нимъ было обставлено нѣкоторой торжественностью. Губернаторъ лично пріѣхалъ на засѣданіе думы (8 января), поздоровался съ гласными и обратился къ нимъ съ рѣчью:

Вамъ, вѣроятно, уже извѣстно, что Государю Императору благоугодно было обратить вниманіе на искусственное взвинчиваніе цѣнъ. Поэтому министерство внутреннихъ дѣлъ поручило мнѣ принять всѣ мѣры для устраненія этого зла и привлечь къ борьбѣ съ дороговизной и общественное городское управленіе...

Далѣе губернаторъ назвалъ рядъ своихъ соображеній и мнѣній о причинахъ дороговизны, предложилъ устроить муниципальную хлѣбопекарню и закончилъ призывомъ вступить на путь активной борьбы.

Общество—говорилъ онъ—и теперь уже борется съ двумя видами зла: съ уклоненіемъ отъ воинской повинности и съ пьянствомъ. Ежедневно получаю массу писемъ съ разоблаченіемъ злоупотребленій въ этомъ родѣ. И могу сказать, что уклоненіе отъ воинской повинности будетъ пресѣчено въ корнѣ... Успѣшна и борьба съ пьянствомъ. Еслибы такъ же отнеслось общество и къ борьбѣ съ дороговизной, успѣхъ тоже былъ бы несомнѣненъ. До меня доходятъ свѣдѣнія о злоупотребленіяхъ въ этомъ родѣ, но робко, безыменно, и всякій разъ, когда ставится прямой вопросъ: кто же виноватъ,—обыкновенно не говорятъ, преступникъ не находится. Теперь настало время, когда надо сплотиться въ борьбѣ съ дороговизной. Если вы поможете мнѣ, если укажете, гдѣ и кѣмъ взвинчиваются цѣны, гдѣ припрятаны товары, я ручаюсь, что всѣ ваши указанія будутъ приняты съ благодарностью, и я сдѣлаю все, что могу.

Программа, предложенная губернаторомъ городской думѣ, сводилась такимъ образомъ къ двумъ конкретнымъ указаніямъ: открыть хлѣбопекарню и сообщать властямъ имена и фамиліи лицъ, виновныхъ въ искусственномъ взвинчиваніи цѣнъ. Эта программа вызвала со стороны гласныхъ нѣсколько возраженій.

В. И. Алмазовъ. Насъ призываютъ къ объединенію, обѣщаютъ содѣйствіе. Но, пожалуй, теперь уже поздно... Что касается злоупотребленій, то вотъ фактъ: у меня былъ больной чахоткой, его никакъ нельзя было взять на военную службу, а все-таки онъ долженъ былъ заплатить 2 тысячи, чтобы его, чахоточнаго, на краю смерти, освободили; теперь онъ уже умеръ. Еслибы у насъ была свобода печати, свобода слова, еслибы къ намъ относились съ довѣріемъ, то и злоупотребленій было бы меньше. Не говорятъ фамилій и именъ потому, что боятся... Мы не привыкли быть свободными гражданами, и это на всемъ отражается.

Н. Н. Сиротининъ. Я радъ былъ услышать, что ваше превосходительство рекомендуетъ городу устроить свою хлѣбопекарню. Дума уже постановила открыть пекарню, и дѣло стояло только за деньгами. При вашемъ содѣйствіи мы можемъ ее открыть, а въ пользѣ ея нѣтъ сомнѣнія. Но я совершенно не согласенъ, что мы можемъ сдѣлать что-либо существенное для удешевленія муки. До 1 января 1916 г. населеніе Саратова получало при помощи городского управленія ржаную муку по 6 р. 35 коп., а пшеничную по 12 р. 60 коп. за мѣшокъ въ 5 пудовъ. И если съ 1 января оно переплачиваетъ по 1 р. 35 коп. на ржаной мукѣ и 2 р. 80 к. на пшеничной,

то это вина министерства земледѣлія. По его предложенію въ Петроградѣ установлена цѣна 1 р. 20 коп. на рожь и 1 р. 75 к. на пшеницу, а при такихъ цѣнахъ продавать ржаную муку нельзя дешевле 8 руб., пшеничную дешевле 15 р. 50 к. Осенью этого года, когда сельскохозяйственныя работы были закончены, рожь продавалась по 70 коп. пудъ, пшеница по 90 коп. Съ тѣхъ поръ стоимость производства увеличилась лишь на проценты, на капиталъ да на расходъ за храненіе въ элеваторахъ,—на какія-нибудь копейки. Чѣмъ же объяснить повышеніе цѣны ржи съ 70 коп. до 1 р. 20 к., а пшеницы съ 90 коп. до 1 р. 75 к.? И вѣдь это сдѣлано не спекулянтами, а по предложенію министерства земледѣлія... Что же мы можемъ подѣлать противъ этого? („Саратовскій Листокъ", 10. I).

Общія возраженія, формулированныя гласнымъ Алмазовымъ, остались безъ отвѣта. Капитальное значеніе указанныхъ имъ несовершенствъ понятно само собою. Гласный Сиротининъ, подчеркнувшій значеніе цѣнъ, опредѣляемыхъ министерствомъ земледѣлія, коснулся собственно лишь одного изъ частныхъ проявленій общаго неустройства. И ему губернаторъ отвѣтилъ:

„Это вопросъ,—сказалъ онъ,—слишкомъ большой, и я не могу поддерживать этого спора сейчасъ. Вы находите, что 1 р. 20 коп. цѣна высокая, а землевладѣльцы, наоборотъ, считаютъ ее чрезвычайно низкой. Не министерство земледѣлія, а особое совѣщаніе, въ которомъ были и члены Государственной Думы, установило твердыя цѣны. Не мною эта цѣна установлена. Я хотѣлъ просить васъ придти мнѣ на помощь въ тѣхъ сферахъ и въ томъ масштабѣ, какой намъ съ вами по плечу. Хорошо ли, плохо ли сдѣлали, но твердыя цѣны установлены и нельзя, разсердившись на это, уйти и сложить руки (тамже)".

Какъ слова гласнаго Сиротинина, такъ и отвѣтъ губернатора нуждаются въ нѣкоторыхъ поясненіяхъ. Прежде всего, быть можетъ, не случайно г. Сиротининъ говорилъ вообще о министерствѣ земледѣлія, а губернаторъ подчеркнулъ, что упреки должны быть относимы къ „совѣщанію, въ которомъ участвуютъ и члены Государственной Думы". При министерствѣ земледѣлія состоитъ не только это совѣщаніе; тамъ сосредоточена также обширная закупочная организація. Формально эти двѣ отрасли не связаны. Но фактически онѣ переплетаются и во многомъ сливаются. Есть сліянія даже персональныя. Въ томъ же Саратовѣ обязанности уполномоченнаго по закупкамъ до послѣдняго времени несъ предсѣдатель губернской земской управы К. Н. Гриммъ и онъ же состоялъ уполномоченнымъ по продовольствію населенія.

На мѣстахъ обѣ эти отрасли вызываютъ не мало недоумѣній и нареканій. Въ томъ же Саратовѣ одно изъ потребительскихъ мнѣній о дѣятельности уполномоченнаго по закупкамъ выражено такъ:

Г. Гриммъ покупаетъ хлѣбъ для казны у своихъ земляковъ и избирателей („Саратовстій Листокъ", 8. I).

Съ другой стороны, недовольны дѣятельностью уполномоченнаго по закупкамъ и землевладѣльцы—продавцы продуктовъ. И

послѣднее балашовское, напр., чрезвычайное земское собраніе, проявившее слишкомъ ужь откровенныя стремленія къ еще большему поднятію хлѣбныхъ цѣнъ, рѣшительно высказалось за переустройство мѣстныхъ закупочныхъ организацій; по мнѣнію балашовскихъ земцевъ,

заготовка хлѣба и фуража для нуждъ арміи должна производиться уполномоченными, избираемыми земскими собраніями и утверждаемыми администраціей, при чемъ въ помощь уполномоченнымъ избираются коммиссіи въ составѣ двухъ лицъ,—по одному отъ земскаго собранія и городской думы („Саратовскій Листокъ", 10. I).

За реорганизацію на выборныхъ началахъ мѣстныхъ органовъ и закупочной и продовольственной организаціи министерства земледѣлія высказались и нѣкоторыя прогрессивныя земства. Цѣли могутъ быть различны: прогрессивнымъз емцамъ, вѣроятно, желательно ограничить единоличное усмотрѣніе уполномоченныхъ, правые земцы болѣе склонны защищать выборное начало тамъ, гдѣ при его посредствѣ можно болѣе послѣдовательно отстаивать владѣльческій интересъ. Но, во всякомъ случаѣ, дѣятельностью уполномоченныхъ на мѣстахъ недовольны и производители, и потребители. И, разумѣется, это двухстороннее недовольство имѣетъ свои причины и свою исторію.

Закупочная организація министерства земледѣлія приступила къ дѣйствіямъ въ началѣ войны. Въ ту пору ждали бѣдственнаго упадка цѣнъ на сельскохозяйственные продукты. Вопросъ, какъ не допустить этого упадка, ставился вполнѣ офиціально. Соотвѣтственныя мѣры принимались гласно, а нѣкоторые администраторы не безъ хвастливости говорили, какъ имъ удалось „поддержать цѣну". Въ такой обстановкѣ и создавалась закупочная организація. Министерство земледѣлія формально оперлось на земства, фактически же на болѣе или менѣе видныхъ и вліятельныхъ представителей землевладѣльческаго слоя, избранныхъ по преимуществу голосами землевладѣльцевъ на земскія должности. Представителямъ землевладѣльцевъ и предоставлялись полномочія по закупкамъ. Тѣневыя стороны такого построенія были очевидны. Но въ первое время неудобство могло казаться не столь ужь важнымъ практически: за то, молъ, гарантія противъ раззорительнаго упадка цѣнъ. Ожиданія упадка однако не оправдались. Наоборотъ, случилось бѣдственное повышеніе. И уполномоченнымъ пришлось не поднимать рыночныя цѣны, а, наоборотъ, сильно отставать отъ нихъ. Въ концѣ концовъ создалось, какъ указывали гласные, напримѣръ, на томъ же балашовскомъ чрезвычайномъ земскомъ собраніи, „прямо абсурдное положеніе": уполномоечнные по закупкамъ платятъ, положимъ, за овесъ „отъ 1. р. 10 коп. до 1 р. 28 коп. за пудъ, въ то же время разрѣшенный къ вывозу забракованный овесъ продается по 1 р. 80 коп., по 2 р. за пудъ" [1]). Цѣна 1 р. 10 к., 1 р. 28 к.,

[1]) „Саратовскій Вѣстникъ", 13 января.

назначаемая закупочной организаціей, не произвольна: она основана на исчисленіяхъ себѣстоимости и, по мнѣнію мѣстныхъ чиновъ министерства земледѣлія, обезпечиваетъ землевладѣльцу не меньше 50% чистой прибыли. Но рыночныя цѣны—по какимъ причинамъ, вопросъ иной—ушли далеко впередъ. И помѣщикъ, естественно соблюдая свои интересы, говоритъ уполномоченному по закупкамъ: „овса нѣтъ". Уполномоченному остается два выхода. Первый—реквизиція. Но у кого? Если у помѣщика, изъ запасовъ, не поступившихъ на рынокъ или даже припрятанныхъ отъ рынка,—разговоръ одинъ. Если изъ запасовъ торговыхъ, уже поступившихъ на рынокъ,—разговоръ другой. Землевладѣльцы всячески настаиваютъ, чтобы реквизиція производилась „прежде всего" у торговцевъ,—они-де „спекулянты". Потребители, наоборотъ, заинтересованы, чтобы реквизиціей былъ прежде всего затронутъ запасъ, болѣе или менѣе искусственно ускользающій отъ поступленія на рынокъ. Министерство земледѣлія часто рекомендуетъ закупать у крестьянъ; при этомъ упоминается о кооперативахъ, о мелкихъ кассахъ, о разныхъ иныхъ утѣшительныхъ вещахъ. Закупки у крестьянъ—это второй выходъ изъ затрудненія. Но что изъ него на практикѣ мѣстами получается, можно судить по слѣдующему эпизоду, разсказанному гласнымъ Головинымъ на вятскомъ земскомъ собраніи.

Въ Орловскомъ уѣздѣ (Вятской губ.) опредѣленъ недостатокъ овса въ 1.390.000 пудовъ. Между тѣмъ рѣшено закупить въ уѣздѣ 150.000 пуд. И вотъ овесъ въ нашихъ волостяхъ покупается принудительнымъ порядкомъ. Многіе вынуждены покупать овесъ по 1 р. 40 к. за пудъ и сдавать въ казну по 1 р. 10 коп. Это недопустимо. Населеніе останется къ веснѣ безъ сѣменного овса. Между тѣмъ по распоряженію земскихъ начальниковъ волостные старшины грозятъ тюрьмою тѣмъ крестьянамъ, которые не привезутъ овесъ для продажи. Старшины опредѣлили по 3 пуда съ души и понуждаютъ населеніе къ продажѣ. У одной солдатки продали послѣдній овесъ...

Предсѣдатель земскаго собранія спрашиваетъ:

— Почему крестьяне не жалуются?

— Да некому жаловаться,—отвѣчаетъ гласный („Русскія Вѣдомости", 8. I).

„Граждане перваго сорта" говорятъ: овса нѣтъ. Закупочная энергія, направленная по линіи наименьшаго сопротивленія къ „гражданамъ второго сорта", обращается даже въ такія мѣста, гдѣ закупокъ производить нельзя. Усиленная стараніями земскихъ начальниковъ и старшинъ, она превращается уже не въ реквизицію, а въ нѣкоторое подобіе экзекуціи. Подъ страхомъ репрессій „гражданинъ второго сорта" покупаетъ овесъ у того же землевладѣльца по дорогой рыночной цѣнѣ и везетъ въ назначенное мѣсто, чтобы „сдать въ казну" по гораздо болѣе дешевой „казенной цѣнѣ".

Такъ обстоитъ, разумѣется, не только съ овсомъ. Вообще

происходитъ путаница, тягостная для потребителя и не во всѣхъ отношеніяхъ удобная для землевладѣльца. При этихъ условіяхъ и возникла въ особомъ продовольственномъ совѣщаніи мысль объ установленіи „твердыхъ цѣнъ",—единообразныхъ для всей страны. Теоретики обосновывали предположеніе о твердыхъ цѣнахъ разными соображеніями. У практиковъ свои резоны. Въ числѣ многихъ практическихъ резоновъ есть и такой,—надо сблизить закупочную „казенную" цѣну съ рыночной потребительской. Сближать можно различными способами,—сбить рыночныя цѣны, поднять казенныя, взять среднее ариѳметическое между ними и т. д. Вопросъ о твердыхъ цѣнахъ рѣшенъ особымъ совѣщаніемъ въ положительномъ смыслѣ. Конкретное опредѣленіе твердыхъ цѣнъ передано на мѣста. А чтобы дать нѣкоторое представленіе о дальнѣйшемъ, беру свѣдѣнія, напр., изъ той же Саратовской губерніи.

Уполномоченный по закупкамъ К. Н. Гриммъ выступаетъ въ качествѣ уполномоченнаго по продовольствію населенія и созываетъ особое совѣщаніе для сужденій по вопросу объ установленіи твердыхъ цѣнъ. Совѣщаніе происходитъ подъ предсѣдательствомъ К. Н. Гримма. Въ числѣ приглашенныхъ тѣмъ же г. Гриммомъ оказался нѣкій земскій учитель г. Горбуновъ, — участвовавшій отъ имени одной группы кооперативовъ. На г. Горбунова и выпала честь внести въ самомъ началѣ засѣданія конкретныя предложенія легшія въ основу дальнѣйшихъ разсчетовъ. Онъ предложилъ устанавливать цѣны по средней себѣстоимости продукта, а для исчисленія себѣстоимости привелъ собранныя имъ цифровыя данныя. По этимъ даннымъ цѣна, напр., пуда пшеницы (зерна) опредѣляется такъ:

Аренда десятины—25 р.; пахота, не считая осенней подготовки, 10 р. сѣмена 8 р., жнитво—20 р., молотьба—16 р., свозка—5 р., двойная полка—5 р. Урожай пшеницы въ среднемъ 70—75 пудъ. Соломы получается рублей на 5. Прибыль надо опредѣлить въ 25%. Итого, стоимость пуда пшеницы 1 р. 65 коп. пудъ.

Мнѣнія сразу же раздѣлились. Съ одной стороны, было указано, что выводы г. Горбунова ариѳметически ошибочны, если даже признать его цифры и если прибыль считать не только на расходы по обработкѣ, но и на арендную плату (землевладѣльцемъ не вносимую). Всего расходовъ г. Горбуновъ насчиталъ (съ арендой, 89 р. Вмѣстѣ съ прибылью въ 25% это составитъ 111 р. 25 коп. За вычетомъ 5 руб. (стоимость соломы, по мнѣнію г. Горбунова) остается 106 р. 25 коп. Раздѣлите эту сумму на указанное г. Горбуновъ число пудовъ средняго урожая пшеницы съ десятины (70—75), и все-таки получится 1 р. 41 к.—1 р. 52 коп., но не 1 р. 65 коп. Съ другой стороны, землевладѣльцы признали разсчетъ г. Горбунова слишкомъ для себя невыгоднымъ. Помѣщикъ Усачевъ, напр., соглашался примириться съ указанной г. Горбуновымъ цѣной 1 р. 65 коп. за пудъ зерновой пшеницы, но лишь на пер-

все время и только „для нуждъ арміи“, при продажахъ же населенію нужно, по мнѣнію г. Усачева, исходить изъ другихъ цифръ,— пахоту считать 18 р., за возку—10 р., за сѣмена 12 р. 80 коп., прибыль положить въ 40%... Рѣшительно стали возражать противъ столь откровенной игры цифрами приглашенные на совѣщаніе представители вѣдомствъ. Они указали, что землевладѣльцамъ уже нынѣшними цѣнами обезпечивается свыше 50% чистой прибыли, а все-таки говорятъ мало, все-таки требуетъ большаго,— до какихъ же предѣловъ? Землевладѣльцы отвѣтили укоризнами „мы—говорили они—не возражали, когда чиновникамъ давали къ жалованью прибавки въ 50%, а земскимъ служащимъ въ 25%“, такой-то (называютъ одного изъ присутствующихъ) получилъ прибавку въ 1.000 р., „если онъ переплатитъ на муку 10 руб., т. это пустяки, а вотъ не считаютъ переплаты на театры, кинематографы, шляпки для женъ“... Но укоризны укоризнами, а вовсе игнорировать мнѣніе чиновниковъ тоже нельзя. Нельзя не считаться вовсе и съ обширными слоями потребителей. Въ концѣ концовъ примирились на компромиссѣ,—цифру „себѣстоимости“ подогнали къ существующимъ среднимъ рыночнымъ оптовымъ цѣнамъ. Казнѣ едва ли это выгодно, — твердыми цѣнами замѣняются вѣдь цѣны закупочныя. Недовольна и сильная группа помѣщиковъ,—средняя рыночная оптовая цѣна ихъ не удовлетворяетъ. Но остальные мѣстные люди въ общемъ довольны,—всетаки отбились и отъ повышенія рыночныхъ цѣнъ, и отъ большое ломки всѣхъ разсчетовъ и таксировокъ, связанныхъ съ этими цѣнами.

Затѣмъ мѣстныя данныя, построенныя на столь спорныхъ основаніяхъ, поступили въ Петроградъ. Какъ ихъ тамъ, въ особомъ совѣщаніи, сводили къ единству,—неизвѣстно. Но оказалось что петроградская единая ставка значительно превысила достигнутый въ цѣломъ рядѣ губерній компромиссъ. Сильную группу протестующихъ помѣщиковъ повышеніе не удовлетворило. Она домогается большаго (требуетъ, какъ мы видѣли, повышенія цѣнъ на зерновую рожь, по крайней мѣрѣ, до 1 р. 50 коп. за пудъ). Но потребитель сразу почувствовалъ и ту прибавку, которую сочло нужнымъ сдѣлать особое совѣщаніе. Вотъ, напр., свѣдѣнія изъ Харькова. На мѣстномъ правительственномъ совѣщаніи и. о. губернатора П. Н. Масальскій-Кошуро счелъ долгомъ офиціально засвидѣтельствовать, что

въ Харьковѣ мукомолы, какъ только узнали о твердыхъ цѣнахъ, немедленно подняли цѣну на хлѣбъ.

— И правильно сдѣлали,—замѣтилъ съ мѣста уполномоченный особаго совѣщанія П. А. Неклюдовъ.

— А по - моему,—возразилъ г. Масальскій-Кошуро—ихъ нужно было просто посадить въ тюрьму. („Русское Слово“, 9. I).

За мукомолами потянулись хлѣбопеки. Они отправили городскому головѣ депутацію изъ 20 человѣкъ и заявили слѣдующее

И. о. уполномоченнаго по продовольствію населенія членъ Государственной Думы П. А. Неклюдовъ освѣдомилъ ихъ объ опредѣленіи твердыхъ цѣнъ. Каковы эти твердыя цѣны, они, хлѣбопеки, не знаютъ, но когда они обратились за мукой къ мукомоламъ, то послѣдніе подняли цѣну на куль муки на 3 руб. выше прежней. Такое повышеніе ставитъ ихъ, хлѣбопековъ, въ критическое положеніе: съ одной стороны, они должны покупать муку по повышенной цѣнѣ, съ другой — продавать печеный хлѣбъ по таксѣ, установленной въ соотвѣтствіи съ прежними, болѣе дешевыми, цѣнами на муку („Утро", 5. I).

Городской голова обѣщалъ немедленно запросить мѣстнаго уполномоченнаго по продовольствію. Дѣйствительно, на слѣдующій же день состоялось новое совѣщаніе по поводу новыхъ цѣнъ на муку. На этомъ совѣщаніи уполномоченный г. Неклюдовъ подтвердилъ, что „30 декабря особое совѣщаніе въ Петроградѣ установило твердыя цѣны на пшеницу". Городской голова г. Багалѣй спросилъ: почему же твердыя цѣны подняты на гривенникъ противъ предполагавшихся нормъ,—за пудъ пшеницы назначено не 1 р. 55 коп., а 1 р. 65 коп? Удовлетворительнаго объясненія уполномоченный г. Неклюдовъ не далъ; онъ высказалъ однако, что если печеный хлѣбъ и „вздорожаетъ на 1 коп. на фунтъ перваго сорта, – это ничего",—бѣда не велика.

А какъ намъ быть тогда съ покупателями?—спросилъ представитель хлѣбопековъ.—Если мы повысимъ цѣну, намъ побьютъ стекла въ магазинѣ („Утро", 6. I).

На это никто не отвѣтилъ.

Таковы же свѣдѣнія изъ Саратова. Здѣсь также первыми выступили мукомолы. Ихъ претензія побудила созвать городскую продовольственную коммиссію. И коммиссіи пришлось прежде всего узнать слѣдующее. Полагали, что рожь останется въ прежней цѣнѣ—1 р. 10 коп. пудъ. Но послѣ прибавокъ, сдѣланныхъ отъ имени особаго совѣщанія въ Петроградѣ, уполномоченный по продовольствію населенія г. Гриммъ освѣдомилъ городского голову, что „можетъ доставлять рожь по 1 р. 20 коп. плюсъ 3 коп. на расходы". Разныя надбавки г. Гриммъ „рекомендуетъ" допустить „изъ осторожности" и на пшеницу. Членъ коммиссіи гласный С. П. Красниковъ вноситъ предложеніе:

Надо пригласить спеціалистовъ профессоровъ и статистиковъ и съ ихъ помощью выяснить цѣны, а затѣмъ разобраться, не содѣйствуетъ ли совѣщаніе въ Петроградѣ увеличенію цѣнъ на зерно.

Н. Н. Сиротининъ находитъ, что тутъ два вопроса: опредѣленіе цѣны на муку съ 1 января — этотъ вопросъ не можетъ ждать, а затѣмъ вопросъ принципіальный: отчего зависитъ увеличеніе цѣнъ и чьи интересы отстаиваетъ совѣщаніе въ Петроградѣ? Онъ, Спрогининъ, думаетъ, что совѣщаніе не въ интересахъ всего населенія увеличило цѣну на рожь съ 1 р. 10 коп. до 1 р. 20 коп. Мѣстные люди лучше знаютъ стоимость производства и, разъ они опредѣлили цѣну въ 1 р. 10 коп.,—повышать не было основанія („Саратовскій Листокъ", 1. I).

За мукомолами въ Саратовѣ выступили пекари, съ такими же по существу заявленіями, какъ и въ Харьковѣ. И это не только въ отдѣльныхъ городахъ. Въ серединѣ января само министерство земледѣлія обратило вниманіе на возникшія въ странѣ дополнительныя затрудненія и признало, что

эти затрудненія происходятъ не только изъ-за разстройства транспорта: повидимому, крестьяне и сельскіе хозяева ждутъ установленія тѣхъ высокихъ твердыхъ цѣнъ на рожь и пшеницу, которыя установлены особымъ овѣщаніемъ по продовольствію („Русскія Вѣдомости“, 23. I).

„Въ виду этого“ министромъ земледѣлія А. Н. Наумовымъ сдѣланы уполномоченнымъ (по закупкамъ) дополнительныя указанія. Указавъ на то, что министерствомъ земледѣлія получены новые крупные наряды по заготовкѣ хлѣба и что требованія городовъ по снабженію ихъ хлѣбомъ постоянно ростутъ, А. Н. Наумовъ предлагаетъ уполномоченнымъ принять немедленно особыя мѣры къ расширенію закупокъ... Рекомендуется не ограничиваться пріобрѣтеніемъ запасовъ, случайно появляющихся вблизи станцій, а стараться проникать для закупокъ въ глубь губерній и вывозите изъ экономій и крестьянскихъ хозяйствъ все, что удастся, до прекращенія саннаго пути. При отказѣ добровольно продать хлѣбъ уполномоченнымъ предоставляется воспользоваться положеніемъ о твердыхъ цѣнахъ и реквизиціи. (Тамже).

Еслибы реквизиція въ экономіяхъ дѣйствительно была примѣнена, то она произошла бы не по прежнимъ, а по новымъ „высокимъ твердымъ цѣнамъ“. Но характерно все-таки, что само министерство земледѣлія находитъ установленныя особымъ совѣщаніемъ твердыя цѣны „высокими“, создающими спеціальныя затрудненія и спекулятивное задерживаніе продуктовъ сельскими хозяевами. Само собою понятно, что вліяніе прибавокъ не ограничивается сельскохозяйственными продуктами. До нѣкоторой степени всѣ вообще цѣны у насъ строятся по хлѣбу. Разъ почему бы то ни было подняты цѣны на хлѣбъ, удорожается и многое другое. Удорожаются и такіе продукты, въ дешевыхъ цѣнахъ на которые жизненно заинтересовано сельское хозяйство. И вотъ какъ разъ въ самомъ началѣ этихъ сложныхъ и тяжелыхъ послѣдствій необоснованной прибавки губернаторы, на основаніи циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ, обратились съ предложеніями бороться противъ взвинчиванія цѣнъ. Земцы кое-гдѣ поговорили о необходимости организовать болѣе правильно представительство мѣстныхъ общественныхъ учрежденій въ центральномъ продовольственномъ совѣщаніи — все-таки нѣкоторая гарантія противъ рискованныхъ шаговъ. Нѣкоторые городскіе дѣятели имѣли мужество сказать напрямки.

— Что мы можемъ сдѣлать, если цѣны повышаются по предложенію министерства земледѣлія?

А губернаторамъ ничего не оставалось, какъ внести дипломатическую поправку: не министерства земледѣлія, а особаго совѣщанія, въ которомъ участвуютъ и члены Государственной Думы

Той же дипломатической ноты держится, повидимому, и министерство земледѣлія,—признавая твердыя цѣны высокими, приводящими къ немалымъ затрудненіямъ, оно также дѣлаетъ ссылку на особое совѣщаніе.

Разговоръ о борьбѣ противъ взвинчиванія цѣнъ, начатый такимъ образомъ и при такихъ условіяхъ, едва-ли можно прекратить на полусловѣ. Во-первыхъ, результаты „твердыхъ цѣнъ", даже и не установленныхъ формально, опредѣлились, и городскимъ управленіямъ приходится производить пересмотръ нормъ и таксъ въ сторону повышенія ихъ; это—какъ бы первый шагъ въ предложенной циркуляромъ борьбѣ съ дороговизной. Во-вторыхъ, городскіе владѣльческіе слои, въ рукахъ которыхъ находится городское представительство, попали въ особое положеніе. И губернскія совѣщанія, созванныя въ исполненіе циркуляра, и многія земства строятъ борьбу противъ дороговизны, исходя изъ предположенія, что главный корень зла въ спекуляціи торговца и посредника. По той же линіи наименьшаго сопротивленія идетъ усиленная „наблюдательная дѣятельность" губернаторовъ и чиновъ полиціи. Ищутъ торговцевъ-спекулянтовъ, ихъ подвергаютъ репрессіямъ—обыскиваютъ, арестовываютъ, штрафуютъ, въ ихъ сторону направляютъ естественное недовольство потребителей. И въ число наказанныхъ уже попали во многихъ городахъ гласные городскихъ думъ, члены городскихъ управъ и т. д. Городскіе дѣятели по долгу своего общественнаго положенія обязаны заботиться объ устраненіи и смягченіи продовольственной невзгоды. А какъ представители извѣстнаго общественнаго слоя, противъ котораго направлено главное жало офиціальныхъ и отчасти земскихъ мѣръ, они приводятся въ состояніе самообороны. Въ этомъ положеніи, опредѣляемомъ и сознаніемъ долга, и потребностями самообороны, замѣтно начинаютъ выдвигаться городскія управленія черноземнаго Поволжья во главѣ съ Саратовомъ. Поволжье выдвигается, быть можетъ, отчасти потому, что земства здѣсь типично землевладѣльческія, а городскія управленія типично купеческія, купечество же здѣсь сильное. Ну, а среди городовъ черноземнаго Поволжья Саратову и подобаетъ быть на первомъ мѣстѣ.

Поговоривъ, какъ писано выше, съ губернаторомъ, саратовское городское управленіе рѣшило пригласить спеціалистовъ для „провѣрки данныхъ себѣстоимости" зерна. Одновременно занялось пересмотромъ и повышеніемъ таксъ, сообразно „твердымъ цѣнамъ". На засѣданіи думы, посвященномъ этому вопросу, гласными были высказаны такія соображенія:

Б. Х. Медвѣдевъ. Мы идемъ за цѣнами, а не нормируемъ ихъ. Мы повышаемъ цѣны на хлѣбъ вслѣдъ за повышеніемъ цѣнъ на муку, повышаемъ цѣны на муку вслѣдъ за ростомъ цѣнъ на зерно. Причина въ томъ, что намъ дана очень узкая сфера дѣятельности—борьба съ спекулянтами.

Но вѣдь цѣны создаются и рядомъ другихъ факторовъ... Здѣсь Гриммъ пытался установить цѣны зерна по себѣстоимости, а изъ Петрограда прислали „твердыя" цѣны на 30 коп. выше. Еслибы мы выработали сами себѣстоимость (а матеріаловъ для этого много и у города, и у земства), мы бы доказали, что твердыя цѣны, устанавливаемыя изъ Петрограда, много выше справедливыхъ („Саратовскій Листокъ" 22. 1).

Пока—та же точка зрѣнія, которая была выдвинута въ бесѣдѣ съ губернаторомъ. Другіе гласные идутъ дальше.

В. И. Алмазовъ. Твердыя цѣны тверды лишь въ томъ отношеніи что показываютъ, ниже какихъ цѣнъ онѣ не будутъ... Твердую цѣну можетъ установить лишь хозяинъ товара. Это поняли наши враги. Въ Германіи весь хлѣбъ объявленъ собственностью государства, и оно, какъ хозяинъ, устанавливаетъ твердую цѣну и увѣрено въ ея твердости — кромѣ него, никто измѣнить не можетъ. Такъ должно быть и у насъ,—одно установленіе цѣнъ и частичныя реквизиціи никогда не гарантируютъ отъ дальнѣйшаго повышенія. (Тамже).

Германскимъ или инымъ способомъ, но пусть государство устранитъ спекуляцію производителей. Однобокая борьба съ спекуляціей посредника не можетъ привести къ цѣли. Сколько ни боритесь съ посредникомъ,—„хозяинъ зерна" неуклонно будетъ взвинчивать цѣны.

Гласный Масленниковъ ставитъ вопросъ шире. Дѣло — говоритъ онъ—не только въ спекуляціи.

Основная причина дороговизны въ полной дезорганизованности хозяйственной жизни страны и, въ частности, транспорта. Москва и Петроградъ сидятъ безъ хлѣба, а здѣсь мнѣ пришлось столкнуться съ владѣльцами двухъ мельницъ, у которыхъ одна работала прошлый годъ въ половину производства, а теперь стоитъ изъ-за недостатка зерна. Зерно еще въ августѣ закуплено—до милліона пудовъ—въ Уральской области, но до сего времени не даютъ ни одного вагона подъ доставку его. Въ Астрахани гніютъ милліоны пудовъ малосольной рыбы изъ-за неподачи вагоновъ въ то время, какъ изъ Астрахани въ Тамбовъ везутъ въ первую очередь пустыя бочки подъ солонину. Изъ Новоузенскаго уѣзда нельзя перевезти ни вагона зерна, вагоны на Москву и Петроградъ даютъ въ самомъ ограниченномъ количествѣ,—и въ то же время изъ Саратова на ст. Воейково везутъ милліоны кирпича внѣ всякой очереди. Даже управленіе дороги говоритъ: „Что вы дѣлаете, господа? Вы творите государственное преступленіе: поѣздами везете пустыя бочки, кирпичъ, когда у насъ нѣтъ вагоновъ подъ шрапнели, снаряды, продовольствіе". Дорога предлагаетъ въ двухъ поѣздахъ перевезти всѣхъ бондарей изъ Астрахани. Не хотятъ и слышать. (Тамже).

Одинъ изъ гласныхъ предложилъ ходатайствовать о скорѣйшемъ созывѣ Государственной Думы. Г. Масленниковъ на это возражаетъ:

Говорятъ, собрать Государственную Думу. Но вѣдь ее и распустили какъ разъ тогда, когда надо было позаботиться объ устройствѣ. Что же сдѣлаешь нашимъ добрымъ пожеланіемъ? Намъ можно разсчитывать только на одно—на выносливость русскаго народа. А скрывать нельзя — положеніе отчаянное. („Саратовскій Листокъ" и „Саратовскій Вѣстникъ" 22. I).

Подводить итоги рано. Но нѣкоторыя тенденціи вскрылись. Часть земствъ,—правда, небольшая—стала на грубо откровенную точку зрѣнія помѣщиковъ: надо поднять цѣну на сельскохозяйственные продукты, а не заботиться о пониженіи ея. Едва-ли не большинство земствъ сосредоточилось на противодѣйствіи посреднической спекуляціи,—позволительной или непозволительной, вопросъ иной. Въ роли посредниковъ склонны видѣть корень зла и начальствующія лица. Силою вещей городскія управленія ставятъ особенное удареніе на спекуляціи сельскихъ хозяевъ и на общихъ условіяхъ политической и хозяйственной жизни. Въ порядкѣ преній точки зрѣнія столкнулись, стали опредѣленнѣе. И, какъ отправныя точки, онѣ могутъ оказаться не, безразличными въ дальнѣйшемъ развитіи вопроса о дороговизнѣ.

IV. О перемѣнѣ на посту предсѣдателя совѣта министровъ.

Смѣна И. Л. Горемыкина Б. В. Штюрмеромъ не вызвала какихъ-либо иллюзій въ прессѣ. Прошлая дѣятельность новаго предсѣдателя совѣта министровъ хорошо извѣстна. Обревизованіе тверского земства осталось надолго памятнымъ, какъ яркій эпизодъ эпохи. Не менѣе извѣстно партійное мѣсто Б. В. Штюрмера въ качествѣ члена Государственнаго Совѣта: онъ все время принадлежалъ къ фракціи правыхъ,—„правыхъ“ даже въ Маріинскомъ дворцѣ, въ странѣ это—крайняя правая. Отсюда какъ бы невольно складывался выводъ: такъ было, такъ будетъ; съ точки зрѣнія чаемыхъ перемѣнъ курса данный политическій фактъ не имѣетъ серьезнаго политическаго значенія.

Разъ „такъ было, такъ будетъ“, то, пожалуй, больше основаній признать значеніе даннаго факта не только серьезнымъ, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, быть можетъ, даже рѣшающимъ. Въ мирное время легче было говорить: жили при Горемыкинѣ, будемъ жить при Сипягинѣ; жили при Сипягинѣ, будемъ жить при Плевѣ. Въ основѣ сравнительной легкости, съ какою это говорилось, лежала надежда, что исторія насъ не торопитъ, дастъ и еще отсрочку,—что жь, подождемъ, надъ нами ни каплетъ. Какъ разъ при покойномъ Плеве надежда на отсрочку не оправдалась, государству пришлось держать экзаменъ на Дальнемъ Востокѣ и срѣзаться. Потомъ такимъ порядкомъ дожили до Сухомлинова—Щегловитова—Маклакова и пр. Снова не получили отсрочки. Снова приходится держать экзаменъ, но уже гораздо болѣе страшный, опредѣляющій дальнѣйшія судьбы Россіи на очень долгіе годы, а, можетъ быть, и навсегда. „Только при единеніи всѣхъ силъ страны отечество можетъ съ честью выйти изъ ниспосланныхъ испытаній“. Это говорится съ самаго начала войны. Это всѣ понимаютъ. Это для всѣхъ ясно. Но именно единенія всѣхъ силъ не

было и не могло быть при курсѣ, связанномъ съ именемъ только-что ушедшаго на покой предсѣдателя совѣта министровъ. . . .

. . . .

А отсрочки—почти навѣрное можно сказать—тоже не будетъ. Въ сущности вѣдь приходится держать не экзаменъ, а переэкзаменовку.

По принятому въ послѣднее время обыкновенію новыхъ сановниковъ, Б. В. Штюрмеръ выступилъ въ первый же день съ нѣкоторыми заявленіями къ обществу черезъ посредство печати. И такъ же, какъ другіе вновь назначаемые сановники, принадлежащіе къ правому направленію мысли, онъ коснулся при этомъ трехъ основныхъ пунктовъ: отношеніе къ существующему среди крайнихъ правыхъ группъ германофильству и склонности къ сепаратному миру; отношеніе къ государственному строю, предусмотрѣнному основными законами 1906 г.; программа государственной дѣятельности въ данный моментъ. По первому пункту Б. В. Штюрмеръ заявилъ:

Я былъ всегда и остаюсь убѣжденнымъ и непреклоннымъ сторонникомъ той мысли, что эта навязанная намъ война должна быть какой угодно цѣной нами выиграна.

Никакія предложенія сепаратнаго мира, какъ бы ни казались они заманчивы, какъ бы ни были они въ дѣйствительности выгодны, не могутъ разрѣшить той проблемы, которая поставлена передъ народами міра этой титанической борьбой.

Ни Россія, ни русскій народъ побѣждены быть не могутъ. Великая страна и великій народъ могутъ заключить миръ лишь въ полной солидарности съ ихъ великодержавными союзниками и въ твердой увѣренности, что этотъ миръ, достойный великой Россіи, обезпечитъ ей на многіе и долгіе годы полное преуспѣяніе и благоденствіе въ достиженіи всѣхъ матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ.

Свое отношеніе къ существующимъ основнымъ законамъ Б. В. Штюрмеръ опредѣлялъ такъ:

Я былъ уже членомъ Государственнаго Совѣта въ то время, когда произошла реформа нашего государственнаго строя. Съ первыхъ же дней жизни нашихъ новыхъ законодательныхъ учрежденій, я, войдя въ дѣловую работу коммиссіи Государственнаго Совѣта, имѣлъ полную возможность близко и непосредственно ознакомиться съ сущностью новаго порядка вещей.

Внимательно изо дня въ день слѣдя за жизнью нашей нижней палаты, я твердо усвоилъ мысль, что съ введеніемъ въ государственный строй новыхъ законодательныхъ учрежденій правительство получило полную возможность плодотворной и реальной работы по осуществленію стоящихъ на очереди преобразованій.

Этой же мысли я держусь и теперь и увѣренъ, что если между законодательными учрежденіями и правительствомъ не будетъ взаимной предвзятости, взаимныхъ мелкихъ подозрѣній, которыхъ я лично совершенно чуждъ, то правительство сумѣетъ найти общій языкъ съ законодательными учрежденіями.

Наконецъ, по третьему пункту о программѣ, необходимой для государства, Б. В. Штюрмеръ высказался такъ:

Теперь, конечно, не время для разрѣшенія многогранныхъ и сложныхъ проблемъ мирнаго уклада государственной жизни Россіи. Но все то, что въ той или иной мѣрѣ связано съ достиженіемъ нашей главной цѣли, что связано съ организаціей побѣды, должно быть и будетъ предложено вниманію законодательныхъ учрежденій.

Я не буду перечислять всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые могутъ служить предметомъ обсужденія въ Государственной Думѣ. Всѣ эти вопросы разбросаны по отдѣльнымъ вѣдомствамъ, и задача предсѣдателя совѣта министровъ заключается не въ ихъ разработкѣ, а лишь въ томъ, чтобы побуждать отдѣльныя вѣдомства именемъ объединеннаго правительства къ скорѣйшей ихъ разработкѣ для проведенія ихъ въ жизнь въ порядкѣ необходимой въ этомъ дѣлѣ планомѣрности. Выяснить планъ подлежащихъ осуществленію въ ближайшую очередь законодательныхъ мѣропріятій и составляетъ мою ближайшую задачу.

Кромѣ того, новый предсѣдатель совѣта министровъ высказалъ „вѣру въ здравый патріотизмъ Государственной Думы", въ доказанную „политическую зрѣлость и глубокій патріотизмъ всего русскаго общества", а равно и въ то, что и общественныя, и правительственныя организаціи одинаково работаютъ на пользу государства.

Есть, конечно, въ дѣятельности общественныхъ учрежденій и серьезные недостатки. На эти недостатки я не закрываю глаза, но не они рѣшаютъ вопросъ. Должно помнить, какъ цѣнно сотрудничество общественныхъ силъ.

Сдержанные комплименты по адресу общественныхъ силъ, организацій и учрежденій—впрочемъ, частность. Три же основныхъ пункта содержатся во вступительныхъ заявленіяхъ чуть ли не всѣхъ сановниковъ, принадлежащихъ къ одному направленію съ Б. В. Штюрмеромъ, и заявленія по этимъ пунктамъ у всѣхъ у нихъ по существу однородны. И, полагаю, не случайно.

Правое германофильство запечатлѣно вѣдь не только статьями „Русскаго Знамени" и дворянина Павлова въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ". Въ русской прессѣ оглашено содержаніе докладной записки министровъ Маклакова и Щегловитова. Записка не достигла цѣли, поставленной ея авторами. Гг. Щегловитовъ и Маклаковъ стали бывшими министрами. Но послѣ нихъ каждому новому сановнику, принадлежащему къ тому же крайнему правому направленію, необходимо, такъ сказать, отмежеваться, заявить: да, правый, но не изъ той группы, которая близка къ дворянину Павлову по вопросамъ внѣшней политики, а изъ другой, которая считаетъ обязательнымъ договоръ съ союзными державами о недопустимости сепаратнаго мира. Положеніе Б. В. Штюрмера, какъ ближайшаго сотрудника В. К. Плеве, въ этомъ смыслѣ, пожалуй, особенно деликатно. Новому предсѣдателю совѣта министровъ нужно отмежеваться отъ нѣкоторыхъ правыхъ группъ съ особенной ясностью. Кромѣ его заявленій при посредствѣ печати, были допущены къ оглашенію отрывки изъ отзывовъ тѣхъ германскихъ газетъ, которыя считаютъ Б. В. Штюрмера славянофиломъ и панславистомъ. Для публики попроще въ „Новомъ Времени" объяс-

нялось, что хотя Sturm и нѣмецкое слово, но у русскихъ Штюрмеровъ „нѣмецкаго осталась, повидимому, лишь фамилія", и во всякомъ случаѣ, Б. В. Штюрмеръ—„коренной помѣщикъ Бѣжецкаго уѣзда, потомокъ множества православныхъ предковъ (по одной линіи), состоитъ, какъ говорятъ, въ родствѣ даже съ св. княгинею Анною Кашинской".

Неизбѣжность объясненій по второму пункту еще понятнѣе. Даже до войны нѣкоторые крайніе правые сановники считали нужнымъ заявлять о своемъ уваженіи къ основнымъ законамъ и отмежевываться. Теперь министры и подавно вынуждены заявлять, что хотя они и правые, но не изъ той группы, которая близка къ дворянину Дубровину по вопросамъ внутренней политики. Собственно обоихъ этихъ пунктовъ во вступительныхъ заявленіяхъ сановникамъ тактичнѣе бы не касаться. Есть вещи, которыя должны разумѣться сами собою. И разъ офиціальные представители правительства этого касаются, то ихъ заявленія неизбѣжно имѣютъ формальный характеръ: ничего другого по существу они офиціально сказать не могутъ. Но, независимо отъ этого, оба заявленія сводятся собственно къ отрицаніямъ: не изъ той группы, гдѣ Павловъ не изъ той, гдѣ Дубровинъ. А изъ какой же?

Отвѣта во вступительныхъ заявленіяхъ нѣтъ. Но нѣкоторыя объективныя данныя способны отчасти возмѣстить отсутствіе отвѣта. Беру номера хотя бы московскихъ газетъ отъ 21 января (первый день новаго предсѣдателя совѣта министровъ):

Передаютъ, что вопросъ о назначеніи Б. В. Штюрмера былъ окончательно рѣшенъ 17-го января.

Какъ уже сообщалось, митрополитъ Питиримъ посѣтилъ предсѣдателя Государственной Думы М. В. Родзянко. Какъ теперь выясняется, владыка во время этой бесѣды освѣдомилъ предсѣдателя Государственной Думы о кандидатурѣ Б. В. Штюрмера на постъ премьера и горячо убѣждалъ М. В. Родзянко содѣйствовать установленію добрыхъ отношеній между Думой и новымъ главой правительства.

Въ 8½ часовъ вечера предсѣдатель совѣта министровъ отправился въ Александро-Невскую лавру и прошелъ въ покои петроградскаго митрополита Питирима, у котораго испросилъ благословеніе на новое служеніе. Въ покояхъ митрополита Б. В. Штюрмеръ пробылъ около часа. („Русское Слово").

Въ 9 час. вечера къ Штюрмеру заѣзжалъ епископъ тобольскій Варнава. Пріемъ епископа Варнавы былъ отложенъ на утро („Утро Россіи").

Замѣтки „Русскаго Слова" на слѣдующій день—22 января:

Передаютъ, что получило окончательное разрѣшеніе дѣло о тобольскомъ епископѣ Варнавѣ. Прославленіе епископомъ Варнавой святителя Іоанна тобольскаго признано состоявшимся согласно каноническимъ правиламъ. Дѣло епископа Варнавы, такимъ образомъ, на разсмотрѣніе Синода больше не вернется.

Сегодня въ 11 час. утра въ Царское Село выѣзжалъ епископъ тобольскій Варнава, а въ 1 часъ дня—митрополитъ петроградскій Питиримъ.

Сегодня митрополита петроградскаго Питирима посѣтили министръ

внутреннихъ дѣлъ А. Н. Хвостовъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ С. П. Бѣлецкій, товарищъ министра земледѣлія Глинка, камергеръ Похвисневъ, членъ Государсвеннаго Совѣта кн. Эристовъ, кн. Лобановъ-Ростовскій, сенаторы Добровольскій, Крашенинниковъ и др.

Черезъ десять дней, спеціальный корреспондентъ по телеграфу сообщаетъ „Кіевской Мысли" (1. II).

„Штюрмеръ посѣтилъ епископа Варнаву, пробывъ у него больше двухъ часовъ".

„По словамъ освѣдомленнаго іерарха, митрополитъ Питиримъ" и т. д.

Имена обоихъ іерарховъ послѣ назначенія Б. В. Штюрмера довольно долго упоминаются въ газетахъ буквально каждый день. И не только эти имена. Начало сызнова мелькать, напримѣръ, и имя Восторгова. Все—знакомое и знакомыя.

. . . .

Остается еще третій пунктъ,—какая у побѣдителей программа? За послѣдніе мѣсяцы мы привыкли во вступительныхъ заявленіяхъ сановниковъ читать довольно однообразный отвѣтъ: никакой программы, еще не осмотрѣлся, не познакомился, да, впрочемъ, теперь и не время для программъ,—война. Б. В. Штюрмеръ нѣсколько иными словами сказалъ то же самое: теперь не время „для разрѣшенія проблемъ мирнаго уклада", вѣдомствами вырабатываются законопроекты, ближайшая задача—выяснить планъ внесенія нѣкоторыхъ законопроектовъ на разсмотрѣніе законодательныхъ собраній ближайшей сессіи... Воспитанный въ традиціяхъ давнихъ временъ, онъ, по его же словамъ, въ коммиссіи Государственнаго Совѣта ознакомился съ сущностью новаго порядка. Ну, а коммиссіи нашего Совѣта, кажется, не такое мѣсто, гдѣ можно надлежащимъ образомъ узнать, что такое программа, обязательная для политическихъ дѣятелей современныхъ намъ культурныхъ государствъ, и почему она обязательна. Въ совѣтскихъ коммиссіяхъ, пожалуй, больше можно ознакомиться съ своеобразнымъ бытомъ верховъ, съ пружинами тамошнихъ вліяній, чѣмъ съ принципами того порядка, который 17 октября 1905 года признанъ обязательнымъ и котораго нѣтъ до сихъ поръ. Притомъ же правая группа Государственнаго Совѣта, къ которой Б. В. Штюрмеръ все время принадлежалъ, сколько извѣстно, считала порядокъ, признанный 17 октября 1905 г., невозможнымъ и недопустимымъ.

Судя по сообщеніямъ газетъ, Б. В. Штюрмеръ тотчасъ послѣ назначенія сталъ осуществлять особую программу,—программу политичныхъ администраторовъ старой школы, полагающихъ, что на мѣстѣ новаго служенія непремѣнно и первымъ долгомъ надо установить отношенія. Онъ знакомится, обмѣнивается визитами, удѣляетъ цѣлые часы даже такимъ дѣятелямъ, какъ епископъ Варнава и г. Скворцовъ (издатель „Колокола"), посѣщаетъ зданія, гдѣ находятся центральныя учрежденія различныхъ

вѣдомствъ, знакомится въ каждомъ вѣдомствѣ съ начальниками департаментовъ и отдѣловъ, съ чинами канцелярій, произноситъ въ каждомъ вѣдомствѣ комплиментарныя рѣчи и таковыя же же рѣчи выслушиваетъ. Борисъ Владимировичъ ко всѣмъ душевно расположенъ. И къ Борису Владимировичу всѣ душевно расположены. Но установленіе отношеній вообще требуетъ срока и не малаго. И этотъ вступительный періодъ вообще имѣетъ праздничные оттѣнки,—періодъ бюрократическихъ идиллій и Аркадій. И въ обыкновенное время Богъ бы съ ними, — съ идилліями и Аркадіями. Но вѣдь время-то теперь не обыкновенное. Вѣдь гдѣ-то тамъ, внѣ бюрократическихъ Аркадій и идиллій, находятся мѣста, откуда то и дѣло даже въ газеты поступаютъ потрясающія свѣдѣнія: на исходѣ послѣдніе остатки продовольствія, нѣтъ топлива, не даютъ вагоновъ, чтобы подвезти необходимое, не вывозится уголь, добытый въ шахтахъ, еще болѣе сократилась заготовка дровъ, одна за другой прекращаютъ работу мельницы, озимые посѣвы сокращены, а для яровыхъ неизвѣстно, гдѣ достать сѣмена. Изъ этихъ и многихъ другихъ частностей складывается огромная задача, — какъ довести до возможно болѣе благополучнаго окончанія войну. А за войной стоитъ не менѣе огромная, пожалуй, еще болѣе трудная задача—заключить на возможно болѣе достойныхъ и возможно болѣе выходныхъ условіяхъ миръ. За миромъ задача еще огромнѣе и труднѣе: наладить жизнь при подорванныхъ силахъ народа, при необходимости исключительно высокихъ расходовъ, но при опустошенныхъ финансахъ и поистинѣ страшныхъ платежахъ по займамъ. Государственные люди и у нашихъ союзниковъ, и у нашихъ враговъ уже теперь работаютъ надъ тѣмъ, чтобы подготовиться къ задачамъ, стоящимъ за войной. Заранѣе собираются матеріалы. Заранѣе подготовляются проекты.

Собираются уже теперь. И понятно. Послѣ войны само собою ничего не явится. Готовиться, думать, работать нужно заранѣе. Учитывая необходимости будущаго, кстати, люди могутъ сознательнѣе взвѣшивать возможности и нужды настоящаго. Суть однако въ томъ, что вопросы и задачи, какъ нынѣшняго, такъ и завтрашняго дня, могутъ быть поставлены, разрѣшены или подготовлены при одномъ условіи: если крайнее правое направленіе—все цѣликомъ, со всѣми входящими въ него группами—занимаетъ мѣсто, соотвѣтственное его удѣльному вѣсу. Это —мѣсто всего лишь скромнаго меньшинства. А характеръ вопросовъ, которые теперь же надо рѣшить или подготовлять, таковъ, что правое меньшинство можетъ быть только оппозиціоннымъ меньшинствомъ.

. . . .

А. Петрищевъ.

Мобилизація промышленности и классовая борьба.

(Письмо изъ Италіи).

I.

Немедленно вслѣдъ за объявленіемъ Италіей войны Австріи существующія въ странѣ чрезвычайно многочисленныя политическія и профессіональныя организаціи сочли своимъ долгомъ выступить съ заявленіями, въ которыхъ опредѣляли линію своего грядущаго поведенія въ условіяхъ вновь создавшагося положенія. Разнообразныя по формѣ, заявленія эти существенно различаются также по тону и по степени категоричности, съ которою соотвѣтствующія организаціи высказывали въ нихъ свои намѣренія и намѣчали свои задачи: въ однихъ мы не находимъ ничего, кромѣ болѣе или менѣе пышныхъ фразъ, ровно ничего не выясняющихъ и рѣшительно ни къ чему не обязывающихъ, въ другихъ же, напротивъ, — прямыя обѣщанія и обязательства. Для *хозяйскихъ* организацій характеренъ въ этомъ отношеніи циркуляръ національной конфедераціи промышленности. Это—крупнѣйшая изъ хозяйскихъ организацій, объединяющая около 20 мѣстныхъ федерацій и союзовъ и охватывающая въ общемъ до 2.000 предпріятій, въ которыхъ занято свыше 250.000 рабочихъ.

Вотъ что гласитъ этотъ циркуляръ, разосланный засѣдающею въ Туринѣ дирекціей конфедераціи хозяевамъ промышленныхъ предпріятій: „Отечество протрубило сборъ и довѣрило оружію свои лучшія судьбы. Но борьба за эти судьбы ведется не только на поляхъ сраженія и связаны онѣ не только съ доблестью нашихъ войскъ. Въ то время, какъ наша смѣлая молодежъ готовится сдѣлать своею кровью болѣе священнымъ и болѣе животворнымъ знамя родины, эта послѣдняя ждетъ также многаго отъ твердости и энергіи оставленныхъ дома, на которыхъ лежатъ не менѣе серьезныя и важныя обязанности. *Всего больше въ этотъ торжественный часъ отечество должно полагаться на промышленный классъ* [1]). Отъ промышленнаго класса требуетъ отечество новаго, великолѣпнаго, довѣрчиваго усилія ради продолженія хозяйственной жизни, составляющей необходимость и богатство страны; отъ него проситъ отечество *примѣра въ пожертвованіи всѣми частными интересами во имя верховнаго интереса націи*; отъ него отечество ждетъ доказательства, что *имущіе умѣютъ употреблять свои силы и средства на облегченіе страданій и бѣдъ неимущихъ*. Промышленники должны сумѣть выполнить эту *свою*

[1]) Курсивъ въ цитатахъ здѣсь и вездѣ ниже—мой. *Г. Ш.*

миссію и выполнять ее. По экономической, промышленной и торговой жизни съ наибольшей силой ударитъ тотъ конфликтъ, въ которомъ зрѣютъ грядущія судьбы Италіи; тѣмъ бо́льшей будетъ заслугой—выдержать эти удары и превозмочь ихъ. И промышленность, которая, будучи молодой, сумѣла бороться и выиграть свою битву, конечно, разовьется еще болѣе пышно, когда, съ возстановленіемъ мира, наступитъ ея возрожденіе. И да сумѣютъ промышленники нынѣ заранѣе посѣять *сѣмена будущей соціальной жизни.* Среди отрадныхъ и печальныхъ превратностей судьбы они научились глубоко чувствовать связь дѣятельнаго сотрудничества, связывающую ихъ съ тѣми служащими или рабочими, которые *съ ними вмѣстѣ работали и боролись.* Такъ пусть же они покажутъ все глубокое значеніе этой связи, придя со щедрой помощью къ тѣмъ, которые оставляютъ поле труда для поля брани, и къ тѣмъ, которые — одинокіе и бѣдные — остаются дома. Такимъ образомъ итальянскіе промышленники *проявятъ свою общественную совѣсть,* такимъ образомъ они поработаютъ для грядущаго величія Италіи и заслужатъ, чтобы *ставшее болѣе сильнымъ отечество имѣло и болѣе сильную индустрію"...*

Вотъ, безспорно, документъ, съ перваго взгляда свидѣтельствующій о необычайно высокихъ качествахъ итальянской буржуазіи. Классъ, признающій своей „миссіей" принесеніе всѣхъ частныхъ интересовъ въ жертву верховному интересу націи, сознающій и глубоко цѣнящій „связь сотрудничества" съ трудящимися и потому въ трудную минуту спѣшащій къ нимъ со „щедрой помощью", классъ, проявляющій свою „общественную совѣсть" въ употребленіи своихъ силъ и средствъ на облегченіе мукъ и страданій неимущихъ и предусмотрительно засѣвающій такимъ образомъ сѣмена братской солидарности, сѣмена будущей соціальной жизни, — вотъ что представляетъ собою эта буржуазія въ авторитетномъ изображеніи руководителей національной конфедераціи. Очевидно, вступая съ объявленіемъ войны на путь тяжкихъ испытаній, страна могла смѣло положиться на свой промышленный классъ: ужь онъ-то не вставитъ палокъ въ ея колеса, ужь онъ-то не только самъ не нарушитъ того соціальнаго мира, который признается столь необходимымъ для „конечной побѣды", но и другимъ не подастъ ни малѣйшаго повода и основанія къ его нарушенію. Мало того. Страна могла быть вполнѣ увѣрена, что классъ, такъ понимающій свою „миссію", не остановится передъ жертвами, какія бы ни потребовались въ интересахъ сохраненія внутренняго мира, единенія и согласія...

На кого же должна падать отвѣтственность за то замѣтное усиленіе и обостреніе классовой борьбы, свидѣтелями котораго мы являемся въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ, протекшіе съ начала итало-австрійской войны? Не успѣло пройти двухъ дней

послѣ открытія военныхъ дѣйствій на итало-австрійской границѣ, какъ на голову римскаго обывателя неожиданно обрушилась стачка служащихъ муниципальнаго трамвая. Незначительная по своимъ размѣрамъ и по своему внутреннему значенію, она однако оказалась исключительно эффектной и пикантной, благодаря тому, что произошла какъ разъ въ ту минуту, когда единеніе и согласіе достигли кульминаціонной точки, когда всѣ слои, всѣ классы, всѣ группы населенія казались окончательно слившимися въ одномъ общемъ порывѣ, въ одномъ общемъ стремленіи, когда сердце обывателя совершенно растаяло отъ необычайно высокой температуры переполнявшихъ его чувствъ патріотизма и всеобщей братской солидарности. Правда, именно Римъ, именно столица Италіи обладаетъ наименѣе организованнымъ, наименѣе сознательнымъ и наименѣе дисциплинированнымъ рабочимъ классомъ. Это обстоятельство успокоивало огорошеннаго и огорченнаго обывателя и давало ему возможность оставаться при наивной вѣрѣ, что предметъ его мечтаній—полный и безусловный соціальный миръ — не иллюзія, а доподлинная реальность, несомнѣнная дѣйствительность... Однако этой наивной обывательской вѣрѣ не суждено было долго длиться: стачечная волна разливалась все шире и поднималась все выше, захватывая новые промышленные районы и новыя отрасли производства, причемъ наибольшей широты и интенсивности движеніе достигаетъ въ Пьемонтѣ, Лигуріи и Ломбардіи и главнымъ образомъ въ текстильномъ производствѣ. Началось движеніе текстильныхъ рабочихъ съ суконныхъ фабрикъ Бьеллы, гдѣ, впрочемъ, дѣло ограничилось сильной агитаціей, увѣнчавшейся нѣкоторымъ успѣхомъ, устранившимъ пока необходимость для рабочихъ прибѣгнуть къ ultimo ratio стачки. Отсюда движеніе перекинулось въ Туринъ, затѣмъ въ концѣ августа — въ бумагопрядильни верхне-миланскаго района, гдѣ къ октябрю приняло, какъ ранѣе и въ Туринѣ, грандіозные размѣры общей забастовки текстильныхъ рабочихъ. Въ ту же минуту, какъ я пишу эти строки (20 ноября н. с.), идетъ все болѣе разростающаяся и осложняющаяся стачка въ Новарѣ и снова начинается броженіе въ текстильномъ районѣ Бьеллы. Если принять въ соображеніе, что текстильная промышленность составляетъ какъ разъ ядро упомянутой хозяйской конфедераціи, то представится имѣющимъ особенный интересъ вопросъ о томъ, какого же рода недоразумѣнія между хозяевами и рабочими могли возникнуть тамъ, гдѣ хозяева чувствуютъ такую живую симпатію къ трудящимся, гдѣ они проникнуты такой готовностью спѣшить къ своимъ служащимъ и рабочимъ со щедрой помощью, не задумываясь жертвовать всѣми своими частными интересами верховному интересу націи.

Для отвѣта на этотъ вопросъ обратимся прежде всего къ двумъ любопытнымъ документамъ. Одновременно съ цитированнымъ

выше циркуляромъ хозяйской конфедераціи разослала своимъ секціямъ циркуляръ и федерація текстильныхъ рабочихъ, и вотъ что, между прочимъ, читаемъ мы въ немъ: „Наиболѣе крупныя ассоціаціи промышленниковъ публично пригласили своихъ членовъ дать доказательство мудраго благоволенія (къ трудящимся), рекомендуя имъ давать занятіе возможно большому количеству людей. Съ своей стороны мы думаемъ, что въ силу ряда причинъ количество работы въ текстильной промышленности втеченіе войны не уменьшится. Однакоже секціи должны стоять настороже, дабы не подверглись ухудшенію нормальныя условія работы и оплаты труда. Пусть онѣ мужественно противятся всякой попыткѣ этого рода со стороны малодобросовѣстныхъ промышленниковъ; пусть онѣ не боятся прибѣгнуть, если то окажется необходимымъ, къ прекращенію работы“. Три мѣсяца спустя та же федерація текстильныхъ рабочихъ, совмѣстно съ тремя мѣстными камерами труда, обратилась со слѣдующимъ манифестомъ къ бумагопрядильщикамъ Буста-Арзиція, Леньяна и Каллараты: „Товарищи и товарки! Бумаго-прядильныя фабрики Буста-Арзиція, Леньяна и Каллараты, которыя въ послѣдніе годы были частью поражены кризисомъ, съ нѣкоторыхъ поръ работаютъ полнымъ ходомъ, какъ никогда раньше даже въ самые счастливые періоды нашей промышленности, — и такая кипучая работа будетъ идти и впредь втеченіе всего времени, пока будетъ длиться война. Рабочіе и работницы указанныхъ фабрикъ, въ отличіе отъ всѣхъ почти другихъ категорій рабочихъ, по причинѣ упомянутаго частичнаго кризиса промышленности втеченіе ряда лѣтъ не могли достигнуть ни улучшенія мало отрадныхъ условій ихъ труда, ни, тѣмъ болѣе, повышенія ихъ жалкой заработной платы. А между тѣмъ уже въ послѣдніе годы дававшая себя чувствовать дороговизна жизни обострилась въ ужасающей степени съ тѣхъ поръ, какъ война нарушила общее экономическое равновѣсіе въ странѣ. Рабочая организація, которая не имѣетъ выбора въ своихъ дѣйствіяхъ, имѣла бы полное право собрать во едино стремленія *всѣхъ* рабочихъ и содѣйствовать *общему* движенію, которое привело бы къ чувствительному повышенію расцѣнокъ, вполнѣ справедливому нынѣ, когда наши промышленники получаютъ самые крупные барыши и въ то же время находятся подъ давленіемъ принятыхъ ими на себя передъ правительствомъ обязательствъ. Однакоже такого рода движенія мы не желаемъ, *дабы въ этотъ наиболѣе тяжкій для страны часъ невозможно было найти въ нашей дѣятельности даже частнаго повода для упрека или подозрѣнія, которымъ можно было бы ударить по рабочимъ.* Мы не можемъ однако, изъ-за чрезмѣрнаго безпокойства о моментѣ, допустить, чтобы такая внушительная масса рабочихъ, какъ та, которая занята въ бумагопрядильняхъ Буста, Леньяна и Каллараты, и нынѣ еще оставалась подчиненной расцѣнкѣ, устарѣлой и безусловно недоста-

точной для существованія. Не можемъ мы также не отстаивать нѣкоторыхъ правъ работниковъ и работницъ, дабы такимъ образомъ исправить все то несправедливое по отношенію къ рабочимъ, что могло быть введено на фабрикахъ въ прошломъ. Что, желая улучшенія расцѣнки, рабочій классъ желаетъ законнаго, доказывается тѣмъ повышеніемъ ея на 5%, которое нѣкоторые промышленники Буста добровольно предоставили своимъ рабочимъ. Но какое значеніе имѣетъ повышеніе на 5% (что соотвѣтствуетъ лишнимъ 10 сантимамъ въ день), предоставленное немногимъ сотнямъ работницъ, когда имѣются многія тысячи работниковъ и работницъ, нуждающихся въ увеличеніи — и не такомъ ничтожномъ! — ихъ заработной платы. Движеніе, основанное на столь очевидныхъ и неопровержимыхъ данныхъ, не можетъ не привести къ побѣдѣ. И мы побѣдимъ, не принеся чрезмѣрныхъ жертвъ, потому что въ *этотъ часъ желаемаго согласія на самые промышленные классы падаетъ долгъ не противиться принятію столь логическихъ требованій.* Между тѣмъ вы, рабочіе бумагопрядильщики бустовскіе, калларатскіе и леньянскіе, и всѣ вы, женщины, сомкнитесь еще разъ съ бо́льшимъ довѣріемъ и болѣе плотно, чѣмъ въ прошломъ, вокругъ вашей классовой организаціи. Только при сознательномъ единеніи рабочихъ эта борьба во имя требованій справедливости и рабочаго права можетъ увѣнчаться успѣхомъ; только благодаря вашей солидарности, вслѣдъ за нынѣ отвоеванными правами — когда человѣчество не будетъ болѣе взбудоражено тяжкими событіями, нынѣ его волнующими, — придутъ другія, бо́льшія завоеванія, которыя надлежитъ сдѣлать міру труда"...

Мы видимъ, такимъ образомъ, что широковѣщательныя обѣщанія итальянской буржуазіи не встрѣтили безусловнаго довѣрія со стороны рабочихъ; просвѣщенный опытомъ разумъ ихъ подсказалъ имъ, что необходимо держаться настороже, не особенно полагаясь на „мудрое благоволеніе", которое должны были проявить по отношенію къ нимъ хозяева, всего выше ставящіе „верховный интересъ націи". Однако, при всемъ своемъ скептицизмѣ, рабочіе въ своихъ невеселыхъ предвидѣніяхъ все-таки не шли такъ далеко, чтобы считать эту буржуазію способной совершенно отречься и отъ своей „миссіи", которую она столь торжественно обязалась выполнить, и отъ столь воспѣтаго ею самою долга, какой возлагалъ на нее „этотъ часъ желаемаго согласія". Предвидя вѣроятность и даже неизбѣжность борьбы за свои законные интересы, рабочіе полагали все-таки, что имъ не придется доводить ее до крайняго предѣла, всегда требующаго огромныхъ жертвъ; они надѣялись, даже были увѣрены, что хозяева все-таки найдутъ „этотъ часъ" не вполнѣ удобнымъ для упорнаго сопротивленія справедливымъ требованіямъ тѣхъ, которые „съ ними вмѣстѣ работали и боролись" и „связь дѣятельнаго сотрудничества" съ которыми они „научи-

лись глубоко чувствовать". Рабочіе имѣли тѣмъ большее право разсчитывать на уступчивость хозяевъ, что, опредѣляя свою собственную линію поведенія по отношенію къ хозяевамъ, они вполнѣ учитывали требованія „этого часа"... Вынужденные начать борьбу, они тѣмъ не менѣе, считаясь съ этими требованіями, отказались отъ общаго движенія (хотя бы только въ предѣлахъ даннаго, напр., верхне-миланскаго района), которое обезпечило бы вѣрный и быстрый успѣхъ при наименьшей затратѣ силъ, и рѣшили ограничиться небольшимъ, мѣстнымъ, частичнымъ движеніемъ (напр., въ трехъ далеко не важнѣйшихъ пунктахъ района), что заранѣе дѣлало успѣхъ сомнительнымъ и давало право разсчитывать на него только при условіи исключительной податливости и уступчивости фабрикантовъ. Быть можетъ, однако, рабочимъ слѣдовало бы совсѣмъ не начинать борьбы? Быть можетъ, неожиданное рабочими чрезвычайное упорство хозяевъ имѣло своимъ источникомъ именно неосновательность и несправедливость предъявленныхъ къ нимъ требованій? Быть можетъ, въ этомъ упорствѣ сказалось только вполнѣ законное возмущеніе людей, неожиданно, предательски схваченныхъ за горло какъ разъ въ тотъ моментъ, когда они всего менѣе могли ожидать нападенія и всего менѣе были способны къ самозащитѣ,—потому ли, что у нихъ не было необходимыхъ для того средствъ, потому ли, что данная обстановка мѣшала свободѣ ихъ движеній, не позволяла имъ развернуть всѣхъ своихъ боевыхъ силъ?.. Посмотримъ, такъ ли оно было въ дѣйствительности, и для этой цѣли остановимъ прежде всего наше вниманіе на томъ почти во всѣхъ отношеніяхъ типическомъ промышленномъ районѣ, съ котораго движеніе началось и куда оно нынѣ послѣ пятимѣсячнаго круговращенія снова возвращается.

Округъ Бьеллы, въ Пьемонтѣ,—одинъ изъ самыхъ крупныхъ міровыхъ центровъ шерстяной промышленности. На здѣшнихъ почти 150 суконныхъ фабрикахъ около 8.000 станковъ самыхъ новыхъ и усовершенствованныхъ системъ занято почти 25 тысячъ рабочихъ. Съ началомъ европейской войны золотой дождь посыпался на этотъ районъ, приступившій къ производству въ гигантскихъ количествахъ сукна для армій французской, сербской, австрійской и германской. За этотъ интернаціонализмъ, свойственный капиталистическому производству, платили бѣшеныя деньги; фабриканты клали въ свои карманы баснословные барыши, рабочіе же ихъ оставались при прежней скудной заработной платѣ, равно какъ при прежнихъ тяжелыхъ условіяхъ труда. Но истекъ срокъ нейтралитету; для Италіи въ свою очередь „ударилъ часъ военной непогоды"—и округъ Бьеллы сталъ главнымъ центромъ производства знаменитаго grigio-verde, сѣро-зеленаго сукна, въ которое наряжена нынѣ итальянская армія. Не менѣе 6.000 станковъ занялись здѣсь производствомъ этого сукна. При десятичасовой работѣ каждый станокъ производитъ 16 метровъ въ день, такъ

что общее ежедневное производство опредѣляется въ 96.000 метровъ. Военное вѣдомство платитъ 8 лиръ 25 сант. за метръ; фабриканту же производство его обходится около 5 л. 90 сант., такъ что каждый метръ даетъ ему чистой прибыли около 2 л. 35 сант. Это, впрочемъ, только при условіи сдачи всего сукна военному вѣдомству. Въ настоящее время, дѣйствительно, фабричной инспекціи поручено наблюдать за тѣмъ, чтобы ни одинъ метръ сѣро-зеленаго сукна не сбывался на сторону; но раньше, когда никакого наблюденія въ этомъ отношеніи не было, значительная часть назначеннаго къ поставкѣ въ военное вѣдомство сукна въ дѣйствительности попадала въ руки скупщиковъ, платившихъ за него охотно до 8 л. 50 сант. за метръ, повышая такимъ образомъ еще болѣе и безъ того громадную прибыль фабриканта [1]). Въ общемъ такимъ образомъ чистая прибыль на одномъ только сѣро-зеленомъ сукнѣ опредѣляется болѣе, чѣмъ въ 222 тысячи лиръ въ сутки или свыше 6.600 тыс. въ мѣсяцъ. Но работаютъ тутъ не только тѣ 6.000 станковъ, которые производятъ сѣро-зеленое сукно; безпрерывно, день и ночь, работаютъ и остальные 2.000 станковъ, удовлетворяя другія нужды арміи и принося фабрикантамъ еще свыше 2 милл. лиръ ежемѣсячной чистой прибыли. Неудивительно, если здѣсь указываютъ фабрикантовъ, наканунѣ войны бывшихъ на краю банкротства, а теперь втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ накопившихъ огромныя состоянія. Неудивительно также, что, въ виду золотого дождя, посыпавшагося въ карманы хозяевъ, и у ткачей явилось стремленіе хотя бы къ нѣкоторому увеличенію своего скуднаго заработка и къ нѣкоторому улучшенію условій своего труда. Но для того, чтобы добиться чего-нибудь, потребовались мѣсяцы борьбы. Хорошо еще, что фабриканты Бьеллы не довели дѣла до забастовки, согласившись въ концѣ концовъ на введеніе такой расцѣнки, которая увеличивала дневной заработокъ ткача на 60 сант. при 10-часовомъ рабочемъ днѣ. Такимъ образомъ изъ 222 тыс. лиръ чистой прибыли, которую благодаря войнѣ суконные фабриканты начали класть себѣ въ карманъ, они, выполняя свою „миссію“ и давая отечеству „доказательство, что имущіе умѣютъ употреблять свою силу и средства на облегченіе страданій и бѣдъ неимущихъ“,—уступили 15 тыс. лиръ своимъ 25-ти тысячамъ рабочихъ. Ткачи были рады и такой прибавкѣ, а проявившіе добродѣтель хозяева, сознавая свое право на награду, немедленно же обратились за нею къ казнѣ: *въ виду увеличившихся издержекъ производства* они потребовали отъ военнаго вѣдомства прибавки къ цѣнѣ сукна въ размѣрѣ... 50 сант. на метръ! Тѣ, на кого „всего больше въ этотъ торжественный часъ отечество должно

[1]) Обыски и аресты, нѣсколько времени тому назадъ произведенные во Флоренціи среди поставщиковъ и подрядчиковъ военнаго вѣдомства, обнаружили, что и понынѣ большое количество сѣро-зеленаго сукна продолжаетъ уплывать на сторону.

полагаться", сдѣлали попытку—къ счастью, пока не удавшуюся—сорвать съ казны лишнихъ 48 тыс. лиръ въ возмѣщеніе той подачки въ 15 тыс. л., которую бросили рабочимъ [1]).

Въ другихъ текстильныхъ районахъ въ общемъ то же, что и въ районѣ Бьеллы. Разнятся между собою различныя мѣстности развѣ только въ томъ, что въ однѣхъ работаютъ преимущественно на армію, въ другихъ — также на частное потребленіе. Но и въ тѣхъ, и въ другихъ, благодаря нынѣшнимъ условіямъ текстильной, въ частности же, шерстяной промышленности, фабриканты получаютъ колоссальные барыши. Огромны теперь прибыли, даваемыя также всѣми другими отраслями промышленности, обслуживающими войну (химическая, металлическая, механическая, мукомольная, кожевенная и др.), но шерстяная превзошла ихъ всѣ [2]). Естественно, что, когда въ итальянской печати былъ поднятъ вопросъ о необходимости положить какой-нибудь предѣлъ чрезмѣрнымъ барышамъ, выпадающимъ на долю производствъ, обслуживающихъ войну, то одной изъ первыхъ въ очередь была поставлена именно шерстяная промышленность. Характерно, какъ реагировали на это промышленники. „Какъ разъ шерстяная промышленность,—заявили они устами своего главнаго органа, газеты „Il Sole", 28 августа н. с., — и есть та, которой служба государству не принесла ни малѣйшаго улучшенія, потому что, напротивъ, съ точки зрѣнія матеріальной пользы, то обстоятельство, что она питается государствомъ, послужило къ ограниченію ея выгодъ,—ограниченію, правда, *предѣлами удовлетворительными*, но конечно, гораздо менѣе широкими, чѣмъ тѣ, какихъ онѣ могли бы достигнуть, еслибы государство не нуждалось въ ея услугахъ. Дѣло въ томъ, что не положеніе поставщицы государства, а *состояніе рынка*, въ высшей степени благопріятное для нея, служитъ на пользу шерстяной промышленности вообще, а

---

[1]) Эта попытка заработать на уступкѣ рабочимъ рѣзко подчеркиваетъ то лицемѣріе, съ которымъ фабриканты „патріотически" мотивировали свою уступку. Вотъ что написали они 21 августа въ отвѣтъ рабочимъ, когда тѣ, наконецъ, выведенные изъ терпѣнія, пригрозили имъ стачкою: „Принимая во вниманіе всѣ нынѣшнія обстоятельства, въ особенности же принимая во вниманіе, что было бы дѣломъ не патріотическимъ дать какимъ бы то ни было образомъ предлогъ для шумныхъ манифестацій, нарушающихъ общественный порядокъ,—постановляется: не отказывать въ согласіи на уравненіе расцѣнокъ" и т. д.

[2]) Поспорить съ нею въ отношеніи бѣшеной прибыли можетъ только автомобильная промышленность. Знаменитое общество Fiat въ текущемъ году, кромѣ обычной нормальной ежегодной прибыли, открыто показанной въ балансѣ и офиціально распредѣленной, поднесло еще своимъ акціонерамъ скрытымъ манеромъ кругленькій подарокъ: по 50 лиръ на каждую акцію, номинальной стоимостью въ 100 л. Сдѣлано это было при помощи очень простого, но ловкаго пріема: увеличеніемъ основного капитала общества съ 17 милл. до 25 милл., но не путемъ выпуска новыхъ акцій, а путемъ повышенія номинальной стоимости существующихъ съ 100 л. до 150 л. („La Finanza italiona", № отъ 6 ноября т. г.).

потому и итальянской также". Состояніе же рынка таково, что нынѣ эта промышленность, *„еслибы предоставить ее самой себѣ, могла бы получать великолѣпные барыши"*. Обусловливается это состояніе именно европейскимъ конфликтомъ и нѣкоторыми привходящими причинами. „Германія, Австрія, Бельгія, занимающія въ шерстяной промышленности важнѣйшее мѣсто, въ коммерческомъ смыслѣ закрыты. Во Франціи и Россіи какъ разъ районы шерстяной промышленности (сѣверо-восточные департаменты и Польша)—заняты непріятелемъ. Такимъ образомъ... удовлетвореніе потребностей всего міра падаетъ, кромѣ Англіи, на Италію, на Испанію, едва начавшую фигурировать среди вывозящихъ странъ, и на Соединенные Штаты, никогда не вывозившіе шерстяныхъ издѣлій". Спросъ на эти издѣлія на много выше производства, и, слѣдовательно, шерстяная промышленность находится въ томъ положеніи, которое „является базисомъ всякаго счастья для промышленности". И мѣшаютъ полнотѣ этого счастья только казенные за-заказы!.. Органъ итальянскихъ промышленниковъ положительно настаиваетъ на томъ, что съ экономической точки зрѣнія то обстоятельство, что государство является нынѣ главнымъ кліентомъ этой промышленности, „для нея скорѣе убыточно, ибо какъ то вполнѣ справедливо и естественно государству, промышленникъ долженъ ставить подходящія (разумныя) цѣны,—цѣны, которыя *даютъ хорошій барышъ только въ силу высокой производительности, до какой доведены фабрики*". Между тѣмъ, не имѣя дѣла съ государствомъ, эта промышленность „могла бы продавать (свои продукты) по цѣнамъ, *какія бы ей ни заблагоразсудилось взять*, внутри и внѣ страны, какъ то дѣлаетъ Испанія, получающая барыши, о какихъ итальянская промышленность не имѣетъ даже представленія. *Впрочемъ, нѣкоторое представленіе о нихъ она имѣетъ, благодаря тѣмъ контрактамъ съ иностранными государствами и частными лицами, которые застало въ силѣ вступленіе въ европейскій конфликтъ Италіи* и которые, естественно, были уничтожены". Конечно, — признаетъ далѣе органъ промышленниковъ—шерстяники „въ эти трагическіе дни *состоятъ въ числѣ наиболѣе счастливыхъ гражданъ* и представляется само по себѣ большимъ счастьемъ служить своею промышленностью государству, но не менѣе вѣрно, что въ смыслѣ матеріальномъ, экономическомъ промышленность, имѣя своимъ кліентомъ государство, терпитъ ограниченіе въ отношеніи тѣхъ прибылей, какія могла бы получить при данныхъ условіяхъ рынка"...

Итакъ, мы имѣемъ здѣсь признаніе самихъ промышленниковъ, что цѣны, по которымъ они сбываютъ свои товары казнѣ, „даютъ хорошій барышъ",—настолько хорошій, что фабриканты шерстяныхъ издѣлій оказываются „въ числѣ наиболѣе счастливыхъ гражданъ". Но такъ какъ этотъ барышъ—не тотъ сказочный и баснословный, какой фабриканты могли бы получить, еслибы

имѣли свободную возможность брать цѣны, „какія бы имъ заблагоразсудилось“, то положеніе ихъ въ дѣйствительности настолько бѣдственно, что они не могутъ ничѣмъ „пожертвовать“ въ пользу своихъ рабочихъ и что всякая претензія послѣднихъ на лучшее вознагражденіе не только не основательна, но и преступна. Иначе трудно объяснить то упорное, злобное, ни предъ какими средствами борьбы не останавливавшееся противодѣйствіе хозяевъ, съ которымъ встрѣтились ткачи туринскаго и верхне-миланскаго округовъ, хотя и просили они всего на всего объ уравненіи ихъ положенія съ положеніемъ ткачей Бьеллы [1]). Хозяева поспѣшили обратиться къ правительству съ меморіаломъ, въ которомъ требовали энергичныхъ мѣръ противъ рабочихъ, дерзнувшихъ выступить на путь классовой борьбы „въ этотъ часъ желаемаго единенія“. Къ счастью, въ силу разныхъ причинъ, итальянское правительство мало склонно нынѣ служить своекорыстнымъ интересамъ промышленнаго класса [2]) и даже, наоборотъ, готово до извѣстной степени прислушиваться къ голосу трудовыхъ массъ и учитывать ихъ требованія, насколько то для него возможно при данномъ его составѣ и въ условіяхъ даннаго строя. Меморіалъ остался поэтому безъ результата. Но любопытно, что противъ правительственнаго вмѣшательства,—конечно, не въ томъ смыслѣ, въ какомъ его желали хозяева,—ничего не имѣютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и рабочіе. Вотъ, напр., весьма характерное заявленіе, сдѣланное на страницахъ соціалистическаго Avanti его новарскимъ корреспондентомъ отъ имени бастующихъ новарскихъ ткачей: „Пусть же вмѣшается военная власть! Да, именно, пусть вмѣшается. Пусть она назначитъ коммиссію арбитровъ. Мы даже взываемъ объ этомъ и вмѣстѣ съ нами—мы въ томъ увѣрены—взываютъ о томъ же организаторы стачки. Пусть же она вмѣшается, разсмотритъ, разслѣдуетъ происхожденіе и ходъ этого спора... Коммиссія, составленная изъ техниковъ или изъ военныхъ, пусть-ка заглянетъ въ тайны этихъ фирмъ, которыя толкаютъ работницъ на безпорядки, а власть—на репрессіи, которыя вызываютъ забастовки изъ-за какихъ-нибудь 25 лиръ или 2 сантимовъ въ цѣнѣ метра, пусть она разсмотритъ поведеніе нѣкоторыхъ депутатовъ, нѣкоторыхъ коммандоровъ и потомъ... пусть произнесетъ свой приговоръ...“ [3])

Или вотъ, напр., предо мною пожеланія, вынесенныя общимъ собраніемъ организацій, приписанныхъ къ анконской ка-

---

[1]) Различіе же было огромное: при гораздо болѣе длинномъ рабочемъ днѣ туринская ткачиха, напр., зарабатывала на одну треть и даже наполовину менѣе бьеллезской.

[2]) Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ декретовъ, изданныхъ въ защиту государственнаго казначейства отъ чрезмѣрно разгорѣвшихся капиталистическихъ аппетитовъ—промышленныхъ, торговыхъ и финансовыхъ.

[3]) Avanti, № отъ 11 ноября 1915 г.

мерѣ труда. Разсматривался вопросъ объ улучшеніи нынѣшнихъ условій труда въ Италіи, и въ ряду выраженныхъ пожеланій однимъ изъ первыхъ мы видимъ пожеланіе о... мобилизаціи промышленности; мобилизація же промышленности означаетъ здѣсь, какъ мы увидимъ, отдачу ея подъ надзоръ и контроль военной власти и милитаризацію рабочихъ. Анконскіе рабочіе, къ слову сказать, наиболѣе крайніе, наиболѣе лѣвые, въ наибольшей мѣрѣ приверженные къ директивамъ нынѣшняго итальянскаго революціоннаго соціализма, надѣются такимъ образомъ, что милитаризація промышленности откроетъ пути къ улучшенію нынѣшнихъ условій труда. На чемъ же основаны эти надежды?

II.

Вмѣшательство Италіи въ европейскій конфликтъ было неотвратимой, роковой неизбѣжностью. Это отлично знали и понимали, если не всѣ, то многіе изъ тѣхъ, которые, оставаясь вѣрными исповѣдуемымъ ими началамъ и повинуясь велѣніямъ своей совѣсти, всѣми силами боролись противъ войны. Тѣмъ болѣе знали и понимали это тѣ, которые держали въ своихъ рукахъ кормило государственнаго управленія и несли передъ страною отвѣтственность за ея политическія судьбы [1]). И десять мѣсяцевъ нейтралитета были поэтому десятью мѣсяцами энергичной и лихорадочной работы, направленной на заполненіе пустотъ въ арсеналахъ и вещевыхъ складахъ, на доведеніе снабженія и снаряженія арміи до высшей степени совершенства. Но плодовъ этой работы не могло хватить надолго. По мѣрѣ развитія военныхъ дѣйствій возростала колоссально и потребность итальянской арміи въ предметахъ военнаго снабженія и снаряженія. Понятно, что итальянской промышленности предстояло заняться удовлетвореніемъ этой потребности. Можно ли было сомнѣваться въ томъ, что она выполнитъ свою задачу наилучшимъ образомъ?

Промышленникамъ, какъ мы видѣли, не трудно было вспомнить кое-что и сообразить, что когда „они поработаютъ для грядущаго величія Италіи“, то „заслужатъ того, чтобы ставшее болѣе силь-

---

[1]) Статья эта уже была закончена, когда подтвержденіе сказаннаго въ этихъ строкахъ появилось съ совершенно неожиданной стороны—отъ самого главы правительства Саландры, который два дня тому назадъ, при посѣщеніи имъ палермскаго муниципалитета обронилъ любопытное признаніе. Говоря о произнесенной министромъ Орландо въ Театро Массимо политической рѣчи, Саландра заявилъ, что гордится тѣмъ, что ему удалось привлечь Орландо въ составъ своего кабинета. Орландо портфеля брать не хотѣлъ. „Но, когда я (слова Саландры), сказалъ ему, что дѣло идетъ объ образованіи министерства, которое должно приготовить національную войну, то онъ болѣе ни минуты не колебался...“ Это значитъ, принимая во вниманіе время вступленія Орландо въ кабинетъ, что война рѣшена была уже въ самомъ началѣ европейскаго конфликта.

нымъ отечество имѣло и болѣе сильную промышленность",—болѣе сильную, т. е., получившую новые обширные рынки, дающую жирную прибыль и занимающую командующее положеніе въ странѣ. „Сильная промышленность" идеалъ для буржуазіи, кажется, достаточно соблазнительный, чтобы дать основаніе для увѣренности, что она постарается всѣми способами содѣйствовать побѣдѣ, долженствующей привести къ его осуществленію. Тѣмъ не менѣе къ торжественному и всенародному заявленію, что „всего больше въ этотъ торжественный часъ отечество должно полагаться на промышленный классъ", правительство отнеслось, повидимому, столь же скептически, какъ и рабочіе. Опредѣляя удѣльный вѣсъ торжественныхъ обѣщаній, данныхъ промышленнымъ классомъ, правительство должно было, конечно, принять въ соображеніе, что частное капиталистическое производство не знаетъ другого стимула, кромѣ наибольшей прибыли при наименьшихъ затратахъ. Для промышленника наибольшая прибыль—категорическій императивъ, которому онъ подчинится во что бы ни стало, ломая или обходя всѣ препоны, какія бы ни ставились на его пути. Для усиленнаго снабженія и снаряженія арміи необходимо довести производство соотвѣтствующихъ фабрикъ до высшей степени, но можно ли было положиться въ этомъ отношеніи на добрую волю промышленниковъ, которые, какъ мы видѣли, такъ огорчены и обижены тѣмъ, что могутъ получать „хорошій барышъ только въ силу высокой производительности, до которой доведены фабрики"? Высокая производительность фабрикъ предполагаетъ не только усовершенствованныя орудія производства, но и высокую продуктивность живого человѣческаго труда, а можетъ ли ее имѣть трудъ рабочаго, котораго промышленники ради своей наибольшей прибыли держатъ въ полуголодномъ состояніи, который работаетъ не по охотѣ, а изъ-подъ кнута, изъ-за боязни остаться на улицѣ и умереть голодной смертью? Нужды арміи требуютъ, чтобы все произведенное цѣликомъ поступало въ арсеналы и склады военнаго вѣдомства, но можно ли было въ этомъ отношеніи положиться на какія бы то ни было свободныя соглашенія съ фабрикантами, на какіе бы то ни было условія и контракты, когда сбытъ на сторону обѣщалъ такую прибыль, которая съ излишкомъ окупила бы всѣ предусмотрѣнные договорами штрафы и неустойки. Да, наконецъ, вѣдь штрафами и неустойками арміи не накормишь, не одѣнешь и не вооружишь. Съ точки зрѣнія тѣхъ судебъ страны, которыя рѣшаются нынѣ на полѣ битвы, совершенно безразлично, понесетъ ли фабрикантъ должное возмездіе или нѣтъ за несоблюденіе имъ договора, а важно и необходимо, чтобы потребное для военныхъ цѣлей было, во что бы то ни стало, произведено и, во что бы то ни стало, доставлено. И итальянское правительство, не полагаясь на добровольную мобилизацію итальянской промышленности, порѣшило прибѣгнуть къ мобилизаціи *принудительной*,

которая и введена была соотвѣтствующимъ королевскимъ декретомъ [1]).

Не останавливаясь на подробностяхъ, я здѣсь отмѣчу только начала декрета, опредѣляющія сущность произведенной мобилизаціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и особенности того новаго положенія, которое создано ею для хозяевъ,—съ одной стороны, и для рабочихъ,—съ другой. Первое и основное изъ этихъ началъ заключается въ томъ, что правительство на все время войны получаетъ право требовать отъ хозяевъ, а равно и заставлять ихъ производить работы, необходимыя для увеличенія продуктивности тѣхъ ихъ промышленныхъ заведеній, производство которыхъ необходимо для удовлетворенія потребностей военнаго и морского вѣдомствъ. Затѣмъ промышленники лишаются права отказываться отъ производства и поставки матеріаловъ, потребныхъ этимъ вѣдомствамъ. Наконецъ, еслибы у нихъ чрезмѣрно разгорѣлись аппетиты и они захотѣли бы за принудительность производства и поставокъ вознаградить себя цѣнами, „какія бы имъ ни заблагоразсудилось взять", то администраціи предоставлено право назначать плату по своему усмотрѣнію, и промышленники должны подчиниться и принять ее. Это—главное въ отношеніи хозяевъ. Что касается рабочихъ, то имъ посвящена декретомъ только одна статья, восьмая, которая гласитъ: „Правительству дано право объявлять подлежащимъ военной юрисдикціи въ цѣломъ или въ части персоналъ тѣхъ промышленныхъ заведеній, которыя производятъ матеріалы для войска и флота,—каждый разъ, когда то понадобилось бы для обезпеченія непрерывности и развитія производства, служащаго потребностямъ войны". Офиціальнымъ комментаріемъ къ этой статьѣ является докладъ военнаго министра, генерала Цупелли, по поводу регламента [2]), опредѣляющаго порядокъ и способы практическаго осуществленія общихъ началъ, установленныхъ декретомъ о принудительной мобилизаціи. Мотивируя тѣ статьи регламента, которыми нормируется положеніе рабочихъ въ мобилизованныхъ заведеніяхъ въ соотвѣтствіи съ началомъ, установленнымъ цитированной ст. 8 декрета, генералъ Цупелли пишетъ: „*Милитаризуя персоналъ, необходимо было обезпечить ему справедливое вознагражденіе за трудъ, защитить его отъ возможной эксплуатаціи и дать ему возможность отстаивать свои справедливыя требованія.* Это необходимо въ

---

[1]) R. Decreto 26 giugno 1915, № 993—Gazz. Uff., 5 luglio 1915, № 167.

[2]) Составленіе его королевскимъ декретомъ возложено было на министровъ военнаго, морского и государственнаго казначейства. По докладу военнаго министра онъ утвержденъ и введенъ въ дѣйствіе декретомъ (D. Lt. 22 agosto 1915, № 1227—Gazzetta Ufficiole, 28 agosto 1915, № 214) герцога Томаза ди Савойа, котораго король, отбывая къ фронту, назначилъ своимъ намѣстникомъ на все время своего отсутствія изъ Рима.

интересахъ самаго производства, ибо тамъ, гдѣ персоналъ недоволенъ, даже милитаризація теряетъ силу и недостаточна для увеличенія производства". Мы видимъ такимъ образомъ, что правительство разошлось съ буржуазіей по вопросу о тѣхъ ограниченіяхъ, какія условія даннаго момента ставятъ защитѣ интересовъ труда и классовой борьбѣ. Признавая и въ моментъ борьбы съ внѣшнимъ врагомъ законное право рабочихъ „отстаивать свои справедливыя требованія", правительство желаетъ только одного,— чтобы борьба за удовлетвореніе ихъ не была доводима до тѣхъ крайнихъ формъ, которыя неизбѣжно сопряжены съ остановкою производства, при настоящихъ условіяхъ не допустимою. Но само собою разумѣется, что ставить такое требованіе рабочимъ можно было только при одномъ условіи — избавивъ ихъ отъ печальной необходимости доводить борьбу до крайнихъ средствъ, создавъ такія условія, которыя обезпечивали бы имъ удовлетвореніе ихъ справедливыхъ требованій по возможности мирнымъ путемъ. Эту задачу и призванъ нынѣ разрѣшить тотъ порядокъ, которому означенный регламентъ подчинилъ мобилизованную итальянскую промышленность. Обратимъ прежде всего вниманіе на тѣ учрежденія, на которыя возложено ближайшее завѣдываніе ею. Это— учрежденія *государственныя*. Носятъ они названіе комитетовъ мобилизованной промышленности и числомъ ихъ семь: шесть областныхъ и одинъ центральный. Въ составъ каждаго областного комитета входятъ: одинъ офицеръ арміи или флота въ чинѣ не ниже генеральскаго—въ качествѣ президента, два гражданскихъ (т. н. техническихъ) члена изъ числа лицъ, извѣстныхъ своей особенной компетентностью въ дѣлѣ, подлежащемъ вѣдѣнію комитетовъ, затѣмъ двое промышленниковъ и двое рабочихъ. Всѣ члены назначаются военнымъ министромъ по соглашенію съ министрами внутреннихъ дѣлъ, морскимъ и государственнаго казначейства. Рѣшающій голосъ принадлежитъ первымъ тремъ членамъ, промышленники же и рабочіе пользуются только совѣщательнымъ голосомъ. Способъ комплектованія комитетовъ вызвалъ было вначалѣ суровую критику со стороны Главной Конфедераціи Труда. Ея секретарь, руководитель и вдохновитель, Ринальдо Ригола, высказываясь по поводу опубликованнаго регламента, заявилъ слѣдующее: „Если Конфедерація Труда можетъ отчасти понять тѣ побужденія, которыми руководилось правительство, составляя регламентъ въ этотъ исключительный моментъ, то не можетъ все-таки допустить, чтобы въ лонѣ этихъ комитетовъ, арбитровъ промышленности и ея цеховъ (рабочихъ), отсутствовали законные представители рабочей организаціи. Рабочіе члены комитетовъ должны быть избираемы или указываемы рабочими организаціями. Какъ въ государственныхъ учрежденіяхъ, имѣющихъ рабочее представительство, правительство назначаетъ представителей рабочихъ изъ числа указанныхъ организаціями (напр., въ Національ-

номъ Совѣтѣ Труда и т. п.), такъ и въ эти комитеты правительство должно допускать только тѣхъ, которые являются законными представителями организацій. Поступить иначе было бы безуміемъ, это раздражило бы массы, побудило бы ихъ замедлить сотнею способовъ производство, вмѣсто того, чтобы интенсифицировать его, какъ предполагаетъ правительство. У насъ есть солидныя федеральныя организаціи (металлургическія и текстильныя, напр.,) которыя могутъ сейчасъ указать членовъ рабочихъ для комитетовъ промышленной мобилизаціи. Рабочіе, не организованные и не уполномоченные организаціями, могутъ только внести смуту и причинить вредъ производству" [1]). До извѣстной степени правительство приняло къ свѣдѣнію критику Конфедераціи, — во всякомъ случаѣ, мы видимъ, что въ дѣйствительности въ комитеты назначены наиболѣе авторитетные представители рабочихъ камеръ труда. Что касается центральнаго комитета, выполняющаго главнымъ образомъ функціи высшаго совѣта и только въ извѣстныхъ случаяхъ являющагося аппелляціонной инстанціей по отношенію къ областнымъ комитетамъ, то въ немъ предсѣдательствуетъ товарищъ министра, и, кромѣ того, въ составъ его входятъ: одинъ генералъ, одинъ адмиралъ, одинъ членъ государственнаго совѣта, одинъ чиновникъ министерства государственнаго казначейства и два спеціалиста, не принадлежащіе къ составу правительственной администраціи. Всѣ члены назначаются королевскимъ декретомъ по докладамъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, военнаго, морского и государственнаго казначейства. Такова организація комитетовъ. Въ ряду нормъ, касающихся персонала мобилизованныхъ промышленныхъ заведеній, мы видимъ на первомъ мѣстѣ предписаніе, въ силу котораго ни выходъ въ отставку, ни увольненіе, ни переходъ служащаго или рабочаго изъ одного мобилизованнаго заведенія въ другое не могутъ впредь имѣть мѣста иначе, какъ съ письменнаго разрѣшенія подлежащаго областного комитета. Отнынѣ, слѣдовательно, рабочій на все время мобилизаціи промышленности гарантированъ отъ произвольнаго увольненія его по капризу какого-нибудь мастера или надсмотрщика, а то и самого хозяина. Одновременно, правда, ограничено и право рабочихъ переходить изъ одного промышленнаго заведенія въ другое, и это нѣсколько смутило на первыхъ порахъ итальянскихъ рабочихъ. Однако руководители рабочихъ организацій особыми листками, и затѣмъ и Avanti поторопились успокоить рабочихъ указаніемъ на практику комитетовъ, доказывающую, что „почти всѣ областные комитеты истолковываютъ эти нормы со всей возможной широтою, и потому рабочіе, которые имѣютъ основательныя причины для перемѣны заведенія, могутъ свободно просить на то согласіе областного комитета"

[1]) Avanti, № отъ 9 сентября 1915 г.

Слѣдующее затѣмъ кардинальной важности предписаніе регламента заключается въ томъ, что всѣ договоры между хозяевами и рабочими, какіе мобилизація даннаго заведенія застаетъ въ дѣйствіи, считаются ео ipso продолженными на срокъ до трехъ мѣсяцевъ по окончаніи войны. Исключенія изъ этого правила, равно какъ измѣненія въ продолженныхъ договорахъ, какія представились бы необходимыми, допускаются не иначе, какъ съ согласія областного комитета. Такимъ образомъ рабочіе могутъ и впредь предъявлять требованія измѣненій въ ихъ договорахъ найма. Если требованія эти будутъ хозяевами приняты, то комитетамъ остается только санкціонировать, вѣрнѣе даже, только принять къ свѣдѣнію, состоявшееся соглашеніе. Если же между хозяевами и рабочими возникнетъ споръ и начнутся пререканія, то, согласно регламенту (ст. 10), будетъ ли предметомъ спора вопросъ дисциплинарный или вопросъ экономическій,—все равно о немъ должно быть немедленно доведено до свѣдѣнія областного комитета. Послѣднему категорически предписывается въ такомъ случаѣ проявить „величайшую заботливость“; затѣвать какую бы то ни было переписку не допускается; возникнетъ ли споръ въ мѣстѣ нахожденія комитета или въ какомъ-нибудь отдаленномъ углу подвѣдомственной ему области,—все равно, онъ долженъ на мѣстѣ *устно* вступить въ переговоры съ обѣими спорящими сторонами, стараясь склонить ихъ къ миролюбивому соглашенію. Если стараніе это увѣнчивается успѣхомъ, то о состоявшемся соглашеніи составляется надлежащій протоколъ и сообщается военному министру. Если же склонить стороны къ соглашенію не удается, то споръ тутъ же *немедленно* рѣшается самимъ комитетомъ и рѣшеніе его не позже четырехъ дней приводится въ исполненіе. Рѣшеніе можетъ быть обжаловано въ центральный комитетъ и въ такомъ случаѣ исполненіе его считается временнымъ—впредь до утвержденія или отмѣны рѣшенія центральнымъ комитетомъ. Такимъ образомъ областные комитеты являются то посредниками, то судьями въ спорахъ и пререканіяхъ между хозяевами и рабочими.

Мѣстами эта мобилизація промышленности дала даже нѣкоторый толчокъ рабочему движенію. Вотъ, напр., коротенькое, но краснорѣчивое сообщеніе изъ Буста-Арзиціо: „Металлургическіе рабочіе бустскаго округа, удовлетворенные улучшеніями, достигнутыми, благодаря извѣстной агитаціи, начатой камерою труда, обнаруживаютъ нынѣ съ каждымъ днемъ все усиливающееся многообѣщающее пробужденіе, записываясь въ свою профессіональную лигу“ (Avanti, № отъ 5 ноября пр. г.). Еще болѣе любопытныя событія разыгрались въ Лигуріи. Лигурія представляетъ собою область, въ которой главнѣйшимъ образомъ сосредоточены тѣ виды металлургическаго и механическаго произ-

водствъ, которыя самымъ непосредственнымъ образомъ и въ наибольшей мѣрѣ обслуживаютъ войну. Здѣсь огромныя верфи, занятыя сооруженіемъ военныхъ судовъ, начиная съ гигантскихъ броненосцевъ и кончая крошечными миноносками. Здѣсь заводы, изготовляющіе брони, бронированныя башни и куполы. Здѣсь же заготовляются артиллерійскія орудія всѣхъ калибровъ и системъ, снаряды къ нимъ, понтоны, подъемные краны, электротехническіе аппараты и матеріалы и т. д., и т. д. Совершенная въ первую голову мобилизація лигурійскихъ фабрикъ и заводовъ застала здѣсь какъ разъ довольно сильное рабочее движеніе, но движеніе, весьма хаотическое и безпорядочное. Дѣло въ томъ, что при изрядномъ количествѣ мѣстныхъ организацій у рабочихъ-металлурговъ не было объединяющей ихъ федераціи. Руководители рабочаго движенія давно добивались ея устройства, но ихъ усилія оставались тщетными. И вотъ именно съ мобилизаціей мѣстныхъ фабрикъ и заводовъ дѣло устройства такой федераціи сразу сдвинулось съ мертвой точки и быстро пошло впередъ. Конечно, уже самое появленіе въ лицѣ областного комитета одного общаго центра, къ которому одинаково тяготѣли интересы всѣхъ рабочихъ, должно было въ значительной мѣрѣ содѣйствовать этому, но въ еще большей мѣрѣ оказала этому содѣйствіе самая дѣятельность лигурійскаго комитета. Принимая во вниманіе указанный выше характеръ области, правительство проявило особенную осторожность и разборчивость при назначеніи членовъ въ составъ ея комитета. Добросовѣстно и вдумчиво отнесшійся къ дѣлу лигурійскій комитетъ не могъ съ первыхъ же своихъ шаговъ не замѣтить, въ какое затруднительное положеніе ставитъ его разрозненность движенія, въ какой мѣрѣ эта разрозненность дѣлаетъ его работу мало цѣлесообразной. При тожествѣ профессіональныхъ интересовъ и нуждъ всѣхъ рабочихъ-металлурговъ, при полномъ почти равенствѣ условій и обстановки ихъ труда, споры и претензіи, начавшіе поступать на разрѣшеніе комитета, поражали своимъ разнообразіемъ. Меморіалы, въ которыхъ рабочіе различныхъ заведеній излагали и обосновывали свои требованія, не только не совпадали между собою, но часто даже прямо противорѣчили другъ другу, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ, благодаря недостаточной сознательности составителей, оказались заполненными въ го, раздо большей мѣрѣ второстепенными мелочами и пустяками, чѣмъ важнымъ и существеннымъ, которое иногда даже совершенно упускалось изъ виду. При такихъ условіяхъ разрѣшать споры по мѣрѣ ихъ поступленія разрозненно, отдѣльно для каждаго промышленнаго заведенія, значило бы—не урегулировать серьезно и прочно отношенія между хозяевами и рабочими, устранивъ впредь поводы для пререканій, а создать еще большее количество ихъ, наплодить цѣлую уйму новыхъ недоразумѣній, новыхъ основаній для недовольства и раздраженія рабочихъ. И прежде всего, ко-

нечно, серьезнымъ поводомъ для новаго, еще болѣе сильнаго и остраго, броженія должно было появиться неравенство тѣхъ улучшеній, которыя достались бы на долю рабочихъ разныхъ заводовъ — тѣмъ болѣе, что въ такомъ неравенствѣ легко было бы найти основаніе для сомнѣнія въ беспристрастіи комитета, а это могло бы привести къ серьезному и при данныхъ условіяхъ опасному подрыву его авторитета. И лигурійскій областной комитетъ въ отступленіе отъ регламента, требующаго немедленнаго рѣшенія всякаго спора, порѣшилъ выждать поступленія всѣхъ имѣвшихся въ виду рабочихъ меморіаловъ, выработать, соображаясь съ ними, общій планъ и общія нормы и затѣмъ уже приступить къ соотвѣтственному разрѣшенію отдѣльныхъ коллизій. Непонятная рабочимъ медлительность, проявленная, благодаря такому рѣшенію, комитетомъ, вызвала было рѣзкія на него нареканія, но руководители организацій поспѣшили разъяснить рабочимъ истинный смыслъ того нагляднаго урока, который въ этомъ случаѣ давалъ имъ комитетъ. Рабочіе, такъ сказать, во-очію, на дѣлѣ уразумѣли, какъ имъ важно, выгодно и полезно дѣйствовать вмѣстѣ и сообща по одному цѣльному и во всѣхъ своихъ частяхъ согласованному плану и, вмѣсто десятка несогласованныхъ и противорѣчивыхъ меморіаловъ, подать одинъ общій меморіалъ, въ которомъ все было бы предусмотрѣно, взвѣшено и разумно обосновано. И федерація рабочихъ-металлурговъ, которая такъ долго не вытанцовывалась и не удавалась, теперь сразу въ нѣсколько дней созрѣла и сорганизовалась...

Любопытно отмѣтить и еще одинъ эпизодъ, имѣющій отношеніе къ лигурійскимъ рабочимъ...

Лигурійскій областной комитетъ, разсматривая претензіи, предъявленныя рабочими „Общества Св. Георга", и находя ихъ въ большинствѣ подлежащими удовлетворенію, въ то же время усомнился въ своей компетентности рѣшать вопросъ о продолжительности рабочаго дня и потому оставилъ безъ удовлетворенія требованіе рабочихъ о сокращеніи рабочаго дня съ 12 час. до 10 час., такъ, чтобы повышенная плата за сверхурочную работу начиналась не съ 13-го, а съ 11-го часа. Благодаря энергіи и настойчивости новой, упомянутой выше, союзной организаціи металлургическихъ рабочихъ, вопросъ перешелъ въ центральный комитетъ, который постановилъ: „за первые два часа работы *сверхъ десяти часовъ* плата рабочимъ повышается на 20%; за послѣдующіе часы до полуночи плата повышается на 30% и за часы съ полуночи до разсвѣта плата повышается на 50%". Это установленіе властью комитета десятичасового рабочаго дня тѣмъ болѣе знаменательно, что идетъ какъ будто въ разрѣзъ съ основной задачей комитетовъ—довести до максимума производство военныхъ матеріаловъ: вѣдь, казалось бы, при 12-часовомъ рабочемъ днѣ рабочій въ погонѣ за повышен-

ной сверхурочной платой проработаетъ дольше, чѣмъ при десятичасовомъ днѣ... „Но, — справедливо замѣчаетъ по этому поводу самъ авторъ [1]) уваженной комитетомъ жалобы рабочихъ, — если центральный комитетъ счелъ нужнымъ перешагнуть черезъ тѣ трудности, которыя вытекали изъ собственной его природы... то это очевидный признакъ, что комитетъ сознавалъ, что имѣетъ передъ собою перворазрядную соціальную проблему, не допускающую иного рѣшенія, кромѣ того, которое онъ такъ удачно примѣнилъ“. Правъ также авторъ, когда называетъ это рѣшеніе „плодомъ не по сезону“, вещью, какъ будто совсѣмъ не согласующейся съ условіями момента, въ соотвѣтствіи съ которымъ длина рабочаго дня должна была бы опредѣляться исключительно комбинаціей двухъ факторовъ, именно: воинскаго устава о наказаніяхъ и предѣла физическихъ силъ рабочаго... И несомнѣнно, что рѣшеніе комитета имѣетъ значеніе не только для даннаго момента: „оно останется и *послѣ войны* важнымъ документомъ въ пользу противниковъ длиннаго рабочаго дня, точно такъ же, какъ нынѣ оно является яркимъ доказательствомъ необходимости для тѣхъ, кто правитъ, прибѣгать къ критеріямъ справедливости, а не къ насилію, если они желаютъ привлечь рабочій классъ къ участію въ общей національной работѣ“...

Приведенные факты не даютъ, конечно, права сдѣлать общее заключеніе о характерѣ принудительной мобилизаціи промышленности въ Италіи, но они во всякомъ случаѣ вскрываютъ нѣкоторыя любопытныя особенности этой мобилизаціи.

Гр. Шрейдеръ.

---

[1]) Ezio Bartalini; „Importante vittoria metallurgica“ (La prima ordinanza del Comitato centrale di mobilizione) въ Avanti № отъ 17 декабря 1915.

ИЗЪ АНГЛІИ.

I.

— Кабальеро, вы побѣждены!—крикнулъ рыцарь Бѣлой Луны, выбивъ Донъ-Кихота изъ сѣдла и приставивъ къ забралу остріе копья.—Вы разстанетесь даже съ жизнью, если не подчинитесь немедленно условіямъ нашего поединка.

— Дульцинея Тобозская самая прекрасная женщина въ мірѣ,—глухо произнесъ сраженный — а я самый несчастный рыцарь на землѣ. Не подобаетъ, чтобы мое безсиліе разрушило эту истину. Ударьте же, рыцарь, копьемъ и отнимите у меня жизнь!..

Сраженный рыцарь остался вѣренъ идеалу, хотя, какъ онъ признался когда-то Санчо Пансо, зналъ прекрасную даму по наслышкѣ. Онъ предпочитаетъ лучше умереть за нее, чѣмъ отречься, хотя подъ Тобозо, вмѣсто прекрасной принцессы, видѣлъ деревенскую дѣвку, „толстощекую и курносую".

Современникамъ великой катастрофы, обрушившейся на весь міръ, требуется много душевной твердости, чтобы, подобно рыцарю Печальнаго Образа, безбоязненно воскликнуть при видѣ направленнаго копья: „Дульцинея Тобозская самая прекрасная женщина въ мірѣ!" Сколько такихъ, которые готовы восторгаться рыцаремъ Бѣлой Луны! Кстати. Вѣдь то былъ только цирульникъ Самсонъ Карраско! О вѣрности прекрасной дамѣ и о томъ, слѣдуетъ ли признать Самсона Карраско идейнымъ побѣдителемъ, будетъ у меня рѣчь въ этомъ письмѣ.

Передовыя статьи рождественскихъ нумеровъ всѣхъ англійскихъ газетъ развивали одну и ту же мысль: на землѣ нѣтъ мира, а въ человѣкахъ нѣтъ благоволенія, хотя все это провозглашено уже много вѣковъ тому назадъ. Исключеніемъ является только трогательное стихотвореніе *Волы*, написанное восьмидесятилѣтнимъ знаменитымъ романистомъ Томасомъ Гарди.

„Сочельникъ. Полночь. „Теперь всѣ волы стоятъ на колѣняхъ",—сказалъ дѣдъ, когда мы всѣ сидѣли гурьбой у потухающаго очага.

„Мы дѣти, представили себѣ, какъ кроткія животныя стоятъ на колѣняхъ, на подостланной соломѣ. И ни у кого изъ насъ не являлся даже проблескъ сомнѣнія.

---

[1]) Согласно старинной англійской легендѣ, волы первые поклонились Богочеловѣку. Съ тѣхъ поръ, подъ Рождество, въ полночь, всѣ волы стоятъ на колѣняхъ въ своихъ хлѣвахъ.

„Такъ прекрасно было то, во что мы вѣрили тогда! И я чувствую, если бы кто-нибудь пришелъ ко мнѣ теперь въ сочельникъ и сказалъ: „Пойдемъ! Взглянемъ на колѣнопреклоненныхъ воловъ, стоящихъ тамъ, въ хлѣву, на далекомъ скотномъ дворѣ, который мы знали въ дѣтствѣ,—я пошелъ бы въ темноту, вѣруя, что такъ можетъ быть“...

Рождество 1915 г. подняло въ Англіи вопросъ о „прекрасной дамѣ“ и о томъ, слѣдуетъ ли сохранить вѣрность ей или признать идеалы Самсона Карраско. „Прекрасная дама“ это—вѣра, что индивидуумъ долженъ опредѣлять свои отношенія къ „коллективу“. Идеалъ рыцаря Бѣлой Луны тотъ, что „коллективъ“ это—все, что коллективъ долженъ приказывать, а индивидуумъ—подчиняться.

„Father Christmas“ („Отецъ Рождество“) принесъ одинъ гостинецъ населенію Англіи — билль о принудительной службѣ. Лѣтомъ 1915 г. парламентъ принялъ законопроектъ о „національной регистраціи“. Въ силу закона, все населеніе Соединеннаго королевства, въ возрастѣ отъ 15—65 лѣтъ, кромѣ состоящихъ на службѣ въ арміи или во флотѣ, обязано было 15 августа заполнить особые листки, принесенные на домъ. Въ этихъ листкахъ ставился рядъ вопросовъ: — „Имя, адресъ, возрастъ, національность, холостъ или женатъ, сколько дѣтей, сколько лицъ вообще зависятъ отъ опрашиваемаго, знаетъ ли какое-нибудь ремесло? Что именно готовъ опрашиваемый дѣлать для родины!“ При добровольномъ содѣйствіи десятка тысячъ счетчиковъ, опросные листки были разнесены, потомъ собраны и разсортированы. Теоретическіе противники принудительной службы очень подозрительно отнеслись къ этой „регистраціи“. Они доказывали, что она безполезна, что она стоитъ много, и что все равно прока отъ нея мало, такъ какъ придется затратить два года на анализъ карточекъ. Въ особенности подозрительнымъ казалось то, что мужчины призывного возраста (отъ 18 до 42) вносили свои отвѣты въ красные листки, тогда какъ всѣ остальные — въ зеленые. Все это походило на то, что подготовляютъ, собственно говоря, списокъ лицъ призывного возраста, но маскируютъ это „зелеными листками“. Въ виду этихъ подозрѣній секретарь военнаго министра помѣстилъ въ газетахъ отъ 24 августа слѣдующее письмо: „Лордъ Китченеръ уполномочиваетъ меня сказать, что всѣ толки, будто національный регистръ будетъ косвенно использованъ для введенія конскрипціи, лишены основанія. Красные листки служатъ только для облегченія счета. Регистръ не будетъ употребленъ для тѣхъ цѣлей, о которыхъ толкуютъ теперь“. Письмо это однако не прекратило „толковъ“. Напротивъ, снова съ особенной силой подняты были вопросы о добровольной и принудительной службѣ. Спѣшу указать на то, что я подчеркивалъ много разъ въ моихъ письмахъ. Ни въ Ан-

гліи, ни въ Британской имперіи нѣтъ сколько-нибудь значительной партіи мира. Тѣ классы въ Англіи, которые энергичнѣе всѣхъ возстаютъ противъ конскрипціи, какъ, напримѣръ, углекопы, выставили больше всего волонтеровъ. Въ Ирландіи,—по словамъ вождя націоналистовъ Рэдмонда,—„совершилось чудо". „Въ прошломъ ирландцы относились враждебно къ Британской имперіи, но теперь все это измѣнилось. Ирландія теперь соединена съ имперіей, которую рѣшила поддержать до послѣдняго. Именно потому что Ирландія теперь свободна, она, подобно самоуправляющимся колоніямъ, готова на всякія жертвы ради общей матери". До 15 ноября ирландцы выставили 138.500 волонтеровъ, мужественно сражающихся съ врагами. Самъ Рэдмондъ ведетъ энергичную агитацію, убѣждая своихъ согражданъ идти въ волонтеры. Лойяльность стараго вождя націоналистовъ и великія заслуги его передъ имперіей признаны его политическими врагами, оранжистами. А между тѣмъ и націоналисты, и Рэдмондъ абсолютно противъ конскрипціи. Военные историки долго будутъ еще писать про неспособность генераловъ, командовавшихъ въ бухтѣ Сувла (на Галлиполи), и про поразительный героизмъ австралійскихъ и ново-зеландскихъ волонтеровъ. Эти, какъ только узнали, что Британская имперія въ опасности, оставили свои фермы и „станціи", находящіяся иногда въ „зарosляхъ", очень далеко отъ ближайшаго полустанка. Вотъ, напримѣръ, сынъ квинслэндскаго „скуоттера" Клайвъ Конрикъ. „Станція" (т. е. ферма) отца называется Нэппа Мерри. До ближайшаго полустанка 460 миль пустыней. Какъ только Конрикъ узналъ, что война объявлена, онъ осѣдлалъ коня, взялъ другого и поѣхалъ на полустанокъ Херготъ Спрингъ. Оттуда до Аделаиды, гдѣ Конрикъ записался въ солдаты, еще 500 миль [1]). Такихъ Конриковъ—десятки тысячъ, а между тѣмъ Австралія—*противъ* конскрипціи.

Итакъ, вопросъ о конскрипціи снова поднялся съ особымъ ожесточеніемъ послѣ того, какъ выполненъ былъ національный регистръ. Онъ поднялся, хотя и конскрипціонисты, и сторонники добровольной службы стоятъ за войну и за всякія жертвы, лишь бы добиться побѣды надъ Германіей. За послѣдніе два мѣсяца всѣ возраженія противъ конскрипціи особенно выяснились и приняли особенно отчетливый характеръ. Такъ какъ возраженія эти выставлялись разными элементами англійскаго общества, то они не одинаковы по характеру своему. Мнѣ кажется, всѣ приведенныя возраженія можно раздѣлить довольно легко на пять группъ. Прежде всего передъ нами аргументы, выставляемые радикалами.

Я—противъ конскрипціи по многимъ соображеніямъ,—говоритъ радикалъ.—Во-первыхъ, мы живемъ на островѣ и сильный флотъ защищаетъ насъ отъ неожиданнаго вторженія. Конскрипція

[1]) Fitz-Gerald, Heroes of the V. C. (Victoria Cross). „The Windzore Magazine", January. 1916. P. 55.

является тяжелымъ бременемъ для всего населенія, и я не вижу причинъ, почему намъ слѣдуетъ отказаться отъ выгодъ, представляемыхъ нашимъ островнымъ положеніемъ. Во-вторыхъ, я противъ конскрипціи потому, что право вызывать всѣхъ способныхъ носить оружіе можетъ быть употреблено для подавленія стачекъ или народныхъ движеній. Въ-третьихъ, конскрипція даетъ возможность правительству, знающему, что въ его рукахъ вся военная сила страны, объявить несправедливую войну, вопреки желаніямъ населенія. И даже въ томъ случаѣ, когда окончательное объявленіе войны зависитъ отъ палаты народныхъ представителей, такое право мало помогаетъ населенію, ибо парламентъ можетъ случайно разойтись во взглядахъ со всѣмъ населеніемъ.

Возьмемъ, напримѣръ, нынѣшнюю войну,—скажетъ гипотетическій радикалъ.—Предположимъ, что подавляющее большинство населенія Великобританіи нашло бы войну несправедливой. Предположимъ также, что мы имѣли бы уже конскрипцію. Что бы случилось? Все мужское населеніе призывного возраста принуждено было бы тогда сражаться, вопреки совѣсти. При наличности у насъ добровольной системы правительство обязано обращаться за помощью къ населенію. И такъ какъ подавляющее большинство населенія считаетъ нынѣшнюю войну справедливой и необходимой, то на зовъ откликнулись милліоны. Парламентское большинство въ иныхъ случаяхъ не даетъ точнаго представленія о дѣйствительномъ настроеніи страны; результаты общихъ выборовъ иногда могутъ зависѣть отъ сильнаго увлеченія вопросомъ минуты; но вѣрнымъ показателемъ является то обстоятельство, что съ начала войны милліоны людей по своей волѣ стали подъ знамена. Такъ говоритъ гипотетическій радикалъ. Онъ прибавитъ, что свобода выбора—неотъемлемое право британскаго гражданина; что за это право предки его сражались, начиная съ XIII вѣка. Радикалъ скажетъ, что если даже признать предпосылку Гоббса, что индивидуумъ вступилъ въ договоръ съ коллективомъ, чтобы избавиться отъ первобытнаго состоянія, а именно „войны каждаго противъ всѣхъ“, то логическимъ выводомъ должно быть право индивидуума отказаться отъ контракта, если окажется, что коллективъ стремится не только къ „первобытному состоянію“, но имѣетъ еще bellum internecinum, какъ конечный идеалъ.

Ко второй группѣ аргументовъ относятся доводы, приводимые лицами, которымъ религіозныя убѣжденія запрещаютъ отнимать у человѣка жизнь даже по приказанію „коллектива“. Таковы члены „Общества друзей“, или квакеры, а также родственныя имъ по взглядамъ секты и общества. Эти составили въ концѣ 1915 г. Содружество непріемлющихъ конскрипцію (No-Conscription Fellowship). „Содружество состоитъ только изъ людей, подлежащихъ воинской повинности въ случаѣ введенія конскрипціи,—читаемъ мы.—Эти лица, повинуясь указанію своей совѣсти, откажутся

носить оружіе, ибо признаютъ человѣческую жизнь священной, а потому не могутъ взять на себя отвѣтственность за отнятіе жизни. Содружество отрицаетъ за коллективомъ право приказывать кому-либо: „Ты долженъ носить оружіе". Оно всѣми силами будетъ бороться противъ попытки введенія въ Великобританіи конскрипціи. И если такая попытка будетъ успѣшна, то есть, если конскрипцію все-таки введутъ, то члены Содружества, каковы бы ни были для нихъ послѣдствія, поступятъ согласно повелѣніямъ не коллектива, а своей совѣсти" [1]).

Въ той же брошюрѣ мы читаемъ, что Содружество вообще откажется отъ всякой работы, требующей предварительно военной присяги. Дальше брошюра, написанная предсѣдателемъ Содружества, объясняетъ, чѣмъ отличается послѣднее отъ другихъ обществъ, поставившихъ цѣлью борьбу съ конскрипціей. „Въ такихъ обществахъ участвуютъ иногда лица, которыя по своему возрасту и полу не подлежатъ дѣйствію конскрипціоннаго закона, если таковой пройдетъ. Характерной же особенностью Содружества является то, что въ него входятъ только лица призывного возраста... Мы отстаиваемъ право индивидуума рѣшать для себя, долженъ ли онъ отдать жизнь коллективу... Какъ организація, мы воздерживались отъ пропаганды, дабы избѣжать столкновенія съ рѣшеніемъ большинства, насколько это рѣшеніе касается продолженія войны. Но мы желаемъ точно уяснить слѣдующее. Если большинство пожелаетъ ввести мѣру, посягающую на самыя глубокія религіозныя убѣжденія наши, то мы не подчинимся [2])....." Подобное рѣшеніе принято было Содружествомъ на большомъ митингѣ, состоявшемся 27 ноября 1915 г.

II.

Третья группа возраженій построена исключительно на финансовыхъ соображеніяхъ. Англія расходуетъ теперь пять милліоновъ ф. ст. въ день и, по всей вѣроятности, скоро будетъ расходовать еще больше. Колоссальный расходъ этотъ обусловливается не только тѣмъ, что Великобританія содержитъ громадный флотъ и сильную армію, но еще и тѣмъ, что ей приходится въ значительной степени финансировать союзниковъ. Какъ ни богата Англія, какъ прочно ни стоитъ ея кредитъ, но она не въ силахъ содержать еще бо́льшую армію. Государство можетъ быть или морской, или сухопутной державой; но оно не можетъ быть одинаково сильно, какъ на морѣ, такъ и на сушѣ, т. е. имѣть одинаково сильные армію и флотъ. Англія убѣдилась въ этомъ еще во времена Генриха V, послѣ попытокъ завоевать Францію и

---

1) Clifford Allen, „Conscription and Conscience", стр. 2.
2) Ib., стр. 6, 17, 11.

удержать за собою оба берега Па-де-Калэ. Понявъ тогда, что возможно и что невозможно, Англія сконцентрировала всѣ свои силы на флотѣ. Увеличеніе расходовъ на армію означало бы—говорятъ представители приведенныхъ аргументовъ—неминуемое сокращеніе расходовъ на флотъ, а это абсолютно недопустимо. „Мы живемъ на островѣ и отъ моря, поэтому наше положеніе чревато многими опасностями,—говоритъ извѣстный спеціалистъ по морскимъ вопросамъ Арчибальдъ Хёрдъ.—Увеличеніе расходовъ на армію ставитъ въ крайне критическое положеніе нашу мощь какъ финансовой и какъ морской державы. Національная энергія отводится отъ естественнаго русла. Нашъ флотъ не есть нѣчто стоящее совершенно обособленно, но представляетъ собою выраженіе англійской національной жизни. И такъ какъ наши денежныя и промышленныя силы зависятъ во время войны исключительно отъ флота, то послѣдній долженъ быть поддерживаемъ каждой унціей богатства и каждой унціей національной энергіи“ [1]).

Такимъ образомъ, доказываетъ Арчибальдъ Хёрдъ, новое увеличеніе британской арміи подвергло бы Британскую имперію самой серьезной опасности.

Къ четвертой группѣ возраженій противъ конскрипціи относятся тѣ, которыя выставляются фабрикантами и заводчиками. Англія, говорятъ они, расходуетъ на войну пять милліоновъ ф. ст. и накопила уже съ августа 1914 г. колоссальный государственный долгъ. Чтобы имѣть средства на продолженіе войны (а она должна быть доведена до единственнаго конца, т. е. до побѣды надъ Германіей), Англія должна производить цѣнности и вывозить ихъ. Если этого не будетъ, то послѣдуетъ финансовое крушеніе, какъ Англіи, такъ и ея союзниковъ, т. е. преждевременный миръ. А для производства цѣнностей и для вывоза ихъ необходимы „руки“. Вотъ почему—говорятъ промышленники—есть предѣлъ, дальше котораго Англія не можетъ увеличивать свою армію. Такъ какъ предѣлъ этотъ почти достигнутъ, то вводить конскрипцію и опасно, и невыгодно. Этотъ самый аргументъ выставлялся, между прочимъ, Ллойдъ-Джорджемъ, когда онъ былъ министромъ финансовъ и не сталъ еще сторонникомъ принудительной службы. Въ ноябрѣ 1914 г. Ллойдъ-Джорджъ убѣдительно доказывалъ, что каждый изъ союзниковъ можетъ „ставить на конъ“ или армію, или флотъ, или финансовую мощь. Англія поставила „двѣ ставки“, но не въ силахъ поставить всѣ три.

Мы переходимъ теперь къ возраженіямъ пятой группы, выставляемымъ англійскими рабочими. Предварительно я опять напомню рядъ фактовъ: 1) англійскіе рабочіе на всѣхъ конгрессахъ высказались за продолженіе войны до послѣдняго; 2) цвѣтъ всѣхъ трэдъ-юніоновъ служитъ теперь въ арміи; 3) нѣкоторые трэдъ-

---

[1]) Archibald Hurd, „Abuse of Sea Power“.

юніоны, какъ, напримѣръ, союзъ копачей, записались „гуртомъ", со всѣми секретарями и составили отдѣльные батальоны (секретарь трэдъ-юніона копачей теперь подполковникъ въ своемъ родномъ батальонѣ); 4) трэдъ-юніоны, высказавшіеся наиболѣе рѣшительно противъ принудительной службы, какъ, напримѣръ, углекопы, выставили больше всего волонтеровъ; 5) рабочіе вожди, слишкомъ старые для военной службы, объѣзжали Англію, убѣждая населеніе идти въ солдаты. Такъ поступаетъ, напр., извѣстный рабочій вождь-соціалистъ Бенъ Тиллетъ. Враждебное отношеніе рабочихъ къ принудительной службѣ обусловливается нѣсколькими причинами. Мы видимъ, прежде всего, возраженія моральныя, похожія на тѣ, которыя выставляются радикалами и квакерами. Затѣмъ передъ нами глубокое недовѣріе трудящихся массъ къ среднимъ классамъ. Англійскіе рабочіе боятся, что британскіе промышленники воспользуются конскрипціей, которая призоветъ все взрослое мужское населеніе подъ знамена, для введенія дешеваго женскаго труда и для отмѣны привилегій профессіональныхъ союзовъ. Рабочіе боятся, что, вмѣстѣ съ конскрипціей въ арміи, введена будетъ конскрипція на заводахъ, притомъ еще на такихъ, которые принадлежатъ частнымъ лицамъ. Словомъ, въ агитаціи за принудительную службу профессіональные союзы склонны усматривать „заговоръ" среднихъ классовъ противъ трудящихся массъ.

Приведу рядъ иллюстрацій къ только-что сказанному. „Въ конскрипціи рѣшительно нѣтъ никакой надобности, — пишетъ Джорджъ Барнеръ, секретарь одного изъ самыхъ большихъ трэдъ-юніоновъ.—Правительство имѣетъ большой запасъ волонтеровъ. Шаги, предпринятые съ цѣлью введенія принудительной службы, имѣютъ цѣлью милитаризацію рабочихъ, дабы подчинить ихъ военной дисциплинѣ." „Конскрипція въ какой бы то ни было формѣ явится нарушеніемъ принциповъ гражданской свободы, которая до сихъ поръ составляетъ наше лучшее наслѣдство, полученное отъ предковъ",—читаемъ мы въ одной изъ резолюцій конгресса трэдъ-юніоновъ. „Настойчивая пропаганда принудительной службы разрушитъ національное единство, наблюдаемое теперь,—читаемъ мы въ резолюціи, принятой желѣзнодорожными служащими.—Въ введеніи конскрипціи нѣтъ необходимости въ виду широкаго притока волонтеровъ. Всѣ трэдъ-юніоны должны оказать сильное сопротивленіе конскрипціи".

„Женщины теперь всюду замѣняютъ мужчинъ въ сферѣ труда,—пишетъ рабочій вождь.—Онѣ проникнуты высокимъ чувствомъ патріотизма, но что будутъ дѣлать женщины и предприниматели, когда война окончится? Женскій трудъ дешевле мужского и въ настоящее время не охраняется трэдъ-юніонами. Все это представляетъ въ глазахъ предпринимателей крупную выгоду. Нѣкоторые изъ нихъ не скрываютъ, что намѣрены дать постоян-

ное занятіе бо̀льшему числу женщинъ“ [1]). Женщины теперь замѣнили мужчинъ всюду: въ конторахъ, на желѣзныхъ дорогахъ, въ трамваяхъ, въ банкахъ, въ мастерскихъ, на заводахъ, на фабрикахъ. Онѣ выучиваются ремеслу, думаютъ о новой работѣ, какъ *постоянной*, и берутъ дешевле [2]). Таковы основные факты.

„Понимаете ли вы, что означаютъ слова *національная служба*?— читаемъ мы въ только-что вышедшей брошюрѣ „Compulsory Military Service and Industrial Conscription.“—Законъ о національной службѣ даетъ правительству возможность принуждать всѣхъ мужчинъ служить въ солдатахъ. Обыкновенно подразумѣвается, что службѣ подлежатъ всѣ мужчины въ возрастѣ отъ 18 до 40 лѣтъ, какъ холостые, такъ и женатые... Такой законъ таитъ великую опасность для получающихъ еженедѣльную заработную плату,—читаемъ мы дальше.—Агитирующіе за принудительную службу не скрываютъ даже, что не полученіе достаточнаго количества солдатъ для службы въ линіи огня главная цѣль ихъ. Главная необходимость теперь не въ солдатахъ, а въ снарядахъ. Ллойдъ-Джорджъ сказалъ, что ему необходимы еще 280.000 рабочихъ для арсеналовъ. И вотъ сторонники конскрипціи желаютъ получить этихъ рабочихъ путемъ принудительнаго закона. Принужденіе должно быть введено во всѣхъ сферахъ національной службы. Командиръ отберетъ тѣхъ людей, которыхъ онъ сочтетъ наиболѣе пригодными для той или другой мастерской. Ихъ пошлютъ въ тотъ или другой конецъ Англіи, не спрашивая у людей, желаютъ ли они поѣхать. Доставленные на заводъ рабочіе должны будутъ работать подъ страхомъ военнаго закона. Они обязаны будутъ немедленно подчиниться всякому приказу, отданному надсмотрщикомъ, и должны будутъ принять предложенную имъ заработную плату. Всякій протестъ

---

[1]) „Westminster Gazette“, January 3, 1916.

[2]) Вотъ, напримѣръ, табличка, показывающая, сколько получаютъ женщины, поступившія на одну изъ главныхъ желѣзныхъ дорогъ (North-Eastern) и сколько получали на тѣхъ же мѣстахъ мужчины, ушедшіе на войну. Табличка приведена въ только-что вышедшемъ „Labour Uear Book“ на 1916 г.

Возрастъ	Женская заработная плата въ недѣлю.	Мужская заработная плата въ недѣлю.	Разница.
16 лѣтъ	6 шил. 11 п.	11 шил. 6 п.	4 ш. 7 п.
17 „	9 „ 2 „	15 „ 4 „	6 „ 2 „
18 „	11 „ 6 „	19 „ 2 „	7 „ 2 „
19 „	13 „ 10 „	23 „ „	9 „ 8 „
20 „	16 „ 1 „	24 „ 11 „	8 „ 10 „
21 „	18 „ 5 „	26 „ 10 „	8 „ 5 „
22 „	20 „ 9 „	28 „ 9 „	8 „ „
23 „	23 „ „	30 „ 8 „	7 „ 8 „
24 „	25 „ 4 „	32 „ 7 „	7 „ 3 „
25 „	25 „ 4 „	34 „ 6 „	9 „ 2 „
26 „	25 „ 4 „	36 „ 5 „	11 „ 1 „
27 „	25 „ 4 „	38 „ 4 „	13 „ „

или жалоба явятся нарушеніемъ дисциплины, караемымъ военнымъ судомъ. Отказъ работать съ опредѣленною быстротою тоже явится серьезнымъ преступленіемъ, караемымъ тюремнымъ заключеніемъ. Принудительно призванные рабочіе не будутъ имѣть права объявить стачку, такъ какъ въ дѣйствительности представятъ собою солдатъ, которымъ нельзя вступать въ профессіональные союзы. И это еще не все. Въ большинствѣ случаевъ рабочіе принуждены будутъ работать не въ правительственныхъ арсеналахъ и мастерскихъ, но на заводахъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ. Хотя прибыль, получаемая такими заводами, обложена теперь налогами, но это не помѣшаетъ капиталистамъ создавать себѣ при помощи принудительнаго труда дивидендъ въ 20%. Вотъ что означаетъ промышленная конскрипція".

Если въ цитируемой брошюрѣ сильно сгущены краски, то надо сознаться, что этому въ значительной степени содѣйствовали слишкомъ усердные защитники конскрипціи. Когда вербовка по системѣ лорда Дерби (см. дальше) началась, консервативный журналъ Saturday Review помѣстилъ такую замѣтку: „Теперь начали загонять въ кошары дѣйствительно громадныя стада овецъ. Покуда бараны издаютъ очень слабое блеяніе. Впослѣдствіи процессъ загонки приметъ болѣе живой характеръ. Это произойдетъ, напримѣръ, когда женщины займутъ разныя мѣста и замѣнятъ всюду мужчинъ или когда начнутъ загонять отставшихъ барановъ противъ ихъ воли. Еще спустя нѣкоторое время дѣйствіе совсѣмъ оживится. По всей вѣроятности, многіе бараны попытаются тогда перепрыгнуть черезъ плетень или метнутся въ первую дыру въ заборѣ. Мы наблюдаемъ теперь только начало большого загона барановъ въ кошары" [1]). Новый рабочій журналъ „Tle Trade Unionist" по поводу приведенной замѣтки пишетъ: „Мы приглашаемъ всѣхъ членовъ профессіональныхъ союзовъ хорошо обдумать эти строки. Въ нѣсколькихъ строкахъ тутъ откровенно выражено то, что другіе думаютъ и тщательно скрываютъ. Трэдъ-юніонисты! Это *вы* тѣ бараны, которыхъ надо загнать въ кошары. Благодаря вашему послушанію до сихъ поръ слышно „очень мало блеянія". Оно раздастся впослѣдствіи, „когда женщины замѣнятъ всюду на работѣ мужчинъ" и когда „начнутъ загонять отстающихъ барановъ". Если трэдъ-юніонисты не примутъ предупредительныхъ мѣръ, они вполнѣ заслужили, чтобы съ ними обращались, какъ съ рабочими въ Германіи" [2]).

Я привелъ всѣ пять группъ разныхъ возраженій. Совсѣмъ особо, внѣ партій, стоитъ Бернардъ-Шоу. Его аргументы выражены оригинально, и я приведу изъ нихъ нѣсколько строкъ: „Лично у меня такое ощущеніе, будто я поднимаюсь на воздушномъ шарѣ

---

1) „Saturday Review", November 6, 1915.

2) „The Trade Unionis", December, 1915.

съ нѣсколькими лицами, до такой степени пораженными страхомъ, что они выбрасываютъ изъ корзины свои сапоги, часы, деньги и готовы даже разстаться съ душой,—говоритъ Бернардъ Шоу.— Предварительно они выбросили уже барометры и якорь. Трусы забыли совершенно, что на днѣ корзины лежатъ мѣшки съ пескомъ и что достаточно выбросить нѣсколько горстей, чтобы подняться очень высоко. У меня такое сознаніе, что, замедли я выбросить самопишущее перо, товарищи вышвырнутъ меня самого за бортъ, не смотря на происходящій отсюда рискъ стремительно подняться до самой луны. Правительство готово пожертвовать всѣми вольностями Англіи, тогда какъ въ этомъ не представляется никакой надобности. Въ дѣйствительности многое въ этомъ направленіи уже сдѣлано". Бернардъ Шоу дальше ставитъ вопросъ: „Необходима ли конскрипція?" на который даетъ отрицательный отвѣтъ. Число волонтеровъ—достаточно. „Во всякомъ случаѣ, если странѣ будетъ предложена подобная мѣра, она должна сопровождаться серьезными гарантіями для личности. Разъ конскрипція будетъ введена, она уже останется".

III.

Лѣтомъ прошлаго года, подъ вліяніемъ извѣстій съ фронта, стало очевидно, что число волонтеровъ должно быть увеличено. Между тѣмъ притокъ добровольцевъ уменьшился. По объясненію газетъ обусловливалось это тѣмъ, что лица съ гражданскимъ самосознаніемъ откликнулись уже, а въ странѣ остались только лежебоки, slackers, любящіе „удовольствія" и не ставящіе ни въ грошъ родину. Такихъ „лежебоковъ", по мнѣнію газетъ, стоявшихъ за конскрипцію, надо „погнать", т. е. надо ввести принудительную службу. Мы, живущіе въ Англіи, конечно, видимъ и slackers въ числѣ тѣхъ, которые не носятъ еще солдатскаго мундира, но, во-первыхъ, тутъ есть не только „лежебоки", а, во-вторыхъ, и „лежебоки" не всѣ похожи другъ на друга, какъ горошины въ стручкѣ. Въ прошломъ письмѣ я пытался набросать съ натуры портретъ такого лежебока—„философа". Вотъ еще нѣсколько профилей.

Собственникъ лавки Аннибалъ Цезарь Блэкбитлъ. Спеціальность его—чулочный товаръ, а въ особенности вязанные кальсоны, выполняемые фабрикой по „собственному заказу" Блэкбитла. Владѣлецъ магазина молодой человѣкъ, упитанный, сильный. На лицѣ Блэкбитла—глубокое сознаніе, что лавка его представляетъ центръ имперіи. Правительство выбирается для того, чтобы оно гарантировало ему, Блэкбитлу, хорошій сбытъ товаровъ. Церкви существуютъ для того, чтобы тамъ всѣ молились о ниспосланіи Блэкбитлу многихъ покупателей. И когда по воскресеніямъ мистеръ Блэкбитлъ возвращается изъ церкви

св. Михаила въ черномъ сюртукѣ, въ лоснящемся цилиндрѣ, прижимая къ жилету съ бѣлымъ ободкомъ по вырѣзу респектабельный молитвенникъ съ золотымъ обрѣзомъ, то на солидномъ, упитанномъ лицѣ я читаю: „Сегодня я опять напомнилъ Господу Богу о договорѣ съ Нимъ. За то, что я по воскресеньямъ пою ему по книжкѣ гимны, Онъ посылаетъ мнѣ «customers» (покупателей). Любимая фраза мистера Блэкбитла; „Я очень занятой человѣкъ". Говоритъ онъ ее съ такимъ выраженіемъ, которое означаетъ: „Всѣ или бездѣльники, или заняты пустяками. Работаю только я".

Надо видѣть, когда мистеръ Блэкбитлъ получаетъ новый товаръ! Онъ вскрываетъ ящики самъ. Отодравъ деревянную крышку, Блэкбитлъ торжественно вынимаетъ изъ ящика картонки и пачки, затѣмъ разворачиваетъ длинную фактуру, щелкаетъ по ней ладонью, нахмуриваетъ лобъ и съ глубокимъ вниманіемъ изучаетъ каждую цифру. Когда началась война, мистеръ Блэкбитлъ проявилъ свой патріотизмъ: онъ купилъ флаги союзниковъ и прикрѣпилъ у дверей. Потомъ, когда присоединилась Италія, онъ не остановился предъ расходомъ на новый флагъ; но затѣмъ онъ уже твердо рѣшилъ, что его работа сдѣлана. „Пусть другіе *тоже* покажутъ свой патріотизмъ",—сказалъ Блэкбитлъ. Онъ ужасно удивился, когда молодая покупательница спросила его: „Почему вы еще не въ мундирѣ?"

— Я очень занятой человѣкъ,—снисходительно отвѣтилъ мистеръ Блэкбитлъ.

— Другіе люди, тоже очень занятые, ушли на войну.

— У меня *лавка*!—сказалъ Блэкбитлъ такимъ самымъ тономъ, какимъ отвѣтилъ бы рулевой, которому во время шторма глупый пассажиръ предложилъ бы оставить штурвалъ, чтобы спуститься внизъ и пропустить рюмочку. Но у молодой покупательницы былъ готовъ аргументъ.

— У васъ есть мать, привычная къ дѣлу. У васъ есть также братъ подростокъ.

Мистеръ Блэкбитлъ даже не отвѣтилъ,—до такой степени предложеніе оставить лавку показалось ему несуразнымъ.

Вотъ еще силуэтъ. Обойщикъ Гарри Смитъ, маленькій, озлобленный, съѣдаемый честолюбіемъ. Онъ по уши погруженъ въ дѣла маленькаго клуба, членомъ котораго состоитъ. Точно такъ, какъ Блэкбитлъ глубоко убѣжденъ, что Британская имперія держится его лавкой, Гарри Смитъ вѣритъ, что выше маленькихъ партійныхъ интересовъ ничего нѣтъ. Въ своемъ «branch» (отдѣленіе партіи) Гарри Смитъ всегда въ „оппозиціи" и всегда „обличаетъ". Всѣ продажны: не только министры, но даже секретарь того «branch», членомъ котораго состоитъ Смитъ,—таковъ любимый тезисъ обойщика. Онъ въ любой моментъ готовъ вамъ перечесть по пальцамъ, кто за сколько „продался". Въ особенности Гарри Смитъ ненави-

дитъ рабочихъ, выдвинувшихся чѣмъ-нибудь. Онъ даже написалъ ругательную, грубую брошюру противъ Іудъ-христопродавцевъ, какъ онъ называетъ всѣхъ рабочихъ, ставшихъ министрами. Когда его «branch» устраиваетъ въ клубѣ какую-нибудь лекцію и приглашаетъ лектора, Гарри Смитъ непремѣнно является.

Говоритъ ли лекторъ о заработной платѣ, о предшественникахъ Шекспира, о Бергсонѣ, объ инертныхъ газообразныхъ элементахъ, какъ неонъ, криптонъ и ксенолъ,—Гарри Смитъ непремѣнно „возражаетъ". „Возраженіе" состоитъ въ утвержденіи, что лекторъ ничего не знаетъ, тогда какъ онъ, Гарри Смитъ, все это изучилъ досконально. Гарри Смитъ начитанъ, т. е. хорошо помнитъ содержаніе нѣсколькихъ десятковъ пенсовыхъ брошюрокъ и удивительно запоминаетъ цифры. Когда онъ говоритъ, то засыпаетъ слушателей рядами цифръ. Я сказалъ, что Гарри Смитъ съѣдаемъ честолюбіемъ. Въ своемъ «branch» онъ и крупная величина, но ему хочется развернуться. Во время выборовъ 1900 года «branch» выставилъ его кандидатомъ, но Смитъ получилъ только семьдесятъ голосовъ. Широкое поле для обличеній въ „продажности" открылось у Смита съ тѣхъ поръ, какъ началась война. Гарри Смитъ противъ нея.

— Пусть идутъ другіе! *Я* не пойду!—„возражаетъ" Смитъ, когда въ его клубѣ выступаетъ ораторъ, убѣждающій молодыхъ людей идти въ волонтеры.

— Отлично, Гарри!—отвѣтилъ ораторъ.—Вы поступаете правильно. Въ траншеяхъ отъ *васъ* будетъ малая польза!

Я вспоминаю еще одного „лежебока". Томасъ Титенсолъ. Молодой клеркъ. Нервный, слабосильный, съ большимъ воображеніемъ. Титенсолъ сознаетъ, что *надо* идти въ волонтеры, но каждый разъ, когда клэркъ думаетъ объ этомъ, его охватываетъ ужасъ. Все то, что Титенсолъ вычиталъ въ газетахъ или слышалъ отъ возвращающихся на побывку солдатъ, тотчасъ же облекается въ рядъ страшныхъ образовъ. Они преслѣдуютъ Томаса ночью. Онъ видитъ, какъ летитъ черный „Джэкъ Джонсонъ" (то, что русскіе солдаты называютъ „чемоданомъ"); онъ слышитъ гулъ взрыва, уносящаго въ воздухъ ноги и руки; онъ видитъ вырытые „кратеры", на днѣ которыхъ лужи крови; передъ нимъ тѣла, гніющія между траншеями, такъ какъ нельзя убрать ихъ. Томасъ Титенсолъ пробуждается съ крикомъ и вскакиваетъ съ постели. Видъ раненыхъ приводитъ молодого клерка въ ужасъ. Животный страхъ подавляетъ въ немъ всякое другое сознаніе. Томасъ Титенсолъ—*трусъ*, сознаетъ это, глубоко страдаетъ, но не можетъ преодолѣть страха. Когда молодая дѣвушка поднесла ему два бѣлыхъ пера [1]), онъ растерялся, заплакалъ, но... все-таки не по-

---

[1]) Бѣлыя перья у англичанъ—символъ трусости.

шелъ въ волонтеры. Не знаю, много-ли выиграла бы Британская армія, еслибы законъ погналъ этого робкаго клерка въ окопы...

Мы увидимъ дальше, что въ общемъ „лежебоки“ составляютъ ничтожный процентъ. Осенью 1915 г. начали усиленно говорить о томъ, что необходимъ законъ, который „погналъ“ бы лежебоковъ. Компромиссомъ между защитниками волонтерской системы и конскрипціи явилась система „лорда Дерби“, введенная въ концѣ октября въ видѣ пробы на шесть недѣль и продолженная потомъ еще на нѣсколько дней, до конца декабря. Объ этой системѣ я писалъ уже. Въ прошломъ письмѣ я описалъ также притокъ волонтеровъ въ послѣдніе дни дѣйствія системы. Когда „система лорда Дерби“ была введена, премьеръ сказалъ, что, если она потерпитъ крушеніе, т. е. если притокъ волонтеровъ будетъ слабъ,— парламентъ не остановится передъ принужденіемъ „лежебоковъ“. Второго ноября Аскитъ далъ свое знаменитое обѣщаніе женатымъ людямъ призывнаго возраста. Онъ убѣждалъ ихъ записываться въ волонтеры по системѣ лорда Дерби, но далъ имъ слово, что ихъ призовутъ на дѣйствительную службу только послѣ того, какъ вызовутъ всѣхъ холостыхъ мужчинъ, внесенныхъ въ „красные листки“ во время августовской переписи. Объ этомъ обѣщаніи много говорилось въ то время, когда дѣйствовала „система лорда Дерби“. О немъ еще больше говорятъ теперь. Противники конскрипціи указывали на то, что вопросъ поставленъ совершенно неправильно: введеніе принудительной мѣры должно зависѣть *только* отъ числа волонтеровъ, но не отъ того, какой будетъ процентъ холостыхъ и женатыхъ добровольцевъ. Противники конскрипціи ссылались на то, что на континентѣ совершенно не считаются съ тѣмъ, холостъ ли рекрутъ или женатъ; но конскрипціонисты ухватились за то обѣщаніе, которое премьеръ далъ женатымъ волонтерамъ.

Въ послѣдніе дни 1915 г. волонтеры хлынули потокомъ, такъ что у дверей ратушъ, гдѣ записывались въ солдаты, молодые люди стояли на тротуарахъ длинной колонной. Казалось, конскрипціи нанесенъ рѣшительный ударъ. Газеты приводили колоссальныя цифры, выражающія число волонтеровъ, но конскрипціонныя изданія говорили о томъ, что хотя число волонтеровъ велико, но преобладаютъ женатые. Холостые не записываются. И поэтому все-таки будетъ необходима какая-нибудь мѣра, чтобы принудить холостыхъ лежебоковъ. „Премьеръ долженъ сдержать свое слово, данное женатымъ волонтерамъ“, — писали конскрипціонисты. Всѣ ждали съ нетерпѣніемъ, когда появится офиціальный отчетъ лорда Дерби о результатахъ вербовки по его системѣ. И, наконецъ, этотъ отчетъ вышелъ. Сущность его сводится къ слѣдующему. Когда началась вербовка, т. е. въ концѣ октября 1915 г., въ Англіи было 5.011.441 мужчина призывнаго воз-

раста, считая холостыхъ и женатыхъ. Изъ нихъ 1.605.629 мужчинъ „отмѣчены звѣздочкой“, starred men. Такое техническое званіе получили мужчины, необходимые государству не какъ солдаты (напр., рабочіе въ арсеналахъ, желѣзнодорожные служащіе и т. д.). По системѣ лорда Дерби записались волонтерами 2.829.263 человѣка, изъ которыхъ 428.853 были признаны врачами негодными для военной службы. Такимъ образомъ число волонтеровъ, записавшихся въ послѣднія шесть недѣль, равно 2.182.178. Сюда вошло холостыхъ 1.029.231, а женатыхъ—1.152.947. Если вычесть холостыхъ, „отмѣченныхъ звѣздочкой“ (starred men), то, по словамъ отчета, выйдетъ, что есть еще 651.160 одинокихъ мужчинъ, пригодныхъ для службы, но не записавшихся въ волонтеры. Въ виду „обѣщанія“, даннаго Аскитомъ женатымъ людямъ, необходимо сперва принудительно привлечь на службу этихъ 651.160 „лежебоковъ“, дабы можно было зачислить въ солдаты 1,152,947 женатыхъ волонтеровъ. И тотчасъ же заговорили о законопроектѣ. который погналъ бы именно этихъ 651.160 лежебоковъ на службу.

IV.

Съ момента появленія отчетъ лорда Дерби подвергнутъ былъ тщательному анализу. Сторонники добровольной службы стремились доказать, что система лорда Дерби явилась лучшимъ доказательствомъ отсутствія необходимости въ принудительныхъ мѣрахъ. Эти критики доказывали, что цифра холостыхъ „лежебоковъ“—651. 160—совершенно призрачна. „Лордъ Китченеръ просилъ 20 тысячъ волонтеровъ въ недѣлю,—читаемъ мы въ Daily News.—Въ теченіе семи съ половиной недѣль, когда дѣйствовала система Дерби, записывалось по 36 тысячъ добровольцевъ въ недѣлю. Эти 275.000 волонтеровъ немедленно поступили въ армію, такъ что *не входятъ* въ отчетъ лорда Дерби. Конскрипціонисты недовольны цифрами и говорятъ о 40.000 волонтеровъ въ недѣлю. Сверхъ этихъ 275.000 волонтеровъ (36 тысячъ въ недѣлю), по системѣ лорда Дерби записались и были приняты на службу 2.246.630 человѣкъ. Еще 428.853 человѣка предложили свои услуги родинѣ, но были признаны врачами негодными. Всего, значитъ, откликнулись 2.950.514 человѣкъ. Почему-же, имѣя передъ собою такую колоссальную цифру волонтеровъ, лордъ Дерби говоритъ теперь о другихъ, принудительныхъ мѣрахъ? Намъ указываютъ на то, что 651.000 холостыхъ мужчинъ призывнаго возраста, не отмѣченныхъ звѣздочкой (т. е. не работающихъ въ арсеналахъ, на желѣзныхъ дорогахъ и т. д.), не пожелали записаться. Намъ говорятъ, что это громадная цифра и что нужны поэтому принудительныя мѣры“.

Газета дѣлаетъ длинный разсчетъ и показываетъ, что къ не откликнувшимся относятся также калѣки, тяжело больные, безумные, лица, пытавшіяся еще раньше поступить въ солдаты, но отвергнутыя

врачами, затѣмъ—священники и, отчасти, медицинскіе студенты, которымъ правительство рекомендовало не идти въ солдаты. Такимъ образомъ, по разсчету Daily News, выходитъ, что „лежебоковъ", не 651.000, какъ указано въ отчетѣ лорда Дерби, а только 316.000. По мнѣнію газеты, цифра эта до такой степени ничтожна въ сравненіи съ четырьмя милліонами волонтеровъ, откликнувшимися съ начала войны, что изъ-за нея нельзя нарушать самыхъ основъ англійской жизни путемъ введенія принудительной службы. Правительство внесло въ концу года билль о мобилизаціи четвертаго милліона солдатъ. Система лорда Дерби дала уже этотъ милліонъ. Зачѣмъ же еще понадобился принудительный *билль?*

Какъ бы въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, Times въ передовой статьѣ намекнулъ, что Англія дала союзникамъ „нѣкоторыя обязательства". Намекалось, что руки у Англіи связаны обязательствами, о которыхъ нельзя еще говорить.—„О какихъ обязательствахъ можетъ быть рѣчь?—спрашивали сторонники добровольной системы.—До сихъ поръ извѣстно, что Англія обѣщала послать на континентъ свою армію, какъ она была до войны. Англія немедленно послала 160.000 солдатъ. Затѣмъ она сформировала армію въ три милліона. Изъ этихъ трехъ милліоновъ,—какъ указалъ первый министръ,—1.250.000 находятся уже на фронтѣ. За послѣднія семь съ половиной недѣль записались въ армію 275.000 человѣкъ, да, *кромѣ того*, 2.246.630 приняты по системѣ Дерби. Чего же еще хотятъ милитаристы?" — спрашиваетъ Daily Chronicle.

По мнѣнію журнала Nation, необходимость принудительной мѣры не доказана отчетомъ лорда Дерби. „Когда началась война, мы, англичане, имѣли три дара, особенно пригодные для возстановленія свободы, которой угрожаютъ на континентѣ. Эти дары составляли нераздѣльныя части конституціи, приводившей въ восторгъ всѣхъ прогрессистовъ. Всѣ народы признавали эту конституцію знаменемъ, подъ которымъ можно сражаться за лучшее будущее. Дары эти: добровольная военная служба, свободный парламентъ и свободная печать. Теперь правительство отреклось отъ перваго дара. Что же касается второго и третьяго, то они тоже находятся теперь въ опасности". Nation дальше доказываетъ, что число „slackers" гораздо меньше, чѣмъ въ отчетѣ Дерби. Затѣмъ журналъ продолжаетъ: „Аскитъ не сказалъ парламенту, какъ велика должна быть та армія, которую мы собираемся имѣть. Министръ финансовъ, напримѣръ, того мнѣнія, что мы собираемся держать гораздо большую армію, чѣмъ дозволяютъ намъ наши финансы. Такого же мнѣнія министръ торговли и промышленности. Считался ли Аскитъ со взглядами своихъ двухъ товарищей по кабинету?" Журналъ отмѣчаетъ еще одинъ фактъ, на который въ *Русскихъ Запискахъ* указано уже давно. Почему поднятъ вопросъ о прину-

дительныхъ мѣрахъ для одинокихъ людей, когда вообще число волонтеровъ велико? Армія, состоящая изъ одинокихъ людей, предпочтительнѣе, потому что *она стоитъ дешевле*. Когда женатый и „дѣтный“, какъ говорятъ у насъ на сѣверѣ, волонтеръ уходитъ на службу,—государство должно содержать его жену и дѣтей. Такимъ образомъ горячія статьи въ газетахъ, издаваемыхъ лордомъ Норсклифомъ, статьи, краснорѣчиво доказывающія, что премьеръ обязанъ держать слово, данное семейнымъ людямъ, — получаютъ довольно опредѣленное толкованіе...

Самый интересный анализъ отчета лорда Дерби появился въ журналѣ супруговъ Веббъ—„The New Statesman“. Приведу наиболѣе характерныя мѣста изъ этого анализа. По мнѣнію журнала, отчетъ совершенно уничтожилъ всѣ доводы въ пользу конскрипціи, а между тѣмъ именно на основаніи его правительство собирается внести законопроектъ о принудительной службѣ. Во всемъ этомъ убѣждаетъ насъ анализъ цифръ, приведенныхъ лордомъ Дерби. Прежде всего поражаетъ та удивительная готовность, съ которой откликнулись, какъ семейные, такъ и холостые на призывъ, сдѣланный лордомъ Дерби отъ имени Англіи. „Мы узнаемъ, что съ тѣхъ поръ, какъ лордъ Дерби сталъ генеральнымъ вербовщикомъ, почти три милліона мужчинъ предложили себя родинѣ,—говоритъ New Statesman.—Если мы прибавимъ сюда еще три милліона волонтеровъ, состоящихъ уже на службѣ, да нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ, предложившихъ свою службу, но отвергнутыхъ врачами, [1]) то получится болѣе $6^1/_2$ милліоновъ волонтеровъ. Вызови Франція и Германія солдатъ въ такой же пропорціи, такъ первая страна должна была бы имѣть армію въ шесть милліоновъ, а вторая — въ десять милліоновъ. „Цифры эти доказываютъ, какъ великъ подвигъ, совершенный свободнымъ народомъ“. „Добровольная система выдержала самое трудное испытаніе, — продолжаетъ журналъ—результаты дѣйствія ея превзошли самыя смѣлыя ожиданія наиболѣе восторженныхъ поклонниковъ. Намъ сказали, что система лорда Дерби должна доказать, пригодна ли добровольная вербовка. Результаты ея изумительны. И вдругъ, передъ лицомъ этихъ фактовъ, намъ говорятъ, что принудительная мѣра необходима. Аскитъ обѣщалъ странѣ, что если въ результатѣ дѣйствія системы лорда Дерби получится ничтожный недоборъ, то принудительная мѣра не будетъ введена. Всякій, привыкшій обращаться съ цифрами, анализируя отчетъ, придетъ къ заключенію, что недоборъ ничтоженъ“. Цифра 650.000, выражающая, по словамъ отчета, недоборъ „лежебоковъ“, какъ увѣряетъ New Statesman, не имѣетъ никакой цѣнности. „Эта сумма составилась изъ стольких неизвѣстныхъ слагаемыхъ, что, съ точки

---

[1]) Журналъ доказываетъ, что эти добровольцы, разъ забракованные уже, не предложили своихъ услугъ во время дѣйствія системы Дерби. Они вошли въ число 650.000 „лежебоковъ“, о которыхъ говоритъ отчетъ.

зрѣнія статистиковъ, представляетъ собою только догадку и, на придачу, еще очень плохую". Сумма эта, въ дѣйствительности, представляетъ собою колоссальный миражъ. Въ нее входятъ не только люди призывнаго возраста, занятые работой, необходимой для страны, не только единственные сыновья, поддерживающіе родителей, но еще священники, калѣки и идіоты. Сюда включены и мертвые, не вычеркнутые изъ списковъ послѣ составленія національнаго регистра, и рабочіе, перемѣнившіе свой адресъ послѣ переписи. Кромѣ того, однимъ изъ слагаемыхъ (и очень большимъ) этой суммы являются лица, предлагавшія свою службу еще раньше, но отвергнутыя врачами. Супруги Веббъ, привыкшіе обращаться съ цифрами и знающіе, какъ анализировать статистическія таблицы, тщательно разбираютъ отчетъ. „Мы не знаемъ, какъ велико число лицъ, желавшихъ пойти въ солдаты до 23 октября, но забракованныхъ врачами. По всей вѣроятности, оно достигаетъ милліона. Очень можетъ быть, что такихъ забракованныхъ больше милліона. Предположимъ, что забракованныхъ было только 700.000. Изъ этихъ 900.000 холостыхъ будетъ 600.000, а семейныхъ 300.000. Въ октябрѣ лицъ призывнаго возраста было 5.011.441. Сюда входили 900.000 забракованныхъ уже разъ волонтеровъ. Такимъ образомъ число лицъ призывного возраста, не подвергавшихся раньше медицинскому осмотру, было къ 23 октября около 4.100.000. На основаніи установленныхъ уже раньше фактовъ, можно предположить, что 30%, или 1.230.000, было непригодно для военной службы. Изъ этихъ 1.230.000, непригодныхъ холостыхъ будетъ 470.000. Такимъ образомъ, прибавивъ 900.000 уже раньше забракованныхъ, мы получимъ „инвалидную армію" въ 2.130,000, непригодныхъ для военной службы. Одинокихъ будетъ 1.070.000". Отчетъ лорда Дерби не указываетъ намъ, куда дѣвались всѣ эти непригодные для военной службы. Согласно отчету, забраковано 207.000 одинокихъ волонтеровъ да 104.000 другихъ будутъ забракованы послѣ вторичнаго, болѣе тщательнаго медицинскаго осмотра [1]). Такимъ образомъ отчетъ даетъ намъ данныя только о 311.000 забракованныхъ. Гдѣ же еще 1.070.000 непригодныхъ для военной службы? И вотъ тутъ мы имѣемъ доказательство того, что лица, забракованныя раньше (до 23 октября), *не* предложили вторично своей службы, когда начала дѣйствовать система лорда Дерби.

Какой же выводъ изъ всего этого? А вотъ какой. По мнѣнію супруговъ Веббъ въ сумму 650.000, показывающую, какъ утверждаетъ лордъ Дерби, „лежебоковъ", вошло не меньше 480.000 лицъ, непригодныхъ для военной службы. Такимъ обра-

[1]) Въ послѣднюю недѣлю, которую я описалъ въ прошломъ письмѣ, — волонтеры хлынули такою волною, что врачи успѣвали дѣлать только поверхностный осмотръ.

вомъ получается остатокъ въ 170.000 пригодныхъ для военной службы. Но не всѣ эти 170.000 „лежебоки“. Многіе изъ нихъ заняты работой, необходимой для государства. Предварительно этихъ лицъ *убѣждали*, что они не должны идти въ волонтеры. По всей вѣроятности, „лежебоковъ“ совсѣмъ нѣтъ, заключаетъ New Statesman. — Во всякомъ случаѣ, отчетъ лорда Дерби доказалъ, что такихъ „лежебоковъ“ *не больше 50.000*. Такимъ образомъ введеніе принудительной мѣры является *безполезнымъ*. *Шесть съ половиной милліоновъ* гражданъ по доброй волѣ откликнулись на зовъ родины. И что въ сравненіи съ этою колоссальною цифрою остатокъ въ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ? „Мы не требуемъ, чтобы принудительный законъ былъ отсроченъ,—заканчиваетъ New Statesman.—Мы хотимъ только, чтобы принятый законъ не былъ приведенъ въ исполненіе до тѣхъ поръ, покуда точно не выяснится необходимость его. Необходимо немедленно провѣрить всѣ факты, указанные въ отчетѣ лорда Дерби. По мнѣнію журнала, нѣтъ надобности торопиться съ введеніемъ въ дѣйствіе закона о принудительной службѣ, такъ какъ число волонтеровъ велико и до марта, во всякомъ случаѣ, военному министерству не потребуются новые кадры. „У насъ все еще есть надежда, что къ концу войны можно будетъ сказать: „Ни одинъ британскій гражданинъ не былъ принужденъ сражаться помимо своей воли“. Журналъ предвидитъ, что закону не будетъ оказано сопротивленія въ странѣ со стороны не желающихъ служить, „ибо некому будетъ сопротивляться“: подавляющее большинство лицъ призывнаго возраста уже пошло на войну по своей волѣ. New Statesman сожалѣетъ, главнымъ образомъ, о томъ, что послѣ введенія принудительнаго билля война утеряетъ характеръ борьбы *свободнаго* народа.

Вы видите, что критика, главнымъ образомъ, старается отстоять одинъ тезисъ: „Въ принудительномъ биллѣ не было никакой надобности, такъ какъ свободный народъ, именно потому, что онъ свободенъ, по своей собственной иниціативѣ берется за оружіе, когда родина находится въ опасности. Такой народъ считаетъ оскорбленіемъ предположеніе, что его надо *принудить* защищать свою свободу“.

V.

Пятаго января Аскитъ внесъ въ парламентъ билль о военной службѣ. Палата была переполнена. Конскрипціонисты ликовали, считая, что теперь наконецъ „вгонятъ клинъ“, т. е. что будетъ положено начало такой же системѣ обязательной службы, какъ и на континентѣ. Съ другой стороны, анти-конскрипціонисты предвидѣли всякіе ужасы отъ того, что министерство „сдалось на капитуляцію“. Законопроектъ не оправдалъ ни радостныхъ, ни мрачныхъ ожиданій. Это, прежде всего, *временная* мѣра, только до конца войны. Затѣмъ законопроектъ говоритъ не о принуди-

тельной службѣ вообще, но имѣетъ цѣлью привлечь въ солдаты одинокихъ „лежебоковъ", указанныхъ въ отчетѣ лорда Дерби. Согласно законопроекту, всѣ одинокіе мужчины въ возрастѣ отъ 18 до 41 года считаются „какъ будто уже записавшимися на службу". Исключаются, кромѣ лицъ, служащихъ въ арсеналахъ или въ оружейныхъ мастерскихъ, еще священники, опора семьи и тѣ, которые по религіознымъ убѣжденіямъ своимъ не могутъ носить оружіе. „Мы примемъ всякій разумный доводъ отъ находящихъ невозможнымъ служить; но мы не должны оставлять на свободѣ одинокихъ мужчинъ, не имѣющихъ никакого довода",— сказалъ Аскитъ, внося билль. Лица, имѣющія „разумную причину", должны будутъ заявить о ней трибуналу. Сперва думали, что этотъ „трибуналъ"—военный судъ. Но потомъ премьеръ объяснилъ, что проектируется особый судъ, состоящій изъ „лицъ, знающихъ мѣстныя условія и пользующихся довѣріемъ сосѣдей". Въ этомъ трибуналѣ рабочіе будутъ тоже представлены.

Съ наиболѣе рѣзкой критикой законопроекта выступилъ министръ внутреннихъ дѣлъ, сэръ Джонъ Саймонъ, вышедшій наканунѣ въ отставку. Сэръ Джонъ доказывалъ, что съ биллемъ надо бороться до послѣдняго. Вопросъ идетъ не о томъ, надо ли держать слово, данное Аскитомъ семейнымъ волонтерамъ, что ихъ позовутъ на службу только тогда, когда пойдутъ всѣ холостые. Дѣло идетъ объ измѣненіи устоевъ англійскаго общества. Сэръ Джонъ, подвергнувъ анализу отчетъ лорда Дерби, доказывалъ, что въ введеніи билля нѣтъ надобности. „Изъ насъ многіе убѣждены, что принципъ добровольной службы представляетъ собою наслѣдство, завѣщанное англійскому народу,—продолжалъ сэръ Джонъ Саймонъ.—Если вы собираетесь продать первородство, то убѣдитесь, по крайней мѣрѣ, сперва въ томъ, что чечевичная похлебка, которую вы получите, дастъ вамъ сытный обѣдъ". По мнѣнію оратора, билль не представляетъ собою мѣры, имѣющей цѣлью побудить сравнительно немногихъ „лежебоковъ" идти на службу. Нѣтъ, „передъ нами попытка въ темную ввести при помощи законодательства принудительную службу". Законъ породитъ много раздраженія, хотя врядъ-ли принесетъ хоть малѣйшую пользу. Премьеръ не сказалъ странѣ, какую армію Великобританія въ силахъ содержать. Англія должна имѣть громадный флотъ, должна привозить изъ-за океана пищевые продукты для своего населенія, должна изготовлять военные снаряды, какъ для себя, такъ и для союзниковъ, по отношенію къ которымъ Англія имѣетъ еще финансовыя обязательства. Можетъ ли Англія послѣ всего этого содержать такую же большую армію, какъ континентальныя государства? Принудительная служба, кромѣ того, дастъ въ Англіи военному сословію преобладаніе надъ гражданскимъ,— продолжалъ сэръ Джонъ.—И это не ограничится только періодомъ войны. „Разъ принципъ буддетъ введенъ, онъ останется". Саймонъ

протестовалъ также противъ клички „лежебоки“, примѣненной ко всѣмъ тѣмъ одинокимъ мужчинамъ, которые не записались по системѣ лорда Дерби. „Не осуждайте вашихъ согражданъ, не выслушавъ ихъ,—продолжалъ ораторъ.—Не говорите непріятелю, что въ Англіи есть сотни тысячъ людей, отказывающихся сражаться за свободу. У васъ нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы утверждать это. Не льстите прусскому милитаризму тѣмъ, что подражаете наиболѣе ненавистному институту, введенному имъ“.

Затѣмъ выступили коммонеры-рабочіе. Одинъ изъ нихъ, Ходжъ, сказалъ, что войну признаетъ справедливой и необходимой. Онъ поэтому готовъ поддержать принудительную мѣру, если окажется, что добровольная система вербовки потерпѣла крушеніе; но покуда нѣтъ фактовъ, доказывающихъ это. Рабочая партія желаетъ имѣть, кромѣ того, точныя гарантіи, что принципъ принудительной службы не будетъ примѣненъ къ рабочимъ, изготовляющимъ военные снаряды. Если правительство примѣнитъ конскрипцію на заводахъ, трудящееся населеніе всей Англіи потребуетъ принудительнаго отчужденія богатствъ. Другой коммонеръ-рабочій, Томасъ, указалъ сперва на то, что онъ всѣми силами содѣйствовалъ вербовкѣ. По мнѣнію оратора, непосредственныхъ практическихъ результатовъ въ смыслѣ увеличенія арміи билль не можетъ имѣть. Законопроектъ дорогъ конскрипціонистамъ только потому, что вводитъ новый *принципъ*. У рабочихъ есть сильное подозрѣніе, что билль обусловленъ не желаніемъ выиграть войну (подавляющее большинство рабочихъ за войну), не надеждой получить много солдатъ, а тѣмъ, что правительство поддалось натиску нѣкоторыхъ газетъ [1]). Рабочіе готовы на всякія жертвы, дабы Германія была побѣждена. Рабочіе дѣлаютъ все возможное: молодые ушли въ солдаты, другіе работаютъ сверхъ срока на заводахъ и въ мастерскихъ, отложивъ свои жалобы и требованія до тѣхъ поръ, покуда заключенъ будетъ миръ. На желѣзныхъ дорогахъ, съ тѣхъ поръ, какъ началась война, не было ни одной стачки. Кромѣ того, служащіе не пропустили ни одного часа. Если будетъ введена принудительная служба,—продолжалъ Томасъ,—то „трэдъюніоны покончатъ съ нею въ одинъ часъ“. Желѣзнодорожные служащіе уже рѣшили, что „пойдутъ на все“, дабы предупредить законъ о конскрипціи. Томасъ указалъ, что онъ остановилъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и убѣдилъ ихъ „ждать спокойно“. Ораторъ не только находилъ билль несправедливымъ и излишнимъ, но усмотрѣлъ въ немъ „большой заговоръ“.

Законопроектъ не относится къ Ирландіи, такъ какъ теоретически полагается, что тамъ уже введенъ гомруль, хотя дѣйствіе его отложено до конца войны; но вождь ирландцевъ Редмондъ

---

[1]) Томасъ имѣетъ въ виду газеты, издаваемыя лордомъ Норсклиффомъ т. е. Times, Daily Mail, Evening News и другія.

нашелъ необходимымъ выступить противъ принудительнаго билля. Надо помнить, что Редмондъ считаетъ теперь дѣло имперіи дѣломъ Ирландіи, что онъ признаетъ войну справедливой и усиленно убѣждаетъ своихъ соотечественниковъ записываться волонтерами. Критикуя билль, Редмондъ указалъ на то, что правительство не объяснило, какую именно армію оно желаетъ имѣть. Мы не знаемъ, сколько милліоновъ солдатъ правительство находитъ возможнымъ содержать. Правительство просило Ирландію пополнять постоянно существующіе уже ирландскіе полки, и это было выполнено. Затѣмъ Ирландію просили сформировать три новыя дивизіи. Это тоже было выполнено. Ирландія пополняетъ также постоянно мѣстные резервные полки. Потомъ ее просили доставлять еженедѣльно 1.000—1.100 волонтеровъ. И это будетъ выполнено. Такъ какъ подобная же отзывчивость наблюдается всюду въ Великобританіи и въ Британской имперіи, то новый билль, по мнѣнію Редмонда, излишенъ. Вслѣдствіе этого вождь ирландцевъ заявилъ, что онъ и его партія будутъ голосовать противъ законопроекта.

Въ защиту билля выступилъ коммонеръ генералъ Сили, бывшій военный министръ.

— Какой священный принципъ нарушенъ этимъ законопроектомъ?—началъ генералъ Сили.

— Принципъ свободы!—крикнулъ одинъ коммонеръ.

— Вы взываете къ свободѣ послѣ потопленія *Лузитаніи*, послѣ того, какъ нѣмцы примѣнили ядовитые газы, и послѣ нарушенія всѣхъ человѣческихъ и божескихъ законовъ? Подразумѣваете ли вы подъ свободой то, что другой долженъ сражаться за васъ? Мы, говорящіе о свободѣ, должны быть готовы пожертвовать всѣмъ для нея.

Послѣ генерала Сили выступилъ цѣлый рядъ другихъ защитниковъ билля. Слѣдующимъ по очереди былъ коммонеръ полковникъ Джонъ Уордъ. Это тотъ самый секретарь трэдъ-юніона копачей, о которомъ я упомянулъ уже. Весь его профессіональный союзъ записался въ армію и составилъ отдѣльный баталіонъ. Полковникъ Уордъ сказалъ, что онъ всегда былъ противъ конскрипціи, но теперь согласенъ съ правительствомъ, что предложенная мѣра необходима. Трэдъ-юніоны тоже признаютъ эту мѣру необходимой. Половина всѣхъ англійскихъ профессіональныхъ союзовъ или находится уже въ окопахъ, или готовится идти туда. Парламентъ поступитъ правильно, если приметъ принудительныя мѣры противъ людей, отлынивающихъ отъ военной службы въ такой серьезный для родины моментъ. „Собственно говоря, я только случайно военный — продолжалъ полковникъ Уордъ—и, какъ гражданскій человѣкъ, я скажу, что согласенъ скорѣе на всякія муки, чѣмъ видѣть завоевателя на англійской почвѣ. Нѣтъ смерти, если жива Англія. Мы унаслѣдовали великія тра-

диціи и являемся всюду въ мірѣ знаменоносцами свободы. Мы будемъ трусами, если отступимъ передъ тѣмъ, что составляетъ нашъ прямой долгъ. Съ своей стороны, я буду голосовать за то, чтобы Англія отдала свой послѣдній фартингъ и пожертвовала послѣдней каплей своей крови, если это понадобится для пораженія Германіи".

Коммонеръ-либералъ Робертсонъ указалъ на то, что онъ всю жизнь боролся съ конскрипціей, какъ съ постоянной системой. Еслибы были основанія думать, что новый билль вводитъ конскрипцію, онъ, коммонеръ, возсталъ бы противъ законопроекта; но теперь нѣтъ никакихъ причинъ для тревоги. Напрасно думаетъ кто-нибудь, что англійскій народъ можетъ легко отказаться отъ своей свободы. Еслибы дѣйствительно введена была конскрипція, то населеніе сумѣло бы постоять за себя. Ту же самую мысль развивалъ новый министръ внутреннихъ дѣлъ Гербертъ Сэмюэль. Онъ указалъ, что всегда возставалъ противъ обязательной службы. Будь билль результатъ „заговора", онъ Гербертъ Сэмюэль, не былъ бы въ числѣ „заговорщиковъ". Министръ внутреннихъ дѣлъ указалъ на то, что шесть милліоновъ гражданъ по доброй волѣ откликнулись на зовъ родины. „Этотъ фактъ навсегда останется въ исторіи британскаго народа, какъ доказательство высокаго патріотизма нынѣшняго поколѣнія". И тѣмъ не менѣе, не смотря на преданность принципу добровольной службы, онъ, министръ, поддержитъ новый законопроектъ.

Первое чтеніе билля—чисто формальное. Палата даетъ только разрѣшеніе внести билль. Очень часто первое чтеніе не сопровождается даже дебатами. При первомъ чтеніи принудительнаго законопроекта были, какъ мы видѣли, горячіе дедаты. Билли, имѣющіе отношеніе къ войнѣ, принимаются, въ виду объединенія всѣхъ партій, единогласно. Но билль о принудительной службѣ голосовался. Въ первомъ чтеніи за него высказались 405 коммонеровъ [1]), а противъ него—107 [2]).

VI.

Какъ реагировали англійскія трудящіяся массы на войну,—мы видѣли уже. Наиболѣе радикально настроенные трэдъ-юніоны послали на фронтъ сотни тысячъ волонтеровъ. „Организаторы стачекъ", какъ, напр., Бенъ-Тиллетъ и Виль Торнъ, превратились въ добровольныхъ вербовщиковъ. Такой безпокойный народъ, какъ углекопы Уэльса, не разъ грозившіе національной стачкой, послалъ

[1]) 162 либерала, 231 юніонистъ, 12 рабочихъ.

[2]) 42 либерала, 4 рабочихъ, 59 націоналистовъ, 2 независимыхъ ирландца (О'Брай). Во второмъ чтеніи число голосовавшихъ противъ сразу уменьшилось болѣе, чѣмъ въ два раза, а въ третьемъ упало до 36. Билль быстро прошелъ черезъ палату лордовъ и нынѣ уже сталъ закономъ. Ред.

на фронтъ болѣе 200.000 волонтеровъ. Посмотримъ теперь, какъ реагируютъ рабочіе на билль о принудительной службѣ. Въ то время, какъ въ парламентѣ обсуждался законопроектъ въ первомъ чтеніи, въ Лондонѣ спѣшно собрался конгрессъ трэдъ-юніонистовъ, чтобы выяснить отношеніе организованныхъ трудящихся массъ къ тому же биллю. Исполнительные комитеты трехъ рабочихъ организацій, помогавшихъ правительству въ дѣлѣ вербовки, составили резолюцію и докладъ для конгресса. Въ резолюціи этой указывалось на бристольскій конгрессъ трэдъ-юніонистовъ, на которомъ представители трехъ милліоновъ организованныхъ рабочихъ рѣшительно высказались противъ принудительной военной службы Подтверждая это рѣшеніе, резолюція выражала сожалѣніе по поводу того, что сторонники конскрипціи нарушаютъ въ такой серьезный моментъ единство страны. Резолюція дальше выражала радость по поводу успѣха системы добровольной службы, давшей Англіи въ короткое время армію въ $4^1/_2$ милл. Заканчивалась резолюція такъ: „Конгрессъ выражаетъ сожалѣніе по поводу того, что правительство сочло необходимымъ внести билль о принудительной службѣ, хотя результатами системы Дерби такой законопроектъ совершенно не оправдывается". Въ отчетѣ, представленномъ конгрессу вмѣстѣ съ резолюціей, указывалось, что число одинокихъ „лежебоковъ", не записавшихся по системѣ Дерби, не можетъ быть больше 300.000. „Вслѣдствіе обѣщанія, даннаго Аскитомъ, 487.000 женатыхъ волонтеровъ, предложившихъ свои услуги, не могутъ быть взяты на службу, покуда не запишутся эти 300.000 „лежебоковъ".

Составители отчета находили, что обѣщаніе должно быть исполнено. Такимъ образомъ конгрессу рекомендовалось признать принудительный билль печальной необходимостью. Какъ только открылись дебаты по поводу отчета, выяснилось, что большинство делегатовъ противъ него. Защитниками отчета выступили коммонеръ-рабочій Ходжъ и старый трэдъ-юніонистъ Джемсъ Акстонъ. „Никогда раньше рабочему движенію въ Англіи не грозилъ такой серьезный кризисъ, какъ теперь",—сказалъ Хаджъ. — Еслибы Аскитъ не далъ своего обѣщанія женатымъ волонтерамъ, вербовка по системѣ лорда Дерби кончилась бы полной неудачей. А въ такомъ случаѣ рабочимъ пришлось бы считаться съ полной конскрипціей въ откровенной формѣ". „Мы должны разсмотрѣть, каково будущее рабочаго движенія, если мы откажемся теперь принять предложенныя резолюціи. Составители этихъ резолюцій всесторонне разсмотрѣли положеніе дѣлъ. Резолюціи были выработаны для предупрежденія раскола, который повелъ бы къ всеобщимъ выборамъ. А въ настоящій моментъ общіе выборы могли бы закончиться страшной катастрофой для рабочихъ. такъ какъ ребромъ былъ бы поставленъ вопросъ: конскрипція

или добровольная вербовка? Отвѣтъ страны неизвѣстенъ, такъ какъ многіе избиратели теперь въ траншеяхъ.

Джемсъ Секстонъ тоже выяснилъ, почему онъ совѣтуетъ конгрессу принять выработанную резолюцію, признающую принудительный билль необходимостью. „Я хочу, чтобы Великобританія побѣдила и чтобы подобная война не могла уже больше повториться. Я глубоко убѣжденъ, что война была необходима, и готовъ поэтому помогать правительству довести ее до успѣшнаго конца, если оно предлагаетъ разумныя мѣры“. Но новый билль нашелъ на конгрессѣ неизмѣримо больше критиковъ, чѣмъ защитниковъ. Одинъ изъ делегатовъ Бенъ Тёрнеръ указалъ, что обѣщаніе женатымъ волонтерамъ „далъ Аскитъ, а не конгрессъ трэдъ-юніонистовъ“. Съѣздъ представителей профессіональныхъ союзовъ далъ только одно обѣщаніе своимъ уполномоченнымъ, а именно, что онъ будетъ стоять противъ конскрипціи. „Можетъ ли обѣщаніе, данное первымъ министромъ, сковать душу народа, отнять у него первородство и измѣнить устои страны!—воскликнулъ Бенъ Тёрнеръ.—Намъ не сказали даже, какую армію собирается выставить Англія“. „Говорятъ, что если общіе выборы состоятся теперь то всѣ рабочіе депутаты потеряютъ свои мѣста въ парламентѣ. Что же! Лучше пойти ко дну, защищая правое дѣло!“

Затѣмъ противъ резолюціи и принудительнаго билля выступилъ коммонеръ Томасъ. Онъ коснулся сперва общихъ выборовъ. „Я знаю, что̀ выставятъ на нихъ наши противники; но я знаю также девизы, которые *мы* выдвинемъ“,—сказалъ коммонеръ-рабочій. По мнѣнію оратора, нѣтъ худшаго аргумента, чѣмъ запугиваніе рабочихъ немедленными общими выборами. Конскрипціонисты примутъ эту боязнь за признакъ слабости и постараются устроить общіе выборы при первомъ случаѣ. Общіе выборы, если ихъ теперь устроятъ конскрипціонисты, будутъ преступленіемъ не только противъ рабочихъ, но и противъ солдатъ, сидящихъ въ окопахъ. „И въ такомъ случаѣ неужели мы покорно подчинимся тому, чтобы государство націонализировало волю индивидуума, а не богатства отдѣльныхъ лицъ?“—спросилъ Томасъ. Ораторъ отказывался признать, что выборы кончатся полной катастрофой для рабочихъ. Онъ отрицалъ также то, что принудительный билль является логическимъ послѣдствіемъ вербовки по системѣ Дерби. Число „лежебоковъ“, указанное въ отчетѣ, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Впрочемъ, никакой отчетъ не удовлетворилъ бы конскрипціонистовъ. Они ухватились бы за каждый фактъ, какъ бы ничтоженъ онъ ни былъ. „Конскрипція надобна имъ не для того, чтобы выиграть войну, а для послѣдующихъ цѣлей!“—воскликнулъ Томасъ. Дальше ораторъ указалъ на то, что „всюду, во всѣхъ странахъ, милитаризмъ и конскрипція являются средствомъ для борьбы съ рабочими“. По мнѣнію Томаса, „принудительный билль является послѣдствіемъ заговора“, зародившагося въ редакціяхъ газетъ,

издаваемыхъ лордомъ Норсклиффомъ. „Необходимость принудительной мѣры не доказана. Цифры въ отчетѣ лорда Дерби подобраны такъ, чтобы удовлетворить конскрипцiонистовъ“. Томасъ настоятельно совѣтовалъ конгрессу высказаться противъ принудительнаго билля, являющагося только „первымъ шагомъ по наклонной и очень скользкой плоскости“.

Еще болѣе рѣшительно высказался противъ билля другой коммонеръ-рабочiй Эндерсонъ.Конгрессъ долженъ осудить билль, хотя бы это повело къ общимъ выборамъ и къ потерѣ рабочими всѣхъ мѣстъ въ парламентѣ. Лучше подобная возможность, чѣмъ измѣна тѣмъ, которые дали делегатамъ ихъ полномочiя. По мнѣнiю оратора, съ военной точки зрѣнiя въ конскрипцiи нѣтъ необходимости. Эндерсонъ подвергъ анализу цифры отчета лорда Дерби и доказывалъ, что онѣ лишены всякаго значенiя. Ораторъ указалъ дальше на то, что конскрипцiонисты не удовлетворятся принудительнымъ биллемъ. Когда этотъ законопроектъ пройдетъ, „газеты, издаваемыя безпокойнымъ лордомъ-журналистомъ, полагающимъ, что историческiя событiя происходятъ спецiально для его выгоды, начнутъ доказывать необходимость дальнѣйшихъ шаговъ по пути къ конскрипцiи. Эти газеты скажутъ, что нелѣпо вводить принудительную службу только для холостыхъ. И это правда. Кто слышалъ, чтобы законъ не касался женатыхъ? Если рабочiе примутъ сегодня обязательную военную службу, завтра пройдетъ законъ объ обязательной службѣ на заводахъ. „Промышленная конскрипцiя носится въ воздухѣ. Правительство еще больше желаетъ имѣть контроль надъ массами здѣсь, чѣмъ послать ихъ въ траншеи... Мы, рабочiе депутаты, не желали бы лишиться нашихъ мѣстъ въ парламентѣ,—закончилъ Эндерсонъ.—Но есть нѣчто горшее, чѣмъ потеря мѣста:—потеря души. Я буду бороться съ принудительнымъ биллемъ и въ парламентѣ, и внѣ стѣнъ его, не считаясь съ тѣмъ, какъ это отразится на моей политической карьерѣ“. Когда наступило голосованiе, то оказалось, что представители 1.998,000 трэдъ-юнiонистовъ высказались противъ принудительнаго билля, а представители 783.000 организованныхъ рабочихъ—за билль.

Читатели видѣли, что оппозицiя рабочихъ, стоящихъ за войну. противъ принудительнаго билля, въ значительной степени обусловливается не только вольнолюбивымъ духомъ англичанъ, но и тѣмъ глубокимъ недовѣрiемъ, которое трудящiяся массы питаютъ къ среднимъ классамъ. Мы видѣли, что массы боятся, какъ бы за временной мѣрой не послѣдовала *постоянная* (въ этомъ отношенiи они за одно съ радикалами) и какъ бы за военной конскрипцiей не послѣдовала промышленная. И вотъ, чтобы разсѣять эти опасенiя, Аскитъ пригласилъ на совѣщанiе парламентскую рабочую партiю. На этомъ совѣщанiи первый министръ торжественно обѣщалъ слѣдующее:

1) Принудительный законъ не будетъ распространенъ на женатыхъ;

2) Промышленной конскрипціи не будетъ; правительство внесетъ поправку въ билль, чтобы придать ему совершенно ясный характеръ;

3) Трибуналъ, предъ которымъ предстанутъ лица призывнаго возраста, добивающіяся освобожденія отъ военной службы, будетъ не военный, а гражданскій судъ. Такіе суды будутъ въ каждомъ округѣ. Состоять они будутъ изъ лицъ, „пользующихся довѣріемъ сосѣдей". Въ этихъ судахъ рабочіе тоже будутъ представлены;

4) Правительство готово принять всякія поправки, внесенныя коммонерами, дабы гарантировать лицамъ, которыя по религіознымъ убѣжденіямъ не могутъ носить оружія, освобожденіе отъ военной службы;

5) Даны всякія гарантіи, что билль будетъ дѣйствителенъ *только до конца войны*.

Обѣщанія Аскита удовлетворили рабочую партію и въ результатѣ министръ и два товарища министровъ рабочіе, подавшіе было въ отставку, взяли свое рѣшеніе обратно. Націоналисты тоже заявили, что больше не будутъ голосовать противъ билля. То обстоятельство, что вербовка по системѣ лорда Дерби снова открылась (и даетъ блестящіе результаты) доказываетъ, что правительство всѣми силами старается удержать добровольную систему.

Подозрительность трэдъ-юніоновъ однако еще не улеглась. Конгрессъ углекоповъ рѣшительно высказался противъ билля.

Читатели видятъ, что, хотя все населеніе Англіи настойчиво рѣшило довести войну до конца, т. е. до побѣды надъ Германіей, хотя оно готово нести всякія жертвы, для чего выставило *по доброй волѣ* громадную армію и обложило себя тяжелыми налогами,— оно мужественно отстаиваетъ права „прекрасной дамы". Въ парламентѣ и на конгрессахъ ея защитники не только восклицаютъ, что она прекраснѣе всѣхъ на свѣтѣ, но показали, что сумѣютъ защитить ее. И въ этомъ отношеніи англичане отличаются отъ Рыцаря Печальнаго Образа.

Діонео.

Дороговизна жизни и учащаяся молодежь

(По анкетѣ Петроградскихъ высшихъ женскихъ курсовъ).

„Мозгъ не работаетъ, потому что всегда хочу ѣсть“ *(изъ анкетнаго листка).*

Говорятъ, никогда въ витринахъ столичныхъ гастрономическихъ магазиновъ не было такого изобилія и такого разнообразія тонкихъ фруктовъ и всяческихъ деликатесовъ, какъ нынѣшнею зимою,—никогда не было такой роскоши брильянтовъ и жемчуговъ въ витринахъ петроградскихъ ювелировъ. Говорятъ, никогда Денисовъ-Уральскій не торговалъ такъ бойко своими, по большей части безвкусными, но всегда очень дорогими, издѣліями изъ уральскихъ камней. Говорятъ, никогда не возникало столько новыхъ иллюзіоновъ, аттракціоновъ и всяческихъ шато-кабаковъ, и никогда не посѣщались они такъ бойко, и не сыпалось въ нихъ столько шальныхъ денегъ. Никогда, кажется, не видѣлъ я такихъ хвостовъ автомобилей у подъѣзда Кюба и другихъ шикарныхъ ресторановъ,—тѣхъ, которымъ, для вящшей государственной пользы, разрѣшено торговать позднѣе установленнаго для простыхъ смертныхъ предѣльнаго часа...

Есть, значитъ, въ Петроградѣ и въ Россіи люди, которымъ живется хорошо и которые не страдаютъ отъ дороговизны и отъ недостатка продуктовъ...

Но кому худо, кому безнадежно тяжело живется въ настоящую тяжелую годину,—это учащейся молодежи. Она учится, въ подавляющемъ большинствѣ, на гроши, на крохи, которыя семьи учащихся отрываютъ отъ своего, и безъ того не обильнаго, бюджета, а то и просто на собственныя трудовыя средства, иногда—зарабатываемыя тутъ же, попутно съ ученьемъ, иногда—прикопленныя годами учительства или другого подобнаго же, столь же тяжелаго, столь же скудно оплачиваемаго, заработка. Какъ же на нихъ—на нашей учащейся молодежи—должна была отразиться современная дороговизна? какъ *на ней* должна была отразиться вся та созданная войною, дезорганизаціей снабженія, наплывомъ бѣженцевъ и пр. обстановка, среди которой и намъ, все же сносно обезпеченнымъ, приходится кряхтѣть и всячески сжиматься?...

Тутъ не можетъ быть двухъ отвѣтовъ. Только слѣпой или тотъ, кто видитъ жизнь лишь изъ оконъ своихъ банковъ и своихъ канцелярій или сквозь зеркальныя стекла своихъ автомобилей, не знаетъ о долгихъ дняхъ, а то и недѣляхъ, которые пріѣзжавшему или возвращавшемуся съ каникулъ студенчеству приходи-

лось бѣгать по улицамъ столицы въ поискахъ за какимъ-нибудь пристанищемъ; объ этихъ, и всегда голодныхъ, и всегда скверныхъ, а теперь уже окончательно скудныхъ и окончательно негодныхъ, обѣдахъ, на которыхъ студенчество наживаетъ катары, малокровіе и всяческія разстройства. А мы, ближе стоящіе къ учащейся молодежи, мы знаемъ о многихъ такихъ, кто изъ-за создавшихся въ Петроградѣ (и, конечно, не въ немъ одномъ) невозможныхъ условій жизни не рѣшился пріѣхать съ каникулъ; о многихъ такихъ, кто послѣ первыхъ же осеннихъ недѣль бросилъ ученіе и уѣхалъ, отчаявшись въ возможности дальнѣйшаго существованія въ столицѣ.

Но случайныя впечатлѣнія легко могутъ ввести въ обманъ. Оставалось мѣсто мысли, что, можетъ быть, все это единичные случаи—болѣе ими менѣе исключенія. Чтобы составить себѣ ясное представленіе о переживаемой нашею учащеюся молодежью дѣйствительности, нуженъ былъ *массовый* матеріалъ—нужны были статистическія данныя. И вотъ сложившаяся въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній Петрограда статистическая ячейка—статистическій семинарій высшихъ женскихъ курсовъ—рѣшился провести и въ самомъ дѣлѣ провелъ анкету, всецѣло приспособленную къ выясненію матеріальнаго положенія курсистокъ въ условіяхъ современнаго момента. Анкета эта дала около двухъ тысячъ годныхъ для разработки листковъ. Чрезвычайно быстро, приблизительно въ три недѣли, выполненный предварительный подсчетъ далъ рядъ цифръ, которыя позволяютъ прослѣдить измѣненія въ положеніи курсистокъ по сравненію даже съ прошлою осенью—осенью 1914 года; въ то же время есть возможность до извѣстной степени сравнить современныя условія существованія курсистокъ съ существовавшими шесть лѣтъ тому назадъ, въ 1909 году, какъ они были выяснены выполненною тогда статистическимъ семинаріемъ первою, болѣе широкою по захвату, анкетой. Съ главными результатами нашей анкеты, какъ они выяснены предварительною разработкой, я и намѣренъ познакомить читателя. Я не ограничусь однако анализомъ цифръ. Еще, пожалуй, краснорѣчивѣе, чѣмъ цифры,—это тѣ, частью предусмотрѣнныя программою, частью сверхпрограммныя замѣтки, которыми испещрены наши анкетные листки. Онѣ позволятъ намъ облечь въ плоть и въ кровь тотъ нѣсколько безжизненный скелетъ, заполнить яркими и жизненными красками тѣ нѣсколько схематическіе контуры, какіе мы могли бы сконструировать на основаніи однихъ цифровыхъ, чисто-статистическихъ сопоставленій.

Какъ же отразились современныя условія жизни въ столицѣ и, въ частности, условія нынѣшняго тяжелаго года на матеріальномъ положеніи курсистокъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ подсказывается уже апріорными соображеніями. По даннымъ нашей анкеты, средній бюджетъ слушательницы, безъ различія факультетовъ и курсовъ, опредѣлился въ 41 рубль. Шесть лѣтъ тому назадъ анкета 1909 года дала нѣсколько меньшую цифру—38 рублей. Однако и это, очень незначительное, повышеніе мѣсячнаго бюджета является въ значительной мѣрѣ фиктивнымъ: съ одной стороны, нельзя забывать о сотняхъ уѣхавшихъ курсистокъ, въ главной массѣ принадлежащихъ къ числу бѣднѣйшихъ; съ другой—мѣсячный бюджетъ показывался за октябрь и начало ноября, а между тѣмъ осенью, только что пріѣхавъ съ каникулъ, учащіяся часто могутъ тратить больше, чѣмъ въ послѣдующіе мѣсяцы. Если же принять въ соображеніе то и другое обстоятельство, то придется придти къ тому печальному заключенію, что общій уровень обезпеченности курсистокъ не повысился по сравненію съ 1909 годомъ, а если и повысился, то развѣ на какую-нибудь совсѣмъ ничтожную величину. Заключеніе, повторяю, печальное, потому что уже въ 1909 году изъ средняго 33-рублеваго бюджета почти двѣ трети—62%—затрачивалось на двѣ только первыя потребности—пищу и жилище. Какую же долю эти первыя потребности должны поглощать изъ оставшагося приблизительно такимъ же общаго денежнаго бюджета при теперешнихъ, въ полтора и въ два раза возросшихъ, цѣнахъ на комнаты и продукты?... Ужасающую: цѣлыхъ *восемьдесятъ* процентовъ. Восемьдесятъ процентовъ на одну только пищу съ жилищемъ... Но вѣдь курсисткѣ нужно не только пристанище и питаніе,—ей, какъ никакъ, нужно одѣться, нужна обувь, есть расходъ на стирку, баню, вообще на цѣлый рядъ другихъ, самыхъ элементарныхъ, нуждъ. Я уже не говорю о нуждахъ, такъ сказать, высшаго порядка, вродѣ покупки книгъ, хотя бы только учебныхъ, газетъ и т. п.; я уже не говорю о развлеченіяхъ, вродѣ театра, платныхъ лекцій и т. п.—„Неужели вы, товарищи,—писала еще одна изъ участницъ первой нашей анкеты, 1909 года, — не задавались вопросомъ, что приходится большинству изъ васъ жить не такъ, какъ мы хотимъ и хотѣли бы, а такъ, какъ мы можемъ? Театры, выставки, даже публичныя лекціи—вся эта область искусствъ и науки (за предѣлами курсовъ) для насъ недостижима, за недостаткомъ средствъ и времени". И это писалось тогда, когда, какъ никакъ, за оплатою жилища и пищи, все-таки еще оставалось больше трети мѣсячнаго бюджета. Что же *теперь*, когда, за оплатой своего пристанища и своего питанія, курсистка имѣетъ на все про все одну пятую—значитъ, *съ небольшимъ восемь рублей* на мѣсяцъ?

Но гдѣ ужь тутъ думать о театрахъ, музеяхъ и концертахъ!.. Не до жиру, быть бы живу. Посмотримъ же теперь, какъ и въ какихъ условіяхъ удовлетворяются хотя бы двѣ наиэлементарнѣйшія потребности — въ пристанищѣ и питаніи. Именно въ при-

станищѣ и питаніи, потому что о „жилищѣ“ и „пищѣ“, какъ читатель увидитъ, для большинства, вѣроятно, курсистокъ можно говорить лишь въ весьма условномъ смыслѣ.

Начнемъ съ жилища и посмотримъ, какъ измѣнился расходъ на эту первую потребность по сравненію, прежде всего, съ моментомъ нашей первой анкеты—1909 годомъ, а затѣмъ—измѣнились ли въ данномъ отношеніи и какъ условія за время, протекшее съ начала войны—съ осени 1914 года.

Какъ оказывается по даннымъ нашей новой анкеты, средній мѣсячный расходъ слушательницы по статьѣ „жилище“ составлялъ нынѣшнею осенью почти 15 рублей. Въ 1909 году средній расходъ на жилище не превышалъ 11,5 рублей—былъ, значитъ, почти на три съ полтиной меньше. Въ 1909 году 40% всѣхъ курсистокъ тратили на помѣщеніе не болѣе десяти рублей,—теперь такихъ втрое меньшій процентъ—14%; въ 1909 году болѣе 17 рублей въ мѣсяцъ платили всего 7,2%, по даннымъ нынѣшней анкеты—13,6% платятъ болѣе 20 рублей, въ томъ числѣ 4%—больше 25, а 0,5%—больше 35 рублей. Замѣтно повысился расходъ на помѣщеніе и по сравненію съ прошлымъ годомъ: осенью 1914 года средній расходъ на комнату не превышалъ все-таки 13, 2 руб.

Однако повышеніе цифръ расхода на помѣщеніе—конечно, очень ощутительное при оставшемся тѣмъ же или почти тѣмъ же общемъ денежномъ бюджетѣ — далеко не такъ велико, какъ можно было бы ожидать въ условіяхъ нынѣшняго тяжелаго года, при наличности несомнѣннаго квартирнаго и, особенно, комнатнаго „кризиса“, когда сколько-нибудь сносная комната стоитъ, какъ болѣе или менѣе всякому приходилось слыхать, не менѣе 30 — 35 рублей.

Конечно, расходъ и не могъ повыситься въ большей степени, разъ общій бюджетъ остался тотъ же и разъ вздорожали не только комнаты, а все. Курсистки не могли повысить своего расхода на жилище въ мѣру вздорожанія жилищъ,—имъ приходилось неизбѣжно идти по линіи наименьшаго сопротивленія—мириться съ еще худшими жилищными условіями, нежели онѣ мирились до тѣхъ поръ. Неизбѣжное и наступило: можно съ положительностью утверждать, что самыя жилищныя условія—то, что курсистка имѣетъ за свои повышенныя траты,—ухудшились въ еще гораздо большей пропорціи, нежели возросли самыя траты. Я оперирую въ данную минуту только еще съ данными предварительнаго подсчета нашей анкеты,—мы не подсчитали еще показаній, относящихся къ качественной характеристикѣ помѣщеній. Подсчитаны данныя пока лишь по одному вопросу: о числѣ курсистокъ, располагающихъ или, наоборотъ, не располагающихъ цѣлою комнатой. Увы!—даже этой скромной потребности можетъ удовлетворить лишь меньшинство курсистокъ. Вынужденное житье вдвоемъ и втроемъ въ одной комнатѣ было зауряднымъ дѣломъ и въ 1909 году; но тог-

да все-таки отдѣльною комнатой располагали 43%—болѣе двухъ пятыхъ всѣхъ курсистокъ; уже въ 1914 году отдѣльныя комнаты имѣли только 32,5%, треть; теперь въ отдѣльныхъ комнатахъ живетъ уже только 26%, съ небольшимъ четверть курсистокъ. Типичное „курсячье житье"—вдвоемъ въ одной комнатѣ: въ 1909 году такимъ образомъ жило 51%, въ 1915—63%. Но и на этомъ дѣло не останавливается. Уже въ 1909 году было насчитано 3,9% жившихъ по-трое. Въ 1914 году втроемъ жило уже 6%, нынѣшнею осенью живетъ уже 11% всѣхъ участницъ нашей анкеты, да пришлось внести еще особую рубрику, которой жизнь въ 1909 году еще не подсказывала: „болѣе чѣмъ втроемъ". Оказались даже живущія всемеромъ въ одной комнатѣ; правда—въ три окна...

Какъ я сказалъ, мы еще не подсчитали показаній, относящихся къ качественной характеристикѣ помѣщеній—отвѣтовъ на вопросъ о „недостаткахъ" комнатъ. Я сейчасъ могу привести только нѣсколько типичныхъ характеристикъ—типичныхъ если не для большинства, то, во всякомъ случаѣ, для очень и очень большого числа комнатъ. А вѣрнѣе всего и, въ самомъ дѣлѣ, для большинства.

Чаще всего, повидимому, отмѣчаемый недостатокъ—это холодъ, холодъ то отъ самой, такъ сказать, природы помѣщенія, то отъ скудной топки: „очень холодно; отъ 8 до 10 град. тепла"; „очень холодно, сыровато"; „холодно, всюду дуетъ"; „холодно, когда топятъ—угарно"; и на оборотѣ: „топятъ разъ въ недѣлю, и то очень скупо, печь почти не нагрѣвается; опасаюсь сырости; уже болятъ суставы",—это, замѣтьте, пишетъ „счастливица" съ бюджетомъ около 100 рублей; „холодно (мало топятъ),—а такъ комната хорошая; было бы тепло, еслибы лучше топили"; „заниматься невозможно у себя дома и приходится уходить, такъ какъ очень холодно и холодный полъ". Другой, не менѣе обычный недостатокъ, о которомъ заявляютъ то вмѣстѣ съ холодомъ, то отдѣльно,—сырость, вмѣстѣ съ ней нерѣдко дурной воздухъ, а то и просто вонь: „сыро, холодно и дымно, такъ какъ во дворѣ кузнечная мастерская, нельзя открывать форточки"; „сыро"; „сыро, холодно". Весьма обычно—недостатокъ свѣта: „темно, холодно,—окно выходитъ на черную лѣстницу"; „холодно, шумно, *темно*"—подчеркиваетъ курсистка и т. д. А то—цѣлые букеты „недостатковъ": „холодно, грязно ужасно и шумно"; „холодно, сыро, темно, шумно" и т. д.

Конечно, студенческія комнаты никогда не отличались, въ массѣ, особыми удобствами, но въ нашихъ листкахъ есть прямыя указанія на рѣзкое ухудшеніе помѣщенія именно въ нынѣшнемъ тяжеломъ году—значитъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ „комнатнаго кризиса". „Прошлые годы жить было лучше и дешевле"; „устроиться въ этомъ году хорошо невозможно,—невозможно найти приличную комнату, все берется съ бою, даже углы".

Все берется съ бою... Вотъ формула современнаго „комнатнаго"

кризиса. И такъ какъ все берется съ бою, то и сдается, сплошь и рядомъ, такое, чего еще въ прошедшемъ году никому не приходило въ голову сдавать. Курсистка беретъ голыя стѣны и—если позволителенъ этотъ терминъ—меблируетъ ихъ: „на меблировку въ этомъ году потрачено шесть рублей (на пріобрѣтеніе одной кровати)—остальную мебель взяла у знакомыхъ“; „мебель стоила 10 рублей“; еще одна истратила на „меблировку“ даже три съ полтиной. Можно себѣ представить, что это за „меблировка“... Не всегда многимъ она лучше и тогда, когда комнаты сдаются съ „мебелью“. Объ удобствахъ, какомъ-нибудь комфортѣ, малѣйшей уютности, нечего ужь и думать. Попадается такая „обстановка“: „дана одна кровать—вмѣсто второй—корзины“ (sic); или такая: „спать приходится на диванѣ, который имѣетъ въ длину 1³/₄ аршина“...

Не лучше, сплошь и рядомъ, а то и много хуже, то, что можно назвать „моральною“ обстановкой,—то, отъ чего курсистки, сплошь и рядомъ, убѣгаютъ изъ дому на цѣлый день, то, изъ-за чего онѣ располагаются учиться въ зданіи курсовъ на подоконникахъ, на ступенькахъ лѣстницъ, въ полутемныхъ коридорахъ. Еще полбѣды, когда „въ сосѣдней комнатѣ и vis-a-vis два ребенка—одному 4 мѣс., другому полтора года, мѣшаютъ работать“; или когда въ числѣ „недостатковъ“ комнаты, наряду съ холодомъ и стѣной перваго этажа, отмѣчается „5 дѣтей у хозяйки“. А вотъ, когда хозяйка „съ четырьмя дѣтьми, которыхъ она постоянно бьетъ—крикъ дѣтей и брань матери слышны цѣлый день“; когда „за стѣной съ дверью супруги, которые ссорятся и отравляютъ существованіе, а за другой стѣной, на кухнѣ, хозяинъ-алкоголикъ, съ которымъ ссорится его жена“; когда „у хозяевъ живетъ вороватый родственникъ, отъ котораго рекомендуютъ запирать комнату“...

А вѣдь какія мытарства приходится продѣлывать курсисткамъ и, конечно, вообще учащейся молодежи, при современномъ „комнатномъ“ кризисѣ, чтобы заполучить эти холодныя, сырыя, темныя, шумныя комнаты, гдѣ нельзя заниматься и нельзя сосредоточиться; бывали случаи, что пріѣхавшія съ каникулъ курсистки по недѣлѣ и по двѣ не могли найти себѣ пристанища, а по два, по три, по четыре дня—это сколько угодно. Ночевали во время поисковъ — счастливыя у знакомыхъ, у подругъ, а то у прежнихъ квартирныхъ хозяекъ. Другія, кому не подвернулось такой счастливой оказіи,—кто „въ третьемъ классѣ вокзала“, кто „у старой хозяйки въ ванной“; или „первую ночь пробродила по улицамъ, а остальныя двѣ у прежней хозяйки“; „двѣ ночи провела у знакомыхъ, а третью провела на улицѣ“; кто... просто въ ночлежномъ домѣ. Потому что при нашихъ русскихъ нравахъ, да еще не зная хорошо столицы, не всякая дѣвушка, даже если есть деньги, рѣшится искать пріюта въ гостиницахъ или „номерахъ“. Но и у счастливицъ,

находившихъ временное пристанище у подругъ, не всегда обходилось безъ весьма непріятныхъ осложненій. Одна изъ курсистокъ въ особо подшитой къ анкетному листку тетрадкѣ разсказываетъ цѣлую эпопею о томъ, какъ у нея, по очереди, пріютилась сначала одна, потомъ другая, потомъ третья подруга, и какъ ихъ всѣхъ въ концѣ концовъ „выставили“ на улицу.

Естественно, что получается при такихъ условіяхъ. Бывали, говорятъ, случаи, что курсистки прямо-таки уѣзжали домой, отчаявшись найти себѣ пристанище. Другія, съ отчаянія, снимаютъ комнаты себѣ не по средствамъ; третьи селятся Богъ знаетъ въ какихъ трущобахъ, и приходится по нѣскольку разъ мѣнять комнату.

Впрочемъ, мѣнять комнаты приходится и по другимъ причинамъ,—иной разъ противъ своей воли: „сняла комнату за 20 рублей, но тутъ же набавили и мнѣ вернули задатокъ; черезъ 4 дня сняла за 25 р., но она оказалась сырою, и, когда я сказала, что комната сырая, надо топить, сейчасъ же вывѣсили билетикъ, не давъ срока, чтобы найти другую; затѣмъ сняла за 20 рублей, но, когда привезла вещи, сказали, что жилецъ не хочетъ уѣзжать; и ужъ черезъ недѣлю сняла эту, зная, что будетъ холодная и сырая, —уже чувствую недомоганіе. Неужели—спрашиваетъ себя курсистка,—неужели это будетъ продолжаться и дальше?“...

Отношеніе квартирныхъ хозяекъ къ жилицамъ (конечно, и къ жильцамъ)—„это отношеніе побѣдителя къ побѣжденнымъ“; хозяева и хозяйки „абсолютно не желаютъ считаться съ квартирантками и держатъ себя такъ, что, молъ, немногое потеряемъ, если вы оставите комнату,—приходится мириться съ шумомъ и грязью, потому что некуда дѣваться“. А разъ „некуда дѣваться“, то, естественно, курсистка „чувствуетъ себя во власти“ квартирной хозяйки, а хозяйка, пользуясь безвыходнымъ положеніемъ жилички, „позволяетъ себѣ командовать“; можетъ позволить себѣ „втеченіе полутора мѣсяцевъ нѣсколько разъ ставить новыя стѣснительныя условія, на которыя приходится соглашаться“ — опять-таки, „такъ какъ другую комнату найти невозможно“; что „берутъ, кто сколько можетъ, пользуясь безвыходнымъ положеніемъ учащихся“; а то и просто предлагаютъ выѣхать по неизвѣстной причинѣ. „Нельзя ли—пишетъ по этому поводу курсистка,—нельзя ли поднять вопросъ о борьбѣ съ полнѣйшимъ произволомъ квартирохозяевъ? Насъ среди семестра отрываютъ отъ занятій и выбрасываютъ на улицу“...

Этотъ вопросъ о „борьбѣ съ полнѣйшимъ произволомъ“ квартирныхъ хозяевъ и хозяекъ—одинъ изъ тѣхъ, которые наиболѣе волнуютъ курсистокъ. Иногда весь ужасъ, вся безвыходность положенія находятъ себѣ выраженіе въ нѣсколько наивныхъ предложеніяхъ, вродѣ: „Предлагаю завести на курсахъ черную книгу для квартирохозяевъ“...

Иногда предлагаются и другія, менѣе наивныя, мѣры: „Жела-

тельна была бы такса или во всякомъ случаѣ хоть какое-нибудь ограниченіе цѣнъ на комнаты", — пишетъ одна; „нельзя ли позаботиться о томъ,—пишетъ другая—чтобы не запрашивали такія громадныя деньги за комнаты". „Городъ—пишетъ третья—озабоченъ введеніемъ таксы на квартиры. Слѣдовало бы обратить вниманіе и на комнатныхъ жильцовъ, какова учащаяся молодежь; необходимо оградить ихъ интересы, а то произволъ хозяекъ можетъ быть доведенъ до крайнихъ предѣловъ. Необходимо установить таксу хотя бы на комнаты въ тѣхъ районахъ, гдѣ помѣщается большинство учебныхъ заведеній"...

Я не знаю, признаться, можно ли чего достигнуть таксами... Мнѣ думается, что нужны болѣе коренныя, такъ сказать, созидательныя мѣры; а безъ нихъ, однѣми таксами, можно, пожалуй, только обострить положеніе.

Теперь вторая насущная потребность—пища.

Прежде всего—цифры. Въ 1909 году средняя курсистка затрачивала на свое питаніе въ мѣсяцъ 12,2 рубля; въ 1914 году средній мѣсячный расходъ на пищу выразился уже 15,2 рублями, осенью 1915 года онъ достигъ 17,8—почти восемнадцати рублей. По сравненію съ возросшею стоимостью продуктовъ, расходъ на пищу повысился сравнительно мало—опять-таки потому, что изъ сорокарублеваго средняго мѣсячнаго бюджета нельзя было выкроить больше: и то, напомню, пища и жилище поглощаютъ сейчасъ 80% этого средняго бюджета. И отсюда опять-таки неизбѣжный выводъ: вздорожаніе продуктовъ, какъ и вздорожаніе жилищъ, должно было еще сильнѣе отразиться на самомъ питаніи курсистки, нежели на цифрахъ расхода на пищу: расходуя больше, курсистка должна питаться значительно хуже,—уровень питанія долженъ былъ понизиться въ еще большей степени, нежели повысился расходъ на пищу.

И въ самомъ дѣлѣ. Возьмемъ самую элементарную потребность: ежедневный обѣдъ. Нашему студенчеству, или точнѣе—бѣднѣйшей его части, эта роскошь и въ нормальное время была не всегда доступна. Уже по даннымъ нашей анкеты 1909 года около одной восьмой части курсистокъ—12,7%, *не* имѣли ежедневнаго обѣда. Въ настоящее время процентъ не имѣющихъ ежедневнаго обѣда возросъ уже до тридцати. 20,4% опрошенныхъ слушательницъ обѣдали за послѣднюю недѣлю отъ четырехъ до шести разъ, 0,9%, т. е. 18 человѣкъ, одинъ разъ, 0, 7%, или 13 человѣкъ—*ни разу*. „На курсахъ обѣдаю,—пишетъ одна, не обѣдавшая уже восемь дней,—если есть время и деньги; если некогда, тоже не обѣдаю, такъ какъ въ другихъ столовыхъ дорого, а на курсы нѣтъ времени сбѣгать"; и питается она такъ: „ѣмъ черный хлѣбъ, масло и иногда яйца, пью много чаю. Обѣдаю не больше какъ на 13 копеекъ, и это бываетъ разъ, два раза въ мѣсяцъ, а вообще обѣдаю

на 9 копеекъ". Обѣдала за недѣлю „два раза,—пишетъ другая—пробавляюсь чаемъ; горячаго давно не ѣмъ; самый худой обѣдъ—и то 30 к., что въ мѣсяцъ составляетъ 9 р.; а гдѣ ихъ взять? Собственно не обѣдъ, а холодная закуска". „Первые полтора мѣсяца нигдѣ не обѣдала,—пишетъ третья—питаюсь исключительно картофелемъ и чаемъ, послѣднія же три недѣли—счастливая!—имѣю безплатные обѣды въ вегетаріанской столовой"...

Въ полтора почти раза, по сравненію съ 1909 годомъ, возросла и средняя, вычисленная нами по записямъ въ нашихъ анкетныхъ листкахъ, стоимость обѣда—почти въ той же пропорціи, какъ и общій мѣсячный расходъ на столъ. Въ 1909 году курсистка тратила на обѣдъ, въ среднемъ, 22,6 копеекъ; въ 1914 году уже 27, нынѣшнею осенью—31 копейку. Въ 1909 году 17% затрачивали на обѣдъ не болѣе 15 копеекъ;—нынѣшнею осенью процентъ затрачивающихъ не болѣе 15 копѣекъ не превышаетъ 8,2%, въ томъ числѣ 1.5% затрачиваетъ—на обѣдъ!—не свыше десяти копеекъ; обѣдомъ стоимостью отъ 15 до 20 копеекъ довольствовалось въ 1909 году 32%, нынѣшнею осенью уже только 16%, такимъ образомъ въ 1909 году ровно половина курсистокъ могла обойтись расходомъ на обѣдъ не свыше 20 копеекъ, нынѣшнею осенью—менѣе одной четверти. И наоборотъ: свыше тридцати копеекъ затрачивало на обѣдъ въ 1909 году всего 20%, нынѣшнею осенью—уже 44%.

Денежныя затраты и на все вообще питаніе, и въ частности на обѣдъ, повысились—повторяю—приблизительно въ полтора раза, унося, вмѣстѣ съ платою за помѣщеніе, значительно большую долю скуднаго бюджета курсистки,—но повысились въ меньшей пропорціи, чѣмъ цѣны на продукты, а потому значительно повышенный расходъ сопровождается значительно пониженнымъ питаніемъ. Питаніе рѣзко ухудшилось по сравненію даже съ 1914-мъ, тоже уже достаточно тяжелымъ годомъ. Мы это предвидѣли и потому включили въ нашу анкету особый вопросъ: „питаетесь, въ общемъ, хуже прошлаго года, или нѣтъ?". Почти три четверти участницъ нашей анкеты—70%—отвѣтили, что „хуже", въ частности 14,6%—что „гораздо хуже". Только ничтожное меньшинство—о которомъ ниже—оказалось питающимся „лучше", и меньшинство же—22%—осталось, приблизительно, при прошлогоднемъ, тоже достаточно жалкомъ, уровнѣ питанія. Современная дороговизна отразилась на питаніи съ двухъ сторонъ: съ одной—на обѣдахъ, съ другой—на дополнительномъ питаніи. И трудно сказать, на чемъ сильнѣе. Обѣды—„стали вдвое дороже, и, не смотря на это, они стали вдвое хуже, и меньше стали давать"; „главной ѣдой является теперь хлѣбъ, такъ какъ по приходѣ изъ столовой снова хочется ѣсть;" „приходится больше питаться хлѣбомъ и не всегда ѣсть первое—горячее"—и это, замѣтьте, пишетъ курсистка, показавшая себя „обѣдающею" каждый день!... Еще болѣе горькія жалобы на качество обѣдовъ. „Не сытно,—*очень* неудобоваримая (пища), не пи-

тательна"; „постоянныя котлеты такъ опротивѣли, что глотаешь, стараясь не замѣчать, что ѣшь;" „препротивныя щи, которыя стараешься скорѣй проглотить, чтобы не разобрать вкуса и не видѣть ихъ";—вообще „всегда было невкусно, но то, что въ этомъ году творится въ этой области, богатѣйшая фантазія не могла бы нарисовать"...

И, вотъ, немало такихъ курсистокъ, которыя, даже имѣя деньги на обѣдъ, предпочитаютъ вовсе не обѣдать, а питаться кое-чѣмъ или обѣдать рѣже, но за то сноснѣе, затрачивая на обѣдъ нѣсколько большую сумму. „Вообще предпочитаю,—пишетъ одна,—обѣдать только 3-4 раза въ недѣлю, но за то питаться основательно (35-40 к.), остальные дни голодать"; „такъ какъ въ столовыхъ—пишетъ другая—за ту цѣну, которую я могу тратить на обѣдъ, даютъ нѣчто рвотное, то предпочитаю съѣсть дома что-нибудь, хотя бы пару яицъ и стаканъ кофе"; или еще: „вообще надоѣли столовыя,—часто (треть мѣсяца) обѣдаю дома въ сухомятку"...

Съѣсть дома „что-нибудь"... Но вѣдь это „что-нибудь", въ дополненіе ли къ обѣду или взамѣнъ его, надо все-таки достать. А не угодно ли доставать при теперешнихъ цѣнахъ и при теперешнемъ, просто, отсутствіи продуктовъ. „Въ общемъ питаніе ухудшилось въ томъ смыслѣ, что чай пью съ молокомъ и булкой; масло и сыръ нынче отсутствуютъ"; „въ прошлые годы я всегда покупала къ утреннему чаю и къ вечернему что-либо, кромѣ булокъ: яйца, масло, консервы, а въ этомъ году покупаю только булки"; „въ виду дороговизны молочныхъ продуктовъ часто приходится питаться пустой булкой недѣлями—прошлую осень этого дѣлать не приходилось"; „утромъ и вечеромъ чувствуешь недостатокъ питанія, ибо вслѣдствіе дороговизны продуктовъ, кромѣ булокъ, часто ничего не покупаешь". А кто и можетъ позволить себѣ роскошь, вродѣ масла, колбасы или сахара, тотъ долженъ преодолѣвать... хвосты. „Все такъ дорого, такъ трудно достать. Если просижу на курсахъ до пяти часовъ, то часто остаюсь безъ булокъ; 5 дней не имѣла сахару, пока не получила изъ дому, изъ Курской губерніи"... „Живя на 23 линіи, никогда нельзя достать бѣлаго хлѣба,—приходится ѣсть сѣрый, сырой, очень дурного качества; масла нѣтъ"; „вѣчныя заботы о томъ, гдѣ достать хлѣба, булокъ, сахару, и эти несносные хвосты гнетущимъ образомъ ложатся на душу, отнимаютъ время и силы"...

Послѣдствія охарактеризованныхъ въ приведенныхъ выдержкахъ условій питанія понятны. Прежде всего, самое непосредственное послѣдствіе — у кого періодическое, у кого хроническое постоянное голоданіе. „Всегда голодна",—пишетъ одна; „по существу чувствуешь себя всегда голодной"—пишетъ другая,—сейчасъ же „по приходѣ изъ столовой хочется ѣсть"; „въ прошломъ году, при томъ же бюджетѣ, я имѣла гораздо лучшій обѣдъ и всегда бывала сыта, теперь же никогда не бываю сыта"; „не голодна только во

снѣ",—пишетъ рядъ другихъ. „Всегда хочется ѣсть,—пишетъ еще одна; и—видимо—человѣкъ, привыкшій остерегаться поспѣшныхъ сообщеній, она прибавляетъ: „раньше я думала, что только одна обладаю такимъ аппетитомъ, но, разспрашивая курсистокъ, вижу, что почти всѣ всегда голодны"...

Тяжело подумать о томъ, какъ такія условія должны отражаться и на психикѣ учащейся молодежи. Пріѣхали за хлѣбомъ духовнымъ—и приходится столько силъ и энергіи отдавать заботамъ о хлѣбѣ насущномъ, хочется мыслить, работать—а приходится думать о маслѣ, сахарѣ, голодномъ обѣдѣ. „Я первокурсница,—пишетъ одна, очевидно, совсѣмъ дѣвочка,—пріѣхала учиться и никогда не думала о ѣдѣ; и потому мнѣ очень страннымъ и печальнымъ кажется, что намъ очень много приходится удѣлять мыслямъ о пищѣ"...

И добро бы это недоѣданіе и голоданіе, эти неотвязныя мысли о пищѣ тяжкимъ гнетомъ лежали на однѣхъ только бѣднѣйшихъ. Нѣтъ — немногимъ лучше положеніе и прилично, даже хорошо, обезпеченныхъ. „Я имѣю 50 рублей,—пишетъ одна:—благополучіе, и то приходится туго; и обѣдъ вегетаріанскій, и чай безъ всякой закуски. Но что же съ тѣми нашими товарищами, что имѣютъ 14-20 рублей всего—что же съ ними?" Другая имѣетъ—какъ никакъ—65 рублей въ мѣсяцъ, и однако „за время пребыванія на курсахъ получила малокровіе и болѣзнь желудка." А вотъ третья—она принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ счастливицамъ, которыя имѣютъ хорошій заработокъ (около 100 рублей въ мѣсяцъ),—и все же „мерзнетъ дома и на улицѣ, наживаетъ ревматизмъ, бѣгаетъ полдня полуголодная; всегда озабочена тѣмъ, гдѣ бы достать денегъ на самое необходимое; не въ состояніи купить всѣхъ нужныхъ для занятій книгъ, никогда не ходитъ въ театръ", вообще ведетъ то же или почти то же полуголодное и холодное существованіе, что и ея менѣе „счастливыя" товарки.

Любопытно и знаменательно, что курсистки, проведшія на курсахъ нѣсколько лѣтъ, расходуютъ на свои первыя потребности—столъ и особенно жилище—не меньшую, какъ можно было бы ожидать, а большую часть своего бюджета, чѣмъ новенькія—первокурсницы. Расходъ на пищу поглощаетъ у „новенькихъ" 43,6%, у старшихъ 47,9%; расходъ на жилище—35 и 39%; обѣ эти статьи вмѣстѣ, значитъ, составляютъ у „новенькихъ" 78,6, у старшихъ 86,7% мѣсячнаго бюджета. И все это притомъ, что старшія курсистки, успѣвшія оріентироваться въ условіяхъ столичной жизни, заручиться кой-какими связями, при данномъ уровнѣ расходовъ устраиваются лучше, чѣмъ вновь пріѣхавшія въ столицу. Въ чемъ же тутъ дѣло?

Вотъ нѣсколько „особыхъ замѣчаній," которыя наводятъ насъ на правильный отвѣтъ: „Питаюсь въ этомъ году лучше, чѣмъ въ прошломъ, потому что была больна"; „до 16 октября питалась

гораздо хуже (прошлаго года) и количествомъ, и качествомъ; послѣ воспаленія слѣпой кишки, по словамъ доктора, вслѣдствіе обѣдовъ въ различныхъ столовыхъ, стала обѣдать въ одной столовой безъ вывѣски, платя за столъ 45 копеекъ"; питаюсь „лучше, такъ какъ послѣ лѣтней болѣзни боюсь не выдержать до весны"; „питаюсь лучше по сравненію съ прошлымъ годомъ только потому, что боюсь смерти; беру въ долгъ, но хочу поддержать свой организмъ"... А вотъ и еще яснѣе: „организмъ у меня очень расшатанъ и потому приходится экономить на чемъ угодно, только не на пищѣ"...

А у кого организмъ еще и не расшатанъ,—тѣ слишкомъ много видѣли примѣровъ заболѣваній отъ недоѣданія и отъ „недостатковъ" комнатъ, слишкомъ много товарищей на ихъ глазахъ расшатало свое здоровье; съ нихъ уже сошелъ молодой задоръ, побуждающій „новенькихъ" экономить на питаніи, чтобы лишній разъ попасть въ театръ или купить книжку. И онѣ начинаютъ экономить, въ самомъ дѣлѣ, на всемъ, лишь бы какъ-нибудь поддержать свой организмъ и дотянуть свое ученье до конца, а для этого—устроиться въ сносной комнатѣ и въ мыслимой степени улучшить свое питаніе. До извѣстной степени онѣ этого и достигаютъ, причемъ немалую помощь имъ оказываетъ, конечно, ужь упомянутое, пріобрѣтаемое съ годами, умѣнье устраиваться.

Въ то время, какъ изъ „новенькихъ" цѣлою комнатой располагаютъ всего 20,5%, изъ старшихъ, какъ никакъ, 45%; втроемъ и больше, чѣмъ втроемъ, живутъ въ одной комнатѣ изъ „новенькихъ" 14, изъ старшихъ уже только 6,4%.

Приблизительно то же говорятъ наши цифры и о питаніи. Средній мѣсячный расходъ на пищу у первогодницъ 17,6, у старшихъ 20,1 р.; средняя цѣна обѣда 31 и 35 коп. Ежедневно обѣдаетъ изъ „новенькихъ" 63, изъ старшихъ 77%; процентъ обѣдавшихъ за послѣднюю недѣлю менѣе четырехъ разъ—10,4, и 5,2%, вовсе не обѣдали втеченіе цѣлой недѣли 1,4% новенькихъ и—все-таки 0,5% старшей группы.

Такимъ образомъ старшимъ курсисткамъ удается нѣсколько (очень немного, конечно) улучшить свое питаніе ис вои жилищныя условія, но онѣ вынуждены для этого затрачивать на эти двѣ основныя потребности уже не восемьдесятъ, а 86,7%—уже не четыре пятыхъ, а болѣе шести седьмыхъ своего сорокадвухрублеваго средняго мѣсячнаго бюджета, и на все остальное, включая, значитъ, такія, тоже достаточно элементарныя, потребности, какъ стирка, баня, ремонтъ обуви, трамвай и пр., имъ остается на цѣлый мѣсяцъ лишь по пять рублей пятьдесятъ семь копѣекъ... Едва ли нужно говорить, какъ это мало...

Приведу теперь нѣсколько, такъ сказать, резюмирующихъ характеристикъ, заимствуя ихъ изъ „особыхъ замѣчаній" нашихъ

анкетныхъ листковъ. Иныя изъ нихъ совсѣмъ краткія: „такая стала дороговизна, что собралась совсѣмъ уѣзжать изъ Петрограда, еслибы не получила заработка“; или, „жить стало скверно, гадко...—раньше было и лучше, и дешевле“. Другія нѣсколько болѣе мотивированныя: „проживаю 40—45 рублей въ мѣсяцъ, но комната скверная, пища скверная, и въ результатѣ больной желудокъ и разстроенные нервы, такъ какъ при всѣхъ этихъ условіяхъ работа идетъ далеко не такъ, какъ хотѣлось“; или „жить очень тяжело въ такихъ условіяхъ; въ 1912 году касса взаимопомощи очень помогала и поддерживала существованіе; чувствовала себя бодро и всегда была сыта и производительно занималась, а теперь нѣтъ силъ окончить курсъ: ѣсть очень хочется, а дорого“.

Какъ же отражается все это,—какъ *должно* отражаться,—прежде всего, на здоровьѣ курсистки?

Такого вопроса не было въ анкетномъ листкѣ, но и безъ прямого отвѣта мы имѣемъ достаточно указаній на то, какъ эти „новыя условія“ отражаются на здоровьѣ курсистки: впрочемъ не только „эти новыя“,—но и вообще, даже обычныя условія существованія курсистки въ нашей столицѣ: наши анкетные листки, можно сказать, испещрены сверхпрограмными замѣчаніями на эту тему. Тутъ и холодныя, сырыя и вонючія квартиры: „благодаря сырой и холодной (комнатѣ), все время болѣю (лихорадка)“; „въ комнатѣ до того холодно, что приходится постоянно сидѣть въ пальто, у меня уже что-то вродѣ катарра горла, исключительно вслѣдствіе чрезмѣрно холодной комнаты“; „топятъ разъ въ недѣлю и то очень скупо... опасаюсь сырости: уже болятъ суставы“. Тутъ и недостатокъ теплой одежды, и плохая обувь: „теплой одежды нѣтъ и купить не на что, такъ что простуживаюсь по нѣскольку разъ зимой“. И при недостаткѣ теплой одежды и обуви—„эти ужасные хвосты“ за сахаромъ, за ситнымъ и за масломъ, и эти поиски комнатъ, и эти длинныя путешествія на курсы изъ всяческихъ далекихъ окраинъ города: „приходится долгое время стоять на улицѣ въ очереди за ситнымъ и сахаромъ, въ результатѣ чего я простудилась въ неважной обуви“; или: „2¹/₂ мѣсяца лежала въ больницѣ, гдѣ лечилась отъ тифа, полученнаго во время поисковъ комнаты“. Но главное все-таки это — скудное, неправильное и недоброкачественное питаніе. Вызванныя плохимъ питаніемъ острыя заболѣванія или,—что чаще—хроническія желудочныя заболѣванія и разстройства: „имѣю катарръ, который не даетъ мнѣ возможности ѣсть, что попало, и причиняетъ сильныя боли; лечиться не на что...“; „острый катарръ желудка, нажитый за эти два года, вынудилъ готовить дома, хотя это и отнимаетъ много времени“; „пища здѣсь до того скверна, что съ тѣхъ поръ, какъ я пріѣхала, я страдаю разстройствомъ желудка, такъ что уже ничего ѣсть не могу и на лекарства потратила больше 2 рублей“. А то и просто общее истощеніе и ослабленіе организма: „при современной дороговизнѣ приходится плохо питаться, поэтому за

одинъ мѣсяцъ чувствуешь страшное ослабленіе организма"; „неудобоваримая пища развиваетъ малокровіе, и приходится часто принимать лекарство"; „часто не обѣдаю, утромъ нѣтъ булокъ и сахару,—вслѣдствіе этого страдаю малокровіемъ отъ недоѣданія"; „полтора мѣсяца въ Петроградѣ—и уже малокровіе налицо". „За мѣсяцъ потеряла въ вѣсѣ пять фунтовъ",—вообще „жить ужасно трудно,—недостаточность питанія отражается на здоровьѣ".

Не менѣе пагубно вліяніе всей этой матеріальной обстановки, въ особенности, какъ оно обострилось теперь, на психику—во всякомъ случаѣ—многихъ изъ учащейся молодежи. Но прежде, чѣмъ говорить объ этомъ, коснемся еще одной стороны быта курситокъ, освѣщенной нашей анкетою,—вопроса о заработкѣ.

Само собою ясно, какъ здѣсь должны были повлiять условія послѣднихъ лѣтъ и въ особенности, конечно, нынѣшняго года. Бюджетъ курситски не увеличился или увеличился ничтожно; всѣ расходы, въ особенности наиболѣе насущные, возросли неимовѣрно; значитъ, надо добывать денегъ, во что бы то ни стало. Откуда же добывать? единственный источникъ—заработокъ. И, вотъ, еще въ прошломъ году нуждались въ заработкѣ, по даннымъ нашей анкеты, всего 33,1%,—въ нынѣшнемъ году въ заработкѣ нуждается 53,4%. Притомъ въ заработкѣ одинаково нуждаются и бѣднѣйшія изъ курсистокъ—физико-математички, и сравнительно лучше обезпеченныя—юристки; нѣсколько уменьшается процентъ нуждающихся въ заработкѣ или, точнѣе,—ищущихъ заработка среди старшихъ курсистокъ,—но это по особой причинѣ, о которой я скажу немного дальше. И когда мы разработаемъ данныя о заработкѣ въ связи съ общимъ размѣромъ мѣсячнаго бюджета, мы, по всей вѣроятности, увидимъ, что даже и сравнительно большой бюджетъ не освобождаетъ очень многихъ изъ учащихся отъ необходимости искать дополнительнаго заработка.

Но искать—это одно. Найти—совсѣмъ другое. Процентъ имѣющихъ болѣе или менѣе устойчивый заработокъ не превышаетъ 7,4%, и даже среди старшихъ курсистокъ, съ ихъ уже большимъ умѣньемъ устраиваться, съ ихъ пріобрѣтенными въ столицѣ связями, такихъ „счастливицъ" съ небольшимъ 10 процентовъ. „Приходится отказывать себѣ во многомъ, голодать, или залѣзать въ долги,—пишетъ курсистка—такъ какъ устроиться какъ-нибудь, получить заработокъ совершенно невозможно". „Надежды на заработокъ нѣтъ никакой: ищу втеченіе двухъ мѣсяцевъ — никуда кандидаткой даже не зачисляютъ". Какой ни на есть заработокъ получаютъ или квалифицированныя работницы, вродѣ химичекъ, статистичекъ и т. п., или у кого протекція: „не имѣя знакомства, протекціи, заработокъ найти невозможно", особенно еще и потому, что „все заполняется бѣженцами"; „службы искала и въ прошломъ году, и въ этомъ тоже; вездѣ говорятъ—нужна протекція, а гдѣ ее возьмешь"? „Необходимо организовать общественную

помощь для прiисканiя работы: такъ больно имѣть сильныя руки живыя способности, голодный желудокъ и желанiе работать—и не имѣть къ чему приложить свой трудъ для поддержанiя сносной жизни"...

Въ концѣ концовъ—„счастливицъ", имѣющихъ болѣе или менѣе прочный заработокъ, какъ я сказалъ, 7,4% всѣхъ нуждающихся въ заработкѣ. „Счастливицъ",—такъ нѣкоторыя изъ нихъ аттестуютъ себя сами: все-таки—„счастье", если есть, что ѣсть, когда другимъ и ѣсть нечего. Но какою цѣною достается это счастье? „Заработокъ мой—пишетъ одна курситска—достается непосильнымъ трудомъ, приходится быть или съ 9 часовъ утра до 8 вечера, или съ 8 вечера всю ночь до 6 часовъ утра, работа на заводѣ"; „не знаю, хватитъ ли силъ кончить курсы,—пишетъ другая:—ни одно лѣто не имѣла отдыха,—служба и уроки съ утра до вечера; заработка хватаетъ только до Рождества, а тамъ приходится просить въ долгъ". И при этомъ главное—разъ рѣчь идетъ объ учащихся, о курсисткахъ: „въ анкетѣ—упрекаетъ насъ одна изъ участницъ анкеты—совершенно упущенъ вопросъ, сколько времени курсистка, имѣющая заработокъ, можетъ удѣлить занятiямъ на курсахъ". Нѣкоторый отвѣтъ на этотъ вопросъ—впрочемъ, самъ собою ясный—мы находимъ въ рядѣ сверхпрограмныхъ замѣчанiй: „слишкомъ тяжела жизнь, когда живешь всецѣло на свои средства; масса времени и силъ уходитъ на постороннюю работу, а учиться какъ слѣдуетъ некогда". Или вотъ болѣе конкретныя картины достающагося въ удѣлъ столь немногимъ „счастья": „жалованья, которое получаю, хватаетъ мнѣ на пропитанiе, справить же себѣ зимнюю одежду не имѣю никакой возможности". И при такомъ заработкѣ—„главное, что меня подавляетъ,—это то, что при всемъ моемъ желанiи не могу заниматься, такъ какъ до обѣда слушаю лекцiи, а отъ 4 до 10 вечера я на службѣ, откуда возвращаюсь настолько усталой, что думать о занятiяхъ не приходится, такъ что посѣщенiе курсовъ теряетъ для меня смыслъ". Или: „много силъ идетъ на уроки, но безъ этихъ 50 р. не могла бы жить. Такъ хотѣлось бы отдать это (лучшее) время курсамъ, чтенiю. Беллетристика уже стала недоступною для меня роскошью. Некогда поддерживать отношенiя съ людьми. Съ экзаменами отстала. Хотѣлось бы давать уроки не теперь (цѣль—самопрокормленiе), а потомъ, во всеоружiи знанiя и опыта. А сейчасъ—жалко и себя, и дѣтей. Хотя лучше уроки, чѣмъ „служба". Контора—это погибель, духовная смерть". Или еще: „Мнѣ кажется, уроки и другiя занятiя, не относящiяся къ занятiямъ на курсахъ, очень вредятъ правильной и систематической работѣ на курсахъ. Отвлекаясь другими занятiями, приходится тратить и большее число лѣтъ для прохожденiя курса, и здоровье, и жертвовать научными познанiями, ограничиваясь сдачей обязательныхъ предметовъ".

„Перспектива невѣроятной дороговизны жизни и невозмож-

ность помощи отъ родныхъ—пишетъ другая курситка—заставили меня бросить подготовку къ осеннимъ экзаменамъ и искать мѣста, во что бы то ни стало. Я покупала газеты съ объявленіями, ѣздила цѣлые дни, публиковала сама, готова была на всякія условія, но никакого заработка не могла найти или не имѣла, пока случайно не натолкнулась на работу, на которой и осталась, хотя не безъ непріятностей. Послѣдняя (работа) матеріально устраиваетъ меня хорошо, но мечта о совмѣщеніи работы для заработка съ работой на курсахъ и о подчиненіи первой работы второй остается невыполнимой и вызываетъ не неудовлетвореніе, не отчаяніе, а тупую боль, постоянное подавленное состояніе духа".

Заработокъ такимъ образомъ вступаетъ въ рѣзкій конфликтъ съ научными занятіями курсистки. И получается такое положеніе дѣлъ, что извѣстной части, какъ разъ изъ старшихъ курсистокъ, уже нѣсколько надорванныя силы которыхъ предъявляютъ особенно настоятельныя требованія въ смыслѣ улучшенія жилища и питанія и которымъ поэтому заработокъ былъ бы особенно необходимъ,—что какъ разъ такимъ нерѣдко приходится отказываться отъ заработка и, значитъ, довольствоваться сплошь и рядомъ весьма недостаточнымъ бюджетомъ. „Хотя денегъ и не имѣю нисколько, но заработка не ищу, такъ какъ должна въ нынѣшнемъ году окончить курсы"; „заработка и не имѣю и не ищу, такъ какъ 1) найти трудно, 2) *необходимо*, по возможности, скорѣе кончить курсы"...

Въ конечномъ результатѣ для многихъ—полная безнадежность, безвыходность, постоянно подавленное настроеніе, доводящее до полнаго отчаянія. „Неужели это будетъ такъ продолжаться и дальше?"—кратко восклицаютъ однѣ. „Положеніе критическое",—столь же кратко резюмируютъ другія. Другія описываютъ свое душевное состояніе подробнѣе. „Вѣчныя заботы о томъ, гдѣ достать хлѣба, булокъ, сахару, и эти несносные „хвосты" гнетущимъ образомъ ложатся на душу, отнимаютъ время и силы; такое положеніе часто вызываетъ самое отчаянное настроеніе, а манкированіе ужиномъ вредно отзывается на здоровьѣ". „Жить ужасно трудно,—пишетъ другая:—недостаточность питанья отражается на здоровьѣ; тяжело заниматься; энергія, запасенная лѣтомъ, исчезла, а впереди весной государственные экзамены". И не мало такихъ, которыя не увѣрены въ томъ, что имъ удастся дотянуть. „Не знаю, хватитъ ли силъ кончить курсъ,—пишетъ одна изъ нихъ—иногда такъ и хочется все бросить, уѣхать подальше отъ этихъ грошевыхъ разсчетовъ на каждый мѣсяцъ"... Или еще: „очередь на трамвайной площадкѣ, очередь въ столовую, очередь въ булочной, чтобы получить болѣе дешевый хлѣбъ, который еще не готовъ, а не тотъ, который уже есть, но стоитъ дороже, постоянныя заботы о завтрашнемъ днѣ, недоѣданіе—такъ дѣйствуютъ на нервы и вообще на состояніе здоровья, что работа идетъ не важно. Встаетъ вопросъ,

смогу ли прожить такъ дальше декабря, а если и протяну, то не сдѣлаю ли себѣ больше вреда, чѣмъ пользы?"

А иныя уже и окончательно отчаялись и уѣзжаютъ. Однѣ— очевидно, еще не вполнѣ надорванныя, съ еще сохранившимся молодымъ задоромъ: „беру книги и удираю изъ холоднаго, чужого Петрограда,— комнатъ нѣтъ, жить нечѣмъ". Другія—истерзанныя и измученныя. „Собираюсь домой... Я измучилась, надежды на урокъ или какое-нибудь занятіе нѣтъ, и я ѣду домой со слабой надеждой заниматься и подработать на правоученье, хотя это очень трудно". А вотъ уже полная безнадежность, полное отчаяніе: „Мозгъ не работаетъ,—пишетъ, очевидно, уже немолодая курсистка, которая, чтобы поступить на курсы, учительствуя, скопила 150 рублей, — мозгъ не работаетъ, потому что всегда хочу ѣсть. Поступила на курсы, чтобы окунуться въ науку, въ свѣтъ нашей жизни,—а въ дѣйствительности приходится всѣ силы тратить на добываніе проклятаго куска хлѣба. Видно, и курсы, какъ и все лучшее въ жизни, доступно только богатымъ". И затѣмъ приписка: „ухожу съ курсовъ, прощаюсь съ послѣднею мечтою пріобщиться къ лучшей жизни"...

Я не буду много прибавлять отъ себя. Лишнія слова—слова человѣка литературной профессіи—ничего не могутъ прибавить къ желѣзному языку цифръ и, главное, къ этимъ воплямъ живыхъ людей, пришедшихъ за хлѣбомъ духовнымъ, за „свѣтомъ нашей жизни", и вмѣсто того не могущихъ добыть себѣ „проклятаго куска хлѣба"...

Не къ пожертвованіямъ, не къ благотворительности я взываю (хотя, конечно, былъ бы радъ, еслибы нѣсколькимъ сотнямъ или хотя бы нѣсколькимъ десяткамъ изъ учащейся молодежи было нѣсколько облегчено ихъ горемычное существованіе, чтобы хоть нѣсколько десятковъ получили возможность правильно обѣдать и купить себѣ теплую одежду): какая благотворительность можетъ помочь, если голодаютъ и холодаютъ, если живутъ по трущобамъ и отравляются негодною снѣдью „столовокъ" не только бѣднѣйшіе, но и студенты и студентки со среднимъ, даже съ высшимъ противъ средняго, бюджетомъ—въ 50, въ 75 рублей и болѣе,—значитъ, люди съ приличнымъ заработкомъ или дѣти изъ сравнительно обезпеченныхъ буржуазныхъ семей!... Сама молодежь не хочетъ благотворительности,—она принимаетъ ее и мирится съ нею, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ, но она ищетъ выхода, прежде всего, въ самопомощи, въ коопераціи: „мнѣ кажется,—пишетъ одна курсистка на пришпиленномъ къ анкетному бланку листкѣ—что не слѣдуетъ за помощью обращаться къ обществу,—оно и такъ обобрано различными сборами. Положеніе наше— и вотъ въ чемъ главное!— отъ грошей не измѣнится, нужна прочная общестуденческая организація—кредитныя товарищества, студенческіе дома, лавки, сто-

ловыя и пр.",—какъ разъ сейчасъ василеостровское студенчество занято созданіемъ такого общестуденческаго кооператива.

Я, конечно, всей душой желаю успѣха студенческой самопомощи,—но думаю, что одной такой самопомощи недостаточно. Союзъ тысячъ и десятковъ тысячъ молодыхъ людей съ болѣе или менѣе незначительными у каждаго средствами можетъ сдѣлать, конечно, многое такое, что отдѣльнымъ лицамъ не подъ силу. Но это будетъ все-таки только союзъ плохо обезпеченныхъ людей и изъ себя онъ не сможетъ собрать тѣхъ крупныхъ средствъ, которыя нужно было бы затратить на организацію матеріальнаго быта студенчества.

На помощь студенчеству должно придти общество, должны придти его организованныя силы. Вѣдь студенчество—мужское и женское—это лучшія молодыя силы страны, это ея будущность; это тѣ силы, въ которыхъ такъ нуждается страна и въ которыхъ она особенно будетъ нуждаться, когда окончится эта ужасная война, когда предется строить на мѣсто разрушеннаго и когда на это понадобятся новые и новые легіоны мирныхъ работниковъ и работницъ. „Если мы—пишетъ одна курсистка—„молодой цвѣтъ страны", то пусть же она любитъ и заботится о насъ". Къ этому властно зоветъ не только человѣческое чувство, но и прямой разсчетъ: вѣдь тѣ сотни тысячъ и, можетъ быть, милліоны, которые пришлось бы затратить на организацію матеріальнаго быта учащейся молодежи,—вѣдь это были бы не выброшенныя деньги, а производительная затрата. Подумайте только, читатель, во сколько можно оцѣнить тѣ молодыя, такъ необходимыя странѣ, силы, которыя теперь расточаются и гибнутъ и которыя могли бы быть сохранены при нѣкоторыхъ затратахъ и при нѣкоторой общественной заботѣ?

Я не берусь набросать, хотя бы даже въ общихъ чертахъ, планъ тѣхъ мѣръ, которыя должны быть приняты съ этою цѣлью. Я не знаю, въ частности, можемъ ли мы мечтать о такой государственной организаціи кредита учащимся подъ залогъ, если можно такъ выразиться, будущихъ результатовъ ученія, какая существуетъ, повидимому, въ Финляндіи; я сомнѣваюсь въ томъ, чтобы мы скоро увидѣли тѣ „удобные, свѣтлые дома-общежитія", о которыхъ мечтаетъ одна курсистка,—„гдѣ мы имѣли бы свой теплый уголъ, имѣли бы общую недорогую столовую, чистоту и удобство, имѣли бы свои читальни и библіотеки, клубы и общества и т. д. и т. д.". Въ лучшей части Гельсингфорса стоитъ именно такой „удобный, свѣтлый домъ", и надпись на немъ: spei suae—patria; *своей надеждѣ отечество*. Но то вѣдь Гельсингфорсъ, и я не думаю, чтобы мы скоро что-нибудь подобное увидѣли въ Петроградѣ или въ Москвѣ. Но я знаю и убѣжденъ, что общество, въ лицѣ его организованныхъ силъ—государства и, особенно, органовъ самоуправленія,—не можетъ, не смѣетъ оставаться равнодушнымъ къ тяжелому положенію „своей надежды". Серьезный государствен-

ный или коммунальный кредитъ студенческимъ кооперативамъ; устройство студенческихъ жилищъ въ спеціально выстроенныхъ или нанятыхъ и приспособленныхъ домахъ; можетъ быть, обставленная опредѣленными условіями и контролемъ ссуда для этой цѣли частнымъ предпринимателямъ или обществамъ, устройство или, лучше, содѣйствіе устройству студенческихъ столовыхъ, буфетовъ и т. п.—вообще учрежденій, которыя обезпечили бы студенчеству добропорядочное и удобное питаніе;—здѣсь нужно выработать какой-нибудь такой типъ организаціи дѣла, который былъ бы одинаково далекъ и отъ благотворительности, и отъ предпринимательскаго хищничества.

Повторяю: я не берусь планировать систему мѣръ, которыя должны быть приняты въ цѣляхъ организаціи и улучшенія быта учащейся молодежи. Но мнѣ ясно одно: общество не можетъ и не должно дольше оставаться равнодушнымъ къ судьбѣ учащейся молодежи. „Преступна со стороны общества — пишетъ одна изъ участницъ нашей анкеты—эта пассивность къ намъ; нельзя такъ грубо мять наши души"; нельзя равнодушно смотрѣть на то, какъ расточаются и гибнутъ, въ погонѣ за насущнымъ хлѣбомъ, молодыя силы страны, ея будущность, ея лучшее богатство.

А. Кауфманъ.

ИНОСТРАННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

1. Что такое патріотизмъ „глупцовъ"? Ллойдъ-Джорджъ и „Таймсъ" о Германіи.—2. Государственная необходимость и права личности.—3. Цензура во Франціи.—4. Положеніе дѣлъ въ началѣ 20-го мѣсяца войны.

I.

Въ литературномъ приложеніи къ „Таймсу", которое, какъ и вся газета, ведется нынѣ въ джингоистскомъ вкусѣ, появилась въ началѣ этого года статья, вызывающая на размышленія. Я говорю о передовой въ № отъ 20 января 1916 г. упомянутаго приложенія. Она носитъ сенсаціонное заглавіе „Послѣднее убѣжище ракалій" и, за исключеніемъ нѣсколькихъ мѣстъ, представляетъ собою очень дѣльный и порою ядовитый анализъ психологіи тѣхъ буйныхъ патріотовъ, которые расплодились за время войны въ каждой изъ борющихся странъ. Какъ и почему могла появиться такая статья на столбцахъ органа, руководимаго нынѣ лордомъ Норсклиффомъ, этимъ шовинистскимъ „Наполеономъ англійской печати", трудно сказать. Была ли то простая оплошность редакціи или тутъ можно видѣть первые признаки освобожденія воинствующей публицистики

Англіи отъ націоналистическаго угара,—во всякомъ случаѣ замѣтка, о которой идетъ рѣчь, бьетъ въ забрало тѣмъ неистовымъ Орландамъ зоологическаго патріотизма, которые своими преувеличеніями, своей злобной реторикой въ состояніи вызвать лишь отвращеніе у людей, любящихъ свое отечество идейною любовью.

Уже въ самомъ заглавіи статьи заключается вызовъ шовинистамъ. Оно является сокращеніемъ негодующаго отзыва такого глубоко англійскаго писателя, какъ Самуэль Джонсонъ, о крикливыхъ патріотахъ, у которыхъ нѣтъ ничего за душой, кромѣ злобы противъ людей, не раздѣляющихъ ихъ мнѣнія, и желанія воплями объ измѣнѣ сбить съ толку средняго обывателя. „Патріотизмъ, это — послѣднее убѣжище ракалій“, — восклицалъ литературный диктаторъ второй половины XVIII вѣка. И, припоминая этотъ выпадъ, анонимный авторъ замѣтки продолжаетъ уже отъ себя: „Именно въ настоящій моментъ намъ легко понять, что разумѣлъ подъ этимъ Джонсонъ. Нынѣ объявились люди, которые полагаютъ, что во время войны имъ легко преуспѣть, какъ патріотамъ, хотя въ мирное время они не имѣли ни въ чемъ ровно никакого успѣха... Большинство изъ насъ ничуть не можетъ радоваться войнѣ; а эти господа, видимо, восхищаются войной или, по крайней мѣрѣ, чувствами, которыя она пробудила въ нихъ. И въ этомъ, дѣйствительно, заключается ихъ большое преимущество надъ нами... Для насъ, напр., вовсе не утѣшительно поносить германцевъ, которые являются такими же человѣческими существами, какъ и мы, и которые показываютъ намъ, что гуманныя чувства людей, — значитъ, и наши гуманныя чувства, — подвергаются опасностямъ, которыя мы считали было уже окончательно устраненными. Но эти патріоты утопаютъ въ блаженствѣ отъ крѣпкой увѣренности въ томъ, что германцы отнюдь не представляютъ собой такихъ же человѣческихъ существъ, какъ мы. Они въ восторгѣ отъ мысли, что исполняютъ высокій долгъ передъ королемъ и родиной потому только, что перещеголяли всѣхъ и каждаго въ ругательствахъ, обращенныхъ къ нѣмцамъ“.

А между тѣмъ, посмотрите,—продолжаетъ авторъ,—какое несоотвѣтствующее ихъ внутренней цѣнѣ значеніе люди этой категоріи пріобрѣтаютъ во время войны. „Въ мирное время никто и не слушаетъ ихъ невозможной брани. Даже тѣ, кто согласенъ съ ними, желаютъ, чтобы они не превращали защищаемое ими дѣло въ посмѣшище. Но теперь никому въ Англіи не приходитъ въ голову смѣяться надъ ними: ихъ враги являются вмѣстѣ съ тѣмъ и нашими врагами. Нынѣ нѣтъ сомнѣнія, что всякій англичанинъ, оказывающій какую бы то ни было помощь нѣмцамъ, есть измѣнникъ своему отечеству. Но это обстоятельство какъ нельзя болѣе на руку нашимъ патріотамъ. Они всякаго, кто желалъ бы умѣрить ихъ неистовства, могутъ преспокойно называть измѣнникомъ родины. Они сражаются теперь съ германцами оружіемъ брани и

шумъ отъ ихъ ругательствъ для нихъ самихъ является столь же важною вещью, какъ грохотъ англійскихъ пушекъ".

При этомъ—замѣчаетъ нашъ авторъ — это оружіе „столь же часто обращается ими противъ соотечественниковъ, какъ и противъ нѣмцевъ. Послушать ихъ, такъ прямо подумаешь, что Англія полна измѣнниковъ-англичанъ, а ихъ обязанность и состоитъ въ томъ, чтобы узнавать предателей по запаху, какъ узнаютъ по запаху своихъ колдуновъ африканскія племена"... Согласно ихъ мнѣнію, „между всѣми нами существуютъ различныя степени тяготѣнія къ германцамъ (many degrees of pro-Germanism), и никто изъ насъ, кромѣ сумасшедшихъ обитателей Бэдлама, не является въ ихъ глазахъ безупречнымъ патріотомъ. А такъ какъ нѣтъ границъ словеснымъ излишествамъ, то наши любители отечества взапуски стараются перегнать другъ друга въ игрѣ, которая для нихъ легче, чѣмъ для людей со здравымъ смысломъ. Они-то ужь, конечно, превосходно знаютъ, какъ вести войну... и если тѣ, на которыхъ возложено веденіе войны, не дѣлаютъ того, что наши патріоты предлагаютъ имъ, то, значитъ они—трусы или измѣнники".

„Конечно, и въ мирное время патріотъ называлъ членовъ противной политической партіи трусами и измѣнниками. Но тогда никто не слушалъ его. Теперь же—громко провозглашаетъ онъ—партій больше нѣтъ, и потому онъ можетъ нападать на личностей, какъ на личностей, а не какъ на членовъ партіи. Это опять ему очень на руку. Онъ, круглое ничтожество, постарается выместить на извѣстныхъ людяхъ ихъ извѣстность. Онъ очень хорошо знаетъ, что теперь никому не пріятно быть названнымъ германофиломъ,—даже еслибы это названіе шло отъ него. Онъ знаетъ, что, когда существуетъ столько поводовъ для раздраженія, серьезному государственному дѣятелю становится трудно подавать совѣты умѣренности, хотя бы онъ и былъ убѣжденъ, что это только полезно странѣ". Пусть такой дѣятель превосходитъ его во всемъ, — крикуну „легко превзойти его въ патріотизмѣ". „Такъ патріотизмъ и является послѣднимъ убѣжищемъ посредственностей, чтобы не сказать съ Джонсономъ чего-нибудь еще худшаго".

Между тѣмъ всѣ эти мнимо-патріотическія неистовства вредятъ истиннымъ интересамъ страны еще въ томъ отношеніи, что являются поводомъ для людей той же категоріи и того же калибра во враждебныхъ и даже нейтральныхъ государствахъ прибѣгать къ подобнымъ же пріемамъ полемики и накоплять невѣроятныя количества злобы въ международныхъ сношеніяхъ. „Всего хуже,—говоритъ цитируемый нами авторъ—что когда народы находятся другъ съ другомъ въ состояніи войны, то каждый принимаетъ глупцовъ въ лагерѣ противника за истинныхъ выразителей его мнѣній; и что, напр., германское правительство имѣетъ обыкновеніе оправдывать свои дѣйствія, ссылаясь на слова англійскихъ дураковъ...

Всякая варварская вещь, напечатанная въ Англіи и которую можно цитировать противъ Англіи,... укрѣпляетъ въ нѣмцахъ рѣшеніе бороться со столь варварскимъ врагомъ. Она заставляетъ также жителей нейтральныхъ странъ сомнѣваться въ томъ, точно ли мы ужъ настолько лучше нѣмцевъ, какъ это думаемъ. Вѣдь нейтральные жители отнюдь не убѣждены такъ въ нашихъ добродѣтеляхъ, какъ убѣждены мы сами".

Авторъ заканчиваетъ свое изображеніе англійскаго—и, конечно, всякаго—шовиниста, вскрывая всю мелкость и злобность его души. „Есть еще доказательство того, что патріотизмъ такого патріота не есть истинный патріотизмъ. Если человѣкъ дѣйствительно любитъ свое отечество, то онъ любитъ и своихъ соотечественниковъ. Но патріотъ этого рода явно ненавидитъ и презираетъ всѣхъ тѣхъ своихъ согражданъ, съ которыми только имѣетъ какія-нибудь дѣла. Онъ громко заявляетъ, что восхищается нашими солдатами и моряками. Они, къ счастію, вдали отъ него и потому въ цѣлости. Но это показное восхищеніе—только предлогъ для нарочитаго поношенія всѣхъ остальныхъ согражданъ. Ко всѣмъ тѣмъ, кто не согласенъ съ нимъ хоть въ чемъ-нибудь, ко всѣмъ особеннымъ учрежденіямъ и качествамъ своей страны онъ выражаетъ негодующее презрѣніе. Послушать его, прямо скажешь, что тѣ, кто сражается теперь за Англію, не оставили позади себя никого, за кого стоило бы сражаться, кромѣ самого патріота.

„Сама война представляется ему желанной, потому что доказываетъ будто бы нашу поголовную глупость въ прошломъ. Война, по крайней мѣрѣ, измѣнитъ все это. Она превратитъ Англію въ совершенно другую страну. Она „сниметъ маски" (show up) съ огромнаго числа англичанъ и покажетъ всю нелѣпость ихъ мнѣній и оцѣнокъ. И прежде всего она покажетъ, что самъ-то патріотъ былъ всегда правъ... Мы должны, видите-ли, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, сражаться за страну, состоящую главнымъ образомъ изъ измѣнниковъ или идіотовъ; и этимъ путемъ мы, наконецъ, достигнемъ съ теченіемъ времени того, что станемъ походить на нашихъ враговъ, которыхъ однако всѣхъ надо истребить... Словомъ, патріотъ — единственный праведникъ, ради котораго Британская имперія, можетъ быть, будетъ спасена. Правда, когда она дѣйствительно будетъ спасена и, по крайней мѣрѣ, когда война кончится,— нашъ патріотъ погрузится снова въ свое естественное ничтожество" [1]).

Мы нарочно привели наиболѣе выдающіяся мѣста изъ этой статьи, чтобы читатель могъ видѣть, что и на столбцахъ джингоистской прессы Англіи прорываются порою взгляды, свидѣтельствующіе о томъ, что разсудокъ и гуманность не окончательно

---

[1]) „The Last Refuge of a Scoundrel"; „The Times Literary Supplement", 20 января 1916.

потеряли свои права. И вопросъ о буйномъ патріотизмѣ, нагромождающемъ колоссальные запасы ненависти между націями и внутри каждой страны, серьезно занимаетъ умы людей, которые желали бы облегчить человѣчеству возможность перейти послѣ войны къ мирному сожительству. Но сама же газета, откуда мы взяли цитаты, изо дня въ день ведетъ проповѣдь національной исключительности и злобы. Однимъ изъ излюбленныхъ пріемовъ этой пропаганды является умышленное смѣшиваніе всѣхъ сторонъ общественной жизни врага въ одно ужасающе-мрачное цѣлое, отрицаніе въ немъ какихъ бы то ни было положительныхъ качествъ, отожествленіе всѣхъ классовъ, группъ, сословій, профессій, всѣхъ оттѣнковъ мысли и чувства съ „германскимъ милитаризмомъ", какъ будто въ Германіи нѣтъ ничего, кромѣ милитаризма, и какъ будто въ другихъ странахъ совсѣмъ нѣтъ милитаризма.

Это очень осязательно проявилось въ тѣхъ комментаріяхъ, которые „Таймсъ" въ одной изъ передовыхъ статей сдѣлалъ къ обошедшей всю англійскую печать бесѣдѣ Ллойда-Джорджа съ Айворомъ Никольсономъ. Любопытно, что въ томъ номерѣ, гдѣ былъ переданъ самый разговоръ, газета еще съ похвалой отзывалась о министрѣ снабженій, какъ о человѣкѣ, не принадлежащемъ къ категоріи „тѣхъ черезчуръ горячихъ патріотовъ (perfervid patriots), которые воображаютъ, будто оказываютъ своему отечеству услугу, порицая все сплошь въ Германіи". Но черезъ два дня „Таймсъ" счелъ нужнымъ внести джингоистскія поправки къ нѣкоторымъ существеннымъ мыслямъ Ллойда-Джорджа.

Познакомимъ читателя сначала съ интервью. Сказавъ о тѣхъ энергичныхъ усиліяхъ, которыя Англія дѣлаетъ для того, чтобы побѣдить Германію, Ллойдъ-Джорджъ перешелъ къ характеристикѣ самого врага: „Я думаю, Америка и всѣ мы должны понять, что до войны было двѣ Германіи. Съ одной стороны существовала промышленная, торговая и интеллектуальная Германія, и всѣ эти три элемента она сливала поистинѣ замѣчательнымъ образомъ. *Эта* Германія оказывала великія услуги цивилизаціи. Она завоевывала міръ успѣшностью своихъ методовъ и своимъ примѣромъ. И эти завоеванія были бы истиннымъ благодѣяніемъ для человѣчества. Они стали бы орудіемъ устраненія тѣхъ ужасныхъ расточеній общественныхъ рессурсовъ, откуда проистекаетъ бо̀льшая часть современныхъ золъ. Я, какъ горячій сторонникъ соціальныхъ реформъ, откровенно сознаюсь, что самъ я многому научился у этой Германіи, особенно въ области муниципальной и національной организаціи. Но есть и другая сторона вопроса. Бокъ-о-бокъ съ этой Германіей, которой мы восхищались, была милитарная Германія. И эти двѣ Германіи не могли ужиться вмѣстѣ. Ибо быстрое и благодѣтельное для человѣчества развитіе первой Германіи означало окончательное разрушеніе старой

варварской Германіи: не смотря на то, что она пользовалась орудіями науки и культуры, она дѣйствительно была варварской [1]).

И вотъ въ „Таймсѣ" черезъ номеръ появилась передовая, озаглавленная какъ разъ „Двѣ Германіи". Не желая прямо вступать въ полемику съ Ллойдомъ-Джорджемъ, органъ джинго старается подъ предлогомъ выясненія недоразумѣній произвести въ сущности смѣшеніе въ умѣ читателей. А цѣлью этихъ стараній является противодѣйствовать болѣе хладнокровному, разсудительному взгляду на Германію.

„Не хорошо,—начинаетъ ловкая газета—не хорошо пригвождать человѣка къ словамъ „интервью", хотя бы они и были вполнѣ вѣрно переданы, потому что этотъ родъ высказыванія мнѣній мало пригоденъ для точнаго выраженія мыслей. Возвращаясь къ идеѣ о „двухъ Германіяхъ", выдвинутой г. Ллойдомъ-Джорджемъ въ интервью съ г. Айворомъ Никольсономъ, которое мы напечатали третьяго дня, мы ставимъ поэтому нашей задачей не опровергать его взгляды, а лишь предостеречь противъ нѣкоторыхъ опасныхъ софизмовъ, къ которымъ ведетъ неточное употребленіе словъ. Эти софизмы лежатъ въ основѣ пропаганды пацифистовъ и еще болѣе коварныхъ внушеній тѣхъ, кто, не требуя опредѣленно мира, разсуждаетъ однако, что игра въ ничью (a draw)—старый и не такой ужь плохой конецъ войны. Одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ недавно привлекъ наше вниманіе къ появленію этого предательскаго аргумента въ еженедѣльникѣ, до сихъ поръ тяготѣющемъ болѣе къ фривольной, чѣмъ къ серьезной сторонѣ жизни. Да и на основаніи другихъ дошедшихъ до насъ писемъ мы заключаемъ, что путанность мысли въ этомъ отношеніи распространена въ разныхъ кругахъ. Существуетъ, дѣйствительно, идея, что есть и не милитаристская Германія, съ которой мы можемъ и должны прекрасно уживаться, разъ миръ положитъ конецъ дѣйствіямъ милитаристской Германіи. Но эта мысль основана на полнѣйшемъ непониманіи характера и цѣлей реальной Германіи, съ которой мы боремся" [2]).

И авторъ передовой старается „просвѣтить" своихъ читателей. Подробно останавливаться на его аргументаціи нечего: она выдвигается не первый разъ. Центръ тяжести ея лежитъ въ утвержденіи, что внутри Германской имперіи есть, можетъ быть, и

---

1) „The Times", 25 января 1916 г. Надо замѣтить, что версія интервью, принятая „Таймсомъ", передаетъ мысли Ллойда-Джорджа въ сокращенной и ослабленной формѣ. Судя по болѣе подробному изложенію въ либеральной печати, министръ снабженій прямо заявилъ, что все возроставшіе милліоны голосовъ соціалистическихъ избирателей свидѣтельствовали о быстрой демократизаціи Германіи и что представители нѣмецкаго милитаризма нарочно поспѣшили съ войной, чтобы оборвать этотъ грозившій имъ гибелью процессъ общественной эволюціи.

2) „The Two Germanies"; „The Times", 27 января 1916.

двадцать различныхъ Германій, но что всѣ эти препирающіяся изъ-за частныхъ интересовъ Германіи составляютъ по отношенію къ внѣшнему міру, т. е. прежде всего по отношенію къ Англіи, единую дышащую злобой и завистью Германію, Германію „торговую“, которая, молъ, даже подчинила себѣ милитарную Германію и поставила передъ ней одну задачу: сокрушить Англію. Такимъ образомъ, въ противоположность Ллойду-Джорджу, для „Таймса“ исчезла та соціальная, культурная Германія, у которой горячій англійскій реформаторъ, по его же словамъ, учился организаціи человѣческихъ силъ въ муниципальной и національной области. И даже „торговую“ Германію авторъ передовой, какъ оказывается изъ дальнѣйшихъ его разсужденій, видитъ лишь въ имперіалистской буржуазіи, въ „руководящихъ коммерческихъ дѣятеляхъ“ Германіи, которые „громче профессоровъ распѣвали въ военныхъ брошюрахъ „Deutschland über Alles“. По его мнѣнію, самыя воинственныя ноты звучали въ прессѣ Гамбурга, Кёльна и Франкфурта, „этихъ великихъ цитаделей какъ разъ другой, невоенной Германіи“. Отсюда выводъ: повернуться спиной ко всякимъ планамъ о „мирѣ“, которые могутъ рождаться лишь въ головѣ „мечтателей“, и „ниспровергнувъ военную Германію, разрушить увѣренность „другой“ Германіи въ ея непобѣдимой мощи“.

Конечно, по другую сторону Сѣвернаго моря находятся любители подобныхъ же разсужденій, которые, какъ въ игрѣ въ воланъ, перебрасываютъ тѣ же самые аргументы въ лагерь своихъ враговъ и получаютъ ихъ обратно въ лицо. Германскіе шовинисты утверждаютъ, дѣйствительно, что настоящій врагъ Германіи это—Англія, Англія, которая ненавидитъ нѣмецкую націю, какъ счастливую соперницу въ сферѣ промышленности и международной торговли. Это она подстроила всю интригу противъ Германіи. Она подготовляла исподволь систему „окруженія“ Германской имперіи враждебными коалиціями. Она, нація разжирѣвшихъ торгашей, пыталась вооружить весь міръ противъ добродѣтельныхъ нѣмцевъ, которые желаютъ только одного: заполучить и себѣ мѣсто на солнцѣ. Надо поэтому сокрушить жадную, эгоистичную, охватившую весь земной шаръ своими щупальцами Англію. Лишь тогда наступитъ настоящій миръ между народами. И злобный аргументъ летитъ обратно изъ рукъ нѣмецкаго „дурака“ въ руки англійскаго „глупца“.

II.

Есть, впрочемъ, одинъ аргументъ противъ Германіи, который слѣдуетъ разсмотрѣть нѣсколько внимательнѣе, чѣмъ банальныя обвиненія. Въ немъ есть извѣстная доля истины, хотя именно

эта доля истины приводитъ насъ къ заключенію, что тутъ поднимается вопросъ гораздо болѣе сложный, а главное—составляющій больное мѣсто всѣхъ современныхъ политическихъ тѣлъ. Мы говоримъ объ упрекѣ, который дѣлается Германіи ея врагами относительно того, что въ ней элементъ государства пріобрѣлъ чрезмѣрное значеніе и что требованія личности, индивидуальной и общественной свободы, наконецъ, общечеловѣческой морали черезчуръ легко приносятся въ жертву такъ называемой государственной необходимости. „Да погибнутъ всѣ принципы, лишь бы осталась въ цѣлости Германская имперія!"—такъ можно охарактеризовать въ рѣзкой формѣ то понятіе, которое сложилось у враговъ Германіи относительно нормъ поведенія нѣмецкаго гражданина, проникнутаго государственническимъ патріотизмомъ.

Мы сказали, что въ этомъ представленіи есть доля истины. Сама исторія Германіи за послѣднее столѣтіе достаточно объясняетъ эту черту преувеличеннаго, грубаго, безпокойнаго патріотизма современнаго нѣмца. Населенію нѣмецкой земли, разбитой на множество мелкихъ государствъ, приходилось дожидаться слишкомъ долго того національнаго объединенія, которое уже сравнительно давно осуществилось у другихъ крупныхъ народовъ Европы и къ которому нѣмцы стали особенно сильно стремиться послѣ войнъ Наполеона. Съ другой стороны, этотъ процессъ объединенія, происходившій форсированнымъ маршемъ, заключалъ въ себѣ слишкомъ много элементовъ политической реакціи внутри страны, насилія надъ сосѣдями внѣ. А если переносишься въ Германію, какою она была сто лѣтъ тому назадъ, напр., въ 1810 г., когда баронесса де-Сталь пыталась напечатать первое изданіе своей книги, то, наоборотъ, поражаешься, какъ у тогдашняго гражданина раздробленной на части націи было мало этого исключительнаго патріотизма и какъ онъ былъ склоненъ даже преклоняться передъ другими національностями.

Пусть читатель остановитъ свое вниманіе хотя бы на одномъ изъ многочисленныхъ мѣстъ, касающихся этого вопроса, въ интересномъ этюдѣ г-жи Сталь: „Въ литературѣ, какъ и въ политикѣ, нѣмцы проявляютъ слишкомъ много почтенія къ иностранцамъ и недостаточно національныхъ предразсудковъ. Конечно, въ личностяхъ забвеніе самого себя и уваженіе къ другимъ являются положительными качествами; но патріотизмъ цѣлой націи долженъ быть эгоистичнымъ. Гордость англичанъ сильно помогаетъ ихъ политическому существованію; хорошее мнѣніе, которое французы имѣютъ о самихъ себѣ, всегда значительно способствовало ихъ вліянію на Европу; благородный гоноръ испанцевъ сдѣлалъ ихъ нѣкогда владыками цѣлой части свѣта. Нѣмцы же являются только саксонцами, пруссаками, баварцами, австрійцами. А національный характеръ нѣмца вообще, на которомъ должна была бы покоиться

мощь всѣхъ ихъ, такъ же раздробленъ, какъ и сама страна, у которой столько различныхъ владыкъ“ [1]).

Историческія условія настолько измѣнили нѣмца со временъ баронессы Сталь, что онъ во многихъ отношеніяхъ является теперь какъ бы собственнымъ своимъ антиподомъ. Но, съ одной стороны, всѣ такія обобщенія, касающіяся народа въ цѣломъ и не достаточно считающіяся съ существованіемъ въ немъ различныхъ сословій, классовъ, корпорацій, наконецъ, просто конкретныхъ личностей, черезчуръ окрашиваютъ національный характеръ въ одинъ сплошной цвѣтъ и не даютъ понятія о цѣломъ рядѣ очень важныхъ исключеній и отклоненій хотя бы отъ типа средняго нѣмецкаго бюргера, зараженнаго грубымъ и надменнымъ патріотизмомъ государственническаго пошиба. Съ другой стороны, подобный же патріотизмъ сильно распространенъ и среди другихъ націй нашего времени.

Оставляя въ сторонѣ очень сложный соціологическій вопросъ о характерѣ и сущности государства вообще, мы можемъ однако сказать, что современныя столь громоздкія и вмѣстѣ съ тѣмъ столь сложныя, столь плохо пригнанныя своими внутренними частями государственныя махины черезчуръ сильно опираются на принципъ обязательности и принужденія и черезчуръ мало способствуютъ общественной солидарности и счастію живыхъ людей. То принесеніе основныхъ потребностей и идеаловъ личности въ жертву интересамъ государственнаго цѣлаго, въ которомъ враги нѣмцевъ видятъ суть политической жизни Германіи, къ сожалѣнію, проявляется,—правда, въ неодинаковой степени,—во всѣхъ современныхъ политическихъ союзахъ. Недаромъ одинъ изъ умнѣйшихъ и благороднѣйшихъ русскихъ людей предлагалъ не создавать себѣ идоловъ изъ этихъ громоздкихъ цѣлыхъ, а оцѣнивать ихъ съ точки зрѣнія конкретныхъ людей, входящихъ въ ихъ составъ: „Во всѣхъ политическихъ вопросахъ вы сдѣлаете фокусомъ своего размышленія интересы не націи, не государства, не общины, не провинціи, не федераціи, а личности. Она составитъ тотъ центръ, изъ котораго разсѣются для васъ во всѣ стороны лучи Правды и освѣтятъ вамъ значеніе того или другого общественнаго союза. Одинъ и тотъ же союзъ можетъ оказаться сегодня твердымъ оплотомъ интересовъ личности, а завтра—ея губителемъ. Но вы не запутаетесь въ этомъ историческомъ калейдоскопѣ, если будете помнить, что всѣ психическіе процессы совершаются въ личности и только въ ней, что только она получаетъ впечатлѣнія, ощущаетъ, мыслитъ, чувствуетъ, страдаетъ, наслаждается“.

Въ частности, по отношенію къ государству, даже въ совре-

---

[1]) M-me la baronne de Staël Holstein, „De l'Allemagne“; Парижъ, 1814, 2-ое изд., т. I, стр. 16-17.

менный тяжелый моментъ, когда война подвергла серьезному испытанію интересы и идеалы живой личности и придала несоотвѣтствующее значеніе національнымъ политическимъ группировкамъ, независимо отъ ихъ внутренней, идейной цѣнности, человѣческая мысль продолжаетъ вскрывать изъяны и противорѣчія этой формы союзовъ. И при этомъ она не останавливается исключительно на германской государственности, но ставитъ вопросъ гораздо шире. Въ томъ же номерѣ литературнаго приложенія къ „Таймсу", который я цитировалъ въ началѣ этой статьи, находится тревожный—не подберу другого эпитета—разборъ небольшой, но, повидимому, мыслебудящей книги Дилайля Бёрнса о „Морали націй" [1]).

Соображенія, развиваемыя авторомъ, дѣйствительно таковы, что легко понять ту тревогу, какую они могутъ возбуждать въ людяхъ, старающихся изо дня въ день повторять все тѣ же банальности на счетъ освободительной войны, германской „культуры" (неизмѣнно въ кавычкахъ), возстановленія права и т. п. Я коснусь нѣкоторыхъ изъ нихъ, предупреждая читателя, что въ большинствѣ случаевъ съ ними приходится знакомиться въ передачѣ критика. Дилайль Бёрнсъ—не соціалистъ, не пацифистъ, не мечтатель, рисующій идеальный городъ отдаленнаго будущаго. Но во всякомъ случаѣ онъ—человѣкъ, желающій отдавать себѣ отчетъ въ тѣхъ политическихъ лозунгахъ, которые ежедневно бросаются теперь въ воздухъ, потрясаемый грохотомъ орудій и раздираемый стонами раненыхъ.

Англійскіе государственные дѣятели провозглашаютъ, напр., что Англія желаетъ „воцаренія общественнаго права въ качествѣ руководящей идеи европейской политики". Превосходно,—говоритъ Бёрнсъ—но каковы же принципы этого общественнаго права? „Вѣдь они не могутъ быть простымъ благочестивымъ пожеланіемъ, чтобы нація соблюдала договоры или вела себя честно. Такіе принципы черезчуръ неопредѣленны. Они напоминаютъ кантовское „исполняй свой долгъ". Между тѣмъ дѣйствительная-то проблема заключается въ попыткѣ открыть, въ чемъ же состоитъ этотъ долгъ. Въ настоящее время важнѣйшая задача, это—найти, „какая нравственная связь существуетъ между государствами". Вопросъ этотъ очень назрѣлъ, по мнѣнію автора. Его нужно рѣшить, если мы дѣйствительно хотимъ, чтобы періодъ, который начнется послѣ войны, былъ эпохой перестройки международныхъ отношеній, а не „возобновленія стараго зла". „Мы нуждаемся въ серьезной критикѣ традиціонныхъ взглядовъ на государство, въ изслѣдованіи нравственной связи, существующей нынѣ между государствами, и въ указаніи на тѣ тенденціи, которыя преобразуютъ всю область международной политики".

---

[1]) C. Delisle Burns, „The Morality of Nations".

Авторъ убѣжденъ, что главнѣйшимъ препятствіемъ по пути къ перестройкѣ интернаціональныхъ отношеній на здравыхъ началахъ является традиціонная, идущая еще со временъ грековъ философія государства, которая видитъ въ немъ полную, законченную и самодовлѣющую организацію. Дилайль Бёрнсъ совершенно несогласенъ съ тѣмъ, что современное государство представляетъ собою цѣлое, экономически и политически независимое отъ другихъ государствъ,—даже въ сферѣ внутренней политики и функцій домашняго управленія. Разъ государства, особенно современныя, въ нормальномъ состояніи постоянно соприкасаются между собою и разъ внутренній характеръ каждаго изъ нихъ находится подъ вліяніемъ внутренней же природы другихъ государствъ, съ которыми оно находится въ разнообразныхъ сношеніяхъ, то отсюда слѣдуетъ, что сущность любого политическаго тѣла заключается не въ его самодовлѣемости, а, наоборотъ, въ его зависимости и связи съ другими.

Правда, довольно распространенная, особенно въ Германіи, школа государствовѣдовъ, вдохновляющихся Гегелемъ и Блунчли, выводитъ отсюда заключеніе, что историческій процессъ заставляетъ находящіяся между собою въ отношеніяхъ зависимости государства сростаться во все болѣе и болѣе крупныя политическія тѣла, пока, наконецъ, не возникнетъ одного міроваго государства, въ которомъ сольются болѣе мелкія политическія единицы. Но Бёрнсъ рѣзко возражаетъ противъ возможности и желательности такого чудовищнаго государства-Левіафана, претендующаго на самодовлѣющую „абсолютность". Для него важно существованіе цѣлаго ряда союзныхъ государствъ, тѣсно связанныхъ между собою различными сторонами ихъ бытія. „Разъ мы признаемъ взаимную зависимость (interdependence) государствъ,—говоритъ авторъ—то отсюда вытекаетъ, что философское понятіе о государствѣ перестанетъ быть представленіемъ объ изолированномъ, самодовлѣющимъ организмѣ, а превратится въ представленіе объ органѣ, функціонирующемъ въ болѣе или менѣе сложной группировкѣ подобныхъ же органовъ".

Въ результатѣ получится единеніе, союзъ, но не единообразіе. Ибо развитіе органовъ предполагаетъ дифференціацію функцій, и органы - государства могутъ разниться въ очень значительной степени одно отъ другого и въ то же время дружно работать ради одной общей цѣли. Слѣдуетъ замѣтить, что изъ двухъ главныхъ элементовъ государства, обычно вводимыхъ юристами въ это понятіе,—населенія и территоріи,—Бёрнсъ энергично выдвигаетъ первый, живой, человѣческій, факторъ и умышленно оттѣсняетъ второй. Онъ говоритъ: „національзмъ и имперіализмъ держались на устарѣлой идеѣ, что цѣль государственной организаціи и заключается въ томъ, чтобы противополагать одну націю другой. Но націи являются по существу-то группами мужчинъ и женщинъ, а

не страной и не территоріей. А отсюда слѣдуетъ, что государства, выросшія при территоріальныхъ условіяхъ, не могутъ увѣковѣчивать свою старую систему, перенося ее въ тотъ строй, въ которомъ территорія теряетъ свое значеніе. Если мы смѣло выдвинемъ положеніе, что государственная организація, дѣйствительно опирающаяся на національность, существуетъ для того, чтобы приводить въ тѣсное соприкосновеніе группы людей, не смотря на территоріальныя дѣленія, то мы придемъ къ новому понятію о государствѣ".

Отсюда выводъ: если государства существуютъ для развитія естественныхъ національныхъ особенностей живыхъ людей внутри и внѣ государства путемъ ихъ прямого, постояннаго и дружескаго общенія, то отпадаетъ и идея о неизбѣжномъ антагонизмѣ государствъ. Государство является учрежденіемъ, которое морально сближаетъ во имя политическихъ цѣлей: во-первыхъ, членовъ однѣхъ и тѣхъ же національныхъ группъ; во-вторыхъ, членовъ различныхъ національныхъ группъ въ цѣлой имперіи; и, въ третьихъ, членовъ національныхъ группъ въ различныхъ государствахъ. Бёрнсъ склоненъ думать, что это уже не только идеалъ, а констатировка возникающихъ фактовъ. Почти каждая цивилизованная страна имѣетъ теперь „интересы" во всѣхъ частяхъ свѣта. И поэтому старое понятіе о суверенитетѣ государства,—согласно которому всякое государство не можетъ имѣть интересовъ внѣ своихъ границъ и не допускаетъ, чтобы и другое государство могло имѣть такіе интересы внутри его границъ,—должно считаться отжившимъ свой вѣкъ. „Пограничный барьеръ—вещь, уже отчасти устарѣвшая, такъ какъ всѣ государства испытываютъ взаимное проникновеніе"...

Здѣсь критикъ книжки Бёрнса не можетъ сдержать своего раздраженія. Онъ усматриваетъ „очень реальную опасность въ той идеѣ государства, которою г. Бёрнсъ желалъ бы замѣнить старую идею о государствѣ, какъ объ абсолютномъ и самодовлѣющемъ началѣ". Но двѣ души поднимаютъ тутъ довольно забавную прю въ груди критика. Съ одной стороны, онъ признаетъ, что старое понятіе о государствѣ приносило неоднократно дурные плоды въ прошломъ: „одинъ примѣръ Германіи уже является тому достаточнымъ доказательствомъ". Но, съ другой стороны, онъ бьетъ тревогу по поводу разрушительнаго анализа Бёрнса. „Ибо если г. Бёрнсу удастся убѣдить насъ въ томъ, что мы должны снять государство съ его обычнаго пьедестала, то мы подвергаемся очень значительному риску разбить его въ куски".

Въ чемъ же дѣло? Въ томъ, что Бёрнсъ видитъ въ государствѣ лишь одну изъ „организацій, созданныхъ людьми для ихъ „блага". Есть другія организаціи, которыя ставятъ своею цѣлью то же достиженіе благъ, хотя и иного рода, и которыя перекрещиваются съ государственной организаціей, переливаются черезъ нее, могутъ

противорѣчить ей. Такъ для преслѣдованія научныхъ цѣлей существуютъ международныя научныя общества, которыя не связаны ни съ какимъ государствомъ въ отдѣльности. Интересы труда наилучше защищены, когда существуютъ обширные рабочіе союзы, не стѣсненные государственными границами. Религіозныя потребности — продолжаетъ въ чисто англійскомъ вкусѣ авторъ — создаютъ общеніе вѣрующихъ, независимо отъ ихъ принадлежности къ тому или другому государству. Достиженіе „политическаго" блага, являющееся спеціальною задачею государства, представляетъ лишь одну изъ функцій цивилизованнаго человѣка, живущаго въ обществѣ, и притомъ,—добавляетъ авторъ,—„вовсе не непремѣнно высшую". „Поэтому—заключаетъ Бёрнсъ—верховное учрежденіе политической жизни, государство, *не суверенно*, въ томъ смыслѣ, что если въ сознаніи человѣка происходитъ борьба между тѣми обязанностями, которыя подсказываются его политическимъ подданствомъ, и тѣми обязанностями, которыя вытекаютъ изъ его принадлежности къ еще иному обширному соціальному союзу, то отсюда еще не слѣдуетъ, что высшимъ началомъ его поведенія долженъ быть голый фактъ его государственнаго подданства" [1]).

Это разсужденіе особенно волнуетъ нашего критика. „Поистинѣ нельзя въ достаточной степени подчеркнуть всю опасность этого принципа въ настоящій моментъ, когда воплощающія его тенденціи и безъ того слишкомъ рѣзко проявляются въ нашей странѣ". Историческій процессъ велъ, молъ, до сихъ поръ англичанъ по пути укрѣпленія общегосударственнаго единства. „Но въ послѣднее время въ Англіи обозначились признаки обратнаго процесса, и мы съ большою подозрительностью вглядывались въ дѣйствія министровъ, которые дошли до того, что стали вести отдѣльные переговоры и торговаться объ условіяхъ соглашенія, словно бы не существовало національнаго представительства, съ новымъ могущественнымъ „государствомъ - сословіемъ": организованнымъ трудомъ (намекъ на поведеніе Ллойда-Джорджа и Аскита, которые вмѣсто того, чтобы обрушиваться преслѣдованіями на рабочихъ, вступали въ переговоры съ трэдъ - юніонами. Н. Р.) Это уже достаточно вскрыло всю слабость Британскаго государства, разсматриваемаго, какъ „организація для достиженія общаго политиче-

[1]) По отношенію къ Германіи это понимаетъ и средній англійскій писатель. Напр., „нѣмецкая теорія государства состоитъ по существу въ утвержденіи, что когда какой-либо органъ государства выполняетъ извѣстное дѣйствіе на службѣ у государства, то это дѣйствіе есть неизбѣжно благое дѣйствіе. Согласно этой теоріи, государство есть „благо" по преимуществу; и не только превосходная вещь, но и превосходный моральный „агентъ" Оно представляетъ собой вмѣстѣ и субъектъ, и объектъ нравственной жизни... верховную формулу этой жизни"... См. Ramiro de Maeztu, „The German Heresy. The State as the Good"; „The New Age", 17 февраля

скаго блага“, въ моментъ національнаго кризиса. И г. Бёрнсъ, какъ намъ кажется, оказываетъ плохую услугу своей странѣ, стараясь снабдить философскимъ основаніемъ ту тенденцію, которая, если не будетъ во время подавлена, можетъ въ концѣ концовъ легко разрушить всю нашу политическую структуру!“

III.

Эту критику Бёрса далеко не мѣшаетъ однако имѣть въ виду именно теперь, когда условія военнаго времени выдвинули принципъ государственной необходимости на первое мѣсто и приносятъ ему въ жертву самыя цѣнныя пріобрѣтенія цивилизаціи, общественныя свободы и основныя права человѣка и гражданина. Въ этомъ отношеніи нѣтъ качественной разницы между „государственнической“ Германіей и тѣми очагами политической свободы и индивидуальныхъ правъ личности, какими до сихъ поръ считаютъ себя Англія, Франція, Италія. Разница лишь въ степени. Пожалуй, даже въ этихъ демократическихъ странахъ контрастъ между характеромъ общественной жизни до и во время войны еще рѣзче.

Непомѣрное расширеніе военной власти на счетъ гражданской, а въ сферѣ послѣдней преобладаніе исполнительныхъ органовъ надъ законодательными, министерствъ надъ парламентами, парламентскихъ коммиссій надъ общими засѣданіями. Въ области юстиціи широко практикующаяся замѣна обыкновенныхъ судовъ военными, несущими съ собой существенное ограниченіе защиты для обвиняемаго, гарантій для подсудимаго, драконовскія наказанія для всѣхъ за малѣйшія нарушенія. Вмѣсто неприкосновенности личности и равенства гражданъ—желѣзная дисциплина и лѣствица іерархическихъ повелѣній. Вмѣсто свободы передвиженій, слова, печати, собраній, союзовъ—паспортъ, стѣсненіе митинговъ, цензура прессы, вскрытіе писемъ, милитаризація трудящихся, полицейскій надзоръ за всѣми. И все это—въ интересахъ „освободительной войны“ и во имя государственной необходимости.

Яркой иллюстраціей къ этому характеру текущаго момента являются пренія во французскомъ парламентѣ по поводу границъ свободы печати и пріемовъ цензуры. Я уже неоднократно говорилъ читателю о той борьбѣ, которую національное представительство и общественное мнѣніе въ демократическихъ странахъ Запада ведутъ противъ произвола цензоровъ и администраціи. Въ Англіи защитникамъ традиціонной свободы слова удалось добиться, по крайней мѣры, отмѣны такъ называемой политической цензуры. Теперь сообщенія и разсужденія, касающіяся собственно политики, не подлежатъ предварительному просмотру цензоровъ. Редакторы изданій могутъ ихъ печатать въ томъ видѣ, въ какомъ считаютъ это нужнымъ, неся за нихъ лишь отвѣтственность по закону.

Но во Франціи эта борьба за свободу печатнаго слова не увѣн-

чалась до сихъ поръ осязательнымъ успѣхомъ. И ослабленію цензурнаго гнета воспротивилось то самое министерство Бріана, которое обѣщало при своемъ возникновеніи снять лишнія оковы съ писателей. Нѣкоторыя обстоятельства послѣдняго времени придали этому наболѣвшему вопросу трагикомическій характеръ.

Событія въ Черногоріи породили безконечную газетную полемику и вызвали рядъ опроверженій и контръ - опроверженій официальныхъ представителей маленькаго королевства и заинтересованныхъ въ его судьбѣ державъ. Пальма первенства въ этой литературѣ принадлежитъ едва-ли не черногорской миссіи въ Парижѣ и главѣ черногорскаго правительства, Міушковичу. Печать въ изобиліи снабжалась объясненіями, исходившими отъ этихъ учрежденій и лицъ, относительно того, что̀ же собственно произошло въ Черногоріи: вынужденное отступленіе, капитуляція, военная хитрость, или еще что-нибудь, чему и имени не подберешь. Ибо вначалѣ прессу обоихъ лагерей обошло извѣстіе, что Черногорія заключила сепаратный миръ съ австро-германцами. Эту вѣсть смѣнила версія, гласившая, что Черногорія и не думала заключать миръ, а просто уступила превосходной силѣ непріятеля. Затѣмъ была пущена въ обращеніе версія о перемиріи, и притомъ опять-таки съ двумя варіантами. Сначала было сказано, что Черногорія, отнюдь не желая заключать мира, вынуждена была просить перемирія, потому что ея войска были раздавлены врагомъ и измучены голодомъ. Позже просьба о перемиріи превратилась подъ перомъ черногорскихъ освѣдомителей уже въ очень хитрый стратегическій пріемъ противъ австро-германцевъ: „дать возможность нѣкоторымъ отдаленнымъ частямъ арміи придти и поддержать (venir appuyer) болѣе пострадавшія войска на другомъ фронтѣ“. Съ этою, молъ, цѣлью Черногорія и просила о перемиріи, а потомъ даже о мирѣ. Но въ этомъ ей было отказано...

Общественное мнѣніе во Франціи сильно волновалось подъ вліяніемъ этихъ путанныхъ объясненій. Каждому хотѣлось знать, гдѣ же правда. И вотъ какъ разъ въ этотъ самый моментъ безпокойства и напряженнаго исканія истины французская цензура не придумала ничего лучшаго, какъ задерживать, а то и совсѣмъ воспрещать, заявленія и ноты представителей Черногоріи. Казалось бы, взрослые граждане—не дѣти и имѣютъ право знать, что случилось въ дѣйствительности. Благопопечительная администрація разсуждала иначе: пока что, надо оставить публику совсѣмъ безъ свѣдѣній по столь волнующему вопросу, а тамъ все „образуется“. И произошелъ рядъ курьезовъ, къ которымъ печать не могла остаться равнодушной.

19 января н. с. агентство Фурнье сообщило газетамъ официальную ноту черногорскаго консульства въ Парижѣ. Въ ней говорилось, что Черногорія была вынуждена подчиниться „неизбѣжной“ участи, но это нисколько не умаляетъ того „возвышеннаго ге-

роизма“, который „доблестная, хотя и малая страна“ проявила во время войны; а въ заключеніе выражалась признательность Франціи за ея „традиціонную дружбу“. Газеты, конечно, сейчасъ же принялись перепечатывать это офиціальное сообщеніе, дошедшее къ нимъ черезъ агентство, телеграммы котораго предварительно просматриваются цензурой. Но когда текстъ ноты уже вошелъ въ составъ номера и первое, такъ называемое „департаментское“ (провинціальное), изданіе нѣкоторыхъ газетъ уже мчалось изъ Парижа на поѣздахъ, развозившихъ его по различнымъ градамъ и весямъ Франціи,—вдругъ администрація спохватилась и разослала префектамъ въ провинціи телеграфный приказъ немедленно задержать и конфисковать такіе-то номера такихъ-то газетъ, гдѣ напечатана черногорская нота. И на многихъ станціяхъ разыгрались сцены, отъ которыхъ, по выраженію нѣкоторыхъ корреспондентовъ, хотѣлось смѣяться сквозь слезы раздраженія и стыда за республиканскую Францію.

Исполнители приказа на мѣстахъ, третьестепенные агенты и служащіе, бросались на тюки газетъ въ останавливавшихся поѣздахъ, какъ попало разрывали ихъ и, даже путемъ не справляясь, точно ли то были тѣ самые газеты и номера, которые были обозначены въ телеграммѣ, нагромождали цѣлыя горы ихъ на платформѣ. Такимъ образомъ были конфискованы изданія и не упомянутыя въ приказѣ. Тѣмъ временемъ редакторы бѣгали по Парижу и старались узнать, въ чемъ дѣло: кто былъ иниціаторомъ запрещенія? что опаснаго заключалось въ черногорской нотѣ? запрещена ли она на время или совсѣмъ? Оказалось, что въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, куда сначала обратились за разъясненіемъ, какъ въ учрежденіе, гдѣ лучше всего могутъ оцѣнить значеніе дипломатическаго документа, ровно ничего не знали о запретѣ, а по наведеніи справокъ даже отвѣтили, что все это представляется „смѣшнымъ недоразумѣніемъ“, которое будетъ скоро улажено.

Однако редакціямъ пришлось провести въ хлопотахъ, визитахъ и телефонныхъ переговорахъ съ различными вѣдомствами всю ночь, пока, наконецъ, послѣ совѣщанія съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, кабинетомъ военнаго министра и бюро печати, газеты не получили разрѣшенія напечатать упомянутую ноту за исключеніемъ двухъ, совершенно незначительныхъ по смыслу, строкъ. Выяснилось, что переусердствовалъ какой-то цензоръ. Но такъ какъ центральной власти не хотѣлось оставить почтенную „Анастасію“ (кличка цензуры, идущая со временъ второй имперіи) въ нелѣпомъ положеніи, то и былъ придуманъ исходъ въ видѣ изъятія нѣсколькихъ словъ. Тѣмъ не менѣе, когда газеты вздумали сообщить читателямъ о казусѣ, приключившемся съ ними, то большинству изъ нихъ не было разрѣшено печатать это объясненіе еще втеченіе цѣлыхъ сутокъ. И лишь на третій день публика могла познакомиться какъ съ дипломатическимъ твореніемъ

черногорскаго консульства, такъ и съ инцидентомъ, возникшимъ по ея поводу.

Нѣсколько дней спустя, подобный же случай, и опять-таки въ связи съ Черногоріей, произошелъ по вступленіи короля Николая на территорію Французской республики. 26 января спеціальный корреспондентъ газеты „Le Temps" былъ удостоенъ аудіенціи монархомъ, который отослалъ его за интервью къ своему премьеру, г. Міушковичу. Но когда интервьюэръ протелеграфировалъ содержаніе своей бесѣды въ редакцію газеты, то вмѣсто депеши въ полтора столбца, пропущенной телеграфной цензурой, въ „Le Temps" красовалось, по волѣ парижскихъ цензоровъ, зіяющее бѣлое мѣсто. И разобиженный органъ крупной буржуазіи горько жаловался своимъ читателямъ: „въ дѣятельности нашей цензуры замѣчаются поистинѣ плачевное отсутствіе согласованности и полнѣйшее незнаніе условій, при которыхъ приходится выходить газетамъ" [1]).

Редакторы изданій сочли нужнымъ снова посѣтить Бріана и снова обратить его вниманіе на давно обѣщанное имъ рѣшеніе вопроса объ излишнихъ строгостяхъ и нелѣпыхъ промахахъ цензуры. Вотъ при этихъ-то условіяхъ французскій парламентъ началъ обсуждать предложеніе о реформѣ цензуры, съ которымъ мы въ свое время познакомили читателей [2]). На засѣданіи палаты депутатовъ 23 января самъ авторъ предложенія, Поль Мёнье, развилъ его мотивы. Законъ 5 августа 1914 г. нанесъ существенный ударъ той основной хартіи свободы печати во Франціи, которая воплощена въ законѣ 27 іюля 1881 г. (и нѣсколько испорчена „злодѣйскими законами" противъ анархистовъ 12 декабря 1893 г. и 28 іюля 1894 г.). Онъ возстановилъ девятую статью закона 9 августа 1849 г. объ осадномъ положеніи,— статью, которая даетъ право военнымъ властямъ „запрещать изданія, каковыя онѣ сочтутъ способными вызывать или поддерживать безпорядокъ".

Между тѣмъ, по глубокому убѣжденію Поля Мёнье, законодательство 1881 г. должно оставаться въ существенныхъ чертахъ не тронутымъ. Въ военное время сюда слѣдуетъ внести лишь нѣкоторыя ограниченія, а именно мѣры предупрежденія противъ печатанія такихъ свѣдѣній, которыя могли бы повредить интересамъ національной обороны. Поэтому властямъ должны отдаваться на просмотръ лишь сообщенія, имѣющія строго военный

---

[1]) Двѣ недѣли спустя, предметъ интервью былъ изложенъ въ телеграфномъ сообщеніи Міушковича, переданномъ газетѣ „Le Temps" черезъ черногорскую миссію. Читаешь и удивляешься: что было тамъ опаснаго для Франціи? Желаніе, во что бы то ни стало обѣлить Черногорію? Во всякомъ случаѣ газета напомнила по этому поводу о цензурномъ курьезѣ. См. „L'attitude du Montenegro"; „Le Temps", 12 февраля 1916.

[2]) „Русскія Записки", ноябрь 1915, стр. 283-284.

или чисто дипломатическій характеръ, и вся эта процедура должна продолжаться не болѣе двухъ часовъ. Что касается до политической цензуры, то она должна быть отмѣнена совершенно. „Практикующійся въ настоящее время контроль надъ всякими другими свѣдѣніями есть вещь незаконная. Такимъ образомъ незаконно было запрещеніе газетѣ „L'Eclair“ напечатать статью о вмѣшательствѣ религіозныхъ корпорацій въ санитарныя учрежденія Ліона. Незаконно запрещеніе воспроизводить пренія недавняго соціалистическаго конгресса и дѣлать его оцѣнку. Мы обязаны давать странѣ правду. А для этого мы должны не ограничиваться оффиціальной правдой, а знакомить страну съ подлинной истиной“.

Даже старый лисъ реакціоннаго оппортунизма, Жюль Рошъ, вспомнилъ во время преній ту пору, когда онъ еще не былъ перебѣжчикомъ изъ лагеря радикаловъ, и подвергъ строгому разбору ставшее невозможнымъ для печати положеніе вещей. Онъ показалъ, какимъ образомъ создалась та придирчивая, нелѣпая предварительная цензура, которая вызываетъ такъ много насмѣшекъ, а порою и негодованія среди французовъ, уже привыкшихъ къ свободѣ прессы. Законъ объ осадномъ положеніи обрушивалъ тяжелыя кары на печать. Но онъ не предохранялъ отъ возможности появленія въ газетахъ такихъ свѣдѣній, которыя могли „нанести существенный ущербъ странѣ“. Тогда-то представители прессы, отчасти изъ-за страха передъ наказаніями по закону 1849 г., а отчасти изъ-за желанія предупредить разглашеніе вредныхъ для Франціи свѣдѣній, вступили въ переговоры съ правительствомъ и рѣшили вмѣстѣ съ нимъ выработать систему предварительнаго просмотра такихъ сообщеній. Увы! какъ только пресса вступила на этотъ путь, такъ сейчасъ же правительство, „у котораго разыгрался аппетитъ подъ вліяніемъ добровольно установленной самою печатью предварительной цензуры, распространило такую цензуру уже на цѣлый рядъ предметовъ, не взирая на сопротивленіе прессы, сначала захваченной врасплохъ, а затѣмъ по праву начавшей протестовать противъ такихъ пріемовъ“.

Даже такой пустопорожній остроумецъ, какъ Андріё, который съ давнихъ поръ любилъ сочетать игру въ либерализмъ съ самой дешевой демагогіей и полицейскими замашками (чего стоитъ его провокаторская дѣятельность среди анархистовъ на посту префекта полиціи въ началѣ 80-хъ годовъ!),—даже Андріё счелъ нужнымъ напасть на современную французскую цензуру, говоря, что еще въ хартіи Людовика-Филиппа въ 1830 г. читались слова: „цензура никогда не будетъ возстановлена во Франціи“, и иронически отсылая „либерализмъ нашихъ министровъ“ поучиться въ школѣ „герцога де-Бройль, бывшаго докладчикомъ сравнительно либеральнаго закона о печати 1871 г.“

На этомъ засѣданіи депутаты сильно смѣялись и изрядно негодовали. И можно было думать, что предложеніе Мёнье найдетъ

много сторонниковъ. Но когда пренія по этому вопросу были возобновлены 25 января, то оказалось, что страхъ отвѣтственности со стороны тѣхъ депутатовъ, которые были вмѣстѣ съ тѣмъ и журналистами, идолопоклонство передъ нѣкоторыми громкими словами и сопротивленіе правительства создали въ палатѣ большинство противъ проекта реформы. И 318 голосами противъ 145 соціалистическихъ и отчасти радикальныхъ голосовъ предложеніе было возвращено въ коммиссію для переработки. Пока трудно сказать, во что превратится окончательно проектируемая мѣра. Любопытнѣе аргументы, выдвигавшіеся въ палатѣ за и противъ цензуры, такъ какъ они показываютъ, какое серьезное колебаніе казалось бы уже установившихся въ жизни Запада политическихъ аксіомъ производитъ современная война.

Премьеръ, съ свойственной ему гибкостью и счастливою способностью забывать обѣщанное, высказался рѣшительно противъ всякаго серьезнаго измѣненія настоящаго режима печати во Франціи. Прежде всего онъ попытался подѣйствовать на психологію тѣхъ, кого раздражаетъ самый терминъ „цензура“ со всею тою непріятною ассоціаціею идей, которая обволакиваетъ его со временъ второй имперіи. И, чтобы устранить это непріязненное отношеніе палаты къ воскрешенному надзору надъ печатнымъ словомъ, Бріанъ прибѣгъ къ забавному, но черезчуръ уже очевидному, софизму, увѣряя насторожившихся депутатовъ, что, не смотря на свои капризы и произволъ, та форма цензуры, которая дѣйствуетъ въ настоящее время, есть лишь „незаконная дочь“ исключительныхъ обстоятельствъ, существующая только (?!) фактически; тогда какъ всякое стремленіе строго опредѣлить ея компетенцію, указать ей границы только узаконитъ ея существованіе и превратитъ ее тѣмъ самымъ въ прочное учрежденіе.

Забавнымъ и столь же мало убѣдительнымъ было возраженіе Бріана противъ доводовъ Андріё, вскрывавшаго реакціонный характеръ теперешняго режима печати. Бріанъ воспользовался тѣмъ обстоятельствомъ, что во Франціи—какъ и вездѣ, впрочемъ,—есть очень мало политическихъ дѣятелей, которые и въ оппозиціи, и у власти остаются вѣрными своимъ основнымъ взглядамъ, и при общемъ смѣхѣ палаты процитировалъ то мѣсто изъ „Мемуаровъ префекта полиціи“, въ которомъ Андріё похваляется, какъ онъ конфисковалъ совершенно противозаконно, и даже не спесшись съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, одну парижскую газету, дискредитировавшую, по его мнѣнію, дѣйствія тогдашней префектуры.

Откровеннѣе, но не убѣдительнѣе, была атака Бріана противъ самаго предложенія Мёнье, отнимавшаго у военныхъ властей право запрещать изданіе и оставлявшаго за представителями центральной власти въ Парижѣ и въ департаментахъ возможность конфискаціи и преслѣдованія по суду: „...Но знаете ли вы, каковы по-

слѣдствія проекта? Онъ отмѣняетъ осадное положеніе для печати даже въ полосѣ, занятой арміями. При такомъ законѣ извѣстныя статьи въ газетахъ могли бы проникнуть *даже въ наши траншеи* [1]) и тамъ вызвать нравственныя колебанія среди людей, которые должны оставаться спокойными наединѣ со своимъ долгомъ и своимъ героизмомъ. На это въ качествѣ главы правительства, сознающаго свою отвѣтственность, я ни за что не соглашусь".

Ибо дѣло идетъ, по мнѣнію премьера, въ настоящей войнѣ о „свободѣ всего міра", а не только Франціи. И для побѣды надъ врагомъ слѣдуетъ временно жертвовать всѣми отдѣльными свободами. Бріанъ полагаетъ, впрочемъ, что въ частности пресса „патріотически" мирится съ тѣми неудобствами, отъ которыхъ она уже успѣла отвыкнуть. Но „есть, видите-ли, личности, пользующіяся большимъ вліяніемъ, которыя, сознавая свое значеніе, а, можетъ быть, и исключительныя условія, существующія для нихъ, не хотятъ склонить своей головы передъ необходимостью. Эти люди желаютъ быть превыше всѣхъ другихъ и обладать полной свободой, по отношенію къ которой громадное большинство гражданъ согласилось, однако, на ограниченія"....

Въ этой умышленно общей характеристикѣ депутаты узнали портретъ Клемансо, который, въ качествѣ предсѣдателя двухъ сенатскихъ комиссій—военной и иностранныхъ дѣлъ—очень освѣдомленъ о настоящемъ положеніи вещей и въ своемъ органѣ „Скованный человѣкъ" жестоко нападаетъ на правительство, заставляя своихъ недруговъ говорить, что „цѣпи этого узника дѣлаютъ поистинѣ слишкомъ много шума".

И однако всѣ эти остроумные выпады и патетическія воззванія Бріана могли способствовать отрицательному отношенію большинства депутатовъ къ предложенію Мёнье лишь въ его настоящей формѣ. Но они не могли заглушить сознанія даже у этихъ депутатовъ, что все же современное положеніе французской печати ненормально и что въ этой области должна быть произведена серьезная реформа. Эту мысль убѣдительно развилъ одинъ изъ депутатовъ Жиронды,

---

[1]) Въ передовой статьѣ „Journal de Genève", который часто является въ Швейцаріи истолкователемъ взглядовъ французскаго правительства, мы встрѣчаемся съ горячими нападками на французскихъ дѣятелей, предлагающихъ отмѣнить политическую цензуру. Авторъ передовой находитъ изъ своего прекраснаго далека, что французская печать и безъ того черезчуръ рѣзка къ представителямъ власти: „Нападки противъ правительства и противъ президента республики не прекращаются и даже становятся все ѣдче съ каждой новой недѣлей... Развѣ можно считать французами тѣхъ людей, которые распространяютъ *даже въ траншеяхъ* лживый слухъ, что „Пуанкарэ желалъ войны, что онъ принадлежалъ къ партіи реванша", и бросаютъ такимъ образомъ обвиненіе противъ Франціи, ихъ отечества, возлагая на ея высшаго представителя и, значитъ, на нее самое, отвѣтственность за то, въ чемъ она не виновата?". См. „La censure politique"; „Journal de Genève", 30 января 1916.

Шомэ, который снисходительно относится къ кромсанью цензурою его собственныхъ статей во вліятельной южной газетѣ „La Gironde“, но обличаетъ ея неумѣлыя дѣйствія не только въ сферѣ запрещеній, а и въ сферѣ тенденціознаго подбора пошлостей и лжи, такъ какъ, вычеркивая зачастую серьезныя свѣдѣнія, она систематически оставляетъ нелѣпыя и смѣхотворныя сообщенія.

„Мы требуемъ отъ васъ—восклицалъ Шомэ, обращаясь къ министерской скамьѣ,—не оскорблять страну предположеніемъ, что она неспособна выносить истину и что для того, чтобы вести ее къ побѣдѣ, слѣдуетъ убаюкивать ее иллюзіями и питать химерами. Ваша цензура столь же неудачно дѣйствуетъ, когда разрѣшаетъ, какъ и тогда, когда запрещаетъ. Развѣ вы не сожалѣете объ опасныхъ въ военномъ отношеніи и чисто дѣтскихъ офиціальныхъ сообщеніяхъ, появлявшихся въ началѣ войны? (*Очень хорошо*! *Очень хорошо!*) А въ послѣднее время всѣ эти росказни (racontars) о болѣзни кайзера, всѣ эти ребяческія замѣтки объ экономическомъ положеніи Германіи? (*Очень хорошо! Очень хорошо!*)...

„Я осмѣливаюсь утверждать: мы вполнѣ сознаемъ наши обязанности, всѣ наши обязанности. Мы не нуждаемся въ цензурѣ, чтобы умѣть исполнять ихъ. Имѣйте же довѣріе къ странѣ, которая заслуживаетъ его! Не противопоставляйте далѣе существенныя свободы республики интересамъ національной обороны и интересамъ Франціи. Ихъ нужно примирить, и вы можете ихъ примирить очень легко.

„Скажите же одно слово, скажите разъ навсегда, что политическая цензура отмѣнена, и дѣйствуйте довѣрчиво, лойяльно, въ согласіи съ печатью, какъ вы должны дѣйствовать въ согласіи съ парламентомъ, потому что у насъ у всѣхъ одна единственная забота: спасеніе родины!“ (*Рукоплесканія*) [1]).

IV.

Съ наступающей весной и военныя операціи принимаютъ болѣе оживленный характеръ. Разумѣется, великая борьба націй распространилась теперь на слишкомъ большомъ пространствѣ и захватила слишкомъ много странъ съ различнымъ климатомъ, чтобы можно было связывать съ временемъ года общее положеніе дѣлъ на различныхъ фронтахъ. Кромѣ того, мы живемъ не во времена Ѳукидида, когда военная техника была развита сравнительно настолько слабо, что даже въ Греціи и смежныхъ съ нею странахъ война фактически прекращалась съ нашего ноября по нашъ мартъ и великій историкъ былъ принужденъ въ своемъ описаніи „Пелопоннесской войны“ довольно монотонно дѣлить операціи каждаго года на „лѣто“ и „зиму“.

1) „Le Temps“, 27 января 1916.

Однако, если считать правдоподобнымъ мнѣніе большинства современныхъ военныхъ писателей, что окончательное рѣшеніе мірового состязанія состоится въ Европѣ, а именно на западномъ, франко-германскомъ, и на восточномъ, русско-германскомъ, фронтѣ, то, повидимому, съ весной 1916 г. мы стоимъ на порогѣ чрезвычайно важныхъ событій. Усиливающаяся дѣятельность врага въ рижско-двинскомъ, пинскомъ, галиційскомъ районахъ указываетъ на подготовленіе австро-германцевъ къ новому наступленію на Россію.

. . . .

Что касается до западно-европейскаго фронта, то тамъ уже завязалась очень серьезная операція въ районѣ Вердэна. Завязалась почти въ тотъ самый моментъ, какъ стратеги англо-французской печати говорили объ отсутствіи у нѣмцевъ опредѣленныхъ крупныхъ плановъ. Въ половинѣ февраля н. с. можно было еще читать въ „Таймсѣ“:

„До сихъ поръ мы не склонны придавать слишкомъ большое значеніе довольно живымъ стычкамъ на различныхъ пунктахъ западнаго фронта. Нѣмцы искусно рекламировали совершающееся якобы у нихъ массовое накопленіе свѣжихъ войскъ и артиллеріи. Но состояніе боевой линіи мало подкрѣпляло ихъ утвержденія. Они лишь нащупывали слабыя мѣста на фронтѣ союзниковъ, можетъ быть, съ двоякой цѣлью: поддержать мужество своихъ солдатъ и распространять свои обычныя сказки среди уставшаго отъ войны населенія въ самой Германіи. Такъ, они нашли такой слабый пунктъ у Фризъ, близъ Альбера, въ точкѣ смычки французской и британской линій, и на одинъ мигъ принялись самымъ усерднымъ образомъ хлопотать вокругъ него. Они продолжаютъ болѣе или менѣе непрерывно бороться втеченіе трехъ недѣль у Вими, къ сѣверу отъ Арраса. Они только-что сдѣлали боевой бросокъ къ сѣверу отъ Ипра. Недавнія же столкновенія въ Шампани являются, въ сущности, лишь слѣдствіемъ обширнаго французскаго наступленія осенью прошлаго года; и въ этой области успѣхъ переходилъ то на ту, то на другую сторону“ [1]).

А въ офиціальномъ сообщеніи отъ 22 февраля уже говорилось объ усилившейся дѣятельности нѣмецкой артиллеріи въ районѣ Вердэна и объ атакахъ нѣмцевъ къ востоку отъ Брабанъ-сюръ-Мёзъ съ захватомъ „нѣкоторыхъ частей выдвинутыхъ впередъ французскихъ траншей“. На слѣдующій день бюллетень отъ 23 февраля уже отмѣчалъ необыкновенно сильный артиллерійскій бой на фронтѣ протяженіемъ въ 40 километровъ и исчислялъ количество германской пѣхоты, производившей неоднократныя крайне ожесточенныя атаки противъ французовъ, по крайней мѣрѣ, въ 25 дивизій. Къ 28 февраля, французскій фронтъ былъ отодвинутъ подъ

---

[1]) „The War in East and West“; „The Times“, 14 февраля 1916.

напоромъ врага на 5 - 6 километровъ въ глубину на всемъ пространствѣ между Консанвуа, къ сѣверо-западу отъ Вердэна, и Эннемономъ, къ востоку, т. е. на протяженіи, превышающемъ 30 километровъ (см. подробную карту Вердэна и его окрестностей). И военный обозрѣватель „Таймса", играя роль пророка заднимъ числомъ, считалъ нужнымъ увѣрять своихъ читателей, что, конечно, у нѣмцевъ существовалъ уже давно этотъ планъ обширнаго движенія въ Шампани и въ частности противъ Вердэна, но что и союзники давно были освѣдомлены о немъ, давно были приготовлены къ нему и лишь—скрывали это: „Мы знали объ этомъ дѣлѣ значительно болѣе того, чѣмъ могли думать нѣмцы. Но такъ какъ германское наступленіе на западѣ было какъ разъ тѣмъ обстоятельствомъ, котораго мы жаждали, то намъ нечего было и кричать объ этомъ" [1]).

Какъ бы то ни было, въ данный моментъ (13 марта—29 февраля), послѣ 11-дневныхъ ожесточенныхъ атакъ на правомъ берегу Мааса и 10-дневныхъ, не менѣе ожесточенныхъ, атакъ на лѣвомъ берегу рѣки, нѣмцы не развили большихъ дальнѣйшихъ успѣховъ. Они не продвинулись къ самому Вердэну ближе 8 километровъ съ сѣверо-востока, гдѣ они упорно осаждаютъ фортъ де-Во, и ближе 12 километровъ съ сѣверо-запада, гдѣ имъ удалось захватить деревню Форжъ и часть лѣса Корбо. Скудныя и разрозненныя данныя официальныхъ бюллетеней и реторическія описанія борьбы у частныхъ корреспондентовъ не позволяютъ намъ, однако, судить о взаимномъ положеніи борющихся, тѣмъ болѣе, что обѣ стороны упрекаютъ другъ друга въ далеко отклоняющемся отъ истины изображеніи хода сраженія. Нѣмцы называютъ тенденціознымъ измышленіемъ французовъ цифры германскихъ потерь, составляющія будто бы уже 200.000 чел. Въ свою очередь французы горячо оспариваютъ цифры военноплѣнныхъ, сообщаемыя нѣмцами, утверждая, что тамъ, гдѣ германцы говорятъ о цѣлыхъ тысячахъ, слѣдуетъ читать сотни, если не десятки.

. . . .

Большое оживленіе царитъ въ данный моментъ и на малоазіатскомъ фронтѣ, гдѣ русскіе, повидимому, неожиданно для турокъ, проявили значительную иниціативу. Въ прошломъ обозрѣніи мы остановились на томъ моментѣ, когда (21 - 8 января) наши войска подошли къ самымъ фортамъ Эрзерума. Въ результатѣ обстрѣла фортовъ и ожесточеннаго пятидневнаго штурма Эрзерумъ былъ взятъ (14 - 1 февраля); и при этомъ, согласно сообщенію отъ 13 февраля с. с., нами было захвачено въ плѣнъ 235 офицеровъ, 12.753 нижнихъ чина и 323 орудія. Преслѣдуя отступающія турецкія войска, мы двигаемся одновременно въ нѣсколькихъ направленіяхъ отъ Эрзерума: къ югу, гдѣ нами взятъ Мушъ

---

[1]) „The German Attack"; „The Times", 28 февраля 1916.

(разстояніе по прямой линіи въ 125 километровъ) и Битлисъ; къ западу, гдѣ по Трапезундскому шоссе мы дошли до Ашкалы (50 км.;) къ сѣверу, гдѣ по дорогѣ въ Ризэ мы забрали Испиръ (70 км.), тогда какъ на побережьи Чернаго моря мы заняли Атину, Манаврэ и Ризэ, угрожая Трапезунду.

Параллельно съ этимъ происходитъ и занятіе нами городовъ въ Персіи. Къ перечисленнымъ еще въ прошломъ обозрѣніи Куму, Султанабаду, Хамадану нужно присоединить Кашанъ (за Кумомъ, въ 195 км. съ югу отъ Тегерана), Сахнэ, возлѣ Керманшаха, самый Керманшахъ (180 км. къ юго-западу отъ Хамадана) и Сеннэ, къ С. отъ Керманшаха. Взятіе Керманшаха имѣетъ значеніе въ томъ отношеніи, что разстояніе между этимъ городомъ и Кутъ-эль-Амарой, въ Месопотаміи, гдѣ остановились пока англійскіе отряды, отступившіе отъ Багдада, не превышаетъ по прямой линіи 230 километровъ. Такимъ образомъ становится возможнымъ боевое сотрудничество русскихъ и британскихъ войскъ.

. . . .

Дѣйствія болгаро-турко-германцевъ противъ союзниковъ на Балканскомъ театрѣ носятъ въ данный моментъ подготовительный характеръ и не проявляются ни въ чемъ особенно активномъ. Иностранныя, преимущественно итальянскія, газеты даютъ распредѣленіе силъ врага, которыя предназначены для операцій въ Салоникскомъ укрѣпленномъ районѣ. Въ западной части, между Монастыремъ и Дойраномъ, сосредоточено 250.000 войскъ, имѣющихъ задачею нападеніе на лѣвый флангъ и центръ союзниковъ. Восточнѣе, въ Ксанти, стоитъ 60-тысячная смѣшанная армія турокъ, болгаръ и отчасти германцевъ, предназначенная для атаки праваго фланга англо-французскихъ войскъ (исчисленіе послѣднихъ въ 400.000 чел. намъ представляется очень преувеличеннымъ). Австрійцы продвигаются вдоль сѣверной части Албанскаго побережья и занимаютъ пространство между С. Джованни-ди-Медуа и Дураццо включительно. Что касается до сербской арміи и ушедшей отъ непріятеля части черногорскихъ войскъ, то они перевезены союзнымъ флотомъ на островъ Корфу въ количествѣ, превышающемъ, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, 120.000 чел.

Зима съ ея снѣгами и мятелями въ гористыхъ пунктахъ итало-австрійскаго театра видимо сказалась на ослабленіи военныхъ дѣйствій. До сихъ поръ итальянцы ведутъ артиллерійскій бой съ врагами на высотахъ къ западу отъ Горицы, въ бассейнѣ нижняго Изонцо. Но и въ этой болѣе равнинной части фронта операціи развиваются очень медленно.

Втеченіе послѣднихъ недѣль воздушный флотъ проявляетъ усиленную дѣятельность съ обѣихъ сторонъ. Кромѣ уже упомянутаго нами прошлый разъ налета на Парижъ (29 января н. с.), нѣмецкіе цеппелины совершили двукратный набѣгъ на Англію, а

именно первый разъ (31 января) на восточныя и сѣверо-восточныя части Мидлэнда, гдѣ оказалось 59 убитыхъ и 101 раненый, тогда какъ аэропланы бросали бомбы 20 февраля на Лоустофтъ и, къ сѣверу отъ Дувра, на маякъ Кентишъ-Нокъ (35 км. отъ берега) и мѣстечко Уольмеръ, а второй разъ, 6—7 марта, на обширномъ пространствѣ (8 англійскихъ графствъ, отъ Йорка до Кента), причемъ пострадало 52 человѣка (изъ нихъ 13 было убито). 2 февраля австрійскій цеппелинъ произвелъ налетъ на Солунь, и австрійскіе же аэропланы 14 февраля на Миланъ. Союзникамъ удалось, въ свою очередь, сдѣлать нѣсколько налетовъ на врага. 28 января французскіе аэропланы сильно потревожили болгарскій лагерь въ Пазарли (къ сѣверу отъ Дойрана). 3 февраля они бросали зажигательныя бомбы надъ Петричемъ. Итальянцы совершили 19 февраля налетъ на Любляну. 9 марта значительный отрядъ французскихъ аэроплановъ произвелъ успѣшную атаку противъ желѣзной дороги въ Карбэнѣ (въ сѣверной части франко-германскаго фронта).

Кстати сказать, нападенія нѣмецкихъ цеппелиновъ вызвали въ палатѣ лордовъ на засѣданіи 17 февраля рѣзкую критику англійской системы обороны противъ воздушнаго флота враговъ. Лордъ Грэнморъ заявилъ: „Никто въ этой палатѣ не вѣритъ, что германскіе цеппелины прилетаютъ къ намъ только за тѣмъ, чтобы убивать. Ихъ главная задача—причинять намъ военный ущербъ, разрушая казармы и военные заводы, и если они не особенно успѣвали до сихъ поръ въ этомъ, то это еще не гарантируетъ насъ отъ такого ущерба въ будущемъ. Всякій разъ, какъ цеппелины прилетали снова и снова, они появлялись во все большемъ и большемъ числѣ, бросали больше бомбъ, держались все болѣе и болѣе смѣлой тактики и залетали все дальше и дальше“. Лордъ Сайденхэмъ обвинялъ военное министерство, что оно не умѣетъ назначать дѣйствительно компетентныхъ лицъ въ этой области, и вызвалъ общій смѣхъ сатирой на рутину, царящую среди размѣщенной на іерархической лѣстницѣ бюрократіи: „Для правительственной администраціи должно бы быть аксіомой, что никто не долженъ заниматься тѣмъ вопросомъ, по отношенію къ которому у него нѣтъ спеціальныхъ знаній. Такая аксіома царитъ во всякомъ хорошо управляемомъ частномъ предпріятіи. Но мой собственный опытъ въ правительственныхъ дѣлахъ научилъ меня, что изъ-за каждой необходимой реформы вамъ приходится пробиваться черезъ цѣлый восходящій рядъ чиновниковъ, изъ которыхъ каждый знаетъ меньше ниже его стоящаго, пока, наконецъ, вы не достигнете носителя рѣшающей власти, который не знаетъ уже ровно ничего (*Смѣхъ*). На благовоспитанномъ языкѣ это называется „цѣпью отвѣтственности“ (*Смѣхъ*)“ [1].

---

[1]) „The Times“, 18 февраля 1916.

18 февраля военное министерство Великобританіи получило извѣщеніе, что активныя военныя операціи въ Камерунѣ можно считать законченными, такъ какъ, за исключеніемъ изолированной позиціи у Моражилля, вся нѣмецкая колонія занята союзными войсками.

Н. С. Русановъ.

P.S. Въ мою январьскую лѣтопись вкралась опечатка: на страницѣ 266, строка 16 снизу вмѣсто „безработныхъ“ надо читать „бездѣтныхъ“. **Н. Р.**

Литература и война.

(Письмо изъ Франціи).

I.

Въ настоящей статьѣ я хочу познакомить читателей съ французской литературой военнаго времени, показать, какъ она отражаетъ настроенія и чаянія Франціи, взбудораженной ужасной войной, и что въ ней отражается.

Такое событіе, какъ война, не можетъ пройти безслѣдно для литературнаго творчества. Но сейчасъ, въ разгаръ войны, художественная литература не дала еще во Франціи ничего новаго, ни интереснаго. До сихъ поръ появились лишь бульварные романы, посвященные войнѣ, да нѣсколько сборниковъ стиховъ на эту же тему. Изъ литературныхъ корифеевъ одинъ только Поль Бурже выпустилъ романъ „Le Sens de la mort“, въ которомъ трактуется проблема смерти, но который не имѣетъ прямого отношенія къ переживаемымъ событіямъ.

Это явленіе, странное на первый взглядъ, если вспомнить, какъ богатъ бывалъ въ обычное время французскій книжный рынокъ литературными новинками, объясняется многими причинами самаго разнообразнаго характера. Прежде всего, громадное большинство писателей были съ самаго начала войны мобилизованы. И, увы, уже длиненъ списокъ служителей пера, легшихъ костями на полѣ брани. Среди павшихъ не мало молодыхъ талантливыхъ писателей, подававшихъ большія надежды, не мало также и литераторовъ съ прочной репутаціей и именемъ, во главѣ которыхъ глубоко-даровитый, вѣчно ищущій Шарль Пэги.

Но и для оставшихся, которыхъ преклонный возрастъ предохранилъ отъ мобилизаціи, война создала условія неблагопріятныя для художественнаго творчества. Чтобы написать драму или романъ, необходимо сосредоточиться, уйти въ себя, на время ум-

ственно изолироваться отъ окружающей повседневности. Но сейчасъ, когда событія такъ громадны, захватывая всѣхъ и вся, когда такъ натянуты нервы, отъ повседневности трудно уйти, трудно добиться душевнаго равновѣсія и спокойствія. Какъ справедливо указываетъ критикъ „Temps", Поль Судэй, художественное творчество сейчасъ „почти физически невозможно".

Когда-то были титаны духа и мысли, которые могли сохранять эпическое спокойствіе и ясность ума среди молній и громовъ военной грозы. Еще французъ Теофиль Готье воспѣлъ въ знаменитыхъ стихахъ нѣмца Гете, который

Au son du canon brutal
Fit le Divan Oriental
Fraiche oasis ou l'art respire.

Разсказываютъ, что Гегель во время битвы при Іенѣ хладнокровно работалъ надъ своей „феноменологіей духа", не смотря на то, что стѣны его дома дрожали отъ грохота пушечной пальбы.

Можетъ быть, въ старину закалъ людей былъ крѣпче. Но во всякомъ случаѣ современнымъ французскимъ писателямъ трудно сохранить такое эпическое спокойствіе, когда вражескія арміи находятся въ семидесяти верстахъ отъ столицы.

— У кого изъ насъ хватитъ духу написать теперь романъ или драму, когда отечество страдаетъ, а братья наши умираютъ на поляхъ сраженій?—пишетъ Роменъ Ролланъ.

Къ тому же у многихъ писателей война вызвала своего рода идейную катастрофу, разрушила установившіеся взгляды и мнѣнія, создала коллизію разнообразныхъ мыслей и чувствъ, и писатели этой категоріи, которые еще не нашли путеводной нити, чтобы выбраться изъ образовавшагося лабиринта противорѣчій, предпочитаютъ молчать.

Изъ всего сказаннаго не слѣдуетъ однако, что всѣ французскіе писатели-художники забросили перо. Нѣкоторые изъ нихъ пишутъ и пишутъ много, но они не создаютъ ни романовъ, ни пьесъ. Вчерашніе драматурги и беллетристы превратились въ своеобразныхъ публицистовъ. Они пытаются уловить и отразить общественныя настроенія, дѣлиться своими наблюденіями, проповѣдуютъ взгляды и мнѣнія, основанные на этихъ наблюденіяхъ. Словомъ, эти писатели стараются исполнить свою обычную задачу, обычную задачу литературы, избравъ лишь новую форму, обусловленную особенностями и требованіями момента.

Эта публицистика беллетристовъ непохожа, однако, на обычную публицистику. Въ ней мало или почти нѣтъ политики. И она представляетъ значительный интересъ для знакомства съ французскими настроеніями.

Что преобладающимъ настроеніемъ во Франціи является сейчасъ патріотизмъ—это, конечно, вполнѣ понятно,

Не смотря на постоянную междоусобицу и борьбу партій и классовъ, характеризовавшія общественную жизнь Франціи, патріотическое чувство во французскомъ народѣ развито, пожалуй, сильнѣе, чѣмъ у другихъ націй. Намъ, русскимъ, иногда трудно бываетъ понять въ этомъ отношеніи французовъ, у которыхъ широкій демократизмъ свободно уживается съ патріотизмомъ, порою принимающимъ даже рѣзкую націоналистическую окраску. Явленіе это объясняется многими причинами.

Французскій патріотизмъ, въ широкомъ національномъ смыслѣ этого слова, зародился во время великой революціи, которая наложила на него глубокій отпечатокъ. Французская „единая и нераздѣльная нація" родилась въ огнѣ революціи. Въ этомъ огнѣ спаялись воедино провинціи и области, составлявшія дореволюціонную Францію, съ ихъ рѣзкимъ партикуляризмомъ, съ ихъ слабой связью, съ центробѣжными стремленіями. Національное сознаніе сложилось во Франціи почти одновременно съ сознаніемъ революціоннымъ. А развитіе, которое приняла революція, мощно содѣйствовало ихъ взаимному проникновенію. Защищая страну противъ натиска европейской коалиціи, арміи санкюлотовъ защищали отечество и республику. Отечество подверглось нападенію именно потому, что оно могучимъ усиліемъ разорвало сковывавшія его роковыя цѣпи прошлаго и, тѣмъ самымъ, бросило вызовъ монархической Европѣ.

Традиція революціоннаго патріотизма проходитъ красной линіей черезъ исторію Франціи послѣдняго вѣка. Она дала толчокъ къ образованію третьей республики среди безчисленныхъ бѣдствій, обрушившихся на страну, она же послужила импульсомъ и Парижской коммунѣ.

Для французовъ, въ силу особенностей ихъ исторіи, оборона отечества и защита внутреннихъ свободъ сливается воедино. Такъ разсматриваетъ огромное большинство населенія и настоящую войну. Къ этому прибавьте могучую, непреоборимую „власть земли". Извѣстна необычайная, почти мистическая любовь французскаго крестьянина къ своей землѣ, которую еще Мишле воспѣлъ такъ трогательно и ярко. Но въ періоды кризисовъ, когда угроза поднимается надъ отечествомъ, эта мистическая любовь не можетъ не распространиться на всю французскую землю, на которой родилась и развилась тысячелѣтняя культура, глубоко проникающая націю, связывающая ее невидимыми, но неразрывными узами. Не забудемъ также, что втеченіе послѣдняго вѣка Франція трижды подвергалась непріятельскому нашествію, а это обстоятельство содѣйствовало, конечно, сильному обостренію національнаго чувства, повышенію національной чувствительности, не

говоря уже о живости французскаго темперамента, сильно и страстно реагирующаго на явленія и событія.

Но патріотизмъ, какъ извѣстно, палка о двухъ концахъ. Онъ можетъ воспламенять на героизмъ и самопожертвованіе, но можетъ также и ослѣплять, и проявленія его не всегда бываютъ одинаковыми, а опредѣляются условіями даннаго момента. Посмотримъ же, какъ отражаетъ литература военнаго времени современный патріотическій подъемъ Франціи.

II.

Въ первую голову писателей-художниковъ, превратившихся въ публицистовъ, необходимо поставить рядъ академиковъ, какъ Лаведанъ, Ришпенъ, Баррэсъ, Донэй и др. Они пишутъ больше всѣхъ, стремятся всѣхъ перекричать и, пользуясь своимъ почетнымъ титуломъ „безсмертныхъ", пытаются выступать какъ истинные выразители французской совѣсти, какъ глашатаи надеждъ и чаяній націи.

Передо мною сборникъ статей, озаглавленный „Les grandes heures", принадлежащій перу „члена французской академіи" Анри Лаведана.

Въ своемъ предисловіи авторъ увѣряетъ, что цѣль его не руководить читателями, а подчиняться имъ, получать отъ нихъ импульсы, дать форму и выраженіе мыслямъ и чувствамъ, которыми онъ отъ нихъ заражается. Если вѣрить автору, онъ является лишь передаточнымъ аппаратомъ. И однако чтеніе сборника вызываетъ нестерпимое раздраженіе. Лаведанъ не проповѣдуетъ дикой ненависти, но всѣ статьи его пропитаны какой-то искусственной елейностью и ложнымъ пафосомъ. И отъ всей книги получается смѣшанное впечатлѣніе дѣланнаго смиренія и переходящаго границы фанфаронства.

Вотъ, напримѣръ, патріотическое „credo" Франціи, составленное Лаведаномъ. И вотъ какія чувства и настроенія приписываетъ авторъ французскому народу.

„Я вѣрю въ храбрость нашихъ солдатъ, въ знанія и преданность нашихъ полководцевъ. Я вѣрю въ силу права, въ крестовый походъ цивилизованныхъ націй, вѣрю во Францію, вѣчную, неистребимую, необходимую. Я вѣрю въ цѣну страданій и цѣнность надеждъ. Я вѣрю въ кровь ранъ и святую воду, въ огонь артиллеріи и пламя свѣчи. Я вѣрю въ священныя пожеланія старцевъ и всемогущее невѣжество дѣтей.

„Я вѣрю въ молитву женъ, въ героическую безсонницу супруги, въ набожное спокойствіе матерей, въ святость нашего дѣла, въ незапятнанную славу нашихъ знаменъ... Я вѣрю въ насъ, вѣрю въ Бога". „Я вѣрую, я вѣрую, я вѣрую"... и т. д. на протяженіи двухъ страницъ.

Все, что касается Франціи и ея союзниковъ, приводитъ автора въ невѣроятный экстазъ, и онъ разражается бурными патетическими фразами. Все, что касается врага, въ изображеніи автора презрѣнно, жалко. Не нужно и большихъ событій, чтобы Лаведанъ пришелъ въ восторженное состояніе.

Въ Парижѣ вывѣшены флаги по случаю національнаго праздника, и Лаведанъ поетъ патетическій дифирамбъ національной эмблемѣ, съ явной претензіей на символизмъ.

„Флагъ теперь на первомъ планѣ. Это главный персонажъ націи. Онъ развѣвается надъ всѣми партіями и надъ всѣми вершинами. Онъ взвился надъ двадцатью партіями". Лаведанъ любуется флагомъ утромъ и вечеромъ, въ солнечную погоду и въ дождь, когда дуетъ легкій вѣтерокъ и когда свирѣпствуетъ буря. Флагъ, флагъ, авторъ буквально имъ загипнозитированъ.

„Онъ качается какъ гамакъ, надувается и округляется, какъ парусъ... Порою кажется, что онъ качаетъ въ глубинѣ своихъ складокъ маленькое дитя. И онъ думаетъ, думаетъ, и онъ кажется какъ бы изваяннымъ. Онъ образуетъ узкій и крѣпкій блокъ, въ которомъ ничего нельзя различить, кромѣ узкой трехцвѣтной полоски на краю его крыльевъ. Даже когда онъ неподвиженъ, онъ внушаетъ страхъ и уваженіе. Его неподвижность полна могучей рѣшимости. Это флагъ Дамокла".

Таковъ французскій флагъ, что же касается флага нѣмецкаго, то что же онъ можетъ отражать въ глазахъ поэта, какъ не моральное банкротство Германіи...

„Онъ безпомощно и жалко болтается на своемъ древкѣ, получается впечатлѣніе, что онъ дѣйствительно повѣшенъ, какъ человѣческій лоскутъ. Онъ истощенъ, измятъ, лишенъ зрѣнія, лишенъ чувствъ,—безжизненное тѣло, которое все потеряло, даже честь И его жалкій видъ усиливаетъ нашу гордость"...

Нѣтъ нужды продолжать цитаты изъ книги почтеннаго академика, чтобы дать представленіе о составляющихъ ее статьяхъ. Всѣ онѣ, какова бы ни была ихъ тема, написаны въ такомъ же духѣ. Ни одной живой мысли, ни настоящаго заражающаго волненія,—одна риторика. „О, Франція!", „О, отечество!", „О, умереть за отечество",—такими восклицаніями испещрены всѣ писанія Лаведана.

Но писанія Лаведана—невинный лепетъ въ сравненіи съ литературными выступленіями другихъ, не менѣе почтенныхъ академиковъ. Здѣсь уже не только елейность и фанфаронство, но и ненависть, дикая, темная, брызжущая ядовитой пѣной.

Просмотрите, напримѣръ, сборникъ Жана Ришпена „Prose de guerre". До какой только виртуозности въ проповѣди ненависти не поднимается авторъ, нѣкогда воспѣвавшій парижскую бѣдноту, этотъ анархистъ въ литературѣ, скандализировавшій литера-

турныхъ старичковъ своей буйной смѣлостью. Вотъ маленькій образчикъ.

„Моя ненависть, наша общая ненависть, ненависть полная и безмѣрная, непоколебимая и законная, ненависть, превратившаяся въ право, какъ и въ долгъ. Эту ненависть ничто не сможетъ ослабить, пока мы не подвергнемъ Германію справедливой и полной карѣ за ея преступленія, пока мы не лишимъ ее возможности возобновлять эти преступленія, пока человѣчество не будетъ освобождено навсегда отъ варварства, пока свирѣпое и отвратительное животное не будетъ посажено въ желѣзную клѣтку и не будутъ вырваны у него клыки и когти, разорваны нервы, мускулы оторваны отъ мяса, кости опорожнены отъ мозга, пока не выльется у него вся кровь изъ артерій, не лопнетъ его желчь на его сердцѣ и не обездушится, наконецъ, его душа".

Весь сборникъ Ришпена состоитъ изъ варіацій на тему „ненависть", принимающихъ поистинѣ каннибальскій характеръ. И Ришпенъ не только не скорбитъ, но, наоборотъ, гордится тѣмъ, что онъ можетъ такъ ненавидѣть. „Мы живемъ въ потемкахъ ненависти, пишетъ онъ, но наша ненависть законно слѣпа". Авторъ прекрасно чувствуетъ себя въ этихъ потемкахъ, которыхъ, по его мнѣнію, не долженъ прорѣзывать ни одинъ, хотя бы слабый, лучъ человѣческой симпатіи. Онъ хвастается тѣмъ, что даже при желаніи не могъ бы произнести сочувственнаго слова по адресу даже наиболѣе симпатичнаго нѣмца,—такое слово, говоритъ онъ, обожгло бы мнѣ ротъ. И однако Ришпенъ, несомнѣнно, талантливый человѣкъ, широко и всесторонне образованный, считающій себя однимъ изъ тѣхъ, которые составляютъ соль французской земли.

Но Ришпенъ не только свирѣпъ, какъ каннибалъ, но еще и безъ удержу фанфаронитъ. Въ моментъ, когда вся Бельгія и сѣверъ Франціи еще заняты нѣмецкими войсками и предвидится долгая тяжелая кампанія, Ришпенъ обсуждаетъ вопросъ о размѣрахъ контрибуціи, которую союзники наложатъ на побѣжденную Германію, а также и способы полученія этой контрибуціи. Онъ примиряется со скромной цифрой въ двѣсти милліардовъ франковъ. Союзники должны будутъ оккупировать наиболѣе продуктивныя германскія провинціи и организовать взиманіе въ свою пользу налоговъ, а также овладѣть различными рессурсами, какъ общественными, такъ и *частными*. Само собой разумѣется, что оккупація будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не покроется вся сумма въ двѣсти милліардовъ. „Рѣшайте же, восклицаетъ Ришпенъ, стоитъ ли шкура чудовища того, чтобы вовсе прикончить чудовище или назначить его въ продажу, хотя бы съ сегодняшняго дня".

Послѣ этого уже, конечно, не приходится удивляться обостренному шовинизму, которымъ проникнута книга академика Мориса Барреса „La guerre et l'ame française".

Съ Баррэса и взятки гладки. Богато одаренный писатель, на котораго когда-то Тэнъ возлагалъ большія надежды, обладающій высокой способностью художественнаго воспріятія и поражающій классической чистотой и музыкальностью слога, Баррэсъ уже много лѣтъ является въ политикѣ фанатическимъ націоналистомъ. Въ его сборникѣ нѣтъ политической полемики (о взглядахъ этого писателя на дѣло войны мнѣ уже пришлось писать въ свое время въ „Р. Запискахъ"). Онъ пытается отразить настроенія „французской души" во время войны, но отражаетъ ихъ по своему.

Книга его переполнена восторженными дифирамбами Франціи и проклятіями Германіи, всему нѣмецкому. Баррэсъ проповѣдуетъ не только матеріальную борьбу противъ Германіи, но требуетъ, чтобы раскаленнымъ желѣзомъ были истреблены малѣйшіе слѣды вліянія германскаго духа въ наукѣ, литературѣ и искусствѣ Франціи. Онъ объявляетъ безъ обиняковъ измѣнниками всѣхъ сторонниковъ марксизма, любителей вагнеровской музыки, поклонниковъ Ницше и т. д. Даже тѣхъ, которые до войны были повинны въ этихъ смертныхъ грѣхахъ!

„Совершенно очевидно, пишетъ онъ, что нѣкоторые французскіе рабочіе, принявшіе марксистскую доктрину, нѣкоторые любители музыки, поддававшіеся вліянію вагнеровскихъ чаръ, нѣкоторые любопытные, которые, захлебываясь, апплодировали бреду Ницше, *предали дѣло Франціи*. Нужно было предвидѣть, что они подготовятъ среду, особенно благопріятную для появленія того, чего мы были свидѣтелями въ августѣ, для появленія зарейнскаго мефистофеля, сатаны, окруженнаго варварскими батальонами и заявляющаго: „Ты предалъ мнѣ твою душу,—я пришелъ теперь, чтобы овладѣть твоимъ тѣломъ".

Я остановился на Лаведанѣ, Ришпенѣ, Баррэсѣ, потому что они являются лидерами академической группы писателей-художниковъ. Но и другіе ихъ коллеги изъ этой же группы, какъ Донней, Конюсъ, Прево и т. д., стараются не отставать онъ нихъ.

Находится также не мало беллетристовъ и поэтовъ, не принадлежащихъ къ академіи, которыхъ націоналистическій ядъ отравилъ такъ сильно, что они совершенно лишились способности мыслить и писать безъ ненависти. Я не говорю уже о Леонѣ Додэ, который въ своей книгѣ „Hors du joug allemand" не только объявляетъ войну Вагнеру и Ницше, но валитъ въ одну кучу Трейчке и Гегеля, Бернгарда и Гете, Гардена и Гейне и требуетъ, чтобы Франція окружила себя моральной китайской стѣной черезъ которую не могло бы проникнуть малѣйшее вліяніе не то что нѣмецкой, но и вообще чужеземной мысли.

Даже такіе прогрессивные писатели, какъ Рони старшій и симпатичный бытописатель французскаго крестьянства, Эмиль Мозели, не брезгаютъ націоналистической проповѣдью. Рони называетъ Германію „Une terre de monstres",—а Мозели публично

кается, что за нѣсколько мѣсяцевъ до войны онъ имѣлъ слабость, встрѣтившись съ нѣмецкимъ коллегой, обойтись съ нимъ по-человѣчески.

Сборники стиховъ, вышедшіе за время войны, за рѣдкими исключеніями, также дышутъ враждой и ненавистью къ нѣмцамъ.

Поэтъ Эмиль Бертеро, побившій рекордъ въ этомъ отношеніи, приглашаетъ французовъ въ Берлинъ, чтобы... полакомиться тамъ живыми „бошами"...

Дальше ужь, кажется, некуда! Эти поэты, воспѣвающіе на разные лады патріотизмъ, очевидно, не понимаютъ, какъ сильно они принижаютъ его. Вѣдь если патріотическое чувство не можетъ вызвать ничего, кромѣ каннибальской ненависти къ врагу, то ясно, что это чувство низменное. Однако мы знаемъ, что такимъ поэтамъ, какъ, напримѣръ, Викторъ Гюго, патріотизмъ могъ внушать возвышенныя, глубоко-человѣчныя мысли.

„Среди нынѣшнихъ обстоятельствъ крайности неизбѣжно должны были сдѣлаться правиломъ, а чувство мѣры исключеніемъ",—пишетъ литературный критикъ парижскаго журнала „Grande Revue". Но крайности, которыми отличаются сейчасъ литературныя выступленія, далеко не носятъ одинаковаго характера. „Однѣ, вызванныя гнѣвомъ, возмущеніемъ, являются естественной и фатальной реакціей „части отечества", живущаго въ каждомъ изъ насъ. Другія, напротивъ, опредѣляются предразсудками и страстями, не имѣющими ничего общаго съ этой войной. Нѣкоторые авторы пользуются обстоятельствами, чтобы дать полную волю своимъ страстямъ и предразсудкамъ подъ прикрытіемъ великодушныхъ чувствъ. Ихъ мотивы не всегда невинны. Они дѣлаютъ мало чести французскому разуму".

Авторъ подводитъ подъ вторую категорію какъ разъ тѣхъ, какъ онъ выражается „pontifes", литературныя выступленія которыхъ я вкратцѣ охарактеризовалъ выше.

Конечно, нелѣпо было бы утверждать, что война не породила во французскомъ народѣ чувствъ озлобленія и вражды къ нѣмцамъ, хотя, конечно, не въ одинаковой степени во всѣхъ слояхъ его. Французская масса, такъ или иначе, считаетъ нѣмцевъ виновниками всѣхъ несчастій, которыя обрушились на страну, видитъ въ нихъ злую силу, стремящуюся раздавить и уничтожить Францію. Но есть ненависть и ненависть. Есть ненависть, порождаемая темнымъ звѣринымъ инстинктомъ, и ненависть, вызванная возмущеніемъ человѣческаго чувства противъ жестокихъ и дикихъ поступковъ. Конечно, и такая ненависть можетъ быть несправедливой, можетъ смѣшивать въ одну кучу истинныхъ виновниковъ и подневольныхъ исполнителей, но во всякомъ случаѣ мотивы, возбуждающіе ненависть, въ значительной мѣрѣ опредѣляютъ и

характеръ ея. И это мы увидимъ особенно ярко, если мы перейдемъ къ писателямъ демократическаго лагеря, у которыхъ протестуетъ „часть отечества".

III.

Для писателей демократическаго лагеря, проповѣдывавшихъ до войны широкіе общечеловѣческіе идеалы, великое потрясеніе, конечно, не прошло безслѣдно. Я уже говорилъ, что нѣкоторые изъ нихъ вовсе замолчали, а нѣкоторые, къ сожалѣнію, заразились шовинистической горячкой. И даже лучшіе изъ нихъ, тѣ, которые крѣпко и высоко держали свое знамя, противопоставляя временнымъ и противорѣчивымъ общественнымъ настроеніямъ броню убѣжденія и разума, поддались въ той или иной степени вліянію психологической атмосферы, созданной войной. И среди этихъ писателей есть люди, перомъ которыхъ водитъ теперь ненависть. Но ихъ все же можно читать безъ отвращенія, и если трудно одобрить, то легко понять и, можетъ быть, оправдать... Они, по крайней мѣрѣ, не взываютъ къ слѣпому инстинкту.

Наиболѣе яркимъ и сильнымъ образчикомъ такого рода литературы является, несомнѣнно, книга Эмиля Верхарна „La Belgique Sanglante".

Верхарнъ—не французъ, а бельгіецъ, но онъ съ самаго начала войны живетъ во Франціи и его книга вышла въ Парижѣ.

Бельгійскій народъ сейчасъ особенно близокъ къ Франціи, съ которой исторія связала его кровавыми узами. Онъ и до войны близокъ былъ ей по культурѣ и духу. И если есть нѣкоторое различіе между настроеніями бельгійцевъ и французовъ, то только въ смыслѣ большей остроты и интенсивности чувствъ, но не въ сущности самыхъ настроеній. Бельгія больше страдаетъ, чѣмъ Франція, на нее всей своей страшной тяжестью легла желѣзная рука завоевателя, — она, можно сказать, „потеряла все, кромѣ чести". И тѣмъ болѣе показательной является поэтому книга Верхарна.

Чуткій и впечатлительный поэтъ, умѣвшій улавливать и передавать въ могучихъ образахъ настроенія народной массы, пѣвецъ пролетаріата, борьбы и творческаго труда, Верхарнъ лучше, чѣмъ кто-нибудь иной, долженъ отражать сейчасъ душу бельгійскаго народа.

Уже самое предисловіе его книги производитъ жуткое впечатлѣніе. „Авторъ этой книги, въ которой проступаетъ ненависть, былъ нѣкогда горячимъ пацифистомъ. Онъ восхищался многими народами, онъ любилъ нѣкоторые изъ нихъ. Среди послѣднихъ была Германія. Не была ли она плодотворной, предпріимчивой, смѣлой и организованной лучше, чѣмъ всѣ другія націи?.. Не смотрѣла-ли она самыми острыми и пылкими глазами въ будущее? Наступила война. Германія тотчасъ же выступила въ иномъ свѣтѣ. Ея сила

сдѣлалась несправедливой, безчестной, жестокой. Ея гордыня поставила себѣ цѣлью созданіе методической тираніи. Она превратилась въ бичъ, противъ котораго нужно защищаться, чтобы высокая жизнь не погибла на землѣ. Для автора этой книги никакое разочарованіе не было такимъ внезапнымъ и сильнымъ. Оно такъ поразило его, что онъ не чувствуетъ уже себя прежнимъ человѣкомъ".

Верхарнъ съ первой же страницы предупреждаетъ читателя о своей ненависти, но съ первой же страницы онъ признаетъ, что отравленное ненавистью сознаніе его подверглось моральному ущербу и умаленію, и онъ горестно вспоминаетъ того прежняго человѣка, какимъ онъ былъ до войны, какимъ онъ ужь не можетъ быть, и желаетъ сохранить память о немъ.

„Однако, такъ какъ въ томъ состояніи ненависти, въ которомъ я нахожусь, мое сознаніе кажется мнѣ какъ бы умаленнымъ, то я съ волненіемъ посвящаю эту книгу тому человѣку, которымъ я нѣкогда былъ".

Нельзя безъ глубокаго волненія читать этого жуткаго предисловія къ книгѣ бельгійскаго поэта. И однако Верхарнъ ненавидитъ, пламенѣетъ ненавистью, но эта ненависть того же рода, какъ та, которую испанская инквизація зажгла въ груди Тиля Уленшпигеля. „Ненависть, которую Германія внушила намъ, такъ сильна, такъ единодушно всѣми чувствуется, что она пропитаетъ соки будущихъ поколѣній неизвѣстно до какой глубины. Насколько человѣческое можетъ быть вѣчнымъ,—эта ненависть будетъ вѣчной. Она будетъ составной частью преподаванія въ нашихъ школахъ, традиціей нашихъ семейныхъ очаговъ. Она будетъ для насъ какъ бы святымъ запасомъ энергіи и гнѣва. Мы будемъ разсуждать, какъ тотъ удивительный крестьянинъ, котораго я встрѣтилъ на дняхъ вечеромъ въ приморской деревнѣ, между Коксидомъ и Дюнкеркомъ, и который сказалъ мнѣ: „Въ тотъ день, когда я буду умирать, я хотѣлъ бы, чтобы послѣдніе остатки силъ, которые я сохраню еще въ себѣ, были напитаны проклятіями и бѣшенствомъ (rage) противъ нѣмца". Когда я замѣтилъ ему, что такія чувства очень далеки отъ христіанскихъ, онъ отвѣтилъ мнѣ: „тѣмъ хуже" [1]).

Авторъ въ предисловіи излагаетъ вкратцѣ мотивы своей ненависти, — на полутораста страницахъ книги онъ развиваетъ ихъ подробно. Онъ описываетъ ужасы германскаго нашествія, разстрѣлы мирныхъ жителей, насилованіе женщинъ, грабежи и убійства. Но если все это возмущаетъ и потрясаетъ автора, возмущаетъ его человѣческое чувство, то не трудно все же замѣтить ,что не эти ужасы сами по себѣ привели его въ то состояніе,

[1]) Emile Verhaeren. „La Belgique Sanglante", p. 20.

въ которомъ онъ находится. Въ немъ раньше всего протесту и вибрируетъ „часть отечества“, органическая и невидимая связь съ прошлымъ и настоящимъ націи, съ національной культурой.

Именно, какъ поэтъ національный, не смотря на свой общечеловѣческій идеалъ, Верхарнъ, пропитанный духомъ этой культуры, умѣвшій познавать ея сокровища обостреннымъ поэтическимъ чутьемъ, потерялъ самообладаніе и хладнокровіе, видя, какъ она растаптывается и уничтожается. Для него завоеватель какъ бы разрушилъ тотъ храмъ, гдѣ онъ могъ молиться Богу любви и справедливости. Храмъ разрушенъ, и онъ не можетъ уже молиться своему Богу. Вотъ главный источникъ экзальтаціи и ненависти Верхарна.

Нельзя читать безъ волненія главу „Titres à l'indépendance“, гдѣ авторъ широкими мазками рисуетъ культуру Бельгіи, культурныя и моральныя цѣнности, ею созданныя, ея заслуги передъ человѣчествомъ.

Съ захватывающимъ лиризмомъ и поразительной силой описываетъ Верхарнъ чудеса архитектуры, созданной бельгійскимъ геніемъ, удивительные соборы и ратуши средневѣковой Фландріи, составлявшіе до сихъ поръ предметъ восхищенія и эстетическаго піетета, милые и тихіе провинціальные города, чарующіе еще сохранившейся печатью сѣдой старины. Верхарнъ описываетъ также развитіе ремеслъ и индустріи въ Бельгіи, ея прочную и богатую городскую культуру, ея обширную торговлю, заводы, копи, желѣзныя дороги, порты и каналы. Съ глубокой нѣжностью и любовью говоритъ онъ о бельгійской литературѣ, которая „заняла мѣсто среди направляющихъ интеллектуальныхъ силъ Европы“ и характеризуетъ ея наиболѣе яркихъ представителей, Метерлинка, Лемонье, Ванъ-Леберга, Жиро и др. Онъ знакомитъ и съ трудовымъ міромъ Бельгіи, даетъ картины будничной и праздничной жизни пролетаріата городовъ и деревень, рисуетъ бельгійское крестьянство съ его обычаями, съ его нравами.

„Если когда-нибудь человѣческая группа показала себя достойной, сохраняя независимую и высокую жизнь, участвовать во всеобщей цивилизаціи, пишетъ Верхарнъ, то это именно бельгійская нація. Она обладала, если можно такъ выразиться, такимъ полнымъ вооруженіемъ матеріальныхъ, интеллектуальныхъ и моральныхъ силъ, какимъ не обладала ни одна нація ея калибра. Она могла, слѣдовательно, разсчитывать на уваженіе не только нейтральныхъ, несовершеннолѣтнихъ націй, но и націй совершеннолѣтнихъ и суверенныхъ. И вотъ эту-то Бельгію Германія предательски схватила за горло, чтобы задушить ее“.

Верхарнъ ненавидитъ искренно, но онъ не прибѣгаетъ къ трескучимъ фразамъ для выраженія своихъ чувствъ, не злоупотребляетъ пафосомъ, и именно поэтому его книга производитъ сильное впечатлѣніе.

Верхарнъ ненавидитъ, но все-таки его ненависть не слѣпая и не темная,—прежній человѣкъ еще не совсѣмъ умеръ въ немъ.

Какъ ни сильна его ненависть къ нѣмцамъ, онъ все же не проповѣдуетъ мести, не требуетъ уничтоженія Германіи, не впадаетъ въ каннибальское состояніе. Долголѣтнее искреннее служеніе общечеловѣческому идеалу не прошло для него безслѣдно. Пусть онъ теперь потерялъ вѣру въ этотъ идеалъ, но все-таки осталось въ немъ нѣчто, что предохраняетъ его отъ увлеченія націоналистическими безумствами, пусть разрушенъ храмъ, въ которомъ онъ молился своему богу, онъ все же не можетъ поклоняться идоламъ.

„Германія, если она будетъ побѣждена,—пишетъ онъ,—сосредоточится на самой себѣ, она соберетъ остатки своихъ силъ, чтобы работать въ тишинѣ, сотканной изъ разочарованія и злопамятства. Искусство, которое не было благосклонно ей въ періодъ ея безумства и гордыни, сдѣлается, быть можетъ, болѣе благосклоннымъ къ ней въ ея несчастіи. Рессурсы народа можно сравнить съ почвой, состоящей изъ нѣсколькихъ слоевъ. Иногда плугъ захватываетъ глубокіе слои, иногда средніе, а иногда верхніе. Возможно, что тѣ слои, которые дали Германіи Гете и Шиллера, снова будутъ использованы, а глубокіе слои, давшіе ей Бисмарка и Мольтке, на время останутся въ пренебреженіи. Мы желаемъ расцвѣта германскаго искусства. Во-первыхъ, для чести и красоты міра, — затѣмъ и для того, чтобы этотъ расцвѣтъ покрылъ тысячи недавнихъ преступленій, какъ цвѣты покрываютъ поле, усѣянное трупами. Германія, въ послѣднее время, обезчестила дѣйствіе своей войной и мысль своей наукой,—ей остается искусство, чтобы искупить то зло, которое она причинила. Тѣ, которые говорятъ объ уничтоженіи Германіи, не понимаютъ, что уничтожить молодой народъ невозможно“.

Единственное, что нужно, по мнѣнію Верхарна,—это, чтобы послѣ войны свободныя націи Европы остались на сторожѣ, чтобы онѣ зорко слѣдили за Германіей и были во всякую минуту готовы къ отпору.

Наиболѣе виднымъ и извѣстнымъ писателемъ современной Франціи, наиболѣе ярко выражающимъ въ своихъ твореніяхъ французскій геній, является, несомнѣнно, Анатоль Франсъ. Его имя окружено уваженіемъ и почетомъ далеко за предѣлами отечества, его исключительный талантъ признается всѣми и слава его не меркнетъ съ годами.

Въ литературѣ Анатоль Франсъ скептикъ съ тонкой ироничеcкой улыбкой. Ироническимъ скептицизмомъ проникнуты даже самыя послѣднія его произведенія и недаромъ его называютъ современнымъ Раблэ, котораго онъ напоминаетъ и по языку, и по манерѣ мышленія, и по духу. Но, посмѣиваясь иронически въ

своихъ произведеніяхъ надъ человѣческими страстями, надъ ихъ нищетой и суетностью, Анатоль Франсъ не только не чуждается политической и соціальной борьбы, но, наоборотъ, принимаетъ въ ней горячее участіе. Онъ состоитъ членомъ французской соціалистической партіи, часто выступалъ до войны на рабочихъ собраніяхъ и митингахъ, боролся за соціалистическихъ кандидатовъ во время избирательныхъ кампаній. Всякій разъ, когда націонализмъ и шовинизмъ подымали во Франціи голову, Анатоля Франса можно было встрѣтить въ авангардѣ тѣхъ, которые противопоставляли нездоровымъ настроеніямъ момента идеалъ общечеловѣческой солидарности. Анатоль Франсъ былъ горячимъ и неустаннымъ проповѣдникомъ интернаціонализма, онъ вѣрилъ въ примиреніе и объединеніе человѣчества.

Когда вспыхнула война, Франсъ, подобно всѣмъ французскимъ соціалистамъ, призналъ, что Франція находится въ состояніи законной самозащиты и что долгъ рабочаго класса принять участіе въ національной оборонѣ. Но онъ не терялъ изъ виду и далекихъ горизонтовъ и попытался было выступить противъ пропаганды слишкомъ исключительнаго патріотизма. Въ статьѣ, напечатанной въ „Guerre Sociale“, Франсъ указывалъ традицію древняго Рима, который, одолѣвъ врага, великодушно открывалъ ему затѣмъ свои объятія. Этой традиціи должна придерживаться и Франція. Она не должна жертвовать вѣчными цѣнностями ради временнаго, преходящаго. Большинство французскихъ газетъ обрушилось съ негодованіемъ на Анатоля Франса за его статью. Это такъ сильно подѣйствовало на писателя, что письмомъ въ редакцію той же „Guerre Sociale“ онъ заявилъ, что отказывается писать что-либо во время войны и рѣшилъ записаться волонтеромъ въ армію. Не надо забывать, что Франсу идетъ уже восьмой десятокъ. Онъ однако сдержалъ свое слово и явился въ воинское присутствіе, гдѣ, къ великому его огорченію, его признали негоднымъ къ военной службѣ. Съ тѣхъ поръ Анатоль Франсъ долго ничего не писалъ, онъ ограничился лишь нѣсколькими письмами въ иностранныя газеты. Но изъ этихъ писемъ уже видно было, что писатель не удержался на своей позиціи, что властное вліяніе окружающей его атмосферы оказало и на него свое дѣйствіе. Писатель, конечно, не впалъ въ націоналистическій бредъ, но „часть отечества“, разбуженная въ немъ событіями, оттѣснила у него на второй планъ то, что раньше казалось ему основнымъ и самымъ важнымъ.

Недавно вышелъ сборникъ Анатоля Франса, заключающій маленькія статейки и очерки, посвященные войнѣ. Доходъ отъ продажи этого сборника предназначенъ въ пользу искалѣченныхъ на войнѣ солдатъ. Ради этихъ жертвъ великой катастрофы писатель нарушилъ свое слово.

Лучшая вещь сборника, несомнѣнно, очеркъ, посвященный

Рождеству „Pour le Noël 1914“. Очеркъ написанъ красиво и поэтично, тѣмъ неподражающимъ изящнымъ стилемъ, который составляетъ особенность Франса.

Авторъ характеризуетъ Рождественскій праздникъ, который могутъ праздновать „души, вѣрныя традиціямъ, и сердца, любящія природу“. Празднованіе Рождества Младенца-Бога совпадаетъ съ возрожденіемъ солнца, „которое умираетъ и воскресаетъ, какъ его античные символы, Адонисъ и Митра... Въ эти послѣдніе дни декабря блѣдное и безплодное солнце начинаетъ пріобрѣтать животворящую силу, обѣщающую землѣ цвѣты и плоды“...

Авторъ описываетъ различные рождественскіе обычаи разныхъ областей Франціи. Особенно чаруетъ его обычай, существующій въ Провансѣ, „гдѣ небо сохранило греческую чистоту“.

Въ рождественскую ночь крестьянинъ кладетъ въ очагъ высушенный стволъ масличнаго дерева, увѣнчанный лаврами. Когда пламя разгорается, хозяинъ дома приказываетъ самому младшему ребенку обратиться къ огню съ такой молитвой: „О, огонь, священный огонь, согрѣвай зимою ноги старика, посылай теплый лучъ въ убогую лачугу, остерегайся, чтобы не пожрать крыши бѣднаго земледѣльца, ни корабля, несущаго въ далекіе края несчастнаго эмигранта“...

И вотъ Франсъ приглашаетъ Францію „трепещущую отъ страданій и славы“, также обратиться въ рождественскую ночь съ молитвой. Вотъ какую онъ диктуетъ молитву: „О, огонь, священный огонь, перенесись въ эту темную и холодную ночь въ траншеи, принеси нашимъ солдатамъ благодѣтельное тепло и зажгись радостно въ ихъ сердцахъ“...

Какой сильной должна быть „власть земли“, непобѣдимая власть національнаго инстинкта, который война разбудила у французовъ, чтобы даже такой хладнокровный, обладающій такимъ острымъ критическимъ умомъ писатель, какъ Анатоль Франсъ, сталъ чувствовать и разсуждать такъ односторонне. Его симпатическое чувство, его способность понимать и переживать чужія страданія не распространяется за предѣлы отечества. Отечество и только отечество, ни о чемъ иномъ не можетъ думать сейчасъ Франсъ. Въ томъ же сборникѣ мы находимъ маленькій очеркъ „La Petite Ville de France“, который показываетъ намъ, какъ неотступно образъ отечества стоитъ передъ умственнымъ взоромъ писателя, какъ онъ гипнотизируетъ его.

„Petite Ville de France“, — это, такъ сказать, символъ всей Франціи. Съ глубокой задушевностью и нѣжностью рисуетъ его Франсъ.

Онъ очарователенъ, этотъ городокъ со своими остроконечными крышами, узкими улицами, деревянной колокольней своей изящной церковки... Человѣческія мысли поднимаются вмѣстѣ съ дымомъ надъ крышами. Печальныя и веселыя, онѣ смѣшиваются

въ нашемъ воспоминаніи, внушая всѣ вмѣстѣ улыбчивую печаль, болѣе сладкую, чѣмъ веселье.

Маленькіе домики укрываютъ вѣка любви и ненависти, наслажденій и страданій. Они хранятъ страшные и печальные секреты. Они много знаютъ о жизни и смерти. Еслибы камни могли говорить, они разсказали бы многое, что заставило бы смѣяться и плакать. Но камни говорятъ для тѣхъ, кто умѣетъ ихъ слышать. Писатель слышитъ и понимаетъ ихъ рѣчь. И вотъ что говоритъ французамъ „la petite ville de France".

„Взгляните на меня. Я стара, но прекрасна. Мои набожныя дѣти вышили на моемъ платьѣ башни и колокольни, кружевные фасады и ратуши. Я добрая мать; я обучаю труду и всѣмъ мирнымъ искусствамъ. Я призываю гражданъ презирать опасность, что дѣлаетъ ихъ непобѣдимыми. Я выкармливаю дѣтей на своихъ рукахъ. Затѣмъ, когда ихъ путь пройденъ, они одни за другими засыпаютъ вѣчнымъ сномъ у моихъ ногъ, подъ травою, гдѣ пасутся бараны. Они проходятъ, но я остаюсь, чтобы хранить воспоминаніе о нихъ. Я ихъ память. *Вотъ почему они должны мнѣ все.* Человѣкъ есть человѣкъ только потому, что онъ помнитъ. Войны разорвали мою мантію и разсѣкли мою грудь, мнѣ были нанесены раны, которыя считали смертельными. Но я жила, потому что надѣялась. Научитесь же у меня этой святой надеждѣ, которая спасаетъ отечество" [1]).

Среди французскихъ писателей съ міровой извѣстностью и славой рядомъ съ Анатолемъ Франсомъ стоитъ Октавъ Мирбо. Читателямъ знакома, конечно, литературная физіономія Мирбо. Угрюмый пессимистъ, безпощадный врагъ современной культуры съ ея ложью и условностью, къ тому же суровый индивидуалистъ, этотъ писатель въ своихъ произведеніяхъ вскрывалъ съ какой-то злобной, торжествующей радостью язвы и гнилые наросты французскаго общества. Однако война оказала и на него свое дѣйствіе, на него, пессимиста и отрицателя. Октавъ Мирбо сейчасъ ничего не пишетъ. Онъ забросилъ перо, забросилъ литературу и живетъ только мыслями о войнѣ. За все всемя войны онъ написалъ лишь одно письмо, предназначенное для печати,—письмо въ редакцію солдатской газеты, находящейся на фронтѣ и печатающейся въ траншеяхъ. Это письмо отвѣтъ на просьбу о сотрудничествѣ. Писатель даетъ отвѣтъ отрицательный, онъ сейчасъ не можетъ писать даже для солдатъ. Мотивы его отказа, изложенные имъ въ письмѣ, знакомятъ насъ съ его настроеніемъ. Мирбо не можетъ ничего писать для солдатъ, потому что его слова окажутся блѣдными, жалкими въ сравненіи съ тѣмъ, что солдаты выносятъ и дѣлаютъ. Писатель страдаетъ, онъ болѣзненно и напряженно переживаетъ муки милліоновъ людей, находящихся на фронтѣ,

---

[1]) A. France. „Sur la voie glorieuse", стр. 52—53.

среди опасностей и ужасовъ... но только на французскомъ фронтѣ ни о чемъ другомъ онъ не можетъ ни думать, ни мыслить.

„Я восхищаюсь вашей выносливостью и часто думаю о страшныхъ орудіяхъ смерти, которыя изобрѣтаетъ Германія, чтобы раздавить васъ. Я спрашиваю себя: „но какъ они могутъ переносить все это?“

„Тогда у калитки моего сада появляется одинъ изъ вашихъ раненый солдатъ. Я зову его къ себѣ, я разспрашиваю его: „скажите, какъ вы умудряетесь?“ Онъ усаживается, улыбается и разсказываетъ мнѣ неслыханныя вещи, которыя волнуютъ меня до слезъ. Вы видите, друзья мои, какъ я восхищаюсь вами, какъ я люблю васъ... Ваша лойяльная натура французовъ нашла въ событіяхъ чѣмъ укрѣпить себя. Въ то время, какъ врагъ ринулся въ битву, охваченный жаждой убійства и корысти, вы пошли въ бой спокойно, для спасенія своихъ правъ... Съ первой минуты вы поняли, что жестокое честолюбіе желаетъ сдѣлать васъ своими жертвами, и вы, осознавъ свою роль, поднялись, какъ мстители за право... Опасности, среди которыхъ вы живете, поставили васъ лицомъ къ лицу со всею жизнью и то, что есть въ ней глубокаго и серьезнаго, выступило передъ вами. Вы освобождаетесь отъ преступныхъ слабостей, которыя составляютъ нашъ общій удѣлъ... Послѣ побѣды, которую вы дадите намъ, вы вернетесь съ той привычкой къ откровенности, за которую я всегда боролся, Вы не станете болѣе играть съ жизнью... Какъ крѣпко прижмемъ мы васъ къ своему сердцу въ этотъ день“...

Мы видимъ, что и Октавъ Мирбо, который, не смотря на свой пессимизмъ, придавалъ огромное значеніе идеалу общечеловѣческой солидарности, участвовалъ вмѣстѣ съ Франсомъ во всѣхъ битвахъ противъ шовинизма и національной исключительности, не можетъ подняться сейчасъ надъ непосредственной близкой дѣйствительностью, которая его окружаетъ. Кровавый туманъ и для него закрылъ далекіе горизонты.

IV.

Среди французскихъ писателей нашелся однако человѣкъ съ большимъ талантомъ и громкимъ именемъ, который съ самаго начала войны не пожелалъ подчиниться давленію новой общественной атмосферы, который непоколебимо рѣшилъ стать на стражѣ моральнаго капитала, моральныхъ цѣнностей человѣчества, находящихъ въ наши страшные дни такъ мало защитниковъ. Я имѣю въ виду Ромэна Роллана.

Въ то время, какъ большинство представителей французской мысли всецѣло захвачены событіями сегодняшняго дня, Ролланомъ неотступно и властно владѣетъ забота о будущемъ.

Вся предыдущая литературная дѣятельность Роллана какъ бы подготовила его для такой роли. Онъ глубокій знатокъ и поклонникъ нѣмецкой культуры. Герой его десятитомнаго романа—эпопеи, Жанъ Кристофъ, представляетъ собою человѣка, научное соціальное и эстетическое міровоззрѣніе котораго является какъ бы синтезомъ французской и нѣмецкой мысли и духа.

Но замѣчательно, что Ролланъ, въ самомъ же началѣ войны, уѣхалъ изъ Франціи и поселился въ Женевѣ. Его статьи, которыя останутся въ исторіи современной литературы, какъ одинъ изъ памятниковъ благородства мысли и мужества духа, были помѣщены имъ въ „Journal de Genève" и лишь въ самое послѣднее время вышли отдѣльнымъ сборникомъ въ Парижѣ. Очевидно, Ролланъ, не смотря на всю свою рѣшимость и твердость, опасался, что онъ не сможетъ устоять противъ давленія французской общественной атмосферы, созданной войной. Онъ уѣхалъ въ нейтральную страну, чтобы тамъ „Au dessus de la mêlée" (заглавіе его сборника) сохранить способность къ объективному, безпристрастному мышленію. Ролланъ не осуждаетъ французовъ за то, что они защищаютъ съ оружіемъ въ рукахъ свою страну,—разъ отечество подверглось нападенію, необходимо защищать его. Больше того, онъ считаетъ, что побѣда германскаго милитаризма была бы большимъ несчастьемъ для человѣчества и демократіи. Правда, писатель не идеализируетъ и союзниковъ. Ролланъ считаетъ русскую реакцію также большой опасностью для Европы. Но все-таки онъ полагаетъ, что германская опасность болѣе страшна и непосредственна, чѣмъ опасность русская. Изъ двухъ золъ онъ выбираетъ меньшее. De deux maux le moindre. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ считаетъ виновниками войны всѣ европейскіе имперіализмы, во главѣ которыхъ стоитъ имперіализмъ германскій, и отказывается ставить знакъ равенства между прусскимъ милитаризмомъ и нѣмецкимъ народомъ. Таково его общее отношеніе къ войнѣ.

Ролланъ не считаетъ возможнымъ прекратить войну призывами, мольбою, заклинаніями. Война разразилась,—теперь ужъ ничего не подѣлаешь. Всѣ воюющіе народы защищаютъ свое отечество. Нѣмцы точно такъ же, какъ и французы. Конечно, велика отвѣтственность старшихъ поколѣній за все происходящее; они не сумѣли предупредить ужасной катастрофы, не сумѣли предупредить взаимоистребленія европейской молодежи, цвѣта европейскихъ націй. Но сейчасъ стихія бушуетъ. Сожалѣніе и слезы безсильны. Слѣдуетъ ли однако изъ этого, что теперь „слово должно принадлежать только пушкамъ?" Нѣтъ, не слѣдуетъ, отвѣчаетъ Ролланъ. Пусть всѣ народы Европы захвачены въ кровавый водоворотъ, есть однако нѣчто общее, что объединяетъ ихъ, не смотря на ихъ ожесточеніе и озлобленіе,—это та культурная и духовная связь, выработанная вѣками развитія, которая составляетъ основу европейской цивилизаціи, связь, полное уничтоже-

ніе которой грозитъ возвратомъ къ варварству и мраку. Пусть милліоны людей сражаются на гигантскихъ фронтахъ, но тѣ, которые не принимаютъ непосредственнаго участія въ кровавой свалкѣ, писатели, художники, мыслители всѣхъ отечествъ, должны имѣть особую задачу. Они должны думать не только о сегодняшнемъ днѣ, но и о будущемъ, должны направить всѣ усилія къ тому, чтобы сохранилось хоть нѣчто отъ моральнаго капитала, съ такимъ трудомъ накопленнаго человѣчествомъ. Они, хранители священнаго огня, должны заботиться о томъ, чтобы зловѣщіе вихри не затушили его. Они не должны постыдно капитулировать передъ стихіей. Ибо человѣчество есть симфонія великихъ коллективныхъ душъ. Тотъ, кто не способенъ любить его, не уничтожая одной изъ его частей,—варваръ.

„Европейская интеллигенція!—восклицаетъ Ролланъ—мы обладаемъ двумя отечествами: одно, наше земное отечество,—другое, городъ Бога. Въ одномъ мы являемся временными гостями,—другого мы являемся строителями. Отдадимъ первому наши тѣла и наши вѣрныя сердца. Но ничто изъ того, что мы любимъ, ни семья, ни друзья, ни отечество, не имѣетъ правъ надъ нашимъ разумомъ. Разумъ—это свѣтъ. Нашъ долгъ подняться выше бурь и устранить тучи, которыя угрожаютъ закрыть его. Нашъ долгъ построить болѣе широкую и высокую ограду города будущаго, которая возвышалась бы надъ національной несправедливостью и ненавистью, ограду, въ которой могли бы собраться братскія и свободныя души всего міра“ [1]).

Во имя разума, который есть вѣчное, который выше преходящихъ страстей, отъ которыхъ въ исторіи остается лишь пепелъ, Ролланъ заклинаетъ его служателей отказаться отъ пропаганды ненависти, разжиганія національныхъ страстей. Онъ призываетъ ихъ вооружиться мужествомъ, преодолѣть силу экзальтированнаго чувства и заговорить языкомъ умѣренности и человѣчности, не подливать масла въ очагъ страстей, а въ самый разгаръ всеобщей битвы напоминать людямъ вѣчныя истины человѣческой морали, основу человѣческаго общежитія. Во имя разума, но и во имя любви, во имя любви къ человѣчеству, наконецъ, во имя жалости къ нему.

Вы думаете сейчасъ только о побѣдѣ, взываетъ Ролланъ, но я думаю о мирѣ. Кончится вѣдь когда-нибудь эта война. Нужно вѣдь будетъ тогда протянуть другъ другу руки, хотя бы для дѣловыхъ сношеній. Нужно вѣдь будетъ возобновить отношенія сносныя и человѣческія. Старайтесь же сейчасъ сдѣлать все, чтобы они были возможны.

„Не разрушайте мостовъ, ибо вамъ вѣдь нужно будетъ переходить черезъ рѣку. Не уничтожайте будущаго. Рану свѣтлую и

---

[1]) Romain Rolland, „Au dessus de la mêlée“, стр. 37. Paris. 1915.

чистую можно залечить,—не отравляйте же раны. Защитимъ себя отъ ненависти. Если нужно, какъ говорятъ, подготовлять войну въ мирное время, то тѣмъ болѣе необходимо подготовлять миръ во время войны".

Увы, призывы Роллана оставались тщетными. Лучшіе представители нѣмецкой науки и литературы, нѣкоторые изъ тѣхъ которые были личными друзьями писателя, сожгли все, чему поклонялись, и стали служить отвратительнымъ идоламъ насилія и ненависти. И во Франціи, какъ мы видѣли, даже наиболѣе стойкіе вожди интеллигенціи не остались на высотѣ положенія. И вотъ Ролланъ пишетъ статью „Les Idoles", въ которой бичуетъ отступничество интеллигенціи и обращается къ ней съ новымъ призывомъ, проникнутымъ трагическими нотками отчаянія...

Втеченіе сорока лѣтъ лучшіе умы, пришедшіе невѣроятными усиліями къ свободѣ, стремились распространить ея блага на своихъ братьевъ, освободить человѣчество, научить его смотрѣть на дѣйствительность безстрашнымъ и безошибочнымъ взглядомъ, научить его умѣнью заглядывать въ себя, безъ ложной гордости и ложнаго смиренія, познавать свои слабости и свои силы, чтобы управлять ими... Какъ звѣзда маговъ, свѣтилъ на пути человѣчества, освѣщая его, свѣтъ ихъ мысли, ихъ жизни. Но, увы, ихъ усилія не достигли цѣли. Рабство человѣчества въ немъ самомъ. Напрасно выбиваются изъ силъ, чтобы разрѣзать связывающія его узы,—оно само же снова и еще крѣпче ихъ завязываетъ. Изъ каждаго освободителя оно дѣлаетъ себѣ господина, изъ каждаго идеала, который долженъ освободить его, оно фабрикуетъ себѣ грубаго идола. И можно сказать, утверждаетъ Ролланъ, что по мѣрѣ того, какъ человѣчество старѣетъ, власть идоловъ надъ нимъ становится обширнѣе и убійственнѣе. Что такое идолъ, культъ идоловъ? Это, по мнѣнію Роллана, приспособленіе идеала къ сквернымъ страстямъ человѣка. Человѣкъ культивируетъ свои пороки, которые приносятъ ему выгоду, но ему нужно еще ихъ узаконить, ему нужно ихъ идеализировать. И человѣчество всегда стремилось согласовать свой идеалъ со своею посредственностью.

Интеллигенція, доказываетъ Ролланъ, въ значительной степени повинна въ созданіи идоловъ и усиленіи ихъ власти. Интеллигенція живетъ преимущественно въ царствѣ тѣней, т. е. идей. Ибо, утверждаетъ авторъ, идеи сами по себѣ не суть реальности. Только опытъ или надежды, которыя въ нихъ вкладываются, даютъ имъ жизнь. Идеи—это резюмэ, гипотезы, рамки для того, что было или что должно быть. Это удобныя формулы, необходимыя формулы, безъ которыхъ нельзя обойтись, чтобы жить и дѣйствовать,—но только формулы. Но все горе въ томъ, что изъ идей часто дѣлаютъ *угнетающія реальности*, т. е. идоловъ. Именно потому, что интеллигенція живетъ въ царствѣ идей и ими по-

мно оперируетъ, она всегда склонна подчинить имъ живую дѣйствительность. И если вспыхиваетъ какая-либо стихійная коллективная страсть, которая захватываетъ и интеллигенцію, она тотчасъ же находитъ для этой страсти соотвѣтствующую форму— идею, которая наилучше можетъ служить ей. Создается новый идолъ, и интеллигенція становится пламеннымъ жрецомъ его.

Развѣ мало идоловъ создала интеллигенція за время войны, спрашиваетъ Ролланъ? Нѣмцы создали идола пангерманизма, идола культуры, идола расы. Французы сотворили идола латинизма, идола цивилизаціи. Но идолъ всегда остается идоломъ.—Я не преклоняюсь ни передъ какими идолами, восклицаетъ Ролланъ, даже передъ идоломъ человѣчества.—Кто разобьетъ этихъ идоловъ?—съ отчаяніемъ восклицаетъ писатель: „Кто откроетъ глаза ихъ фанатическимъ служителямъ? Кто дастъ имъ понять, что никакой богъ ихъ разума, религіозный или свѣтскій, не имѣетъ права силой заставить людей служить себѣ, даже если онъ кажется самымъ лучшимъ".

Допустимъ,—говоритъ Ролланъ, обращаясь къ нѣмцамъ,—что ваша культура, при помощи германскаго удобренія, извлечетъ изъ земли болѣе жирное и обильное человѣческое растеніе,—кто далъ вамъ право сдѣлаться всемірнымъ садовникомъ? Обрабатывайте вашъ садъ,—мы будемъ обрабатывать свой. Матеріальныя блага не являются для Роллана высшимъ благомъ жизни. Есть нѣчто болѣе высокое и цѣнное—это свобода человѣческаго духа.

„Есть одинъ священный цвѣтокъ, за который я отдамъ всѣ продукты вашей одомашненной флоры—это дикая фіалка свободы. Вы не заботитесь о ней, вы топчете ее ногами. Но она не умретъ, она переживетъ всѣ ваши казарменные и тепличные шедевры; она не боится суроваго вѣтра, она выдержала много бурь, она выбивается изъ-подъ колючекъ и мертвыхъ листьевъ".

Ролланъ умоляетъ интеллигенцію освободиться усиліемъ воли отъ гипноза абсолютныхъ идей, идей-идоловъ, вспомнить, что всѣ народы и націи обладаютъ своими сильными и слабыми сторонами, что всѣ они принадлежатъ къ одной великой человѣческой семьѣ, что люди—вездѣ люди, похожіе другъ на друга, какъ братья, что никто не можетъ претендовать на полное совершенство.

„Интеллигенты Франціи, интеллигенты Германіи, обрабатывайте и засѣвайте поля вашего духа, но уважайте поля другихъ. Прежде, чѣмъ организовать міръ, вспомните, что вамъ много еще нужно сдѣлать, чтобы отшлифовать вашъ внутренній міръ. Постарайтесь, если возможно, забыть на минуту о своихъ идеяхъ и взгляните на самихъ себя. И, главное, присмотримся другъ къ другу. Чемпіоны культуры и цивилизаціи, германской расы и латинизма, недруги, друзья, посмотримъ другъ другу въ глаза. Братъ мой, не видишь ли ты тамъ сердце, подобное твоему, и тѣ же страданія, и тѣ же надежды, и тотъ же героизмъ, и тотъ же эгоизмъ, и ту же

мощь мечты, неустанно возобновляющую свою паутинную ткань? *не видишь ли ты, что ты—я?*".. [1])

Чего требуетъ Ролланъ отъ интеллигенціи? Онъ требуетъ, чтобы она обрѣла способность къ критикѣ и самокритикѣ, чтобы она не падала ницъ передъ идеями - идолами, сотворенными подъ вліяніемъ ослѣпляющей страсти и для того, чтобы служить ей. Интеллигенція должна возстановить права разума и тогда она сможетъ по-человѣчески понять и осмыслить событія и указать правильную дорогу другимъ. Тогда, полагаетъ Ролланъ, снова затеплится въ сердцѣ ея огонекъ человѣчности и она сумѣетъ освободиться изъ-подъ власти временнаго преходящаго, чтобы посвятить себя тому, что составляетъ основу будущаго.

Ролланъ подвергся ожесточеннымъ нападкамъ во французской прессѣ. Лишь „Humanité" и „Bataille Syndicaliste" робко встали на защиту писателя. Лучшій другъ Роллана, Эмиль Верхарнъ, публично выразилъ ему свое неодобреніе. Ролланъ—заявилъ онъ—приглашаетъ насъ вооружиться вѣсами, въ то время, какъ врагъ держитъ въ рукахъ мечъ. Даже „Guerre Sociale" Эрве выступила противъ Роллана. Въ этой газетѣ было напечатано открытое письмо къ Ромэну Роллану профессора Сеайля. Самъ Сеайль человѣкъ демократическихъ и гуманитарныхъ убѣжденій, онъ тоже считаетъ вредной и отвратительной пропаганду слѣпой ненависти, но онъ, однако, не можетъ подняться на ту высоту, куда призываетъ Ролланъ.

„Вы приглашаете насъ, пишетъ онъ, отвлечься отъ заботъ и страстей момента къ строгому объективизму, приглашаете надѣяться „au dessus de la mêlée",—но какъ могу я это сдѣлать, когда все самое дорогое и цѣнное для меня поставлено сейчасъ на карту?" Этотъ аргументъ прогрессивнаго публициста чрезвычайно характеренъ, Онъ указываетъ главную причину того непониманія, которое встрѣтилъ Ролланъ. Онъ объясняетъ намъ также эволюцію передовыхъ французскихъ писателей. Ролланъ призываетъ интеллигенцію отвлечься отъ настоящаго, отдать всю силу своего ума и чувства заботамъ о будущемъ. Но настоящее слишкомъ владѣетъ ими, и трудно вырваться изъ его желѣзныхъ тисковъ.

V.

Фактъ усиленія національной солидарности привлекаетъ усиленное вниманіе писателей всѣхъ направленій. Его обсуждаютъ безпрерывно въ газетахъ и журналахъ, посвящаютъ ему цѣлыя книги, пытаясь вывести изъ него предвидѣнія для будущаго.

Буржуазные публицисты возлагаютъ большія надежды на „union nationale", которое, по ихъ мнѣнію, уцѣлѣетъ и послѣ окончанія войны. Обостренное чувство національной солидарности,

---

[1]) Ibid„ стр. 96.

концентрирующее всю страсть народа, должно привести, утверждають они, къ двумъ слѣдующимъ результатамъ: полному крушенію интернаціонализма, установленію прочнаго соціальнаго мира...

Сейчасъ болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, трудно предвидѣть съ увѣренностью будущее. Война расшатала и, вѣроятно, еще расшатаетъ столько устоевъ политическихъ, соціальныхъ и экономическихъ, она произвела такой разгромъ въ области идей и чувствованій, что найдти въ этомъ хаосѣ твердыя данныя для категорическихъ сужденій почти невозможно. Единственное, что можно сдѣлать,—это попытаться открыть и отмѣтить въ текущей и мѣняющейся дѣйствительности тѣ или иные факты, могущіе послужить основой для тѣхъ или иныхъ надеждъ, не задавая себѣ цѣлью выяснить, какіе изъ этихъ фактовъ окрасятъ собою будущее.

Въ современной французской дѣйствительности несомнѣнно имѣются факты, на которые съ нѣкоторымъ правомъ могутъ опираться идеологи буржуазіи, но не трудно открыть въ ней и факты противоположнаго характера.

Возьмемъ хотя бы вопросъ объ интернаціонализмѣ. Интернаціональный идеалъ вовсе не явился абстрактнымъ твореніемъ человѣческаго ума. Развитіе европейской жизни, въ особенности за послѣднее столѣтіе, создавало многочисленные элементы, ему служившіе и его оправдывавшіе.

Быстрое развитіе путей сообщенія, ростущая интернаціонализація производства и обмѣна, распространеніе грамотности въ массахъ, газета и переводная литература—все это содѣйствовало серьезному уменьшенію значенія политическихъ и географическихъ границъ. Творенія мысли и искусства каждой изъ европейскихъ странъ получали широкое распространеніе далеко за ея предѣлами, обусловливая нѣкоторое духовное сближеніе между культурными народами.

Къ тому же капитализмъ, преобразовывая повсюду общественныя отношенія въ приблизительно одинаковомъ направленіи, приводилъ къ созданію у трудящихся класссовъ разныхъ націй одинаковыхъ чаяній и стремленій.

Война сразу какъ бы разрушила мощное вліяніе всѣхъ перечисленныхъ факторовъ. Но война есть явленіе временное. Не возобновится ли вліяніе этихъ факторовъ, когда война уступитъ наконецъ мѣсто миру?

Но любопытно, что даже во Франціи, даже въ періодъ войны, указанное вліяніе не исчезло окончательно изъ жизни. Мало того, по мѣрѣ затягиванія войны, оно начинаетъ проявляться все замѣтнѣе.

Приведу нѣсколько примѣровъ. Націоналисты ведутъ отчаянную кампанію противъ всего нѣмецкаго, въ томъ числѣ противъ нѣмецкой музыки. Оперы Вагнера пользовались передъ войной большой популярностью во Франціи. И вотъ теперь націоналисты выбиваются изъ силъ, чтобы доказать, что, во-первыхъ, Вагнеръ—

бездарность, а, во-вторыхъ, слушать его оперы значитъ совершать измѣну отечеству. Однако знаменитый французскій композиторъ Венсенъ д'Энди, нашелъ въ себѣ мужество выступить съ публичными рефератами въ защиту Вагнера и его рефераты имѣли большой успѣхъ. Любопытно, что Венсенъ д'Энди—ветеранъ семидесятаго года, онъ участвовалъ въ оборонѣ Парижа, а сейчасъ сынъ его сражается противъ нѣмцевъ въ Лотарингіи.—Я протестую всѣми силами своей души противъ абсурдной кампаніи, которая ведется противъ Вагнера,—заявлялъ въ своихъ рефератахъ знаменитый композиторъ. — Еслибы даже Вагнеръ былъ нашимъ смертельнымъ врагомъ, онъ отъ этого не перестаетъ быть геніемъ.

Въ свою очередь, „Journal des Débats", органъ консервативной академической интеллигенціи, помѣстилъ рядъ ѣдкихъ остроумныхъ статей, въ которыхъ безжалостно высмѣялъ хулителей Вагнера. Само собою разумѣется, что и демократическая печать не пожелала отстать отъ консервативной газеты и также выступила въ защиту великаго нѣмецкаго генія.

То же повторилось и въ области философіи. Одно время сдѣлалось модой доказывать, что титаны германской мысли, Гегель, Кантъ и Ницше, являются духовными родоначальниками прусскаго милитаризма. И противъ этого абсурда рѣзко выступили многіе выдающіеся французскіе философы и критики, вовсе не принадлежащіе даже къ передовымъ направленіямъ.

Наиболѣе убѣжденная и пламенная защита Канта появилась какъ разъ въ архибуржуазнѣйшемъ „Le Temps". Критикъ этой газеты, Поль Судэй, обрушился на нѣкоего Ласкина (если не ошибаюсь, русскаго выходца), который когда-то былъ непримиримымъ марксистомъ, а теперь выпустилъ книгу, озаглавленную „Philosophie et culture", въ которой онъ не только доказываетъ, что Кантъ является духовнымъ отцомъ пангерманизма, но требуетъ, какъ мѣры общественнаго спасенія и національной обороны, чтобы преподаваніе философіи Канта было вычеркнуто изъ программъ лицеевъ и университетовъ.

Статья Судэя характерна въ томъ смыслѣ, что авторъ ея не признаетъ никакихъ національныхъ границъ въ области философской мысли.

Ласкинъ, говоритъ критикъ, требуетъ національизаціи философіи. Говоря откровенно, это—чистѣйшій абсурдъ. „Изъ того, что всякая философія носитъ въ той или иной степени отпечатокъ національнаго духа, вовсе не слѣдуетъ, что философію можно приравнивать къ поэзіи или искусству, гдѣ вѣрное выраженіе этого духа является достоинствомъ, а часто и цѣлью поэта или художника... Всякому извѣстно, что вся современная философія ведетъ свое начало отъ нашего Декарта. Лейбницъ, нѣмецкій философъ, есть ученикъ Декарта, но также и Аристотеля, что не мѣшало ему быть великимъ философомъ. Спиноза, другой картезіанецъ, дру

той великій учитель, оказалъ явное вліяніе на Гегеля. Кантъ многимъ обязанъ англичанину Юму и, въ свою очередь, не былъ безполезенъ другому англичанину, Спенсеру и т. д. Каждый новый философъ пользуется всѣмъ тѣмъ, что было сдѣлано его предшественниками всѣхъ странъ. И, наоборотъ, кантіанецъ Шопенгауэръ былъ смертельнымъ врагомъ своего соотечественника Гегеля; идеалистъ Берклэй и эмпиристъ Локкъ принадлежатъ къ одной и той же націи; метафизики Декартъ и Мальбраншъ были французами, но французъ также и позитивистъ Огюстъ Контъ... Когда г. Ласкинъ приказываетъ намъ держаться исключительно французской философіи, мы спрашиваемъ его „какой"? Спиритуализма, позитивизма, или какой-нибудь иной? Когда онъ запрещаетъ намъ Канта, мы ему отвѣчаемъ двумя фразами, взятыми изъ книги г. Бутру: „Кантъ открылъ новую концепцію явленій, безъ изученія которой не можетъ обойтись человѣкъ, желающій мыслить философски. Ученіе Канта не является отраженіемъ эпохи, ни даже выраженіемъ мысли цѣлаго народа: *оно принадлежитъ человѣчеству*, „и мы можемъ, наконецъ, замѣтить г. Ласкину, что нѣтъ ничего болѣе германическаго или германизирующаго (въ современномъ презрительномъ смыслѣ этого слова), какъ подчиненіе политическимъ интересамъ неопровержимыхъ правъ разума" [1]).

Приведу еще примѣръ. Кѣмъ-то было высказано мнѣніе о необходимости изгнать изъ школьныхъ программъ преподаваніе нѣмецкаго языка. Журналъ „Renaissance" произвелъ анкету по этому вопросу среди ученыхъ и литераторовъ. Только двое изъ опрошенныхъ лицъ, Морисъ Баррэсъ и аббатъ Ветерлее, высказались въ пользу изгнанія нѣмецкаго языка. Изъ многочисленныхъ отвѣтовъ, полученныхъ редакціей, процитирую лишь отвѣтъ Рене Миллэ, человѣка крайне умѣреннаго и положительнаго, носящаго титулъ „ambassadeur de France" (французскаго посла).

„Признаюсь,—писалъ Миллэ—что я испытываю нѣкоторое отвращеніе къ обсужденію вопросовъ о томъ, что мы будемъ дѣлать послѣ побѣды, которую мы еще не держимъ въ своихъ рукахъ и о которой, по моему мнѣнію, слишкомъ много говорятъ. Мы напоминаемъ дѣтей, которыя, очутившись въ темнотѣ, поютъ, чтобы придать себѣ храбрости. Впрочемъ, сейчасъ, на мой взглядъ, никакого вопроса о языкахъ и быть не можетъ. Я полагаю, что вѣдь никто не претендуетъ уничтожить 120 милліоновъ человѣческихъ существъ, населяющихъ центръ Европы. Но въ такомъ случаѣ, пренебречь изученіемъ ихъ языка — значитъ поставить себя въ весьма невыгодное положеніе. Развѣ послѣ семидесятаго года побѣдители-нѣмцы перестали изучать французскій языкъ? Какъ разъ наоборотъ. И это не мало содѣйствовало ихъ дѣловымъ успѣхамъ"...

[1]) „Le Temps", 4 Septembre 1915.

Въ передовыхъ интеллигентныхъ кругахъ начинаетъ также слегка разсѣиваться то непониманіе, которое встрѣтилъ Ромэнъ Ролланъ. По инициативѣ группы литераторовъ и художниковъ составленъ адресъ съ выраженіемъ сочувствія, который намѣреваются послать Роллану. Адресъ уже покрытъ значительнымъ числомъ подписей.

Вообще необходимо отмѣтить, что дикая пропаганда ненависти сверхпатріотовъ начинаетъ давать, по крайней мѣрѣ, среди интеллигенціи. какъ разъ обратные результаты. Эта пропаганда, доходящая до абсурда, вызываетъ у людей, не потерявшихъ окончательно способности къ здравому мышленію, спасительную реакцію. Въ интересной недавно выпущенной брошюрѣ „Paroles humaines", радикальный депутатъ Пансо съ жаромъ доказываетъ, что довольно уже разглашать ненависть,—пора начать произносить человѣческія слова.

„Въ окружающемъ насъ удушливомъ хаосѣ, пишетъ авторъ, мы желаемъ, наконецъ, вздохнуть свободно, мы всѣ, которые именно въ силу нашей любви къ вѣчной Франціи не отречемся никогда отъ гордыхъ и святыхъ чувствъ, создавшихъ моральное вліяніе нашего отечества въ мірѣ. Мы, которые вѣримъ еще и будемъ вѣрить въ справедливость, истину и доброту, въ этихъ орловъ, парящихъ надъ партіями и расами, мы, которые возлагаемъ нашу высшую надежду на единственно возможную религію, въ которую мы вкладываемъ все наше чувство піетета, религію красоты и универсальнаго братства. Вотъ почему, одобряя съ самаго начала войны *французскія слова*, которыя были брошены французамъ, мы полагаемъ, что уже настало время бросить въ міръ *слова человѣческія*".

Всѣ перечисленныя мною явленія имѣютъ мѣсто среди интеллигенціи. Ну, а въ народныхъ массахъ?

Объ измѣненіяхъ въ ихъ настроеніяхъ, конечно, трудно судить. Но во всякомъ случаѣ вліяніе соціалистовъ въ массахъ не уменьшилось, а, пожалуй, даже еще укрѣпилось. Правда, соціалисты ведутъ сейчасъ политику національнаго единенія, но они не упускаютъ случая проповѣдывать и свой общечеловѣческій идеалъ. Если для буржуазныхъ партій политика національнаго единенія является благомъ, которое необходимо сохранить и послѣ войны, то для соціалистовъ она лишь временная необходимость, вызванная исключительными обстоятельствами, которой послѣ войны не должно быть мѣста. Насколько симпатіи къ соціализму еще сильны, напримѣръ, среди рабочихъ массъ Парижа, обнаружилось въ день годовщины смерти Жореса. На митингъ, посвященный памяти великаго трибуна, явилось около десяти тысячъ человѣкъ, не смотря на то, что почти все взрослое мужское населеніе столицы находится сейчасъ въ рядахъ арміи. Громадное помѣщеніе „Elysée Montmartre", гдѣ происходилъ митингъ, не могло вмѣстить всѣхъ

желающихъ и тысячныя толпы долго еще стояли на улицѣ подъ проливнымъ дождемъ, въ надеждѣ, что, можетъ быть, для нихъ будетъ организованъ митингъ въ другомъ помѣщеніи.

Всѣ эти факты не слѣдуетъ преувеличивать, но, повторяю, моя задача—лишь отмѣтить ихъ, не дѣлая выводовъ.

Надежды буржуазіи на установленіе послѣ войны прочнаго соціальнаго мира также наталкиваются на факты жизни противоположнаго характера. Противъ этихъ надеждъ можно, конечно, выдвинуть и общія соображенія. Соціальная борьба обусловливается причинами экономическими и соціальными, порождаемыми всѣмъ строемъ современнаго общества. И трудно допустить, чтобы психологическое настроеніе, вызванное временнымъ явленіемъ—войной, могло парализовать эту борьбу, но дѣло не только въ этомъ. Дѣло еще въ томъ, что буржуазные и трудящіеся классы ждутъ различныхъ результатовъ отъ усилившейся, подъ вліяніемъ войны, національной солидарности.

Дѣйственная общественная солидарность предполагаетъ жертвы въ пользу коллективности со стороны ея членовъ. Но жертвовать могутъ и должны тѣ, у кого есть чѣмъ жертвовать, а отнюдь не обдѣленные судьбой.

Помните евангельскій разсказъ о богатомъ юношѣ, который спросилъ у Христа, что сдѣлать ему, чтобы попасть въ царство небесное? „Раздай свое имущество бѣднымъ", гласилъ отвѣтъ великаго Учителя человѣческой солидарности. Но французская буржуазія, какъ бы подтверждая другое изреченіе Христа: „Легче верблюду пролѣзть черезъ игольное ушко, чѣмъ богатому попасть въ царство небесное", понимаетъ солидарность, какъ безропотное подчиненіе трудящихся массъ ея эксплуатаціи. Иначе понимаютъ ее, повидимому, милліоны трудовыхъ людей, находящихся на фронтѣ. Въ многочисленныхъ солдатскихъ письмахъ, помѣщающихся въ соціалистической прессѣ, авторы, радующіеся созданію національной солидарности, проводятъ одну и ту же мысль: послѣ войны побѣдоносная Франція будетъ охвачена порывомъ соціальной справедливости и проведетъ коренныя реформы для улучшенія жизни трудящихся. Вотъ для иллюстраціи одно изъ такихъ писемъ, краткое, простое, но трогательное.

„Изъ нагроможденныхъ развалинъ вырвется великое вѣяніе жалости и солидарности и ускоритъ осуществленіе нашихъ требованій. Тогда исполнится идеалъ нашего великаго Жореса и будетъ для него въ могилѣ большой радостью узнать, что его смерть послужила предпослѣднимъ этапомъ къ соціальному прогрессу".

Различныхъ результатовъ ждутъ отъ національной солидарности различные слои французскаго народа, различныя надежды питаютъ они.

Подъ покровомъ этой солидарности зрѣютъ такимъ образомъ зерна будущихъ конфликтовъ и борьбы. **Е. Сталинскій.**

БИБЛІОГРАФІЯ.

Вл. Лидинъ. Трынъ-трава. Разсказы. К-во „Сѣверные дни". Москва. 1916. Стр. 186. Ц. 1 р. 25 к.

Лучше всего удается г. Лидину изображеніе застойнаго житія, тяжелой неподвижности быта и души, гдѣ событія должны только закрѣпить общее впечатлѣніе невозможности и ненужности настоящей перемѣны. Онъ знаетъ среду, которую избралъ воплощеніемъ этой трагической затхлости; какъ внимательный очевидецъ, онъ рисуетъ жизнь захолустнаго купечества, душную, скупую, злую и жадную; еще лучше удается ему бытъ оскудѣвающаго помѣстнаго дворянства, тотъ медленно разлагающійся бытъ, который такъ долго считался ушедшимъ въ прошлое, отпѣтымъ и—по крайней мѣрѣ, для художественнаго изображенія—какъ бы не существующимъ. Алексѣй Толстой-младшій явился его новымъ Колумбомъ; не потому, конечно, что онъ далъ этой дворянской жизни дѣйствительно реальное изображеніе. Онъ писалъ о ней условную правду, онъ изображалъ и изображаетъ ее по премуществу въ чертахъ неправдоподобныхъ, а то и нарочито-нелѣпыхъ. Но уже то, что онъ, человѣкъ молодой, можетъ такъ сочинять объ этой жизни, что ея карикатурное, ни съ чѣмъ несообразное изображеніе насыщено у него такими сочными бытовыми мелочами, даетъ какую-то жизненную убѣдительность этой сплошной фантастикѣ; преувеличеніе преувеличеніемъ, шаржъ шаржемъ, но изъ ничего такія картины не создаются. Г. Лидинъ беретъ эту жизнь иначе. Возможно, что сюжеты, отчасти даже тонъ Ал. Толстого, повліяли на него (еще больше повліялъ на него Чеховъ), но это не мѣшаетъ ему въ общемъ быть достаточно для начинающаго самостоятельнымъ. Онъ еще не опредѣлился, онъ ищетъ своего лица, своего тона, и, кажется, онъ на вѣрномъ пути. Его неудачныя психологическія попытки („Домъ Сусловыхъ") не въ счетъ, но тамъ, гдѣ у него—по крайней мѣрѣ на первомъ планѣ—бытовыя задачи, тамъ онъ рѣшаетъ ихъ выразительно и сильно. Какъ опытный и тонкій наблюдатель, владѣетъ онъ красками, которыми въ разсказѣ „Трынъ-трава" рисуетъ конецъ стараго князя Ларскаго, приканчивающаго въ кутежѣ и распутствѣ остатки своей „блестящей" жизни. Каждая деталь убѣдительна отъ сѣрой австрійской куртки князя на заячьемъ мѣху до его барскаго пренебреженія къ автомобилю, отъ пьяныхъ губъ хористки Нелли до жалкихъ всхлипываній племянника князя лицеиста Севки, заразившагося дурной болѣзнью.

Здѣсь кой-что безъ нужды подчеркнуто — мужское банкротство князя при свиданіи съ Нелли, его незаконная дочь, ведущая вольную жизнь,—но въ общемъ разсказъ даетъ цѣльный образъ, и бытовой, и психологическій. Мягкой лирикой обвѣяны тоже печальные образы прошлаго въ разсказѣ „Эдмондъ Шателэнъ", появившемся уже по выходѣ сборника. Г. Лидинъ начинаетъ хорошо; будемъ надѣяться, что онъ не обманетъ ожиданій, которыя возбуждаетъ его книга.

Записки Оли Петровой. Петроградъ. 1916. Стр. 262. Ц. 1 р. 50 к.

Въ предисловіи г-жа Т. Арброва сообщаетъ, что случай далъ ей „возможность ознакомиться съ дневникомъ Ольги Петровой, одной изъ тѣхъ (?) тихихъ, скромныхъ труженицъ, проходящихъ мимо насъ, какъ тѣни". Г-жа Арброва отдала эти записки въ печать; у нея явилось было соображеніе, что, дѣлая это, она „поступаетъ не совсѣмъ корректно", но она рѣшила, что „описаніе среды, полной житейскихъ опасностей, которымъ подвергаются „Оли Петровы",—отражая дѣйствительность, не лишено интереса". Такимъ образомъ мы имѣемъ дѣло съ документомъ. „По соглашенію съ издателемъ—говоритъ г-жа Арброва—я измѣнила фамиліи всѣхъ лицъ, упоминаемыхъ въ запискахъ, въ остальномъ же я не вносила никакихъ поправокъ, дабы оставить дневнику его подлинный характеръ".

Это не совсѣмъ точно. Г-жа Т. Арброва забыла упомянуть, что среди лицъ, выступающихъ въ запискахъ, встрѣчается Татьяна Георгіевна Арброва, милая, образованная, умная хозяйка Оли Петровой. Неизвѣстно, нечаянно ли г-жа Арброва дала дѣйствующему лицу свою фамилію или выбрала себѣ общій съ нимъ псевдонимъ, но выходитъ такъ, что на страницахъ своей книги Оля Петрова расхваливаетъ г-жу Арброву. Расхваливаетъ не всегда основательно. Олѣ Петровой г-жа Т. Арброва кажется очень образованной, но стиль предисловія едва-ли говоритъ объ образованіи; Олѣ Петровой г-жа Арброва кажется очень милой, а она взяла и безъ спроса, „не совсѣмъ корректно" поспѣшила отдать ея записки въ печать. А вѣдь Оля Петрова—судя по запискамъ—наша современница: записки кончаются ея подготовкой къ дѣятельности сестры милосердія въ разгарѣ нынѣшней войны. Впрочемъ, все это не важно, и некорректность есть только въ языкѣ покровительницы и создательницы Оли Петровой: ибо записки ея—явная литературщина, и не пахнущая документомъ. То есть документъ, можетъ быть, и былъ, но г-жа Арброва напрасно увѣряетъ насъ на счетъ „никакихъ поправокъ". Поправокъ здѣсь гораздо больше, чѣмъ подлинности, отъ которой не осталось ничего. Оля Петрова настолько необразована, что сообщаетъ, какъ дамы на нее смотрѣли „черезъ стеклышко на палочкѣ", но она же дословно переписываетъ въ свои записки

письмо своего возлюбленнаго, пересыпанное французскими фразами. Письмо это носитъ слѣды безпомощнаго сочинительства болѣе, чѣмъ что-либо въ „Запискахъ", о которыхъ надо сказать нѣсколько словъ въ виду того, что соблазнительность сюжета—судьба красивой швейки въ столицѣ—и двѣ-три эротическія странички могутъ дать этому новому произведенію вербицко-нагродской литературы должную извѣстность. Но много словъ тратить не приходится, и они могутъ быть обращены даже къ любителямъ соотвѣтственной литературы: остерегайтесь поддѣлокъ. Ибо здѣсь мы имѣемъ плохую поддѣлку не только подъ записки Оли Петровой, но и подъ шедевры г-жи Вербицкой.

О. Генри. Сердце Запада. Разсказы. Петроградъ. 1916. Стр. VIII+265. Ц. 1 р. 40 к.

Разсказы О. Генри—американскаго беллетриста, умершаго въ 1911 году,—заслуживаютъ вниманія и, вѣроятно, найдутъ читателя. Не удивляемся тому, что русскій переводчикъ, „открывъ" Генри, увлекся живостью американскаго юмориста, которому даетъ оцѣнку, на нашъ взглядъ, не вполнѣ основательную. Изъ предисловія, предпосланнаго переводу, мы узнаемъ, что О. Генри „получилъ отъ своихъ соотечественниковъ прозвище „американскаго Мопассана" и наряду съ Дж. Лондономъ сталъ популярнѣйшимъ писателемъ Соединенныхъ Штатовъ". Вторая половина характеристики мало убѣдительна,—ибо всякія бываютъ популярности, первая же и неосновательна, ибо О. Генри столько же подобенъ Мопассану, сколько Мопассанъ—Лѣскову. Другія у него темы, другой подходъ къ нимъ, другая техника и другая значительность; Генри весь въ быту тамъ, гдѣ Мопассанъ психологиченъ, онъ мелковатъ тамъ, гдѣ Мопассанъ глубокъ, онъ грубъ тамъ, гдѣ Мопассанъ тонокъ; онъ нарочитъ, сентименталенъ и тенденціозенъ, и не разъ и не два его очерки просто поражаютъ печальнымъ сходствомъ со святочными разсказами: за волосы притянутая трогательность, рѣшающее вмѣшательство счастливой случайности, слезливая поучительность, пригодная, быть можетъ, для развлеченія дѣловой Америки, но забавная для литературно-воспитаннаго читателя. Кой-что изъ этого—въ весьма смягченной формѣ—признаетъ и переводчикъ. „Его любятъ — говоритъ онъ о Генри— не за то, что онъ зоветъ къ неотысканному, раскрываетъ глубины человѣческой души, блещетъ яркимъ стилемъ или изысканнымъ остроуміемъ. Его любятъ за то, что онъ—влюбленный въ Америку американецъ, передавшій въ своемъ стилѣ, въ своихъ герояхъ, въ своей манерѣ письма, весь темпъ своей эпохи, весь духъ своей расы. Рубленыя фразы, немного кричащій, рекламный юморъ, насыщенность внѣшнимъ дѣйствіемъ, видимое отсутствіе глубокихъ внутреннихъ переживаній у героевъ, —это, быть можетъ, не вполнѣ умѣстно въ Европѣ, но это неизбѣжно, необходимо въ

Америкѣ". Отвѣтомъ на это полуоправданіе можетъ быть одно указаніе: это рисуетъ американскаго читателя—и соотвѣтствующіе его спросу пріемы американскаго писателя; радоваться тутъ нечему. „Кто хочетъ изобразить душу современнаго американца, долженъ усвоить себѣ именно этотъ стиль-гротескъ, именно это арго, именно эту отрѣшенность отъ абстрактныхъ мечтаній и презрѣніе къ „проклятымъ вопросамъ". Ибо на родинѣ Рокфеллеровъ, въ странѣ жуткихъ „джунглей" и оголенной отъ всего человѣческаго „техники" изящные портреты-миніатюры и штрихи тонкаго психолога были бы неумѣстны, мало того,—были бы выдумкой". И это, конечно, грубая ошибка: нѣтъ человѣческой души, для изображенія которой „штрихи тонкаго психолога" были бы „неумѣстны"; вопросъ въ точкѣ зрѣнія, въ умѣніи уловить неуловимое, вопросъ въ способности автора къ тому или иному стилю, а не въ предметѣ изображенія. Переводчикъ находитъ, что Генри „правдивъ и безыскусственъ"; достаточно прочитать разсказы американскаго писателя о нѣкогда утраченныхъ и счастливо найденныхъ сыновьяхъ („Рождество по заказу", „Высшее отреченіе"), чтобы видѣть, къ какому искусственному сочинительству прибѣгаетъ Генри, чтобы выжать слезу умиленія у своихъ читателей. Поистинѣ—они не слишкомъ далеко ушли отъ его героевъ: техасскихъ ковбоевъ, бродягъ далекаго запада, мексиканскихъ красотокъ, столь же обольстительныхъ, сколь безграмотныхъ, неуловимыхъ разбойниковъ, великолѣпныхъ сыщиковъ и т. п. Старые образы Бретъ-Гарта и—увы—Густава Эмара лишь нѣсколько подновлены здѣсь и сдобрены терпкимъ юморомъ Марка Твена. Все это изъ вторыхъ рукъ, но—надо отдать справедливость бойкому американцу—сдѣлано въ общемъ не плохо, живо, занятно, сжато и часто дѣйствительно забавно. О. Генри—далеко не бездарный писатель и великую школу англо-саксонскаго юмора прошелъ не безъ успѣха, которому способствовали и его природныя данныя. Конечно, о „бытѣ и типахъ великой заокеанской республики" судить по его разсказамъ можно не больше, чѣмъ по каррикатурамъ нью-іоркскихъ юмористическихъ журналовъ, но веселый смѣхъ вызываетъ не разъ его книга: смѣхъ и, пожалуй, еще желаніе сопоставить его кой съ кѣмъ изъ нашихъ модныхъ юмористовъ: насколько же онъ художественнѣе, тоньше и просто культурнѣе. Онъ говоритъ: „у брода держалъ лавчонку нѣкто Финкъ,—человѣкъ многихъ національностей, многихъ языковъ, многихъ интересовъ и многихъ міровоззрѣній"—и сразу видишь эту фигуру новоиспеченнаго американскаго гражданина. Онъ разсказываетъ о томъ, какъ двое бродягъ увели у фермера мальчугана, чтобы получить за него выкупъ, и наткнулись на такого бѣшенаго озорника и сорванца, что послѣ трехдневныхъ страданій сами заплатили отцу своего мучителя выкупъ, чтобы онъ только принялъ обратно своего сына; читатель, конечно, понимаетъ, что это—безшабашное

преувеличеніе, но онъ вѣритъ шаржу, пока читаетъ: вѣритъ и хохочетъ. Такимъ образомъ никто не пожалѣетъ, прочитавъ книгу О. Генри; но едва-ли кто согласится съ невѣроятной оцѣнкой, данной ему его соотечественниками, если переводчикъ правильно передалъ ихъ мнѣніе. Языкъ Генри, сжатый и энергичный, пересыпанный остротами, намеками и специфическими словечками изъ разныхъ жаргоновъ, надо думать, плохо поддается переводу, но переводчикъ недурно справился со многими трудностями. „Безбожные стихи какой-то госпожи“, которую не весьма образованный золотоискатель Айдаго Гринъ „называлъ Руби Оттъ“ (стр. 28),— очевидно, персидскія „Рубайатъ“ Омара Хейяма, популярныя въ англійскихъ переводахъ—и это надо было объяснить русскому читателю. Вообще переводчикъ поскупился на примѣчанія и предполагаетъ извѣстнымъ многое, о чемъ у насъ сплошь и рядомъ представленія не имѣютъ.

Н. П. Василенко. Очерки по исторіи Западной Руси и Украины. (Русская исторія въ очеркахъ и статьяхъ. Составлена при участіи профессоровъ и преподавателей подъ редакціей профессора М. В. Довнаръ-Запольскаго. Томъ III. Приложеніе). Кіевъ. 1916. Стр. XI + 589. Ц. 2 р. 50 к.

„Очерки“ Н. П. Василенка, по его словамъ, „имѣютъ своей задачей первоначальное ознакомленіе, въ популярной формѣ, съ нѣкоторыми явленіями исторической жизни украинскаго народа“. По плану автора, очерки эти „должны представлять одно цѣлое— указать на національно-соціальную борьбу украинскаго народа, которая, не найдя себѣ удовлетворительнаго исхода въ условіяхъ польско-литовскаго государства, привела, въ концѣ концовъ, къ переходу Украины подъ власть Москвы“ (I, II). Сообразно этому плану, авторъ начинаетъ свое изложеніе съ изображенія тѣхъ условій, какія вызвали борьбу украинскаго народа съ Польшей, и заканчиваетъ моментомъ, непосредственно предшествовавшимъ возстанію Богдана Хмельницкаго. Въ первой главѣ своей книги г. Василенко даетъ очеркъ положенія православной церкви въ западно-русскихъ и южно-русскихъ земляхъ, попавшихъ подъ власть Литвы и Польши, послѣ окончательнаго соединенія этихъ государствъ, указываетъ обстоятельства, при которыхъ возникла Брестская унія между православною и католическою церковью, и выясняетъ значеніе этой уніи. Во второй главѣ авторъ даетъ очеркъ религіозно-національнаго и культурнаго движенія въ Западной Руси и на Украинѣ въ XVI—XVII вѣкахъ, поскольку такое движеніе сосредоточивалось на вопросахъ церковной жизни. Въ трехъ слѣдующихъ главахъ авторъ говоритъ о возникновеніи украинскаго козачества, объ его начальной исторіи и объ его борьбѣ съ польскимъ государствомъ въ концѣ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣка. Наконецъ, послѣдняя глава или послѣдній

очеркъ въ книгѣ г. Василенка трактуетъ о колонизаціи лѣвобережной Украины и о движеніи украинскаго населенія въ предѣлы Московскаго государства, движеніи, начавшемся въ XVII вѣкѣ и подготовившемъ переходъ Украины подъ власть Москвы.

Вопросы, вошедшіе въ книгу г. Василенка, неоднократно излагались уже въ популярной формѣ старыми историками Малороссіи, вплоть до Н. И. Костомарова и В. Б. Антоновича. Но за послѣднія десятилѣтія продолжающаяся разработка исторіи Западной Руси и Украины внесла въ это традиціонное изложеніе рядъ весьма существенныхъ поправокъ. Съ одной стороны, многіе факты, принимавшіеся на вѣру прежними историками, при ближайшей и болѣе точной провѣркѣ оказались не болѣе, какъ лѣтописной легендой, подлежащей рѣшительному устраненію изъ научнаго оборота. Съ другой, — привлеченіе къ дѣлу изслѣдованія новыхъ источниковъ позволило установить много новыхъ фактическихъ данныхъ, въ свѣтѣ которыхъ и самые вопросы, стоящіе передъ изслѣдователями, получили подчасъ новыя очертанія. Н. П. Василенко и взялся передать широкимъ кругамъ читателей эти результаты новѣйшей разработки вопросовъ, охватываемыхъ его книгой. И выполнилъ онъ эту задачу съ тѣмъ бо́льшимъ успѣхомъ, что самъ онъ является не только популяризаторомъ, но и ученымъ, самостоятельно работающимъ въ области тѣхъ самыхъ вопросовъ, популяризаціи которыхъ посвящена настоящая его книга. При этомъ въ качествѣ ученаго онъ отличается большою осторожностью и объективностью. Читатель не встрѣтится въ его книгѣ ни съ модернизаціей старины путемъ навязыванія дѣятелямъ прошлаго широкихъ программъ и стремленій, естественныхъ лишь въ условіяхъ настоящаго времени, ни съ попытками заполнить пробѣлы источниковъ произвольными догадками, выдаваемыми за подлинные факты. Авторъ „Очерковъ по исторіи Западной Руси и Украины" говоритъ лишь то, что позволяютъ ему говорить источники, а, когда ему приходится по необходимости прибѣгать къ предположеніямъ и гипотезамъ, неизмѣнно снабжаетъ ихъ соотвѣтствующими оговорками. Въ спорныхъ же вопросахъ, которыхъ еще очень много въ исторіи той эпохи, какой посвящена его книга, онъ передаетъ читателю различныя мнѣнія, высказывавшіяся въ научной литературѣ, тщательно и отчетливо отмѣчая въ каждомъ изъ этихъ противорѣчивыхъ мнѣній все наиболѣе существенное. Благодаря этому, читатель „Очерковъ" Н. П. Василенка получаетъ возможность ознакомиться какъ съ тѣми прочными результатами, которые уже добыты научнымъ изученіемъ исторіи Малороссіи съ конца XV до половины XVII вѣка, такъ и съ тѣми разногласіями, какія существуютъ въ этомъ изученіи, и съ тѣми пробѣлами, какіе еще остаются въ немъ. Наряду съ этими крупными достоинствами, заставляющими горячо привѣтствовать появленіе книги Н. П. Василенка, въ ней есть, правда, и недостатокъ, заключаю-

щiйся въ нѣкоторой небрежности внѣшней отдѣлки. Изложенiе автора страдаетъ нѣкоторой вялостью, въ немъ есть къ тому же ненужныя длинноты, есть и излишнiя повторенiя. Но это—недостатокъ, легко устранимый, и авторъ безъ большого труда сможетъ избавить отъ него свою книгу при новомъ ея изданiи, которое, надо думать, не заставитъ себя ждать. Было бы хорошо, еслибы авторъ при этомъ новомъ изданiи устранилъ и кое-какiя рискованныя утвержденiя, проскользнувшiя въ его книгу. Врядъ-ли удобно, напримѣръ, называть запорожскихъ козаковъ XVI—XVII вв., хотя бы въ противоположность городовымъ козакамъ, „пролетарiями" (219). Точно также врядъ-ли стоило зачислять въ условiя, обезпечившiя возможность возстанiя Богдана Хмельницкаго, то обстоятельство, что и послѣ подавленiя возстанiя 1638 г. козацкiе сотники и атаманы назначались (не выбирались) изъ среды самихъ козаковъ (421). Можно было бы указать и еще кое-какiя частныя утвержденiя автора, отъ которыхъ ему лучше было бы воздержаться, но ихъ очень немного и всѣ они не болѣе, какъ мелочи, въ хорошей и полезной книгѣ Н. П. Василенка.

В. Герье. Расцвѣтъ западной теократiи. Москва. 1916. Стр. 354. Цѣна 2 р.

Продолжая свои очерки по исторiи „Зодчихъ и подвижниковъ Божьяго царства", В. И. Герье дошелъ до эпохи Иннокентiя III и посвятилъ этому папѣ и его эпохѣ—началу XIII вѣка—особую книгу

Странное, чтобы не сказать болѣе, производитъ впечатлѣнiе эта книга. В. И. Герье душевно любитъ Иннокентiя III. Это—его дѣло. Но онъ беретъ на себя роль дѣятельнѣйшаго *адвоката* Иннокентiя и всѣхъ дѣянiй Иннокентiя,—и вотъ тутъ-то читатель чуть не на каждой страницѣ повергается въ удивленiе. Предъ нами—не ученый, который *обязанъ* сохранять хотя бы долю хладнокровiя и безпристрастiя, — а елейный католическiй панегиристъ, даже не современный (теперь они это дѣлаютъ несравненно тоньше, ср. Людвига Пастора, Гартмана Гризара и другихъ столповъ иннсбрукско - фрейбургской школы),—а вышедшiй откуда-то изъ нѣдръ XVI столѣтiя, когда, подъ влiянiемъ полемики съ протестантами, апологетическое изображенiе прошлаго было первымъ, если не единственнымъ требованiемъ, предъявлявшимся къ католическимъ историкамъ папства. Конечно, здѣсь мы имѣемъ дѣло отнюдь не съ конфессiональнымъ пристрастiемъ (В. И. Герье вовсе не католикъ), а съ тѣмъ, что Маколей остроумно назвалъ furor biographicus, — съ увлеченiемъ и восторгомъ бiографа и историка, съ такимъ увлеченiемъ, которое, прямо, способно подорвать довѣрiе читателя къ автору. Иннокентiй III представляется В. И. Герье едва-ли не воплощенiемъ всѣхъ добродѣтелей. Безъ чувства глубочайшаго недоумѣнiя нельзя слѣдить за ухищренiями В. И. Герье, направленными къ тому, чтобы

обѣлить и оправдать Иннокентія во всемъ, напр., въ неслыханныхъ злодѣяніяхъ, учиненныхъ *по прямой его иниціативѣ* надъ беззащитными „еретиками“ южной Франціи. На стр. 29, не вѣря глазамъ своимъ, читаемъ: „Но Иннокентій иначе понималъ это слово Христа, чѣмъ его усердные исполнители. Нужно отдать ему справедливость. Онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы вступиться за невинныхъ, и постоянно внушалъ легатамъ, чтобы они не обижали католиковъ“. Что это значитъ? Зачѣмъ же ему было „обижать католиковъ“, которые сами изо всѣхъ силъ помогали ордѣ натравленныхъ Иннокентіемъ на южную Францію „крестоносцевъ“ вырѣзывать и грабить „еретиковъ“,?

Вообще г. Герье склоненъ винить во всѣхъ злодѣйствахъ Иннокентія маленькихъ людей, исполнителей, ложныхъ доносчиковъ и т. д.,—и при этомъ очевидность не играетъ въ его глазахъ ни малѣйшей роли. Папѣ Иннокентію III приходилось на своемъ вѣку не только инспирировать убійство и грабежъ неповинныхъ людей,—„еретиковъ“, но приходилось также немало и по разнообразнѣйшимъ поводамъ лгать и хитрить. Это и признаютъ нынѣшніе историки (въ самомъ дѣлѣ самостоятельно изслѣдовавшіе исторію Иннокентія III),—но этого не желаетъ признать, конечно, г. Герье „Современный намъ біографъ Иннокентія III—пишетъ онъ—видитъ во всемъ этомъ одну лишь казуистику... Но мы предпочитаемъ подчеркнуть въ данномъ случаѣ... твердость въ проведеніи плановъ... умѣнье найтись въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и уступить въ несущественномъ, жертвуя личнымъ самолюбіемъ“, Почему „мы предпочитаемъ“ рисовать Иннокентія исключительно розовою краскою,—не поясняется.

Самыя слабыя мѣста книги—это именно все, что относится къ личной характеристикѣ Иннокентія; но и вся книга разочаровываетъ читателя, привыкшаго встрѣчать въ трудахъ В. И. Герье большую или меньшую самостоятельность. Здѣсь мы кое-гдѣ находимъ подчеркнутую, голословную полемику съ Люшеромъ и Гаукомъ,—но, увы, ни единаго факта, котораго мы бы не встрѣтили (гораздо подробнѣе и яснѣе изложеннаго) въ книгѣ того же Люшера „Innocent III“ или въ книгѣ Гаука „Deutsche Kirchengeschichte“ или въ книгѣ Давидзона „Philipp II August und Ingeborg“. Авторъ говоритъ о борьбѣ Иннокентія съ ересью, объ основаніи Латинской имперіи, о вселенскомъ соборѣ, о папскомъ свѣтскомъ государствѣ, о борьбѣ папы со свѣтскими властителями, о конечномъ торжествѣ папы, — словомъ, объ одномъ изъ самыхъ выдающихся понтификатовъ во всемірной исторіи, а у читателя остается впечатлѣніе отъ этой книги, какъ отъ бѣглой популяризаціи, наскоро написанной съ чисто апологетическими и панегирическими цѣлями. Разбирая въ свое время предыдущую книгу В. И. Герье „Западное монашество и папство“ (1913 г.), мы отмѣтили самостоятельность и интересъ *той* работы. Къ сожалѣ-

нію, *нынѣшняя* книга жестоко разочаровываетъ самаго снисходительнаго читателя. Вотъ такихъ историковъ, какъ В. В. Розановъ,—она удовлетворила: „спасибо нашему старому Герье за эту книгу!" воскликнулъ онъ недавно на страницахъ „Новаго Времени".—Боимся, что эта авторитетная хвала останется единственной.

Ник. Сухановъ. Наши лѣвыя группы и война. 3-е изданіе. Петроградъ. 1916. Ц. 50 к.

Брошюра г. Суханова появилась на книжномъ рынкѣ минувшей осенью и вызвала въ нѣкоторыхъ органахъ печати рѣзкіе о себѣ отзывы, доходившіе до совершенно непозволительной ругани. Достаточно сказать, что г. Іорданскій, напримѣръ, не постѣснился назвать автора проходимцемъ („Современный Міръ", 1915, ноябрь); не мало крѣпкихъ словъ употребилъ въ своемъ отзывѣ и г. Струве, причемъ оба эти рецензента не потрудились даже передать своимъ читателямъ содержаніе обруганной ими книжки. Ругательные отзывы не помѣшали, однако, а въ извѣстной мѣрѣ, быть можетъ, и содѣйствовали, успѣху брошюры г. Суханова, которая расходится теперь уже въ третьемъ изданіи. Такъ или иначе, ея автору удалось довольно больно задѣть нѣкоторыхъ собратьевъ по перу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и заинтересовать читателей. Надо думать, что это не былъ успѣхъ только скандала. Г. Сухановъ взялъ на себя, въ сущности, далеко не лишній трудъ напомнить и сопоставить мнѣнія, высказанныя разными писателями изъ лѣваго лагеря, дотолѣ убѣжденными антимилитаристами, въ пользу „пріятія" данной войны. „Либеральные политики, философы и экономисты, застигнутые войною врасплохъ,—говоритъ г. Сухановъ—принялись „оправдывать" ее весьма усердно, но безсистемно,—кто во что гораздъ" (стр. 7). Не довольствуясь оправданіемъ войны съ точки зрѣнія національной обороны, многіе начали приписывать ей и активныя, притомъ самыя высокія, задачи. Одни сразу же объявили ее „войной противъ войны", войной противъ милитаризма; другіе увидѣли въ ней „освободительную" войну, въ частности, войну за освобожденіе „малыхъ народовъ"; третьи расширили понятіе обороны вплоть до захвата проливовъ и чужихъ земель, якобы необходимыхъ для обезпеченія независимости Россіи, и т. д. Когда г. Сухановъ собралъ воедино такіе доводы, то получился яркій букетъ „благоглупостей", которыхъ такъ много было наговорено въ первые мѣсяцы войны и вся нелѣпость которыхъ достаточно наглядно уже обнаружилась ко времени появленія брошюры г. Суханова. Послѣднему во многихъ случаяхъ незачѣмъ было даже вдаваться въ критику, достаточно было лишь привести и сопоставить доводы, какими оправдывалась война нѣкоторыми политиками и писателями, якобы, съ либеральной и демократической точекъ зрѣнія. Съ нѣкоторою подробностью г. Сухановъ остановился лишь на тѣхъ аргументахъ въ пользу войны, которые приводились въ доказательство необхо-

димости ея въ цѣляхъ борьбы съ германскимъ экономическимъ засильемъ. И тутъ ему не трудно было показать, какъ растерявшіеся фритредеры или, по крайней мѣрѣ, убѣжденные противники нашей покровительственной системы, неожиданно превратились въ ярыхъ протекціонистовъ и начали играть въ дудку крупныхъ промышленниковъ, съ которыми раньше они вели борьбу. Въ общемъ получился довольно цвѣтной матеріалъ для характеристики той растерянности и того разброда, какими война сказалась въ рядахъ интеллигенціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обвинительный актъ противъ нѣкоторыхъ дѣятелей изъ ея среды, которые не проявили въ отвѣтственную минуту народной жизни надлежащей устойчивости и слишкомъ легко поддались чуждой имъ идеологіи, лишь бы удержаться на виду у толпы.

Къ сожалѣнію, выполняя свою задачу, г. Сухановъ прибѣгнулъ къ такимъ пріемамъ, которые едва-ли допустимы въ серьезной критикѣ. „Въ литературѣ, посвященной войнѣ, мы не могли бы— говоритъ онъ самъ—указать ни одного произведенія, въ которомъ цѣликомъ излагалась бы „военная“ система какой-либо либеральной или демократической группы“ (6—7). Тѣмъ не менѣе завѣдомо „безсистемные“ доводы „непомѣрно растерявшихся“ отдѣльныхъ дѣятелей г. Сухановъ счелъ возможнымъ свести „въ нѣкоторую систему“ и затѣмъ приписалъ эту систему вообще „лѣвымъ группамъ“. Сводя въ одну „систему“ мнѣнія столь различныхъ писателей и дѣятелей, какъ гг. Струве, Масловъ, Милюковъ, Муретовъ, кн. Трубецкой, Финнъ - Енотаевскій, Родзянко, Бердяевъ, Качаровскій и т. д., г. Сухановъ, конечно, обкарналъ многія изъ нихъ. Больше того: будучи убѣжденъ, что „слова даны для того чтобы скрывать мысли“ (это въ качествѣ безспорной максимы повторяется на протяженіи брошюры неоднократно, — 14, 36, 93), г. Сухановъ задался цѣлью „не спорить съ либеральной идеологіей войны, а просто снять цвѣтистые покровы съ тѣхъ хорошихъ словъ, которыя говорятся для сокрытія мыслей“ (36). „Поскребите, — говоритъ онъ, — Донъ - Кихота изъ „Рѣчи“ и „Русской Мысли“, и вы нерѣдко докопаетесь до благородныхъ чертъ курскаго зубра и до образины Китъ Китыча“ (14). Легко понять, какими, при этомъ методѣ обкарныванія и „поскребыванія“, должны были оказаться „лѣвыя группы“ въ изображеніи г. Суханова: вмѣсто „лѣвыхъ группъ“ получилось какое-то пятно глупости и подлости, что-то въ родѣ „дремучаго лѣса алчности и шовинизма“, какъ авторъ выражается въ предисловіи къ третьему изданію своей брошюры. И внѣ этого „дремучаго лѣса“, на какой-то недосягаемой и лучезарной высотѣ, остались изъ всѣхъ „лѣвыхъ“ чуть-ли не гг. Сухановъ и Базаровъ только съ ихъ «прекрасными статьями» (36) въ покойномъ «Современникѣ».

Посматривая свысока и не безъ злорадства на копошащихся гдѣ-то внизу людишекъ, г. Сухановъ не удостоиваетъ снизойти до

нихъ и сообщить имъ о горизонтахъ, какіе открыты ему съ его „интернаціонально-классовой“ позиціи. Для всѣхъ остающихся на „національно-государственной“ почвѣ онъ находитъ совершенно достаточнымъ другой идеалъ, которому и воспѣваетъ съ своей стороны дифирамбы. „Цѣли, задачи и смыслъ войны — говоритъ онъ — были съ полною опредѣленностью указаны въ словахъ Высочайшаго манифеста... Противъ принциповъ, выставленныхъ въ Высочайшемъ манифестѣ, никакихъ споровъ быть, конечно, не можетъ. Они имѣютъ абсолютное значеніе для каждаго носителя національно-государственной идеи“ (105 — 106). Съ этого г. Сухановъ начинаетъ свою брошюру, этимъ и кончаетъ ее. У читателей, не представляющихъ себѣ, что это за „интернаціонально-классовая“ позиція, которую занимаетъ въ вопросѣ о войнѣ г. Сухановъ и о которой онъ упоминаетъ лишь мимоходомъ, неизбѣжно получается впечатлѣніе, что онъ ополчился на либераловъ и демократовъ именно за то, что они сошли съ почвы офиціальныхъ актовъ и предначертаній. Такой же характеръ имѣетъ и предпочтеніе, отдаваемое имъ „болѣе правымъ элементамъ“, которые, по его утвержденію, „вообще смотрятъ на сущность милитаризма гораздо болѣе правильно“ (17) и „правой печати, которая держится и болѣе спокойно, и болѣе нейтрально, и, пожалуй, болѣе трезво“, чѣмъ „лѣвая“ (92). Чтобы принизить либераловъ и демократовъ, г. Сухановъ готовъ воспѣть дифирамбы даже форменнымъ зубрамъ и рептиліямъ.

Этотъ совершенно непозволительный пріемъ литературной полемики и вызвалъ наиболѣе горячіе протесты, когда появилась брошюра г. Суханова, даже со стороны людей, лично совершенно не задѣтыхъ имъ, какъ, напримѣръ, г. Заславскій-Homunculus въ „Днѣ“. Отвѣчая въ предисловіи къ третьему изданію руганью не только на ругань, но и на этотъ протестъ, г. Сухановъ ссылается на „конспирацію“, давая понять, что ради нея онъ прикрылся „чужой шкурой“ („даже не овечьей, а собачьей“, какъ выразился г. Homunculus). „Конспирація“ въ глазахъ г. Суханова, очевидно, все оправдываетъ, и ему не приходитъ въ голову, что нѣкоторые пріемы „конспираціи“ недопустимы даже съ глазу на глазъ со шпиками и охранниками. Намъ вспоминается по этому случаю скверный анекдотъ, сочиненный въ свое время какими-то досужими людьми о Щедринѣ и получившій довольно широкое распространеніе въ провинціи. Разсказывали, будто бы явившаяся къ нему для обыска полиція застала его распѣвающимъ гимнъ и, естественно, растерялась. Словъ нѣтъ, въ глазахъ кое-кого изъ провинціаловъ этотъ анекдотъ послужилъ даже къ вящшей славѣ сатирика: ловко-де онъ провелъ полицію... Но едва-ли нужно даже говорить, какъ возмущала и мучила эта басня самого Щедрина, тѣмъ болѣе, что по условіямъ того времени ее нельзя было прямо опровергнуть Но то былъ Щедринъ, да и времена были другія,

А вотъ теперь г. Сухановъ ради „конспираціи" распѣваетъ гимны даже въ литературѣ. И еще, кивая на другихъ, вопитъ о „неслыханномъ паденіи—не профессіонально-литературныхъ, а общественныхъ нравовъ!" Дѣйствительно, паденіе неслыханное, но г. Суханову прежде всего, конечно, на себя слѣдовало бы оглянуться. Въ самомъ дѣлѣ: „не пора-ли остановиться"? Еслибы онъ удержался въ границахъ „добрыхъ литературныхъ нравовъ", его брошюра, несомнѣнно, много выиграла бы и даже при полномъ отсутствіи въ ней положительной части, быть можетъ, помогла бы читателямъ кое въ чемъ разобраться. Во всякомъ случаѣ, задѣтымъ въ ней дѣятелямъ и писателямъ не такъ легко было бы „отругаться"...

Самозащита. Марксистскій сборникъ. I. Статьи: В. Засуличъ А. Потресова, Ивана Кубикова, П. Маслова, К. Дмитріева, Анъ, Владиміра Вольскаго, Евг. Маевскаго, В. Левицкаго, А. Бибика, В. Львова-Рогачевскаго. Петроградъ. 1916. Ц. 1 р. 25 к.

„Въ этомъ сборникѣ—говорится въ предисловіи—встрѣтились тѣ изъ марксистовъ, для кого идея интернаціонализма и идея самозащиты страны не являются понятіями, другъ друга исключающими, а, наоборотъ,—представляютъ то единство, которое опредѣляетъ на ближайшее время линію ихъ практической политики". Чтобы сойтись на этой почвѣ марксистамъ пришлось „преодолѣть" цѣлый рядъ „сакраментальныхъ формулъ", какъ выражается г. Масловъ, а проще говоря, избитыхъ и изжитыхъ шаблоновъ, которые давно уже сковываютъ марксистскую мысль. Къ этому „преодолѣнію" въ значительной мѣрѣ и сводится содержаніе сборника. Напримѣръ, съ формулой: „у пролетаріата нѣтъ отечества" оказались вынужденными посчитаться и г. Потресовъ, и г. Кубиковъ, и г. Вольскій... Въ ихъ истолкованіи эта формула оказалась не больше, какъ „просто заученной и непродуманной фразой" 27), одной изъ формъ „дѣтской болѣзни, естественной и неизбѣжной въ періодъ младенчества" (83). Сошедшіеся въ сборникѣ марксисты не только признаютъ цѣнность отечества, плодотворность національнаго чувства и т. д., но и находятъ крѣпкую „связь, какой судьба каждаго класса связана съ судьбами всего народа". „Порвать ее, выпрыгнуть изъ рамокъ своего народа, отгородиться отъ его судьбы и выбрать себѣ свою, особенную,—говоритъ г. Вольскій,—не въ силахъ ни одинъ, даже самый мощный классъ" (83). Отсюда для марскистовъ оказалось недалеко уже и до признанія наличности общихъ интересовъ у буржуазіи и пролетаріата (35) и необходимости общихъ для нихъ дѣйствій, т. е. сотрудничества между ними (94, 100 и др.). При этомъ о „диктатурѣ пролетаріата" уже не упоминается, да и на то, чтобы „толкать буржуазію", въ чемъ еще недавно русскіе марксисты видѣли чуть ли не главную политическую миссію пролетаріата, встрѣчаются лишь

намеки. Вообще чувствуется болѣе трезвое отношеніе къ дѣйствительности. „Всемогущество рабочаго класса", съ каковымъ марксисты носились въ 1905—1906 гг., трактуется уже, какъ „иллюзія" (93), а по отношенію къ настоящему съ горечью признается, что „рабочій классъ... приходитъ на политическую сцену съ большимъ опозданіемъ" (119), что лишь „вслѣдъ за политической мобилизаціей буржуазіи, по ея пятамъ, какъ неизбѣжный ея спутникъ, тронулась демократія" (116). Да и неизвѣстно еще, тронулась ли. Другой авторъ констатируетъ со стороны демократіи „вмѣсто участія въ работѣ и борьбы за то или иное ея направленіе—отказъ отъ участія, отказъ гордый по внѣшности и безсильный по существу, ортодоксальный по формѣ—„не желаемъ сидѣть за однимъ столомъ съ филистимлянами",—но на дѣлѣ предающій интересы класса" (89). Между тѣмъ „освобожденіе отъ стараго режима есть въ сущности сложный процессъ созданія новаго". „И этой работы *за народъ*—пишетъ и подчеркиваетъ г. Вольскій—никто сдѣлать не можетъ" (85). Изъ сказаннаго ясно, насколько далеко встрѣтившіеся въ сборникѣ марксисты отошли отъ недавно еще господствовавшихъ въ ихъ средѣ шаблоновъ и формулъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они заходятъ, на нашъ взглядъ, даже дальше, чѣмъ это въ правѣ, казалось бы, сдѣлать соціалисты.

Но это понятно. Дѣло въ томъ, что данный „прорывъ" черезъ „догму", обусловленный исключительно военными обстоятельствами и не расширенный до общаго пересмотра теоріи, далеко еще не означаетъ освобожденія марксистской мысли отъ всѣхъ путъ, какими она связана. Нѣкоторые шаблоны сохраняютъ свою силу и надъ „прорвавшимися" марксистами. Тяжелѣе другихъ давитъ, конечно, на нихъ главный марксистскій шаблонъ,—„классовая точка зрѣнія", желающая охватить всю соціальную жизнь и не позволяющая признать наличность и самостоятельное значеніе нѣкоторыхъ благъ и отношеній внѣ связи съ тѣми или иными классовыми интересами. Даже такія, казалось бы, безусловныя блага, какъ свобода, независимость, честь, самая жизнь гражданъ, не говоря уже о всѣхъ культурныхъ цѣнностяхъ, расцѣниваются шаблоннымъ марксизмомъ не иначе, какъ съ „классовой точки зрѣнія". И усилія авторовъ сборника въ значительной мѣрѣ оказались направленными на то, чтобы приспособить къ этой точкѣ зрѣнія свою теперешнюю позицію. Разсматривая „самозащиту страны" не какъ общенаціональное дѣло гражданъ, а какъ дѣло заинтересованныхъ въ этомъ классовъ, они неизбѣжно, конечно, должны были придти къ сотрудничеству буржуазіи и пролетаріата, т. е. къ нѣкоторому nonsens'у, прежде всего, съ классовой точки зрѣнія. Въ дѣйствительности, борьба *классовъ* и борьба *націй*, переплетаясь и осложняя другъ друга, представляютъ совершенно самостоятельные виды групповой борьбы и ни въ коемъ случаѣ

не покрываютъ другъ друга. Между тѣмъ г. Потресовъ пытается приспособить къ „классовой точкѣ зрѣнія“ не только самозащиту страны, но и всѣ международныя отношенія,—вплоть до „международныхъ вопросовъ par excellence“, вродѣ вопроса объ образованіи Балканской федераціи. Едва-ли нужно даже говорить, сколь малопродуктивными оказываются его усилія...

Встрѣчаемся мы въ сборникѣ и съ другими марксистскими шаблонами. Г. Кубиковъ, напримѣръ, возится съ „діалектикой рабочаго движенія“, а г. Анъ, кажется, ничего не видитъ, кромѣ „мелкобуржуазной опасности“. „Изъ мѣщанскаго кругозора мелкой буржуазіи“, по его мнѣнію, вытекаетъ „антиреакціонный принципъ“, которымъ объясняются пораженческія и нейтралистскія тенденціи въ отношеніяхъ къ нынѣшней войнѣ. „Идеологами мелкой буржуазіи“, какъ извѣстно, марксисты всегда считали народниковъ. Г. Анъ желалъ бы и теперь свалить на нихъ вину. Къ сожалѣнію, именно „передовые и наиболѣе способные къ организаціи элементы рабочаго класса въ своемъ большинствѣ,—какъ констатируетъ г. Левицкій,—заняли, если не прямо „пораженческую“, то нейтральнобойкотистскую позицію по отношенію къ войнѣ и выдвигаемымъ ею задачамъ“ (113). Чувствуетъ, повидимому, и г. Анъ, что народники въ данномъ случаѣ не причемъ. Поэтому онъ обвиняетъ ихъ лишь косвенно,—въ томъ, что своими „мелкобуржуазными утопіями“ они заразили марксистовъ, прямо же свои стрѣлы онъ вынужденъ направить противъ „мелкобуржуазнаго радикализма“, который выдаетъ себя за „чистый“, „послѣдовательный“ марксизмъ (77). Какъ можно думать, г. Анъ имѣетъ въ данномъ случаѣ въ виду, прежде всего, г. Ленина съ его послѣдователями,—того самаго г. Ленина, который, если не измѣняетъ намъ память, первый пустилъ въ ходъ „мелкобуржуазную опасность“ въ борьбѣ съ народниками и во всякомъ случаѣ усерднѣе всѣхъ другихъ пользовался этимъ полемическимъ пріемомъ. Теперь ему на себѣ приходится испытать его прелесть. Мы же прямо не можемъ безъ улыбки читать статью г. Ана, совершенно загипнотизированнаго, повидимому, жупеломъ „мелко-буржуазной опасности“. Съ великой натугой и необыкновеннымъ великолѣпіемъ онъ изрекаетъ, напримѣръ, такія истины: „только крупная и средняя буржуазія заинтересована въ развитіи производительныхъ силъ, развитіи своего благосостоянія,“ и тутъ же, съ неменьшимъ глубокомысліемъ, отрицаетъ эти истины: „ростъ производительныхъ силъ не является требованіемъ буржуазіи“ (75). Порой онъ прямо зарапортовывается и совершенно не замѣчаетъ этого. „Выходитъ,—пишетъ, напримѣръ, онъ, полемизируя съ „послѣдовательными марксистами“,—что наилучшая почва марксистскаго соціализма—это полунатуральное хозяйство, культурная отсталость, старый режимъ, слабый капитализмъ, господство деревенщины—словомъ, все то, чѣмъ славится наше

большое отечество. Въ такомъ случаѣ,—о чемъ спорили съ народниками? Вѣдь это давно сказано ими, а нами давно опровергнуто" (72). Конечно, никакіе народники никогда не говорили, что Россія—„наилучшая почва для марксистскаго соціализма", и никакіе марксисты никогда этого не опровергали. Но иначе, пожалуй, и нельзя было „послѣдовательныхъ марксистовъ" объединить съ народниками, даже трудно было бы приплесть послѣднихъ. А безъ нихъ какая же можетъ быть „мелкобуржуазная опасность"?

Надо однако сказать, что возлагать на участниковъ сборника коллективную отвѣтственность за все написанное въ немъ мы не въ правѣ. Сходясь на почвѣ „самозащиты страны", они не устранили „различій въ оцѣнкахъ отдѣльныхъ сторонъ современной общественности, которыя, несомнѣнно, имѣются у авторовъ и за которыя—какъ они предупреждаютъ въ предисловіи — каждый несетъ отвѣтственность индивидуально". Попытка устранить эти различія, вѣроятно, потребовала бы болѣе широкаго пересмотра изжитыхъ формулъ, но и дала бы, можетъ быть, болѣе компактную, а главное, менѣе стѣсненную въ своемъ кругозорѣ, группу. Въ статьяхъ отдѣльныхъ авторовъ (гг. Вольскаго, Маевскаго и др.) давленіе обычныхъ марксистскихъ шаблоновъ почти уже не чувствуется, но за то у другихъ они выпираютъ съ необычайною и особенно непріятною при данныхъ условіяхъ отчетливостью.

Въ литературномъ отношеніи сборникъ, какъ и всѣ такія изданія, представляется, конечно, довольно пестрымъ. Отмѣтимъ, съ одной стороны, наиболѣе напряженную по мысли и чувству (хотя и малопродуктивную въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, какъ мы уже сказали) статью г. Потресова, а съ другой—сверхъ всякаго ожиданія слабую статью г. Маслова. Послѣдній продолжаетъ отстаивать позицію, которую онъ занялъ въ началѣ войны, доказывая наличность „дѣйствительной опасности экономическаго засилія со стороны Германіи при побѣдѣ послѣдней", каковую опасность онъ видитъ прежде всего и чуть ли не исключительно въ пониженіи нашихъ таможенныхъ пошлинъ. Въ качествѣ матеріала онъ пользуется при этомъ крайне сомнительными и совершенно не характерными данными о томъ, какъ нѣмцы хозяйничаютъ теперь въ Польшѣ. Намъ казалось бы, что пора бы этому экономисту сосредоточить свое вниманіе не на призрачной и во всякомъ случаѣ далеко не опредѣлившейся еще, а на дѣйствительныхъ и достаточно уже ясно намѣтившихся экономическихъ опасностяхъ, какими грозитъ намъ нынѣшняя война.

Григорій Ландау. Польско-еврейскія отношенія. (Статьи и замѣтки). Петроградъ. 1915. Стр. 119. Ц. 60 к.

Вопросъ польско-еврейскихъ отношеній въ русской Польшѣ, начавшій одно время привлекать къ себѣ большое вниманіе русскаго общества, сейчасъ отошелъ въ его сознаніи на задній планъ.

Оно и понятно. Царство Польское занято нѣмецкими войсками, и въ связи съ этимъ не только доходящія до насъ свѣдѣнія объ его внутренней жизни въ настоящій моментъ стали очень скудны и недостовѣрны, но и вопросы будущаго устройства польскихъ земель получили сейчасъ крайне неопредѣленный и смутный характеръ. Рано или поздно однако эти вопросы вновь встанутъ передъ русскимъ обществомъ, вновь привлекутъ къ себѣ его вниманіе. Въ ожиданіи этого будущаго во всякомъ случаѣ не приходится совсѣмъ забывать и о недавнемъ прошломъ, съ которымъ оно въ той или иной степени неизбѣжно будетъ связано. Значеніе книги г. Ландау и ея право на вниманіе читателя и заключаются въ томъ, что она воскрешаетъ это недавнее прошлое въ одной опредѣленной области, области польско-еврейскихъ отношеній. Г. Ландау собралъ въ этой книгѣ статьи и замѣтки, напечатанныя имъ въ 1907—1915 гг. въ различныхъ органахъ русской и русско-еврейской печати и посвященныя отдѣльнымъ эпизодамъ и отдѣльнымъ моментамъ разыгравшейся въ названные годы польско-еврейской распри. Читатель не найдетъ, правда, въ книгѣ г. Ландау полнаго и систематическаго изложенія этой распри, но и того, что онъ узнаетъ отъ автора объ отдѣльныхъ ея моментахъ, будетъ для него достаточно, чтобы составить себѣ ясное понятіе объ ея существѣ. Въ статьяхъ и замѣткахъ, вошедшихъ въ книгу г. Ландау, читатель встрѣтитъ и оцѣнку той политики, какую вело по отношенію къ евреямъ польское коло въ третьей и четвертой Государственной Думѣ, и анализъ принципіальныхъ позицій, занятыхъ въ еврейскомъ вопросѣ въ послѣдніе годы передъ нынѣшней войной польскими націоналистами, и разборъ того отношенія къ евреямъ, какое проявлено было организовавшимися въ Царствѣ Польскомъ въ первый періодъ этой войны обывательскими комитетами. Говоря обо всемъ этомъ, авторъ не сгущаетъ умышленно красокъ, не преувеличиваетъ фактовъ, которые ему приходится отмѣчать, но и не смягчаетъ ихъ рѣзкихъ очертаній. При этомъ онъ пытается не только установить и оцѣнить самые факты, но и намѣтить тотъ путь, какой они указываютъ для ближайшаго будущаго. Походъ на евреевъ, открытый польскими націоналистами въ союзѣ съ нашими домашними реакціонерами, открываетъ передъ глазами автора „перспективу картели насильническихъ націонализмовъ съ русской реакціей“ (77). Этой перспективѣ онъ можетъ противопоставить только одну, прямо противоположную ей: „съ картелью угнетающихъ націонализмовъ можетъ бороться только кооперація свободныхъ народовъ, содружно защищающихъ общія основы права и культуры, на которыхъ свободное развитіе одного не препятствуетъ свободно жить и другимъ“ (78). Въ представленіи автора такая кооперація въ конечномъ итогѣ должна вылиться въ опредѣленную форму государственнаго устройства.

„Для обезпеченія мирнаго сосуществованія народовъ—говоритъ онъ—недостаточно одной автономіи отъ цѣлаго, нужны и центростремительная сила зависимости отъ цѣлаго, единство множества націй въ цѣломъ единаго государства. Общія дѣла націй, основы ихъ совмѣстной жизни, разрѣшеніе существенныхъ конфликтовъ рамки ихъ общаго бытія—всегда и при всѣхъ условіяхъ должны устанавливаться и контролироваться великимъ государственнымъ цѣлымъ. Въ немъ всѣ или большинство націй меньшинства, одинаково заинтересованныя въ общихъ для нихъ всѣхъ основахъ своего существованія въ государствѣ, будутъ, отстаивая при выработкѣ и защитѣ этихъ общихъ основъ свои интересы и права, тѣмъ самымъ автоматически поддерживать права и интересы другъ друга“ (40). Коопераціи свободныхъ народовъ нѣтъ сейчасъ въ нашей жизни. Но это не мѣшаетъ автору настаивать на томъ, что и сейчасъ національные конфликты должны обсуждаться не только непосредственно заинтересованными въ нихъ сторонами. „Если свѣтъ гласнаго обсужденія,—говоритъ онъ—если вмѣшательство общественнаго мнѣнія и не можетъ разрѣшить зловѣщихъ вопросовъ грозной національной борьбы, то оно все же способно внести оздоровляющую и сдерживающую оглядку. И ужь во всякомъ случаѣ оно способно дать нѣкоторую моральную поддержку той сторонѣ, чьи справедливые интересы нарушаются, сторонѣ, которой приходится обороняться отъ насильническаго натиска агрессивнаго національнаго“ (119). Цѣлямъ такой моральной поддержки предназначена служить вся книга г. Ландау. И, думается намъ, ни одинъ изъ тѣхъ читателей, которые заинтересуются этой небольшой, но содержательной книгой, даже въ томъ случаѣ, если онъ не согласится съ конечными выводами автора, не пожалѣетъ о времени, потраченномъ на ознакомленіе съ тѣми разсужденіями, путемъ которыхъ авторъ приходитъ къ этимъ выводамъ, и съ тѣми аргументами, которыми онъ обосновываетъ и подкрѣпляетъ ихъ.

Сборникъ великорускихъ частушекъ. Подъ ред. *Е. Н. Елеонской*. Изд. комиссіи по народной словесности при этнографическомъ отдѣлѣ И. О. Л. Е. А. и Э. Москва. Стр. XXVII + 539.

По матеріалу, охваченному новымъ сборникомъ частушекъ, онъ также частиченъ, какъ и предшествовавшіе ему сборники Симакова, Князева и др. Полнымъ собраніе частушекъ можетъ быть въ наши дни въ столь же малой степени, какъ, напримѣръ, собраніе всѣхъ остротъ, сказанныхъ и сочиняемыхъ на пространствѣ земли русской. Частушки творятся легко и обильно, и всякое собраніе ихъ представляетъ лишь малую долю этого громаднаго потока коротенькихъ риѳмованныхъ пѣсенекъ, то лирическихъ, то плясовыхъ, то юмористическихъ, то задушевныхъ. Сборникъ, изданный московскимъ Обществомъ любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, даетъ болѣе шести тысячъ частушекъ,

исчерпывающій обзоръ литературы, посвященной имъ, и интересное предисловіе редактора, вводящее въ кругъ научныхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ этимъ сравнительно новымъ видомъ народнаго пѣснетворчества. Здѣсь разсмотрѣны многообразныя наименованія частушекъ и смыслъ этихъ наименованій, способы исполненія частушекъ, ихъ размѣры, риѳмы и примѣры, ихъ составъ, роль образа въ ихъ созданіи, близость ихъ къ мѣстной и частной жизни, время ихъ происхожденія и т. д. Это возбужденіе научныхъ вопросовъ по отношенію къ частушкамъ можно только привѣтствовать. Напомнимъ, что Костомаровъ призывалъ къ нему почти полъ вѣка тому назадъ. Слишкомъ долго частушка привлекала вниманіе другими своими сторонами; она является цѣннымъ бытовымъ матеріаломъ для сужденія о различныхъ сторонахъ народной жизни и народнаго міровоззрѣнія, и въ этомъ смыслѣ ею пользовались не разъ. Эстетическая ея цѣнность возбуждала и, вѣроятно, долго еще будетъ возбуждать споры: такъ много въ ней грубаго, безвкуснаго, мѣщанскаго и въ то же время такъ много нѣжнаго, задушевнаго, художественнаго. Она даетъ основу для діаметрально противоположныхъ оцѣнокъ, и споры объ ея художественномъ значеніи столь же безконечны, сколь безплодны. Быть можетъ, пора отойти отъ этого—вполнѣ естественнаго на первыхъ порахъ—стремленія пріобщить частушку, во что бы то ни стало, къ циклу нашихъ художественныхъ цѣнностей, пора оставить интеллигентскіе эстетическіе критеріи въ ея оцѣнкѣ и попытаться прежде всего изучить ее, какъ изучаемъ мы народный языкъ, не выдвигая въ этомъ дѣлѣ на первый планъ нашу эстетику. О бытовомъ захватѣ, о литературномъ, такъ сказать, равноправіи, о словесной значительности частушки нѣтъ спора: надо вдвинуть ее въ кругъ изученій, найти для нея мѣсто въ системѣ, создать для нея соотвѣтственные критеріи. Это не такъ просто, какъ кажется: на нашъ взглядъ, большинство споровъ о частушкѣ, невниманіе къ ней, неумѣніе оцѣнить ее зависятъ отъ того, что къ ней подходили съ шаблономъ старой теоріи словесности. Между тѣмъ частушка въ ея нынѣшнемъ видѣ есть явленіе, вполнѣ новое и традиціонной поэтикой, такъ сказать, не предвидѣнное. Возможенъ даже вопросъ, что есть, собственно, частушка,—поэзія или проза, и этотъ вопросъ въ отдѣльныхъ случаяхъ будетъ рѣшаться различно, и это различеніе будетъ не схоластическимъ излишествомъ, а средствомъ понять роль частушки въ творческой жизни народа, въ его душевной экономикѣ. Съ этой точки зрѣнія надо привѣтствовать зачатки научнаго изслѣдованія частушки, имѣющіеся въ почтенной работѣ г-жи Елеонской.

Ф. Клейнъ. Парижскіе дѣтскіе сады. Пер. съ франц. С. Кауфманъ, подъ редакціей и съ предисловіемъ С. Русовой. Изд. Кіевскаго фребелевскаго общества. 1916. Цѣна 1 р. 30 к. Стр. 150+XLVII.

Автору этой книги, аббату Клейну, постоянному сотруднику журнала L'éducation, поручено было воспитаніе его пятилѣтняго крестника. Для лучшаго выполненія этой задачи онъ предпринялъ вмѣстѣ со своимъ крестникомъ экскурсію по ряду учрежденій дошкольнаго воспитанія и о впечатлѣніяхъ отъ этой экскурсіи разсказываетъ намъ въ своей книгѣ. Разсказываетъ живо, легко, съ типичнымъ оттѣнкомъ французской causerie, съ мягкимъ юморомъ, пересыпая свой разсказъ множествомъ здравыхъ мыслей, остроумныхъ афоризмовъ и удачно подобранныхъ цитатъ изъ св. Августина, Монтеня, Фенелона, Спенсера, Руссо, Ферстера, Элленъ Кей и др. Лучше всего удались автору описанія отрицательныхъ явленій, по отношенію къ которымъ могъ развернуться его живой галльскій юморъ. Описаніе французскихъ „материнскихъ школъ" заставляетъ читателя вспомнить о томъ, какъ медленно просачиваются идеи въ жизнь и какъ далеки отъ своего осуществленія даже самые элементарные принципы воспитанія, казалось бы, не требующіе уже никакихъ доказательствъ. Во Франціи, гдѣ за осуществленіе идеи дошкольнаго воспитанія взялось само государство и гдѣ такъ называемыя материнскія школы для дѣтей дошкольнаго возраста устроены при большинствѣ народныхъ школъ, самая постановка дошкольнаго воспитанія до крайности отстала. Авторъ вводитъ насъ въ одну изъ лучшихъ такихъ школъ, гдѣ нѣтъ ни игръ, ни шалостей, ни веселья, гдѣ дѣти, какъ манекены, пригвождены къ партѣ, гдѣ съ перваго же дня приступаютъ къ обученію грамотѣ, къ правильнымъ урокамъ и держатъ дѣтей на азбукѣ цѣлые годы и гдѣ даже такъ называемые предметные уроки сводятся къ демонстраціи флакона воды, который учительница вытаскиваетъ изъ кармана, чтобы строить по поводу него остроумные силлогизмы о томъ, что „вода прозрачна, а карандашъ твердъ". „Въ какія-нибудь 10 минутъ (еслибы не повтореніе всѣмъ классомъ словъ учительницы, то мы кончили бы еще раньше) намъ разсказали, что вода употребляется для умыванія, для стирки бѣлья, для приготовленія супа, кофе, чая и всѣхъ кушаній, что водой поливаютъ цвѣты и она носитъ суда и приводитъ въ движеніе колесо мельницы. Въ состояніи льда вода необходима для сохраненія мяса и рыбы; въ состояніи пара приводитъ въ движеніе машины. Я чуть было не сказалъ: въ формѣ наводненія вода служитъ для затопленія міра. Кромѣ того, намъ объяснили, откуда берется вода, упомянули о морѣ, источникахъ, горахъ, облакахъ и т. п. Мы не теряли времени.—Когда перестали вертѣть передъ нами этотъ калейдоскопъ безъ красокъ, этотъ кинематографъ безъ лицъ и движеній, мнѣ любезно предложили урокъ морали".

По сравненію съ этими отсталыми материнскими школами, созданные путемъ частной и общественной инціативы дѣтскіе сады въ Парижѣ и его окрестностяхъ, дѣйствительно, предста-

вляютъ собою огромный шагъ впередъ. Многое изъ того, что описываетъ авторъ, поучительно и любопытно. Любопытно описаніе кукольной комнаты въ одномъ изъ парижскихъ дѣтскихъ садовъ, гдѣ „живетъ кукла порядочной величины, живетъ какъ бы настоящей человѣческой жизнью. Каждый вечеръ ее раздѣваютъ и укладываютъ спать; каждое утро убираютъ ея постель и не въ шутку, а основательно; сначала переворачиваютъ тюфякъ, взбиваютъ подушки и потомъ только кладутъ простыни и одѣяло. Куклуумываютъ, причесываютъ, одѣваютъ по всѣмъ правиламъ. Потомъ убираютъ ея рукомойники, наливаютъ воды въ кувшинъ, заботливо и осторожно обметаютъ пыль съ ея игрушечной мебели. Разъ въ недѣлю приступаютъ къ стиркѣ ея бѣлья". Любопытенъ разсказъ о „настоящемъ" дѣтскомъ садѣ въ сельской мѣстности на одной изъ ближайшихъ отъ Парижа станцій Витей, которому посвящена большая часть этой книги; поучительны описанія дѣтскихъ работъ, особенно работъ по составленію календарей, прогулокъ, оркестровъ; любопытны образцы нѣкоторыхъ бесѣдъ, которыя ведетъ руководительница съ дѣтьми, сценки изъ дѣтской жизни и, главное, описаніе царящей въ этомъ дѣтскомъ саду атмосферы нѣжнаго, внимательнаго ухода, материнской заботливости и дружескаго сотрудничества между руководительницей и дѣтьми.

Однако, по мѣрѣ того, какъ авторъ отъ описаній переходитъ къ общимъ выводамъ и педагогическимъ постулатамъ, его начинаетъ покидать критическое чутье и вмѣсто живого остроумнаго собесѣдника передъ нами выступаетъ довольно безпомощный дилетантъ. Уже при описаніи лучшихъ изъ осмотрѣнныхъ имъ дѣтскихъ садовъ начинается эта потеря критическаго чутья: авторъ не замѣчаетъ ни тенденціозности нравственно-поучительныхъ бесѣдъ, ни нѣкоторой искусственности игръ, ни чрезмѣрнаго злоупотребленія эвристическимъ методомъ, при помощи котораго изъ ребенка назойливо выкачивается желательный отвѣтъ, ни цѣлаго ряда другихъ недостатковъ, которые бросаются въ глаза даже въ лучшемъ изъ описываемыхъ имъ садовъ. Что касается общихъ выводовъ автора, то онъ удовлетворяется тѣмъ, что „открываетъ" намъ Фребеля и, какъ послѣднее слово педагогики, преподноситъ намъ его занятія и игры. Можетъ быть, возвращеніе къ Фребелю могло бы, дѣйствительно, оживить и углубить наше современное дошкольное воспитаніе; но возвращеніе это возможно лишь на основѣ признанія ошибокъ существующей фребелевской практики, на основѣ достиженій современнаго знанія, на основѣ критическаго изученія и углубленія основныхъ фребелевскихъ принциповъ, а не при посредствѣ простого повторенія всего того, что когда-либо предлагалъ Фребель.

Впрочемъ, редакторъ русскаго перевода самъ предпосылаетъ книгѣ Клейна рядъ критическихъ замѣчаній и дополняетъ ее свѣдѣ-

ніями изъ теоріи и практики современнаго дошкольнаго воспитанія во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. Эти свѣдѣнія позволяютъ намъ съ достаточною полнотою представить себѣ картину развитія дошкольнаго воспитанія отъ учобы материнскихъ школъ черезъ искусственныя занятія и игры традиціоннаго дѣтскаго сада къ такому полному жизненному и всестороннему проявленію личности и самодѣятельности ребенка, какое замѣчается въ американскихъ дѣтскихъ садахъ, гдѣ дѣти „сами строятъ себѣ хижины, придумываютъ и изготовляютъ себѣ пищу, утварь и т. д." Къ сожалѣнію, всѣ эти свѣдѣнія изложены нѣсколько суховато и грани между различными системами дошкольнаго воспитанія очерчены недостаточно ярко.

А. А. Поповъ. Популярныя таблицы по исторіи философіи, составленныя по В. Виндельбанду, кн. С. Н. Трубецкому и другимъ источникамъ. Часть первая. Древняя и средневѣковая философіи (таблицы I и II), ц. 75 к. Часть вторая. Новая философія (таблица III и IV). Петроградъ. 1916. Цѣна каждой части 75 к.

Гербертъ Спенсеръ въ своемъ предисловіи къ книгѣ Коллинса (книгѣ, являющейся сокращеннымъ изложеніемъ всѣхъ десяти томовъ философіи Спенсера) говоритъ, что путешественнику, отправляющемуся въ обширную и неизвѣстную ему страну, бываетъ полезна краткая справочная книга, не загроможденная подробностями, но дающая краткій общій обзоръ страны.

Съ этой точки зрѣнія, пожалуй, можетъ имѣть нѣкоторое значеніе и трудъ г. Попова. Вся исторія философіи изложена имъ въ четырехъ синоптическихъ таблицахъ. Г. Поповъ является здѣсь простымъ компиляторомъ, руководившимся нѣсколькими популярными книгами.

Подобное предпріятіе, конечно, можетъ имѣть лишь самое скромное значеніе пособія начинающимъ для мимолетныхъ справокъ.

Грубыхъ ошибокъ мы въ этихъ таблицахъ не нашли, а мелкія неточности, пожалуй, неибѣжно вытекаютъ изъ подобнаго крайне бѣглаго и схематическаго изложенія.

Сдѣлаемъ лишь нѣсколько замѣчаній. О Гераклитѣ г. Поповъ говоритъ, что его ученіе „представляло вѣрную картину міра". Точнѣе было бы сказать, что Гераклитъ первый подмѣтилъ *одну* изъ характерныхъ чертъ картины міра: вѣчную ея измѣнчивость. Гиппократа, все значеніе котораго заключается въ его геніальныхъ медицинскихъ изслѣдованіяхъ, не слѣдовало бы просто зачислять въ ряды учениковъ Пиѳагора, на ряду, напримѣръ, съ Филолаемъ. Слѣдовало бы какъ-нибудь нагляднѣе указать сравнительно бо́льшую близость скептицизма академическаго и скептипизма Пирроновскаго, тогда какъ въ таблицѣ Попова „Перипатетики", „Стоики", „Академія", „Эпикурейцы" и „Пирронисты" помѣщены, какъ пять

вполнѣ равноправныхъ самостоятельныхъ видовъ одного и того же рода: „борьба школъ послѣ Аристотеля“.

Въ Новой философіи Юмъ помѣщенъ вслѣдъ за Беркли подъ рубрикой „спиритуализмъ“ и совершенно отдѣленъ отъ рубрики „Ассоціаціонная психологія“. О Лейбницѣ сказано, будто онъ „родоначальникъ новой философіи“ и такимъ образомъ изъ этой „Новой философіи“ выкинуты и Беконъ, и Декартъ, и Спиноза, а, пожалуй, и Локкъ. Гете, чисто философское значеніе котораго не велико, поставленъ такъ, какъ будто бы онъ былъ ученикомъ Канта (тогда какъ онъ тяготѣлъ къ Спинозѣ) и какъ будто бы изъ него вытекаютъ и Фихте, и Шеллингъ. Подъ рубрикой „волюнтаризмъ“ помѣщенъ одинъ Шопенгауэръ и не отмѣчено, что ученіе его о волѣ коренится въ ученіи Фихте. Подъ рубрикой „Природа и Исторія“ помѣщенъ винегретъ изъ Бональда, Карлейля, Канта, Дарвина, Маркса, Авенаріуса, Спенсера, Геккеля, Риккерта и др.

Мы не будемъ болѣе перечислять недочеты таблицъ г-на Попова, укажемъ еще лишь на одинъ, уже не научно-литературный, недостатокъ работы г. Попова: на чрезмѣрную дороговизну его таблицъ. Въ каждой „части“ помѣщено всего два листа таблицъ, и за каждыя эти два листа назначено 75 коп. Это слишкомъ дорого даже при современной цѣнѣ бумаги...

Б. А. Рославлевъ. Земскій народный театръ и передвижная условная сцена. Стр. 16. Цѣна 20 коп.. **Его же. Каталогъ драматическихъ пьесъ и списокъ театральнаго инвентаря для училищной народной сцены.** Стр. 33. Ц. 25 коп. Изданія Оханской земской управы. Оханскъ. 1915.

„Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нужна длинная борода—сѣдая, русская или характерная, барская,—*земство предлагаетъ на прокатъ такія бороды*“. На первый взглядъ забавно: гдѣ-то въ Пермской губерніи уѣздное земство занимается тѣмъ, что даетъ на прокатъ барскія бороды. Но это только поверхностное и мимолетное впечатлѣніе: на самомъ дѣлѣ Оханское земство дѣлаетъ подлинно культурную работу, достойную его общихъ задачъ. Какъ извѣстно, на съѣздѣ дѣятелей народнаго театра, недавно состоявшемся въ Москвѣ, опредѣлилось два направленія: одно видитъ будущность народнаго театра въ самодѣятельности деревенскихъ и фабричныхъ любителей изъ народа; нѣсколько механически примѣняя къ данному случаю общій демократическій принципъ: „все для народа и все черезъ народъ“, это направленіе надѣется на то, что народный театръ можетъ быть созданъ въ народѣ своими силами, безъ всеопредѣляющей интеллигентской указки, не говоря ужъ о передачѣ дѣла въ руки профессіональныхъ актеровъ. Возраженія противъ этого односторонняго направленія ясны — и не даромъ его противники имѣютъ возможность опереться на авторитетъ Ромэна Ролана, который въ своей книгѣ о народномъ

театрѣ (русск. пер. 1910 г.) такъ умѣло отстаиваетъ — правда, въ французскихъ условіяхъ — актерскій театръ. Практика выработаетъ, конечно, пути для примиренія крайностей обоихъ теченій, и однимъ изъ такихъ путей представляется тотъ, на который вступило Оханское земство. Оцѣнивъ какъ должно высокое просвѣтительное значеніе театра въ деревнѣ, оно рѣшило помочь деревенскимъ дѣятелямъ въ созданіи своего театра: оно даетъ имъ для этого не только литературный и декораціонный матеріалъ, но и серьезнаго учителя театральнаго дѣла—и этому учителю, „земскому инструктору народныхъ театровъ" принадлежатъ названныя нами брошюры. Г. Рославлевъ знаетъ цѣну театральному „любительству", знаетъ, что „большинство типично-любительскихъ обществъ и кружковъ—настоящая деморализація, разсадникъ бездарности и апломба, арена легкомыслія и флирта". Но онъ считаетъ возможнымъ поднять и духъ любительскаго исполненія, и его техническую цѣнность. Книжки его исключительно практическія и техническія. Считаясь съ бѣдностью декораціонныхъ и постановочныхъ средствъ деревни, онъ энергично отстаиваетъ условную постановку („въ сукнахъ", т. е. почти безъ декорацій), совершенно основательно полагая центръ тяжести въ достоинствахъ исполненія: „право, еслибы многіе дачные и любительскіе театры отказались разъ навсегда отъ своего декораціоннаго хлама и все вниманіе перенесли на добросовѣстное исполненіе, больше нашлось бы охотниковъ просто *слушать* пьесы чѣмъ *глядѣть и возмущаться*". Составитель дѣлаетъ рядъ полезныхъ практическихъ указаній, затрагивающихъ всѣ важнѣйшія стороны театральнаго дѣла въ деревнѣ—отъ грима до тона исполненія, отъ репертуара до способовъ получить разрѣшеніе на спектакль. Вездѣ упрощая средства, онъ предъявляетъ высокія требованія къ духу исполнителей; онъ отвергаетъ суфлера, онъ требуетъ исключительной серьезности при подготовительной работѣ (даже курить на репетиціяхъ запрещаетъ), настаиваетъ, конечно, на литературномъ репертуарѣ. Брошюры оханскаго земства,—конечно, ничтожное зернышко той обширной литературы по народному театру, которая явится въ ближайшемъ будущемъ при менѣе тяжелыхъ условіяхъ жизни. Надо только помнить, что даже умѣло руководимымъ любительствомъ все-таки нельзя ограничиться, что и большія достиженія сценическаго искусства съ его великой традиціей и отдѣльными талантами также, по возможности, должны стать доступными самымъ широкимъ слоямъ театральной публики.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала не продаются. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссій по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ.

Гр. Брейтманъ. Т. I. Разсказы. Ц. 1 р.

Дав. Хантъ, Шрапнель страстей. Стихотв. Одесса 1916. Ц. 30 к.

Вл-міръ Черкасовъ. Атмосфера и ея основной процессъ П. 916.

А. А. Поповъ. Популярныя таблицы по исторіи философіи, составленныя по В. Виндельбанду, кн. С. Н. Трубецкому и др. Части 1-я и 2-я П. 1916. Ц. 1 р. 50 к.

Гримасы войны. Каррикатуры, плакаты, лубки. Альбомъ „Аргуса". 1914—1915 г. П. 1916. Ц. 1 р. 25 к.

Вадимъ Шершеневичъ. Зеленая улица. Статьи и замѣтки объ искусствѣ. М. 1916. Ц. 1 р. 25 к.—Его-же. Автомобилья поступь. Лирика (1913—1915). Ц. 1 р. 25 к.—Егоже. Быстрь. Монологическая драма. Ц. 1 р.

М. В. Шретеръ. Пѣсни чижика. Книга вторая. П. 1915. Ц. 90 к.

Изд. „Лукоморье" П. 1916 г.—Б. Верхоустинскій Утренняя звѣзда. Ц. 1 р. 50 к.—Алексѣй Ремизовъ. Укрѣпа. Ц. 1 р. 75 к.—Юр. Юркунъ. Разсказы. Ц. 1 р. 50 к.—Борисъ Лазаревскій. Новыя дѣвушки. Ц. 1 р. 50 к.—

Изд. „Огни". П. 1916.—О. Генри. Сердце запада. Разсказы. Ц. 1 р. 50 к. Сказки. Утѣхи досужія. Вступит. статья Е. А. Ляцкаго. Ц. 2 р.

Ежегодникъ мин. финансовъ. Выпускъ 1915 г. П. 1916 г.

Изд. „Сѣверные дни". М. 916.—Дж. Локкъ. Узурпаторъ. Романъ Пер. З. Журавской. Ц. 1 р. 50 к.—Его-же Случайность. Романъ. Пер. З. Журавской. Ц. 1 р. 50 к.

А. Е. Ферсманъ. Русскія мѣсторожденія сукновальныхъ глинъ. П. 1916. Ц. 20 коп.

Т. Лубенецъ. Картины для сочиненій и бесѣдъ въ школѣ и дома. Восемь выпусковъ, по 10 картинъ въ каждомъ. Кіевъ 1916. Ц. 1 руб.

Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1915.—Джемсъ Г. Брэстедъ. Исторія Египта съ древнѣйшихъ временъ до персидскаго завоеванія. 2 тома. Пер. съ англ. В. Викентьева Ц. 8 р.—Ѳукидидъ. Исторія, 2 тома. Переводъ Ѳ. Мищенка. Ц. 6 р. Г. Масперо. Египетъ. Перев. В. Григоровичъ Ц. 1 р. 25 к.—Русскіе Пропилеи. Т. 3. И. С. Тургеневъ. Матеріалы по исторіи русской мысли и литературы. Собралъ и приготовилъ къ печати М. Гершензонъ. Ц. 3 р. 50 к.—

С. Л. Франкъ. Предметъ знанія. Объ основахъ и предѣлахъ отвлеченнаго знанія. П. 1916. Ц. 3 р. 50 к.

Надежда Санжарь. Книга о человѣкѣ. Первая. М. 1916. Ц. 1 р.

Л. Дашкевичъ. Выдача въ деревнѣ продовольственнаго пайка семьямъ воиновъ. М. 1916. Ц.

Труды Костромского научного О-ва по изученію мѣстнаго края. Вв. III и IV. Кострома. 1915 г.

А. С. Качоровская. Гипотеза роста, развитія, размноженія, и продленія жизни. П. 1915. Ц. 40 к.

Эрнстъ Мейманъ, проф. Очеркъ экспериментальной педагогики. Пер. съ нѣмец. А. П. Болтунова. М. 916. Ц. 3 руб.

Георгій Адамовичъ. Облако. Стихи. П. 1916. Ц. 1 р.

Ал. Шиловъ. Знаменитый ученый на службѣ у алкогольнаго капитала. М. 1916. Ц. 15 к.

Бор. Черный. Вторая тетрадь разсказовъ. М. 1916 г. Ц. 25 к.

Ник. Архиповъ. Темныя воды. Романъ. М. 916. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. „Прибой". П. 1916.—Вивъ. Трудъ и здоровье рабочихъ. Ц. 35 к. Г. Цыперовичъ. Синдикаты и тресты. Ц. 15 к.

Мих. Могилянскій. Оповіданя П 1916 г. Ц. 50 к.

Кн-во М. В. Попова П. 1916.—Р.

Григорьевъ. Недавнее. Романъ. Т. I. Ц. 1 р. 25 к.—О. Мандельштамъ. Камень. Стихи. Ц. 1 р. 25.—Е. Замятинъ. Уѣздное. Повѣсти и разсказы. Ц. 1 р. 50 к.—

А. В. Круковскій. Пѣвецъ безмятежныхъ переживаній. Воронежъ 1915.

Изд. „Посредникъ". М. 1916.—Люси Фичъ Перкинсъ. Маленькіе японцы. Ц. 85 к.—А. Джонсонъ, Б. Ли и Э. Гибсонъ. Въ рождественскій сочельникъ и др. разсказы Ц. 55 к.—С. Златовратская. Катя Лисинцева. Повѣсть. Ц. 70 к. Марія Монтессори. Руководство къ моему методу Ц. 65 к.—А. С. Буткевичъ, врачъ. Человѣкъ и вино. Ц. 20 к.—Христо Лосевъ. Вблизи Ясной Поляны. (1907—1909 г.) Ц. 45 к.—С. А. Порѣцкій. Растеніе и свѣтъ. Ц. 50 к.—П. А. Буланже. На землю! Ц. 1 р. Сельскій и деревенскій календарь на 1916 г. Ц. 25 к.—

Холлъ Кэйнъ. Т. I. „Жена, которую Ты далъ мнѣ". Романъ. Изд. І. А. Маевскаго. М. 1915. Ц. 1 р. 75 к.

Гюлистанъ. Альманахъ. 1. М. 1916. Ц. 2 р. 10 к.

Влад. Каренинъ. Стрекозы. Разсказы и сказки. Изд. 2-е. П. 916 Ц. 1 р.

А. Витинъ. Тайга. Разсказы. Ц.—Его-же. Шведъ. Историческій этюдъ начала XVIII в. Харьковъ 1914.

Отчетъ Нижегородскаго Уѣздн. Всероссійск. Земск. Союза. Н. Новг. 1916.

Кн-во „Звѣзда". Н. Н. Орфенова. М. 1916.—Армянскій сборникъ. Ц. 1 р. 50 к.—Н. Д. Титовъ. О нѣмецкомъ Соловьѣ - Разбойникѣ и дружкѣ его Австріякѣ коварномъ. 2-е изд. Ц. 15 к.—Его-же. Свиданіе Ильи Муромца съ нѣмецкимъ Соловьемъ-Разбойникомъ. Сказка. Ц. 25 к.—А. де Мореве. Роль покупателя въ экономическихъ конфликтахъ. Пер. съ франц. Ц. 40 к.—Нашъ путь. Сборникъ, посвященный интересамъ еврейскаго студенчества. Ц. 40 к.

Кн-во „Жизнь и Знаніе". П. 1916.—Д. Айзманъ. Вѣрность. Ц. 1 р. 25 к.—В. В. Брусянинъ. Темный ликъ. Романъ. Ц. 2 р. — С. И. Гусевъ-Оренбургскій. Въ приходѣ. Ц. 1 р. 25 к. С. Караскевичъ. Кипарисный царь и др. разсказы. Ц. 1 р. 25 к. Семенъ Юшкевичъ. Человѣкъ воздуха. Комедія въ 4-хъ д. Ц. 1 р.

Георгій Стафѣевъ. Записки съ того свѣта. П. 1916. Ц. 25 к.

Академикъ А. А. Шахматовъ. Введеніе въ курсъ исторіи русскаго языка. Ч. 1-я. П. 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Студенчество жертвамъ войны. М. 1916. Ц. 1 р. 25 к.

Петроградская Городская Дума въ 1913 –1915 г.) Дѣятельность группы обновленія). Изданіе группы обновленія. П. 1916. Ц. 2 р. 50 к.

Влад. Королевъ. Лазурные прахи. Лирика (1909—1913) Ц. 60 к.—Его-же. Всѣмъ скорбящимъ. Вторая книга стиховъ. Ц. 55 к.

Кн-во писателей въ Москвѣ 1916 г.—Казимірѣ Тетмайеръ. Карпатскіе разсказы. Ц. 1 р. 25 к.—Стефанъ Жеромскій. Забвеніе. Разсказы. Ц. 1 р. 25 к.—Гр. Алексѣй Н. Толстой. Т. VIII. Земныя сокровища (двѣ жизни). Романъ-хроника Ц. 1 р. 25 к.—Н. Тимковскій. Кн. X. Передъ жизнью. Разсказы Ц. 1 р. 25 к.—Дорогія мѣста. П. ред. И. А. Бѣлоусова. Изд. 2-е Ц. 1 р. 10 к.—Ив. Шмелевъ. Догонимъ солнце Ц. 60 к.—А. Додэ. Джекъ и др. разсказы. Пер. и ред. А. П. Печковскаго. Ц. 40 к.—П. Масловъ. Война и демократія. Ц. 40 к.

В. П. Семенниковъ. Когда Радищевъ задумалъ „Путешествіе"? М. 1916. Ц. 1 р.

Аркадій Аверченко. О маленькихъ—для большихъ. 1916. П. Ц. 1 р. 50 к.

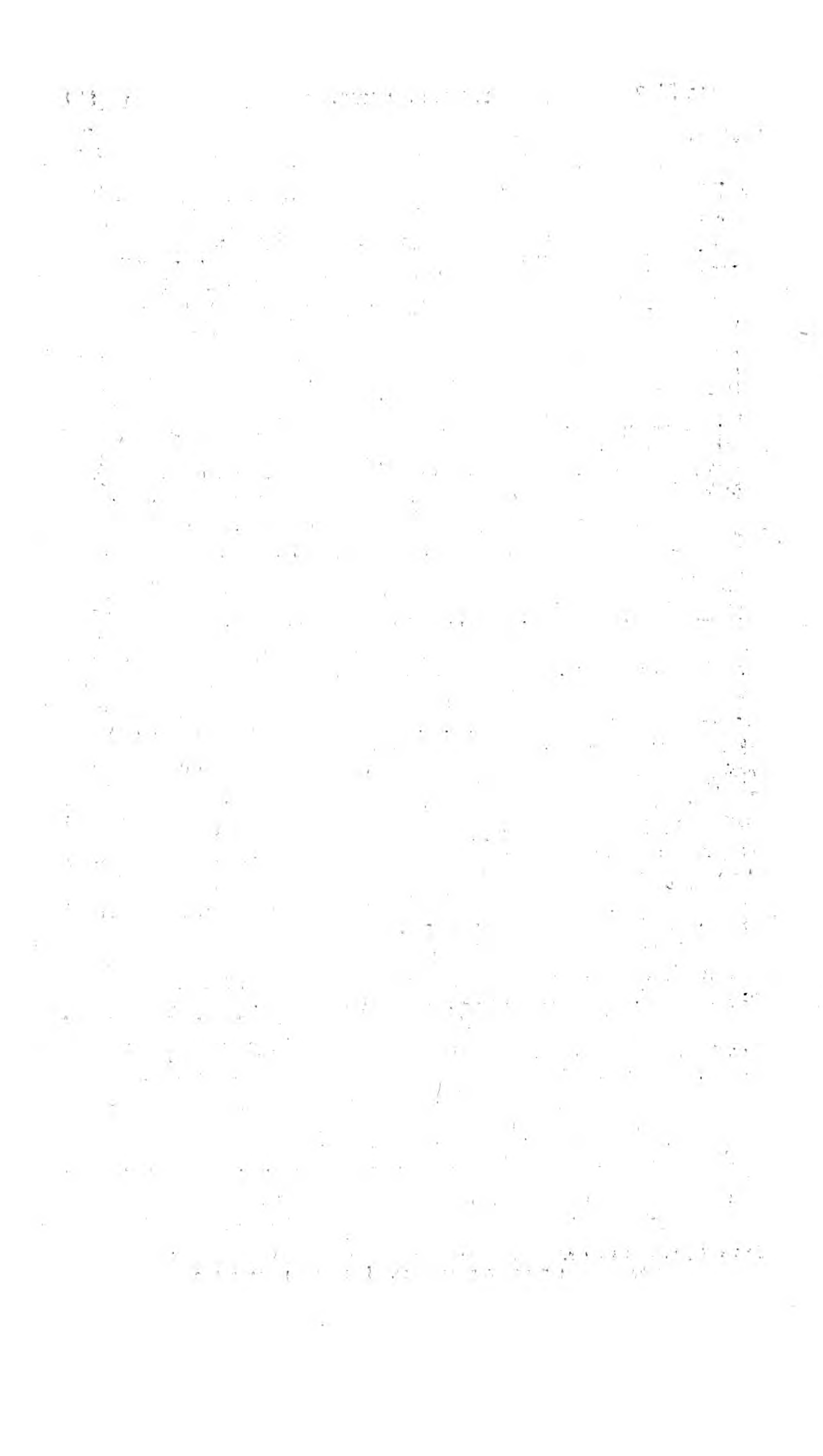
Семенъ Масловъ. Наше сельское хозяйство и война. М. 1916. Ц. 40 к.

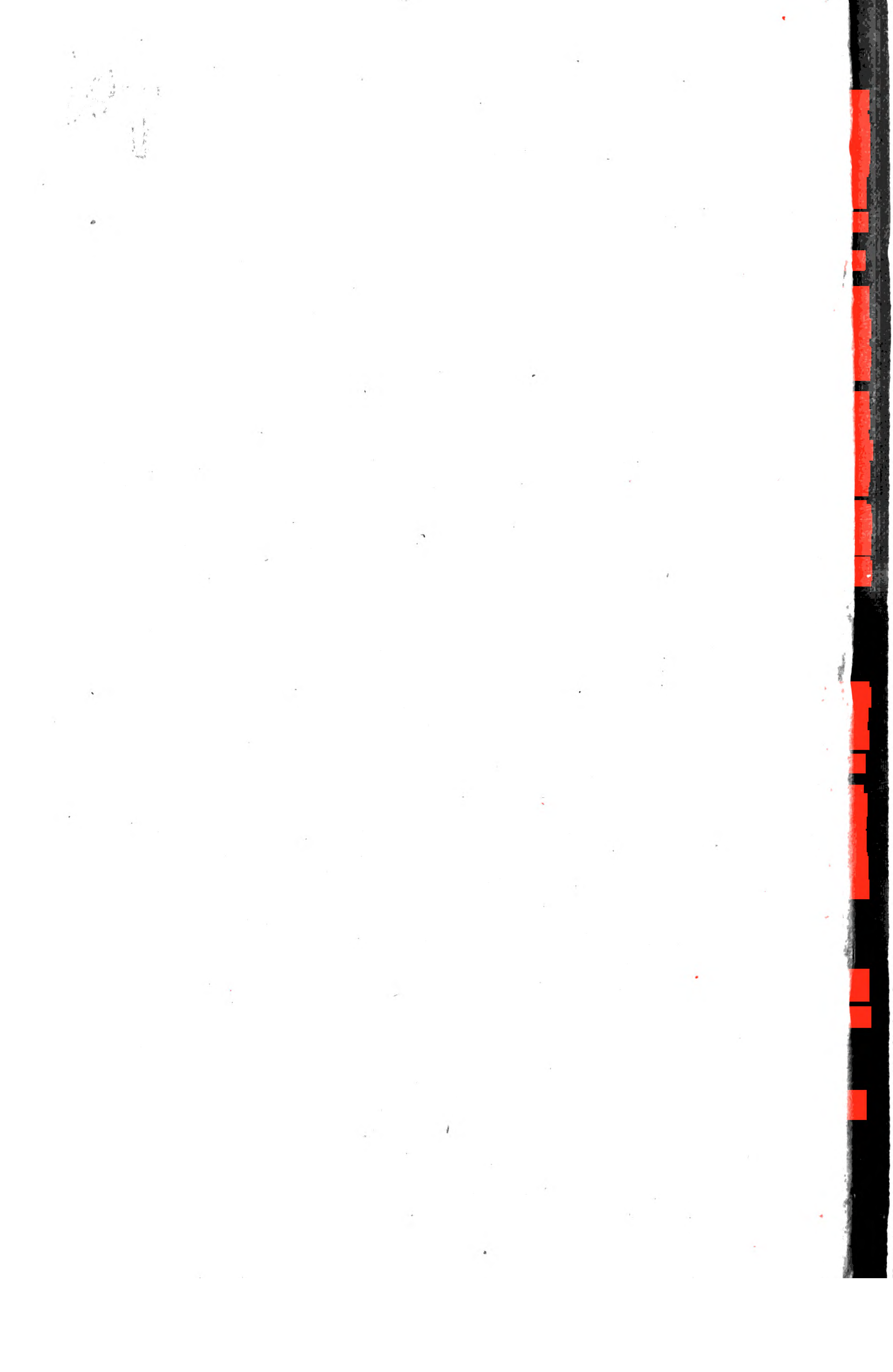
Очеркъ дѣятельности Петроградскаго Городскаго Комитета Всероссійскаго Союза городовъ. В. I. П. 1916.—То же. Финансовый отчетъ по 1-е іюля. 1915 г.

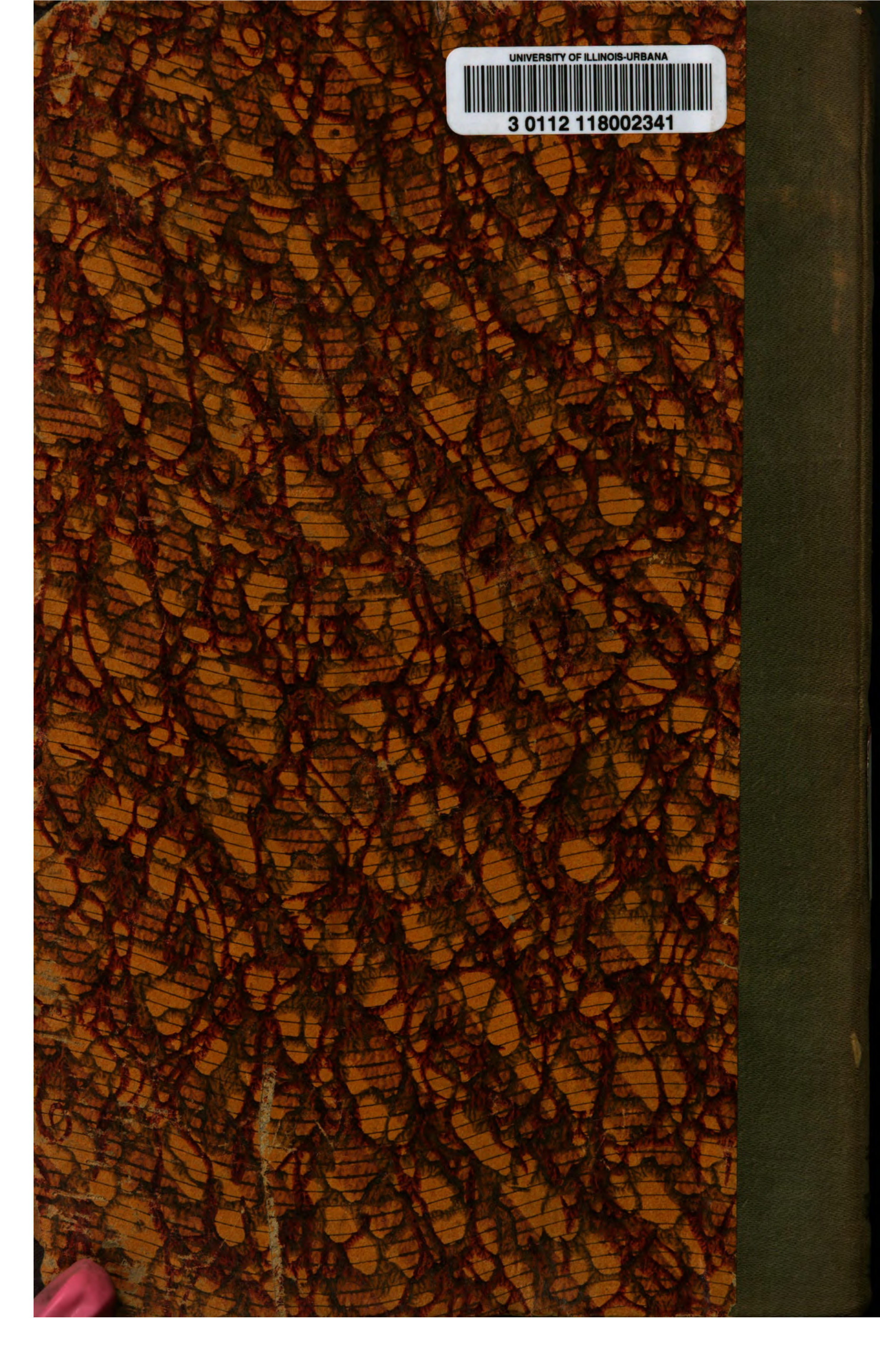
Алекс. Бенуа. Исторія живописи. В. 19. Изд. „Шиповникъ". П. 916.

Редакторъ В. Н. Цѣховская. Издатель Н. С. Русановъ.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 118002341